49
Russ.
57
46

Памятники русской старины.

4° Russ. 672- 6

MB 825,2

17334/4
9(47)
П-186

ПАМЯТНИКИ

РУССКОЙ СТАРИНЫ

ВЪ ЗАПАДНЫХЪ ГУБЕРНІЯХЪ ИМПЕРІИ

ИЗДАВАЕМЫЕ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

П. Н. Батюшковымъ

Пр. 39 г.
Библиотека Института Нар. Хоз-ва имени К. Маркса
Инв. 83581
Отд 573
№ 63

ВЫПУСКЪ ШЕСТОЙ

№ 53756
Библиотека Института Нар. Хоз-ва имени К. Маркса
Инв. 86023
Отд 573
№ 36

ТЕКСТЪ КЪ 18 РИСУНКАМЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ — 1874

Изданіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Типографія и хромолитографія А. Траншеля, Стремянная ул., д. № 12.

FgT/91/7338

Выходящій нынѣ въ свѣтъ шестой выпускъ «Памятниковъ Русской Старины въ Западныхъ Губерніяхъ Имперіи» заключаетъ въ себѣ, кромѣ текста, альбомъ съ 18-ью рисунками, изъ которыхъ девять исполнены въ Россіи, въ Петербургской хромолитографіи Траншеля, а остальные въ Германіи, у Берлинскихъ хромолитографовъ Винкельмана и Лойлота.

Шестымъ выпускомъ окончивается изданіе «Памятниковъ»; но издатель, которому Высочайшею волею ввѣрено веденіе этого дѣла, считаетъ своею нравственною обязанностью заявить, что, не взирая на всѣ его старанія, ему не удалось придать общей законченности труду: нѣкоторые отдѣлы, касающіеся древне-православной церковной утвари и археологіи, мѣстной старопечати, палеографіи, только-что начаты, и въ богатствѣ и обширности ихъ можно убѣдиться изъ приложеннаго къ тексту каталога; многія православныя историческія святыни другихъ Западно-Русскихъ, кромѣ Вильны, городовъ совсѣмъ не могли быть вмѣщены, за неимѣніемъ мѣста и въ ожиданіи очереди. Поэтому пришлось ограничиться тѣмъ, чтобы представить хотя главнѣйшіе моменты въ развитіи того или другого искусства—типографскаго, палеографическаго и пр., а также и церковной утвари, оставляя въ сторонѣ подробности, частности, нерѣдко крайне любопытныя. Но и это могло бы имѣть успѣхъ только при усиленіи средствъ, которыя увеличили бы размѣръ выпуска до 60 — 70 рисунковъ и до трехъ-четырехъ томовъ текста; средства же изданія остались тѣже, что и для первыхъ пяти выпусковъ. Отказаться отъ памятниковъ палеографіи и старопечатной Западно-Русской литературы, пройти мимо нихъ — было невозможно: вводя эти два отдѣла, издатель имѣлъ въ виду оказать услугу и Русской наукѣ, доселѣ неимѣющей послѣдовательно собранныхъ и изданныхъ матеріаловъ по палеографіи и Западно-Русской старопечати, тѣмъ болѣе, что эта послѣдняя рѣзко отличается отъ Великорусской, Московской, какъ своею исторіей, такъ и содержаніемъ. Въ то время, какъ въ Московской мы видимъ, въ большинствѣ случаевъ, почти одни только псалтыри, апостолы, молитвословы и т. п., въ Западно-Русской, рядомъ съ такими же изданіями, развивалась и крѣпла полемико-историческая литература, вызванная необходимостью и особо-сложившимися судьбами. Такое бо-

гатое и драгоцѣнное содержаніе, и притомъ только одного отдѣла «Памятниковъ Русской Старины», не могло быть опущено и, въ тоже время, не могло вмѣститься въ одинъ выпускъ, даже въ главнѣйшихъ своихъ моментахъ. Вотъ почему—выходящій нынѣ шестой выпускъ составляетъ естественное и законное продолженіе предшествующаго, хотя ему суждено быть «и послѣднимъ»......

Выше было замѣчено, что половина рисунковъ шестаго выпуска исполнена въ Германіи. Не слѣдуетъ забывать, что и *весь* альбомъ пятаго выпуска исполненъ тамъ же. Эта связь настоящаго изданія съ Германіей, вызванная относительною дешевизною и художественнымъ исполненіемъ двухъ извѣстныхъ берлинскихъ фирмъ, Винкельмана и Лойлота, завершилась рескриптомъ Его Величества Императора Германскаго *) на имя издателя и письмомъ къ издателю же имперскаго канцлера князя Бисмарка, слова котораго, обращенныя къ Польскимъ депутатамъ на германскомъ рейхстагѣ 1871 года ($\frac{\text{20 марта}}{\text{1 апрѣля}}$), послужили эпиграфомъ къ тексту пятаго выпуска «Памятниковъ Русской Старины въ Западныхъ Губерніяхъ Имперіи». Это послѣднее обстоятельство, а равно пребываніе князя Бисмарка въ апрѣлѣ 1873 года въ Петербургѣ, побудили издателя поднести его свѣтлости пятый выпускъ «Памятниковъ», вмѣстѣ съ препроводительнымъ письмомъ на Русскомъ языкѣ, въ которомъ объяснялись задачи изданія, предпринятаго по Высочайшему повелѣнію. Ниже приводятся оба эти письма **). Читатель, вѣроятно, замѣтитъ какъ въ рескриптѣ Его Величества Императора Германскаго, такъ и въ письмѣ князя Бисмарка, знакомаго съ Русскимъ языкомъ, что въ обоихъ этихъ документахъ одобряется ученое достоинство изданія, сопровождаемое наглядными художественными изображеніями. Такое же одобреніе и желаніе ви-

*) «Durch Vermittelung des General-Adjutanten Seiner Majestät des Kaisers von Russland Fürsten Souworoff und des Kaiserlichen Botschaftsraths von Arapoff sind Mir auf Ihre Veranlassung die einzelnen Lieferungen des, wie Mir zugleich mitgetheilt worden ist, von Ihnen herausgegebenen Werkes «Denkmäler Russischer Alterthümer» zugegangen. Das Werk hat mir vieles Interesse abgewonnen und gilt Mir als ein wohlgelungener Beweis von dem liebevollen Verständniss, mit welchem auch in Russland die architektonischen, kunstgewerblichen und künstlerichen Arbeiten der väterländischen Vergangenheit je länger desto mehr gewürdigt werden. Sehr befriedigt, durch Ihre Aufmerksamkeit in den Besitz derselben gelangt zu sein, lasse ich es Mir zum besonderen Vergnügen gereichen, Sie Meines verbindlichsten Dankes hierdurch zu versichern. Wildbad-Gastein, den 24 Iuli 1874. Wilhelm. An den Kaiserlich-Russischen Geheimen Rath Herrn von Batiuschkoff in Moskau».

**) «Varzin, le 26 Novembre 1873 (25,217). Monsieur! Vous avez eu l'obligeance de m'offrir durant mon dernier séjour à St.-Pétersbourg un exemplaire de Votre ouvrage sur les anciennes constructions orthodoxes dans les gouvernements occidentaux de la Russie. C'est un ouvrage dont la valeur scientifique est dignement relevée par le mérite des illustrations artistiques qui en font l'ornement. J'ai été vivement touché par cette marque d'attention qui sera pour moi un souvenir aussi intéressant que précieux de l'acceuil bienviellant que j'ai trouvé à St.-Pétersbourg et dont je me rappelerai toujours avec plaisir. Recevez mes remerciments sincères et permettez moi de Vous les témoigner en y joignant ma photographie et en Vous priant de bien vouloir me faire parvenir la Vôtre par l'obligeante entremise de l'ambassade Russe. Agréez, Monsieur, l'expression de mes sentiments les plus distingués. v. Bismarck. Monsieur, monsieur Batiuschkoff, Conseiller Privé, Membre du Ministère de l'Instruction Publique». Препроводительное письмо на русскомъ языкѣ отъ издателя къ князю Бисмарку было слѣдующее: «Москва, 14/26 апрѣля 1873. Ваша свѣтлость! Пріѣздъ вашей свѣтлости въ нашу сѣверную столицу, при свитѣ Его Величества Императора Германскаго,

дѣть этотъ трудъ «продолжающимся» выражается во многихъ письмахъ, полученныхъ издателемъ отъ нашихъ государственныхъ лицъ и ученыхъ, какъ Русскихъ, такъ и иностранныхъ.

Помимо ландшафтовъ и видовъ, представляющихъ Лидскій и Трокскій за̀мки, Маломожейковскую церковь, а также снимковъ съ драгоцѣнныхъ остатковъ древней церковной утвари, альбомъ нынѣ выходящаго шестаго выпуска представляетъ немалое число данныхъ, необходимыхъ для изученія Западно-Русской палеографіи, начиная съ XI вѣка и кончая XVII-мъ: отсюда видно, какъ развивалось и крѣпло Западно-Русское письмо, сперва уставное, затѣмъ полууставное и, наконецъ, скорописное, кромѣ того, письмо узорочное, заключающееся въ вязи, заставкахъ, заглавныхъ буквахъ и другихъ рукописныхъ украшеніяхъ. Тоже самое должно сказать и о старопечатныхъ памятникахъ съ 1525 года и до 1808, занимающихъ въ альбомѣ цѣлыхъ три листа. На сорокъ лѣтъ раньше Москвы началось церковнославянское книгопечатаніе въ Западной Руси, далеко опередившее мѣстныя Латинскія и Польскія «друкарни», сперва роскошно и широко развившееся и окончательно заглохшее только въ началѣ текущаго столѣтія. Этимъ даннымъ нельзя отказать ни въ ихъ многозначительности, ни въ ихъ назидательности для насъ, позднѣйшихъ потомковъ и свидѣтелей, поклонниковъ мирнаго возстановленія Русскаго начала на Западной окраинѣ Россіи. Съ этой стороны, особенно назидательно употребленіе Русскаго языка въ иновѣрномъ богослуженіи и книгахъ, чему неопровержимымъ доказательствомъ служитъ кальвинскій «Несвижскій Катихизисъ», съ многознаменательнымъ предисловіемъ издателей; о томъ же самомъ, но только въ римско-католическомъ богослуженіи, свидѣтельствуетъ очевидецъ и современникъ, извѣстный Польскій хронистъ Мартынъ Бѣльскій *). Вни-

внушаетъ мнѣ мысль представить благосклонному вниманію вашему экземпляръ новаго выпуска древнихъ памятниковъ Западно-Русскаго зодчества, находящихся въ мѣстностяхъ, которыя прилегаютъ къ восточнымъ окраинамъ отечества вашего. Какъ дополненіе вышедшаго въ 1863 году, подъ моимъ руководствомъ, этнографическаго атласа девяти Западныхъ губерній Россіи, настоящее изданіе, напечатанное въ Берлинѣ, имѣетъ цѣлью доказать, путемъ нагляднымъ и силою неопровержимыхъ данныхъ, совершенную несостоятельность мнѣнія нѣкоторыхъ публицистовъ и историковъ о Западномъ Краѣ, который, не смотря на всѣ ухищренія іезуитовъ и на вѣковой гнетъ Речи Посполитой, остался, въ силу вѣроисповѣдныхъ и племенныхъ началъ, вѣренъ землѣ Русской. Изъ рисунковъ представляемаго выпуска ваша свѣтлость усмотрѣть изволите, какую отеческую заботливость Августѣйшій Монархъ нашъ обращаетъ на обновленіе и поддержаніе древней святыни Русской, которую Его щедрая рука вызываетъ изъ забвенія и уничиженія. Во главѣ настоящаго выпуска поставлены мною эпиграфомъ многознаменательныя, правдивыя слова вашей свѣтлости, сказанныя въ засѣданіи 1 апрѣля 1871 года Германскаго рейхстага,—слова̀, которыя и съ Русской точки зрѣнія служатъ вѣрною оцѣнкою Польской исторіи; по истинѣ, «die Bevölkerung theilt nicht die Fiction, die Sie machen, dass *die Polnische Herrschaft* gut gewesen wäre; ich kann mit voller Gewissheit versichern: sie *war ganz herzlich schlecht und darum wird sie nie wieder kommen*». Съ глубокимъ уваженіемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть вашей свѣтлости покорный слуга П. Батюшковъ".

*) Свидѣтельство это, хотя и извѣстное изъ Паннонскихъ житій, но весьма важное для исторіи Славянскаго языка въ католическомъ богослуженіи, по припискѣ самого Мартына Бѣльскаго, мы приводимъ въ древне-Русскомъ переводѣ (л. 909): «И въ той же порѣ пришли до Словенскихъ земель два рыцара мужи христіанскіе: единъ словакъ Кирило (Czuryło), а другой Методіусъ изъ Греціи, которыхъ былъ послалъ Михайло Палеологъ, цысарь Констянтинопольскій, на прошеніе государей Словенскихъ. И они пришли первое до Муравіи и

мательный читатель, конечно, замѣтитъ, что издатель, приводя данныя для изученія Западно-Русской палеографіи, наблюдалъ также, чтобы эти отрывки не только по внѣшней формѣ, но и по содержанію говорили Русскому уму и чувству; такъ, это видно изъ «Несвижскаго Катихизиса», «Статута», подлинныхъ Русскихъ подписей разныхъ Западно-Русскихъ бояръ и магнатовъ, измѣнившихъ впослѣдствіи Русскому языку, вѣрѣ и народности.

Предварительное исполненіе рисунковъ акварелью, съ фотографическихъ снимковъ, принадлежало академику Трутневу, художникамъ Грязнову, Чемоданову и Кудрявцову; калькированіемъ же памятниковъ Западно-Русской печати занимался Алмазовъ. Издатель считаетъ долгомъ принести самую искреннюю благодарность достопочтенному Аѳанасію Ѳедоровичу Бычкову за его радушное и сочувственное вниманіе къ ученымъ пользамъ шестаго выпуска. Что касается текста, то въ немъ читатели найдутъ окончаніе труда профессора Петербургскаго университета В. Г. Васильевскаго, заключившаго свой очеркъ исторіи города Вильны третьимъ раздѣломъ, т. е. окончательнымъ возсоединеніемъ съ Россіей ея Западнаго Края; по желанію и отъ имени автора, здѣсь должна быть также заявлена его благодарность члену Виленской археографической коммиссіи, И. Я. Спрогису, который доставилъ г. Васильевскому, по его просьбѣ, нѣсколько весьма важныхъ документовъ, находящихся въ неизданныхъ, къ сожалѣнію, доселѣ мѣстною коммиссіею актахъ Виленскаго Гродскаго Суда, и, сверхъ того, сообщилъ ему свои краткія выписки изъ тѣхъ же актовыхъ книгъ. Прочія объяснительныя статьи составлены П. А. Гильтебрандтомъ.

Рукописный экземпляръ шестаго выпуска былъ представленъ въ началѣ 1873 года министромъ внутреннихъ дѣлъ на Высочайшее Государя Императора воззрѣніе, и Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть, по примѣру предшествовавшихъ пяти выпусковъ, напечатать и настоящій.

тамъ поставили церкву христіанскую Велградіи (w Wielgradzie), людей многихъ окрестили во христіанскую вѣру. И позваны были до Рима, и тамъ ихъ спрашивали: «почему вы словенскимъ языкомъ обѣдню пѣли, а не латынскимъ?» И они отказали: «написалъ Давидъ — всякой духъ Господа Бога славитъ, и таковожъ святый (Павелъ) писалъ до Коринтовъ: какой кто языкъ умѣетъ, и такимъ языкомъ слово Господне будетъ проповѣдано». И послѣ той рѣчи велѣлъ папа въ церкви христіанской словенскимъ языкомъ служити. *На Клепару въ Краковѣ недавно таковъ обычай сталъ, а тамъ прежде у церкви у Честнаго Креста словенскимъ языкомъ служили* (Na Kleparzu w Krakowie niedawno ten obyczay zaginął, bo tam u swiętego krzyża mssą słowienskim ięzykom spiewano)» Болѣе подробныя свѣдѣнія см. въ статьѣ П. Гильтебрандта, помѣщенной въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», томъ X, № 3, стр 134—139.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ГОРОДА ВИЛЬНЫ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ *).

ВИЛЬНА ОТЪ 1610 ДО 1655 ГОДА.

Общій взглядъ на главныя стороны городской жизни во второй половинѣ XVI вѣка и въ XVII в. Число населенія, количество православныхъ и потомъ уніатовъ. Виленская торговля и благосостояніе купечества; упадокъ и преобладаніе еврейства. Связь этого явленія съ религіозными смутами. Цехи, ихъ исключительность и взаимныя столкновенія. Шляхта, поселившаяся въ городѣ, и неудовольствія, какія она причиняла горожанамъ. Магнаты: война на виленскихъ улицахъ Радивиловъ съ Ходкевичами. Домы и лучшія зданія.—Важнѣйшія событія: преслѣдованіе протестантовъ. Исторія итальянца Франки. Сцены насилія при Кальвинскомъ Зборѣ. Положеніе православныхъ; Свято-Духовское братство. Кунцевичъ и его виленская дѣятельность. Свидѣтельство враговъ о духѣ самопожертвованія въ братствѣ. Лаврентій Древинскій. Патріархъ Ѳеофанъ, назначеніе епископовъ и Мелетій Смотрицкій, какъ архіерей, въ Вильнѣ. Смерть Кунцевича и отраженіе этого событія на положеніи православныхъ въ Вильнѣ. Измѣна Смотрицкаго. Замыслы о примиреніи уніатовъ и православныхъ. Смерть Сигизмунда. Козаки, избраніе Владислава IV. Возвращеніе церквей. Опять іезуитскіе школьники и протестанты. Дѣятельность братства.

Точныхъ статистическихъ данныхъ о количествѣ народонаселенія въ городѣ Вильнѣ за XVI или XVII столѣтіе исторія намъ не сохранила. Одинъ изъ новѣйшихъ польскихъ писателей, занимавшихся исторіей Литовской столицы, полагаетъ, что въ царствованіе Сигизмунда II Августа, въ половинѣ XVI вѣка, Вильна имѣла населеніе, близко подходящее къ стотысячному [1]): цифра, по всей вѣроятности, значительно преувеличенная; ее слѣдуетъ понизить, по крайней мѣрѣ, на одну четверть, чтобы ближе подойти къ истинѣ. Во время страшнаго мороваго повѣтрія, начавшагося въ 1569-мъ году (отъ котораго умеръ потомъ и Сигизмундъ II Августъ), въ Вильнѣ, какъ говорятъ довольно достовѣрные источники, умерло народу 25 тысячъ человѣкъ [2]). Если мы примемъ эту цифру основаніемъ для разсчета и предположимъ, что число умершихъ составляло треть всего населенія, что двѣ другихъ равныхъ доли принадлежатъ—одна оставшимся въ городѣ на время чумы и уцѣлѣвшимъ, другая — нашедшимъ спасеніе въ бѣгствѣ изъ зачумленнаго города, что̀ всегда считалось лучшимъ средствомъ при такой напасти,—то мы получимъ сумму въ 75 тысячъ человѣкъ; это число и будетъ представлять самымъ правдоподобнымъ образомъ количество Виленскаго населенія около половины XVI-го вѣка [3]). Извѣстно, что до этой эпохи почти вся масса постояннаго Виленскаго населенія была чисто русская—въ томъ смыслѣ, что языкомъ ея и въ общественной жизни и въ домашней былъ языкъ русскій, не смотря на различіе въ вѣроисповѣданіяхъ. Кромѣ того, значительный процентъ жителей исповѣдывалъ также и русскую, т. е. православную, вѣру. Ка̀къ великъ былъ этотъ процентъ—объ этомъ можно судить на основаніи слѣдующихъ фак-

*) Первыя пять главъ помѣщены въ 5-мъ выпускѣ «Памятниковъ».

[1]) Balinski, Statystyka, pag. 58. Kraszewski, Wilno, III, pag. 58.

[2]) Kojalowicz, part. II, lib. 8, p. 491. Rostowski I, 46. Cp. Balinski, Historia miasta Wilna, II, 109. Kraszewski, III, 192.

[3]) Эту цифру принимаетъ и Крашевскій, III, 192.

товъ и соображеній. По грамотѣ Сигизмунда I-го городская администрація и городской судъ въ Вильнѣ должны были состоять изъ равнаго числа католиковъ и равнаго числа православныхъ. Та же пропорція соблюдается и послѣ при учрежденіи цеховъ относительно выбора старшинъ. Такъ какъ самое безпристрастное и самое гуманное католическое правительство не стало бы давать преимуществъ людямъ чуждой вѣры, то нужно полагать, что дѣленіе власти, по крайней мѣрѣ, соотвѣтствовало дѣйствительному отношенію обоихъ элементовъ народонаселенія, вѣроятно даже, что нѣкоторое уклоненіе было допущено въ пользу католиковъ. И такъ около половины XVI вѣка въ Вильнѣ было до 30 — 35 тысячъ православнаго населенія. Не смотря на быстрый разливъ протестантизма въ Литвѣ и на широкое распространеніе его въ самой Вильнѣ во второй половинѣ XVI столѣтія, масса православнаго городскаго населенія едва-ли уменьшилась чувствительнымъ образомъ: протестантизмъ вербовалъ своихъ послѣдователей главнымъ образомъ между аристократіей, которая мало жила въ городѣ, и среди пришлаго чужеземнаго, преимущественно нѣмецкаго промышленнаго и торговаго люда. Характеръ религіозной борьбы православія противъ уніи, совершавшейся на улицахъ Виленскихъ, наглядно показываетъ еще весьма значительное православное населеніе; а съ другой стороны послѣ сдѣланныхъ нами статистическихъ соображеній — становятся понятны всѣ сцены 1609—1610-го годовъ, становятся понятны многолюдныя и шумныя демонстраціи, когда стали отбирать у православныхъ ихъ храмы въ пользу уніатовъ. Протестовало не своевольное, безпокойное и упрямое меньшинство, а оскорблена была въ самыхъ дорогихъ своихъ убѣжденіяхъ цѣлая народная масса. По сознанію самихъ уніатскихъ писателей, число настоящихъ уніатовъ въ Вильнѣ за первые годы уніи не превышало десяти человѣкъ. Черезъ шестьдесятъ лѣтъ, именно въ 1664 году, унія имѣла въ Вильнѣ около 10 т. послѣдователей, которые безъ нея были бы православными [4]). Извѣстіе относится къ такому году, когда Вильна едва стала оправляться отъ цѣлаго ряда бѣдствій, обрушившихся на нее въ видѣ непріятельскаго нашествія и завоеванія, въ видѣ голода и мороваго повѣтрія, когда по совершенно достовѣрнымъ извѣстіямъ, ея населеніе сократилось болѣе чѣмъ на половину [5]). И такъ около пятидесятыхъ годовъ XVI столѣтія мы имѣемъ полное основаніе принять въ Вильнѣ двадцати-тысячное уніатское населеніе. Отсюда легко заключать къ количеству православнаго населенія въ концѣ XVI вѣка. Не слѣдуетъ только опускать изъ виду, что если весь уніатскій контингентъ составился изъ православнаго прежде населенія, то значительный процентъ пріобрѣтенъ былъ и католичествомъ насчетъ того же православія. Извѣстно, что православные, всячески загоняемые въ унію, часто предпочитали ей прямое латинство и переходили въ католическую церковь. Извѣстно, что унія работала не на себя, что ея стадо сильно расхищалось уже съ самаго начала вѣроломною подругою, католическою церковію. Папскія запрещенія переходить изъ уніи въ латинство, издаваемыя вслѣдствіе горькаго вопля, поднимаемаго время отъ времени уніатскою іерархіей, начинаются съ 1615-го года, и уже одно то, что ихъ приходилось столько разъ повторять, доказываетъ, что запрещенія были мало дѣйствительны. „Если такимъ образомъ каждый годъ будетъ переходить отъ насъ (въ католичество) по меньшей мѣрѣ сто человѣкъ изъ среды шляхетскаго сословія и если не больше, то столько же изъ простаго народа, то черезъ нѣсколько лѣтъ сколько же наконецъ останется овецъ у нашихъ пастырей? Только одно безконечное не можетъ быть исчерпано". — Это было писано уніатскими епископами въ Римъ уже въ 1623-мъ году [6]). Мы знаемъ совершенно

[4]) De laboribus uniorum, promotione, propagatione et protectione divina unionis ab initio ejus usque ad haec tempora Iacobi Sucza Episcopi Chelmensis anno Domini 1664: Harasiewicz, Annales ecclesïae ruthenae. Leopoli 1864. См. pag. 300: Vilnae autem cum ab initio unionis vix 10 uniti fuerunt, a schismate recedentibus omnibus nunc possunt numerari ad 10 millia.

[5]) См. ниже.

[6]) Si enim singulis annis centum ad minimum nobiliores transeunt in toto regno, plebei enim si non plures saltem totidem (,) post aliquot annos; (sic) quae tandem pastoribus nostris oves ramanabunt. Отрывокъ приведенъ изъ Информаціи, по-

живые, индивидуальные примѣры, указывающіе на непрочность уніатскихъ завоеваній. Уніаты очень хвалились обращеніемъ въ свою церковь извѣстнаго литовскаго аристократа Ѳеодора Скумина Тышкевича, стоявшаго нѣкоторое время во главѣ Виленскаго православнаго братства, вмѣстѣ съ его сыномъ, по имени Иваномъ. Это обращеніе приписывается самому Іосафату Кунцевичу и ставится рядомъ съ другими чудесными дѣйствіями уніатскаго подвижника [7]). Но прошло нѣсколько лѣтъ, и мы узнаёмъ, что новообращенный уніатъ уже превратился въ настоящаго католика и хотя не принялъ формально католичества, но не посѣщаетъ другой церкви, кромѣ католической [8]): само собою разумѣется, что его дѣти уже окончательно и формально будутъ католиками. И такъ, если мы не будемъ брать въ разсчетъ общаго приращенія въ народонаселеніи отъ конца XVI-го вѣка до половины XVII,—въ продолженіи пятидесятилѣтняго періода, то мы будемъ имѣть въ 1590-хъ годахъ дватцать тысячъ православныхъ, перешедшихъ послѣ въ католичество, и также неизвѣстное, но весьма значительное число православныхъ, оставшихся вѣрными исповѣданію предковъ почти до половины XVI вѣка. Кажется не будетъ преувеличенія и ошибки, если мы примемъ круглую сумму въ 25—20 т. человѣкъ. Это будетъ вполнѣ соотвѣтствовать тѣмъ соображеніямъ о количествѣ общаго населенія Вильны во время Сигизмунда Августа, т. е. въ самое блестящее время въ жизни Литовской столицы, которыя нами указаны выше. По общепринятому и совершенно основательному мнѣнію [9]), послѣ Сигизмунда II Августа благосостояніе Вильны и ея населенія стали падать; въ концѣ XVI вѣка Вильна едва-ли имѣла больше 60 или 65 тысячъ жителей. Не могла много вырости эта цифра и въ теченіи первой половины XVII-го вѣка, въ періодъ, начавшійся самыми сильными религіозными смутами въ Вильнѣ, ознаменованный преслѣдованіемъ православныхъ и протестантовъ, изгнаніями, конфискаціями и т. д. Увеличилась, безъ сомнѣнія, относительная численность католическаго населенія, но болѣе всего на счетъ православія; увеличивалось еврейское населеніе, но также на счетъ упадающаго благосостоянія христіанскихъ элементовъ. Въ окончательномъ выводѣ мы можемъ принять, что составъ Виленскаго народонаселенія былъ въ концѣ XVI вѣка приблизительно слѣдующій: 25 тысячъ православныхъ, столько же католиковъ и протестантовъ вмѣстѣ, и отъ 10-ти до 15 тысячъ еврейства.

Въ XVI вѣкѣ Вильна была весьма важнымъ торговымъ центромъ, производила значительные торговые обороты. Ея купечество всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій было и зажиточно, и многочисленно. Торговля еще не переходила въ руки жидовъ; жалобы на усиленіе этого чужеяднаго элемента начинаются только въ XVII вѣкѣ. Характеристично въ этомъ отношеніи и слѣдующее наблюденіе: когда въ 1533-мъ году городъ посѣтило моровое повѣтріе, то въ распространеніи его считали виновными францисканскихъ монаховъ [10]); въ XVII вѣкѣ при всѣхъ подобныхъ случаяхъ прежде всего подвергались негодованію и жалобамъ евреи. Географы и путешественники XVI вѣка говорятъ о множествѣ купцовъ, стекающихся въ Вильну для торговли съ разныхъ сторонъ сѣвера и запада. Въ любопытномъ описаніи, приложенномъ къ плану Вильны въ атласѣ Брауна (конца XVI стол.) упоминается о Московскомъ дворѣ, который поражалъ богатствомъ и массою мѣховъ — собольихъ, бобровыхъ и куньихъ, разложенныхъ въ немъ Московскими купцами [11]). Еще отъ 1601 года мы имѣ-

сланной епископами уніатскими при митрополитѣ Рутскомъ въ Римъ, въ конгрегаціи de propaganda fide. Она напечатана въ Annales ecclesiae ruthenicae, auct. Harasiewicz см. р. 281. Мы должны только замѣтить (что впрочемъ уже съ перваго взгляда бросается въ глаза) о крайне небрежномъ или неискусномъ отношеніи издателя къ тексту документовъ, имъ напечатанныхъ: иногда бываетъ довольно трудно добраться до смысла, но на этотъ разъ, кромѣ измѣненія одной буквы, требуется одна болѣе правильная разстановка знаковъ препинанія.

[7]) Susza, Cursus vitae b. Iosaphat Kuncevicii, изданіе Мартынова (Parisiis, 1865) стр. 36.

[8]) Relacye nunciuszow apostolskich o dawnjei Polsce II, 250.

[9]) См. Крашевскаго, Wilno, I.

[10]) См. «Памятники Русской старины въ Западныхъ губерніяхъ», выпускъ V, стр. 32 текста.

[11]) Georgius Braun (или Bruin: онъ называетъ себя и такъ, и иначе) et Franciscus Hogenbergïus издали въ Кёльнѣ собраніе плановъ важнѣйшихъ городовъ всего свѣта съ приложеніемъ краткихъ

*

емъ извѣстіе, что двое „Московскихъ купцовъ" привезли изъ Смоленска въ Вильну множество другихъ русскихъ мѣховъ, а именно: лисицъ красныхъ девятнадцать сотъ, соболей сороковъ семь, куницъ сороковъ двадцать, бѣлки Московской 1028, шубокъ собольихъ пупковыхъ четыре и пр. и пр. [12]). Съ запада сюда пріѣзжали не только нѣмцы, но и голландцы; даже англичане и шотландцы являлись съ своими коробочками, съ разными мелкими товарами, а потомъ оставались здѣсь уже для постоянной торговли, какъ мы это увидимъ ниже. Нѣмецкій купеческій дворъ, подобно Московскому, представлялъ одно изъ самыхъ видныхъ и богатыхъ зданій въ городѣ. Но стóитъ просмотрѣть хотя первую часть того любопытнаго памятника, который называется „Брестскою мытною книгой" и содержитъ въ себѣ реестръ таможенныхъ пошлинъ и оцѣнку разныхъ товаровъ, провозившихся чрезъ Брестъ въ теченіи первой половины 1583-го года, чтобы убѣдиться въ томъ, какое важное участіе въ торговомъ движеніи принадлежало мѣстному Виленскому населенію [13]). Намъ бросаются въ глаза постоянныя отмѣтки „Вильневецъ", „мѣщанинъ Виленскій". Мартынъ Каштеля, мѣщанинъ Виленскій, везетъ черезъ Брестъ Венгерское вино, Крыштофъ *Заливскій*, мѣщанинъ Виленскій,—точно также [14]); Бернатъ фанъ-Дипенъ Брукъ, не смотря на свою голландскую фамилію, тоже Вильневецъ, везетъ на 18 фурманскихъ возахъ опять тоже вино [15]); Николай Каниковскій платитъ мыто за мальвазію и рыбу, которую онъ везетъ изъ Львова [16]) Давыдъ; Никель и Балцеръ Франдзекенъ, оба Вильневцы, [17]) и оба ведутъ торговлю виномъ Венгерскимъ; но за то *Омельянъ Романовичъ Гайдукъ*, Берестейскій мѣщанинъ, везетъ въ *Вильну* сливы, Волошскіе орѣхи и проч. [18]); этими же продуктами ведетъ торговлю *Василій Андреевичъ. мѣщанинъ Виленскій*, но, сверхъ того, въ его обозахъ находятся ножи Венгерскіе, сукно Герлицкое и другіе товары [19]); очень разнообразны товары, за которые уплатилъ свое мыто *Андрей* Станиславовичъ, мѣщанинъ *Виленскій:* тутъ находятся бумага („паперу рѣзъ 170"), ножи угорскіе, шапки метлевые, фолдровые и простые, шелкъ цвѣтной, чорный и простой, сталь и мѣдь разнаго рода [20]). Видныя мѣста занимаютъ: *Василій Ивановичъ* [21]), *Павелъ Николаевичъ*, мѣщане Виленскіе, торгующіе сукномъ, бобрами, шапками [22]), *Свиридъ Семеновичъ Шостакъ*, торгующій косами, ножами, иглами, поясами и проч. и проч. [23]), *Иванъ Мартыновичъ Скуминовичъ* [24]), Артемъ Нестеровичъ, Никифоръ Михайловичъ, Михайло Кузмичъ Дубовичъ, Андрей Лавреновичъ, Герасимъ Матвѣичъ [25]) и проч. и проч.— это все также Виленскіе мѣщане; разнаго рода сукна, Моравскіе, Зеленогорскіе, Англійскіе [26]) Лунскіе, Герлицкіе, металлическіе товары, шелкъ, фрукты и овощи—составляютъ предметъ ихъ торговли. Отмѣтимъ особымъ указаніемъ представителя знаменитой Виленской фамиліи Мамоничей, въ типографіи которыхъ работалъ Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ, послѣ своего бѣгства изъ Москвы напечатавшій здѣсь извѣстное библіографамъ напрестольное евангеліе и псалтырь. Иванъ Мамоничъ, мѣщанинъ Виленскій, кромѣ разнаго рода суконъ и шелку, имѣлъ въ своихъ возахъ идущихъ изъ Люблина „книгъ библей (библій) 38" [27]). Среди многочисленнаго Виленскаго купечества, которое здѣсь предъ нами является и въ которомъ преобладаютъ чисто русскія имена, мы встрѣчаемъ только одного еврея: Юда Соломоновичъ, жидъ Виленскій, ведетъ самостоя-

описаній на оборотѣ. Первая часть подъ заглавіемъ: Civitates orbis terrarum вышла въ 1572 г., третья подъ заглавіемъ: Urbium praecipuarum totius mundi liber tertius—явилось въ 1606 году съ именемъ одного Бруина или Брауна. Планъ Вильны находится на самомъ концѣ изданія. Сверхъ краткаго текста, находящагося на другой сторонѣ листа, прибавлены еще нѣкоторыя важныя подробности въ указателѣ (index) подъ словомъ Vilna на самой послѣдней страницѣ.

[12]) «Акты Виленскаго гродскаго суда».

[13]) Этотъ важный документъ напечатанъ гг. Миротворцевымъ и Гильтебрандтомъ въ III и IV томѣ «Археографическаго Сборника», издававшагося при Виленскомъ учебномъ округѣ.

[14]) III, pag. 290.

[15]) Pag. 291.

[16]) Pag. 291. [17]) Pag. 292.

[18]) Pag. 293. [19]) Pag. 295.

[20]) Pag. 306. [21]) Pag. 306.

[22]) Pag. 308. [23]) Pag. 302.

[24]) Pag. 310. [25]) Pag. 311—319.

[26]) Pag. 316. [27]) Pag. 316.

тельную торговлю виномъ и полотнами [28]). Предметами отпускной торговли изъ Вильны, которая также была весьма значительна, служили ленъ и пенька, воскъ, медъ, смола, кожа, дрова (Rauchwerk) и зола (Lindenäsch, поташъ, попелъ) [29]). Эти товары шли черезъ Вилію, которая считалась и была судоходною рѣкою, по Нѣману къ Тильзиту и далѣе въ Королевецъ или Кенигсбергъ, а также въ Данцигъ или Гданскъ. Многіе Виленскіе купцы имѣли свои собственныя суда, такъ называемыя витины, ходившія до этихъ городовъ. Значительный отпускъ хлѣба, а также и другихъ продуктовъ изъ панскихъ имѣній не былъ въ рукахъ Виленскаго купечества. Какъ извѣстно, польско-литовская земледѣльческая аристократія имѣла привилегію безпошлинной торговли и вела ее прямо чрезъ своихъ собственныхъ агентовъ или управляющихъ. Какъ мы видимъ изъ мытной Брестской книги, хлѣбный отпускъ шелъ преимущественно по рѣкамъ Мухавцу, Бугу и Вислѣ въ Гданскъ (или Данцигъ). Важное торговое значеніе и благосостояніе Данцига основывалось, главнымъ образомъ, на этихъ отношеніяхъ къ польско-литовскому землевладѣнію. Изъ Данцига хлѣбъ шелъ въ Голландію, Францію, Бельгію, въ Испанію и особенно въ Лиссабонъ [30]). Въ числѣ многихъ землевладѣльцевъ въ „Мытной Книгѣ“ названы князь Константинъ Острожскій [31]), князь Станиславъ Радивилъ [32]), ксендзъ Бенедиктъ Война, кустошъ Виленскій [33]); чрезъ своихъ факторовъ, принадлежащихъ обыкновенно къ шляхетскому сословію, они отправляютъ въ Гданскъ вышеуказаннымъ путемъ хлѣбъ, пшеницу и неизбѣжный, постоянный „попелъ“ изъ собственныхъ лѣсовъ. Въ сухопутной торговлѣ важную роль играли татары, поселенные со временъ Витовта въ Виленскихъ предмѣстьяхъ и занимавшіеся извозомъ (фурманствомъ). Иностранцы, посѣщавшіе Вильну, удивлялись ихъ неутомимому терпѣнію и полной честности въ исполненіи данныхъ порученій [34]). Въ „Мытной Книгѣ“ мы видимъ, что Виленское купечество постоянно пользуется услугами этихъ фурмановъ татарскихъ [35]). Торговля сухопутная производилась, какъ само собою разумѣется, исключительно въ зимніе мѣсяцы: о чемъ свидѣтельствуетъ и самая „Мытная Книга“. Только татарскія крѣпкія и терпѣливыя лошади, неуступавшія въ способности довольствоваться малымъ своимъ хозяевамъ, могли выносить тяжелый путь, въ случаѣ нужды отыскивая себѣ пропитаніе подъ снѣгомъ, разрывая его копытами [36]). Не смотря на то, что въ XVII вѣкѣ на Польскихъ купцовъ смотрѣли въ Московскомъ государствѣ косо и желали совсѣмъ запретить имъ въѣздъ въ Москву и замосковные города, — Виленскіе купцы пробирались до Твери и Ярославля отчасти съ непоказаннымъ товаромъ, именно съ виномъ и табакомъ, за что попадали иногда въ тюрьму [37]).

Въ XVII вѣкѣ Виленская торговля стала переходить въ руки жидовъ, и благосостояніе города замѣтно падаетъ. Кромѣ общихъ для всей Польши причинъ, несомнѣнное и большое зло принесла въ этомъ отношеніи религіозная борьба, театромъ которой сдѣлалась Вильна со времени водворенія іезуитовъ. Религіозныя преслѣдованія, которымъ подвергалось православное Виленское купечество, штрафы, конфискаціи, постоянныя тяжбы и процессы, волокита по всѣмъ разнообразнымъ и многочисленнымъ польскимъ

[28]) Pag. 305.

[29]) См. Реляцію о состояніи Польши, поданную папѣ Пію V нунціемъ Руджіери въ 1658 году — главу о польской торговлѣ: Relacye nunciusz. apostol. I, 211. Ср. реляцію Липпомана, Венеціанскаго посланника 1575 года, ibid. p. 245; и для XVII вѣка реляцію нунція Висконти: Relacye II, 229. Голландскіе послы говорятъ московскимъ боярамъ въ 1630 году: «Голландцы ведутъ торговлю въ Литовской землѣ, въ Данцигѣ покупаютъ пепелъ и золу, ленъ и пеньку дорогою цѣною; литовскимъ торговымъ людямъ отъ того барыши большіе. Соловьевъ IX, 196. — Zeiller, Neue Beschreibung dess Königreich Polen (Ulm, 1647) pag. 191.

[30]) «Археографическій Сборникъ», IV, pag. 265.

[31]) Ibid., IV, pag. 265.

[32]) Ibid., IV, pag. 268.

[33]) Braun, Urbium praecipuarum totius mundi, t. III, Index: atque potissimum Osilipone in Lusitania distrahitur. Ср. вышеприведенныя реляціи.

[34]) Braun, Urbium praecipuarum, t. III, tab. 59. Zeiller, Neue Beschreibung, pag. 193.

[35]) См. «Археографическій Сборникъ», III, напримѣръ, 314: фурманъ Ахметій татаринъ, везущій товары Андрея Лавреновича.

[36]) Braun, Urbium praecipuarum, t. III, tab. 59.

[37]) Соловьевъ, IX, 245, 260, 449.

судебнымъ инстанціямъ, — все это не могло благопріятствовать развитію благосостоянія и торговли; напротивъ — вело прямо къ разоренію. Огромныя матеріальныя жертвы, которыя приносило Виленское православное купечество, составлявшее главную силу Свято-духовскаго братства, уже добровольно для поддержанія своихъ храмовъ, для устройства новыхъ, вообще для охраненія своихъ религіозныхъ интересовъ и своей церковной политики,—также не должны быть опускаемы изъ виду. Мы скоро увидимъ, какъ значительны были эти жертвы. Такимъ образомъ, польское государство все повергало къ ногамъ „Римскаго идола", употребляя выраженіе, бывшее въ ходу именно въ эпоху, которою мы занимаемся,—не только нравственные интересы своихъ подданныхъ, но и матеріальное ихъ благосостояніе и, слѣдовательно, свою собственную силу. Еврейское племя, которое стало занимать мѣсто разоряемаго и гонимаго православнаго мѣщанства, никогда не могло сдѣлаться прочною опорою христіанскаго государства.

Городское самоуправленіе по нѣмецкому Магдебургскому праву и соединенное съ нимъ цеховое устройство, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, при стѣснительной регламентаціи, предписывающей опредѣленныя, узкія границы каждому цеху, которыя иногда бывало весьма трудно провести, при строгой монополизаціи всѣхъ ремеслъ и занятій въ пользу извѣстнаго тѣснаго кружка, въ который проникнуть было не легко,—цеховое устройство все-таки приносило большую пользу въ томъ отношеніи, что служило хорошею гарантіей противъ еврейскаго преобладанія и его разорительныхъ послѣдствій. Эта заслуга остается за цехами и въ XVII вѣкѣ. Но, какъ мы увидимъ, уже въ первыхъ годахъ столѣтія начало исключительности, въ нихъ лежащее, было направлено и противъ православныхъ. Въ XVI вѣкѣ старшины цеховые выбирались поровну, т. е. по два изъ обоихъ вѣроисповѣданій. Въ XVII-мъ вѣкѣ не допускали или старались не допускать даже въ мастеровые иначе какъ подъ условіемъ принятія уніи. Такія средства были, конечно, самымъ сильнымъ орудіемъ для ея распространенія. Но что они приносили большой вредъ экономическій, это тоже не подлежитъ сомнѣнію. Очень натурально, что находились люди, которые рѣшались скорѣе остаться безъ средствъ къ жизни, питаться подаяніемъ, чѣмъ измѣнить своей религіозной совѣсти. Рядомъ съ этою печальною стороною дѣла шли взаимныя пререканія и споры цеховъ, принимавшіе часто комическій оттѣнокъ. То разные роды кожевенныхъ или скорняжьихъ цеховъ — были красные и черные скорняки (rubri nigrique cerdones) и т. д.—заспорятъ между собою объ исключительной принадлежности кожъ извѣстнаго рода; — такъ разъ черные и красные скорняки протестуютъ противъ бѣлыхъ и сѣрыхъ скорняковъ по тому поводу, что послѣдніе не даютъ первымъ покупать сырыхъ воловьихъ шкуръ, которыя хотя и должны были по существу дѣла принадлежать бѣлымъ и сѣрымъ скорнякамъ, но также необходимы были и чернымъ и краснымъ, потому что, обдѣлавъ ихъ въ черный и красный цвѣтъ, эти послѣдніе пускаютъ ихъ въ продажу для каретъ и рыдвановъ, чего опять никто не имѣлъ права дѣлать, кромѣ цеховыхъ именно этого цвѣта [38]). То произойдетъ столкновеніе между разными цехами по случаю какой-либо церемоніи, въ которыхъ обыкновенно цехи участвовали съ своими разнообразными знаменами, хоругвями и бубнами. Въ 1648-мъ году, при торжественномъ въѣздѣ короля Владислава въ Вильну, скорняки самымъ скандальнымъ образомъ подрались съ ножевщиками и пильщиками; они пустили въ ходъ не только разныя instrumenta bellica, но даже бомбарду, и посредствомъ этой бомбарды лишили праваго глаза одного почтеннаго Виленскаго гражданина, именно—самого старшину ненавистнаго цеха ножевщиковъ [39]). Въ 1677-мъ году произошло не малое смятеніе или, по мѣстному выраженію, „тумультъ" вслѣдствіе того, что въ процессіи Божьяго Тѣла солодовники непремѣнно хотѣли идти впереди болтушниковъ; на этотъ разъ подрались между собою только старшины обоихъ цеховъ [40]).

Чрезвычайно большой вредъ приносило городу существованіе многихъ особенныхъ управленій или юрисдикцій, кромѣ главнаго,

[38]) См. Kraszewski, Wilno III, 272. Тамъ же и подробности, которыми мы не можемъ заниматься.

[39]) Акты бывшей Виленской Археолог. коммиссіи, подъ редакціею Круповича, № 40 и 41.

[40]) Kraszewski, Wilno, III, 270.

центромъ котораго была городская ратуша. Старинныя пожертвованія королей и князей епископамъ, каѳедральной капитулѣ, а также монастырямъ—разныхъ участковъ земли съ правомъ независимаго управленія — раздѣлили городъ на безконечное число участковъ, изъ коихъ каждый имѣлъ свои особыя права и признавалъ только свою власть. Въ одномъ городѣ находилось какъ бы нѣсколько городовъ, управляемыхъ особыми законами. Отсюда происходилъ величайшій безпорядокъ и многочисленныя злоупотребленія.

Цеховые ремесленники имѣли, напримѣръ, крайне ненавистныхъ соперниковъ въ такъ называемыхъ *партачахъ*: это были люди, которые, не принадлежа ни къ какому цеху и сидя на землѣ, подлежащей вѣдомству католическаго епископа, свободно продавали свои издѣлія—свободно до первой драки. Бродяга, преступникъ прибѣгалъ, опасаясь суда, подъ защиту какой-либо юрисдикціи и получалъ покровительство, котораго искалъ; оно иногда оказывалось только ради одного невиннаго удовольствія причинить досаду непріязненной сторонѣ. Вытребовать на судъ человѣка, вписавшагося въ другую юрисдикцію, было трудно и даже невозможно. Подобно католическому епископу, и православный митрополитъ имѣлъ юрисдикцію надъ землями, принадлежащими его каѳедрѣ, и людьми, на нихъ находящимися. Само собою разумѣется, что его власть не была такъ обезпечена противъ постороннихъ вмѣшательствъ, какъ власть его католическаго собрата. Мы еще будемъ имѣть случай говорить о спорахъ за нее митрополита съ городомъ. За епископскою юрисдикціею слѣдовала замковая или гродская юрисдикція, во главѣ которой стоялъ воевода или имъ назначенный подвоеводій.—Юрисдики магистрата, воеводы и епископа католическаго, урядъ городовой (miejski или miestki), городскій (замковый) и епископскій—еще въ XVI вѣкѣ признавались тремя главными юрисдиками. За многочисленными мелкими юрисдиками, которыя образовались изъ участковъ земли пожертвованныхъ монастырямъ или принадлежнщихъ одному значительному владѣльцу, съ начала признавалось только право собирать подати съ живущихъ здѣсь людей, но онѣ постоянно стремились пріобрѣсть также и право *судить* и рядить ими по своей волѣ. Послѣ долгой борьбы городовое управленіе, котораго вопросъ касался всего ближе, принуждено было уступить. Замковая юрисдика, подобно городовой, кромѣ подвоеводія, которому принадлежала администрація, имѣла своего войта и лавниковъ. Въ епископской юрисдикѣ судилъ войтъ и писарь и два лавника, въ епископскомъ дворцѣ, по литовскому статуту. По этому статуту судили и всѣ другія юрисдики, кромѣ городовой, руководившейся Магдебургскимъ правомъ. Жиды были подсудны воеводскому городскому суду.

Съ начала XVI вѣка стали селиться, строить и пріобрѣтать домы въ Вильнѣ шляхта и магнаты. Не мало хлопотъ доставляли городскому управленію и простые шляхтичи; покупая домы мѣстныхъ обывателей или мѣщанъ, они постоянно „выламывались“ изъ-подъ присуда магистрату, не хотѣли участвовать въ городскихъ повинностяхъ и вообще всячески досаждали мѣщанству, на которое они смотрѣли съ высоты уже развивавшагося шляхетскаго гонора. Но это было еще ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что приходилось выносить отъ магнатовъ, особенно когда они съѣдутся изъ своихъ мѣстечекъ и городковъ на судебныя засѣданія трибунальныя, въ свои городскіе дворцы, на подобіе замковъ построенные четвероугольникомъ съ большою площадью по срединѣ. Въ лѣтописяхъ Вильны памятно знаменитое столкновеніе между двумя могущественными фамиліями Радивиловъ и Ходкевичей, происшедшее въ 1600 году и описанное подробно Нарушевичемъ [41]). Дѣло шло о послѣдней наслѣдницѣ князей Слуцкихъ, Софьѣ, дочери Юрія Олельковича. Она находилась подъ опекою своего дяди Іеронима Ходкевича, жила въ его домѣ и, какъ выгодная невѣста (ея приданое составляли два княжества Слуцкое и Копыльское), была сосватана воеводою Виленскимъ Христофоромъ Радивиломъ за своего сына, Януша. Назначенъ былъ на 6-е февраля самый день свадьбы, и для полной безопасности Радивилъ взялъ письменное обязательство съ Ходкевича, что въ назначенный день и часъ

[41]) Naruszewicz, Życie Jana Karola Chodkiewicza t. I, x. 1. Также очень подробно у Крашевскаго Wilno, I, 410 и слѣд.

бракъ состоится, если сама невѣста не откажетъ въ своемъ согласіи. Но, прежде чѣмъ наступилъ срокъ, Радивилы поссорились съ Ходкевичами изъ-за разныхъ постороннихъ денежныхъ счетовъ. Янушъ Радивилъ между тѣмъ не хотѣлъ отказаться отъ княгини, за которою были два княжества. Благодаря сильному вліянію Радивила, Ходкевичъ былъ присужденъ Литовскимъ трибуналомъ къ уплатѣ 100,000 копъ литовскихъ грошей неустойки, а въ случаѣ отказа—къ банниціи. Средство, принятое Радивилами противъ Ходкевича, который едва-только началъ противодѣйствовать условленному союзу, повело, разумѣется, къ тому, что этотъ послѣдній былъ задѣтъ за живое и учтиво выпроводилъ изъ своего дома жениха, продолжавшаго ухаживать за невѣстой, не смотря на ссору родныхъ. Когда срокъ сталъ приближаться, обѣ стороны, дошедшія до крайняго раздраженія, готовились къ бою. Радивилы хотѣли вести наступательную войну, чтобы добыть невѣсту силою; Ходкевичи укрѣплялись въ своемъ домѣ на Большой улицѣ, принадлежащемъ теперь мирному учебному округу и его канцеляріи. Вильнѣ, по замѣчанію Нарушевича, готовилась судьба Трои изъ-за новой Елены. Радивилъ, какъ воевода Виленскій и гетманъ Литовскій, имѣлъ прямое вліяніе на всю окрестную шляхту и безъ труда собралъ большое войско. Сверхъ того, по его просьбѣ явились къ нему на помощь три князя Острожскихъ, дѣти Константина, каждый съ шестью стами конницы и 70 гайдуками, Абрамовичъ, воевода Смоленскій, съ 50 конными, и многіе другіе. Въ концѣ концовъ войско Радивила доходило до шести тысячъ. Центръ этой арміи былъ въ огромномъ дворцѣ Радивиловъ также на Большой улицѣ. На помощь Ходкевичамъ 4-го февраля явилось въ Вильну 1600 человѣкъ конницы и 600 пѣхоты, подъ предводительствомъ знаменитаго воина Яна Карла Ходкевича; при арміи слѣдовала и артиллерія изъ 24 пушекъ. Хотя силы Ходкевича и были гораздо слабѣе, но за то имъ предстояло вести войну оборонительную, и такой испытанный стратегъ, какъ Янъ Карлъ, съумѣлъ бы отлично воспользоваться выгодами своего положенія. По всѣмъ правиламъ дипломатической международной науки, враждебныя стороны, прежде начатія военныхъ дѣйствій, открыли переговоры и хотѣли въ послѣдній разъ попытаться, нельзя-ли дѣло кончить миромъ. Самъ король Сигизмундъ принялъ посредничество, но не успѣлъ утишить разыгравшіяся страсти. Февраля 6-го вся Вильна была въ тревогѣ: перепуганные обитатели ея бѣжали въ отдаленныя улицы, каждую минуту ожидая перваго выстрѣла и начала боя, который несомнѣнно могъ кончиться печально не для однихъ рыцарскихъ бойцевъ, но и для всего города: извѣстно, какъ быстро и ужасно распространялись пожары въ старой Вильнѣ. Воевода Радивилъ держалъ военный совѣтъ. Большимъ затрудненіемъ служила самая многочисленность арміи; трудно было расположить се въ порядкѣ на тѣсной улицѣ подъ непріятельскою крѣпостію. Нужно было обсудить, не лучше-ли начать первую атаку только съ одною частью войска, и т. д. Послѣ окончанія совѣщаній былъ отправленъ въ домъ Ходкевичей ультиматумъ. Лица, которымъ дано было это порученіе, имѣли случай убѣдиться, что крѣпость вполнѣ готова къ оборонѣ: на верху дома, на его кровлѣ, на всѣхъ постройкахъ, принадлежащихъ ко дворцу, поставлены были стрѣлки; на мѣстахъ надлежащихъ были установлены пушки, направленныя частію противъ воротъ, частію прямо на улицу. Эти сообщенія подѣйствовали на Радивила. Онъ сдѣлался болѣе доступенъ внушеніямъ мирнымъ. Друзья и нейтральные Литовскіе сенаторы воспользовались этимъ настроеніемъ воеводы. Такимъ образомъ страшный день миновалъ безъ кроваваго столкновенія. Заключая свой разсказъ о немъ, Нарушевичъ замѣчаетъ, что подобные дни, грозящіе опасностью столицѣ и всему краю, Вильна еще не разъ видала послѣ, при трибунальскихъ съѣздахъ. Намъ довольно будетъ припомнить болѣе близкое къ нашему времени вторженіе въ Вильну другого Радивила, князя Карла, „пана коханка", съ цѣлію разрушенія дома Масальскаго, который былъ его противникомъ.

Помимо замковъ и палатъ, принадлежавшихъ магнатамъ Радивиламъ, Ходкевичамъ, Сапѣгамъ, Острожскимъ, Пацамъ, Тризнамъ и т. д., Вильна не отличалась въ XVI вѣкѣ красотою, богатствомъ и величавостію построекъ. Московскій дворъ и Нѣмецкій дворъ, составлявшіе украшеніе города, уже названы выше.

Иностранцы единогласно утверждаютъ, что, при большемъ пространствѣ, городъ представлялъ безпорядочную, широко разбросанную массу домовъ большею частію деревянныхъ и покрытыхъ тесомъ или деревянными дранками (mit hölzern Schindeln). Только двѣ-три улицы выдавались своими каменными и красивыми зданіями: здѣсь прежде всего разумѣются, конечно, улицы Замковая и Великая (Большая), гдѣ стояла и бо́льшая часть вышеназванныхъ магнатскихъ дворцовъ, улица Бискупья (теперь Дворцовая), вообще улицы ближайшія къ замку. Домы людей небогатыхъ не только въ предмѣстьяхъ, которыя представляли безобразную, скученную массу низенькихъ грязныхъ, курныхъ избъ, но и въ самомъ городѣ, — не отличались ни чистотою, ни какими либо самыми элементарными условіями удобства. Въ описаніи Брауна говорится, что собственно „въ Вильнѣ нѣтъ, какъ въ другихъ порядочныхъ городахъ, отдѣльныхъ одно отъ другого предмѣстій (suburbia), отличенныхъ особыми названіями; она опоясана какъ бы однимъ сплошнымъ предмѣстіемъ, въ которомъ вамъ является безконечное число домиковъ (aedicularum) безъ всякаго размѣра безъ соблюденія какого либо распредѣленія на улицы; грубая варварская прихоть насѣяла какъ сѣютъ хлѣбъ, какъ пришлось и какъ попало, эту груду домишекъ“ [42]). Въ самомъ городѣ немного лучше. Въ домахъ нѣтъ ни какихъ украшеній, ни какой дорогой утвари. Отцы, дѣти, коровы и скотъ все это перемѣшано вмѣстѣ, живетъ подъ одною кровлею; особыхъ хлѣвовъ или стойла для скота не имѣется. Въ дымной, душной комнатѣ (потому что настоящихъ дымовыхъ трубъ здѣсь нѣтъ) [43]), гдѣ на жесткой скамьѣ часто лежитъ жена хозяина, только-что родившая,—ѣстъ глаза вошедшему. Отъ того въ Вильнѣ такъ много слѣпыхъ людей; ни въ какомъ другомъ городѣ ихъ столько не встрѣтишь. Это говорится у Брауна; но, по мнѣнію другого описателя, тутъ дѣйствуетъ также лукъ и чеснокъ, употребляемый Вильнянами въ большомъ количествѣ. Постели совсѣмъ не въ употребленіи; много-много, если болѣе богатые вмѣсто того имѣютъ скамьи, покрытыя медвѣжьею шкурою. За то замѣтна большая любовь къ нарядамъ; Виленскіе горожане любятъ, чтобы жены ихъ были одѣты въ пышныя, дорогія платья. Но при этомъ нѣтъ никакого отличія въ формѣ одежды и въ ея цвѣтѣ у богатыхъ и бѣдныхъ; послѣдняя крестьянка одѣвается также, какъ и жена богатаго купца. Не мало интереснаго замѣтили иностранцы и въ образѣ жизни Виленскаго населенія; между прочимъ, имъ бросились въ глаза двѣ черты: гостепріимство и пьянство. Медъ, водка (vinum adustum) потребляются особенно въ большомъ количествѣ, а также и брага или густое пиво (crassa cerevisia). Но медъ здѣсь хорошъ, а пиво—худо, замѣчаетъ выразительно и лаконически нѣмецъ [44]). Ссоры и драки между пьяными самое обычное дѣло,—дѣло часто принимаетъ серіозный видъ и кончается ранами, а иногда смертоубійствомъ. Гостепріимствомъ отличаются всѣ горожане, потому что почти всѣ они, исключая членовъ магистрата „держатъ постоялые дворы и сами курятъ водку, пиво и медъ; въ ихъ дома открытъ каждому безплатный входъ: садись при очагѣ, выпей глотокъ того, что тебѣ больше нравится, а потомъ можешь уходить свободно, ничего не заплативъ. Но если ты захочешь выпить лишнее, либо отобѣдать или поужинать съ хозяиномъ вмѣстѣ, то нужно заплатить; впрочемъ, плата самая ничтожная [45]). Жители окрестностей въ сентябрѣ, когда собирается медъ, не пропустятъ ни одного путешественника, не угостивъ его сотами. Они говорятъ, что медъ этотъ—даръ Божій и что Богъ разгнѣвается и накажетъ неурожаемъ хлѣба, если они будутъ жадны и скупы [46]).

Обратимся къ разсказу важнѣйшихъ событій въ городѣ Вильнѣ съ 1610 года, которымъ былъ прерванъ нашъ связный разсказъ [47]).

[42]) Braun, praecipuarum urbium totius mundi. Pars III, fol. 59. Отсюда: Zeiller, Neue Beschreibung dess königr Polen, pag. 197.

[43]) Non enim ulla fumibula habent: Braun l. c. Weil sie keine rechte Rauchfäng haben und viel Zwibel und Knoblauch essen.

[44]) So ist das Bier schlecht, aber der Mett gut. Zeiller, Beschreib. p. 196.

[45]) Braun, Praecipuar. urbium, lib. III. Index, v. Vilna.

[46]) Ibid.

[47]) Не имѣвъ въ виду продолжать исторіи Виль-

Къ 1611 году относится трагическая исторія одного изъ итальянцевъ, принадлежавшаго къ многочисленной и пестрой колоніи чужеземцевъ въ Вильнѣ, по имени Лоренцо Франки [48]). Уроженецъ Фріуля, Франки переселился въ Польшу еще въ ранней юности вмѣстѣ съ своимъ отцемъ: въ Краковѣ онъ сблизился съ протестантами, о которыхъ съ родины принесъ самыя невыгодныя представленія, считая ихъ просто чудовищами. Когда Франки сдѣлался кальвинистомъ и вздумалъ побывать въ Италіи, онъ нашелъ, что тамъ взглядъ на еретиковъ не измѣнился: его посадили въ тюрьму, и если бы ему не удалось убѣжать изъ нея, то очень легко онъ могъ бы кончить свою жизнь мученикомъ. Воротившись въ Польшу, Франки сдѣлался воспитателемъ дѣтей какого-то богатаго литовскаго пана, поселился въ Вильнѣ и принадлежалъ здѣсь къ самымъ ревностнымъ членамъ реформатской общины. Совѣсть его, однако, не была спокойна: бѣжавъ изъ темницы, въ которую онъ былъ брошенъ за свою вѣру, Франки уклонился отъ обращеннаго къ нему свыше призванія засвидѣтельствовать своимъ исповѣданіемъ истину Евангелія, и тѣмъ, какъ онъ самъ думалъ, погубилъ свою душу. Франки искалъ случая искупить грѣхъ подвигомъ, равносильнымъ тому, отъ котораго онъ малодушно бѣжалъ. 2-го іюня 1611 года въ Вильнѣ праздновалось торжество Тѣла Христова со всею пышною и театральною католическою обстановкой; виленскіе іезуиты смотрѣли на этотъ праздникъ какъ на одно изъ лучшихъ средствъ пропаганды. Землякъ Лоренца Франки, находившійся въ это время въ Вильнѣ въ званіи пѣвчаго королевской капеллы, съ восторгомъ говоритъ о блескѣ и пышности торжества: тріумфальныя колесницы и на нихъ фигуры, представляющія весь Ветхій и Новый Завѣтъ, рядъ алтарей, устроенныхъ на улицахъ, гдѣ должна была останавливаться процессія, толпы народа, великолѣпное облаченіе духовенства, среди котораго находился самъ нунцій папскій, стройное пѣніе гимновъ—осталось у него долго въ памяти. Но въ тоже самое время, на Покровской улицѣ, въ евангелическомъ сборѣ, пасторъ Андрей Хржанстовскій держалъ проповѣдь предъ общиною на текстъ изъ пророка Даніила — объ идолѣ, которому нечестивый царь Навуходоносоръ заставлялъ поклоняться вмѣсто Іеговы трехъ отроковъ. Лоренцо Франки, по окончаніи богослуженія, пошелъ домой глубоко взволнованный и увидѣлъ идола, о которомъ говорилъ проповѣдникъ, у себя предъ глазами: „пaписты“ шли процессіей чрезъ площадь и въ толпѣ молящагося народа Франки замѣтилъ своихъ соотечественниковъ, съ которыми имѣлъ частыя сношенія. Къ нимъ прежде всего онъ обратился съ увѣщаніемъ удержаться отъ поклоненія идолу. Потомъ увлеченный ревностію по вѣрѣ, молодой фанатикъ взобрался на подмостки, гдѣ стоялъ алтарь и гдѣ должна была совершаться месса, и обратился съ проповѣдію ко всему народу, обличая его въ идолопоклонствѣ: „этотъ хлѣбъ, которому вы поклоняетесь, взывалъ проповѣдникъ, не Богъ, какъ вы думаете, а идолъ, который даже не можетъ самъ собою двинуться съ мѣста“. Народъ былъ изумленъ, когда, вмѣсто своего епископа, Бенедикта Войны, увидѣлъ чужеземца и не понималъ его рѣчей. Но одинъ изъ земляковъ Лоренца Франки, именно самъ Чилли, который разсказываетъ объ этой сценѣ, сейчасъ же бросился къ папскому нунцію (Симонеттѣ) и объяснилъ ему происходящее, а тотъ обратился къ королевѣ, оставшейся въ Вильнѣ послѣ отъѣзда Сигизмунда III подъ Смоленскъ: окруженная мушкатерами, она набожно шла позади. Преступникъ сейчасъ же былъ схваченъ, страшно

ны далѣе этого года, мы въ заключеніи указали на нѣсколько событій послѣдующаго времени: для связи намъ приходится снова воротиться къ нимъ.

[48]) Таково было, безъ сомнѣнія, настоящее имя. Такъ называетъ героя исторіи, которая сейчасъ будетъ разсказана, его землякъ Чилли, находившійся въ Вильнѣ во время самаго событія и даже присвоивающій себѣ извѣстную роль при этомъ. Кальвинистъ Венгерскій, писавшій позднѣе, хотя и по хорошимъ источникамъ, называетъ героя Франко ди Франки. См. Historia delle sollevationi notabili и т. д. del' signore Alessandro Cilli da Pistoia. In Pistoia 1627. Сочиненіе Чилли извѣстно у насъ по извлеченіямъ, сдѣланнымъ Чіампи, гдѣ описывается пріемъ самозванца Сигизмундомъ и наружность Лжедимитрія (Чилли былъ при этомъ очевидцемъ). Wengerscii, Slavoniae reformatae libri quatuor. Amstelodami 1679, pag. 252–255. Книга Чилли не была извѣстна польскимъ историкамъ Вильны, Крашевскому и Балинскому.

избитъ и отведенъ въ тюрьму при близъ лежащей ратушѣ. Чрезъ нѣсколько дней епископъ и знатные паны допрашивали заключеннаго, кто изъ еретиковъ подъучилъ его къ такому злодѣянію, и правда-ли, что онъ хотѣлъ убить королеву, королевича или же наконецъ епископа. Франки отвѣчалъ, что онъ дѣйствовалъ безъ людскаго посторонняго внушенія, изъ ревности по Богѣ не вынося нечестиваго зрѣлища, при которомъ честь, подобающая Спасителю, воздается нѣмому и глухому идолу; а что касается замысла на цареубійство, то Франціи, Британіи, Нидерландамъ, наконецъ всему свѣту извѣстно, что цареубійства совершаются папистами и іезуитами, а не послѣдователями настоящаго Евангелія. Бросить въ лицо такой отвѣтъ этимъ людямъ, которые должны были знать, чья рука направила кинжалъ на грудь Генриха Валуа, бывшаго короля Польши, и бросить его на другой годъ послѣ убійства Генриха IV Равальякомъ—это было мѣтко, это была кровавая обида. Въ заключеніе Франки обратился къ католическому епископу съ новымъ увѣщаніемъ отказаться отъ нечестиваго идолопоклонства. Подвергнутый жестокой пыткѣ, онъ перенесъ ее мужественно и умеръ смертію, которой искалъ, т. е. въ глазахъ всѣхъ единовѣрцевъ — мученическою смертію, не смотря на позорныя формы казни, придуманной для него католиками. Святотатственный языкъ былъ вытянутъ изъ гортани, и голова въ такомъ видѣ, съ языкомъ во рту, была выставлена на высокомъ столбѣ, стоящемъ на площади для подобныхъ случаевъ; обезглавленное тѣло разсѣчено палачемъ на четыре части, которыя также были выставлены на столбахъ за городскими воротами.

Католическій фанатизмъ, разжигаемый іезуитами, не могъ остаться позади протестантскаго. Но важное различіе будетъ заключаться въ томъ, что католическій фанатизмъ не самъ напрашивается на мученичество, а даетъ къ нему случай другимъ, хотя бы они его и не искали. Черезъ мѣсяцъ послѣ казни Лоренца Франки [49]) былъ крестный ходъ, установленный за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ (въ 1604 г.) въ память избавленія города отъ моровой болѣзни [50]): наканунѣ праздника Богородицы (Visitatio Mariae, 2-го іюля), епископъ въ сопровожденіи академическаго юношества—всѣ съ босыми ногами совершали пилигримство отъ Вильны до самыхъ Трокъ! Уже во время богомолья въ Трокахъ, если вѣрить Венгерскому, созрѣлъ планъ, тотчасъ послѣ возвращенія блистательно исполненный. Толпа католиковъ, среди которой главную роль играли студенты іезуитской академіи, напала на домъ одного шляхетнаго кальвиниста и штурмовала его цѣлый часъ. Не удовольствовавшись этимъ, она бросилась на реформатскую церковь на Покровской улицѣ. Послѣдовали страшныя сцены буйства и насилія: три пастора евангелической общины сдѣлались при этомъ жертвою фанатизма. Полякъ Балтазаръ Кросневицкій былъ выброшенъ внизъ изъ верхняго этажа, такъ что онъ сломалъ себѣ ногу и страшно разбился. Іоахимъ Вендландъ, предварительно избитый палками, едва не былъ сожженъ живой: уже былъ разложенъ огонь и полумертвый ректоръ кальвинской школы былъ спасенъ только жалобнымъ воплемъ его сына—младенца, который вмѣстѣ съ матерью былъ безжалостно вытащенъ изъ дому, чтобы видѣть мученія своего отца. Третій пасторъ, Мартинъ Тертулліанъ, вскорѣ потомъ умеръ отъ побоевъ и ранъ, ему нанесенныхъ. Затѣмъ іезуитскіе питомцы напали на библіотеку, и богатое собраніе книгъ, принадлежащихъ отчасти общинѣ, отчасти пасторамъ, было предано сожженію. Прямой грабежъ сопровождалъ эти подвиги изувѣрства: сундуки и ящики въ домахъ пасторовъ, жившихъ при Зборѣ, были разломаны, одежда, постели, утварь—все было расхищено толпою. Пожаръ завершилъ наконецъ долго продолжавшееся неистовство; огонь, подложенный фанатиками, истребилъ какъ самый зборъ, такъ и школу, при немъ находящуюся, а равно и всѣ дома пасторовъ [51]).

Общественная совѣсть, еще не совсѣмъ

[49]) Umb den Ausgang dess Iunii: Sethus Calvisius; Kalendis Iuliis: Wengerscius; второе показаніе точнѣе, хотя находится и не въ хронологическомъ сочиненіи.

[50]) Kraszewsni, Wilno III, 367.

[51]) Подробный разсказъ у Венгерскаго: Slavonia reformata, p. 255; и краткій: Sethi Calvisii Opus chronologicum, 1685. Послѣднее сочиненіе называетъ самого Скаргу - виновникомъ этихъ страш-

*

Института Мар. Энг.-Лен. К. Маркса
Инв.
Отд.
№

заглушенная iезуитскимъ воспитанiемъ, возмутилась. Iезуитовъ упрекали въ томъ, что внушая учащемуся юношеству духъ вражды и ненависти къ иновѣрцамъ, они дѣлаются причиною опасныхъ для государства безпорядковъ и своеволiя. Орденъ Iисуса вынужденъ былъ оправдываться. Iезуиты, выгораживая питомцевъ своей академiи, старались свалить всю вину на необразованную толпу, на городскую чернь — вопреки очевидности, вопреки тому, что каждый зналъ въ городѣ; но въ самыхъ оправданiяхъ iезуиты не стѣснялись высказывать всю свою ненависть къ протестантамъ и обращались къ правительству съ внушенiями того же самаго фанатизма, въ которомъ оправдывались. Ради общественнаго спокойствiя, писали они, не слѣдуетъ допускать протестантскаго богослуженiя въ городѣ: жидамъ, татарамъ это можно позволить скорѣе, чѣмъ такимъ еретикамъ, потому что жиды и татары приносятъ всетаки меньше вреда римской церкви [52]). Жалобы и угрозы протестантовъ на сеймѣ повели только къ тому, что на волю короля Сигизмунда отдано было вознаградить Виленскую реформатскую общину за ущербъ, причиненный ей пожаромъ [53]).

Эти примѣры съ достаточною ясностiю свидѣтельствуютъ о томъ, что въ Вильнѣ, возродившейся вновь изъ пепла, въ который она недавно была обращена (пожаромъ 1610-го года), возродился также или, лучше, никогда не угасалъ духъ страшный и разрушительный, духъ религiознаго фанатизма и мятежнаго своеволiя. Положенiе православныхъ было, конечно, нисколько не выгоднѣе положенiя протестантовъ; напротивъ, оно было еще болѣе тяжело и безотрадно. Торжествующая унiя, соревнуя дѣйствiямъ iезуитовъ, торопилась всяческими средствами покончить съ послѣднею организованною силой, которая стояла за исконную вѣру русскаго народа. Всѣ старыя православныя церкви, уцѣлѣвшiя послѣ пожара, были въ рукахъ Потѣя и его помощника Рутскаго, произведеннаго теперь въ коадъюторы митрополита съ титуломъ епископа Галичскаго. Священники и вообще духовенство, поднявшiеся противъ унiи въ 1609-мъ году, были разогнаны; принуждены были или влачить скитальческую жизнь или, какъ сдѣлалъ самъ архимандритъ Сенчило, искать прощенiя, милости и средствъ къ существованiю у властей унiатскихъ. Оставалась горсть людей, перебравшаяся окончательно изъ Троицкаго монастыря на противоположную сторону Большой улицы, оставалось Свято-Духовское братство, сильное тайнымъ сочувствiемъ большинства русскаго населенiя, опасное своимъ непреклоннымъ, неутомимымъ, героическимъ духомъ. На него обрушились тяжелые удары; у него было отнято послѣднее и самое сильное его орудiе: по королевскому повелѣнiю братская типографiя была запечатана и шрифты отобраны; на нѣсколько лѣтъ замолкло энергическое слово Мелетiя Смотрицкаго, такъ блистательно выступившаго на арену борьбы со своимъ „Плачемъ". На главныхъ предводителей православнаго Виленскаго мѣщанства, на богатыхъ купцевъ: Красовскаго, Корольковича и Остафьевича, легли тяжелые денежные штрафы: взысканiя должны были идти въ пользу святыни, нѣкогда дорогой для всего русскаго люда, но теперь захваченной унiатами, — они должны были идти на возобновленiе погорѣвшаго Пречистенскаго собора, но въ руки или черезъ руки Рутскаго [54]). Этого было мало. Митрополитъ Потѣй и его помощникъ Рутскiй, не заботившiеся о возстановленiи древнихъ русскихъ храмовъ, истребленныхъ пожаромъ (церквей Никольской—деревянной, Спасской и Покровской [55]), или же неимѣвшiе къ тому

ныхъ событiй. Ср. также Zeiller, Neue Beschreibung dess Königreich Polen, Ulm, 1647, pag. 200.

[52]) Wenhersciі, Slavonia reformata. См. также любопытныя оправданiя iезуитовъ въ современной и потому драгоцѣнной книжкѣ: De rebus societatis Iesu in regno Poloniae (pag. 160), представленной Сигизмунду III. Мы имѣли въ рукахъ третье изданiе въ Краковѣ 1629 г., одно изъ предыдущихъ было напечатано въ Вильнѣ. Iезуитъ Аргенти пишетъ здѣсь, что студенты Виленской академiи не были ни когда уличены судебнымъ слѣдствiемъ; а если бы и были уличены, то отцы iезуиты не могутъ отвѣчать за нихъ, ибо тогда слѣдовало бы обвинять самихъ ангеловъ хранителей, которые не соблюли ихъ отъ грѣха, и т. д.—Ad Sigismundum III—Ioannis Argentie societatis Iesu visitatoris provinciarum Poloniæ et Lithuaniæ epistola de statu ejusdem societetis. Cracoviæ 1615. См. Balinski, Dawna Akademia Wilenska, p. 117.

[53]) Relacye nunciuszow apostolsk. II, 111 (въ концѣ).

[54]) «Археографич. Сборникъ» Виленскаго учебнаго округа, VI, № 131; - VII, № 50.

[55]) См. «Памятники русской старины въ Западныхъ

средствъ,—хотѣли, однако, отнять у православныхъ то, на что унія не могла представлять уже рѣшительно никакихъ притязаній. Положимъ, что, какъ утверждалъ съ нѣкоторою беззастѣнчивостію Ипатій Потѣй древнія русскія церкви въ Вильнѣ были выстроены все уніатами, положимъ, что Ипатій Потѣй, явившійся въ Виленскую ратушу, торжественно неся въ рукахъ какіе-то старые клочки бумаги съ посланіемъ митрополита западно-русскаго Мисаила къ Римскому папѣ, въ самомъ дѣлѣ побѣдоносно доказалъ, что въ древнія времена русско-литовская церковь держалась уніи, а православія здѣсь совсѣмъ не бывало [56]). Но Свято-Духовская церковь выстроена тогда, когда, правда, существованіе уніи не подлежало сомнѣнію, но за то и встрѣтило почти всеобщій протестъ, выстроена людьми, которые еще ранѣе заявили, что они не признаютъ уніи, какъ незаконнаго нововведенія,—наконецъ, выстроена на землѣ частнаго человѣка; а на основаніи польскаго права, никто не могъ запретить кому либо строить на своей землѣ, что онъ найдетъ нужнымъ. Тѣмъ не менѣе необходимо было покончить съ братствомъ во что бы то ни стало — и Рутскій дѣлалъ какія-то попытки овладѣть церковію и монастыремъ, при ней устроившимся; онъ ходилъ по судамъ и требовалъ даже, чтобы ему выданы были денежныя суммы, завѣщанныя именно братской церкви [57]). Понятно то, что это ему не удалось; но непонятно, какъ послѣ такихъ жалкихъ пріемовъ уніатская іерархія могла жаловаться на малое уваженіе, пріобрѣтенное ею въ самомъ польскомъ свѣтскомъ обществѣ. Помощникомъ Рутскаго былъ Кунцевичъ. Когда (1613) умеръ Ипатій Потѣй и митрополитомъ сдѣлался Велияминъ Рутскій, то Іосафатъ Кунцевичъ поставленъ былъ во главѣ Троицкаго монастыря, устроеннаго теперь по нормѣ Базиліанскаго ордена [58]). Рутскій былъ организаторъ и администраторъ, занимался вопросами высшей уніатской политики, дѣйствовалъ на судахъ и сеймахъ. Кунцевичъ, аскетъ и подвижникъ, скрывавшій подъ монашескимъ платьемъ суровую власяницу, постившійся и изнурявшій себя до галлюцинаціи, до видѣній, въ которыхъ цѣлыя толпы бѣсовъ наполняли его келью, представлялъ чисто нравственную силу. Нѣтъ конца разнымъ чудеснымъ обращеніямъ, которыя приписываются ему уніатскими жизнеописателями! Въ противномъ лагерѣ онъ получилъ характеристическое прозваніе „душехвата". И нельзя отрицать, что его постническая жизнь, изнуренное подвижническое лице, убѣжденная фанатическая рѣчь, тѣмъ болѣе близкая къ пониманію народной массы, что онъ самъ вышелъ изъ народа,—производили сильное впечатлѣніе. Онъ, говорятъ уніаты, обратилъ въ „святую унію" большую часть Вильны [59]), хотя то обращеніе, которое считается вѣнцомъ его Виленской дѣятельности, „усладительнымъ музыкальнымъ финаломъ" (suave acroama), по выраженію Суши, т. е. обращеніе Тышкевича съ сыномъ оказалось, какъ мы знаемъ, непрочнымъ пріобрѣтеніемъ для уніи. Безъ сомнѣнія, Кунцевичъ, созданный русскими Виленскими іезуитами Ковальскимъ и Гружевскимъ, не разыгрывалъ съ ними связи и теперь. Можно думать, что ихъ тонкимъ внушеніямъ и глубокому знанію всѣхъ пружинъ, управляющихъ общественною жизнію и человѣческимъ сердцемъ, Кунцевичъ былъ обязанъ двумя мѣрами, которыя были приняты въ его игуменство въ Вильнѣ и очевидно прошли подъ защитою его авторитета [60]). Мѣры, о которыхъ мы говоримъ, способны были оказать весьма

губерніяхъ», V, текста стр. 77. Впрочемъ, считая вѣрными слова Чилли о четырехъ только церквахъ, мы допустили тамъ нѣкоторую неточность. Вѣрнѣе, въ томъ же изданіи, въ статьѣ о древнихъ православныхъ храмахъ Вильны, стр. 81—84.

[56]) См. «Памятники старины» V, стр. 58.

[57]) «Археограф. Сборникъ» Вил. учебн. округа, VII, № 51, стр. 76.

[58]) Подробности о преобразованіяхъ Рутскаго см. Кояловича, Литовская унія, II, 93 и сл.

[59]) Susza, Cursus vitae b. Josaphat (ed. Martinow) pag. 36.

[60]) Labore et cura B. Josaphat martiris, dum Vilnensem hegumenum ageret (1614—1617). Excerpta ex relatione, quam metropolita ruthenus catholicus de conditione suae metropoliae cardinalibus S. C. de propaganda fide transmitit: документъ Ватиканскаго архива, изданный Тейнеромъ Vetera Monumenta Poloniae, t. III, pag. 600. Сравн. Виленскій «Археограф. Сборникъ», VI, 184 стр. Также Informatio Рутскаго, отправленное въ Римъ въ 1623 г.: Harasewicz, Annal. eccles. Ruth., pag. 293. Итакъ фактъ мы узнаемъ изъ двухъ конфиденціальныхъ донесеній въ Римъ и одного судебнаго тяжебнаго документа. Въ біографіи Суши объ этомъ—ни слова.

осязательную и весьма дѣйствительную помощь нравственному дѣйствію чудесъ и проповѣдей Кунцевича. За то о нихъ и молчатъ тѣ писатели, которые имѣли въ виду его канонизацію. Эти двѣ мѣры: вопервыхъ, изгнаніе православныхъ изъ магистрата и ратуши; чтобы быть бурмистромъ или райцою теперь требовалось признаніе уніи, письменное обязательство въ этомъ смыслѣ. Припомнимъ, что половина мѣстъ въ городской администраціи и судѣ по закону принадлежала людямъ русской вѣры, представимъ себѣ, какимъ высокимъ отличіемъ было званіе бурмистра или райцы—одно то, что этимъ сообщалось шляхетство: — и намъ будетъ понятно значительное число обращеній въ высшихъ зажиточныхъ кругахъ Виленскаго купечества. Вотъ что̀ писалъ въ Римъ одинъ изъ позднѣйшихъ уніатскихъ митрополитовъ: „Когда откроется въ Вильнѣ вакантная должность бургомистра или райцы, то болѣе богатые изъ схизматиковъ добровольно обращаются въ унію изъ страстнаго желанія достигнуть этой почести; жены и дѣти ихъ, отрекшись отъ схизмы, являются на исповѣдь къ оо. Базиліанамъ, принимаютъ у нихъ Св. причастіе и представляютъ письменное удостовѣреніе о своемъ обращеніи магистрату, который тотчасъ послѣ этого и допускаетъ новообращеннаго на вакантную должность Виленскаго городскаго управленія. И такіе обращенные бываютъ иногда ревностнѣе къ уніи, чѣмъ природные уніаты [61])“. Въ тотъ годъ, какъ это было писано, обратились по этимъ побужденіямъ въ унію трое православныхъ Виленскихъ гражданъ, изъ коихъ одинъ сдѣланъ былъ бурмистромъ, другой—радцею и третій—писаремъ Виленской общины (notarius). Мы не знаемъ точно, ка̀къ удалось Кунцевичу провести эту въ высшей степени дѣйствительную мѣру и нанести этотъ страшный ударъ противной сторонѣ. Помогли, безъ сомнѣнія, католики, но были у него приверженцы и между вліятельными русскими. Таковъ былъ—Игнатій Дубовичь (фамилія котораго встрѣчается въ „Брестской Мытной Книгѣ“ въ числѣ Виленскихъ жителей, ведущихъ заграничную торговлю), одинъ изъ первыхъ богачей въ Вильнѣ [62]), радца Виленскій, а въ послѣдствіи архимандритъ Троицкаго монастыря. Вторая мѣра была разсчитана уже не на честолюбіе людей богатыхъ, а просто на потребность имѣть кусокъ хлѣба для себя, жены и дѣтей — бѣдняковъ, живущихъ трудами своихъ рукъ. Постановлено было—никого не допускать въ купеческія братства и *ремесленные цехи* иначе какъ подъ условіемъ сходить предварительно на исповѣдь въ Троицкій монастырь и принести удостовѣреніе въ принадлежности къ уніи [63]). Не принадлежать къ цеху означало не только отсутствіе права на трудъ, а положительное запрещеніе всякой ремесленной работы; для многихъ это значило—лишеніе права на жизнь или, по крайней мѣрѣ, голодъ всей семьи, и многіе шли къ Виленскому уніатскому чудотворцу, хотя бы и несовсѣмъ вѣрили въ его чудеса.

Что̀ же дѣлало въ это время Виленское православное братство? Оно дѣлало все, что̀ могло, и дѣлало очень много. Удивительная способность на самопожертвованіе жила въ этихъ людяхъ. Они приводили въ удивленіе и досаду и негодованіе своихъ враговъ. Послушаемъ что̀ они, эти враги, говорятъ. Первое препятствіе къ распространенію уніи—это схизматики. „Создали они себѣ во всѣхъ городахъ братства, привлекая въ оныя подъ предлогомъ дѣлъ благочестія; написали себѣ уставы, избрали старшинъ, стали собирать сначала общую контрибуцію сообразно съ средствами, а потомъ стали вносить эти пожертвованія на каждой еженедѣльной сходкѣ, а если случится какая чрезвычайная нужда, то стали во время со-

[61]) Изъ донесенія Гавріила Коленды коллегіи de propaganda fide (1667 г.) Theiner, Vetera Monum. Polon. III, 600.

[62]) Ignatius Dubowicz, praedives consul Vilnensis: Susza, Cursus vitae B. Iosaph. p. 30.

[63]) Драгоцѣнное свѣдѣніе, сообщаемое въ донесеніи Рутскаго въ коллегію de propag. fide 1624 года. Harasewicz, Annal. ecclesiæ ruthenæ pag. 294 inter alias insigniores (civitates) *Vilna*—nullum admittit ad senatum civitatis, nisi catholicum, nullum item ad *sodalitates* civium et *artificium*, nisi qui probatus fuerit unitus cum s. romana ecclesia. Такъ какъ изгнаніе изъ цеховъ здѣсь поставлено рядомъ съ исключеніемъ изъ магистрата, такъ какъ обѣ эти мѣры, очевидно, проникнуты однимъ духомъ, а донесеніе Рутскаго писано вскорѣ послѣ игуменства Кунцевича, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что и вторая мѣра принята при немъ, одновременно, нужно думать, съ первою.

бранія (церковнаго) объявлять объ этомъ народу съ амвона, однихъ убѣждая, а другихъ, именно тѣхъ, которые сами состоятъ братчиками, обязывая—дать столько, сколько будетъ опредѣлено главными совѣтниками. И такова сила этихъ поборовъ, что одно *Виленское братство*, глава другихъ, истратило, говорятъ, отъ начала уніи для *противодѣйствія ей 200,000 флориновъ* (злотыхъ). И такова ихъ ревность во злѣ и послушаніе, что иногда общее постановленіе братства обязываетъ каждаго изъ братчиковъ дать *двадцатую* часть всего, чѣмъ онъ владѣетъ,—и всякой даетъ; поэтому они всякой разъ, какъ захотятъ, собираютъ огромныя деньги" [64]). Писано въ Римъ въ 1622 году отъ имени уніатскихъ епископовъ.

Знамя вѣры было знаменемъ всякой помощи житейской и духовной [65]); начало христіанской благотворительности и взаимной помощи, составлявшее коренной принципъ братства, налагало на него прямую обязанность оказывать матеріальное вспомоществованіе всякому нуждающемуся собрату, и прежде всего тому, кто за свою вѣру лишался самыхъ средствъ къ жизни, для кого житейская нужда была опаснымъ испытаніемъ и разсчитаннымъ со стороны враговъ искушеніемъ. Но не это одно составляло заботу тѣхъ по истинѣ героическихъ людей, которые приносили такія громадныя жертвы [66]). Величайшую честь православнымъ жителямъ Вильны, положившимъ начало Троицкому, а потомъ Свято-Духовскому братству, исторія должна воздать за то, что они, помимо іерархіи, сами собою поняли необходимость науки и просвѣщенія — для защиты самой религіи. Построенныя на принесенномъ съ запада принципѣ ассоціаціи и весьма мало оригинальныя на первыхъ ступеняхъ своего развитія, западно-русскія братства въ этомъ отношеніи самостоятельны и самобытны [67]). Типографія и школа съ самаго начала составляли главное основаніе жизни Троицкаго, а потомъ Свято-Духовскаго братства. Уже въ 1597 году упоминается русская коллегія при Свято-Духовомъ монастырѣ, при которой находится и греческій баккалавръ; среди юношества, посѣщающаго школу, мы встрѣчаемъ тогда фамилію князя Огинскаго, можетъ быть того самаго Огинскаго, который оказалъ потомъ такъ много услугъ православному Виленскому братству, стоялъ во главѣ его и былъ едва-ли не послѣднимъ представителемъ прежде такъ многочисленной православно-русской аристократіи Литовской. Школа и теперь продолжала быть главнымъ предметомъ заботливости братства, руководимаго умнымъ, осторожнымъ и строгимъ въ своихъ правилахъ и жизни настоятелемъ монастыря, архимандритомъ Леонтіемъ Карповичемъ [68]). Чрезъ нѣсколько времени послѣ его смерти упоминается „конгрегація студентовъ св. Константина и Елены при церкви Св. Духа" [69]). Въ 1617 году, какъ писалъ Леонтій Карповичъ Львовскому братству, въ Вильнѣ сооруженъ былъ для этихъ студентовъ „каменнымъназданіемъ" домъ школьный, раздѣленный на пять училищъ: въ трехъ читалась латинская наука, въ четвертомъ русская, а въ пятомъ преподавалось наставленіе въ греческомъ и славянскомъ языкахъ. Мало было построить домъ, нужно было найти вполнѣ способныхъ преподавателей для того, чтобы школа могла выдерживать конкуренцію съ знаменитою іезуитскою академіей, постоянно подкрѣпляемою учеными

[64]) Informatio data ab episcopis ruthenis sub metropolita Rutski Romam: Harasew. Annal. eccles. ruthenæ, p. 257.

[65]) Кояловичъ, Литовская унія, II, 87.

[66]) 200 т. злотыхъ тогдашнихъ равняется 800 т. позднѣйшихъ нашего времени.

[67]) Въ настоящее время едва ли можетъ быть какое сомнѣніе въ томъ, что братства пришли въ Русско-литовскіе города съ Запада, когда мы даже въ отдаленной Англіи находимъ точно такія же братства; сходство обнаруживается даже въ мелочахъ: «камень воску» составляетъ штрафъ братчиковъ какъ въ англійскихъ ассоціаціяхъ, такъ и русскихъ.

[68]) Самые уніаты отдаютъ полную честь добродѣтелямъ Карповича и только сожалѣютъ о томъ, что онъ запятналъ ихъ схизмою. Karpowicz, Vilnensis archimandrita monasticæ severitatis amans et morum laudabilium, nisi eos schismate deturpasset. Susza, Saulus et Paulus Ruthenæ unionis sive Meletius Smotriscius (ed. Martinow, Bruxelles 1864), pag 22.

[69]) Одно любопытное изданіе братской типографіи 1635 года носитъ слѣдующее заглавіе: Echo żalu na głos lamentuiącego po nieopłakaney smierci patrona swego—odzywaiące sie w kongregacyi studentow ss. Konstantyna i Heleny przy cerkvi S. Ducha w Wilnie drukowano. См. Каталогъ Крашевскаго. Wilno, IV, 179.

силами всего Латинскаго запада и стоявшею тогда на одной высотѣ съ лучшими однородными учебными учрежденіями Европы. Сюда стремилось до сихъ поръ русское юношество, какъ ново-уніатское, такъ и православное. Въ Виленской іезуитской академіи началъ свое образованіе Мелетій Смотрицкій, авторъ извѣстнаго намъ краснорѣчиваго „Плача", теперь (1610—1620) представлявшій главную надежду православныхъ. Ради іезуитской академіи онъ прибылъ въ Вильну съ Волыни вмѣстѣ съ молодымъ рускимъ, также православнымъ, аристократомъ Юріемъ Пузиною [70]. Но какъ опасны были для Русскихъ уроки знаменитыхъ іезуитскихъ профессоровъ—мы объ этомъ можемъ судить лучше всего по горькимъ жалобамъ уніатской іерархіи на постоянное и опасное для самаго существованія уніи расхищеніе наиболѣе дорогаго ея достоинства, т. е. подростающей аристократической молодежи! Это расхищеніе производилось именно въ іезуитскихъ коллегіяхъ, и особенно въ Виленской іезуитской академіи. „Изъ латинскихъ школъ почти двѣсти благородныхъ юношей перешли въ латинскій обрядъ. Столько же при дворѣ и въ войскѣ. Теперь спрашивается, писали уніатскіе епископы въ 1623 году своимъ римскимъ покровителямъ, что же останется у Русскихъ по истеченіи десяти лѣтъ? Скажутъ, останутся хлопы (rustici). Этого нельзя принять. Унія все-таки рухнетъ, потому что хлопы не будутъ защищать уніи отъ схизматиковъ" [71]. Рутскій и его товарищи требовали, чтобы для безопасности уніи было запрещено іезуитамъ обращать своихъ слушателей въ латинство и великодушно хлопотали при этомъ не только за себя, но и за православныхъ. „Пусть Русское юношество, какъ благороднаго такъ и плебейскаго происхожденія, *преданное схизмѣ* и занимающееся изученіемъ наукъ въ коллегіяхъ братства Іисусова, не *принуждается* къ измѣненію своего обряда; болѣе того—пусть не допускается къ этому и при добровольномъ желаніи". Великодушная заботливость, впрочемъ, сейчасъ же объясняется. „Пусть лучше отцы іезуиты благочестивыми увѣщаніями склоняютъ ко святой уніи и настаиваютъ, чтобы эти молодые люди оставались при своемъ (греческомъ) обрядѣ" [72].

Послѣ этого понятно, что лучшее устройство православной Русской школы стоило всяческихъ заботъ и всяческихъ жертвъ. Главное затрудненіе состояло въ прісканіи достойныхъ преподавателей. Пусть печальное сознаніе будетъ высказано собственными устами православнаго русскаго іерарха. „Вы требуете, чтобы для латинскихъ школъ, которыя вы задумали основать для нашего русскаго народа, я указалъ вамъ какого нибудь ученаго и трезваго человѣка. Вотъ по истинѣ—ужъ пусть безъ увертокъ, милыхъ моимъ ученымъ, будетъ сказана безъ грѣха сущая правда—тутъ требуется вещь рѣдкая, фениксъ въ мірѣ, драгоцѣнный брильянтъ между камнями и золото между металлами. Рѣже и драгоцѣннѣе этого—человѣкъ между нами съ обѣими добродѣтелями: со свѣдѣніями и съ трезвостію" [73]. *Скудости ради своихъ* Леонтій Карповичъ долженъ былъ прибѣгать къ чужимъ, и латинская наука читалась въ православной Виленской школѣ иновѣрными нѣмцами. Но братство не хотѣло примириться съ такимъ положеніемъ. Оно желало ввѣрить своихъ питомцевъ такимъ ученымъ, которые бы имѣли трудолюбное и сыновнее, а не наемничье попеченіе объ общей матери—церкви. Оно обращалось съ запросами въ далекій Львовъ, писало тамошнему братству: „если имѣете или узнаете, то, умоляемъ, пришлите". Оно обращалось къ единовѣрцамъ, способность которыхъ была извѣстна, убѣждало, молило—и съ трудомъ получало согласіе. [74]) Не велики были выгоды, но велика была опасность. Лаврентій Зизаній, братъ извѣстнаго дидаскала Стефана, ушелъ съ своими сочиненіями въ Москву, искалъ покровительства у патріарха

[70]) Susza, Saulus et Paulus, pag. 16.

[71]) Informatio ab episcopis Ruthenis: Harasewicz, Annales, p. 274.

[72]) Это требованіе высказывается въ знаменитомъ посланіи Смотрицкаго къ папѣ о средствахъ распространенія уніи, писанномъ послѣ его обращенія въ латинство. Theiner. Vetera Monum. III, № 322.

[73]) «Археографическій Сборникъ» Виленскаго учебнаго округа, VII, стр. 82 № 55. Письма кіевскаго митрополита Іова Борецкаго къ Христофору Радивилу.

[74]) Акты Западной Россіи IV, 504 (№ 217). Посланіе Виленскаго братства ко Львовскому; подъ нимъ подписался архимандритъ Леонтій Карповичъ.

Филарета [75]). Не далѣе какъ въ началѣ того же 1617 года сдѣлано было въ Вильнѣ новое нашествіе на Свято-Духовскій монастырь; католики стрѣляли въ церковь, бросали каменьями въ „шляхетныхъ дѣтей", которые учились *въ школѣ*, и болѣе двадцати изъ нихъ побили и поранили [76]). У православныхъ все-таки оставался одинъ человѣкъ не только вполнѣ способный и трезвый, но и блистательно одаренный умомъ и краснорѣчіемъ. Это былъ Мелетій Смотрицкій, довершившій свое образованіе, начатое въ Виленской іезуитской академіи, за границей, въ нѣмецкихъ протестантскихъ университетахъ. На него, какъ сказано, возлагались большія надежды. Онъ, дѣйствительно, ревностно трудился; онъ составлялъ теперь свою „Славянскую Грамматику и Словарь", занимался приготовленіемъ новаго перевода „Псалтири и Новаго Завѣта": какъ скоро братство вновь получило свою типографію—это сдѣлалось, повидимому, въ 1619 году [77])—его труды, печатавшіеся до сихъ поръ въ Евью, стали появляться на свѣтъ въ самой Вильнѣ. Смотрицкій преподавалъ славянскую грамматику въ братской школѣ и, сверхъ того, на латинскомъ языкѣ другія науки, какъ-то: риторику и діалектику [78]).

Но лица, болѣе искушенные въ познаніи души человѣческой и ближе знакомые съ домашними секретами, не могли вполнѣ довѣрять Смотрицкому. Умъ блистательный, но не глубокій и не самостоятельный, одаренный при томъ живымъ, даже поэтическимъ воображеніемъ (что обнаруживается въ самыхъ его сочиненіяхъ), Мелетій Смотрицкій не хотѣлъ замкнуться въ строгомъ исполненіи тяжелаго долга, не могъ удовлетвориться сухими учеными трудами. Онъ былъ молодъ и ему не давали спать собственные его трофеи. Со свѣжими впечатлѣніями, принесенными изъ нѣмецкихъ протестанскихъ университетовъ, онъ выступилъ на арену литературной полемической борьбы противъ латинства и уніи, и громкій блестящій успѣхъ достался ему съ перваго раза, и тотчасъ же послѣ этого онъ долженъ былъ замолчать (могло казаться, что навсегда), и тотчасъ же настали самыя тяжелыя времена для той стороны, на которой онъ стоялъ: самая типографія, которая напечатала „Ѳриносъ", была отобрана у братства. Мы имѣемъ извѣстіе, что поведеніе Карповича, строго заключившагося въ оборонительномъ положеніи, не нравилось Смотрицкому; онъ называлъ его лѣнивымъ и недѣятельнымъ [79]), т. е. недоступнымъ для тѣхъ широкихъ заносчивыхъ, опасныхъ и соблазнительныхъ плановъ, которые занимали воображеніе Смотрицкаго. Унія Рагозы и Потѣя не удалась; она раздѣлила русскій народъ на два враждебные лагеря, и обѣ стороны находились въ печальномъ положеніи. Уніаты тѣснили православныхъ, но латинство отнимало у нихъ то, что они пріобрѣтали преслѣдованіями своихъ братьевъ по отечеству, языку и крови. Смотрицкому ясно представлялось это горькое положеніе вещей, при которомъ русскій народъ раздиралъ собственную свою утробу. Но, помимо уніи Рагозы и Потѣя, была другая унія, о которой думалъ нѣкогда князь Острожскій, унія, которая не была бы раздѣленіемъ русскаго народа и православной церкви, которая совершилась бы съ согласія самого Константинопольскаго патріарха и была бы дѣйствительнымъ соединеніемъ восточной и западной церкви. Объ этой лучшей уніи сталъ мечтать Смотрицкій. Она вывела бы русскій народъ изъ того глухого угла, въ который онъ былъ теперь запертъ; она открывала самому Смотрицкому перспективу блестящаго подвига и широкой дѣятельности. Но, вѣдь, и унія Рутскаго и Кунцевича не думала отказываться отъ широкихъ надеждъ на общее объединеніе. Любимою темой поборниковъ литовской уніи предъ папскимъ престоломъ была та мысль, что Литовская унія есть архимедова точка опоры для обращенія къ Римскому престолу всѣхъ славянскихъ церквей — прежде всего обширной и многолюд-

75) Соловьевъ IX, 460.

76) Акты Виленскаго гродскаго суда, связка № 73 (Выписки И. Я. Спрогиса).

77) Въ 1615 году братство обращалось къ Христофору Радивилу съ просьбой ходатайствовать о возвращеніи ему типографіи («Археографическій Сборникъ», томъ VII, стр. 75, № 50). — Въ 1619 и 1620 выходятъ вновь изданія изъ этой типографіи.

78) Susza, Saulus et Paulus, pag. 19: latinas artes humaniores.

79) Examen Obrony, pag. 43.

53756 д б.
Библиотека Института Народного Хозяйства им. Плеханова Уч. № 39376
БИБ Института №

ной Московіи, гдѣ о невѣжественное упрямство духовенства разбивались и будутъ разбиваться всякія попытки прямаго воздѣйствія римской пропаганды; московскій народъ, соображали уніатскіе мечтатели, пользуется тѣми же богослужебными книгами, какъ и мы, а затѣмъ слѣдуютъ Болгарія, Сербія, большая часть Венгріи и Седмиградіи, Валахія и Молдавія, гдѣ господствуетъ славянскій языкъ въ богослуженіи; есть положительная надежда, что примѣръ литовской уніи увлечетъ всѣ эти страны [80]): виды, которые уже указывалъ Антоній Поссевинъ. Нужно было для ихъ достиженія прежде всего то, чтобы Римскій престолъ снялъ съ литовской уніи нареканіе въ томъ, что она служитъ только переходною ступенью къ латинству, запретилъ переходъ отъ греческаго обряда въ латинскій: это отталкиваетъ отъ уніи тѣхъ православныхъ, которые иначе бы въ нее обратились, подвергаетъ унію насмѣшкамъ со стороны не только московитовъ, но и литовскихъ схизматиковъ. Въ 1615 году митрополиту Іосифу Рутскому удалось добиться въ Римѣ чего-то похожаго на запрещеніе переходить изъ уніи въ латинство, удалось, по крайней мѣрѣ, добиться торжественнаго заявленія, что Римскій престолъ не имѣетъ въ виду уничтожить посредствомъ уніи греческій обрядъ [81]). Нѣтъ сомнѣнія, что уніаты очень носились съ этою буллою и считали теперь устраненнымъ главное препятствіе къ распространенію уніи и, прежде всего, къ обращенію въ нее членовъ и приверженцевъ Виленскаго братства. Въ сознаніи своей силы и крѣпости своего положенія, они готовы были перейти отъ насилія къ мѣрамъ кротости, готовы были протянуть руку примиренія упорнымъ и доведеннымъ до крайности братьямъ. Какъ разъ къ этому времени среди самихъ католиковъ стали раздаваться голоса противъ насильственныхъ дѣйствій уніатовъ, доказывавшіе, что лучше дѣйствовать любовью, кротостью и убѣжденіемъ. Замѣчательно въ этомъ отношеніи посланіе, адресованное на имя самого папы однимъ польскимъ аристократомъ въ 1616 году. Онъ свидѣтельствуется Богомъ въ своей преданности католической церкви и усердномъ расположеніи къ уніи, но высказываетъ страхъ, что насиліе и гоненіе, посредствомъ которыхъ унія распространяется, грозятъ Польшѣ страшнымъ пожаромъ. „Огонь, зажженный въ послѣдніе годы, уже таится подъ обманчивымъ пепломъ. Русскіе—мой народъ, Русь—наше общее отечество, мы связаны съ ними безчисленными узами родства, мои подданные почти всѣ—русскіе: я вижу, что *дѣло ведется насиліемъ*, насиліе возбуждаетъ смуты, смуты чрезвычайно опасны. Если бы дѣло уніи велось мирными и приличными средствами, то мы могли бы надѣяться, что унія Павла V была бы прочнѣе, чѣмъ унія Евгенія IV, которая волнуетъ теперь христіанскій міръ — и больше всего наше отечество“ [82]).

Въ связи съ этимъ настроеніемъ находятся попытки уніатовъ склонить Виленское православное братство къ мирному рѣшенію спора путемъ публичнаго обсужденія всѣхъ пунктовъ разногласія. Въ концѣ 1617 года (или въ самомъ началѣ 1618) Свято-Духовское братство, на основаніи какого-то королевскаго декрета, приглашалось против-

[80]) Инструкція, данная нунцію Руини въ 1612 г. «Папа безконечно дорожитъ уніею, ибо надѣется, что съ ея распространеніемъ послѣдніе схизматики обратятся къ единству съ римскимъ престоломъ. Relacye nunciuszów apostolsckich o Polsce. W Parižu, 1864, II, 113. Папа Урбанъ VIII въ своей буллѣ (1629 г.) восклицалъ: o mei rutheni, per vos ego orientem spero convertendum: Harasew. Annales eccles. Ruthenae, p. 323. Ср. ibid., pp. 255—268 и pass.

[81]) Булла папы Павла V: Harasiewicz Annal. ecclesiae ruthenæ, p. 252. Папскій нунцій де-Торресъ писалъ въ Римъ (1621): «Дизуниты убѣждены, что ихъ религія есть наилучшая въ свѣтѣ и чрезвычайно не любятъ, если кто изъ нихъ переходитъ въ латинскій обрядъ; видя, однако, что послѣдній взялъ надъ ними верхъ, они живутъ въ постоянномъ опасеніи, что имѣется въ виду совершенно уничтожить ихъ. Нельзя иначе выбить у нихъ изъ головы этого опасенія, весьма вреднаго для нашихъ намѣреній, какъ только пріостановивъ на нѣкоторое время позволеніе переходить изъ греческаго обряда въ латинскій и при томъ поступая съ ними такъ прямодушно (!) и кротко, чтобы они убѣдились въ томъ, что никто не думаетъ ихъ обращать» (Relacye nunciuszow apostol. II, 154).

[82]) Посланіе Гербурта старосты Добромильскаго: Grus Spiritualis. Cracoviae 1617. Harasewicz, Annal., p. 251. Гербуртъ былъ недавно посломъ польскимъ къ Константинополѣ и заслуженно пользовался общимъ уваженіемъ.

ною стороной явиться въ ассессорскій судъ и предъ лицемъ короля рѣшить споръ, которая вѣра лучше [83]). Это странное приглашеніе, указывающее совершенно новую и неслыханную инстанцію для рѣшенія вопросовъ совѣсти и вѣры, сопровождающееся притомъ — попрежнему — мѣрами насилія, было, конечно, отвергнуто. Но въ 1618 году дѣло, повидимому, пошло лучше и несомнѣнно подвинулось гораздо далѣе. Между православными и уніатами предположенъ былъ благородный — ученый, публичный споръ. Уступчивость со стороны уніатовъ была такъ велика, что они даже предоставляли православнымъ рѣшить, кого допустить на этотъ споръ изъ постороннихъ людей, т. е. латинянъ, и кого нѣтъ [84]). Виленское братство было согласно, оно выбрало уже день и мѣсто; уже съѣхались уніатскіе паны, заинтересованные вопросомъ. Въ послѣднюю минуту, однако, все рушилось, но не по винѣ уніатовъ. Православные объявили, что имъ нужно получить разрѣшеніе патріарха для этого состязанія о вѣрѣ [85]). Ссылку на патріарха можно признать вполнѣ основательною: его авторитетъ до сихъ поръ былъ лучшимъ щитомъ, которымъ прикрывались православные противъ невѣрныхъ своихъ епископовъ. Они дѣлали хорошо, что не покидали своей оборонительной позиціи, и совершенно некстати уніатскіе писатели истощаютъ запасъ своего остроумія, сравнивая поведеніе духовнаго братства съ поведеніемъ школьника іезуитской академіи, который бы отказался отъ заданной ему богословской темы для школьнаго диспута съ товарищемъ, сославшись на необходимость папскаго разрѣшенія. Не о школьномъ диспутѣ шла рѣчь. Но важно то, что, повидимому, среди Свято-Духовскаго братства не было на этотъ разъ единодушія, находились люди, которые не прочь были принять руку, протягиваемую уніатами, и посредствомъ диспута, помимо патріарха, придти къ рѣшенію спора. Во главѣ такихъ лицъ стоялъ Смотрицкій. Сношенія съ уніатами онъ продолжалъ и послѣ разрыва всѣхъ переговоровъ о состязаніи публичномъ. На позднѣйшія разоблаченія уніатской полемики, Смотрицкій утверждалъ, что онъ ходилъ къ уніатамъ не своевольно, а съ разрѣшенія старшихъ. Очень вѣроятно, что такъ было съ начала. Первыя сношенія его съ прежними врагами падаютъ именно на время переговоровъ о диспутѣ [86]),—когда они были совершенно естественны и необходимы. Но нельзя того же сказать о дальнѣйшихъ ночныхъ и таинственныхъ похожденіяхъ Смотрицкаго. Смотрицкій не хотѣлъ разстаться съ тѣми планами, которые онъ уже лелѣялъ, которые развилъ и уяснилъ себѣ въ бесѣдахъ съ друзьями уніи, ищущей примиренія съ русскимъ народомъ. Впечатлительный и увлекающійся, онъ уже отрекался отъ своей прежней славы, жалѣлъ о томъ, что былъ авторомъ „Плача", сочиненія написаннаго вовсе не въ духѣ примиренія, сочиненія, о которомъ уніаты говорили, что въ немъ каждое слово—жестокая рана, и каждая мысль—смертельный ядъ [87]); онъ изъявлялъ желаніе исправить зло, сдѣланное этою книжкою. Весьма характеристично для своей особы, Смотрицкій толковалъ о „*знатной* заслугѣ", о великомъ подвигѣ, способномъ вознаградить церковь Божію за *великій* вредъ, ей имъ причиненный [88]). Это значило, что онъ хочетъ стараться о соединеніи и примиреніи православныхъ съ уніей—на основаніи какого-то соглашенія съ уніатами, т. е. повидимому не о простомъ переходѣ православныхъ въ готовую Брестскую унію. Онъ бралъ на себя трудъ войти въ сношенія съ значительными и влія-

[83]) «Археографическій Сборникъ» VII, p. 78 (№ 52).

[84]) Sowita Wina, p. 70. Examen Obrony, p. 40. Кояловичъ, Литовская унія II, 98.

[85]) Examen Obrony, p. 43 и сл.

[86]) Авторъ уніатскаго полемическаго сочиненія—Examen Obrony—вышедшаго въ 1621 году, говоритъ (стр. 41) о попыткѣ устроить диспутъ: przypomnijcie czegoście sami dobrze wiadomy—co bylo *przed trzema laty*. А на стр. 43-ьей о Смотрицкомъ и его сношеніяхъ съ уніатами, что онъ самъ можетъ припомнить какъ было дѣло: *bo cztèrech lat temu ne masz*. Если понимать эти выраженія въ буквальной точности, то нужно предположить, что первыя сношенія Смотрицкаго съ уніатами нѣсколько предшествовали переговорамъ объ устройствѣ диспута.

[87]) Susza, Saulus et Paulus, pag. 8.

[88]) Żalował tego a powtorzył to razow ze trzy, że xiążkę Lament nazwaną pisał; wielum powiada tą xiążką zgorszył; żal mi tego, chce to nagrodzić—posługą iaką znacną: Obrona, p. 43 въ концѣ.

тельными личностями среди православныхъ, обязался объѣхать всѣ русскіе края, чтобы расположить сердца людскія ко взаимному согласію.

Ночныя путешествія Смотрицкаго изъ братскаго дома на Большой улицѣ, гдѣ была школа, на совѣщаніе съ уніатами—не остались тайною. Какой-то лавочникъ подстерегъ его въ Бернардинскомъ монастырѣ и донесъ братству. Смотрицкій подвергся тому, что̀ технически называлось „братскимъ исправленіемъ“ (correctio fraterna). Какой переходъ отъ заносчивыхъ мечтаній играть историческую роль къ совершенно прозаическому наказанію! Архимандритъ Леонтій Карповичъ очень серьезно отнесся къ своеволію подчиненнаго учителя братской школы и съ этихъ поръ не считалъ его надежнымъ человѣкомъ. Однако, внушеніе не подѣйствовало. Смотрицкій нашелъ другое мѣсто для свиданій, гдѣ бы уже не могли его подстеречь: но тайна опять была выдана. Послѣ этого въ братствѣ потребовали отъ Смотрицкаго, чтобы онъ или совсѣмъ оставилъ братство, или же бы принялъ монашеское постриженіе въ залогъ своего исправленія и вѣрности, и вслѣдствіе того поступилъ бы подъ строгій надзоръ монастырскій. Что̀ было дѣлать Смотрицкому? Выйти изъ братства—значило совсѣмъ отказаться отъ той посреднической роли, которую онъ взялъ на себя; броситься въ объятія Рутскаго и уніатовъ, которые, безъ сомнѣнія, охотно бы раскрыли ихъ, значило совсѣмъ записаться въ ряды враговъ русскаго народа, потерять возможность быть его спасителемъ. Смотрицкій сдѣлался монахомъ. Вскорѣ за тѣмъ послѣдовалъ рядъ событій, вновь оживившій надежды православныхъ, напугавшій и приведшій въ смятеніе уніатовъ. Относительное положеніе враждебныхъ сторонъ, казалось, совершенно измѣнилось и приняло обратный видъ: унія погибала, Виленское братство и православіе торжествовало. Смотрицкій, по прежнему впечатлительный и поддающійся вліянію окружающей атмосферы, былъ увлеченъ общимъ теченіемъ; затѣмъ онъ былъ поднятъ этимъ теченіемъ на такую высоту, на которой не только суетное тщеславіе могло себя чувствовать вполнѣ удовлетвореннымъ, но и всякое законное честолюбіе богато-одареннаго человѣка, ищущаго широкой дѣятельности. Напрасно уніаты объясняютъ новое превращеніе Смотрицкаго въ ревностнаго защитника православія только тѣмъ, что онъ прочиталъ одну книжку, долженствовавшую сильно на него подѣйствовать въ противо-католическомъ смыслѣ. Мы не отвергаемъ факта, весьма живо характеризующаго Виленскія отношенія тогдашняго времени. На Покровской улицѣ, въ Кальвинистскомъ Зборѣ, теперь вновь отстроенномъ, также узнали о прогулкахъ Смотрицкаго въ Бернардинскій монастырь, — находящійся по сосѣдству,—и не остались равнодушными къ опасности, угрожающей православнымъ. Союзъ протестантизма и православія, необходимость котораго лежала въ обще-европейскомъ положеніи вещей и сознавалась какъ передовыми политическими и богословско-учеными дѣятелями протестантскаго запада, такъ и самими греческими патріархами [89]), въ Вильнѣ, въ болѣе узкой средѣ, выражался самымъ нагляднымъ образомъ. Конфедерація 1599 года, хотя и не принесла всѣхъ плодовъ, которыхъ отъ нея можно было ожидать, но и не была совершенно забыта. Еще въ 1622 году Рутскій проклиналъ эту Виленскую лигу еретиковъ и кальвинистовъ; по его словамъ, не смотря на то что Богъ въ теченіи двадцати лѣтъ—поразилъ смертью тридцать человѣкъ, бывшихъ главными ея виновниками и потомъ делегатами, она все-таки продолжаетъ свое существованіе [90]). Въ тяжелый десятилѣтній періодъ, протекшій со времени катастрофы 1610 года, православное Виленское братство, дѣйствительно, лучшимъ и главнымъ своимъ защитникомъ считало главу кальвинистовъ, князя Христофора Радивила. Къ нему оно постоянно обращается съ своими просьбами и мольбами [91]). Едва

[89]) Изъ политическихъ дѣятелей довольно припомнить Густава Адольфа. О сношеніяхъ греческихъ патріарховъ съ протестантами см. сочиненіе Малышевскаго (Кіевъ 1873) «Мелетій Пигасъ 1», 522 и слѣд.

[90]) Harasew. Annal. Ecclesiae Ruthenae, pag. 257. Любопытно, что даже прусская политика въ XVIII вѣкѣ, принимая на себя защиту польскихъ протестантовъ, ссылалась на виленскую конфедерацію 1599, призывая къ содѣйствію русское правительство («Археографическій Сборникъ» VIII, 272, № 57).

[91]) Цѣлый рядъ писемъ Виленскаго братства и

ли не Радивилу обязано Св. Духовское братство возвращеніемъ или возстановленіемъ своей типографіи. Съ Христофоромъ Радивиломъ потомъ переписывался Іовъ Борецкій и т. д. Общеніе было не только политическое, но и нравственное: протестанты преподавали науку въ братской школѣ. Измѣна Смотрицкаго братству была бы, по этому, чувствительнымъ ударомъ для Виленской реформатской общины и нужно было сдѣлать все возможное для предотвращенія его. Весьма кстати получено было здѣсь изъ далекой Англіи сочиненіе, близко касающееся тѣхъ вопросовъ, которые занимали Смотрицкаго. Бывшій католическій епископъ города Сплѣта въ Далмаціи, оставившій свой престолъ епископскій и удалившійся въ Англію, объяснялъ христіанскому міру свой поступокъ. Сильныя и въ устахъ такого авторитетнаго и близкаго къ дѣлу лица—неотразимыя обличенія противъ папизма и іезуитизма содержались въ небольшой книгѣ. Маркъ Антоній de Dominis (Господнѣчичь) также, какъ и Смотрицкій, страстно желалъ, по его собственному увѣренію, мира въ церкви христіанской и соединенія церкви Восточной съ Западною. Но, къ величайшей своей горести, онъ долженъ былъ убѣдиться, что первое препятствіе къ тому—самъ Римскій папа и іезуиты [92]). Въ Виленскомъ реформатскомъ Зборѣ хорошо знали, кому это сочиненіе можетъ принести наибольшую пользу. Книга „была подана со Збору" Мелетію Смотрицкому. Уніатскіе писатели увѣряютъ, что онъ ухватился за нее съ жадностію и что этимъ объясняется его превращеніе [93]).

Мы уже сказали, что не этотъ частный фактъ, хотя, безъ сомнѣнія, не оставшійся безъ нѣкотораго дѣйствія на душевное настроеніе Смотрицкаго, объясняетъ его послѣдующее поведеніе; причина лежала въ общемъ теченіи дѣлъ, принявшемъ другое направленіе съ 1620 года. Прежде чѣмъ мы обратимся къ объясненію причинъ этого переворота, мы можемъ теперь же въ послѣдній разъ упомянуть о Леонтіѣ Карповичѣ, который былъ главою и предводителемъ Свято-Духовскаго братства въ продолженіи труднаго десятилѣтія и не дожилъ до болѣе свѣтлыхъ годовъ. Онъ былъ, конечно, глубоко огорченъ непостоянствомъ Смотрицкаго, но не одобрялъ той мало-нравственной принудительной мѣры, которая была принята братствомъ для обезпеченія противъ прямой измѣны; онъ отказывался постригать Смотрицкаго въ монахи, не будучи увѣренъ въ искренности его обѣщаній. Честная осторожность характеризуетъ вообще поведеніе архимандрита Леонтія, и въ этомъ отношеніи любопытна надгробная рѣчь, которую ему пришлось держать надъ тѣломъ московскаго боярина князя Голицына, Смоленскаго плѣнника. Освобожденный по Деулинскому договору, Голицынъ умеръ на пути въ родную землю и по приказанію короля Сигизмунда былъ похороненъ въ Вильнѣ, въ братской церкви Св. Духа. Леонтій Карповичъ говорилъ надгробное слово, основную мысль котораго составляло изреченіе греческаго философа о сродствѣ жизни человѣческой съ комедіею. Отказавшись говорить о жизни Голицына подъ тѣмъ предлогомъ, что не зналъ этой жизни, а въ сущности, конечно, потому что неудобно было хвалить московскаго боярина, вѣроломно захваченнаго Сигизмундомъ подъ Смоленскомъ, проповѣдникъ призвалъ слушателей благодарить Бога за добраго короля, который позволилъ похоронить Голицына такъ хорошо, какъ не могли бы похоронить его и въ Москвѣ.— Ораторъ призывалъ и самого покойника благодарить короля за то, что тотъ приготовилъ ему такое мягкое ложе на такой долгій сонъ [94]). Вскорѣ послѣ этого и самъ

другихъ православныхъ дѣятелей къ Радивилу, извлеченный изъ Несвижскаго архива гг. Гильтебрандтомъ и Миротворцевымъ, напечатанъ въ VII томѣ «Археографическаго Сборника», см. №№ 50—64.

[92]) Epistola episcopi Spalatensis Marcii Antonij de Dominis. Campoduni, 1617, а также въ Лондонѣ 1616 г. Мы прочли эту небольшую книжку и думаемъ, что именно о ней идетъ рѣчь въ Examen Obrony, потому что годъ изданія совершенно сходится съ хронологіей Виленской. Другое, впрочемъ, еще болѣе важное сочиненіе Господнѣчича «De republica ecclesiastica» вышло также въ 1617 г. въ Лондонѣ. См. о немъ статью Любича (Rad Iugoslav. Akad., X) о впечатлѣніи, которые было произведено въ Европѣ посланіемъ, р. 115.

[93]) Examen Obrony.

[94]) Соловьевъ IX, 156.— Kazanie na pogrzebie kniazia W. W. Galicyna w cerkwi brackiey Wilenskiey S. Ducha 1619, które miał Leonty Karpowicz (Zbior Pamiętnikow o dawniey Polsce, t. VI).

Леонтій Карповичъ отправился на такое же мягкое ложе. На этотъ разъ надгробную рѣчь говорилъ болѣе одушевленный и смѣлый голосъ, т. е. самъ Мелетій Смотрицкій, которому кончина архимандрита открыла путь къ занятію первенствующаго положенія среди православнаго Виленскаго братства и всего русскаго народа въ Литовскомъ княжествѣ. Замѣчательно, что Карповичъ умеръ въ званіи епископа Владимірскаго и Брестскаго [95]).

Тяжело и опасно было положеніе Виленскаго православнаго братства предъ 1620-мъ годомъ. „Толико смирихомся, яко едва тѣнь лѣпоты и величества широковладнаго рода россійскаго и благочестія его оста намъ“— писали въ 1619-мъ году изъ Вильны Львовскому братству. У себя дома — печальная и соблазнительная исторія Смотрицкаго, извнѣ—приходили страшныя, потрясающія извѣстія. Виленское братство не жило только въ себѣ самомъ, оно было солидарно со всѣми другими однородными учрежденіями, стояло, можно сказать, во главѣ ихъ, служило образцемъ и руководителемъ,—слѣдовательно, въ немъ прежде всего отзывались общія скорби и страданія русскаго народа. Было въ обычаѣ, что лучшіе Русскіе люди княжества и Польши, гдѣ бы они ни жили, вписывались въ число братчиковъ Свято-Духовскаго братства. Такъ, знаменитый Лаврентій Древинскій, Волынскій шляхтичъ, не особенно знатный по происхожденію, но уже въ 1599-мъ году избранный Виленскимъ съѣздомъ православныхъ и протестантовъ въ члены наблюдательнаго комитета (провизоры), вписался не только въ Луцкое и Львовское братства, но точно также и въ Виленское, и носилъ потомъ званіе старшины этого послѣдняго [96]). Мы сейчасъ увидимъ, какъ близко онъ зналъ и принималъ къ сердцу то, что дѣлалось на Виленскихъ улицахъ. Точно также Свято-Духовское братство и питомецъ его школы, сынъ бывшаго старшины [97]), а теперь самъ старшина—князь Иванъ Богдановичъ Огинскій знали и принимали близко къ сердцу то, что дѣлалось въ Полоцкѣ и Могилевѣ. Тамъ—въ Полоцкой епархіи,—въ настоящее время дѣйствовалъ поставленный на нее въ 1618-мъ году и хорошо намъ знакомый Іосафатъ Кунцевичъ. Пріемъ, оказанный православными жителями Могилева этому апостолу насилія, повелъ къ тому, что всѣ церкви православныхъ были отобраны и запечатаны, такъ-что они принуждены были совершать богослуженіе въ шалашѣ, построенномъ изъ плетня; православнымъ священникамъ было запрещено крестить дѣтей и напутствовать больныхъ. Дѣти умирали некрещенными, а больные — безъ исповѣди [98]); легко себѣ представить, сколько нравственныхъ мученій и горя стоило это живымъ. Виленское братство явилось здѣсь утѣшителемъ. Его старшина, князь Иванъ Богдановичъ Огинскій купилъ (1619 г.) на свое имя землю въ городѣ Могилевѣ, въ самомъ его центрѣ; на землѣ, составляющей частную собственность шляхтича, никто не могъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ мѣшать постройкѣ той или другой церкви—и въ замѣнъ утраченныхъ появилась въ Могилевѣ каменная, православная Богоявленская церковь. Формальнымъ актомъ князь Огинскій уступилъ пріобрѣтенную имъ землю въ собственность Свято-Духовскому братству, и только въ послѣдствіи—въ болѣе безопасное время—это послѣднее передало свои права Могилевскому [99]), которое состояло подъ его прямымъ руководствомъ. Другіе русскіе люди приносили свои жертвы въ пользу православныхъ монастырей въ Бѣлоруссіи только подъ тѣмъ

Тѣло Голицына было, впрочемъ, перевезено въ Москву.

[95]) «Казанье на честный погребъ отца Леонтія Карповича *епископа Володимірскаго и Берестейскаго*, архимандрита Виленскаго, чрезъ Мелетія Смотрицкаго. Вильна 1620». Мы не знаемъ, какъ объяснить этотъ титулъ. Быть можетъ, Іезекіиль Курцевичъ, посвященный патріархомъ Ѳеофаномъ на епископію Владимірскую (Архивъ Юго Западной Россіи V, 4. Ср. Кояловичъ, Литовская унія II, 114), былъ избранъ послѣ смерти Карповича, а первоначально былъ посвященъ или только избранъ этотъ послѣдній.

[96]) Лаврентій Древинскій въ спискѣ членовъ Луцкаго братства (Памятники Кіевской коммиссіи т. I, № 1, стр. 2-я), въ спискѣ членовъ Львовскаго братства (ib., т. III, стр. 91).

[97]) См. «Памятники Русской старины», вып. 5.

[98]) Записки игумена Ореста («Археографическій Сборникъ», II, 9).

[99]) «Археографическій Сборникъ», II, №№ 27, 34 и 40.

условіемъ, чтобы монастырь находился всегда подъ верховнымъ надзоромъ духовныхъ и свѣтскихъ братчиковъ Виленскихъ; это ручалось за то, что жертва вызванная усердіемъ къ православію, не сдѣлается добычею враждебной и ненавистной уніи [100]).

Но узы симпатіи, основанной на самыхъ глубокихъ и всѣмъ доступныхъ привязанностяхъ ума и сердца, шли еще далѣе и соединяли Вильну съ самымъ Кіевомъ. Имя города Вильны—слышится въ рѣчахъ козаковъ, забота о православныхъ виленскихъ храмахъ, захваченныхъ уніатами, высказывается въ ихъ грозныхъ и опасныхъ требованіяхъ, обращенныхъ къ Польскому правительству. Событія 1620 года завязали роковой узелъ, который черезъ 30 лѣтъ привелъ сподвижниковъ Хмѣльницкаго и товарищей Золотаренки въ Литовскую столицу и страшно заставилъ поплатиться іезуитскую и уніатскую Вильну за Кунцевича и за тѣ идеи, которыхъ воплощеніемъ была Виленская іезуитская академія.

Проницательные и дальновидные политики Папской куріи, вышедшіе изъ хорошей школы Итальянской политики XVI вѣка, очень скоро поняли опасность той солидарности, которую насильственное распространеніе уніи созидало между воинственнымъ, грубымъ, но глубоко-религіознымъ населеніемъ береговъ Днѣпра и между остальнымъ православнымъ населеніемъ Польши и Литвы. „Козаки держатся заблужденій своей религіи съ такимъ упорствомъ, что противъ нихъ необходимы средства дѣйствительныя, но (не такъ какъ съ другими) въ тоже время мягкія и скрытыя, такъ чтобы они не могли догадаться о нихъ, потому что иначе они стали бы остерегаться, а пожалуй даже произвели бы смятеніе и надѣлали бы много зла“ [101]). Вотъ одно изъ такихъ средствъ: „Схизматики вполнѣ зависятъ отъ своихъ поповъ, которымъ они очень послушны и позволяютъ имъ руководить собою во всемъ; если бы только можно было склонить ихъ, то всѣ пошли бы за ними быстро; а это не совсѣмъ невозможно, потому что попы такъ бѣдны, что принуждены собственными руками воздѣлывать землю для пріобрѣтенія куска хлѣба. Если бы захотѣли имъ придти на помощь и улучшить ихъ несчастную судьбу, то навѣрное они не были бы такъ непреклонны въ своемъ упорствѣ, какъ было до сихъ поръ“ [102]). Такъ разсуждаютъ образованные и тонкіе соотечественники Лойолы и Макіавелли. Не хотѣлъ знать такихъ соображеній болѣе грубый духъ слѣпаго и яростнаго фанатизма, которымъ одушевленъ былъ Кунцевичъ и его товарищи уніатскіе епископы. Козаки—не опасны: „козаки сами по себѣ почти всѣ атеисты и вовсе не заботятся о религіи“, такъ-что имъ можно бы навязать какую угодно. Вся сила—въ братствахъ: „братства злоумышленныхъ (православныхъ) людей—вотъ что нужно уничтожить; въ нихъ разсадникъ всякихъ смутъ“ [103]). Нѣтъ нужды останавливаться на противорѣчіи, заключающемся въ двухъ извѣстіяхъ, идущихъ въ Римъ изъ двухъ близкихъ источниковъ. Для насъ важно то, что Рутскій и его помощники все-таки ясно указываютъ на православныя братства, и на самое ненавистное—Виленское, какъ причину того явленія, что интересы религіозные занимаютъ прежде, будто бы, равнодушныхъ къ нимъ козаковъ.

Въ 1620 году Польшѣ грозила страшная опасность: турецкія войска готовились на

100) Ibid., № 31, стр. 37 и passim.

101) Relacye nunciuszow apostolskich II, 154. Реляція нунція де-Торресъ, родомъ Испанца, отправленная въ Римъ въ 1621 году. Приводимъ еще одно интересное мѣсто: «Хотя нынѣшній король польскій съ такою же ревностью старался о соединеніи съ римскою церковью схизматиковъ, съ какою—объ обращеніи къ ней лютеранъ и кальвинистовъ, однако онъ здѣсь не собралъ такихъ обильныхъ плодовъ, какъ тамъ; это отъ того, что схизматики, людъ по большой части простой, не имѣющій доступа до урядовъ и староствъ, не могъ былъ уловленъ на эту приманку, чтобы перемѣною вѣры заслужить королевскую ласку. Нельзя также употреблять противъ нихъ болѣе насильственныхъ средствъ, ибо, помимо свободы совѣсти, обѣщанной королевскою присягою, этому мѣшаютъ козаки, народъ храбрый и смѣлый, стоящій на защитѣ ея (схизмы) иногда съ просьбою, часто съ угрозою на устахъ, и всегда съ оружіемъ въ рукахъ. Что̀ можетъ когда нибудь произойти изъ этихъ угрозъ,—не можетъ понять только тотъ, кто не знаетъ, что ихъ 60 тысячъ» и т. д. Relacye II, 150.

102) Ibid., pag. 155.

103) Информація уніатскихъ епископовъ 1623 г. Harasewicz, Annal. ecclesiae ruthenae, pag. 260.

нее нахлынуть своими массами, приводившими въ трепетъ всю Европу. Собрался сеймъ, и на этомъ сеймѣ раздался энергическій и сильный голосъ Лаврентія Древинскаго, одушевленный прямо отъ души идущимъ краснорѣчіемъ. Вотъ что гласитъ эта рѣчь, малоизвѣстная въ исторіи ораторскаго искусства, но достойная занимать видное мѣсто въ его лѣтописяхъ. „Въ предстоящей войнѣ отъ кого потребуете вы, говорилъ Древинскій обращаясь къ королю, едва ли не большую часть ратныхъ людей? Отъ народа русскаго греческой вѣры. Но какъ этотъ народъ, если онъ не будетъ удовлетворенъ въ своихъ нуждахъ и просьбахъ, можетъ поставить грудь свою оплотомъ вашей державы? Какъ онъ можетъ стараться о доставленіи отечеству вѣчнаго мира, когда дома не имѣетъ внутренняго спокойствія? Каждый видитъ ясно, какія великія притѣсненія терпитъ этотъ древній народъ въ своей вѣрѣ. Церкви въ большихъ городахъ запечатаны, имѣнія церковныя расхищены; дѣти умираютъ безъ крещенія, тѣла умершихъ вывозятъ изъ городовъ безъ церковнаго обряда, какъ падаль; мужья съ женами живутъ безъ брачнаго благословенія, народъ умираетъ безъ исповѣди; неужели это не обида Самому Богу, и ужели Богъ не будетъ за это мстителемъ? Не говоря о другихъ городахъ, скажу, что дѣлается въ нѣкоторыхъ. — — — *Въ Вильнѣ*, когда хотятъ предать погребенію тѣло благочестиваго Русскаго, то должно вывозить его въ тѣ ворота, въ которыя вывозятъ одну нечистоту городскую. Монаховъ православныхъ ловятъ на вольной дорогѣ, бьютъ и въ тюрьмы сажаютъ— — — —. Уже двадцать лѣтъ на каждомъ сеймѣ, на каждомъ сеймикѣ мы горькими слезами молимъ, но вымолить не можемъ, чтобы оставили насъ при правахъ и вольностяхъ нашихъ. Если и теперь желаніе наше не исполнится, то мы должны будемъ воскликнуть съ пророкомъ: „суди мя, Боже, и разсуди прю мою“ [104]). Самъ король Сигизмундъ былъ потрясенъ этою рѣчью; это видно изъ его отвѣта: „пусть лучше погибнетъ рѣчь посполитая, погибнемъ ты и я, только бы святая вѣра не понесла ущерба“ [105]). Но не всѣ были проникнуты такимъ настроеніемъ, какъ король Сигизмундъ, уже потерявшій одно королевство (Шведское), ради своей преданности Римскому престолу. Находились между усердными католиками лица, высказывавшіяся прямо, что было бы лучше, если бы уніи совсѣмъ не было, безъ нея даже удобнѣй было бы обращать пановъ дизунитскихъ по одиночкѣ въ католичество [106]). А главное — необходимость козацкой помощи заставляла задумываться, и сеймъ уже склонялся удовлетворить всѣмъ жалобамъ и требованіямъ православныхъ. Только набожность короля, усилія уніатскаго митрополита Рутскаго, находившагося на сеймѣ, и старанія нунція остановили благопріятныя рѣшенія. Опредѣлено было подтвердить конституцію 1607 года, т. е. постановленіе, чтобы впредь духовныя должности и доходы раздавать людямъ прямой греческой вѣры. Ясное дѣло, что это была іезуитская двусмысленность; заранѣе можно было знать, что уніаты попрежнему скажутъ: люди прямой греческой вѣры это— мы, уніаты. Кардиналъ Людовизіо, давая въ Римѣ инструкцію вновь назначенному нунцію, говорилъ, что нужно опасаться бури со стороны козаковъ на слѣдующемъ сеймѣ, а теперь все миновало благополучно; противники ничего не сдѣлали [107]).

Папскій дворъ и его агенты, отъ которыхъ онъ получалъ свѣдѣнія, сильно ошибались. Еще *ранѣе открытія сейма* [108]) православные сдѣлали нѣчто, совершили дѣло, правда, непризнанное сеймомъ 1620 года, но чрезвычайно важное по своимъ послѣдствіямъ. Для православныхъ самымъ существеннымъ вопросомъ было именно возстановленіе церковной іерархіи. Случай дѣлалъ весьма удобнымъ и легкимъ исполненіе такой задачи. Въ литовскіе предѣлы, въ Кіевъ, около 25-го марта прибылъ Іеруса-

[104]) Рѣчь Древинскаго въ «Историческомъ извѣстіи объ уніи» Бантышъ-Каменскаго, II, 73, и въ извлеченіи у Соловьева, X, 80.

[105]) Lukaszewicz, Geschihte der reformirten Kirchen in Lithauen I, 109.

[106]) Relacye nunciuszow apost. II, 165.

[107]) Инструкція, данная нунцію де-Торресъ 30-го мая 1621 года. Relacye nunciuszow apostolskich II, 124.

[108]) Грамота патріарха Ѳеофана на поставленіе митрополита и епископовъ дана 1620 года,

лимскій патріархъ Өеофанъ, возвращающійся изъ Москвы, куда онъ ѣздилъ за милостыней и гдѣ только-что посвятилъ въ патріархи Филарета Никитича. Въ другой разъ проѣздъ изъ Москвы Восточнаго патріарха будетъ имѣть рѣшительное вліяніе на ходъ церковныхъ дѣлъ, а вмѣстѣ и политическихъ судебъ польскаго государства. Король, польскіе магнаты ухаживали за патріархомъ Өеофаномъ, который оставался въ Литвѣ все лѣто. Живо представляя себѣ то глубокое, благоговѣйное уваженіе, какимъ Іерусалимскій патріархъ будетъ окруженъ въ Кіевѣ среди козачества, они разсчитывали на его вліяніе и просили, чтобы онъ благословилъ и поощрилъ казаковъ на борьбу противъ Турокъ,—потому что въ ней идетъ дѣло не только о королевствѣ Польскомъ, и о всемъ христіанствѣ[109]). До сихъ поръ Сигизмундъ III не зналъ другого христіанства, кромѣ Римскаго престола. Если теперь онъ начиналъ говорить объ интересахъ всего христіанства, то потребности его еще ближе лежали къ сердцу восточнаго патріарха. О печальномъ положеніи русской церкви въ Польскомъ королевствѣ, лишенной своей іерархіи вслѣдствіе отпаденія епископовъ въ унію, и о средствахъ помочь ей—совѣщались четыре греческихъ патріарха еще ранѣе отправленія въ путь ихъ сотоварища. Патріархъ Константинопольскій, законный хозяинъ, глава Церкви Западно-Русской, далъ всѣ нужныя полномочія Өеофану; въ путешествіи по Литвѣ, послѣдняго сопровождалъ экзархъ Константинопольскаго патріарха [110]). Итакъ Өеофанъ имѣлъ полную возможность совершенно каноническимъ и съ *церковной точки* зрѣнія правильнымъ образомъ исполнить то, чего отъ него просилъ и требовалъ народъ Русскій и Малороссійское козачество. Не доставало, правда, позволенія королевскаго, не доставало формальной государственной законности, которая требовала, чтобы лицо, избранное въ митрополиты русскимъ духовенствомъ и шляхтою, было представлено королю и уже имъ „презентовано" патріарху для посвященія. Но, во-первыхъ, этотъ порядокъ и прежде не былъ строго соблюдаемъ и былъ вполнѣ нарушенъ самимъ королемъ, который вмѣсто Константинопольскаго патріарха, презентовалъ избранныхъ Римскому папѣ. А, во-вторыхъ, за неимѣніемъ прямаго позволенія, даннаго на этотъ именно случай, можно было сослаться на королевскую присягу, на прежнія обѣщанія и сеймовыя конституціи, обезпечивавшія существованіе церкви православной и подтверждавшія ея право имѣть свою іерархію. Наконецъ, можно было надѣяться что король и предстоявшій тогда сеймъ, нуждаясь въ услугахъ Русскаго народа, не откажутся, или принуждены будутъ признать совершившійся фактъ и покроютъ недостатокъ законности своимъ, хотя позднѣйшимъ приказаніемъ. „Вы насъ спрашиваете, писали послѣ православные, искали мы, или нѣтъ, мѣстъ духовныхъ? Отвѣчаемъ: искали, потому что уже 26 лѣтъ они оставались праздными, будучи заняты нашими апостатами. Вы насъ спрашиваете: принимали ли наши духовные, или нѣтъ, посвященіе отъ Гречина? Отвѣчаемъ: они посвящались у патріарха Іерусалимскаго, потому что Церковь наша Русская не могла оставаться безъ духовенства, какъ тѣло не можетъ жить безъ души. Вы спрашиваете: позволяетъ ли король въ своихъ письмахъ посвящаться у него? Отвѣчаемъ: въ тѣхъ письмахъ, которыя онъ писалъ къ патріарху, не позволялъ, равно какъ и не запрещалъ, но своими обѣщаніями, данными на нѣсколькихъ сеймахъ—позволялъ". Православные опирались преимущественно на конституцію 1607 года, въ которой король обѣщалъ раздавать духовныя достоинства лицамъ *чисто* греческой религіи: „увѣренные и обезпеченные этимъ обѣщаніемъ и этимъ словомъ, подобнымъ Божескому изреченію, мы выбрали лицъ, годныхъ на тѣ достоинства". Они указывали также на свое намѣреніе, приве-

3-го индикта, т. е. ранѣе сентября, съ котораго начинается четвертый индиктъ. Съ этимъ согласно показаніе «Верификаціи», что посвященіе совершилось 15-го августа и въ ближайшіе дни. Сеймъ 1620 года открылся только въ началѣ ноября или около 20-го октября по старому стилю. См. Pamiętniki Woycickiego I, 82. Pamiętniki S. Maskiewicza, p. 109. Кояловичъ (Литовская унія II, 112) и Соловьевъ (Исторія Россіи X, 81) даютъ неправильное представленіе.

109) Письмо Сигизмунда въ Werifikatii, приведенное также у Кояловича, Лит. унія II, 322. Другіе документы этого рода—тамъ же.

110) См. Грамоту Өеофана: Архивъ Юго-Западной Россіи V, № 1.

денное потомъ въ исполненіе, искать и просить признанія послѣ или, какъ выражались враги—дѣлали дѣло въ надеждѣ на будущее позволеніе [111]).

Какъ бы то ни было, патріархъ Өеофанъ объявилъ уніатскаго митрополита и Полоцкаго архіепископа Іосафата, какъ отступниковъ отъ православія, вмѣстѣ съ другими уніатскими епископами низложенными съ ихъ каѳедръ и въ половинѣ августа (1620) посвятилъ на ихъ мѣсто представленныхъ ему лицъ „чисто греческой вѣры". Іовъ Борецкій сдѣлался Кіевскимъ митрополитомъ.

Виленское православное братство, послѣ нѣкоторыхъ колебаній и сомнѣній, также не осталось безучастнымъ и невнимательнымъ къ счастливому случаю. Осторожный и мнительный архимандритъ Леонтій (Карповичъ) именно около этого времени сошелъ со сцены. Въ Кіевъ былъ отправленъ Мелетій Смотрицкій, заступившій его мѣсто по управленію монастыремъ братскимъ. Уніатскіе источники говорятъ намъ, что Смотрицкій былъ избранъ для посвященія въ архимандрита Духова монастыря и въ епископы Полоцкой епархіи общимъ голосомъ всѣхъ монаховъ и братчиковъ и что на дорогу ему была собрана Виленскимъ купечествомъ значительная сумма денегъ. Подозрѣнія, которыя недавно существовали противъ даровитаго и блестящаго профессора братской школы, теперь были позабыты; и кто бы среди общаго торжества сталъ вспоминать о печаляхъ прошедшаго, кто бы сталъ теперь думать о примиреніи съ уніей! Мелетій Смотрицкій воротился въ Вильну архіепископомъ Полоцкимъ (осенью либо зимою 1620 г.). Не было предѣла общему восторгу. Православное Виленское купечество, еще невполнѣ разоренное гоненіемъ и штрафами, поспѣшило приготовить великолѣпное архіерейское облаченіе и заставило служить въ немъ архіепископа Мелетія въ братской церкви. Двадцать шесть лѣтъ не имѣла православная Вильна утѣшенія присутствовать при зрѣлищѣ, которое бы напоминало не объ уничиженіи ея вѣры, а о торжествѣ и чести православія. Патріархъ Өеофанъ, виновникъ радости, сдѣлался предметомъ всеобщаго благодарнаго почитанія. Портретъ его былъ вывѣшенъ въ видѣ хоругви на стѣнѣ братскаго дома на большой улицѣ. Этого было мало. Одинъ изъ православныхъ купцовъ (Евстратій Жиловскій) Вильны отправился со снимкомъ этого изображенія въ нѣмецкую землю и тамъ отпечаталъ множество экземпляровъ, привезъ ихъ Вильну и нанялъ особую лавочку, въ которой публично и даромъ сталъ раздавать небольшіе портреты патріарха всѣмъ православнымъ[112]), которые этого желали.

Мелетій Смотрицкій, поселившійся въ Свято-Духовскомъ монастырѣ, сталъ писать свои горячія посланія, въ которыхъ онъ объявлялъ о низверженіи и проклятіи патріархомъ отступниковъ уніатскихъ и въ числѣ ихъ Іосафата Кунцевича, и призывалъ къ себѣ, какъ къ истинному пастырю, народъ русскій. Православные монахи, а иногда мірскіе люди, переодѣтые монахами, разносили и объясняли эти грамоты по всѣмъ городамъ, мѣстечкамъ и сельскимъ церквамъ Полоцкой епархіи, хвалили новаго владыку, обѣщали его скорый пріѣздъ къ своей паствѣ и вездѣ были принимаемы съ радостнымъ волненіемъ; въ Витебскѣ, Мстиславлѣ и Полоцкѣ поднялось движеніе, составлялись приговоры и рѣшенія въ смыслѣ, крайне враждебномъ для уніи и уніатскаго іерарха[113]). Нѣтъ сомнѣнія, что настроеніе умовъ и самый ходъ дѣлъ на Варшавскомъ сеймѣ, который, какъ уже сказано, склонялся къ полной отмѣнѣ уніи, содѣйствовали успѣхамъ пропаганды Смотрицкаго, идущей изъ Литовской столицы, хотя мы точно не знаемъ хронологической послѣдовательности отдѣльныхъ фактовъ. Мы должны предполагать, что посвященіе Іова Борецкаго и Мелетія

[111]) Elenchus, листъ 9. Verificalia, F. II (стр. 39). Sowita wina, pag. 29.

[112]) Susza, Saulus et Paulus (ed. Martinow) pag. 22. Ср. также судебный позывъ Виленскому братству 1621 года: («Археографическій Сборникъ» VI, 357) и такой же документъ 1624 года, напечатанный у Кояловича: Литовская унія II, 353—359. Послѣдній—гораздо подробнѣе и важнѣе. Въ немъ указаны тѣ Виленскіе братчики, которые снарядили въ путь Смотрицкаго и потомъ взяли на себя дальнѣйшія издержки: поименованы 22 лица изъ среды православнаго Виленскаго купечества. Отмѣтимъ фамиліи—Дороѳеевичей, Филиппа Сенчилы.

[113]) «Археографическій Сборникъ» VI, 357. Sowita wina, pag. 76; ср. Obrona.

Смотрицкаго было извѣстно въ Варшавѣ ко времени открытія сейма, потомучто посвященіе относится къ 15-му августа, а сеймъ открылся въ концѣ октября; но мы не видимъ, чтобы король или его совѣтники съ самаго начала были озабочены Кіевскимъ событіемъ; повидимому, никто не придавалъ ему особенной важности, и его возможныя послѣдствія не вдругъ были поняты. Мы не знаемъ также, въ какой связи находится рѣчь Лаврентія Древинскаго съ тѣмъ прошеніемъ, которое было составлено Виленскимъ братствомъ, подано королю на сеймѣ и, по его приказанію, прочитано въ посольской избѣ. Древинскій требовалъ, чтобы епископы воротились къ послушанію Константинопольскаго патріарха, не упоминая объ ихъ низложеніи; Виленское братство отъ имени всего Русскаго народа „презентовало" королю вновь избранныхъ и даже посвященныхъ епископовъ и просило, чтобы имъ были отданы церковныя имущества, соединенныя съ ихъ саномъ [114]), такъ какъ уніатскую іерархію оно считало низложенною. Но вотъ что̀ очень важно и въ тоже время совершенно ясно: пока сеймъ слушалъ рѣчь Древинскаго и обсуждалъ требованія православныхъ, пока онъ колебался въ своихъ рѣшеніяхъ, въ Вильнѣ между тѣмъ разнесся слухъ и распространился по всей Литвѣ и Бѣлоруссіи, что дѣло православныхъ восторжествовало и на сеймѣ, что унія уничтожена, что митрополитъ и епископы уніатскіе принуждены отказаться отъ своихъ званій и получать въ вознагражденіе бенефиціи въ Римской церкви, что ихъ мѣста поэтому будутъ безпрепятственно заняты вновь посвященными православными іерархами [115]). Эти слухи произвели такое впечатлѣніе, что въ самой Вильнѣ уніаты, приверженные къ папскому престолу, готовились перейти въ католичество, а православное населеніе съ нетерпѣніемъ и восторгомъ ожидало прибытія самого митрополита Іова, такъ какъ Смотрицкій долженъ былъ отправиться въ Полоцкъ [116]). Іосифъ Рутскій и Кунцевичъ, находившіеся въ Варшавѣ, именно *предъ окончаніемъ сейма* съ тревогой и ужасомъ узнали, что пламя, которое они старались погасить въ Варшавѣ, съ тѣмъ большею силою загорѣлось позади у нихъ за спиною, у каждаго въ собственномъ домѣ. Сеймъ разошелся, ограничившись безсильнымъ и ничего не значущимъ подтвержденіемъ конституціи 1607 года.

Но велика была ярость враговъ православія, когда они узнали и поняли, какой ударъ нанесенъ имъ былъ Іерусалимскимъ патріархомъ. „Безстыдство этого дерзкаго человѣка, который задержалъ успѣхъ уніи и поколебалъ даже многихъ принявшихъ ее, тяжко поразило короля и народъ; онъ думалъ наказать его примѣрно, но—ему, однако, все прошло безнаказанно, потому что не смѣли задержать его изъ опасенія козаковъ, неукротимая запальчивость которыхъ въ дѣлахъ касающихся вѣры—всѣмъ извѣстна" [117]): такъ объясняетъ поведеніе Польскаго правительства тотъ самый папскій нунцій, который совѣтовалъ въ отношеніи къ козакамъ нѣкоторую мягкость и осторожность. За то лишь-только патріархъ Ѳеофанъ выѣхалъ изъ предѣловъ Польши, какъ во слѣдъ ему понеслись ругательства и вопли: „обманщикъ, самозванецъ, Московскій шпегъ, турецкій шпіонъ". Клевета на Восточнаго патріарха до такой степени была яростна и безсовѣстна, что говорили, напримѣръ, будто онъ оставилъ козакамъ свой завѣтъ, чтобы они перебили всѣхъ уніатскихъ епископовъ [118]). Необходимо привести нѣкоторыя смягчающія обстоятельства для объясненія поведенія, которое все-таки остается возмутительнымъ. Отъѣзжая изъ Польши, патріархъ Ѳеофанъ исполнилъ съ одной стороны желаніе короля Сигизмунда—совѣтовалъ козакамъ идти на войну съ Турціей, тѣмъ болѣе что это могло повести къ признанію со стороны Польскаго правительства постановленныхъ имъ

[114]) Verificatia newinnosci F. II (pag. 39).

[115]) Informatio 1623 ann: Harasew. Annal. ecclesiae ruthenae, p. 259: nos scilicet in comitiis, in quibus tunc fecimus (fuimus?) (,) exauthoratos et ipsos suffectos esse. Ср. Sowita wina, pag. 73 въ концѣ.

[116]) Sowita wina, pag. 74.

[117]) Что Рутскій узналъ о волненіи въ Вильнѣ въ концѣ сейма, это говоритъ самъ онъ: Informatio l. c. Ср. Sowita wina p. 73.

[118]) Реляція нунція де-Торресъ 1621 г. Relacye nunciuszow apost. II, 153. Указаніе на народъ значитъ, что дѣло было во время сейма 1620 года.

[119]) Ibid, II. 153.

*

епископовъ, но съ другой стороны, оставаясь на той-же самой точкѣ зрѣнія христіанскихъ интересовъ, онъ запретилъ имъ поднимать когда-либо оружіе противъ православнаго царя Московскаго. Недавній грѣхъ, тяготѣвшій на совѣсти малороссійскаго козачества послѣ похода подъ Москву съ гетманомъ Сагайдачнымъ, снятъ былъ патріархомъ во имя будущаго исправленія [120]). Между тѣмъ въ Польшѣ скоро узнали, что царь Михаилъ хочетъ воспользоваться ея затруднительнымъ положеніемъ для того, чтобы разорвать миръ и воротить Смоленскъ. Мало того: открылись прямыя сношенія между султаномъ Османомъ и Московскимъ царемъ. Польша и Россія во взаимной борьбѣ давно стали прибѣгать къ союзу съ невѣрными. Литовскій канцлеръ Радивилъ говорилъ однажды, что онъ не знаетъ, какъ это по-богословски, хорошо-ли напускать поганцевъ на христіанъ, но по земной политикѣ это иногда выходитъ очень хорошо. Послѣ этого неудивительно, что и въ Москвѣ приняли благосклонно предложенія султана Османа. Въ 1621-мъ году пріѣхалъ туда турецкимъ посломъ грекъ Ѳома Кантакузинъ; объ отправленіи посольства, какъ тогда утверждали, хлопоталъ Константинопольскій патріархъ Кириллъ, который отъ своего имени велѣлъ передать на-крѣпко патріарху Филарету, чтобы его сынъ стоялъ съ султаномъ заодно и помощи Польскому королю не посылалъ [121]). Все это какими-то путями дошло до Сигизмунда III; все, что ни говорилъ Ѳома Кантакузинъ, было сейчасъ же передано неизвѣстными лицами въ письмахъ въ Польшу[122]). Слухи объ этомъ посольствѣ могли дойти и ранѣе изъ Константинополя [123]). Здѣсь можно находить нѣкоторое объясненіе тому раздраженію, которое такимъ неприличнымъ и неумѣреннымъ образомъ выражалось въ уніатскихъ и вообще польскихъ писаніяхъ того времени. Было, однако, ясно, что Іерусалимскій патріархъ, выѣхавшій изъ Константинополя еще въ 1618-мъ году, совсѣмъ былъ непричастенъ Русской и Турецкой политикѣ 1621 года.

Вся ярость и досада, тѣмъ болѣе горькая, что главный ея виновникъ былъ для нея недосягаемъ, обрушились на вновь посвященныхъ православныхъ архіереевъ и на Виленское братство. Рутскій и его друзья постарались выставить предъ королемъ ихъ поведеніе, какъ прямой бунтъ и даже измѣну. Сигизмунду III было донесено, что въ Вильнѣ ожидаютъ Борецкаго на праздникъ Богоявленія (1621 г.), что онъ уже находится съ нѣсколькими сотнями козацкой конницы въ имѣніи князя Огинскаго и готовится сдѣлать наѣздъ на митрополію; а Смотрицкій думаетъ тоже сдѣлать въ Полоцкѣ, что оба они возбуждаютъ народъ къ возстанію, предпочитая польской власти московскую или даже турецкую. Іезуиты и уніаты въ Вильнѣ воспользовались этою темой и съ церковной каѳедры провозгласили своихъ противниковъ, т. е. всѣхъ православныхъ, измѣнниками и турецкими шпіонами: запрещали съ ними торговать или имѣть какія либо сношенія; „на третьемъ словѣ насъ обзываютъ здрайцами отчизны и шпегами турецкими“, говоритъ „Верификація“ [124]). Въ февралѣ (1621 года), т. е. ранѣе, чѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ посольство Кантакузина, уніатскій митрополитъ Іосифъ Рутскій выхлопоталъ при дворѣ королевскіе универсалы; въ нихъ было написано, что Смотрицкій и Борецкій получили посвященіе отъ самозванца, тогда какъ не могло быть ни какого сомнѣнія въ дѣйствительной принадлежности Ѳеофану того сана, въ которомъ онъ являлся; что это сдѣлано по прямому соглашенію съ самимъ султаномъ Турецкимъ и въ этомъ соглашеніи прямо участвовали какъ Іовъ Борецкій, такъ и Мелетій Смотрицкій. Литовскій канцлеръ Сапѣга затруднялся приложить печать къ

[120]) Relacye nunciusz. apost. II, 153. Ср. Судебный позывъ Рутскаго, обращенный къ Смотрицкому. У Кояловича, Литовская унія II, 356.

[121]) Соловьевъ IX, 212.

[122]) Ibid., p. 280.

[123]) Уже въ 1620 году въ Польшѣ знали о сношеніяхъ Бетлемъ-Габора съ султаномъ: Woycicki, Pamiętniki do panowania Zygmunda III t. I, 70: o czym przez poslow polskich z Konstantinopola y Krymu wyrazne przestrogi y wiadomosci byli. Ср. Pamiętniki Samuela Maskiewicza (Wilno 1838): Roku 1621:—Przestrogi z roznych stron i *Konstantinopola od agentow cudzoziemskich* i od naszego *Otfinowskiego* przychodzą.

[124]) Sowita wina, p. 73. Obrona Verif., p. 112. Elenchus, листъ 8 на обор. Obrona, p. 49. Verificat. new., p. 2.

документамъ, содержащимъ такія нелѣпости [125]). Въ наше время уніаты стали твердить, что посвященіе незаконно, потому что Ѳеофанъ — *Іерусалимскій* патріархъ, никогда не имѣвшій никакой власти въ русской церкви, что наконецъ обрядъ исполнонъ несогласно съ каноническими постановленіями, ибо онъ не могъ быть совершонъ только однимъ архіереемъ. Православнымъ легко было отвѣчать указаніемъ на уполномоченіе, данное Ѳеофану Цареградскимъ патріархомъ, на присутствіе при немъ Константинопольскаго экзарха, на присутствіе при посвященіи двухъ другихъ архіереевъ, кромѣ самого Ѳеофана [126]). Началось преслѣдованіе православныхъ епископовъ; ловить ихъ дано право уніатскому митрополиту, хотя при этомъ канцлеръ Сапѣга совѣтовалъ не торопясь пускать въ ходъ королевскія грамоты и вообще дѣйствовать осторожно: все— запорожскіе козаки, на которыхъ слѣдовало оглядываться [127]). Среди ихъ нашелъ себѣ безопасное убѣжище Іовъ Борецкій и другіе товарищи его. Но въ Вильнѣ, гдѣ укрывался Смотрицкій, не было такой надежной защиты. Въ началѣ марта сюда пріѣхала королевская коммиссія для слѣдствія о причинахъ волненія. Послѣ трехъ засѣданій, на которыхъ были выслушаны показанія земскихъ и гродскихъ властей, а также лучшихъ людей духовнаго и свѣтскаго стана, сенаторы дали знать королю, что причиною смятенія „какой-то“ Смотрицкій, объявившій себя Полоцкимъ архіепископомъ, поставляющій священниковъ не только для Полоцкой епархіи, но и для всей Русской митрополіи, отправляющій богослуженіе въ архіерейскомъ облаченіи, разсылающій всюду свои универсалы о томъ, что митрополитъ и владыко преданы проклятію, а на мѣсто ихъ поставлены другіе и онъ самъ. Въ то же время митрополитъ Рутскій позвалъ Смотрицкаго къ своему духовному суду по жалобѣ Іосафата Кунцевича, въ епархіи котораго онъ поднялъ смятеніе и бунтъ, а также по жалобѣ Льва Креузы, виленскаго уніатскаго архимандрита, званіе котораго Смотрицкій себѣ присвоилъ съ такимъ же нарушеніемъ всякаго права [128]). Отвѣтчикъ, неявившійся предъ трибуналомъ, котораго онъ не могъ признавать, былъ объявленъ самозванцемъ, его посвященіе, если оно было, признано неправильнымъ и самъ онъ преданъ проклятію. Вслѣдъ за тѣмъ пришли королевскіе универсалы, адресованные къ Виленскому магистрату и повелѣвающіе не только схватить главнаго виновника, но также подвергнуть строгому наказанію мѣщанъ Виленскихъ, которые окажутся виновными въ сообщничествѣ съ нимъ. 24 марта (въ Лазареву Субботу) поднялась на Виленскихъ улицахъ уже обычная суматоха, на сей разъ превратившаяся въ „жалостную трагедію“. Прежде всего потребованы были въ ратушу двѣнадцать болѣе вліятельныхъ и богатыхъ лицъ мѣстнаго православнаго купечества, подвергнуты допросу, за тѣмъ пыткѣ, а далѣе тюремному заключенію въ ратушѣ. Трое изъ нихъ, именно два нашихъ старыхъ знакомца, главные дѣятели 1609 года: Семенъ Красовскій и Исаакъ Волковичъ да Богданъ Симоновичъ, какъ болѣе виновные, заперты въ подземную тюрьму подъ ратушею, куда заключали только явныхъ злодѣевъ. Это было сдѣлано въ великій понедѣльникъ (25 марта), а въ среду подверглись аресту при ратушѣ двое изъ членовъ „радецкой коллегіи“, заподозрѣнные въ расположеніи къ православію: одинъ изъ нихъ просилъ у городоваго писаря выписки изъ дѣла о заключенныхъ, а другой присутствовалъ на погребеніи своего товарища, виленскаго бурмистра, въ Свято-Духовскомъ монастырѣ. У ремесленниковъ отняты ключи отъ ихъ привилегій и общихъ кассъ (skladanck); тѣ, которые не хотѣли отдать ихъ добровольно, принуждены къ тому пыткою и потомъ не были допускаемы на цеховыя сходки. Впродолженіи всей Страст

125) «Археографическій Сборникъ» II, 30 № 29. Тѣмъ не менѣе эти басни повторяются относительно Ѳеофана у іезуита Кояловича (Miscellanea), уніата Кулеши и т. д.

126) Епископы, присутствовавшіе при совершеніи обряда посвященія были: Неофитъ, митрополитъ Софійскій, и Авраамій Стагонскій: грамота Ѳеофана въ «Архивѣ Юго-Западной Россіи» т. V, № 1, стр. 3. Самыя обвиненія высказываются у Суши и во всѣхъ уніатскихъ документахъ, сюда относящихся.

127) «Археографическій Сборникъ» II, 30.

128) Sowita wina, pag. 62 — 64. Судебный позывъ Рутскаго: «Археографическій Сборникъ» VI № 144.

ной недѣли продолжались аресты, преслѣдованія, истязанія. Жены и дѣти заключенныхъ бѣгали, какъ безумные, ища кто отца, кто мужа. Въ зданіе Свято-Духовскаго братства бросали камни изъ пращей и обозженныя полѣнья [129]). Еще въ началѣ іюля Мелетій Смотрицкій, какимъ-то образомъ уцѣлѣвшій, разрѣшалъ возсоединенному имъ іеродіакону Филиппу удалиться ради безопасности въ какой-либо благочестивый монастырь, пока „смятеніе на церковь Божію во градѣ семъ сверѣпѣющее Божіимъ мановеніемъ въ тишину премѣнится" [130]).

Но Вильна теперь тѣсно была связана съ Кіевомъ, и въ этомъ лежало спасеніе. Не такъ легко было управиться съ войскомъ Запорожскимъ, какъ съ Виленскимъ братствомъ. Козаки единодушно поднялись на защиту своего митрополита, Іова Борецкаго. Религіозное возбужденіе, зажженное православнымъ духовенствомъ, обнаружилось въ сценахъ потрясающихъ: цѣлыя толпы козаковъ записывались въ православное Кіевское братство [131]), и наоборотъ—православные священники сдѣлались участниками каждаго козацкаго круга; составлялись посланія и разсылались гонцы во всѣ стороны—къ знатнымъ вельможамъ, особенно къ протестантамъ [132]). Мы имѣемъ любопытный документъ, носящій на себѣ всѣ слѣды одушевленія той минуты и принадлежащій, повидимому, тѣмъ козакамъ, которые записылись въ братство. Войско запорожское здѣсь приглашается въ виду предстоящаго похода противъ Турокъ, покинуть разные суевѣрные обычаи и примѣты („поганскіе ворожки"), имѣть съ собою „своихъ поповъ" для исповѣди и причастія. Но вотъ что еще болѣе для насъ важно: составители документа, обращавшіеся въ немъ съ разными просьбами къ гетману Конашевичу-Сагайдачному вмѣстѣ со всѣмъ войскомъ, желаютъ, чтобы то, что они написали, читалось въ радѣ войсковой. О чемъ же они просятъ? „Змилуйтеся о свободѣ зневольныхъ братьи нашихъ и церквей православныхъ во Львовѣ, у Берестью, у *Вильны*—и во всемъ королевствѣ Польскомъ". „Старайтеся о митрополиту православномъ, абы подъ благословеніемъ патріаршимъ быти моглъ". На Ляховъ, говоритъ Запорожское товарищество, нельзя надѣяться: „Ляхове давно больше похлѣбствомъ и хитростью, а нижли моцью звыкли насъ простыхъ поробляти", и слѣдовательно всякія посольства къ королю напрасны [133]). Узнавъ о волненіи на Украйнѣ, король Сигизмундъ отправилъ туда своего посла съ порученіемъ ближе ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ и, въ случаѣ нужды, умирить козаковъ всяческими обѣщаніями, потомучто Турки уже перешли Дунай и приближались къ Хотину. Въ іюнѣ 1621 года ксёндзъ Оборницкій донесъ, что козаки въ количествѣ 40,000 присягнули королю на вѣрность, но подъ условіемъ, чтобы удовлетворены были ихъ желанія, то есть, чтобы митрополитъ Борецкій и другіе архіереи, посвященные патріархомъ Ѳеофаномъ, были признаны въ своихъ званіяхъ и достоинствахъ. Если этого не будетъ сдѣлано, то, грозилъ запорожскій гетманъ Бородавка, козаки заберутъ всю шляхту въ неволю, ибо „предъ войскомъ Запорожскимъ трепещетъ Вильна, Турція и цѣлый свѣтъ". „Valde timendum est, ne cosaci turbent multa et sit bellum *servile*"—такъ заключилъ свой отчетъ ученый полякъ [134]). Въ довершеніе всего самъ Конашевичъ, до сихъ поръ усердный и вѣрный слуга Польскаго правительства, объявилъ, что онъ не пойдетъ въ походъ со своими козаками, если желанія ихъ не будутъ исполнены. Если вѣрить уніатскимъ современнымъ источникамъ, то прямыми и главными виновниками бури, поднявшейся съ Украйны, были именно братчики Свято-Духовскіе. Они подняли силу козацкую, лю-

[129]) Werificalia, F. III (pag. 68 и 69; ср., p. 3).

[130]) «Археографическій Сборникъ» I, 264.

[131]) Informatio 1623 года: Harasew. Annal. ecclesiae ruthenæ, p. 260.

[132]) Informatio: Harasewicz Annales, pag. 260.

[133]) «Археографическій Сборникъ» I, 265 № 90. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что надписаніе документа не совсѣмъ точно и не соотвѣтствуетъ его содержанію. Напрасно, вопервыхъ, поставлена хронологическая отмѣтка: «послѣ 1621 года», когда въ самомъ документѣ обозначается 1621 годъ и притомъ говорится о предстоящемъ походѣ. Вовторыхъ, письмо принадлежитъ не простымъ «Кіевскимъ обывателямъ», а товариществу войска Запорожскаго, стр. 266.

[134]) Lukaszewicz, Geschichte der reformirten Kirchen in Litauen I, 109. Relacye nunciuszow apost. II, 124 adnotat.

дей рыцарскихъ, на защиту своей дерзости. Уликою служатъ угодливость и лесть, расточаемыя войску Запорожскому въ посланіяхъ, книгахъ и проповѣдяхъ Виленскаго братства. Благодаря этимъ возмутительнымъ внушеніямъ, козаки забылись до того, что стали вести переговоры и заключать „контракты" со своими гетманами о владыкахъ и митрополитѣ и дерзнули обратиться съ своими требованіями къ самому королю. „Недавнее посольство пана Сагайдачнаго обличаетъ васъ" говорятъ уніаты, обращаясь къ Виленскому братству. „Пріѣхавъ съ какимъ-то чернецомъ, онъ отъ имени козаковъ подалъ королю просьбу на письмѣ; содержаніе ея таково, что она очевидно выражаетъ ваши чувства; даже самый стиль и выраженіе напоминаютъ другія ваши произведенія. Козаки предлагаютъ свои услуги, подъ условіемъ, если они получатъ то, чего просятъ. Посредствомъ своей легаціи они хотятъ выторговать у короля въ этотъ трудный для республики часъ то, что вы имъ втолковали и поручили" [135]). Такимъ образомъ, на Украйнѣ возвысились голоса за весь народъ русскій въ Польшѣ, не только за Кіевъ и Іова Борецкаго, но за Вильну и Мелетія Смотрицкаго. Польское правительство принуждено было обуздать до сихъ поръ поощряемую имъ ревность Рутскаго и Кунцевича. Виленское братство на нѣкоторое время отдохнуло; вмѣсто борьбы, въ которой главную роль играло физическое насиліе, загорѣлась теперь борьба умственная и литературная. Въ опроверженіе всѣхъ обвиненій и клеветъ, взводимыхъ на виленское братство, въ братской типографіи было напечатано сочиненіе Смотрицкаго „Werificatia newinnosci". Уніаты отвѣчали сочиненіями: „Sowita wina" и „List do zakonnikow monastera cerkwie S. Ducha Wilenskego". Оба эти сочиненія вызвали „Obronu Werificatii", изданную Свято-Духовскимъ братствомъ. Уніаты Троицкаго братства явились снова съ „Examen'омъ Obrony", вышедшимъ изъ типографіи Мамоничей. Потомъ послѣдовали уже въ 1662 г. „Elenchus" и „Antelenchus". Все это въ одномъ 1621 году. Неутомимый Смотрицкій въ тоже время печаталъ свою „Грамматику Славянскаго языка" и вскорѣ „Новый Завѣтъ", вновь переведенный и изданный братствомъ Виленскаго монастыря при храмѣ Сошествія Св. Духа.

Между тѣмъ какъ козаки и православная шляхта проливали свою кровь въ упорныхъ битвахъ на берегахъ Днѣпра подъ Хотиномъ, снова собрался въ Варшавѣ вальный сеймъ, назначенный еще въ прошедшемъ году для военныхъ цѣлей на іюль мѣсяцъ, но открывшійся только въ половинѣ августа [136]). Отъ имени православнаго духовенства и всего войска Запорожскаго было представлено тоже прошеніе, съ которымъ Сагайдачный недавно обращался къ королю, т. е., чтобы митрополитъ Іовъ и Мелетій Смотрицкій были утверждены на на своихъ епархіяхъ, а уніатскіе епископы свергнуты [137]). Нельзя было дать рѣшительный отказъ: воспользовались тѣмъ предлогомъ, что собраніе теперь чрезвычайное, созвано на короткое время ради одного военнаго вопроса, и отложили рѣшеніе до слѣдующаго сейма; тогда уже непремѣнно дано будетъ окончательное удовлетвореніе всѣмъ справедливымъ требованіямъ.

Само собою разумѣется, что этого не будетъ сдѣлано, не смотря на то, что Польша своею славною Хотинскою побѣдою обязана была прежде всего Запорожскимъ козакамъ, не смотря на то что Сагайдачный пожертвовалъ жизнью за эту побѣду. Не такимъ путемъ разсчитывали достигнуть примиренія любимые совѣтники короля Сигизмунда. Къ 1622-му году относится любопытный и характеристичный проектъ примиренія уніи съ православіемъ, возникшій, судя по его характеру, среди Виленскихъ іезуитовъ и усвоенный уніатскою іерархіей. Сами живя въ постоянной тревогѣ

[135]) List do Zakonnikow mon. Sw. Ducha явился въ Вильнѣ въ августѣ 1621, p. 14. Ср. Elenchus, pag. 9 и 10, гдѣ участіе братства отрицается. Ср. Kojalow. Miscellanea, p. 55.

[136]) Польская армія, въ кототой было 30 т. козаковъ, перешла Днѣстръ въ началѣ августа 1621 (новаго стиля): Pamiętniki do panowania Zygmunta III. Wydał Woycicki I, 86 въ концѣ. Сеймъ открылся 23 (т. е. 13 ст. ст.) августа: Pamiętniki Maskiewicza, pag. 112. Ср. Woycicki I, 99 и 100. Въ концѣ августа (н. ст.) начался рядъ кровавыхъ схватокъ.

[137]) Informatio 1623: Harasew. Annales eccl: ruth. p. 260 Объ этомъ п ошеніи пишетъ, и говоритъ канцлеръ Сапѣга въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Кунцевичу: Соловьевъ X, 85.

и опасаясь всего худаго отъ будущаго сейма [138]), уніаты предполагали также большое утомленіе у своихъ противниковъ и прямое желаніе достигнуть примиренія какимъ-либо приличнымъ образомъ. Дѣйствительно даже въ „Верификаціи"—сочиненіи, написанномъ Смотрицкимъ, но строго разсмотрѣнномъ Виленскимъ братствомъ, охотно допускается мысль о соединеніи церквей и даже есть похвалы Флорентійской уніи, хотя Литовская унія отвергается [139]). Оставались, по мнѣнію Рутскаго и товарищей, только разнаго рода личныя уваженія, въ людяхъ, мало заботящихся о своемъ спасеніи, имѣющія большую силу,—именно: православнымъ казалось тяжелымъ и неприличнымъ отказаться отъ патріарха, котораго до сихъ поръ они защищали съ такою энергіей. Итакъ уніатскіе епископы просили у папской куріи разрѣшенія и одобренія слѣдующему плану, который уже былъ предлагаемъ нѣкоторыми сенаторами. Нужно послать ученаго и ловкаго человѣка къ патріарху Константинопольскому; пробывъ тамъ нѣкоторое время и изучивши почву, онъ долженъ предложить патріарху, чтобы онъ самъ посовѣтовалъ русскимъ схизматикамъ принять Флорентійское соединеніе; но такъ какъ изъ Литовской Руси патріархъ получаетъ извѣстныя выгоды, и деньги тамъ, въ Цареградѣ, значатъ много, то слѣдуетъ отъ лица уніатовъ предложить Кириллу Лукарису за одинъ разъ значительную сумму денежную и обѣщать на будущее время щедрую милостыню всѣмъ Грекамъ, которые будутъ приходить за нею. Но, можетъ быть, патріархъ не согласится продать свою церковь за деньги? Въ такомъ случаѣ уніатскіе іерархи думали подѣйствовать на него угрозами, которыя чрезвычайно странно звучатъ въ ихъ устахъ: греческій обрядъ совершенно погибнетъ въ случаѣ упорства патріарха; мы всѣ съ нашимъ клиромъ и монастырями перейдемъ въ латинство, а тѣхъ, кто не захочетъ за нами слѣдовать, *увлечемъ силою*. Положимъ даже, что и это намъ не удастся: но патріархъ все-таки долженъ понять, что до тѣхъ поръ пока царствуютъ въ Польшѣ католическіе государи и пока будутъ существовать уніаты хотя бы и не въ большомъ числѣ, до тѣхъ поръ здѣсь не будетъ епископовъ, признающихъ его власть. И почему бы патріарху не отказаться отъ русско-литовской церкви: согласились же его предшественники признать полную самостоятельность Московской іерархіи? [140]). Планъ, основанный на такихъ нелѣпыхъ предположеніяхъ, созрѣлъ ко времени открытія сейма въ 1623-мъ году. Земскихъ пословъ, разумѣется, не удостоили сообщеніемъ его, но въ сенатской избѣ о немъ серьезно толковали и предлагали его на благоусмотрѣніе короля. Очевидно, король Сигизмундъ вполнѣ сочувствовалъ іезуитской выдумкѣ: Веляминъ Рутскій ждалъ только разрѣшенія изъ Рима, чтобы отправить своего эмиссара въ Царьградъ.

Болѣе чѣмъ когда-либо дѣятели уніи чувствовали, что созданіе ихъ не имѣетъ прочной почвы подъ собою. И папскій нунцій, и сами уніатскіе писатели сознаются, что въ 1623-мъ году уніи грозила окончательная гибель [141]). Самою надежною ея опорою былъ созданный Рутскимъ базиліанскій орденъ, но и эта опора грозила рухнуть. Настоятели нѣкоторыхъ базиліанскихъ монастырей готовились покинуть корабль, которому грозило крушеніе. Они думали, что на предстоящемъ сеймѣ унія непремѣнно будетъ объявлена уничтоженною и сбирались перейти въ латинство [142]). Къ этому времени относятся самыя горькія жалобы Велямина Рутскаго на равнодушіе, даже на прямую враждебность къ уніи католическаго дворянства. Дворяне имѣютъ такую власть въ своихъ имѣніяхъ, что, казалось бы, могутъ дѣлать все, что захотятъ—особенно въ отношеніи русскихъ церквей: одного слова со стороны знатнаго пана достаточно чтобы „выбросить" со своихъ земель схизматическихъ священниковъ и ввести на мѣсто ихъ уніатскихъ. А между тѣмъ, съ нѣкоторымъ забвеніемъ своего достоинства плачется уніатскій митрополитъ, это дѣлаютъ только немногіе; остальные отговариваются тѣмъ, что боятся

[138]) Relacye nunciuszow apostolsk. II, 165.

[139]) Литовская унія Кояловича II, 326.

[140]) Informatio 1623: Harasew. Annales eccles. ruthenae, p. 262.

[141]) Uniti—vix non deleti fuere, говоритъ Кульчинскій: Specimen eccles. ruth. p. 129. Ср. Relacye nunciusz. apost. II, 165.

[142]) Putarunt in dictis comtiis unionem penitus sublatum iri: Informatio 1623: Harasew. Annales, p. 280.

козаковъ, — и отговариваются совершенно напрасно, ибо если они не смѣютъ этого дѣлать открыто, то пусть дѣлаютъ потихоньку [143]). Полезно было бы предавать такихъ холодныхъ католиковъ, покровительствующихъ схизматикамъ, церковному отлученію, нужно бы выхлопатать у „святаго отца" грамоты въ этомъ смыслѣ ко всѣмъ епископамъ Римской церкви. И католическіе епископы не всѣ одинаково заботливы объ интересахъ уніи: только Виленскій епископъ, Евстафій Воловичъ, выказываетъ нѣкоторую ревность и значителнно помогаетъ дѣлу уніи въ Литвѣ [144]).

Но прежде всего необходимо было издать прямое и рѣшительное запрещеніе переходить изъ уніи въ латинство. Намъ уже извѣстно жалкое положеніе уніи въ отношеніи къ латинской пропагандѣ, которою особенно усердно и успѣшно занимались Виленскіе іезуиты. „Мы сдѣлались забавою и посмѣшищемъ еретиковъ, пишетъ Рутскій въ Римскую коллегію de propaganda fide. Видя, какъ наше достояніе расхищается, они теперь торжествуютъ и нагло насмѣхаются надъ нами къ великому соблазну глупаго хлопства. Они высказываютъ намъ свои притворныя сожалѣнія о томъ, что насъ такъ вѣроломно обманули тѣ, на кого мы возлагали свои надежды: они раздираютъ нашу душу, когда говорятъ, что правосудіе Божіе наказываетъ насъ за измѣну своимъ и отпаденіе отъ Восточной церкви именно чрезъ посредство нашихъ новыхъ друзей" [145]). „До сихъ поръ мы молчали о нашихъ бѣдствіяхъ ради мира и братской любви и въ надеждѣ, что время, этотъ лучшій наставникъ, все исправитъ. Но теперь лишившись вслѣдствіе перехода въ латинство лучшихъ своихъ чадъ и лучшаго своего украшенія, мы начинаемъ замѣчать, что всякая человѣческая помощь насъ оставляетъ и что зло возрастаетъ съ каждымъ днемъ: какъ бы внезапно пробудившись отъ сна, мы почувствовали, съ какой высоты мы упали и сравнивая прошедшее наше состояніе съ теперешнимъ, глубоко сокрушаемся при одномъ воспоминаніи" [146]).

Итакъ папскому престолу предстояло прежде всего спасать унію отъ поглощенія ея католичествомъ. Стоны и жалобы Рутскаго и его собратій были приняты сначала довольно холодно руководителями Римской политики. „Такъ какъ мы ничего другого не имѣемъ въ виду кромѣ спасенія душъ, то собственно намъ мало заботы о томъ, станутъ-ли дизуниты латынянами, или уніатами"--замѣчаетъ очень тонко, хотя совсѣмъ не правдиво авторъ инструкціи, данной нунцію Ланчелотти, отправлявшемуся въ Польшу предъ сеймомъ 1623-го года. „Можетъ быть, даже правы тѣ, которые утверждаютъ, что легче обратить ихъ въ католичество по-одиночкѣ (т. е. безъ уніи), — начавъ со шляхты, за которою пошелъ бы добровольно или *поневолѣ* и простой народъ. Съ другой стороны — все одно: нѣтъ никакой надежды, чтобы этотъ гордый и упрямый народъ приступилъ когда-либо къ уніи цѣлою массою". Тѣмъ не менѣе было много соображеній, заставлявшихъ защищать и поддерживать унію, хотя эти соображенія уже выходили изъ предѣловъ Польско-Литовскаго государства. „Только тогда можно бы позволить латинскимъ епископамъ безпрепятственно умножать свою паству насчетъ уніи, когда бы это не отпугивало отъ Римскаго костела не только польскихъ, но и восточныхъ схизматиковъ" [147]).

Послѣ новыхъ настояній и просьбъ со стороны Литовскихъ уніатовъ, папа Урбанъ VIII издалъ, наконецъ, въ 1624 году (7-го февраля) декретъ, запрещающій переходъ изъ уніи въ латинство болѣе рѣшительнымъ образомъ, чѣмъ это было сдѣлано папою Павломъ V [148]). Но здѣсь произошло весьма интересное явленіе. Король Сигизмундъ, котораго уніаты считали послѣ папы един-

143) Все это буквально читается въ информаціи. Harasew. Annal., p. 270.

144) Ibid. p. 271.

145) Informatio 1623 ann. Harasew. Annal. p. 284.

146) Ibid. p. 291.

147) Relacye nunciuszow apostol. II. 166.

148) Декретъ коллегіи de propaganda fide у Гарасевича, Annal. ecclesiae ruth. p. 365. Здѣсь запрещается какъ духовнымъ такъ и свѣтскимъ членамъ уніатской церкви, и особенно Базиліанамъ, переходить въ латинскій обрядъ по какой бы то ни было причинѣ, безъ особеннаго спеціальнаго разрѣшенія папы; даже согласіе уніатской іерархіи не могло имѣть силы безъ этого разрѣшенія.

ственнымъ вѣрнымъ своимъ покровителемъ, не былъ согласенъ съ Римскимъ престоломъ: онъ хотѣлъ быть болѣе усерднымъ папистомъ, чѣмъ самъ папа, и отказался обнародовать въ своемъ государствѣ декретъ, который могъ помочь уніи, но способенъ былъ остановить успѣхи чистаго католичества. Объяснить это странное явленіе не трудно. Сигизмундъ III поступилъ такъ по совѣту іезуитовъ [149]), которые всегда имъ управляли, которые и впредь хотѣли управлять Польшею, имѣли здѣсь собственную политику и тѣснѣе, чѣмъ Римскій престолъ, связывали свои интересы съ интересами полонизма и полонизаціи. Іезуиты много хлопотали объ уніи, но никогда не думали признавать ея самостоятельное значеніе; для нихъ она была только переходною ступенью и средствомъ для достиженія другихъ цѣлей. Урбанъ VIII долженъ былъ уступить, и въ томъ же году объявилъ, чтоегодекретъ прямо относится только къ уніатскому духовенству; что касается свѣтскихъ уніатовъ, то въ отношеніи ихъ сдѣлано было только внушеніе католическому духовенству и особенно іезуитамъ, чтобы они ограничили свое усердіе къ умноженію католической паствы насчетъ уніатовъ и не злоупотребляли своимъ правомъ принимать на исповѣдь всѣхъ приходящихъ, въ томъ числѣ и уніатовъ [150]). Богословы Виленской іезуитской академіи очень долго и внимательно изучали постановленіе папы Урбана VIII. Слишкомъ утомительно было бы заниматься схоластическими хитросплетеніями ихъ діалектики: выводъ, къ какому они приходили въ концѣ концовъ, никогда не подлежалъ сомнѣнію. Должно признать, что переходъ изъ уніи въ латинство запрещается. „Впрочемъ, если кто изъ греко-уніатскаго обряда перейдетъ въ латинскій съ добрымъ намѣреніемъ – bona fide,—то нужно дѣлать видъ, какъ будто это осталось незамѣченнымъ и никакъ не слѣдуетъ смущать кого-нибудь по этому поводу какими-либо сомнѣніями“. Такъ рѣшено въ Вильнѣ богословами Іисусова общества [151]). Ясное дѣло, что о всякомъ уніатѣ, переходящемъ въ латинство, можно будетъ сказать, что онъ сдѣлалъ это bona fide. Послѣ этого, намъ извѣстно, какимъ образомъ православное населеніе въ Вильнѣ и вообще въ Литвѣ мало-по-малу потеряло и послѣднихъ своихъ защитниковъ въ средѣ аристократіи русской и какимъ образомъ православная половина Вильны изъ уніатской дѣлалась католическою. Мы уже знаемъ примѣръ Тышкевичей. Вотъ еще одинъ случай, о которомъ говоритъ реляція нунція Висконти, писанная въ 1636-мъ году. „Марціанъ Тризна, происходящій изъ шляхетской фамиліи и владѣющій значительнымъ состояніемъ, принадлежалъ сначала къ уніатскому обряду, но, *какъ это дѣлается ежедневно*, перешелъ въ латинство и послѣ этого былъ назначенъ коадъюторомъ Виленскаго католическаго епископа“ [152]). Вотъ—насколько дѣйствительно было папское покровительство уніи!

Обращаемся, однако, къ положенію вопроса въ 1623-мъ году. Въ этотъ моментъ уніатская іерархія особенно сильно встревожилась за существованіе своей церкви и горько возроптала на печальную участь, которая была, очевидно, ея неизбѣжнымъ удѣломъ. Причина неумѣренной и напрасной скорби заключается въ томъ, что къ этому времени, благодаря Запорожскому козачеству и Виленскому Свято-Духовскому братству, совершенно пресѣкся тотъ источникъ, изъ котораго унія могла до сихъ поръ восполнять всѣ свои потери. Уніатскіе епископы, имѣя малое число искреннихъ приверженцевъ, боялись остаться совершенно одинокими въ своей церкви, потомучто съ одной стороны у нихъ убывало, а съ другой перестало прибывать вслѣдствіе увеличившагося упорства со стороны схизматиковъ: вотъ наглядное объясненіе человѣка, близкаго къ дѣлу [153]). Мало того. Унія съ 1620-го года убывала, можно сказать, съ обоихъ концовъ. Не смотря на тюремное заключеніе, которому подверглись ради его руководители Виленскаго братства изъ среды богатаго купечества, Мелетій Смотриц-

149) Consilio PP. societatis Jesu pluries explorato Harasew. Annal. p. 390.

150) Resolutiones theclogorum de transitu a ritu Graeco 1628. Harasew. p. 390.

151) Harasew. Annales, p. 374; дальнѣйшую исторію вопроса см. тамъ же p. 487 и слѣд. Какъ извѣстно, жалобы на совращеніе въ латинство уніатовъ продолжались почти во все время существованія уніи.

152) Relacye nunciusz. apostol. II, 247.

153) Relacye nunciusz. apostolsk. II, 165. Инструкція нунцію Ланчелотти.

кій продолжалъ оставаться въ Вильнѣ и наносилъ изъ-за ограды Свято-Духовскаго монастыря самые тяжелые удары Іосафату Кунцевичу. Посланія, выходящія изъ его кельи, вездѣ производили потрясающее дѣйствіе. Виленскій православный монахъ Сильвестръ и священники, поставленные Смотрицкимъ, распространяли ихъ, при помощи братства, по всѣмъ городамъ и селамъ. Въ Витебскѣ, Могилевѣ, Мстиславлѣ и Оршѣ граждане торжественно отказались отъ повиновенія уніатскому епископу и объявили, что они признаютъ своимъ пастыремъ только епископа Мелетія, поставленнаго православнымъ восточнымъ патріархомъ. Два Полоцкихъ жителя (Иванъ Ходыка и Гавріилъ Лагодный) побывали въ Вильнѣ, привезли съ собою письма Смотрицкаго—и Полоцкъ заволновался: цѣлыя тысячи отказались отъ уніи и Кунцевича, давъ клятву быть вѣрными православію [154]). Іосафатъ Кунцевичь дошелъ до послѣднихъ предѣловъ фанатической ярости: при помощи гражданскихъ властей отнималъ, запечатывалъ церкви, вырывалъ тѣла православныхъ покойниковъ, погребенныхъ при нихъ, и велѣлъ выбрасывать ихъ собакамъ. Все это мало помогало. Можно было отнимать церкви, но нельзя было принудить православныхъ ходить въ нихъ, когда здѣсь служили уніатскіе священники: вмѣсто отнятыхъ храмовъ на-скоро устраивались шалаши, въ которыхъ и совершалось богослуженіе. Такъ было въ Витебскѣ. Самая Вильна находилась въ обстоятельствахъ гораздо болѣе благопріятныхъ. Сила православнаго русскаго населенія была еще такъ значительна въ Литовской столицѣ, что, не смотря на всю злобу, которая собиралась вокругъ Духовскаго монастыря, онъ оставался неприкосновеннымъ владѣніемъ братства Именно въ 1623-мъ году православные жители Вильны, убѣжденные въ своемъ близкомъ торжествѣ, предприняли вмѣсто деревянной церкви построить въ большихъ размѣрахъ каменную, и на глазахъ своихъ враговъ начали свозить на монастырскій дворъ камень, кирпичи и другіе матеріалы [155]).

Наконецъ, открылся ожидаемый съ такими различными чувствами генеральный сеймъ 1623-го года. Въ Варшавѣ явилось торжественное посольство отъ войска Запорожскаго; опираясь на недавнія заслуги, оно предъявляло требованія народа русскаго съ тѣмъ большею настойчивостію. Польскому сенату представлена была отъ лица всей православной шляхты въ Польшѣ и Литвѣ знаменитая „супликація“, долженствовавшая нанести послѣдней ударъ сильно пошатнувшейся уніи [156]). Жаль, что мы не знаемъ имени автора или авторовъ этого въ высшей степени замѣчательнаго произведенія. Извѣстно только, что самымъ дѣятельнымъ лицемъ на сеймѣ былъ Лаврентій Древинскій; мы видимъ далѣе, что здѣсь съ нѣкоторымъ особеннымъ негодованіемъ или даже раздраженіемъ высказывается протестъ противъ клеветы, которая взводилась Кунцевичемъ на Виленское братство, будто бы виновное въ государственной измѣнѣ. Эта клевета должна быть признана тѣмъ болѣе дерзкою, что Виленское братство заключаетъ въ себѣ едва-ли не всѣ княжескія, панскія и шляхетскія фамиліи Русскаго народа [157]). Вильна стоитъ на первомъ мѣстѣ въ перечисленіи городовъ, въ которыхъ православные подвергаются невыносимому нарушенію ихъ правъ и „нехристіанскому угнетенію“: вопреки всѣмъ древнимъ привилегіямъ русское населеніе греческой вѣры *вытѣсняется изъ ратуши*, *изгоняется изъ цеховъ*, терпитъ всякую тираннію, заключеніе въ тюрьмы, изгнаніе, секвестры и т. д. [158]) Вообще картина, представляющая положеніе русскаго народа вслѣдствіе уніи, начертана энергическими, рѣзкими красками. Но не въ этомъ главное достоинство документа, а въ той безпощадной, неопровержимой логикѣ, съ которою развиваются здѣсь основныя положенія Польскаго государственнаго права, нарушенныя уніею и королемъ Сигизмундомъ. Всякая тѣнь, всякій призракъ права, вызываемый въ свою пользу уніатами, должны были разсѣяться, какъ дымъ при яркомъ свѣтѣ дня.

[154]) Cursus vitae B. Josaphat p. 59. 60. Cp. p. 178.

[155]) Судебный позывъ Виленскому братству І. Рутскаго въ 1624 г. У Кояловича, Литов. унія II, 359.

[156]) Напечатана въ «Документахъ, объясняющихъ исторію Западно-русскаго края» (стр. 270 и сл.) по современному изданію 1623 г., экземпляръ котораго находится въ Петербургской публичной библіотекѣ.

[157]) «Документы», стр. 296.

[158]) Тамъ же, стр. 292.

*

Уніатскій митрополитъ Іосифъ Рутскій повѣствуетъ, что онъ явился въ Варшаву съ какими-то документами, доказывающими, что всѣ привилегіи, данныя русской церкви, имѣютъ въ виду церковь уніатскую, и что будто бы схизматики были не въ силахъ противорѣчить этому на сеймѣ [159]). Удивительно, до какой степени можетъ доходить мечта самообольщенія. Именно старая теорія Потѣя о древнемъ существованіи уніи въ княжествѣ Литовскомъ и о принадлежности ей всѣхъ древнихъ грамотъ и привилегій, говорящихъ о русской вѣрѣ, разбита въ пухъ и прахъ на сеймѣ 1623 года. Суппликація не удостоиваетъ даже серьезнаго разбора разнаго рода „Кревскія“ рукописи, вырытыя въ разныхъ мѣстахъ уніатскою археологіей; она—и совершенно по праву—упоминаетъ о нихъ только съ великодушною ироніей. Вотъ—крѣпость, за которою православные могли относиться съ полнымъ спокойствіемъ хотя бы къ цѣлымъ грудамъ документовъ, подобныхъ посланію католическаго духовенства къ папѣ Сиксту IV. Достоинство и сила такихъ документовъ опредѣляются верховнымъ и основнымъ актомъ, обезпечивающимъ права̀ и привилегіи Русскаго народа, т. е. актомъ, даннымъ при Люблинской уніи, когда Русскій народъ соединился съ Польскимъ, какъ равный съ равнымъ. Этотъ актъ знаетъ шляхту Русскую только двухъ категорій: шляхту римскаго закона и шляхту греческаго закона, и даетъ Русскимъ того и другого закона, равное участіе во всѣхъ правахъ, привилегіяхъ и достоинствахъ, которыми пользуется королевство Польское. Подъ именемъ шляхты греческаго закона актъ разумѣетъ ту, которая въ то время и въ теченіи вѣковъ была *подъ послушаніемъ Константинопольскаго патріарха.* Одинъ пунктъ этого акта прямо гласитъ, что ни какія находки (wynaydowania), ни какія прежнія и частныя постановленія. грамоты или статуты, сеймовыя конституціи не могутъ уничтожить данныхъ правъ или въ чемъ-либо повредить имъ [160]). Сами уніаты никогда не дерзали утверждать, чтобы унія держалась въ Литвѣ еще во времена Сигизмунда-Августа; они останавливались въ темнотѣ временъ болѣе отдаленныхъ, все-таки не осмѣливаясь смѣяться надъ очевидностью почти современной исторіи. Какую же цѣну могли имѣть всѣ ихъ „листы“, если не фальшивые, то прямо отмѣненные?

Уніатское духовенство могло опираться на права іерархіи, которой принадлежитъ власть церковная. Но, отвѣчаетъ суппликація, короли обѣщаютъ и даютъ клятву сохранять наши права и защищать ихъ противъ всякаго покушенія не митрополитамъ Кіевскимъ лично, а всему народу Русскому [161]). Съ особенною силою настаиваетъ суппликація на неразрывной связи двоякаго рока презентаціи, принимаемой Польскимъ публичнымъ правомъ и обезпеченной королевскою присягой, т. е. презентаціи клиромъ избраннаго епископа королю и презентаціи отъ короля къ Римскому епископу относительно католиковъ и къ патріарху Константинопольскому относительно православныхъ. Ни та, ни другая не могутъ быть отмѣнены безъ нарушенія права, и съ уничтоженіемъ одной необходимо падаетъ другая. Не представляетъ клиръ своего избранника,—король не имѣетъ кого презентовать; презентуетъ король не тому, кому слѣдуетъ,—клиръ не имѣетъ причины для чего презентовать. Въ этомъ отношеніи права̀ католиковъ и лицъ греческой вѣры совершенно одинаковы. Слѣдствія, отсюда вытекающія, развиты въ документѣ съ полнымъ искусствомъ. Православные авторы суппликаціи съ дипломатическою деликатностью умолчали только о приложеніи, которое можно было сдѣлать къ вопросу посвященія православныхъ епископовъ Ѳеофаномъ.

Во имя цѣлости отечества, ради предотвращенія внутренней кровавой вражды, которая грозитъ страшными несчастіями, умоляли русскіе депутаты внять ихъ голосу, отбросить далеко эту кость раздора, эту лживую унію, ведущую къ раздѣленію [162]). Русскій народъ не согласится на разсѣченіе дитяти, какъ Соломоновская мать; каково бы оно ни было, но онъ проситъ, чтобы только его не разсѣкали: не разорваніемъ на-двое епископствъ и не раздвоеніемъ митрополіи можно

159) Informatio 1623. Harasew. Annales p. 270.

160) «Документы, объясняющіе исторію Западно-Русскаго края», стр. 281.

161) Стр. 271.

162) Стр. 304.

успокоить русскій народъ, а полнымъ возстановленіемъ его права и отмѣною того, что существуетъ безъ права [163]).

Итакъ, русскій народъ требовалъ совершеннаго уничтоженія уніи и не хотѣлъ удовольствоваться какою-либо примирительною сдѣлкой, сохраняющею существованіе уніи наравнѣ съ православіемъ. Нельзя обвинять русскихъ сеймовыхъ депутатовъ въ неумѣренности и неполитичности требованій. Отмѣна уніи была возможна не только теперь, но и послѣ, а въ 1623-мъ году болѣе чѣмъ когда-либо. Общее настроеніе людей благоразумныхъ и умѣренныхъ среди самихъ католиковъ было противъ уніи. Правда, уничтоженіе уніи погнало бы Кунцевича, базиліанскихъ монаховъ и вообще всѣхъ искреннихъ уніатовъ въ католичество; но едва-ли эта потеря не была бы вознаграждена большими выгодами на будущее время. Унія и безъ того была каналомъ изъ православнаго моря въ католическое озеро; пресѣчь этотъ каналъ значило спасти многое для русскаго народа. Польскій сеймъ, поставленный въ затрудненіе между королемъ, папою и русскимъ народомъ, попытался-было предложить общій соборъ уніатовъ и православныхъ для взаимнаго примиренія. Но предложеніе было отвергнуто православными; они объявили, что въ соборѣ нуждаются только тѣ, которые сомнѣваются въ вѣрѣ, слѣдовательно, они не нуждаются, что соборъ они могутъ допустить только подъ предсѣдательствомъ Константинопольскаго патріарха [164]). Они настаивали на своемъ требованіи, чтобы епископы, посвященные Іерасулимскимъ патріархомъ, были признаны, а уніатскіе объявлены не принадлежащими къ русской церкви, то есть, низложенными. Іосифъ Рутскій свидѣтельствуетъ, что только „непоколебимое мужество" короля Сигизмунда помѣшало пройти требованіямъ православныхъ [165]). Но это еще не значило, что унія была спасена. Вопросъ былъ только отложенъ до будущаго сейма, на которомъ его слѣдовало рѣшить уже опредѣленнымъ и окончательнымъ образомъ [166]). Между тѣмъ сдѣлана была большая уступка; всѣ судебные приговоры или слѣдствія по дѣламъ православныхъ съ уніатами, направленные противъ тѣхъ или другихъ, были уничтожены и преданы забвенію [167]). Какъ мало успокоенія давало такое рѣшеніе для уніатовъ—можно видѣть изъ того, что вышеупомянутые базиліанскіе монахи не только не отказались отъ своего намѣренія оставить унію, но еще утвердились въ немъ послѣ сейма, не *видя помощи со стороны* своихъ братьевъ *латынянъ*, и агитировали въ этомъ смыслѣ въ другихъ базаліанскихъ монастыряхъ. Православные, узнавъ объ этихъ планахъ, поощряли своихъ прежнихъ противниковъ, говоря имъ, что они сдѣлаютъ хорошо, заблаговременно приставъ къ Латинству, а то скоро будутъ выгонять ихъ изъ монастырей силою [168]).

Унія была спасена самими православными. Ноября 2-го (по ст. стилю) 1623 года совершилась Витебская трагедія: Іосафатъ Кунцевичъ, напрашивавшійся на мученичество, съ разсѣченною головой былъ въ рѣкѣ Двинѣ. Не по духу христіанскому былъ мученикъ,—не легко было вынести русскому населенію Витебска постоянное поруганіе надъ самою дорогою для него святыней; такую развязку можно было предвидѣть и предугадывать, ибо насиліе всегда вызываетъ насиліе. Тѣмъ не менѣе дѣло, совершонное въ Витебскѣ, было и преступно, и безумно: какъ преступное, оно еще можетъ быть извиняемо и смягчаемо; какъ безумное, оно не имѣетъ другого оправданія кромѣ слѣпоты народной массы. Только она, эта всегда темная и теперь помраченная еще болѣе гнѣвомъ и ненавистью толпа, могла не видѣть и не понимать, что удары, ею наносимые, поражали не столько уніатскаго архіепископа, сколько православную церковь. Много и долго терпѣла и страдала эта народная масса, немного и недолго оставалось, по всѣмъ признакамъ, страдать и терпѣть—и въ эту самую минуту разразился безумный взрывъ, погубившій всѣ плоды долгаго и упорнаго труда разумныхъ людей!

[163]) Стр. 310.

[164]) Informatio 1623: Harasew. Annales, p. 263.

[165]) Per—inexpugnabilem fortitudinem serenissimi regis—non obtinuerunt: Informatio, Harasew. Annal. pag. 260.

[166]) Ibid: tamen obtinuerunt, ut ad futura regni comitia illa controversia indecisa maneat et in futuris certo determinetur.

[167]) Кояловичъ, Литовская унія, II, 118.

[168]) Informatio: Annales, pag. 280.

Уже одна крайняя несовременность Витебской трагедіи должна служить доказательствомъ, что въ ней прямо неповинны руководители православной партіи, неповинны ни Мелетій Смотрицкій, ни Свято-Духовскіе братчики. Витебскій процессъ, произведенный на-скоро, открылъ обширный заговоръ, душею кораго былъ Мелетій Смотрицкій, а участниками жители Полоцка, Могилева и самой Вильны. Существованіе заговора ранѣе послѣдняго пріѣзда Кунцевича въ Витебскъ —едва-ли можно считать доказаннымъ. Покушенія на жизнь Кунцевича еще ранѣе дѣлались въ другихъ городахъ; въ самомъ Витебскѣ, еще въ 1622-мъ году, при одномъ изъ посѣщеній Кунцевича, народъ въ отвѣтъ на его призывъ къ послушанію—побросалъ въ груду свои шапки, что̀ означало воззваніе къ насилію [169]). Но это доказываетъ только то, что поведеніе Кунцевича было всегда одинаково и вездѣ вызывало народную ярость. Посланія Мелетія Смотрицкаго, въ которыхъ онъ объявлялъ себя истиннымъ пастыремъ, а Кунцевича отступникомъ и измѣнникомъ, безъ сомнѣнія, дѣйствовали крайне возбудительно и сильно раздражали народную страсть. Но изъ этого не слѣдуетъ, что Смотрицкій былъ главою заговора *на жизнь* Кунцевича. Самъ Іаковъ Суша, уніатскій епископъ, написавшій біографію Кунцевича и Смотрицкаго, утверждаетъ, что ни слѣдствіе, произведенное въ Полоцкѣ по предложенію Римской куріи, ни королевская коммиссія въ Витебскѣ не нашли признаковъ, чтобы Смотрицкій когда-либо доходилъ до призыва къ пролитію крови; народъ, имъ возбужденный, сдѣлалъ гораздо болѣе того, что онъ приказывалъ и о чемъ думалъ [170]). Тѣмъ менѣе можно было обвинять Виленское братство. Витебская коммиссія доказала только то, что Свято-Духовскіе братчики занимались разсылкою писемъ и грамотъ Смотрицкаго [171]). Съ этою цѣлью или случайно могли находиться Виленскіе граждане въ Витебскѣ и принимать участіе въ самой катастрофѣ, но отъ этого еще далеко до общаго заговора, идущаго отъ Свято-Духовскаго монастыря до Витебска.

Только съ глубокимъ отвращеніемъ можно читать неприличныя, позорныя, можно сказать—кровожадныя письма Римскаго первосвященника и кардинала Бандини по поводу Витебскихъ казней [172]). Наказаніе Витебска было „въ высшей степени любезно святому отцу", онъ принялъ вѣсть о немъ со слезами радости [173]). Онъ призывалъ огонь и мечъ противъ православныхъ [174]) и т. д. Но за то совершенно совершенно понятно и вполнѣ естественно, что вина и нравственная расплата за Витебское преступленіе пали вообще на православныхъ и особенно на Виленское братство. Всѣ разумные польскіе патріоты, вслѣдъ за Львомъ Сапѣгою, отшатнулись отъ партіи, скомпрометированной кровавымъ пятномъ, такъ или иначе ей нечуждымъ. Объ успѣшномъ окончаніи того, что̀ было почти достигнуто на сеймѣ 1623 года, теперь не могло быть и рѣчи. Православнымъ нельзя было даже поднять голоса, не только разсчитывать на сочувствіе нерасположенныхъ къ іезуитамъ умѣренныхъ католиковъ. Мелетій Смотрицкій, сильно потрясенный кровавымъ призракомъ Кунцевича, смущенный устремленными на него со всѣхъ сторонъ обвиненіями—ибо каждый католикъ указывалъ на него пальцемъ, какъ на главнаго виновника преступленія,—не выдержалъ и въ бѣгствѣ искалъ себѣ спасенія. Его блестящее дарованіе было навсегда потеряно для русскаго народа, потому что самъ Смотрицкій потерялъ всякую надежду на торжество православныхъ и опять воротился къ своимъ планамъ примиренія православія съ уніей. Онъ будетъ писать сочиненія про-

[169]) Susza, Cursus Vitae B. Iosaphat, pag. 73 (ed. Martinow).

[170]) Susza, Saulus et Paulus (ed. Martinow), pag. 24 въ концѣ.

[171]) Объ этомъ говорится и въ судебномъ позывѣ къ Виленскому братству Рутскаго: Кояловича Литовская унія II, 352.

[172]) Эти письма напечатаны у Кульчинскаго въ Specimen ecclesiae ruthenicæ, pag. 70—82. У Мартынова въ приложеніи къ жизнеописанію Кунцевича, pag. 149—160. Въ Виленской публичной библіотекѣ находится рукописный сборникъ, заключающій, кажется, самые подлинники, или же современные списки.

[173]) Il risentimento non men giusto che rigoroso fatto— —contro quei scismatici—è stato successo sommamente caro à Nostro Signore (Papa).... sua Beatitudine col testimonio delle lagryme hà dimostrato il particolare sentimento dell' allegrezza: письмо Бандини: Kulcz., pag. 78.

[174]) Письмо Урбана VIII къ королю ibid, p. 79.

тивъ Виленскаго Духовскаго братства, которое такъ долго его лелѣяло и оберегало,— но уже вдали отъ Свято-Духовскаго монастыря и Литовской столицы [175]).

Нашъ разсказъ до сихъ поръ по необходимости далеко выходилъ изъ рамокъ собственно Виленской исторіи. Наше оправданіе заключается въ томъ, что во всемъ этомъ движеніи, которое болѣе и болѣе высокими и широкими волнами поднималось съ 1617 года и упало только къ началу 1624 года, Вильна была главнымъ центромъ, откуда шло направленіе и руководство, и Виленское православное братство стояло все время во главѣ движенія. Мы можемъ быть болѣе кратки относительно событій слѣдующихъ восемь лѣтъ, протекшихъ до смерти короля Сигизмунда. Виленское православное братство принуждено было воротиться къ пассивному сопротивленію и выходило на сцену только тогда, когда на это вызывали самые враги, продолжавшіе носиться съ разными планами примиренія православныхъ съ уніей. Уже въ 1624 году Іосифъ Рутскій считалъ благовременнымъ нанести рѣшительный ударъ Виленскому православному купечеству, которое поддерживало Смотрицкаго. Онъ возобновилъ процессъ, начатый противъ него въ 1621 году и очевидно не достигшій всѣхъ цѣлей, которымъ онъ долженъ былъ тогда послужить. Во главѣ виновныхъ стоитъ Гавріилъ Дудко, намѣстникъ монастыря братскаго, священникъ Варлаамъ, преданный уніатами проклятію, Іосифъ Левоновичъ, ректоръ школы и проповѣдникъ; а затѣмъ слѣдуетъ длинный списокъ мѣщанъ Виленскихъ (22 человѣка названы по именамъ); всѣхъ ихъ Рутскій обвинялъ въ бунтѣ и въ прикосновенности къ Витебскому убійству [176]). Мы не знаемъ что сдѣлалось съ этими вышепоименованными лицами: болѣе съ ними мы не встрѣчаемся. Особенно тяжелъ былъ для православнаго виленскаго населенія 1629 годъ. Онъ начался нападеніемъ на Свято-Духовскій монастырь его ближайшихъ сосѣдей—базиліанскихъ монаховъ Троицкаго монастыря подъ предводительствомъ самаго настоятеля (Игнатія Дитриховича) и при содѣйствіи большой толпы всякаго сброда. Дѣло было 6-го января, позднимъ вечеромъ, и поводомъ къ нападенію могъ послужить уже самый праздникъ, проведенный не въ одномъ только духовномъ веселіи. Толпа явилась къ монастырскимъ воротамъ съ оружіемъ въ рукахъ, ломилась въ ворота, бросала каменьями въ окна, стрѣляла изъ ружей. Андрей Мужиловскій, протопопъ Слуцкій, находившійся случайно въ Свято-Духовомъ монастырѣ, былъ сильно раненъ въ голову. Не будучи въ состояніи взять монастыря приступомъ, бунтовщики ушли, произнося угрозы и провозглашая обѣтъ, что они всегда и вездѣ, каждый часъ и на каждомъ мѣстѣ, будутъ бить и позорить людей измѣннической вѣры [177]). Старшій и ректоръ монастыря, которымъ былъ теперь Іосифъ Бобриковичъ, вмѣстѣ съ княземъ Богданомъ Огинскимъ, принесъ жалобу въ гродскомъ судѣ, но конечно не получилъ ни какого удовлетворенія. Унія теперь была въ силѣ, унія теперь была въ чести. Даже католическіе члены большого Виленскаго цеха швецкаго (сапожничьяго) согласились въ 1629 году на то, чтобы Троицкій монастырь, находившійся въ рукахъ уніатовъ, ежегодно получалъ третью часть изъ цеховой „скрынки". Это было постановлено еще прежними уставами, но давно не исполнялось, потому что католики предпочитали всѣ три части обращать въ пользу Свято-Янскаго костела. Рафаилъ Корсакъ, архимандритъ Виленскій и номинальный епископъ Галицкій, управлявшій теперь отъ имени Рутскаго Литовскими уніатскими дѣлами, добился даже большаго. Католическіе члены цеха сдѣлали постановленіе, которое они обѣщали впредь исполнять со всею строгостью и которое было направлено противъ ихъ собратій, принужденныхъ наружно исповѣдывать унію, чтобы не быть изгнанными изъ цеха, но втайнѣ сохранившихъ любовь къ православію: никто изъ нихъ не долженъ посѣщать богослуженія въ Свято-Духовскомъ монастырѣ, тѣмъ менѣе крестить тамъ дѣтей, исповѣдываться или вѣнчаться, а долженъ исполнять все это въ Троицкомъ

[175]) Дальнѣйшая исторія Смотрицкаго, см. у Кояловича, Литовская унія II, 147 и слѣд.

[176]) Документъ, уже нѣсколько разъ указанный у Кояловича, Литовская унія II, 353.

[177]) Акты Виленскаго гродскаго суда въ центр. архивѣ, связка № 102.

монастырѣ. Если же кто обнаружитъ расположеніе къ схизматикамъ, будетъ заподозрѣнъ, а тѣмъ болѣе уличенъ въ посѣщеніи ихъ богослуженія, тотъ будетъ подвергнутъ немедленно наказанію и штрафу въ пользу отцовъ Базиліановъ Троицкихъ. Отцы нашли это вполнѣ согласнымъ съ волею Божіею и съ королевскими грамотами [178]). Относительно перваго пункта, т. е. того, который касался дѣлежа католиковъ съ уніатами, мы должны, впрочемъ, замѣтить, что онъ соблюдался очень не долго, не далѣе 1633 года [179]). Самое чувствительное огорченіе испытывали члены Виленскаго православнаго братства все-таки отъ своихъ измѣнниковъ. Мелетій Смотрицкій, перешедшій уже открыто на сторону уніи, издалъ свое сочиненіе (въ 1629 г.) противъ Свято-Духовскаго братства. Стрѣлы, направляемыя искусною рукой, попадали въ самое сердце. Хорошо знакомый со слабыми сторонами своихъ прежнихъ друзей, Смотрицкій безпощадно выставлялъ ихъ на видъ. Несомнѣнно, что нѣкоторыя изъ сочиненій, вышедшихъ изъ братской типографіи, заключали въ себѣ мысли, несогласныя съ строгимъ православіемъ и проникнутыя протестантскими воззрѣніями; этого было достаточно для Смотрицкаго, чтобы обвинить всю Западно-Русскую церковь къ неправославномъ духѣ. Вслѣдствіе этихъ опасныхъ обличеній, смущавшихъ людей слабыхъ и робкихъ, православные іерархи еще на соборѣ 1628 года постановили, чтобы безъ духовной цензуры никто не издавалъ сочиненій, касающихся вѣры. Теперь Смотрицкій доказывалъ, что и въ жизни церковной отражаются у православныхъ тѣже протестантскія начала; они воплощаются именно въ Виленскомъ братствѣ и вообще въ братствахъ, состоящихъ изъ низшаго духовенства и людей свѣтскихъ и тѣмъ не менѣе распоряжающихся дѣлами церковными во вредъ власти епископской [180]). Обвиненія Смотрицкаго, не смотря на большія преувеличенія, въ нихъ заключающіяся, производили сильное впечатлѣніе. Источники говорятъ о многочисленныхъ переходахъ изъ православія въ унію особенно въ 1631 и въ 1632 году, а значеніе Виленскаго братства замѣтно продолжаетъ падать.

Руководители уніатовъ такое положеніе дѣлъ считали удобнымъ, чтобы протянуть своимъ ослабленнымъ врагамъ руку примиренія. Уже въ 1624 году, вскорѣ послѣ Витебской трагедіи, митрополитъ Іосифъ Рутскій, вмѣстѣ съ пятью уніатскими епископами, приглашалъ представителей православной іерархіи вступить въ переговоры о примиреніи на основаніи учрежденія особой патріархіи Западно-Русской, по примѣру Московской. Замѣчательно при этомъ, что Рутскій желалъ устранить всякое участіе братствъ въ предлагаемомъ съѣздѣ и не хотѣлъ, чтобы православныя церковныя власти являлись съ какими-либо уполномочіями отъ нихъ [181]). Въ октябрѣ 1629 года устроенъ былъ для такой же цѣли съѣздъ въ Львовѣ, но на этотъ разъ и Виленское братство получило приказаніе отъ короля послать туда своихъ представителей. Лаврентій Древинскій, староста Виленскаго братства, и князь Пузина, да нѣсколько монаховъ Духовскаго монастыря ѣздили во Львовъ. Съѣздъ, разумѣется, не привелъ ни къ какому результату, кромѣ того что нѣсколько кухарокъ русскихъ и армянскихъ, обозвавшихъ на улицѣ погаными уніатскихъ іерарховъ, были посажены въ тюрьму. Вильняне, князь Пузина и Древинскій, на свиданіи съ уніатами, обратились къ нимъ съ просьбою, чтобы они исходатайствовали у короля паспортъ для Константинопольскаго патріарха, дабы онъ могъ также пріѣхать на соборъ: „что патріархъ рѣшитъ, на то мы всѣ согласимся", говорили православные. На это уніаты, разумѣется, не согласились: „если вы не хотите уніи, то пусть каждый остается при своемъ, отвѣчали они; мы слушаемся папы, а не патріарха" [182]).

[178]) «Собраніе древнихъ грамотъ городовъ Вильны, Ковны» и т. д. II, № 30.

[179]) Тамъ же № 37.

[180]) Кояловичъ, Литовская унія II, 163. Сочиненіе Смотрицкаго носитъ названіе Paraenesis albo napomnienie— — do przezacnego Bractwa Wilenskiego S. Ducha, i w osobie iego do wszystkiego tej strony narodu Ruskiego. W Krakowie.

[181]) Акты Западной Россіи IV, № 224.

[182]) Любопытное и слегка ироническое описаніе съѣзда Львовскаго, написанное православнымъ, напечатано нѣсколько разъ: у Тургенева, Supplement. ad histor. Russiæ monum. № 199; у Гарасевича Annales eccles. Ruthenæ, p. 445 и слѣд.

Дѣйствія уніатовъ въ Вильнѣ вовсе не были примирительны; насиліе господствовало болѣе чѣмъ когда-либо. Православнымъ не давали даже хоронить тѣла своихъ покойниковъ; въ домъ, гдѣ стоялъ трупъ, являлась буйная толпа приверженцевъ уніи, наносила побои роднымъ или близкимъ и отнимала гробъ, чтобы отдать его базиліанскимъ монахамъ [183]). Всякіе протесты и жалобы были напрасны, ихъ даже не принимали въ гродскія книги, или выдирали уже внесенныя; полицейскимъ чинамъ подъ страхомъ пени запрещено было оказывать какія-либо услуги православнымъ. Старосты Свято-Духовскаго братства, князь Иванъ Огинскій и неутомимый Лаврентій Древинскій, должны были обращаться въ Варшаву, чтобы не оставить безъ протеста всяческія нарушенія гражданскихъ и духовныхъ правъ, совершаемыя въ Вильнѣ; нѣкоторыя изъ ихъ жалобъ внесены въ книги Варшавскаго гродского суда [184]), другія, вѣроятно, скрываются въ архивахъ иныхъ городовъ.

Такъ прошло время до смерти короля Сигизмунда (1632). Нѣкоторый лучъ надежды на благопріятную перемѣну блеснулъ теперь для православныхъ. Уже на конвокаціонномъ сеймѣ, за которымъ долженъ былъ послѣдовать избирательный, они явились съ жалобами на беззаконное нарушеніе своихъ стародавнихъ правъ и привилегій. Виленское братство составило и издало цѣлое сочиненіе, которое должно было служить руководствомъ для православныхъ пословъ на Варшавской конвокаціи и документальнымъ оправданіемъ ихъ требованій предъ католическими членами сейма. Это есть знаменитый *Синопсисъ* или „Краткое списанье правъ, привилегій, свободъ и вольностей, данныхъ королями Польскими народу Русскому“. Запорожскіе козаки своимъ грознымъ голосомъ опять поддерживали требованія своихъ литовскихъ единовѣрцевъ [185]). Протестанты также дѣйствовали за одно; ихъ глава князь Христофоръ Радивилъ, сохранявшій дружелюбныя сношенія съ Свято-Духовскими братчиками, переписывавшійся съ Іовомъ Борецкимъ [186]), избранъ былъ сеймовымъ маршалкомъ. Самые католики отчасти обнаруживали готовность пойти на уступки; исключая нѣкоторыхъ фанатиковъ. Папскій нунцій былъ сильно „скандализованъ“ тѣмъ, что на Волыни, на сеймикахъ, были приняты всѣ предложенія „схизматиковъ“, не смотря на численное преобладаніе католиковъ. Это, по его собственнымъ словамъ, было слѣдствіемъ отвращенія, которое вообще питаютъ въ Польшѣ къ уніатамъ и пропагандѣ ихъ [187]). Къ сентябрю мѣсяцу, ко времени собранія избирательнаго сейма, волненіе еще усилилось. Папскій нунцій писалъ въ Римъ о грозномъ движеніи на Украйнѣ. Тридцать тысячъ козаковъ собрались для разсужденія о своихъ дѣлахъ. Въ этомъ собраніи произошла бурная сцена; на козацкую раду явилась толпа православныхъ священниковъ; со слезами, на колѣнахъ они заклинали козаковъ вступиться за православную вѣру, избавить ее отъ преслѣдованій, которыя она терпитъ. Впечатлѣніе, произведенное этою сценой, было потрясающее. Козаки кричали, чтобы ихъ вели на *Литву*, что они всѣ готовы взяться за оружіе, чтобы отнять у уніатовъ имѣнія, похищенныя ими у православныхъ церквей и монастырей. Только неожиданное сопротивленіе гетмана помѣшало исполнненію такого плана [188]); но депутаты войска Запорожскаго снова явились на сеймѣ и, по словамъ нунція, говорили здѣсь объ уніи съ наглостью и презрѣніемъ: „не доводите насъ до отчаянія“—предостерегали они сеймовыхъ пословъ [189]). Между тѣмъ православные, руководимые Лаврентіемъ Дре-

[183]) Акты Западной Россіи IV, № 229.

[184]) Такъ, напримѣръ, вышеуказанный документъ.

[185]) Объ ихъ посольствѣ на конвокаціонномъ сеймѣ см. Pamiętniki Woycickiego I, 175. Здѣсь вообще ходъ сейма описанъ очень подробно и отчетливо, безъ сомнѣнія, однимъ изъ его очевидцевъ и участниковъ.

[186]) Въ 1629 году Іовъ Борецкій, православный Кіевскій митрополитъ, послалъ къ Радивилу своего старшаго сына и просилъ князя принять его къ себѣ въ службу, дабы онъ могъ приготовиться для избраннаго имъ свѣтскаго поприща («Археографическій Сборникъ» VII, № 61).

[187]) Effetto dell'aversione che hanno—da questi uniti e della loro propagatione.

[188]) Донесеніе нунція отъ 2-го октября 1632 г. Theiner, Vetera monumenta Poloniæ III, 397. Ср. «Архивъ Юго-Западной Россіи» т. I, 328 (гдѣ говорится, что козаки взялись за оружіе).

[189]) Нунцій отъ 15-го октября (ibid).

винскимъ, и протестанты, съ Христофоромъ Радивиломъ во главѣ, объявили, что не согласятся на избраніе короля, прежде чѣмъ сеймъ рѣшится удовлетворить ихъ требованіямъ. Польскіе сенаторы и епископы были испуганы перспективою продолжительнаго безкоролевья и возможностью междоусобной войны [190]), и рѣшили назначить для примиренія православныхъ и уніатовъ коммиссію подъ предсѣдательствомъ королевича Владислава. На основаніи соглашенія, выработаннаго этою коммиссіей, въ княжествѣ Литовскомъ учреждалось православное епископство; Свято-Духовское братство получало право докончить давно начатую постройку каменной братской церкви, только съ тѣмъ, чтобы ей не былъ придаваемъ видъ крѣпости или замка. Взамѣнъ Троицкаго монастыря, который долженъ былъ оставаться за уніатами, православнымъ предполагалось возвратить двѣ церкви внутри городскихъ стѣнъ, именно Ивановскую и Воскресенскую, и третью церковь за городскими стѣнами—Юрьевскую на Росѣ [191]). Королевичъ Владиславъ, избраніе котораго теперь не подлежало сомнѣнію, готовъ былъ принять на себя эти обязательства. Когда папскій нунцій, слѣдившій внимательно за ходомъ дѣлъ, явился къ нему съ изъявленіемъ своего неудовольствія и протеста, то Владиславъ, не раздѣлявшій фанатическихъ стремленій своего отца, прямо и рѣшительно высказалъ свое мнѣніе, что не только государственная польза, но и сама справедливость говоритъ въ пользу уступокъ православной сторонѣ, уступокъ, въ сущности весьма умѣренныхъ. „Я знаю, говорилъ Владиславъ, исторію основанія уніи; съ самаго начала она не имѣла необходимой прочности, потомучто была устроена безъ согласія лучшей части народа, какъ бы это требовалось при такой важной перемѣнѣ; только нѣсколько духовныхъ лицъ согласились на нее изъ своекорыстныхъ видовъ, чтобы захватить себѣ церковные доходы“ [192]). Страшная буря поднялась въ латино-уніатскомъ лагерѣ, когда проектъ сдѣлался извѣстнымъ. Рутскій при этомъ случаѣ обнаружилъ, по выраженію нунція, ревность Иліи [193]); самъ нунцій, не убѣжденный нисколько доводами Владислава, поднялъ на ноги католическое духовенство и авторитетъ „святого отца“. Православные обратились къ прежнему средству, долженствовавшему охладить воспылавшія страсти; они объявили, что не приступятъ къ избранію короля, если условія примиренія не будутъ приняты сеймомъ и подтверждены клятвою короля при коронаціи. Избирательный сеймъ готовъ былъ превратиться въ два военные стана и открыть настоящую войну. Владиславъ явился на этотъ разъ спасителемъ Польши: чтобы положить конецъ непримиримому раздору, онъ взялъ на себя все дѣло, обѣщалъ включить требованіе православныхъ въ pacta conventa и дать клятву въ ихъ исполненіи. Но противная партія настояла на томъ, чтобы въ проектѣ возстановленія правъ православныхъ внесено было выраженіе: salvandis iuribus romanae eclesiae (съ сохраненіемъ правъ Римской церкви), и чтобы условія соглашенія получили дѣйствительную силу только послѣ утвержденія ихъ папой [194]). Король былъ избранъ (14-го ноября нов. стиля); но на первомъ же сеймѣ (коронаціонномъ) послѣ его избранія опять поднялась прежняя буря. Напрасно Владиславъ IV представлялъ „святому отцу“ чрезъ своего посла, что если онъ не подтвердитъ соглашенія, принятаго на избирательномъ сеймѣ, то всему королевству грозитъ междоусобная война, и самой уніи—величайшая опасность. Урбанъ VIII не только не подтвердилъ пунктовъ соглашенія, но, напротивъ, нунцій Висконти по его повелѣнію внесъ противъ нихъ протестъ въ акты коронной метрики. За тѣмъ послѣдовалъ рядъ другихъ протестовъ—отъ уніатскихъ епископовъ, отъ католическаго духовенства. Король Владиславъ пытался исполнить свои

[190]) Woycicki, Pamiętniki I, 183.

[191]) Puncta pacis: документъ, отправленный нунціемъ Висконти въ Римъ 4-го ноября 1632 года. Ср. Бантыша-Каменскаго, Унія стр. 95—101 и Тургенева Supplementum ad histor. Russiæ monum. № 67: у перваго пункты соглашенія на русскомъ языкѣ, у втораго на польскомъ.

[192]) Che qesta unione non hebbe da principio lo stabilimento necessario, perche non fu fatta col consenso almeno di buona parte del popolo——— e che spirituali solamente vi consentirono per pigliarsi—queste entrate ecclesiastiche. Theiner, Vetera monum. Polon. III, 398: Донесеніе Висконти отъ 4-го ноября.

[193]) Relacye nunciuszow apostol. II, 265.

[194]) Ср. Кояловича, Литовская унія II, 273.

обѣщанія помимо сейма, которымъ управлялъ папа и его нунцій, и оказался безсильнымъ. Онъ далъ Виленскому братству грамоту, подтверждающую всѣ его прежнія права, и тѣже самыя права призналъ потомъ за Минскимъ православнымъ братствомъ [195]). Велляминъ Рутскій получилъ предписаніе возвратить братству Виленскому, „не будучему въ уніи", по крайней мѣрѣ, двѣ церкви: церковь Пятницкую и церковь Іоанна Крестителя: та и другая на самомъ дѣлѣ вовсе не существовали, и рѣчь шла только о погорѣлыхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ стояли прежде. Но когда Виленскій подсудокъ явился сюда въ сопровожденіи Свято-Духовскихъ братчиковъ для формальной передачи имъ плацовъ той и другой церкви, то на плацу Іоанна Крестителя стоялъ велебный отецъ Николай Рыбинскій, уніатскій пресвитеръ, а на плацу Св. Пятницы велебный отецъ Сильвестръ Котлубай и подавали свои „цедулы", заключающія протестъ митрополита и самихъ отцовъ противъ ввода во владѣніе этими мѣстами православныхъ братчиковъ. Подсудокъ быстро удалился, оставивъ все на рѣшеніе короля [196]). Яковъ Суша разсказываетъ о сценѣ, болѣе торжественной, послѣдовавшей около того же времени. Самъ воевода Виленскій (съ 1633-го года) Христофоръ Радивилъ, окруженный вооруженнымъ отрядомъ и нѣсколькими тысячами Виленскихъ гражданъ, явился будто бы на погостахъ церковныхъ съ намѣреніемъ отнять ихъ у базиліановъ: но его встрѣтили Велляминъ Рутскій, въ митрополичьемъ облаченіи, уніатскіе монахи и священники, также въ своихъ ризахъ, и объявили, что скорѣе позволятъ убить себя, чѣмъ допустятъ схизматиковъ владѣть священными мѣстами, и такимъ образомъ принудили своихъ противниковъ удалиться со стыдомъ [197]). За православными осталась, попрежнему, только Свято-Духовская церковь. Въ 1636-мъ году пункты соглашенія, принятые на избирательномъ сеймѣ, были подтверждены и получили силу закона, бывъ внесены въ сеймовую конституцію [198]). Но вслѣдъ за тѣмъ посыпались новые протесты; конгрегація римскихъ кардиналовъ и канонистовъ, разсмотрѣвши условія, нашла, что Римскій престолъ никакъ не можетъ принять ихъ [199]). Такое же противодѣйствіе встрѣчала благонамѣренная воля королевская и у своихъ подданныхъ. Чтобы успокоить уніатовъ, король Владиславъ, въ томъ же самомъ 1636-мъ году, обезпечилъ за ними владѣніе не только Троицкимъ монастыремъ, но и Пятницкою церковью [200]). Но что могло успокоить людей, которые только и жили, съ самаго зарожденія уніи, однимъ насиліемъ! Въ 1638-мъ году мы снова читаемъ о нападеніи Троицкихъ уніатскихъ монаховъ на погребальную православную процессію. Нападеніе было учинено, говорится въ жалобѣ, принесенной старшимъ Духовскаго монастыря, Самуиломъ Шитикомъ Залѣсскимъ, съ разрѣшенія и по наущенію базиліанскаго настоятеля Алексѣя Дубовича; одинъ изъ мѣщанъ Виленскихъ былъ при этомъ втащенъ въ Троицкій монастырскій дворъ и здѣсь жестоко избитъ, при чемъ ему въ назиданіе приговаривали, что Духовъ монастырь скоро будетъ разоренъ до основанія [201]).

Не одни православные подвергались такимъ оскорбленіямъ при совершеніи своихъ церковныхъ обрядовъ. Члены Виленской реформатской общины, имѣя свое кладбище за Троицкими воротами, должны были провозить покойниковъ мимо Свято-Янскаго и Доминиканскаго костеловъ. Подлѣ перваго они встрѣчались со студентами Виленской іезуитской академіи, которые обыкновенно провожали процессію каменьями, подлѣ втораго — выходили на сцену монахи и монастырская челядь и тоже не опускали заявить свою католическую ревность. Въ 1620 году Доминиканскій монастырь рѣшительно объявилъ, что впредь онъ не потерпитъ, чтобы мимо его стѣнъ провозили тѣла еретиковъ [202]). Вообще надъ евангелическимъ

195) Акты Виленскаго гродскаго суда (изъ Виленскаго центральнаго архива).

196) «Грамоты города Вильны» и т. д. II, №№ 93 и 94.

197) Susza, De laboribus unitorum: Harasew. Annales, pag. 312.

198) Volumina Legum III, fol. 858.

199) Theiner, Vetera monum. Polon. III, pag. 418—420.

200) «Археографическій Сборникъ» II, 60.

201) Акты Виленскаго гродскаго суда (выписки И. Я. Спрогиса).

202) Акты Виленскаго гродскаго суда (выписки И. Я. Спрогиса).

Зборомъ, отстроеннымъ послѣ 1611-го года, сбиралась новая гроза. Если уже болѣе скромные питомцы нѣмецкой лютеранской школы (на Нѣмецкой улицѣ) не уживались въ мирѣ съ іезуитскими студентами и отъ ученыхъ диспутовъ переходили къ взаимному метанію камней [203]), то тѣмъ менѣе можно было ожидать согласія между молодою кальвинистскою шляхтой и питомцами іезуитовъ. Всякій пустой самъ по себѣ случай вызывалъ столкновеніе. Являются, напримѣръ, паны - студенты іезуитской академіи, въ числѣ которыхъ было не мало бѣдняковъ, завербованныхъ іезуитскою предусмотрительностью, въ рождественскій вечеръ „со звѣздою“ и начинаютъ „спѣвать щодрый вечеръ“ подлѣ какого-либо дома на Покровской улицѣ, вблизи Збора. Оттуда даютъ знать поющимъ, что теперь имъ ничего не могутъ дать, а пусть они придутъ въ другой разъ. Недовольные студенты начинаютъ браниться и „лаяться“, а отсюда не далеко уже было и до рукопашной схватки, или до судебнаго процесса противъ злонамѣренныхъ евангеликовъ. Въ 1629-мъ году одинъ изъ гостей, проведшихъ вечеръ въ домѣ сосѣднемъ со Зборомъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ за то, что будто бы стрѣлялъ въ пановъ - студентовъ, безуспѣшно пропѣвшихъ свою коляду, тогда какъ, по словамъ самого обвиненнаго, онъ выстрѣлилъ только однажды изъ пистолета, и то послѣ ухода академиковъ, никого не видя кругомъ [204]). Притомъ съ конца XVI столѣтія, по близости евангелическаго Збора, появился католическій костелъ св. Михаила, выстроенный (1596-го года) знаменитымъ Львомъ Сапѣгою для монахинь Бернардинокъ, которыя до тѣхъ поръ жили на Зарѣчьи: Сапѣга былъ тронутъ, когда однажды увидѣлъ изъ своего окна, какъ смиренныя монахини пробираются изъ - за Вилейки, среди толпы народной, въ Бернардинскій мужской монастырь для присутствія при богослуженіи. Но теперь благочестивыхъ монахинь смущала лизость еретиковъ и дорого бы онѣ дали, чтобы удалить ихъ со своихъ глазъ. Наконецъ, но только въ 1640-мъ году, іезуитамъ и бернардинкамъ удалось вытѣснить ненавистныхъ кальвинистовъ изъ центра города. Поводъ къ этому подала слѣдующая исторія, происшедшая въ 1639-мъ году. 4-го октября, вечеромъ, изъ Збора, или только со стороны Збора, пущено было нѣсколько стрѣлъ изъ лука по направленію къ костелу св. Михаила; однѣ изъ нихъ упали подлѣ воротъ монастыря Бернардинокъ, другія попали въ хоръ внутри самаго костела, и наконецъ одна стрѣла вонзилась будто-бы въ образъ Архангела Михаила на стѣнѣ костельной. Монахини подняли вопль объ оскорбленіи святыни, въ городѣ распространилось волненіе, и сейчасъ же явились на сцену іезуитскіе студенты. Предводительствуя толпою городскихъ цеховыхъ ремесленниковъ, они напали на Зборъ, грозя местью всѣмъ живущимъ въ его оградѣ. Военный отрядъ, посланный воеводою Христофоромъ Радивиломъ, защитилъ отъ окончательнаго разоренія церковь кальвинистовъ и оттѣснилъ отъ нея буйное сборище. Но когда нѣкоторые изъ студентовъ явились отсюда на церковномъ погостѣ св.-Янскаго костела, то старшій изъ ксендзовъ-іезуитовъ посовѣтовалъ имъ воротиться на Покровскую улицу и обратить свою неудовлетворенную месть противъ частныхъ зданій, принадлежащихъ еретикамъ [205]). Здѣсь происходили страшныя и безобразныя сцены. Ректоръ кальвинской школы, нѣмецъ Гартлибъ, попался въ руки разъяренной толпѣ; его сейчасъ же потащили къ рѣчкѣ Вилейкѣ и стали топить; три раза погружали несчастнаго въ воду, и только подоспѣвшая стража воеводы спасла его. Многимъ кальвинистамъ нанесены были побои и тяжелыя раны. Домъ и лавки купца Дезо (Desaus), француза родомъ и кальвиниста по вѣрѣ, были разрушены до основанія; студенты академіи, къ величайшему своему позору, сами занимались грабежомъ, и одинъ изъ нихъ приведенъ былъ въ ратушу съ поличнымъ, но послѣ какимъ-то способомъ ушелъ изъ тюрьмы; по слухамъ дошедшимъ до Варшавы, самая тюрьма была разломана [206]). Король Влади-

[203]) Balinski, Dawna Akademia Wileńska, p. 120.

[204]) Акты гродскаго суда, см. № 102 (выписки И. Я. Спрогиса).

[205]) Протестъ кальвинистовъ, внесенный въ гродскія Виленскія книги. Документъ этотъ, неизвѣстный Балинскому и Крашевскому, сообщенъ намъ вполнѣ И. Я. Спрогисомъ, которому мы вообще весьма много обязаны.

[206]) Въ протестѣ кальвинистовъ на гродскомъ судѣ студентъ этотъ названъ по имени; о его исчез-

славъ, узнавъ объ этихъ событіяхъ, назначилъ слѣдственную коммиссію. Она состояла изъ шести католиковъ, во главѣ которыхъ стоялъ Виленскій католическій епископъ Авраамъ Война со своимъ коадъюторомъ Марціаномъ Тризною, и двухъ протестантовъ—князя Христофора Радивила, Виленскаго воеводы, и Гедеона Раецкаго, каштеляна Минскаго. Коммиссія открыла свои засѣданія 19-го (9-го) Января 1640-го года. Самый составъ ея не обѣщалъ надлежащаго безпристрастія, потомучто католики составляли сильное большинство, а нѣкоторые изъ нихъ были прямо заинтересованы въ дѣлѣ, напримѣръ, епископъ, считавшійся канцлеромъ академіи, и Казиміръ Сапѣга, сынъ основателя Михайловскаго костела и покровитель Бернардинскаго монастыря. Съ совершенною ясностью было доказано кальвинистами, что ихъ община никакъ не можетъ быть считаема виновною въ оскорбленіи католической святыни. Ихъ адвокаты (Петкевичъ и Малевичъ, послѣдній названъ „русиномъ старымъ", т. е., повидимому, православнымъ) представили документъ, содержащій признаніе настоящихъ виновниковъ, еще сдѣланное ранѣе коммиссіи въ присутствіи ксендза-оффиціала и другихъ лицъ католическаго исповѣданія. Виновными въ пусканіи стрѣлъ признали себя шляхтичъ Пекарскій и его слуга Раковскій; а пускали они стрѣлы изъ дому Наборовскаго, лежащаго по сосѣдству съ Зборомъ, ради забавы, и потомучто оба были пьяны; притомъ и и мѣтили они, какъ, по крайней мѣрѣ, утверждали сами, въ галокъ, сидѣвшихъ на колокольнѣ Збора, и только случайно нѣкоторыя стрѣлы могли попасть въ Михайловскій костелъ. Но большинство коммиссаровъ не хотѣло присоединить къ дѣлу этого документа. Потомъ вся коммиссія посѣтила зданія и дворъ кальвинской церкви и собственными глазами убѣдилась и даже признала это на словахъ, что стрѣла, попавшая въ ногу Архангела Михаила, никакъ не могла быть пущена со Збору, а скорѣе отъ дому Наборовскаго, со двора. Тѣмъ не менѣе католическіе коммиссары клонили все дѣло противъ кальвинистовъ, совершенно выгораживая іезуитскихъ студентовъ. Іезуиты, собственно и дѣйствовавшіе за кулисами, не давали судить своихъ питомцевъ ни коммиссіи, ни другимъ постояннымъ судамъ, ссылаясь на свои привилегіи, вслѣдствіе которыхъ студенты могли подлежать только суду епископа. Коммиссія не докончила слѣдствія и суда, потомучто кальвинисты, видя явное пристрастіе, обратились съ протестомъ къ сейму и королю. На послѣднемъ засѣданіи явился ректоръ академіи и въ длинной рѣчи жаловался на всѣ гоненія, которымъ подвергаются его невинные агнцы, т. е. академическіе студенты, отъ воеводской пѣхоты и вообще отъ евангеликовъ; онъ помянулъ даже и то, что стража, которую ставитъ воевода подлѣ городскихъ воротъ, отнимаетъ пироги, посылаемые сердобольными матерями своимъ дѣтямъ, учащимся въ академіи [207].

Когда дѣло о стрѣляніи въ образъ Архангела Михаила перешло на сеймъ, то католическіе паны Стефанъ Пацъ, Казиміръ Сапѣга и епископъ Авраамъ Война заключили лигу, для того чтобы доставить торжество Виленскимъ іезуитамъ. Нужно читать разсказъ Альбрехта Станислава Радивила (католической вѣтви) о преніяхъ, предшествовавшихъ сеймовому декрету, чтобы наглядно убѣдиться, какъ мало думали о правдѣ при рѣшеніи такихъ дѣлъ. „24-го Мая еретики подняли большой шумъ, къ которому пристало и нѣсколько *слабыхъ* католиковъ, чтобы рѣшеніе дѣла было отложено,—но не превозмогло *пекло* (адъ). Сапѣга, правдивый защитникъ католической вѣры, покровитель монахинь, двигалъ это дѣло *съ большими расходами* и издержками. Въ своей рѣчи, побуждаемый католическою ревностью, онъ пожелалъ вытѣснить министровъ (реформатскихъ) съ ихъ *сектою до Индовъ и Гарамантовъ*. 26-го Мая, наканунѣ Троицына дня („зеленыхъ святокъ"), и очевидно *подъ*

новеніи изъ тюрьмы сказано просто, что онъ ушелъ; что тюрьма была разломана, это сказано въ грамотѣ короля Владислава.

[207]) Главная часть документовъ, т. е. собственно журналъ засѣданій Виленской коммиссіи напечатанъ въ Tygodniku Wilenskim 1818 года, въ первыхъ трехъ нумерахъ. Сверхъ того, мы имѣли протестъ, внесенный кальвинистами въ гродскія книги во время засѣданія коммиссіи. Ср. также Kraszewski Wilno II, 19 и III, 124. Lukaszewicz Dzieje kosciolow Helwet. 1, 203—233.

наитіемъ Духа Святаго, произнесенъ былъ декретъ, который повелѣвалъ снести кальвинскую синагогу и позволилъ выстроить новую только за городскими воротами". Но и послѣ этого, король Владиславъ, убѣжденный новыми настояніями Христофора Радивила, сталъ склоняться на сторону кальвинистовъ. Тогда явились на сцену епископы Гнѣзненскій и Краковскій и „ректификовали" короля. Епископъ Краковскій между своими союзниками хвалился, что, если король не исполнитъ воли большинства сенаторовъ, то онъ скорѣе оставитъ свое мѣсто въ сенатѣ, чѣмъ позволитъ ломать право, ибо „это уже пахнетъ absolutum dominium (неограниченная власть)". Станиславъ Радивилъ разсказываетъ, какъ самъ онъ написалъ декретъ, при чтеніи котораго „потѣха и радость наполнили сердца католиковъ". Христофоръ Радивилъ въ тотъ же день заболѣлъ горячкою и вскорѣ умеръ [208]).

Такимъ образомъ кальвинисты были принуждены закрыть свой Зборъ и впродолженіи шести недѣль перебраться со школой и богадѣльней за Троицкія ворота, гдѣ уже прежде находилось ихъ кладбище и гдѣ ихъ храмъ остается до сихъ поръ. Пекарскій и Раковскій, позванные на судъ кальвинистами, какъ виновники взведеннаго на нихъ обвиненія и послѣдовавшаго отъ того ущерба, были оправданы католическимъ судомъ, потомучто они не имѣли при стрѣляніи никакого злаго умысла. Можно было надѣяться, что вопіющее противъ справедливости рѣшеніе дѣла, по крайней мѣрѣ, принесетъ пользу относительно гражданскаго мира и городскаго спокойствія. Но и этого не замѣтно. Въ томъ же самомъ 1640-мъ году произошло новое смятеніе при погребеніи кальвиниста Пршипковскаго, служебника воеводы Христофора Радивила. Погребальная музыка, провожавшая покойника, не понравилась католикамъ; она, будто-бы, мѣшала богослуженію въ св.-Янскомъ костелѣ, и питомцы іезуитскіе уже начали швырять каменьями въ процессію, но скоро, впрочемъ, были остановлены іезуитами, все-таки понимавшими, что неудобно раздражать воеводу и его пѣхоту. Эта умѣренность св.-Янскаго костела вполнѣ была восполнена ревностью Доминиканскаго монастыря: здѣсь дѣло дошло не только до камней, но и до сабель [209]). Вслѣдъ за тѣмъ было нѣсколько случаевъ звѣрской травли противъ пасторовъ евангелическихъ, приходившихъ въ городъ для напутствованія больныхъ или для другихъ нуждъ. Венгерскій разсказываетъ, что студенты явились къ своему ректору и жаловались ему на пасторовъ, посѣщающихъ больныхъ въ городѣ вопреки королевскому декрету, который, по ихъ мнѣнію, запретилъ имъ это. Ректоръ хотя и раздѣлялъ негодованіе своихъ питомцевъ, но старался внушить имъ умѣренность и совѣтовалъ не наносить ранъ кальвинскимъ министрамъ, ни бить ихъ, какъ студенты недавно сдѣлали, а только снимать съ нихъ одежду. Питомцы академіи скоро устроили засаду и подстерегли пасторовъ (Хельхонскаго и Гердарла); забывъ наставленіе начальника, они избили обоихъ палками, одного ранили шпагой въ голову, хотѣли обоихъ кастрировать. Нашлись, однако, между самими студентами такіе, которые помѣшали исполненію гнусной жестокости; тогда раздѣли несчастныхъ до-нага и бросили въ какомъ-то саду, гдѣ они были найдены полумертвыми отъ страха и отведены домой. Эта исторія взволновала дворянство, собравшееся на Виленскій сеймикъ. Епископъ Виленскій обѣщалъ наказать виновныхъ и назначилъ для этого день. Но когда 4-е февраля (1642) дѣйствительно наступило, то Авраама Войны уже не было въ городѣ; онъ обманулъ евангеликовъ и только заставилъ ихъ пропустить срокъ для принесенія жалобы куда слѣдовало. Послѣ епископъ говорилъ своимъ приближеннымъ: „какъ я могу наказывать студентовъ за ихъ дѣйствія, когда мое призваніе въ томъ и состоитъ, чтобы искоренять еретиковъ всевозможными средствами? Недавно самъ папа прислалъ мнѣ благодарность за то, что въ мое епископство еретики были выгнаны за городъ" [210]).

[208]) Pamiętniki X. A. Stanisława Radziwiłła II, 14—16. Kraszewski Wilna III, 129.

[209]) Pamiętniki X. A. Stanisława Radziwiłła II, pag. 4. Balinski Dawna Akademia, pag. 132. Kraszewski Wilno II, 25.

[210]) Wengerscii Slavon. reformata, pag. 259 и документы въ Pomnikach do dziejow Polskich p. Podgórskiego, Warszawa 1640 t. 1, №№ 16—19. Ср. Balinski, Dawna Akademia, p. 142.

Такимъ образомъ іезуиты, въ 1640 году отпраздновавшіе въ Вильнѣ съ большимъ торжествомъ столѣтнюю годовщину основанія ихъ ордена [211]), господствовали въ столицѣ Литовской, можно сказать, неограниченно и не признавая ни какого закона, хотя съ 1644-го. года и введено было въ академіи, сверхъ теологіи, преподаваніе права гражданскаго и каноническаго. Казиміръ-Левъ-Сапѣга, ревностный католикъ и великій другъ іезуитовъ, пожертвовалъ суммы, нужныя для учрежденія новыхъ каѳедръ. Онъ же подарилъ потомъ академіи отличную библіотеку, состоявшую изъ 3000 названій [212]). Воцареніе новаго короля Яна-Казиміра, который самъ былъ нѣкогда членомъ іисусова братства, обѣщало іезуитскому преобладанію, повидимому, долгіе дни и непоколебимую прочность. Протестантизмъ былъ униженъ и подавленъ; уніаты и базиліанскіе монахи, родственные по духу съ іезуитами, сдѣлали свое дѣло противъ православной Вильны. Мы не имѣемъ ни какихъ извѣстій о какихъ-либо новыхъ насиліяхъ противъ братчиковъ Свято-Духовскаго монастыря за все время сороковыхъ годовъ XVII столѣтія. Но это не значитъ, что гоненіе прекратилось; это значитъ только, что оно теперь приняло постоянный хроническій характеръ. Изгнаніе изъ магистрата, изгнаніе изъ цеховъ, лишеніе всякихъ правъ гражданскихъ, самыхъ средствъ къ жизни— этого было бы достаточно безъ всякихъ грубыхъ насилій, если бы духъ фанатизма не требовалъ иногда время-отъ-времени болѣе сильнаго возбужденія. Несомнѣнно, что число православныхъ въ средѣ Виленскаго населенія за это время сократилось до крайнихъ предѣловъ. Количество уніатовъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, по разсчету приведенному выше, простиралось въ Вильнѣ до 20.000. Одна эта цифра говоритъ краснорѣчиво. Оставалась сравнительно небольшая и неопасная горсть людей, группировавшихся около Духова монастыря. Она не могла вести борьбы собственными силами и съ затаенною надеждою слѣдила за тѣмъ, что происходило на Украйнѣ. Тамъ рѣшался вопросъ уніи и судьба православныхъ въ княжествѣ Литовскомъ. Послѣ одного сраженія съ мятежными козаками, гетманъ Конецпольскій, осматривая поле сраженія и видя рядомъ трупы козаковъ и польской шляхты, произнесъ: „вотъ настоящая унія: лежитъ Русь съ Поляками“. Такая же унія приближалась и къ Вильнѣ.

[211]) Описаніе торжества, въ которомъ главную роль играли студенты академіи, см. у Балинскаго Dawna Akad. p. 139 и слѣд.

[212]) Подробности см. у Балинскаго Dawna Akademia, pp. 145—150.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ВИЛЬНА ПОДЪ РУССКОЮ ВЛАСТЬЮ (1655—1661).

Возстаніе малороссійское въ отношеніи къ исторіи Вильны. Первая тревога. Воевода Янушъ Радивилъ и обвиненіе противъ него. Занятіе Вильны княземъ Черкасскимъ. Царь Алексѣй Михайловичъ въ Вильнѣ. Переговоры о мирѣ. Виленскіе съѣзды и присяга шляхты царю. Мѣры русскаго управленія. Воевода князь Шаховской. Моровое повѣтріе. Инструкція, данная Корейлевичу. Русскіе солдатскіе полки въ Вильнѣ, безпорядки на рынкѣ. Уничтоженіе уніи. Розысканіе иконы. Посольство Виленскаго городоваго управленія къ царю Алексѣю Михайловичу и пункты, о которыхъ оно должно было ходатайствовать. Еврейскій вопросъ въ Вильнѣ. Перемѣна въ положеніи дѣлъ. Сапѣга и Гонсѣвскій. Мѣры Виленскаго воеводы князя Шаховскаго и недостаточность силъ русскаго гарнизона для обороны. Сраженіе подъ Верками. Отступленіе Долгорукаго. Пораженіе Поляковъ при Мяделахъ и аресты въ Вильнѣ. Снова моровая язва и голодъ. Попытка со стороны Поляковъ захватить Вильну неожиданнымъ нападеніемъ (1660). Новый воевода князь Данило Мышецкій и его характеръ. Осада и взятіе города Поляками. Героическая оборона Мышецкаго въ крѣпости. Король Янъ-Казиміръ подъ Вильною. Взятіе замка и казнь Мышецкаго. Завѣщаніе воеводы и преданіе о немъ. Баронъ Августинъ Мейербергъ въ Вильнѣ на возвратномъ пути изъ Москвы. Трагическая смерть Гонсѣвскаго.

Ополяченная и католическая Вильна, главный центръ іезуитскихъ происковъ противъ вѣры Русскаго народа,—большой очагъ, въ которомъ разжигался и согрѣвался духъ религіозной нетерпимости и фанатизма,—великая школа, гдѣ шляхетское юношество въ уличной травлѣ на протестантовъ и въ набѣгахъ на православные храмы, въ поджогахъ реформатскихъ церквей и въ кощунственномъ оскорбленіи православной святыни, приготовлялось и воспитывалось къ своей будущей дѣятельности въ званіи воеводъ и старостъ земель русскихъ Княжества и Украйны, откуда выходили дѣятели, подобные Вишневецкому, и проповѣдники, по образцу Іосафата Кунцевича,—Вильна, въ которой созрѣла первая мысль о пресловутой и роковой для Польскаго государства уніи, въ которой постоянно созидались или придумывались новыя опоры для поддержанія этой сварливой и безпокойной подруги католичества,—эта Вильна не можетъ быть считаема неповинною въ глубокомъ оскорбленіи и тяжкихъ бѣдствіяхъ Малороссійскаго народа. Украйна поднялась для защиты того, что было для нея свято, и на страшную месть ксендзу-іезуиту и пану. Козацкое возстаніе Богдана Хмѣльницкаго нашло себѣ широкую основу въ религіозномъ чувствѣ Малороссійскаго народа; война за нарушенныя козацкія права сдѣлалась войною за вѣру и войною народною, со всѣми ея святыми и со всѣми ея ужасными правами. Москва, старая соперница Вильны неизбѣжно — хотѣла она этого, или не хотѣла— должна была принять участіе въ борьбѣ единокровнаго и единовѣрнаго народа. Къ Московскому царю, какъ къ царю православному и Русскому, обратился Хмѣльницкій; „волимъ подъ царя восточнаго, православнаго" сказалъ малороссійскій народъ. Московскіе послы царя Алексѣя Михайловича объявляли польскимъ панамъ, что если король перестанетъ тѣснить православную вѣру и уничтожитъ унію, то ихъ государь, ради такого великаго дѣла, откажется отъ всякой ссоры. Этого не было сдѣлано, и Поляки должны были вести войну не съ однимъ Малороссійскимъ, но со всѣмъ Русскимъ народомъ. Если въ этой войнѣ Литовская столица, городъ Вильна, пострадала болѣе, чѣмъ всякій другой городъ, если на нее обрушились

страшные и кровавые удары, то нельзя при этомъ не вспомнить о томъ, что̀ называется исторической Немезидой. Война первоначально поднята была противъ іезуита, который утвердился въ Вильнѣ, и противъ пана, который воспитался въ Виленской академіи.

Необыкновенными успѣхами сопровождался походъ противъ Польши, предпринятый царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ маѣ 1654-го года: одинъ городъ за другимъ переходилъ въ его руки. Уже въ началѣ августа была взята Орша, оставленная Литовскимъ гетманомъ Радивиломъ, который былъ потомъ нагнанъ и потерпѣлъ пораженіе. Вскорѣ за тѣмъ бояринъ Шереметевъ взялъ городъ Глубокій въ воеводствѣ Виленскомъ, а другой Московскій воевода давалъ знать о новой побѣдѣ надъ гетманомъ Радивиломъ, одержанной въ 15 верстахъ отъ города Борисова. Опасность была близка къ самой столицѣ Литовской, и Виленское населеніе уже волновалось страхомъ. „Великій ужасъ напалъ на Вильну; паны, сенаторы и люди всякаго званія, испуганные успѣхами непріятеля, рыдали и ломали руки въ отчаяніи“ [1]): говорится въ одномъ извѣстіи, относящемся къ 1654-му году. Когда Смоленскъ сдался осаждавшимъ его Русскимъ, то по всей Литвѣ распространилась сильная тревога. Король Янъ-Казиміръ прибылъ въ Гродну и держалъ совѣтъ съ сенаторами о средствахъ остановить движеніе Русскихъ отрядовъ въ Литовскіе предѣлы. Объявлено было посполитое рушенье, но своевольная шляхта осталась дома. Король уѣхалъ, поручивъ Литву попеченію Божію [2]). 1654-й годъ, не смотря на это, миновалъ если не спокойно для Литовской столицы, то, по крайней мѣрѣ, безъ особеннаго для нея бѣдствія.

Въ 1655 году Польша находилась на краю гибели. Помимо Московскаго войска и Хмѣльницкаго, дѣйствовавшаго на югѣ, на нее напалъ король Карлъ X Густавъ, вздумавшій воспользоваться ея затруднительнымъ положеніемъ; онъ овладѣлъ всею Великою Польшею, которая и признала его своимъ королемъ, потомъ взялъ Варшаву и Краковъ; Янъ-Казиміръ спасся въ Силезію. Между тѣмъ Московскіе полки приближались къ Вильнѣ. Обязанность защищать столицу лежала на двухъ гетманахъ Литовскихъ: князѣ Янушѣ Радивилѣ и Вицентіѣ Корвинѣ Гонсѣвскомъ (сынѣ извѣстнаго героя смутнаго московскаго времени). Оба гетмана враждовали другъ съ другомъ и своимъ несогласіемъ давно вредили общему дѣлу; кромѣ войны, обоихъ занимала мысль о томъ, кто теперь будетъ королемъ Польскимъ, великимъ княземъ Литовскимъ. Короля Яна-Казиміра какъ будто не существовало болѣе; нужно было избирать между Шведскимъ государемъ, котораго признали Великополяне, и между царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, въ рукахъ котораго была почти вся Литва. Князь Янушъ Радивилъ, принадлежа къ протестантской вѣтви этой могущественной фамиліи, склонялся въ пользу Карла X; Гонсѣвскій болѣе обнаруживалъ расположенія къ Московскому государю.

Польскіе писатели твердятъ, что Радивилъ продалъ Литву Швеціи изъ вражды къ Гонсѣвскому, котораго поддерживалъ дворъ, изъ сочувствія къ Шведу, какъ своему единовѣрцу, изъ желанія сохранить свои богатыя помѣстья на Жмуди; самая Вильна, столица духовнаго и свѣтскаго просвѣщенія на сѣверѣ, была, по ихъ словамъ, менѣе дорога для Радивила, чѣмъ Кейданы или Биржи; онъ не только не заботился о защитѣ Литовской столицы, но прямо хотѣлъ отдать ее на жертву врагамъ, чтобы отмстить ей за сожженіе Виленскаго Евангелическаго Збора студентами іезуитской академіи [3]). Нѣкоторыя изъ распоряженій Радивила за 1654 и 1655 годы какъ будто подтверждаютъ отчасти эти упреки и подозрѣнія. Лѣтомъ 1654 года, когда уже близилась опасность къ Литовской столицѣ, Виленскій реформатскій синодъ постановилъ перевести Кейданскаго пастора въ Вильну; но князь Янушъ Радивилъ воспротивился этому рѣшенію и убѣждалъ пастора Галезія

[1]) Skarbnica niebeska (1671 г.).

[2]) Kochowski, Annal. Polon. Climacter. Raczynski, Histor. panow. Jana Kazim. 1, 194.

[3]) Эти обвиненія взводятся на Радивила и старыми писателями — Коховскимъ, Рудавскимъ, и новыми: — Крашевскимъ, отчасти Балинскимъ. Правда у Коховскаго въ латинскомъ подлинникѣ не выставляется мотивомъ мести Радивила — сожженіе Евангелической церкви студентами; это мы читаемъ только въ польскомъ изданіи (Рачинскаго) того же автора; но это для насъ все одно: обвиненіе существуетъ, кому бы оно ни принадлежало.

остаться лучше на томъ мѣстѣ, которое онъ разъ избралъ своею резиденціею [4]). Въ то время, какъ московскія и козацкія войска, подъ знаменемъ православія, забирали одинъ городъ за другимъ, уничтожали уніатскіе и католическіе храмы, князь Янушъ заботился о перестройкѣ въ большихъ размѣрахъ православной церкви въ своихъ Кейданахъ и выписывалъ для нея колокола изъ Кенигсберга и образа изъ Гданска [5]).

Нельзя, однако, не замѣтить, что обвиненія, направленныя противъ могущественнаго магната, сильно преувеличены.

Правда, что Радивилъ не счелъ для себя возможнымъ защищаться за Виленскими городскими стѣнами и не захотѣлъ запереться въ Виленскихъ замкахъ, какъ сдѣлалъ послѣ князь Данило Мышецкій.

Сношенія со Шведскимъ королемъ, увѣнчавшіяся, за недѣлю до взятія Вильны, заключеніемъ предварительнаго договора (подписаннаго отъ имени Радивила Лубенскимъ 21 іюля), не остались, конечно, безъ вліянія на это рѣшеніе, точно такъ какъ огромное княжеское богатство вовсе не внушало Виленскому воеводѣ героическихъ помысловъ, а напротивъ давало ему возможность слѣдовать своей самостоятельной и не совсѣмъ безкорыстной политикѣ.

Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что оборона Вильны мало представляла надежды на успѣхъ. Городскія стѣны давно уже находились въ печальномъ положеніи. Еще въ 1620 году постановлено было, чтобы жители озаботились поправкой стѣнъ и рвовъ подъ страхомъ денежной пени. Въ 1648 году назначены были новые поборы со всего города, не исключая каѳедральнаго духовенства, и дѣйствительно положено было начало возстановленію развалившихся стѣнъ; но и только [6]). Польская самонадѣянность уже въ это время провозглашала, что храброму народу не нужно стѣнъ для защиты своихъ городовъ, что лучшая защита—это мужественная грудь шляхтича. Въ глазахъ іезуита Кояловича, который писалъ около 1650 года, дурное положеніе Виленскихъ укрѣпленій доказывало только презрѣніе къ опасностямъ населенія, сознающаго свою душевную силу [7]). Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ печальнаго опыта, другой современникъ съ тономъ осужденія говоритъ, что Литовцы слишкомъ надѣялись на свою силу и на могущество своихъ союзниковъ Поляковъ и не позаботились заблаговременно о безопасности своей столицы [8]). Виленскіе замки едвали находились въ положеніи болѣе благопріятномъ для обороны, чѣмъ городскія стѣны, и не были снабжены надлежащими орудіями и запасами. Еще въ 1654 году король Янъ-Казиміръ заключалъ условія съ наслѣдственнымъ арендаторомъ пороховаго завода на Зарѣчьи (за рѣчкой Вильной или Вилейкой), нѣмцемъ Брахфельтомъ, при чемъ военныя потребности только предусматривались въ будущемъ [9]).

Ранѣе, чѣмъ сдѣлались извѣстны тѣ или другія намѣренія Радивила, при первомъ извѣстіи о приближеніи Москвы, началось бѣгство изъ города. Воевода не останавливалъ бѣглецовъ; напротивъ, въ послѣднюю минуту онъ далъ знать остающимся, чтобы они сами позаботились о своей безопасности. Общественныя, городскія и церковныя драгоцѣнности, католическія и уніатскія святыни и архивы были вывезены. Совершенно напрасно обвиняютъ Радивила въ томъ, что

[4]) «Археографическій Сборникъ» VIII, 369.

[5]) Ibid. p. 371.

[6]) Kraszewski, Wilno IV, 330.

[7]) Histor. Lithuan. I, 264. Мейербергъ, посѣтившій Вильну на возвратномъ пути изъ Московскаго посольства (1661 г.), какъ будто имѣетъ въ виду хвастливую мысль, высказанную іезуитомъ Кояловичемъ: Вильна, на подобіе Спарты, болѣе надѣется на мужество своихъ гражданъ, чѣмъ на прочность своихъ укрѣпленій. Иной скажетъ, что это дышетъ презрѣніемъ къ врагу, но городъ дорого поплатился за это. Et tutius incolumitati suæ consuluisse prudentiusque hostem contempsisse visa fuisset si secura minus et munita magis esse voluisset. Iter. in Moscoviam, p. 105.

[8]) Węsławski, Victor et victus Vincentius Corvinus Gosiewski, pag. 9: Sed quod sociorum et suæ antehac potentiæ præfideret, non situ aut munimentis tuta maenia—habebat. Сочиненіе *писано* Самуиломъ Венславскимъ, который служилъ сначала при Гонсѣвскомъ и раздѣлялъ его плѣнъ въ Москвѣ, а потомъ былъ секретаремъ короля Яна Казиміра (около 1664),—*издано* его сыномъ Михаиломъ Венславскимъ, воспитанникомъ Виленской іезуитской академіи, въ 1691 году.

[9]) Документъ, напечатанный въ приложеніяхъ у Крашевскаго: Wilno IV, 389.

при отступленіи онъ ограбилъ Вильну, захватилъ въ свою пользу общественную казну, частное и церковное имущество и ушелъ обремененный литовскою добычей [10]). Грабить было почти нечего, и главное—Радивилъ не имѣлъ къ тому времени.

Гетманъ оставилъ Вильну не безъ боя, какъ говорятъ его враги. Онъ старался задержать непріятеля, недопуская его къ городу какъ можно долѣе, чтобы дать возможность спастись всѣмъ, кто хотѣлъ искать спасенія, чтобы сохранить отъ козацкихъ рукъ то, что̀ не было увезено заблаговременно, или еще не достигло достаточно отдаленнаго и безопаснаго мѣста. Подъ самыми почти стѣнами города, въ полумилѣ разстоянія отъ Вильны, около полудня 29 іюля, произошла стычка съ Московскими и козацкими войсками подъ начальствомъ князя Якова Кудетеновича Черкасскаго и полковника Золотаренки. При видѣ густыхъ рядовъ Московскаго ополченія, бо́льшая часть своевольныхъ шляхтичей бросились бѣжать въ-разсыпную, покинувъ своего вождя. Тѣмъ не менѣе Радивилъ еще долго держался; бой длился до самой ночи; самая жестокая и упорная схватка произошла при переправѣ черезъ рѣку Вилію, у Зеленаго моста, куда отступили Литовскія войска, тѣснимыя Черкасскимъ и Золотаренкомъ. Отказавшись отъ обороны въ городскихъ стѣнахъ, Радивилъ старался спасти остатки своихъ дружинъ; послѣ большихъ усилій ему удалось удержать врага, который уже почти захватилъ переправу, и потомъ зажечь и разрушить мостъ на Виліи, что̀ отняло у Русскихъ всякую возможность дальнѣйшаго преслѣдованія [11]). За то польскимъ и литовскимъ людямъ, когда они безопасно остановились на правой (сѣверной) сторонѣ Виліи, пришлось быть праздными зрителями печальнаго зрѣлища. Надъ городомъ стояло зарево пожара, внутри господствовали сцены грабежа и насилія.

Война вообще велась со всѣми ужасами войнъ XVII столѣтія, со всѣми кровавыми признаками національной мести и религіознаго ожесточенія. Паны, Поляки и Жиды осуждены были заранѣе на безпощадную гибель тамъ, гдѣ являлся Золотаренко со своими удальцами. Между тѣмъ козацкій сорокатысячный передовой отрядъ первый вступилъ за городскія стѣны Вильны Не отличались человѣколюбіемъ и суровые Московскіе воеводы со своими полками. Ратные Московскіе люди даже въ покорившихся, притомъ коренныхъ, Русскихъ областяхъ обнаружили такое грубое насиліе и жестокость, что царь Алексѣй Михайловичъ долженъ былъ грозить смертною казнью преступникамъ и увѣщевать свои войска, чтобы они не жгли деревень, которыя имъ же пригодятся на хлѣбъ и на пристанище [12]). Понятно послѣ этого, что̀ ожидало городъ, который уже давно былъ ненавистенъ козачеству, какъ центръ, откуда исходили уніатскіе и іезуитскіе замыслы противъ его вѣры и свободы, гдѣ въ богатыхъ панскихъ домахъ собраны были сокровища, вымученныя на Украинскихъ хлопахъ. Къ довершенію бѣды, въ Виленскихъ замкахъ оставался незначительный отрядъ подъ начальствомъ Хвалибога Жеромскаго [13]); недостаточный для защиты, онъ своимъ сопротивленіемъ способенъ былъ только раздражить побѣдите-

[10]) Rudawski pag. 189. Vilnæ prædator nobilis—secessit onustus spoliis Lithuaniæ.

[11]) Коховскій (Annal. Polon. Climact. II pag. 34) говоритъ, что Радивилъ далъ занять Русскимъ Вильну, ne exerto quidem ferro. Польскіе писатели, между прочимъ, Крашевскій (Wilno II, 40) слѣдуютъ ему. Иное говоритъ современная политическая брошюра, написанная неизвѣстно кѣмъ въ защиту князя Януша Радивила и теперь очень рѣдкая. Заглавіе ея: Apologia pro Illustrissimo Celsissimo Principe Janussio Duce Radivilio и т. д. Мѣсто и годъ выхода не обозначены, но видно, что она писана не позднѣе 1662 года. При разсказѣ о разрывѣ Польскаго сейма 1655 года, здѣсь замѣчается: nondum exolevit conventus illeus memoria nec sexennium istud omnes testes et conscios rerum extinxit. Крашевскій, который также имѣлъ въ рукахъ эту любопытную брошюру, совершенно отвергаетъ ея показанія. Въ самомъ дѣдѣ, оправдательная цѣль ея должна, повидимому, возбуждать подозрѣніе. Но, сверхъ ожиданія, оказывается, что именно апологія вѣрнѣе представляетъ ходъ дѣла, а не Коховскій. Ея извѣстія о попыткѣ удержать русскихъ подъ Вильною подтверждаются русскими источниками (см. Соловьевъ X, 387), а разсказъ о борьбѣ при Зеленомъ мостѣ свидѣтельствомъ Венславскаго (Victor et victus Vincentius Corvinus Gosiewski pag.14). Мы поэтому слѣдуемъ здѣсь «Апологіи».

[12]) Соловьевъ, Исторія Россіи X, 386.

[13]) Rostowski.

лей. Самые жители, повидимому, не отказались отъ гибельной мысли продолжать безплодную борьбу противъ непріятеля, вошедшаго въ городъ: на городскомъ рынкѣ произошло настоящее сраженіе; толпы народа, въ немъ участвовавшія, были легко обращены въ бѣгство, спасались къ рѣкѣ Виліи и частью были перебиты, частью потонули въ водѣ [14]). Сопротивленіе, встрѣченное на улицахъ, естественно послужило сигналомъ или поводомъ къ начатію грабежа и опустошенія; огонь, естественный спутникъ грабежа, также сдѣлалъ свое дѣло.

„Никогда не было видано болѣе свирѣпой жестокости, какъ при взятіи Литовской столицы. 8-го августа (н. ст.) Московскій предводитель вторгнулся въ городъ съ безчеловѣчными толпами татаръ и козаковъ. Въ самыхъ воротахъ тотчасъ же началось терзаніе (laniatio) несчастныхъ. Болѣе 25 тысячь человѣкъ насчитано убитыхъ за одинъ день. Братья іезуиты предупредили смерть бѣгствомъ; одинъ изъ нихъ, Казиміръ Гозѣвскій, который ради заботъ объ умирающихъ собрался позднѣе прочихъ, попалъ въ руки враговъ, получилъ двѣ раны въ голову и, уведенный въ плѣнъ, едва ли останется живъ [15])“.

„Не было пощады ни возрасту, ни пóлу; всѣ мѣста были наполнены кровью убитыхъ и трупами, особенно монастырь *Бернардинскій*, гдѣ чернь собралась въ самомъ громадномъ количествѣ, какъ-бы ища убѣжища [16])“.

„Вильна такъ сильно пострадала отъ Москвы, что столица Литвы была почти сравнена съ землею и теперь не безъ труда найдешь ты Вильну въ самой Вильнѣ. Кáковъ былъ истребленный городъ, не говоря о числѣ убійствъ, можно доказать самою продолжительностью пожара, потому что только послѣ семнадцати дней могъ быть погашенъ огонь, который былъ насланъ на домы и храмы Московитами. Тáкъ взятъ былъ Литовскій Карѳагенъ, соперникъ Кракова [17])“!

„Вооруженные и безоружные, мужчины и женщины были избиваемы безъ различія. Все, чтò было святаго и красиваго внутри и внѣ города, предано пламени; остальное разрушено, не только кровы, но и самыя гробницы [18])“.

Въ этихъ разсказахъ есть, безъ сомнѣнія, значительная доля преувеличенія. Число убитыхъ вовсе не могло быть такъ значительно, кáкъ говоритъ Рудавскій. Мы знаемъ, что большая часть жителей еще ранѣе разбѣжалась отъ страху въ разныя стороны. Придется предполагать на долю бѣглецовъ, по крайней мѣрѣ, двойное число противъ оставшихся, да сверхъ того далеко не всѣ оставшіеся перебиты: такъ что общее число всего Виленскаго населенія достигло бы ста тысячъ; между тѣмъ, какъ въ самое цвѣтущее время при Сигизмундѣ II Августѣ народонаселеніе Вильны не достигало 75 тысячъ [19]). Далѣе, не все то, чтò погибло и разрушено въ Вильнѣ за время русскаго обладанія городомъ, разрушено именно при взятіи города княземъ Черкасскимъ. Изъ документальныхъ источниковъ мы знаемъ, что при этомъ сильно пострадалъ іезуитскій костелъ св. Казиміра на рынкѣ (теперь Никольскій соборъ), гдѣ въ самомъ дѣлѣ не были пощажены даже надгробные памятники фамиліи Гонсѣвскихъ [20]). Въ костелѣ св. Михаила монахинь Бернардинокъ, оставленномъ его обитательницами, пострадали богатыя гробницы основателя-строителя костела знаменитаго Льва Сапѣги и его семейства; самые трупы были повыбросаны изъ гробницъ [21]). Но что касается каѳедральнаго собора св. Станислава, то напрасно припи-

14) Węsławski, Victor et victus pag. 10. Pugna quidem in aditu fori à populo, vano impetu, non perseverantia, commissa est: animo, arte, armis impar populus caeditur, ac inde profugum Viliæ vorticibus hauritur. Крашевскій и Балинскій не указываютъ этого важнаго обстоятельства.

15) Rostowski X, 401.

16) Письмо католическаго Виленскаго епископа Юрія Тышкевича отъ 12 (22) ноября 1655: Theiner, Vetera Monum. Polon. III, 497.

17) Rudawski pag. 180.

18) Węsławski, Victor et victus pag. 10.

19) Преувеличеннымъ 25-ти тысячное число считаетъ и Крашевскій, на основаніи извѣстныхъ статистическихъ данныхъ. Wilno III, 192.

20) Завѣщаніе Гонсѣвскаго, писанное въ Москвѣ во время плѣна, въ «Собраніи государств. и частныхъ актовъ» Маврикія Круповича, Вильна 1858 pag. 123.

21) Надгробная надпись въ костелѣ. См. у Крашевскаго, Wilno II, 339.

сываютъ его потери и печальное положеніе, въ которомъ онъ является послѣ, только Московскому и козацкому разоренію [22]). Мы имѣемъ извѣстія, что Виленскій каѳедральный соборъ горѣлъ еще въ 1652-мъ году и едва-ли успѣлъ оправиться въ такое смутное время [23]). Серебряныя статуи святыхъ, императоровъ и королей въ каплицѣ Казиміра, поставленныя королями Сигизмундомъ III и Владиславомъ IV, въ томъ же 1652-мъ году, за три года до взятія Вильны, были сняты со своихъ мѣстъ, растоплены и обращены въ деньги для уплаты безпокойному войску [24]). Нѣкоторая часть церковныхъ драгоцѣнностей дѣйствительно попала въ козацкія руки, но особымъ путемъ. Михаилъ Юдицкій, кастелянъ Новогрудскій, взялся за извѣстную плату отвезти на собственномъ суднѣ въ Кролевецъ (Кенигсбергъ) значительную часть самыхъ дорогихъ и древнихъ сокровищъ костела, но, по трусости или нерасторопности, онъ далъ козакамъ нагнать себя и допустилъ овладѣть своими сокровищами — еще въ недальнемъ разстояніи отъ Вильны. Въ томъ числѣ козакамъ достались: чаша съ ампулами короля Владислава Ягайлы, алтарный крестъ Витовта, серебряный позолоченый и т. д. Но другая часть церковной движимости, принадлежавшей каѳедрѣ, была счастливо увезена ксендзомъ кустошемъ Юріемъ Бѣлозоромъ, ушедшимъ на Жмудь къ Радивилу, и послѣ возвращена была въ соборъ [25]). Мощи королевича Казиміра были также вывезены заблаговременно. Что касается до православныхъ церквей, съ 1609-го года перешедшихъ въ руки уніатовъ, то изъ нихъ сгорѣла только церковь Св. Юрія на Росѣ за Острыми воротами, дя и то нельзя сказать навѣрное, не случилось-ли это нѣсколько позже, при оборонѣ города, занятаго русскими, отъ поляковъ [26]); остальныя церкви, теперь очень немногочисленныя, остались почти въ томъ же видѣ, какъ были, т. е. въ положеніи вовсе не блестящемъ. Въ 1652-мъ году уніатскій митрополитъ Антоній Селява жаловался, что граждане не исполняютъ своихъ обязанностей, не вносятъ доходовъ, назначенныхъ въ пользу Пречистенскаго собора, такъ-что онъ остается въ небреженіи и стоитъ непокрытый [27]). Троицкій монастырь, куда еще въ 1653-мъ году, по приказанію митрополита, перенесены были болѣе дорогія церковныя вещи всѣхъ уніатскихъ храмовъ [28]), остался невредимъ. Уніатскій архивъ, хранившійся въ Троицкомъ монастырѣ, былъ вывезенъ въ Кролевецъ, — равно какъ и чудотворная икона Богородицы, получившая послѣ названіе Остробрамской [29]); мощи трехъ Виленскихъ Святыхъ, Антонія, Іоанна и Евстаѳія, зарыты въ монастырскомъ саду, но послѣ отысканы православными [30]), во владѣніи которыхъ и остались съ этого времени, будучи перенесены въ Свято-Духовскій монастырь; пропали только тѣла Іосифа Велямина Рутскаго и низложеннаго Московскаго патріарха Игнатія, кончившаго свою жизнь въ Вильнѣ и обращеннаго въ унію Рутскимъ [31]); по словамъ Кульчинскаго, они были увезены въ Москву. Многія изъ частныхъ зданій уцѣлѣли даже послѣ 1661-го года [32]). Изъ этого видно, что пожаръ 1655-го года не былъ такъ опустошителенъ, какъ представляетъ Рудавскій. Несомнѣнно также, что большая часть населенія успѣла спастись бѣгствомъ. Бѣжалъ епископъ католическій Юрій Тышкевичъ; мучимый подагрой и хирагрой, онъ

[22]) Wizerunki (1841) XXII, 155.

[23]) Theiner, Vetera Monum. Polon. III, 476.

[24]) Kraszewski, Wilno II, 212.

[25]) Акты Виленскаго капитула: Wizerunki XXII, 167.

[26]) «Археографическій Сборникъ» II, 209. Въ документѣ сказано только, что церковь сожжена во время Московскаго нашествія (per hostilitatem Moschoviticam).

[27]) «Археографическій Сборникъ» VI, 319.

[28]) Wizerunki XXIII, 44.

[29]) Акты Историческіе IV, 269.

[30]) Кульчинскій (Specimen ecclesiæ Ruthenicæ pag. 14) уже въ 1733 году пишетъ, что мощи Виленскихъ мучениковъ должны скрываться въ землѣ въ саду монастыря Св. Троицы, но до тѣхъ поръ не могли быть отысканы. Corpora eorundem hactenus reperiri non posse, quamvis credantur delitescere sub terra in horto nostri monasterii Vilnensis SS. Triadis. Послѣ, какъ извѣстно, они обнаружили свое присутствіе въ тѣсномъ и темномъ склепѣ Свято-Духовскаго монастыря. См. «Памятники Русской Старины», выпускъ V, стр. 103.

[31]) Kulczynski, Specimen p. 130. Susza, De laboribus unitorum: Harasewicz, Annales ecclesiæ Ruthenæ p. 313.

[32]) Напримѣръ, домы на Субачей улицѣ: Круповичъ, Собраніе Актовъ, pag. 125.

хотя и съ большимъ трудомъ достигъ Кролевца, гдѣ и умеръ въ 1656-мъ году. Бѣжали монахини базиліанки женскаго Базиліанскаго монастыря, находившагося „при русской церкви Св. Троицы", вмѣстѣ съ своею настоятельницею Евфиміей Сасиновной, но, къ несчастію, Московское войско напало на нихъ на рѣкѣ Виліи, разбило и поломало ящики и сундуки, въ которыхъ монахини спасали свои документы и привилегіи; сами монахини, впрочемъ, отдѣлались однимъ страхомъ [33]). Бѣжали отцы іезуиты съ ректоромъ академіи Бенедиктомъ де-Соксо (de Soxo). По обязанности начальника, разсказываетъ лѣтописецъ Литовскихъ іезуитовъ, ректоръ академіи, семидесятилѣтній старикъ, хотѣлъ оставить городъ въ числѣ послѣднихъ, и дождался того момента, когда передовые непріятельскіе отряды появились на улицахъ; нужно было спѣшить, а лошадей не было; двое молодыхъ іезуитовъ запряглись тогда сами въ повозку и протѣснились сквозь ряды непріятелей, удивленныхъ самоотверженіемъ юношей и потому пощадившихъ старца и его товарищей. Изъ всей коллегіи остался въ городѣ, только одинъ капелланъ Кипріанъ Богушъ, для надзора за академическимъ костеломъ св. Яна: онъ также сохранилъ свою жизнь среди всѣхъ опасностей [34]). Спасались наконецъ и болѣе зажиточные изъ православныхъ обитателей Вильны. Богатый купецъ, Самуилъ Харитоновичъ, собралъ свои товары, привезенные изъ далекаго Нюренберга, серебро, драгоцѣнности и вещи, отданныя въ залогъ разными должниками, и отправилъ все это на „витинѣ" (рѣчномъ суднѣ), принадлежавшей игумену греческаго монастыря Св. Духа Іосифу Тукальскому, въ Кролевецъ; но, быть можетъ, эти сокровища легче было бы сохранить въ самомъ городѣ, а то они были настигнуты козаками и захвачены [35]).

Царь Алексѣй Михайловичъ находился въ 50 верстахъ отъ Вильны, въ селеніи Крапивнѣ, когда прискакалъ къ нему гонецъ съ радостнымъ извѣстіемъ о взятіи Вильны его войсками [36]). Уже 30-го іюля посланы были грамоты къ патріарху Никону объ отправленіи благодарственнаго молебствія по церквамъ и монастырямъ [37]) 31-го іюля Алексѣй Михайловичъ въѣхалъ въ Литовскую столицу. Православные жители Вильны встрѣтили его съ крестами, съ пѣніемъ церковныхъ гимновъ, привѣтствовали его хлѣбомъ, какъ защитника православной вѣры [38]). Мягкій и добросердечный государь былъ приведенъ въ ужасъ, увидѣвъ на улицахъ неубранныя до сихъ поръ тѣла убитыхъ и приказалъ немедленно предать ихъ погребенію. Приказаніе было исполнено только въ половину; убраны были трупы съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они бросались въ глаза, но, вмѣсто преданія землѣ, они оставлены были въ пустыхъ домахъ и подвалахъ [39]).

Взятіе Вильны, отпразднованное молебствіями въ Московскомъ государствѣ, по мысли царя Алексѣя Михайловича и его ближайшаго совѣтника патріарха Никона, было не простымъ военнымъ успѣхомъ, а окончательнымъ завоеваніемъ и завершеніемъ всѣхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ въ Бѣлоруссіи. Янъ Казиміръ, король Польскій, пересталъ быть великимъ княземъ Литовскимъ; царь Московскій, которому Богъ даровалъ взять у короля всю Бѣлую Русь и стольный городъ Вильну, тѣмъ самымъ учинился великимъ государемъ на всей Бѣлой Россіи и на великомъ княжествѣ Литовскомъ. Патріархъ Никонъ писалъ Алексѣю Михайловичу, чтобы онъ оставилъ за собою Вильну, и вскорѣ прислалъ ему благословеніе именоваться великимъ княземъ Литовскимъ [40]).

Московской политикѣ предстояла трудная задача; нужно было залѣчить тяжелыя нравственныя и матеріальныя раны военнаго нашествія, привлечь къ себѣ новыхъ подданныхъ, чтобы имѣть среди ихъ прочную опору для новой власти. Сверхъ того, предстояло защищать новыя пріобрѣтенія не только

[33]) «Археографическій Сборникъ» VI, 193 и 195.
[34]) Rostowski X, 412.
[35]) Wizerunki XXIII, 45. Акты войтовства Виленскаго.

[36]) Соловьевъ, Исторія Россіи X, 387.
[37]) Акты Археографич. Экспедиціи IV, 126. Дополненіе къ Актамъ историч. IV, 40.
[38]) Показаніе Уніатскаго митрополита Гавріила Коленды: Theiner, Vetera Monum. Polon. III, 600.
[39]) Theiner, Vetera Monum. Polon. III, 497.
[40]) Соловьевъ X, 394.

противъ Яна Казиміра, который пока не былъ опасенъ, но все-таки имѣлъ за себя голоса людей, дорожившихъ присягою и честію, но и противъ новаго соперника, энергическаго короля Швеціи Карла X Густава. Принявъ подъ свою руку Радивила и нѣкоторыхъ другихъ пановъ на Жмуди, онъ обѣщалъ возвратить имъ всѣ владѣнія, занятыя Русскими. Въ Вильнѣ скоро получена была царемъ копія тайнаго договора, заключеннаго Шведомъ и княземъ Янушемъ [41]). Силы, на которыя могла бы прямо опереться Москва, были весьма слабы. Въ собственной Литвѣ унія все-таки сдѣлала свое дѣло, ослабивъ и порвавъ узы единовѣрія, которыя прежде охватывали всѣ классы общества и нравственно соединяли княжество съ Московскимъ государствомъ. Уніатское духовенство не сочувствовало Москвѣ; съ своей стороны, православные Московскіе люди очень послѣдовательно и вполнѣ справедливо готовы были признать право существованія за католицизмомъ, но не хотѣли терпѣть уніи, ибо „она Богу Всемогущему грубна“; ибо это не вѣра, а замыселъ злыхъ людей, которые отступили отъ греческаго закона и между греческимъ закономъ и католическою вѣрою чинятъ сору. Уніатское монашество и вѣрное уніи духовенство торопилось при появленіи Русскихъ бѣжать изъ Вильны на-ряду съ іезуитами. Въ самой средѣ православнаго духовенства, численная сила котораго въ Вильнѣ и вообще въ княжествѣ теперь сильно упала, сочувствія къ Москвѣ не были ни особенно горячи, ни особенно прочны, и отнюдь не всеобщи. Намъ извѣстны лица, которые предпочитали держаться Радивила и служили ему посредниками и агентами въ тайныхъ сношеніяхъ съ Хмѣльницкимъ, когда Радивилъ хотѣлъ перетянуть Малороссію съ гетманомъ на сторону Шведа. О народной массѣ въ Бѣлоруссіи, гдѣ не было козачества, можно сказать только, что она была забита, угнетена и безгласна. Московской власти пришлось обращаться къ большимъ панамъ и къ шляхтѣ. Вопреки совѣту Никона, начаты были переговоры съ Радивиломъ. Князь Янушъ продолжалъ именовать себя гетманомъ и Виленскимъ воеводою; отъ него требовали, чтобы онъ или отказался отъ этихъ титуловъ, или бы поискалъ милости настоящаго и дѣйствительнаго государя Литовскаго, который готовъ его пожаловать и гетманствомъ, и воеводствомъ. Отвѣтъ получили уклончивый и очень мало лестный. Потомъ обратились къ Сапѣгѣ, назначенному королемъ Яномъ Казиміромъ на мѣсто Радивила. Тотъ, подобно своему предмѣстнику, указывалъ на поведеніе Московскихъ воеводъ, которые „запустошили“ домы пановъ и шляхты и вообще очень ихъ „*задрали*“. Впрочемъ, отвѣтъ Сапѣги заключалъ не однѣ жалобы и упреки.

Примирительныя задачи значительно облегчались безвыходнымъ положеніемъ Польши и княжества. О королѣ Янѣ-Казимірѣ, загнанномъ куда-то Шведами, не было, какъ говорится, ни слуху, ни духу. Польша знала въ своей исторіи одинъ странный случай, когда король сбѣжалъ со своего королевскаго престола, предоставляя подданнымъ заботу о пріисканіи болѣе надежнаго государя. Можно было думать, что примѣръ Генриха Валезія нашелъ себѣ подражателя въ Янѣ-Казимірѣ, хотя при обстоятельствахъ болѣе извинительныхъ для короля, но за то и болѣе тяжелыхъ и затруднительныхъ для государства. Князь Янушъ Радивилъ поторопился отыскать новаго короля въ лицѣ Карла Густава Шведскаго, происходившаго изъ протестантскаго княжескаго дома въ Германіи, и оправдывалъ себя тѣмъ, что Янъ Казиміръ покинулъ королевство. Но его нѣмецкій кандидатъ не возбуждалъ къ себѣ симпатій въ Польшѣ и всего менѣе въ княжествѣ Литовскомъ. „Нельзя тому статься, говорили Русскимъ Поляки, чтобы быть въ Польшѣ Шведскому королю; нѣмецкіе флюндры намъ и такъ придокучили“ [42]). Другой кандидатъ, котораго выставила всегда готовая на услуги подобнаго рода Австрія, возбуждалъ тѣ же самыя возраженія, хотя онъ и былъ въ родствѣ съ домомъ Вазы и дѣтями Сигизмунда III. „Намъ цесарева племени, австрійскаго дома короли уже наскучили“ [43]). Поляки утверждали, что благоденствіе, которымъ они наслаждались при Ягайловичахъ, прекратилось именно тогда, какъ начали у нихъ быть короли

[41]) Węsławski p. 15.

[42]) Соловьевъ X, 412.

[43]) Ibid.

нѣмецкой природы. При такомъ разочарованіи въ настоящемъ, не слѣдовало-ли воротиться опять къ старинѣ, повторить исторію соединенія Литвы съ Польшею и, вмѣсто угасшей династіи Русскихъ Ягайловичей, обратиться къ Русской династіи Романовыхъ...

Когда Алексѣй Михайловичъ еще находился въ Вильнѣ, къ нему пришло тайное посольство отъ польнаго Литовскаго гетмана, недруга Радивила и противника его планамъ. Корвинъ Гонсѣвскій предлагалъ царю, чтобы онъ остановилъ побѣдоносное оружіе, отказался отъ непрочной пріязни со Швеціей, которая уже замышляетъ войну за Литву и Жмудь; при этомъ Гонсѣвскій сообщилъ договоръ, подписанный Карломъ Густавомъ, въ которомъ Шведъ далъ своимъ приверженцамъ обязательство отнять у Московскаго царя его завоеванія. Гонсѣвскій внушалъ далѣе, что дружба съ Польшею будетъ болѣе надежна, это будетъ союзъ съ націей родственною и близкою по языку, по одеждѣ, по вооруженію; съ своей стороны, Польша готова избрать въ короли Московскаго государя или одного изъ сыновей его [44]). Нѣсколько позднѣе Великій Гетманъ Литовскій Павелъ Сапѣга высказался, что если бы онъ не слыхалъ про своего короля, то онъ пошелъ-бы со всею Литвою къ царскому величеству въ подданство, но и теперь онъ желаетъ мира съ Москвою. Была минута, когда, по словамъ Сапѣги, княжество Литовское все хотѣло къ царскому величеству [45]). Самъ Радивилъ, хотя съ весьма сомнительною искренностью, говорилъ о своемъ желаніи принять подданство царя. Московскіе воеводы стали приводить къ присягѣ *въ городѣ Вильнѣ* шляхту сосѣднихъ повѣтовъ и не встрѣчали особеннаго противодѣйствія: 3900 человѣкъ внесены были въ крестопроводныя записи [46]). Ихъ пожаловали: вѣры, правъ и вольностей ихъ ни въ чемъ нарушать не велѣли, дабы слыша государскую милость, литовскіе и польскіе сенаторы и всякихъ чиновъ люди къ покою были склонны и были подъ высокою рукою Московскаго государя, и чтобы отъ Великаго княжества литовскаго корона Польская не отлучилась [47])..

Алексѣй Михайловичъ, оставивъ въ Вильнѣ гарнизонъ, состоявшій изъ четырехъ тысячъ человѣкъ [48]), воротился въ Москву и отсюда продолжалъ вести начатые переговоры о мирѣ, о своемъ избраніи на Польскій престолъ. Такъ какъ Янъ Казиміръ теперь снова вернулся на свой королевскій постъ, то рѣчь шла объ избраніи царя Алексѣя послѣ смерти короля Яна. Съѣздъ русскихъ уполномоченныхъ (князей Одоевскаго и Лобанова-Ростовскаго) и Польскихъ коммиссаровъ былъ назначенъ у Вильны въ двухъ верстахъ отъ города; польскіе коммисары должны были стоять на рѣчькѣ Немезкѣ, въ деревнѣ, находящейся въ шести верстахъ отъ города. Только въ августѣ 1656 года открылись собранія съѣзда и тянулись почти болѣе двухъ мѣсяцевъ. Король и паны соглашались на избраніе царя или царевича, но требовали предварительно мира на услбвіяхъ Поляновскаго договора, т. е. требовали возвращенія къ Польшѣ всей Малой и Бѣлой Россіи и самаго Смоленска. Московская политика не была такъ простодушна, чтобы жертвовать тѣмъ, что уже было въ рукахъ, ради выгодъ, которыя сулило только въ будущемъ пріобрѣтеніе царемъ польской короны. Великое, Божье дѣло, какъ выражался Алексѣй Михайловичъ о своемъ избраніи въ Польскіе короли, не было приведено къ полному концу, хотя ни та, ни другая сторона не хотѣла и окончательнаго разрыва. Рѣшеніе было отложено до сейма, который будетъ собранъ королемъ Польскіе коммиссары обязались сдѣлать на немъ предложеніе объ избраніи Алексѣя Михайловича въ преемники Яну-Казиміру и стараться объ его принятіи.

Въ Москвѣ удовольствовались пока нерѣшительнымъ положеніемъ, потому что еще весною (въ 1656-мъ году) начата была война съ Шведскимъ королемъ, который перебивалъ у царя Алексѣя дорогу, захватилъ Польшу и намѣревался вырвать у Русскихъ Литву.

Русское управленіе въ Вильнѣ, сообразно съ общимъ ходомъ дѣлъ, старалось дѣй-

[44]) Węsławski, Victor et victus p. 15.

[45]) Соловьевъ X, 402.

[46]) Акты Историч. IV, 271 и выше.

[47]) Соловьевъ X, 411.

[48]) Theiner, Vetera Monum. IV, 495.

ствовать въ примирительномъ духѣ, и не отъ него зависѣло предотвратить тѣ новые удары, которые обрушились на несчастную Литовскую столицу. Во главѣ управленія въ званіи Виленскаго воеводы поставленъ былъ князь Михайло Шаховской, человѣкъ несомнѣнно умный и дѣльный; онъ успѣлъ внушить къ себѣ довѣріе и уваженіе въ мѣстномъ населеніи. Еще въ 1655-мъ году разосланы были во всѣ стороны грамоты, призывающія бѣжавшихъ гражданъ Вильны воротиться на родину; имъ обѣщали защиту и неприкосновенность ихъ правъ и привилегій [49]). Виленское населеніе не осталось глухо къ этому воззванію. Въ то время какъ вблизи Вильны шли переговоры объ избраніи Алексѣя Михайловича въ Польскіе короли, въ Литовской столицѣ начинала возрождаться прежняя жизнь; погорѣвшіе домы вновь отстраивались, пострадавшіе исправлялись. Въ апрѣлѣ 1657-го года городовое Виленское полицейское управленіе (рада) назначило отъ себя пословъ къ царю Алексѣю Михайловичу, но это посольство почему-то достигло только Борисова и здѣсь было задержано. Купцы и ремесленники, которыми славилась Литовская столица, понемногу стали возвращаться къ своимъ прежнимъ занятіямъ.

Новая бѣда, застигшая возрождающійся городъ, была—вновь появившееся моровое повѣтріе, отъ котораго не мало умерло народу еще въ 1655 году. Зажиточные граждане, наученные многократнымъ опытомъ, спасали свою жизнь бѣгствомъ изъ зачумленнаго города въ сосѣднія деревни и помѣстья. Русское управленіе сначала противилось выселенію, но потомъ, убѣдившись въ его неизбѣжности, требовало только поруки и записей отъ выѣзжающихъ, что они снова воротятся по прекращеніи бѣдствія. Городскія власти, магистратъ и ратуша также покинули городъ, поручивъ всѣ заботы о порядкѣ, судьбѣ и безопасности одному гражданину, который имѣлъ мужество остаться и былъ избранъ всѣмъ магистратомъ и обществомъ Виленскимъ въ войты и бурмистры на это тяжелое время. Имя ег заслуживаетъ быть здѣсь названнымъ. Это былъ Іосифъ Корейлевичъ. Онъ былъ уполномоченъ избрать себѣ пять помощниковъ. До насъ дошла инструкція, данная магистратомъ Корейлевичу съ товарищами [50]). Ему поручалось для охраненія имѣнія и товаровъ, остающихся въ городѣ, составить пѣхотную стражу изъ тридцати человѣкъ; эта стража должна была обходить городъ днемъ и ночью, наблюдать за домами, лавками и подвалами, чтобы предохранить ихъ отъ негодяевъ, которые уже начинали, пользуясь смятеніемъ, грабить и днемъ, и ночью. На содержаніе стражи втеченіе полугода назначалось тысяча злотыхъ. Количество тридцати человѣкъ признавалось, правда, недостаточнымъ для обереганія такого *„большаго города"*, но такъ какъ сумма на ихъ содержаніе составлялась общею складчиной, а не мало гражданъ выѣхало ранѣе, чѣмъ къ ней приступили, то положено было ограничиться этимъ числомъ. Впрочемъ, Русскій воевода обѣщалъ съ своей стороны прибавить къ стражѣ двадцать человѣкъ изъ своей пѣхоты, которые будутъ помогать охранѣ города и предупреждать возможныя своеволія русскихъ военныхъ людей.

Суды всякаго рода, уголовные, гражданскіе и войтовскіе поручались на все время повѣтрія Іосифу Корейлевичу съ товарищами; онъ долженъ принимать мѣры противъ всякаго безпорядка, судить и карать преступниковъ на основаніи закона, а если кто будетъ противиться его власти и не захочетъ подчиняться приговору, то временный войтъ долженъ обращаться къ воеводѣ, князю Шаховскому, и у него искать управы. Поставлялось также въ обязанность Корейлевичу и его пяти товарищамъ, какъ можно чаще, даже каждый день, осматривать пустые домы, лавки, подвалы и пивницы, чтобы тамъ не скрывались и не устроивали сходокъ бродяги и мошенники. Людей праздныхъ, здоровыхъ, но неимѣющихъ ни какой работы, войтъ уполномоченъ былъ удалять изъ города. Магистратъ писалъ далѣе, чтобы, если можно, оставались открытыми только одни Рудницкія ворота, но и тѣ къ ночи заблаговременно бы запирались, а ключи какъ отъ этихъ воротъ, такъ и отъ другихъ хранились бы у Іосифа Корейлевича; наконецъ, въ виду пожаровъ, которые съ

[49]) Rostowski X, 412.

[50]) Она напечатана Крашевскимъ. Wilno III, 117.

началомъ весны (1657) начали свирѣпствовать какъ въ городѣ, такъ и въ предмѣстьяхъ, нужно было содержать въ исправности водопроводныя трубы и держать ихъ открытыми.

Моровая язва, опустошавшая городъ впродолженіе почти цѣлаго года (отъ апрѣля 1657-го по апрѣль 1658-го), нанесла страшный ударъ Виленскому народонаселенію. Только зажиточные люди имѣли возможность оставить зараженный городъ; небогатое и неимущее большинство вынесло всѣ ужасы неотвратимаго бѣдствія. На нѣкоторое время прекратился самый подвозъ съѣстныхъ припасовъ въ зачумленную столицу и къ опустошительному дѣйствію болѣзни присоединился голодъ: на рынкахъ и улицахъ падали жертвы двухъ одинаково страшныхъ бичей. По словамъ лѣтописца іезуитовъ, Ростовскаго, въ это время вымерла половина Виленскаго населенія. Его показаніе подтверждается современнымъ оффиціальнымъ документомъ, именно инструкціей, которая дана была Виленскимъ депутатамъ, отправленнымъ, по прекращеніи мороваго повѣтрія, къ царю Алексѣю Михайловичу.

Между тѣмъ столкновеніе Россіи со Швеціей дало Полякамъ время и возможность оправиться. Сеймъ, на которомъ долженъ былъ рѣшиться вопросъ объ избраніи Алексѣя Михайловича на польскій престолъ, все откладывался, и самое избраніе становилось болѣе и болѣе сомнительнымъ; начинались смуты въ Малороссіи, вѣсть о которыхъ была принята въ Польшѣ съ радостью, какъ вѣсть о воскресеніи. При такомъ положеніи дѣлъ въ Москвѣ было признано полезнымъ и необходимымъ усилить гарнизонъ, оставленный въ Вильнѣ, тѣмъ болѣе что моровое повѣтріе произвело сильную убыль въ рядахъ русскаго отряда. Въ концѣ февраля 1658-го года туда прибыли пять новыхъ солдатскихъ полковъ, обученныхъ по-европейски, подъ начальствомъ своихъ иностранныхъ командировъ, полковниковъ: Данила Краферта, Юрія Кита, Томаса Бѣли, Каспара Яндера и Адама Гохварта [51]). Но вслѣдствіе нераспорядительности, или по другой причинѣ, не было ничего указано о выдачѣ денежнаго мѣсячнаго корма полковникамъ и солдатамъ, и государевой денежной казны на тѣ полки въ Вильну не прислано. Солдатамъ, правда, велѣно было выдавать жалованье—кормовыя деньги—хлѣбнымъ запасомъ изъ Виленскихъ магазиновъ, которые также были усилены въ началѣ 1658-го года. Но это, конечно, не могло удовлетворить всѣмъ потребностямъ. Солдаты жаловались, что безъ государева жалованья, безъ денежнаго корма, они и наги, и босы; платья и обуви, и харчей, и соли купить имъ не на что [52]). Это само по себѣ печальное обстоятельство повело къ слѣдствіямъ, очень непріятнымъ и для русскаго управленія, и для мѣстнаго населенія. Князь Шаховской доносилъ государю (въ мартѣ), что какъ пришли въ Вильну государевы полки, то и начались жалобы польскихъ людей на притѣсненія; полковники и начальные люди тѣхъ полковъ посылаютъ въ повѣты, у шляхты и у крестьянъ берутъ насильно сѣно и чинятъ иные многіе налоги „шляхтамъ и крестьянамъ", и вообще появилось вредное „дуровство", такъ-что многіе Виленскіе мѣщане, которые хотѣли быть въ Вильну, теперь не хотятъ поступать подъ государскую высокую руку [53]). 15 апрѣля къ князю Шаховскому приходили солдаты всѣхъ пяти полковъ просить о выдачѣ денежнаго корма въ прибавку къ хлѣбному, о чемъ уже неоднократно заявляли и полковники. Воевода не имѣлъ возможности удовлетворить требованію, и вотъ на другой день — 16-го апрѣля—являются къ нему въ судную избу уже Виленскіе мѣщане и словесно бьютъ челомъ, что грабятъ ихъ на рынкѣ солдаты новыхъ полковъ, отнимаютъ и калачи, и рыбу, и деньги, а караульщиковъ, которые были поставлены изъ судной избы для береженья, перебили. Воевода выѣхалъ на рынокъ самъ, чтобы „опазнывать и имать" тѣхъ солдатъ, которые воровали хлѣбъ, калачи и рыбу; но тѣ воры-солдаты всѣ разбѣжались. Князь Шаховской велѣлъ бить батогами поручика полка Томаса Бѣли, по имени Прешера, и прапорщика Константинова, за то что они, стоя на площади, въ рынкѣ, съ солдатами для всякаго береженья, тѣхъ воровъ-солдатовъ не взяли и въ съѣзжую

[51]) Акты историч. IV, 254 и 255.

[52]) Дополненія къ Актамъ историческ. IV, 139.

[53]) Акты историческ. IV, 256.

избу къ нему не привели. Рыночные мѣщане указали на одного солдата полка Краферта, татарина Асмойка Щадру, и сказали, что онъ вмѣстѣ съ другими грабилъ мѣщанокъ; воевода велѣлъ его взять и вести за собою на судный дворъ; но когда онъ отправился назадъ съ рынка, то за нимъ шли солдаты тѣхъ новыхъ полковъ, человѣкъ съ пятьсотъ, и производили большой шумъ и крикъ. На слѣдующій день (17 апрѣля) солдаты подали опять челобитную о денежномъ жалованьи. Воевода, видя ихъ воровство, велѣлъ дать въ прибавку къ хлѣбному мѣсячному корму солдатамъ пяти полковъ по ефимку на человѣка, для того чтобы они воровства какого большаго не учинили и съ государской службы не разбѣжались [54]).

Еще въ 1657-мъ году царь Алексѣй Михайловичъ сдѣлалъ распоряженіе, которымъ велѣно было изъ города Вильны и изъ иныхъ городовъ и мѣстъ, которые къ Вильнѣ близко, выслать всѣхъ уніатовъ и учинить заказъ крѣпкій, чтобы впредь уніатовъ нигдѣ не принимали, чтобы отъ нихъ въ вѣрѣ какихъ расколовъ не было. Мы уже знаемъ основанія, по которымъ московскіе государственные люди не хотѣли терпѣть уніи, „грубной Богу Всемогущему", не преслѣдуя, однако, католиковъ. Уніаты жили, какъ оказывается, въ Вильнѣ до повѣтрія, и разъѣхались при его наступленіи по мѣстечкамъ и по деревнямъ. Когда повѣтріе въ Вильнѣ перестало, уніаты опять съѣхались въ Вильну. Но князь Шаховской сейчасъ же, во исполненіе царскаго указа, велѣлъ всѣхъ уніатовъ, бурмистровъ, райцовъ и мѣщанъ собрать въ съѣзжую избу и объявилъ имъ, чтобы они воротились въ православную христіанскую вѣру, а если не захотятъ, то выѣзжали бы изъ города. Несостоятельность уніи, которая не была ни православіемъ, ни католичествомъ, а чѣмъ-то среднимъ между тѣмъ и другимъ, и отсутствіе крѣпкаго убѣжденія въ ея послѣдователяхъ—при маломъ испытаніи обнаружились самымъ рѣзкимъ образомъ. Мы не можемъ, поэтому, упрекать въ какой-либо невѣротерпимости распоряженія царя Алексѣя Михайловича и дѣйствія князя Шаховскаго. Для уничтоженія уніи вовсе не нужно было какого-либо гоненія. Виленскіе бурмистры, райцы и мѣщане пришли въ съѣзжую избу и сказали, что они готовы слушать указу великаго государя и „зостанутъ" въ православную христіанскую вѣру. Воевода, переписавъ имена ихъ, отдалъ списокъ въ монастырь Сошествія Св. Духа, намѣстнику Даніилу Дороѳеевичу, чтобы онъ принималъ обратившихся уніатовъ въ православную церковь [55]).

Эта мѣра произвела большой переполохъ между уніатскими епископами, остававшимися подъ властью Польши, или бѣжавшими туда изъ епархій, занятыхъ Русскими. Они высказывали опасенія, что она поведетъ къ полному уничтоженію уніи, что зло распространится изъ Вильны на другіе города, подвластные Москвѣ, па всю Малороссію и Бѣлоруссію; имъ было извѣстно, что объ этомъ сильно хлопочутъ мѣстные схизматики, по внушенію которыхъ и было издано царское распоряженіе [56]). Яковъ Суша, епископъ Холмскій, Гавріилъ Коленда, епископъ Полоцкій, обращались къ папскому нунцію и къ самому папѣ, требовали, чтобы они заставили польскаго короля Яна-Казиміра вступиться за уніатовъ; пусть король напишетъ царю и поставитъ ему на видъ, что уніаты такіе-же католики, нераздѣльны съ Римскою церковью и есть часть речи посполитой; что если Московское правительство терпитъ въ Вильнѣ римскихъ католиковъ, то почему не будетъ терпѣть уніатовъ? Этого было мало. Перепуганное воображеніе уніатскихъ іерарховъ начинало дѣятельно и суетливо работать. Надобно убѣдить Московскаго царя, что унія именно и есть настоящее православіе, что старыя Московскія книги свидѣтельствуютъ въ ея пользу; это книги неиспорченныя, тогда какъ схизматики, живущіе въ Польшѣ и княжествѣ Литовскомъ, нарочно истребили въ своихъ книгахъ то, что̀ говорило въ пользу догматовъ католической вѣры. Надобно устроить соборъ уніатскаго духовенства съ Москов-

[54]) Дополненія къ актамъ историческ. IV, 139.

[55]) Акты историческ. IV, 261.

[56]) Etenim nisi in herba malo occurratur, in altum crescet: timendumque est, ne serpat *Vilna* idem in alias civitates Moscho subjectas, imo in totam Russiam, motoribus et promotoribus Ruthenicis schismaticis, quod certo certius nobis constat.

Библиотека Института Нар. Хоз-ва имени К. Маркса
Инв.
Отд
№

скимъ; на этомъ соборѣ уніаты дадутъ отчетъ въ основаніяхъ своей вѣры, докажутъ ея правду и — кто знаетъ? — можетъ быть, обратятъ всю Москву въ унію [57]).

Все это похоже на бредъ фантазіи, отъ страху сбившейся съ толку. Русское правительство твердо стояло на своемъ убѣжденіи, что уніи не слѣдуетъ допускать. Въ Вильнѣ всѣ уніатскія, прежде православныя церкви, опять были переданы православнымъ. Хлопотали о томъ, чтобы воротить имъ церковную утварь и драгоцѣнныя святыни, увезенныя уніатскимъ духовенствомъ при бѣгствѣ отъ русскихъ воинскихъ людей въ 1655-мъ году. Въ 1657-мъ году, по приказанію князя Шаховскаго, сдѣланъ былъ обыскъ у Виленскаго мѣщанина Юрія Селедчика. Извѣстно было, что монахи Троицкаго монастыря, спасаясь изъ города, передали ему чудотворную икону Богородицы и разныя церковныя вещи для отправленія въ Королевецъ. Но русскій капитанъ Емельянъ Тяпкинъ и старецъ Виленскаго Духова монастыря Өеодоритъ при обыскѣ нашли на витинѣ у Селедчика только эпитрахиль да ризы, что и было отдано въ Свято-Духовскій монастырь. До Москвы однако дошли слухи, что чудотворная икона Богородицы (письмо евангелиста Луки) скрывается у мѣщанина Юрья Селедчика, въ домѣ его; Алексѣй Михайловичъ, въ іюнѣ 1658-го года, писалъ князю Шаховскому и велѣлъ ему отыскать чудотворную икону и прислать въ Москву съ провожатыми. Селедчикъ, который между тѣмъ изъ уніата сдѣлался православнымъ, былъ снова позванъ къ допросу, и объяснилъ, что, по порученію уніатскихъ чернцовъ, онъ отвезъ чудотворную икону на своей витинѣ въ Королевецъ (Кенигсбергъ), гдѣ и взяли ее уніатскіе чернцы, а гдѣ теперь чудотворная икона — про то онъ не вѣдаетъ, а чернцы, которые клали у него на витинѣ икону, живутъ теперь по разнымъ городамъ и повѣтамъ. Селедчикъ съ поручикомъ Юрьевымъ посланы были въ Новгородокъ и въ повѣты сыскивать драгоцѣнную икону, но нигдѣ ни въ церквахъ, ни въ костелахъ, ни во дворахъ ея не нашли. Такимъ образомъ уніаты сохранили за собою Виленскую святыню, но если, какъ нужно догадываться, подъ чудотворною иконою здѣсь нужно разумѣть позднѣйшую Остро-брамскую, то они сохранили только для того, чтобы вскорѣ лишиться ея въ пользу католическихъ монаховъ [58]).

Русскій воевода заботился о сохраненіи порядка и спокойствія въ городѣ, принималъ мѣры для предупрежденія столкновеній военныхъ людей съ мѣстными жителями, былъ занятъ вопросомъ уніатскимъ: мѣстное городское управленіе хлопотало о подтвержденіи своихъ правъ и привилегій, объ интересахъ городскаго благосостоянія, торговли и промышленности; оно хотѣло даже воспользоваться русскою властью для устраненія тѣхъ золъ и стѣсненій, которыя разлились, благодаря покровительству польской власти, и не могли быть при ней исправлены. 17-го апрѣля (1658-го г.) Виленскій войтъ, бурмистры и райцы подали челобитную князю Шаховскому, чтобы онъ отпустилъ ихъ выборныхъ людей къ великому государю, въ Москву, побить челомъ о своихъ нуждахъ. Воевода согласился и, по просьбѣ гражданъ, далъ депутаціи провожатаго до Москвы [59]). Въ составъ этой депутаціи вошли слѣдующія лица: Виленскій войтъ, Іосифъ Петровичъ, райца Прокофій Дорофеевичъ, вѣроятно родственникъ намѣстнику Духова монастыря, и городской („мѣстскій") писарь Николай Костровицкій. По счастливому случаю, сохранилась любопытная инструкція, данная имъ городскимъ магистратомъ и подписанная пятидесятью-шестью подписями: городскими выборными властями, представителями купеческаго общества и уполномоченными отъ цеховъ [60]). Послы, прежде всего, должны

57) Theiner, Documents historiques de Russie pag. 33 et suiv. Посланіе уніатскихъ епископовъ къ папѣ изъ Холма отъ 12 марта 1658 г.; потомъ второе посланіе отъ духовенства и монашества отъ 14 іюля, и третье — отъ 3 августа.

58) Акты историческіе IV, 269. Объ иконѣ Остробрамской по переходѣ ея въ руки кармелитовъ при костелѣ св. Терезы, см. «Памятники Русской Старины», выпускъ V.

59) Акты историч. IV, 262.

60) Этотъ документъ былъ сообщенъ Крашевскому профессоромъ Виленскаго университета Лобойкой. Оригиналъ находился въ библіотекѣ бывшаго Виленскаго университета. Крашевскій, воспользовавшійся документомъ въ своей «Вильнѣ» и напечатавшій его вполнѣ въ примѣчаніяхъ, приноситъ безконечную благодарность Лобойкѣ за вниманіе ученаго профессора къ его труду, тѣмъ бо-

были заявить государю отъ имени всего города его вѣрноподданическія чувства и представить извинительныя объясненія въ нѣкоторой запоздалости выраженія ихъ. Только въ 1657 году воротились изъ разсѣянія на свои пепелища Виленскіе мѣщане, и то еще не всѣ; тогда же они выбрали посольство и отправили его къ царскому величеству. Но послы были остановлены въ Борисовѣ: моровое повѣтріе, господствовавшее цѣлый почти годъ, послужило новымъ препятствіемъ; а послѣ его прекращенія, никого не пропускали военныя заставы на дорогахъ. Принеся эти оправданія, послы должны были всячески стараться о допущеніи къ цѣлованію высокой руки царскаго величества, ихъ милостиваго государя.

За тѣмъ послы должны были представить царю всѣ привилегіи, права и вольности, данныя польскими королями и Литовскими князьями Виленскому магистрату, купеческой общинѣ и различнымъ цехамъ, и просить о торжественномъ подтвержденіи ихъ. При этомъ присоединялась просьба, чтобы апелляція на судъ магистратскій шла не къ воеводѣ, а къ самому царю, и при томъ позволялась бы только въ суммѣ не меньшей 300 злотыхъ, и чтобы каждому позволено было отыскивать свои долги и претензіи за періодъ времени, предшествовавшій завоеванію. Магистратъ извинялся, что онъ представляетъ свои документы не въ подлинникахъ. При нашествіи всѣ привилегіи, „дорогой клейнотъ Вильны", для безопасности отправлены были въ городъ Гданскъ (Данцигъ) и до сихъ поръ не могли быть возвращены оттуда.

Мѣщане города Вильны горько жаловались на то, что послѣ понесенныхъ ими бѣдствій, послѣ разоренія отъ польскихъ жолнеровъ, отъ Шведовъ и отъ Пруссаковъ, находятся люди, которые не имѣютъ къ нимъ состраданія и называютъ ихъ измѣнниками, только потому что они, дойдя до убожества и не имѣя болѣе средствъ къ существованію, воротились въ Вильну и поддались подъ высокую руку его царскаго величества. Очень ясно, откуда шли эти обвиненія, тѣмъ болѣе непріятныя, что, при заключеніи мира, на основаніи Виленскаго договора, городъ Вильна могъ опять воротиться къ Польшѣ. Именно въ виду такой возможности депутаты должны были просить у царя Алексѣя Михайловича заступничества предъ королемъ Яномъ Казиміромъ, чтобы король не смотрѣлъ на Виленскихъ гражданъ, какъ на измѣнниковъ [61]).

Ради того, что во время мороваго повѣтрія въ Вильнѣ вымерла цѣлая половина жителей, городъ чрезъ своихъ депутатовъ думалъ выпросить у царя двадцатилѣтнюю льготу отъ всякихъ податей и сборовъ, а также отъ военныхъ повинностей, отъ которыхъ граждане были освобождены еще по прежнимъ привилегіямъ, но которыхъ, очевидно, требовалъ воевода князь Шаховской; инструкція выражаетъ желаніе, чтобы воеводѣ было сдѣлано прямое внушеніе въ этомъ смыслѣ. Равнымъ образомъ, послы должны были хлопотать о томъ, чтобы всѣ доходныя статьи, фольварки, домы городскіе, гошпитальные и церковные, которые прежде находились въ завѣдываніи города, а теперь отошли отъ него и отдаются воеводою въ аренду въ пользу царскаго казначейства, опять были возвращены Виленскому магистрату и обществу. При этомъ именуются фольварки: Высокій Дворъ, Бурбишки, Рыбишки, Купріанишки, Левонишки, съ принадлежащими къ нимъ землями и лѣсомъ, Лукишки и „грунты" Завилейскіе съ землею, гдѣ копаютъ глину. Изъ доходныхъ статей указаны: доходы съ городскихъ вѣсовъ и мѣры, съ каменнаго гостинаго двора и разнаго рода лавокъ. Сверхъ того, магистратъ желалъ, чтобы ему уступленъ былъ казенный лѣсъ, который могъ быть употребленъ на пособіе въ обстройкѣ бѣднымъ людямъ.

Виленское городовое управленіе жаловалось, что среди смятеній военнаго времени въ Вильну наѣхало множество постороннихъ купцовъ ремесленниковъ: не неся ни городской, ни всякой другой повинности, они тѣмъ не менѣе занимаются торговлею и ремеслами и наносятъ великій ущербъ Виленскимъ мѣ-

лѣе, что другіе дѣйствовали совершенно иначе. См. Wilno II, 119 и сл.

[61]) Крашевскій, напечатавшій документъ, не понялъ здѣсь его смысла; онъ умаетъ (Wilno II, 45), что тутъ заключается жалоба на (русскихъ) правителей въ Вильнѣ. Это, впрочемъ, не единственный случай такихъ странностей у Крашевскаго.

щанамъ, отнимаютъ у нихъ средства къ существованію; нужно было домогаться, чтобы всѣ купцы и промышленники изъ другихъ городовъ, покорившихся царю, были высланы къ своимъ мѣстамъ и не дѣлали конкуренціи Виленскимъ гражданамъ.

Точно также было желательно устранить нѣкоторыхъ иностранныхъ торговцевъ, имѣвшихъ съ давняго времени обычай торговать въ Вильнѣ. Непріятны были именно тѣ Шотландцы и Англичане, которые приходили сюда съ коробочками, съ мелкими товарами; потомъ, благодаря покровительству той или другой мелкой юрисдикціи, открывали здѣсь лавочки, торговали разными товарами, не подчиняясь магистрату и общимъ повинностямъ, и наживали большія деньги. Магистратъ считалъ большимъ зломъ и то, что эти капиталы не остаются на мѣстѣ, а потомъ уходятъ вмѣстѣ съ хозяевами за границу.

Но что̀ всего вреднѣе и всего ненавистнѣе, такъ это—Жиды. Жалобы на крайнія стѣсненія, испытываемыя отъ нихъ христіанами, раздавались уже давно. Въ 1633 году Виленскіе обыватели подали канцлеру просьбу, чтобы правительство обратило вниманіе на цѣлый рядъ захватовъ и злоупотребленій, которыя, вопреки закону, позволяютъ себѣ Евреи: недовольствуясь взятіемъ на откупъ разныхъ пошлинъ, мыта, арендъ, продажи золота и серебра, они стали отнимать у христіанъ всякую торговлю и даже ремёсла; вопреки запрещенію сеймовыхъ конституцій, продаютъ въ шинкахъ медъ, пиво и горѣлку, что̀ прежде было позволено однимъ христіанамъ; наконецъ, они стали скупать въ Вильнѣ домы и каменицы, построенныя предками Виленскихъ гражданъ, когда еще и неслыхано было о Жидахъ въ Вильнѣ; подкапываютъ, такимъ образомъ, не только благосостояніе города, но и Церкви христіанской, получавшей отъ этихъ домовъ разные доходы и легаціи на монастыри, костёлы и госпитали [62]). Виленское гражданство хорошо знало, что Жиды не пользовались такимъ расположеніемъ въ Москвѣ, какое находили они у польскаго правительства, и очевидно на это разсчитывало. Еще въ 1654 году, по просьбѣ Могилевскихъ гражданъ, царь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ всѣхъ Могилевскихъ Евреевъ выслать вонъ изъ Могилева [63]). Съ просьбой подобнаго рода обращалась къ нему теперь и христіанская Вильна. Такъ какъ Жиды наносятъ большой ущербъ христіанскимъ купцамъ и ремесленникамъ, кромѣ того, распространяютъ въ городѣ всякую заразу и болѣзни по своей нечистотѣ и неопрятности и, что̀ всего хуже, принимаютъ разныхъ подозрительныхъ людей и всякія краденыя вещи, не исключая церковныхъ и костельныхъ, то магистратъ ходатайствовалъ чрезъ своихъ депутатовъ объ удаленіи Жидовъ изъ города, съ разрѣшеніемъ жить имъ за стѣнами, гдѣ находилось еврейское кладбище.

При помощи Московскаго правительства, Виленское гражданство хотѣло также избавиться отъ другихъ стѣсненій, прямо происходившихъ отъ преобладанія шляхетскаго сословія въ Польскомъ государствѣ. Инструкція указываетъ на безпорядокъ, происходящій въ городѣ отъ размноженія мелкихъ частныхъ юрисдикцій, и велитъ посламъ хлопотать объ ихъ уничтоженіи, такъ чтобы оставались только три юрисдикціи: городская („мѣстская“), епископская и воеводская въ замкѣ. Далѣе высказывается горькая жалоба на то, что домы и каменицы, принадлежащія шляхтѣ, не несли ни какихъ городскихъ повинностей, что, напротивъ, шляхта, въ нихъ живущая, своевольничала, презирая городское управленіе и обижая его служителей. Виленскіе мѣщане желали, чтобы впредь этого не было, чтобы шляхта, имѣющая домы въ городѣ, участвовала наравнѣ съ прочими въ общихъ тягостяхъ, особенно въ дѣлѣ укрѣпленія и обереганія города, и чтобы шляхтичъ, совершившій преступленіе въ чертѣ города и его предмѣстьевъ, подлежалъ суду городскому. Точно также, или еще болѣе, Виленскіе граждане въ прошлое время очень много терпѣли отъ депутатовъ Литовскаго (судебнаго) трибунала, какъ какъ городское управленіе обязано было отводить имъ квартиры на время судебныхъ засѣданій; депутаты обык-

[62]) «Археографическій Сборникъ» IV, 90.

[63]) Записки игумена Ореста: «Археографическій Сборникъ» II, 13.

новенно обнаруживали заносчивыя притязанія, не хотѣли довольствоваться отводимою квартирой, силою и гвалтомъ занимали домы, которые имъ болѣе нравились, выгоняя изъ нихъ не только жильцовъ, но и самого хозяина. Было желательно, чтобы на будущее время каждое воеводство и повѣтъ выстроили на собственный счетъ домы для своихъ депутатовъ. Точно также въ настоящее время было бы желательно, чтобъ царскіе послы и гонцы, присылаемые въ городъ, получали помѣщенія съ-вѣдома магистрата, а не становились гдѣ попало, какъ это иногда дѣлается теперь, не смотря на то, что воеводою одинъ разъ навсегда указаны нужныя квартиры.

Магистратъ Виленскій просилъ Алексѣя Михайловича и объ интересахъ заграничной Виленской торговли. Не мало терпѣла она прежде и *теперь терпитъ* отъ Прусскаго правительства, которое, вопреки старымъ договорамъ, взимаетъ разныя тяжелыя пошлины и поборы съ товаровъ, отправляемыхъ водою въ Королевецъ; сверхъ того, случалось, что когда Виленскіе купцы, не успѣвъ продать своего товара въ Королевцѣ, хотѣли идти съ товарами въ Гданскъ (Данцигъ), то имъ этого не позволяли, задерживали въ городѣ, начинали таскать, подъ разными предлогами и вопреки всякому праву, по мѣстнымъ судамъ. Магистратъ просилъ чрезъ своихъ пословъ, чтобы царь Алексѣй Михайловичъ вступился въ это дѣло и написалъ курфюрсту Прусскому. Въ интересахъ той же торговли по Виліи и Нѣману было желательно уничтоженіе „язовъ" и разныхъ другихъ препятствій для судоходства по этимъ двумъ рѣкамъ.

Наконецъ, высказывались желанія и сѣтованія, прямо касающіяся русскаго управленія въ городѣ и русскихъ порядковъ. Магистратъ жаловался на вновь пришедшихъ въ Вильну московскихъ солдатъ, съ которыми, какъ мы видѣли, не безъ труда справлялся воевода князь Шаховской, и которые сильно своевольничали, обижали жителей, разбивали домы и т. д.; офицеры, по словамъ инструкціи, не только не даютъ ни какой управы противъ безпорядковъ, но не допускаютъ и воеводу принять нужныя мѣры. Нужно было просить, чтобы солдаты стояли не въ городѣ, а въ предмѣстьяхъ, и чтобы судъ надъ ними принадлежалъ воеводѣ, князю Шаховскому, а не нѣмецкимъ и шотландскимъ офицерамъ. Очень разорительны были для Виленскихъ купцовъ русскія (мѣдныя) деньги, которыя послѣ, какъ извѣстно, вызвали бунтъ въ самой Москвѣ. Точно такъ, какъ въ другіе русскіе города, мѣдныя ассигнаціи были присланы и въ Вильну, съ объявленіемъ, что всякій долженъ принимать ихъ подъ страхомъ тяжелаго наказанія. Магистратъ Виленскій утверждалъ, что эти деньги поведутъ мѣстное населеніе къ голоду, потому что окрестная шляхта и купцы, узнавъ объ нихъ, перестанутъ привозить въ городъ не только хлѣбъ и овощи, но и всякіе товары. Не хотѣли также Виленскіе купцы, чтобы Московское правительство вызывало изъ Вильны ремесленниковъ, которыми она славилась, въ свою столицу; потому что городъ Вильна, подобно иностраннымъ городамъ, стоитъ именно купцами и ремесленниками, и какъ купецъ безъ ремесленника, такъ и ремесленникъ безъ купца не можетъ обойтись. Слухъ о томъ, что ремесленниковъ берутъ на Москву, уже повредилъ купечеству, такъ какъ многіе рабочіе, удалившіеся изъ города во время повѣтрія, теперь не возвращаются, именно изъ опасенія быть отправленными въ царскую столицу [64]). Можно думать, что эта жалоба, равно какъ и другія, была принята къ свѣдѣнію. Когда царю Алексѣю Михайловичу, большому, какъ извѣстно, любителю соколиной охоты, понадобились колокольчики для соколовъ и кречетовъ, то онъ послалъ къ своему воеводѣ князю Шаховскому деньги, на которыя тотъ долженъ былъ купить или заказать у Виленскихъ купцовъ двѣ тысячи колокольцовъ, а не приказалъ выслать для этого мастеровъ въ Москву, что при такой значительной потребности въ колокольцахъ было бы, пожалуй, довольно естественно. Впрочемъ, оказалось, что и въ Вильнѣ въ лавкахъ у купцовъ колокольцовъ присланнаго изъ Москвы образца не оказалось, равно какъ и мастеровъ, способныхъ исполнить заказъ: такъ, по крайней мѣрѣ, объявили Виленскіе

[64]) Что ремесленники дѣйствительно брались изъ Вильны на Москву, см. объ этомъ Акты историч. IV, 292.

купцы, приглашенные по этому случаю княземъ Шаховскимъ въ съѣзжую избу. Пришлось посылать нарочно двухъ Виленскихъ мѣщанъ въ Королевецъ, откуда Виленскіе купцы прежде получали этотъ, теперь не имѣющійся въ наличности, товаръ; но и въ самомъ Королевцѣ нашлось неполное число, а только 1818 колокольцовъ [65]).

Указывая на печальное состояніе, въ которомъ находятся теперь ратуша, гостиный дворъ, войтовскій домъ и темныя лавки, магистратъ просилъ, чтобы для ихъ возстановленія, ему позволено было брать лѣсъ въ казенныхъ пущахъ (Вершупской, Роканцишской и Лаваришской). Точно также магистратъ желалъ, чтобы на этотъ предметъ обращены были доходы съ многочисленныхъ пустыхъ домовъ, оставленныхъ хозяевами послѣ завоеванія и отдаваемыхъ теперь воеводою въ наемъ за ежемѣсячную плату. Домы и всякое имущество, остающееся послѣ смерти горожанъ, неимѣющихъ наслѣдниковъ или почему-либо выбывшихъ изъ города, должны были, по мнѣнію Виленскаго магистрата, идти въ его пользу. Такъ какъ прежнія казенныя мельницы на рѣкѣ Виліи и Вилейкѣ („королевскій млинъ") перешли теперь въ царскую казну, то магистратъ ходатайствовалъ, чтобы плата за помолъ муки оставалась прежняя, ибо послѣдовавшее возвышеніе ея при теперешнемъ бѣдственномъ положеніи Виленскихъ мѣщанъ очень для нихъ тягостно. Заботясь о возстановленіи Зеленаго моста, сожженнаго Радивиломъ въ 1655-мъ году, магистратъ просилъ, чтобы на это обращена была плата за перевозъ, устроенный и содержимый воеводою, тогда какъ въ настоящее время она шла въ царскую казну.

Въ заключеніе всего посламъ поручалось ходатайствовать предъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ о томъ, чтобы не былъ смѣняемъ теперешній Виленскій воевода. Князь Михайло Семеновичъ Шаховской, и самъ, и чрезъ своего помощника Илью Григорьевича Монастырева, царскаго капитана и судью города Вильны, оказываетъ, по свидѣтельству нашего документа, всякую справедливость горожанамъ противъ военныхъ и другихъ людей, не вмѣшивается въ мѣстные городскіе суды и вообще самъ не дѣлаетъ ничего, что бы было вредно для города. Не только это свидѣтельство, но и всѣ другіе признаки указываютъ на то, что Шаховской въ самомъ дѣлѣ пользовался расположеніемъ мѣстнаго населенія, что заботы его о порядкѣ и безопасности были вполнѣ оцѣнены въ Вильнѣ. На Пасхѣ того же 1658-го года, въ которомъ была отправлена депутація въ Москву, Виленскіе бурмистры и райцы при поздравленіи поднесли князю Михайлу Семеновичу пирогъ французскаго тѣста, два гарнца вина и столько же горѣлки гвоздиковой [66]).

Замѣчательно, что во всей инструкціи, среди многочисленныхъ всякаго рода просьбъ, жалобъ и сѣтованій, нѣтъ ни малѣйшаго намека на какія-либо религіозныя притѣсненія, между тѣмъ какъ, незадолго предъ составленіемъ магистратскаго наказа, принята была извѣстная намъ мѣра относительно уніи и уніатовъ, и среди лицъ, приложившихъ свои руки къ документу, были, безъ сомнѣнія, уніаты, равно какъ и православные; большинство составляли, очевидно, католики, у которыхъ уніаты, повидимому, могли найти всякую поддержку. Девять человѣкъ (изъ 56-ти) подписали свои имена по-русски. Среди ихъ мы встрѣчаемъ знакомыя намъ фамиліи зажиточнаго Виленскаго купечества: Красовскихъ, Хоролькевичей, Сенчилъ; отцы или дѣды, носившіе эти фамиліи въ началѣ столѣтія, стояли во главѣ самыхъ ревностныхъ борцовъ за православіе противъ митрополита Ипатія Потѣя и его покровителя короля Сигизмунда [67]). Впрочемъ, и среди подписей съ латинскимъ шрифтомъ нѣкоторыя принадлежатъ лицамъ, оставшимся до сихъ поръ вѣрными православію, такова, напримѣръ, подпись Прокопа Дороѳеевича, райцы Виленскаго, имя котораго еще встрѣтится намъ послѣ, въ послѣдней тяжбѣ православныхъ Виленскихъ гражданъ за свои древнія права. Такого рода подписи, какъ Bazyli Sidorowicz kupiec Wil., Hrehory Moroz,

[65]) Акты историческіе IV, 267.

[66]) Бурмистровскія книги Виленскаго магистрата: Kraszewski, Wilno III, 238.

[67]) См. «Памятники Русской Старины въ Западныхъ губерніяхъ», вып. V, 66 и 67 и passim. Также «Археографическій Сборникъ» VI, 139, 216, 323.

конечно принадлежатъ бывшимъ уніатамъ, „зоставшимъ“, по указу царскаго величества, въ православную вѣру. Католики легко узнаются по именамъ Станислава, Бартоша и подобнымъ. Если, повторяемъ, въ инструкціи Виленскаго магистрата, не смотря на присутствіе въ его средѣ и въ средѣ цеховыхъ старшинъ—католиковъ и бывшихъ уніатовъ, не находимъ мы ни какой попытки вступиться за унію, то это объясняется весьма естественнымъ равнодушіемъ къ ней самыхъ ея исповѣдниковъ свѣтскаго званія.

Мы не имѣемъ ни какихъ свѣдѣній о томъ, ка́къ была принята въ Москвѣ депутація Виленская и какое послѣдовало рѣшеніе на ея представленія. Скоро за тѣмъ — лѣтомъ 1658-го года — положеніе дѣлъ относительно избранія царя Алексѣя Михайловича на польскій престолъ стало разъясняться въ смыслѣ совершенно неблагопріятномъ. Давно обѣщанный поляками сеймъ долженъ былъ наконецъ открытьсч въ Варшавѣ 30-го іюня (ст. ст.). Въ началѣ мая (именно 9-го числа) разосланы были королемъ Яномъ универсалы на предварительные сеймики, въ которыхъ объявлялось, что сеймъ назначается для разсужденія о средствахъ и условіяхъ соединенія царства Московскаго съ королевствомъ Польскимъ, дабы два народа, мало различающіеся вѣрою, языкомъ и обычаями, впредь могли жить въ мирѣ и быть страшными постороннимъ непріятелямъ [68]). Но слухи, которые доходили до Москвы о расположеніи умовъ въ Коронѣ Польской, заставляли сильно сомнѣваться, что сеймъ будетъ дѣйствительно заботиться о достиженіи предполагаемой цѣли; въ Москвѣ знали о разладѣ между панами Литовскими, которые въ большинствѣ дѣйствительно желали остаться вѣрными своимъ обѣщаніямъ, даннымъ на Виленской коммиссіи, и между коронными панами, которые тянули къ Австріи или Франціи и желали лучше заключить миръ со Шведами, чтобы не бояться болѣе Московскаго оружія. Уже въ маѣ 1658-го года отправлены были изъ Москвы въ *Вильну* великіе и полномочные послы—бояре князь Никита Ивановичъ Одоевскій, Петръ Васильевичъ Шереметевъ, князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Волконскій и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ для новаго съѣзда съ польскими коммиссарами [69]), которые будутъ назначены сеймомъ. Въ ожиданіи открытія оффиціальныхъ переговоровъ, послы вступили въ сношенія съ гетманомъ Литовскимъ Павломъ Сапѣгою и старались добиться отъ него положительнаго отвѣта—отступится-ли въ крайнемъ случаѣ онъ самъ и другіе Литовскіе паны отъ коронныхъ своихъ товарищей и рѣшатся-ли они, въ случаѣ несогласія коронныхъ пановъ на избраніе Алексѣя Михайловича въ короли польскіе, принять подданство великаго государя по своему договору? Сапѣга отвѣчалъ, что какъ кто хочетъ, а онъ не отступитъ. Нѣсколько иначе, повидимому, смотрѣлъ на дѣло другой гетманъ, Гонсѣвскій. Онъ давалъ знать въ Москву о своемъ желаніи, равно какъ о желаніи всего посполства великаго княжества Литовскаго, выбрать на Корону Польскую и на великое княжество Литовское великаго государя царя, хотѣлъ учинить объ этомъ договоръ и укрѣпиться письмомъ съ полномочными московскими послами, съ тѣмъ чтобы гетманы съ этимъ договоромъ могли поѣхать на сеймъ; если король и Корона Польская по этому ихъ договору сдѣлать не захотятъ, то Гонсѣвскій готовъ былъ обѣщать за себя и за все посполство Литовское, что они королю въ подданствѣ откажутъ и съ Короною Польскою въ соединеніи не будутъ, а учинятся въ подданствѣ у великаго государя, царя Московскаго, по своему договору. Но и Гонсѣвскій ставилъ при этомъ разнаго рода предварительныя условія: не говоря о 100,000 червонныхъ и городѣ Могилевѣ, чего онъ желалъ для себя, гетманъ требовалъ, чтобы, при переходѣ княжества Литовскаго подъ власть Алексѣя Михайловича, Волынь, Подолье и Подляшье были присоединены къ Литвѣ. На такія заявленія полученъ былъ отвѣтъ изъ Москвы, чтобы гетманы съѣхались въ Вильнѣ съ послами Одоевскимъ, Шереметевымъ и т. д. и договорились немедленно о доброначатомъ дѣлѣ. Но, вмѣсто Вильны, гетманы отправились на Варшавскій сеймъ. На сеймѣ всетаки было сдѣлано предложеніе объ избраніи Алексѣя Михайловича въ преемники

[68]) Kochowski, Annal. Polon. climact. II, 295. Raczyński, Histor. panow. Iana Kazim. I, 346.

[69]) Соловьевъ, XI, 50.

Яну Казиміру. Но въ отвѣтъ на это раздался протестъ католическаго духовенства, что оно согласится на избраніе царя не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы онъ принялъ католичество. Король Янъ Казиміръ велѣлъ обнародовать этотъ протестъ по всему королевству [70]). Сверхъ того, сдѣлалось извѣстнымъ, что Поляки ведутъ переговоры съ козаками; на самомъ сеймѣ явились, въ противность договору съ Хмѣльницкимъ, отдѣльные послы отъ Малороссійскаго гетмана Выговскаго. Депутаты Варшавскаго сейма, обнадёженные возможностью присоединить Украйну къ Польшѣ, прервали, подъ предлогомъ мороваго повѣтрія, засѣданія и ограничились единственно тѣмъ, что опять обѣщали Московскимъ посламъ назначить коммиссію для разсужденія о томъ, на какихъ началахъ обѣ державы могутъ приступить къ соединенію. Царскіе послы на сеймѣ поняли, что Поляки только хотятъ протянуть время, а царь Алексѣй Михайловичь получилъ отъ пословъ донесеніе о совершенномъ нежеланіи Поляковъ избирать его на польскій престолъ. Прошелъ мѣсяцъ. Измѣна Выговскаго сдѣлалась совершенно явною: 6-го сентября состоялось знаменитая Гадячская рада, на которой устроено было соединеніе Украйны съ Польшей, оказавшееся такъ непрочнымъ впослѣдствіи.

Между тѣмъ Одоевскій съ товарищами напрасно ожидалъ въ Вильнѣ польскихъ коммиссаровъ. Въ сущности теперь слѣдовало ожидать не коммиссаровъ, а польскаго войска. Въ Москвѣ это знали, понималъ это и Виленскій воевода, князь Шаховской. Въ маѣ и іюнѣ онъ получилъ значительныя денежныя суммы, для выдачи жалованья полковымъ начальникамъ и солдатамъ. 8-го мая (1658) съ виленскимъ челобитчикомъ Васильемъ Крюковымъ было прислано денежной казны шестьсотъ девять рублей, двадцать три алтына и двѣ деньги, хотя все это мѣдною монетою,—для раздачи солдатамъ, 871-му человѣку, на шубы, по три алтына и по двѣ деньги на человѣка. 12-го іюня воротился изъ Москвы въ Вильну капитанъ Гуго Крафертъ и привезъ государевой денежной казны тысячу десять рублей на жалованье полковникамъ пяти полковъ по сорока рублей человѣку, подполковникамъ по пятнадцати рублей, маіорамъ по десяти и т. д. [71]) Въ тоже время Шаховскому было дано приказаніе озаботиться починкою и исправленіемъ всякаго рода оружія, находящагося въ Вильнѣ: рейтарскихъ, драгунскихъ и солдатскихъ ружей, карабиновъ и мушкетовъ; воевода роздалъ работу Виленскимъ мастеровымъ людямъ и велѣлъ имъ чинить на-скоро, чтобы все было къ стрѣльбѣ готово [72]). Въ іюнѣ прибыли въ Вильну на царскую службу Вятчане въ числѣ 1792 человѣкъ и были распредѣлены по пяти полкамъ; важно было то, что Вятчане, хотя пришедшіе и въ неполномъ числѣ (послано было 2000 человѣкъ) вооружены были ружьями, но только у 855 человѣкъ не было банделеровъ [73]). Хлѣбные запасы въ Вильнѣ были весьма значительны, такъ что изъ нихъ въ іюлѣ отпущено было немалое количество провіанта Московскимъ стрѣльцамъ князя Юрія Долгорукаго, одного изъ воеводъ, отправленныхъ царемъ на Литву для охраненія завоеванныхъ областей [74]). Въ виду ожидаемаго возобновленія польской войны, подъ начальство Долгорукаго должны были поступить и тѣ пять солдатскихъ полковъ, которые стояли въ Вильнѣ съ февраля мѣсяца (1568 г.), равно какъ и шляхта Виленскаго и другихъ повѣтовъ, внесенная въ именные крестоприводные списки, а также всѣ военные запасы. У князя Шаховскаго остались только три старыхъ полка Василья Кунингама, Ѳедора Фелдера и Юрія Англера, составлявшіе Виленскій гарнизонъ, повидимому, съ 1655-го года и сильно пострадавшіе отъ моровато повѣтрія 1657-го года; кромѣ того, изъ этихъ полковъ, по приказанію изъ Москвы, нѣкоторое количество солдатъ было перечислено въ другіе полки для ихъ пополненія. Такъ что во всѣхъ трехъ полкахъ здоровыхъ и больныхъ солдатъ оставалось въ Вильнѣ только 521 человѣкъ. Это обстоятельство начинало сильно тревожить князя Михаила Семеновича Шаховскаго. Въ половинѣ іюля, когда уже не было почти сомнѣнія о разрывѣ перемирія съ Польшей, онъ билъ челомъ царю Алексѣю Михайловичу,

[70]) Протестъ католическаго духовенства отъ *26 (16) іюля* 1658-го года.—Theiner, Documents historiques № 13,—p. 35.

[71]) Акты историч. IV, 264.

[72]) Ibid. IV, 265.

[73]) Акты историч. IV, 268.

[74]) Акты историч. IV, 270.

что съ такими слабыми силами онъ не будетъ въ состояніи защищать Вильну въ случаѣ непріятельскаго нападенія, что въ городѣ отъ всякихъ воинскихъ людей сидѣть будетъ страшно и отъ всякаго недруга опасенья держать не съ кѣмъ, и чтобы надъ городомъ отъ непріятеля не учинилось какой порухи. Въ томъ же самомъ смыслѣ отправили челобитную и полковникъ Кунингамъ съ подполковниками Вилимомъ Кашкинымъ (sic) и Юріемъ Дефромъ. Они доносили, что имъ на государевой службѣ быть стало не съ кѣмъ, и противъ государевыхъ непріятелей города одержать будетъ не въ мочь, потому что и на треть прясла городоваго людей поставить некого, а городъ большой [75]). Пятьдесятъ человѣкъ Великолуцкихъ козаковъ, также стоявшихъ въ Вильнѣ, не могли считаться важнымъ подкрѣпленіемъ [76]). Слабость Русскаго гарнизона, охранявшаго Вильну, была извѣстна Полякамъ и Литовскимъ панамъ, отказавшимся послѣ Варшавскаго сейма отъ мысли о соединеніи съ Московскимъ государствомъ; они рѣшились, поэтому, сдѣлать попытку воротить Литовскую столицу изъ-подъ русской власти и хотѣли достичь цѣли не совсѣмъ честнымъ и прямымъ способомъ.

Одоевскій съ товарищами напрасно прождалъ польскихъ коммиссаровъ, которыми назначены были Сапѣга, Гонсѣвскій и Виленскій католическій епископъ Янъ Завиша, до самаго августа мѣсяца. Князь Юрій Долгорукій, стоявшій съ своимъ войскомъ подъ Вильною, видя, что всякіе сроки прошли, и полагая, что война уже началась, двинулся на Жмудь и началъ враждебныя дѣйствія. Подъ Ковною напали на него войска, состоявшія подъ начальствомъ гетмана Корвина Гонсѣвскаго; Долгорукій, если вѣрить Польскимъ извѣстіямъ, потерпѣлъ пораженіе и возвратился къ Вильнѣ, гдѣ расположилъ свои войска по обоимъ берегамъ рѣки Виліи [77]). Между тѣмъ, лишь только Одоевскій выѣхалъ изъ Вильны, въ тотъ же самый день (6 августа) сюда прибыли гонцы съ вѣстью, что коммиссары ѣдутъ въ Вильну. Одоевскій не хотѣлъ возвращаться и велѣлъ сказать, что царскіе послы жили въ Вильнѣ безъ дѣла семь недѣль, что время съѣзда миновало по ихъ коммиссарской проволочкѣ, такъ чтобы они уже къ Вильнѣ не ѣздили [78]). Но потомъ Одоевскій получилъ изъ Москвы царскую грамоту съ приказаніемъ воротиться въ Вильну и пригласить туда коммиссаровъ для добраго дѣла. Одоевскій это исполнилъ, но теперь опять Польскіе коммиссары стали проволакивать время, а между тѣмъ литовскіе ратные люди Павла Сапѣги начали бить, грабить и въ полонъ брать государевыхъ людей. Съѣздъ однако состоялся 16-го сентября подъ самыми стѣнами Вильны, съ большими предосторожностями съ той и другой стороны; Литовскіе гетманы дали клятвенное обѣщаніе, что они приведутъ съ собой не болѣе трехъ сотъ человѣкъ [79]). Сентябрь мѣсяцъ прошелъ въ безполезныхъ спорахъ и съѣздахъ. Польскіе коммиссары ставили необходимымъ условіемъ избранія царя въ короли возстановленіе Поляновскаго договора и грозили, что если царское величество завоеванныхъ городовъ и земель не захочетъ отдать, то они отыщутъ ихъ войною [80]). Въ тоже время послы получили съ разныхъ сторонъ извѣстіе о непріязненныхъ дѣйствіяхъ Литовскихъ войскъ: Гонсѣвскій, вопреки обязательству, привелъ въ *Верки*, мѣстечко находящееся въ пяти верстахъ отъ Вильны [81]), военный отрядъ въ тысячу человѣкъ [82]), оба гетмана явно придвигались къ Вильнѣ съ военными силами, ратные люди ихъ хватали и били Русскихъ и наконецъ залегли всѣ пути. Когда Долгорукій былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ [83]), коммиссары начали говорить дерзко, и съѣздъ кончился. Гетманы, которые, по мнѣнію польскаго писателя [84]), для того и приняли на себя обязанность коммиссаровъ, чтобы найти возможность воротить Вильну, стояли теперь съ своими силами по обѣимъ сторонамъ рѣки Виліи, и Долгорукому, повидимому, былъ отрѣзанъ всякій путь къ отступленію [85]). Сапѣга и Гонсѣвскій уже усло-

[75]) Акты историч. IV, 270—273.

[76]) Акты историч. IV, 279.

[77]) Węsławski, Victor et victus Vinc. Corv. Gosiewski p. 33—35.

[78]) Соловьевъ XI, 53.

[79]) Węsławski p. 36.

[80]) Соловьевъ XI, 56.

[81]) Оно извѣстно своимъ живописнымъ положеніемъ и принадлежитъ теперь князю Витгенштейну.

[82]) Węsławski p. 36.

[83]) Dolgorukio — ab utrinque Lithvanicis copiis circumfuso: Węsławski pag. 37.

[84]) У Венславскаго: pag. 37:—sive quod Vilnam— *oppressam cuperent per se restitui,* legatorum munus obituri Vilnam pervenere.

[85]) Węsławski p. 38: receptus nullus.

*

вились произвести на него одновременное нападеніе. Но умный московскій воевода не далъ обмануть себя и предупредилъ враговъ [86]). 11-го октября[87]), ночью, князь Юрій Долгорукій незамѣтно приблизилъ свои войска къ лагерю Гонсѣвскаго подъ Верками; въ Литовскомъ войскѣ скоро распространилась тревога; Гонсѣвскій успѣлъ, однако, устроить своихъ въ боевой порядокъ и ринулся въ бой. Литовская конница сначала имѣла успѣхъ, замѣшала и обратила въ бѣгство ряды московскіе, но князь Долгорукій ввелъ въ дѣло два пѣхотныхъ стрѣлецкихъ полка; утомленные Литовцы не выдержали и обратились въ бѣгство. Напрасно Гонсѣвскій, сидя на конѣ, старался ободрить своихъ и остановить бѣгство; видя невозможность держаться далѣе, онъ послѣднимъ поворотилъ свою лошадь, но было уже поздно; окруженный со всѣхъ сторонъ врагами, онъ принужденъ былъ отдаться въ плѣнъ и съ торжествомъ отведенъ къ Долгорукому. Пока это происходило, Сапѣга, согласно съ планомъ прежде условленнымъ,—напалъ на Русскій военный лагерь подъ Вильною, но не могъ вызвать врага изъ-за окоповъ, а всѣ его попытки проникнуть за нихъ были отбиты. Узнавъ объ участи, постигшей Гонсѣвскаго, онъ оставилъ Русскихъ въ покоѣ [88]), и если не поплатился самъ за свой двусмысленный образъ дѣйствій, то этимъ онъ обязанъ былъ только боярскому мѣстничеству, такъ какъ князь Барятинскій отказался идти на помощь Долгорукому, ибо это было ему „невмѣстно“.

Побѣдоносный Русскій воевода почему-то счелъ, однако, за нужное отступить отъ Вильны и ушелъ къ Москвѣ, не оставивъ даже въ городѣ какого либо подкрѣпленія слабому гарнизону князя Шаховскаго. Въ Москвѣ думали, что онъ распорядился такъ неблагоразумно по внушенію князя Никиты Одоевскаго, главнаго посла въ переговорахъ съ Польскими коммиссарами, а князь Одоевскій, по выраженію царя Алексѣя Михаиловича, былъ плохой „промышленникъ“, такъ что стоило послушать, что про него „поютъ“ въ Москвѣ. Выговаривая въ любопытной грамотѣ Долгорукому за его безразсудство, царь Алексѣй Михаиловичъ писалъ, что во всякомъ случаѣ слѣдовало бы оставить въ Вильнѣ пѣхоту солдатскую, да полкъ солдатъ, да посулить бы рейтарамъ „хоть бы по сороку рублевъ“ на человѣка, а то теперь Поляки опять займутъ дороги отъ Вильны и людей взбунтуютъ; Сапѣга остался на Виленской сторонѣ, „и то добрѣ худо“: князь Никита не пособитъ „какъ Вильню сбрѣютъ и по дорогамъ пуще стараго залога поставятъ“ [89]).

Но пока Вильна еще была въ безопасности, по крайней мѣрѣ, отъ польскихъ военныхъ людей. Зимою 1658—9 года другой Московскій воевода князь Иванъ Андреевичъ Хованскій вступилъ въ Литву и встрѣтился съ Литовскимъ войскомъ, подъ начальствомъ Малтійскаго рыцаря Николая Юдицкаго. При мѣстечкѣ Мяделяхъ, Вилейскаго уѣзда, на льду замерзшихъ озеръ Мядельскихъ, произошло сраженіе. Литовцы потерпѣли сильное пораженіе; ихъ потеря была тѣмъ страшнѣе, что, во время сраженія, ледъ проломился и не мало народу потонуло въ трехъ озерахъ [90]). Это пораженіе обезпечивало пока безопасность Русскихъ въ Вильнѣ. Есть, однако, признаки, что держаться въ ней стало труднѣе, что шляхта, прежде присягавшая царю Московскому, стала теперь волноваться, думать больше о Польшѣ и королѣ Янѣ Казимірѣ. Въ Вильнѣ были около этого времени арестованы ксендзъ Казиміръ Пацъ,—подканоникъ Виленскій, ксендъ Рейнольдъ Тышкевичъ, пріоръ Виленскій, паны: Іеронимъ Пацъ и Владиславъ Рокитскій, одна панья Селистровская съ сыномъ и двое сыновей Станислава Лапы; всѣ они приняли нѣкогда подданство царя Алексѣя Михайловича, а теперь, очевидно, были ненадежны [91]). Въ

[86]) Węsławski p. 32: Sed prudens Nostrorum consilium hostis celeritate praevenit. Отецъ Венславскій, служившій при Гонсѣвскомъ и попавшій вмѣстѣ съ нимъ въ плѣнъ, былъ очевидно самовидцемъ и участникомъ всѣхъ этихъ событій, и нельзя не замѣтить, что правдивость въ ихъ описаніи дѣлаетъ ему большую честь. Коховскій (Climacter. II, 375) обвиняетъ въ вѣроломствѣ Русскихъ; по его словамъ, они нарочно хотѣли заманить гетмановъ, но Сапѣга объ этомъ догадался и т. д.

[87]) Węsławski p. 38: vigesima prima octobris—по новому стилю. У Соловьева (XI, 56) 8-го октября—невѣрно.

[88]) Węsławski p. 39 и 40. Соловьевъ XI, 57.

[89]) Все письмо Алексѣя Михайловича приведено у Соловьева XI, 57 и 58.

[90]) Węsławski pag. 67.

[91]) Акты Западной Россіи V, 106. Венславскій (pag. 67) говоритъ, что Іеронимъ Пацъ и Казиміръ Пацъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи Жмудскимъ

тоже время отъ шляхтичей, внесенныхъ въ крестоприводные списки, Виленскаго и Ошмянскаго повѣтовъ поступали въ Москву жалобы на обиды, чинимыя имъ царскими ратными людями и урядниками, жалобы на то, что мѣстности, отобранныя прежде Русскими и потомъ возвращенныя по царской милости присягнувшимъ, не приносятъ и половины прежняго дохода, указывали на какого-то ксендза и каноника Виленскаго Томаша Гурскаго, который былъ опозоренъ и ограбленъ паномъ Кисаревскимъ, поступившимъ на царскую службу и получившимъ чинъ полковника, ходатайствовали за другого пана Самойла Дерналовича, котораго оскорбили и обобрали люди короля Польскаго, какимъ-то образомъ пробравшіеся въ Вильну [92]).

Но былъ другой врагъ, неумолимый и неотвратимый. Виленское городское населеніе и русскіе ратные люди, уже разъ испытавшіе ужасы мороваго повѣтрія (1657), снова подверглись имъ въ 1659-мъ году. Лѣтописецъ іезуитскаго ордена въ Литвѣ разсказываетъ о разныхъ знаменіяхъ, которыя заранѣе предрекали городу о новой казни, ему готовившейся. Сосновое дерево, срубленное на Лукишкахъ однимъ Русскимъ, брызнуло кровью и окропило ею лицо и одежду Московита; въ пустомъ и оставленномъ каѳедральномъ соборѣ св. Станислава вдругъ возсіялъ свѣтъ и озарялъ всѣ алтари впродолженіи нѣсколькихъ дней и ночей [93]). Новое появленіе страшной гостьи было тѣмъ гибельнѣе для населенія, что повальная болѣзнь явилась въ сопровожденіи голода. Хлѣбные запасы, собранные для русской арміи, истощилися отчасти вслѣдствіе мѣстнаго потребленія, отчасти вслѣдствіе раздачи войскамъ князя Юрія Долгорукаго и отправки въ другіе города, гдѣ стояли полки русскіе, напримѣръ въ Ковну. Можно также подумать, что опасенія, которыя недавно поручено было высказать въ Москвѣ Виленской депутаціи, оправдались на самомъ дѣлѣ, и что мѣдныя деньги привели, какъ это предсказывалось, къ прекращенію всѣхъ торговыхъ сношеній Виленскаго купечества съ окрестною шляхтою и крестьянствомъ. Но, помимо этого, главною причиною голода были съ одной стороны польскія войска, теперь расхаживавшія по Литвѣ, а съ другой стороны страхъ и боязнь, мѣшавшія окрестнымъ жителямъ ѣхать въ зачумленный городъ. Какъ распоряжались въ Литвѣ польскіе жолнеры, объ этомъ можно судить по тому, что̀ дѣлалось въ имѣніяхъ князя Богуслава Радивила. Вотъ что̀ пишетъ ему его управляющій (въ маѣ 1661-го года): „наши войска собираютъ въ шляхетскихъ домахъ провіантъ; если не находятъ хлѣба, послѣдній скотъ забираютъ, самихъ же шляхтичей и шляхтянокъ бьютъ и вообще дѣлаютъ что̀ хотятъ. Что̀ бы ни подвернулось имъ подъ руки или что̀ глазъ завидитъ, все забираютъ“ [94]). Дерзкіе грабители съ цѣлью ограбить своихъ соотечественниковъ являются въ другой разъ подъ видомъ Русскихъ, нарочно кричатъ по русски, и дѣлаютъ то, чего не дѣлали сами Русскіе [95]) и т. д.

Голодъ и зараза, которые свирѣпствовали въ Вильнѣ, сопровождались, по словамъ Ростовскаго, почти невѣроятными ужасами. Умирающіе валялись на площадяхъ и улицахъ, умоляя проходящихъ либо о кускѣ хлѣба, либо о смерти; послѣ долгихъ и напрасныхъ воплей, иные кончали тѣмъ, что, собравшись съ силами, сами налагали на себя руку. Кто, обшаривъ всѣ ямы и углы, находилъ какую либо падаль, тотъ почиталъ себя счастливцемъ; трупъ издохшей собаки составлялъ чуть не лакомство. Грабежи и убійства, вызванныя отчаяніемъ, совершались открыто; не было при этомъ пощады знакомымъ и близкимъ роднымъ. Лѣтописецъ іезуитскаго ордена приводитъ два такіе случая: Въ одномъ семействѣ, состоявшемъ изъ трехъ братьевъ, старшій отправился на поиски за хлѣбомъ, а въ это время средній братъ убилъ млад-

епископомъ, взяты Русскими въ плѣнъ при Мяделяхъ. На этотъ разъ онъ, повидимому, ошибается.

[92]) Акты Западной Россіи V, 104. Апрѣль 1658, которымъ обозначенъ документъ, поставленъ невѣрно. Отписка Шаховскаго къ царю объ отпускѣ повѣренныхъ для принесенія жалобъ, напечатанная въ «Актахъ Историческихъ», относится не сюда, какъ думаетъ издатель «Актовъ Западной Россіи» (примѣч. стр. 5), а къ депутаціи Виленскаго магистрата (см. выше). Время документа видно изъ упоминаемой здѣсь Мядельской войны.

[93]) Rostowski, Lithuanica X, 413.

[94]) «Археографическій Сборникъ» VIII, 391.

[95]) Ibid. стр. 377, письмо отъ 9 іюля 1659 г.

шаго, чтобы не нужно было дѣлиться ожидаемою добычей. Въ другомъ домѣ, отецъ семейства, доведенный до отчаянія, вывелъ свою жену и дочь на горы и собственными руками столкнулъ ихъ въ рѣку Вилію [96]).

Съ весны 1660-го года начала грозить опасность слабому гарнизону русскому, занимавшему Литовскую столицу. Въ это время здѣсь начальствовалъ уже князь Данило Мышецкій. Въ точности неизвѣстно, когда именно новый воевода смѣнилъ князя Михайла Семеновича Шаховскаго [97]). Но въ мартѣ 1660 года грозный князь Данило уже распоряжался въ Вильнѣ. Однимъ изъ первыхъ его приказаній было—выжечь городскія предмѣстья для болѣе удобной защиты городскихъ стѣнъ [98]). въ виду, очевидно, ожидаемаго нападенія. Дѣйствительно, 29-го апрѣля, ночью, Поляки въ количествѣ тысячи человѣкъ явились подъ Вильною, овладѣли-было городомъ и бросились на приступъ къ замку, но русскіе солдаты, которые тамъ стояли, сдѣлали удачную вылазку, отбили нападеніе и даже вытѣснили непріятеля изъ города. Послѣ сдѣлалось извѣстно, что, вмѣстѣ съ польскими жолнерами, приходило подъ Вильну не мало шляхтичей, прежде присягавшихъ на подданство царю Алексѣю Михайловичу; что, наканунѣ непріятельскаго прихода, нѣкоторые изъ этихъ шляхтичей пріѣзжали подъ Вильну для провѣдываній; что какіе-то виленскіе мѣщане выходили на встрѣчу польскому отряду за пять верстъ и при этомъ разсказали, на какія мѣста въ городѣ лучше ударить; наконецъ, что, во время самаго нападенія, когда Поляки подошли къ Вильнѣ, эти мѣщане мостили для нихъ мосты, высѣкали ворота за-одно съ непріятелемъ и проводили жолнеровъ къ замку, указывая на слабыя мѣста [99]).

Такъ или иначе, но нападеніе на Вильну было отбито Русскими. За то общій ходъ дѣлъ, отъ котораго зависѣло ихъ положеніе въ Литовской столицѣ, становился все болѣе и болѣе невыгоднымъ. 1660-й годъ былъ очень несчастливъ для русскаго оружія какъ въ Литвѣ, такъ и въ Малороссіи. Въ іюнѣ былъ разбитъ Чарнецкимъ бывшій Мядельскій побѣдитель, князь Андрей Ивановичъ Хованскій, осаждавшій Ляховичи (въ Новогрудскомъ воеводствѣ). Другой русскій воевода, князь Юрій Долгорукій, побѣдитель Гонсѣвскаго и и Сапѣги при Веркахъ, снова отправленный царемъ Алексѣемъ въ Бѣлоруссію, хотя поддержалъ отчасти честь русскаго оружія, но не могъ поправить положенія дѣлъ, и самъ принужденъ былъ отступить къ Могилеву (въ сентябрѣ 1660 года). Вскорѣ затѣмъ на югѣ послѣдовалъ страшный погромъ подъ Чудновымъ, гдѣ лучшій русскій военачальникъ, бояринъ Шереметевъ, былъ взятъ въ плѣнъ со всѣмъ войскомъ. Въ Москвѣ опасались вторженія непріятеля въ самые предѣлы Московскаго государства, боялись за самую Москву.

При такихъ обстоятельствахъ, трудно было русскимъ войскамъ удерживать за собою Вильну. Если они успѣли сохранить ее за собою до конца 1661-го года, то главная заслуга и честь этого принадлежатъ мужеству и энергіи новаго Виленскаго воеводы, князя Данилы Мышецкаго. Его предшественникъ своимъ добрымъ и сравнительно мягкимъ управленіемъ успѣлъ пріобрѣсть расположеніе мѣстнаго населенія, но это расположеніе, однако оказалось непрочнымъ и малонадежнымъ. Князь Данило Мышецкій оставилъ послѣ себя въ Вильнѣ долгую память совершенно другого рода. Извѣстный до своего Виленскаго воеводства только посольствомъ въ Данію, князь Мышецкій, очевидно, принадлежалъ къ тому типу умныхъ, но надменно-суровыхъ, крутыхъ и непреклонныхъ московскихъ бояръ, которые строго смотрѣли на царскую службу, не щадили на ней себя, считая за великую честь служить царю православному, и способны были въ Крымской неволѣ плюнуть въ лицо басурманину-хану, осмѣлившемуся оскорбить ихъ чувство; люди этого закала съ презрѣніемъ и съ негодованіемъ смотрѣли на польское своеволіе и легкомысліе, не понимали, какъ можно играть однажды данною присягой, особенно если это была присяга православно-

96) Rostowski l. c.

97) Ростовскій говоритъ о назначеніи новаго воеводы при описаніи событій 1660-го года: Palatino novo substituto, longe diverso ab antecessore animo. Крашевскій совершенно ошибочно считаетъ Мышецкаго только начальникомъ замковъ и русскаго въ нихъ гарнизона. Ср. Wizerunki XXII, 219.

98) Wizerunki XXII, 79 (примѣч.). Мы уже замѣтили, что Русская церковь св. Юрія на Росѣ могла сгорѣть именно при этомъ случаѣ.

99) Соловьевъ XI, 111.

му царю. Крутыми мѣрами и жестокими казнями хотѣлъ князь Данило подавить измѣну, которую онъ испыталъ, которую видѣлъ кругомъ себя. По словамъ польскихъ писателей, онъ разсѣкалъ людей на части, стрѣлялъ ими изъ пушекъ, другихъ сажалъ на колъ. Въ тоже время, онъ съ непреклоннымъ упрямствомъ, не помышляя о сдачѣ, отбивался отъ непріятельскихъ войскъ, приходившихъ подъ Вильну, и готовъ былъ скорѣе умереть, чѣмъ войти въ переговоры съ измѣнниками. Правильная осада Вильны со стороны Поляковъ или, по крайней мѣрѣ, постоянныя и непрерывныя усилія воротить городъ—начались вскорѣ послѣ пораженія Хованскаго, въ іюлѣ или въ началѣ августа (1660 года). Въ одномъ изъ современныхъ писемъ, отправленныхъ изъ Кенигсберга въ Берлинъ отъ 7-го августа, мы читаемъ, что польскія войска добываютъ Вильну, хотя болѣе только глазами; имѣя пять полевыхъ орудій, они дѣлали приступъ къ замку, но ничего не сдѣлали, а только потеряли до ста человѣкъ убитыми, по преимуществу гусаръ [100]). Потерпѣвъ неудачу, Польскій отрядъ, которымъ начальствовалъ Михаилъ Пацъ, ушелъ, кажется, къ гетману Стефану Чарнецкому, стоявшему подъ Могилевомъ, оставивъ подъ Вильною только пѣхоту для наблюденія за русскимъ гарнизономъ. Въ концѣ октября того же (1660) года, Жиды, служившіе шпіонами у Поляковъ, распространили на Литвѣ слухи, что Русскіе сбираются выручать Вильну, что ими отправлено къ ней 5000 человѣкъ подъ начальствомъ младшаго Хованскаго [101]). Нельзя сказать положительно, оказались эти слухи справедливыми, или нѣтъ. Судя по тому, что польскіе писатели упоминаютъ около этого времени о пребываніи въ Вильнѣ Хованскаго (неизвѣстно котораго), можно думать, что князю Мышецкому дѣйствительно была подана помощь; но если она освободила городъ отъ польской осады, то развѣ на короткое время. Въ 1661-мъ году князь Данило былъ опять одинъ въ Вильнѣ, и всѣ силы, которыми онъ располагалъ, не превышали двухъ тысячъ человѣкъ, даже по свидѣтельству польскихъ источниковъ [102]). Съ такимъ незначительнымъ количествомъ въ высшей степени было трудно оберегать и защищать растянутыя на обширномъ пространствѣ городскія виленскія стѣны. Между тѣмъ на помощь къ осаждающимъ снова пришелъ обозный гетманъ Литовскій, Михаилъ Пацъ, уже знакомый съ положеніемъ дѣлъ въ Вильнѣ. Въ мартѣ онъ явился подъ стѣнами литовской столицы и снова повторилъ свою попытку войти въ городъ силой. На этотъ разъ борьба была, повидимому, упорная; оставивъ стѣны, Русскіе защищались на улицахъ и въ самыхъ церквахъ, и только послѣ отчаяннаго сопротивленія очистили городъ. Въ соборной церкви Пречистенской найдено было Поляками 86 труповъ, которые 20-го (30) марта и были закопаны на счетъ магистрата; число убитыхъ, поднятыхъ въ городѣ, было гораздо значительнѣе [103]). Тѣмъ не менѣе упорство русскаго воеводы еще не было сломлено. Онъ засѣлъ въ замкѣ и на предложеніе о сдачѣ отвѣчалъ съ верху пушечными выстрѣлами въ городъ. Лѣтописецъ литовскихъ іезуитовъ сохранилъ въ своей исторіи одинъ эпизодъ, случившійся въ іезуитскомъ костелѣ. Въ самую Великую пятницу (5-го апрѣля ст. ст.), когда народъ собравшійся въ Свято-Янскомъ костелѣ, слушалъ проповѣдь при гробѣ Господнемъ, пушечное ядро, брошенное осажденными съ горы замковой, ударило въ окно церкви и, не сдѣлавъ ни какого вреда, вылетѣло противоположнымъ окномъ; другая пуля завязла въ костельной стѣнѣ [104]). Въ этомъ пока мы

[100]) Письмо Кейданскаго старосты къ князю Богуславу Радивилу.: «Археографическій Сборникъ» VIII, 385. Можно подумать, что рѣчь идетъ здѣсь еще объ апрѣльскомъ покушеніи, но изъ предсмертнаго завѣщанія князя Мышецкаго мы знаемъ, что онъ сидѣлъ въ осадѣ, безъ пяти недѣль, полтора года, чтὸ подтверждается и счетною книгой Виленскаго магистрата: такъ какъ осада кончилась въ ноябрѣ 1661 года, то, очевидно, что начало ея должно, по счету князя Мышецкаго, относиться приблизительно къ указанному времени. Завѣщаніе Мышецкато будетъ приведено ниже; отрывки изъ счетной книги Виленскаго магистрата, гдѣ сказано, что виленскіе мѣщане полтора года содержали польское войско, см. у Крашевскаго Wilno II, 138.

[101]) Письмо изъ Кейданъ къ Богуславу Радивилу отъ 1-го ноября 1660 года: «Археографическій Сборникъ» VIII, 388.

[102]) Kochowski, Climact. II, 520. Raczynski II, 132.

[103]) Rachunki m. Wilna—r. 1661. Крашевскій, Wilno II, 135.

[104]) Rostowski X, 414. Ср. Wizerunki XXII, 97.

не видимъ ничего чудеснаго или чрезвычайнаго, но едва-ли съ такимъ же довѣріемъ слѣдуетъ относиться къ разсказу о другомъ выстрѣлѣ, который передается уже слишкомъ драматично. Когда одинъ русскій священникъ, находившійся въ замкѣ, посовѣтовалъ князю Мышецкому сдаться Полякамъ, то грозный воевода или, какъ его прозвали въ Вильнѣ, „воеводушко“—велѣлъ будто-бы этимъ попомъ зарядить пушку, и осаждающіе были свидѣтелями удивительнаго зрѣлища: раздался выстрѣлъ и въ воздухѣ среди дыма рѣяла человѣческая фигура въ широкой длинной одеждѣ и съ распущенными волосами [105]).

Восемь мѣсяцевъ держался еще князь Мышецкій въ Виленскихъ замкахъ. Во все это время уцѣлѣвшее разоренное мѣщанство обязано было содержать на свой счетъ польскіе осадные отряды; изъ счетныхъ книгъ магистрата мы видимъ, что граждане виленскіе снабжали ихъ провіантомъ и истратили на это 11,250 злотыхъ, поставили также разныхъ военныхъ запасовъ на 35,654 злотыхъ, и взяли въ Гданскѣ, Королевцѣ и Слуцкѣ въ кредитъ пороху, олова и селитры на 13,500 злотыхъ [106]) и т. д. Русскій воевода, предоставленный собственнымъ средствамъ, не терялъ духа и неутомимо работалъ надъ поддержаніемъ и развитіемъ укрѣпленій Виленскаго замка[107]). Самъ король Польскій, Янъ Казиміръ, явился въ Литвѣ осенью 1661-го года и хотѣлъ лично руководить военными осадными дѣйствіями противъ русскаго гарнизона съ княземъ Мышецкимъ[108]). 15-го (25) октября онъ прибылъ въ Вильну и остановился въ домѣ Пётровичей, который, ради этого случая, былъ заново выбѣленъ на счетъ магистрата[109]). При помощи французскихъ инженеровъ, находившихся въ его службѣ, давъ лучшее направленіе осаднымъ работамъ, король поручилъ дальнѣйшее веденіе дѣла и начальство надъ войскомъ, стоявшимъ въ Вильнѣ, генералу Конетьерру (Conetierre) и другому французу по имени де-Сенъ-Жанъ (de Saint Jean) [110]), а самъ отправился къ арміи, дѣйствовавшей противъ Русскихъ около Полоцка. Эта армія, отъ которой, какъ мы уже видѣли, жители княжества страдали едва-ли не болѣе, чѣмъ отъ русскихъ полковъ, теперь окончательно сбросила съ себя всякую узду. Жолнеры, недовольные своими начальниками, почти совсѣмъ не получая жалованья, составили такъ называемый священный союзъ (swiętobliwy wiązek), т. е. отказались признавать всякую законную власть, избрали себѣ угодныхъ вождей и сами взяли на себя заботу относительно своего содержанія и уплаты жалованья. Когда король Янъ Казиміръ потребовалъ отъ конфедератовъ, чтобы они дѣйствовали вмѣстѣ съ нимъ противъ Вильны и Мышецкаго, то священный союзъ хотя и объявилъ, что онъ готовъ содѣйствовать королю, но наотрѣзъ отказался поступить подъ его команду; одинъ ротмистръ, который убѣждалъ къ тому, былъ жестоко избитъ[111]). Между тѣмъ, пока Янъ Казиміръ находился въ Вильнѣ, конфедераты, подъ начальствомъ Жеромскаго одержали важную побѣду надъ русскимъ войскомъ князя Хованскаго около Полоцка. Въ началѣ ноября (по новому стилю) самъ Чарнецкій снова напалъ на Хованскаго и находившагося вмѣстѣ съ нимъ Ордина

[105]) Naramowski, Facies rerum sarmaticarum lib. 1, cap. 2. pag. 58. Ср. Coyer, Histoire de Jean Sobieski I, 113. Также: Żywot Bogusława Radziwiła (Z rękopismow Działyn'skiego) pag. 160.

[106]) Regestr expensow miasta Wilenskiego: Kraszewski, Wilno II, 138.

[107]) Gazette de France 1661: «de Koenigsberg, le 6 novembre, les Moscovites font incessament travailler aux fortifications — du chateau de Wilna, pour laquelle dernière place trente mille se vont joîndre aux troupes qui ont l'ordre de l'assieger». Balinski, Dawna Akademia wilenska p. 157.

[108]) Gazette de France: «De Dantzik, le 4 novembre 1661: le roi de Pologne parti de Novodwor le dix du mois—pour aller à Grodno et à Merecz assembler les troupes qui ont l'ordre de s'y rendre, et tout disposer pour l'attaque du *chateau de Vilna*, à la quelle on dit que sa Majesté Polonaise a résolu de se trouver en personne pour faire mieux reussir cette entreprise. Balinski, ibid. p. 157.

[109]) Маляру было заплачено шесть копъ грошей. Kraszewski Wilno II, p. 135 примѣч. 36. Но Крашевскій, сообщая въ примѣчаніи выписку изъ архива магистратскаго, въ текстѣ (стр. 50-я) допускаетъ ошибку, предполагая, что здѣсь говорится о пріѣздѣ короля послѣ взятія виленскаго замка. Точно также и Балинскій (Dawna akad. Wilenska p. 157) совершенно невѣрно относитъ пріѣздъ короля къ декабрю мѣсяцу.

[110]) Gazette de France. De Dantzik 21 novembre, 1661.

[111]) Kochowski, Climact. II, 520. Raczynski II, 132.

Нащокина при городѣ Глубокомъ (Głębokie); Русскіе снова потерпѣли пораженіе, при чемъ былъ убитъ одинъ сынъ Хованскаго[112]). Янъ Казиміръ, прибывшій изъ-подъ Виленскаго замка, ослѣпленный этими успѣхами, искалъ примиренія съ священнымъ союзомъ, желая вести конфедератовъ въ предѣлы Московскаго государства. Конфедераты снова не хотѣли его слушаться; они устремились въ глубь Литвы, собирая вездѣ поборы и неся разореніе. Теперь почти всѣ Польскія силы сосредоточились около Вильны. Князь Мышецкій мужественно отбивалъ всѣ приступы, но было ясно, что, несмотря на его сверхъестественную энергію, онъ не въ состояніи будетъ долго держаться: у него оставалось всего семьдесятъ-восемь солдатъ. Король, огорченный непокорностью своихъ подданныхъ и отправившійся-было въ Польшу, былъ въ Гомелѣ, когда ему дали знать о предстоящемъ паденіи Виленскаго замка. Прибывъ вслѣдствіе того въ городъ Вильну, онъ тотчасъ отправилъ къ Мышецкому Литовскаго канцлера Паца и подканцлера Нарушевича съ предложеніемъ сдаться, обѣщая для воеводы и для всѣхъ ратныхъ людей свободный выходъ къ Московскимъ границамъ съ казною и со всѣмъ имѣніемъ. Князь Данило отвѣчалъ, что онъ сдастъ замокъ, если король позволитъ ему распродать весь хлѣбъ и соль и дастъ ему подъ его пожитки 300 подводъ. Король на это не согласился, онъ не хотѣлъ позволить распродать хлѣба и обѣщалъ дать неболѣе 30 подводъ. Тогда Мышецкій, который началъ переговоры собственно только съ цѣлью выиграть время и позадѣлать гдѣ изъ пушекъ было разбито въ крѣпости, объявилъ, что хотя всѣ помрутъ, а замка онъ не сдастъ. Король велѣлъ своему войску готовиться къ приступу. Узнавши объ этомъ, князь Данило велѣлъ у себя въ избѣ, въ подпольѣ, приготовить 10 бочекъ пороху и хотѣлъ взорвать себя на воздухъ вмѣстѣ съ крѣпостью и ея послѣдними защитниками, особенно вмѣстѣ съ тѣми измѣнниками, которые уже стали роптать, требовать сдачи и сноситься съ польскими людьми. Но солдаты провѣдали объ этомъ умыслѣ; схватили воеводу, сковали и выдали его королю. Когда его привели къ Яну Казиміру, то онъ не поклонился; король, видя его гордость, не захотѣлъ самъ говорить съ нимъ, а выслалъ канцлера Паца спросить его, какого онъ хочетъ милосердія. Милосердія у польскаго короля князь Данило Мышецкій не хотѣлъ просить и былъ осужденъ военнымъ судомъ [113]) на смертную казнь. Передъ казнью читали сказку, что Мышецкаго казнятъ не за то, что онъ былъ добрый кавалеръ и служилъ своему государю вѣрно, крѣпости не сдалъ и мужественно защищался, а за то, что онъ былъ большой тиранъ и много людей невинно покаралъ[114]). Но въ своемъ духовномъ завѣщаніи, писанномъ въ тѣ торжественныя минуты, когда человѣкъ никогда не лжетъ, предъ лицемъ смерти князь Мышецкій объявлялъ, что онъ каралъ только измѣнниковъ, которые присягали царскому величеству, а потомъ стояли заодно съ его врагами. Исполненіе казни на два дня замедлилось, вѣроятно по просьбѣ тѣхъ ксендзовъ или іезуитовъ, которые нашли умѣстнымъ сдѣлать попытку обратить князя въ католичество, обѣщая спасеніе не только души, но и жизни. Данило Евфимьевичъ Мышецкій съ негодованіемъ отвергъ предложеніе[115]). Когда осужденный былъ выведенъ на мѣсто казни среди рынка (теперешняя театральная площадь), онъ попросилъ палача, чтобы онъ далъ ему нѣсколько времени; помолившись на церковь, онъ, по русскому обычаю, поклонился на всѣ четыре стороны, ударилъ теперь три поклона и въ томъ направленіи, гдѣ былъ домъ, въ которомъ стоялъ Янъ Казиміръ; когда ему замѣтили, что короля тутъ нѣтъ, то князь Данило отвѣчалъ, что это все одно, что онъ прощается съ королемъ заочно, а для этого довольно поклониться тому мѣсту, которое было ознаменовано его пребываніемъ [116]). Приговоръ былъ исполненъ собственнымъ поваромъ князя Данилы, перешедшимъ къ Полякамъ. Виленскій магистратъ заплатилъ 14 злотыхъ и 4

[112]) Kochowski, l. c. Raczynski II 136. Венславскій (Victor et Victus Vincentius Corvinus Gosiewski pag. 228) называетъ мѣсто, при которомъ одержана побѣда, Кушликами, но изъ его дальнѣйшихъ словъ видно, что это мѣсто было недалеко отъ Глубокаго. Ср. также Соловьева XI, 160.

[113]) Kochowski, Climacter II, 527. Żywot Bogusława Radziwiła pag. 160.

[114]) Соловьевъ XI, 161.

[115]) Rostowski X, 414 и Coyer, l. c.

[116]) Kochowski, Climact. II, 527. Raczynski II, 138 Żywot Bogusława Radziwiłła pag, 160.

гроша за приготовленіе эшафота и за солому хлопамъ [117]). Обезглавленное тѣло казненнаго было похоронено въ Св. Духовскомъ монастырѣ. Долго въ Вильнѣ сохранялась память о грозномъ „воеводушкѣ", долго повторялись разсказы о томъ, какъ онъ безъ головы расхаживалъ около своей могилы; многіе сами бывали свидѣтелями этого удивительнаго и страшнаго зрѣлища. Сколько мы помнимъ, и теперь еще преданіе не совсѣмъ умерло.

Виленскій замокъ былъ взятъ Поляками 22-го ноября (2-го декабря) 1661 года [118]); такимъ образомъ, власть Русскихъ держалась здѣсь шесть лѣтъ, три мѣсяца и двадцать четыре дня [119]). Князь Данило Мышецкій, осужденный 28-го, былъ казненъ 30-го ноября [120]).

Черезъ нѣсколько времени въ Москву была доставлена однимъ монахомъ духовная бывшаго Виленскаго воеводы. Мы приводимъ ее здѣсь вполнѣ [121]): крѣпкая, хотя и суровая душа московскаго боярина высказывается здѣсь съ поразительною силою. Этотъ документъ, такимъ образомъ, объясняетъ, почему въ окончательномъ итогѣ тогдашняя Москва, уступающая Польшѣ въ образованіи и въ самомъ военномъ искусствѣ, одержала, однако, верхъ надъ своею соперницей.

„7170 (1661) ноября 28-го дня. Память сыну моему князю Ивану Даниловичу Мышецкому, да женѣ моей княгинѣ Аннѣ Кириловнѣ. Вѣдайте о мнѣ убогомъ: сидѣлъ въ замку отъ польскихъ людей, въ осадѣ, безъ пяти недѣль полтора года, пріималъ будучи отъ непріятелей своихъ всякія утѣсненія и *отстоялъ* за помощію Божіею отъ *пяти приступовъ*; а людей съ нами осталось отъ осадные болѣзни только семьдесятъ восемь человѣкъ: и грѣхъ ради моихъ измѣнили семь человѣкъ Ивашка Чешиха да Антошка поваръ, да Сенка подъячей, и польскимъ людемъ о всемъ вѣдомо учинили, и отъ того стала въ замку въ полковникахъ и въ солдатахъ шатость быть большая: стали мнѣ говорити, шумомъ приходячи, чтобъ городъ польскимъ людемъ здать, и на то ихъ прошеніе уклонился, и окрачивая ихъ, выходилъ къ польскимъ *людемъ на* згоду и просилъ сроку ото дня до дня, *чтобы въ то время*, гдѣ изъ *пушекъ разбито крѣпости, въ городѣ, позадѣлать*, и ноября въ 22-й день пришли ко мнѣ полковники и начальные люди, кромѣ трехъ, которые при мнѣ стояли, и солдаты всѣ гилемъ взявъ меня связали и сковали въ желѣза, а что было какой рухляди, то пограбили все безъ остатку, и пустя польскихъ людей въ замокъ, а меня выдали польскому королю и гетманомъ окованого руками, и просили, чтобъ учинили смертную казнь безъ милосердія; а они полковники и начальные люди и солдаты и холопи наши — всѣ, кромѣ Емельяна Тяпкина да Акепсима Суворова да князя Степана Шелешпальскаго, да хорунжихъ Игнатія Подреза, да Ивана Крюка, всѣ у польскихъ людей осталися и у польскихъ людей просили службы. И королевское величество, *мстя мнѣ*, что польскихъ *его людей многихъ на приступахъ побили*, а *иныхъ измѣнниковъ, которые царскому величеству присегали*, а съ ними *противъ государевыхъ за одно стояли, и тѣхъ карали смертью*, велѣлъ меня казнити за то смертію сего числа; и тебѣ о тѣхъ измѣнникахъ вѣдати, а о долгахъ моихъ просити милосердія его государя, а о душѣ моей убогой памятку сотворити, какъ вамъ Богъ извѣститъ; *принялъ здѣсь смерть, исполняя великому государю кресное цѣлованіе и* напамятуя васъ, *не хотя вамъ и роду своему принести вѣчныя укоризны, чтобы вы службу мою напамятовали, а измѣнникомъ не называли*. За тѣмъ прошу васъ прощенія; пожалуйте простите въ чемъ виноватъ, да сами предстанете неосуждени; а сыну моему князю Ивану Даниловичу грѣшныхъ нашихъ молитвъ благословеніе; живи во страси Божіи и во всякой кротости пребывай, и у государя батюшки и матушки такожде: и матерь свою потѣшай, послушенъ буди во всемъ, ни въ чемъ не раздражай, да будешъ за то долголѣтенъ на земли, и отъ *церкви Божіей не отбывай*, да

117) Rachunki miasta Wilna. Kraszewski Wilno II, 135.

118) Meyerberg, Iter in Moscoviam p. 106: ad tertium Nonas Decembris. Węsławski. Victor et victus и т. д. pag. 229: die secunda Decembris. Балинскій и Крашевскій опустили безъ вниманія точныя показанія Венславскаго, отъ того въ ихъ изложеніи много неяснаго и запутаннаго.

119) Счетъ сдѣланъ Венславскимъ: l. c. pag. 229.

120) Это сказано въ припискѣ къ духовной князя Мышецкаго.

121) У Соловьева (XI, 161) приведенъ только отрывокъ.

насладишься по прошенію твоему всякихъ благъ, а въ будущемъ вѣцѣ получишь нетлѣнный вѣнецъ и безконечную радость. А сію память писалъ, на смертномъ часѣ сидя, я многогрѣшный Данило своею рукою; а убогое свое тѣло велѣлъ предать въ Духовомъ монастырѣ."

Въ концѣ находилась приписка, въ которой князь Данило Евфимьевичъ просилъ передать въ Москву его сыну складни; но складни взялъ какой-то панъ референдарь.

Такъ кончилъ свою жизнь русскій воевода. Совершенно инымъ образомъ знаменательна была смерть двухъ польскихъ вождей, также связанная съ исторіей Вильны: слѣдствіе анархіи и самоуправства, господствовавшихъ какъ въ польскомъ государствѣ, такъ и въ польскомъ военномъ ополченіи, она доказывала, что польскіе люди нисколько не „наказались" долгими бѣдствіями, и что возвращеніе польской власти мало обѣщало добра литовской столицѣ въ будущемъ.

По очищеніи Вильны отъ враговъ, король Янъ Казиміръ, какъ подобаетъ бывшему новицію римской іезуитской коллегіи, прежде всего вспомнилъ о святоянскихъ іезуитахъ; ихъ питомцы, укрывавшіеся въ сельскихъ іезуитскихъ имѣніяхъ, уже успѣли воротиться въ Вильну. Утѣшая юношей, не мало пострадавшихъ отъ страха и голода, король обѣщалъ имъ свою милость и усердное покровительство всему ордену: съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ меланхоліи, составлявшей принадлежность пассивной натуры Яна Казиміра, онъ идиллически вспоминалъ о томъ безмятежномъ, счастливомъ времени, когда онъ носилъ не корону и скипетръ, а іезуитское платье. 5-го декабря король присутствовалъ во храмѣ св. Казиміра при торжественномъ благодарственномъ богослуженіи, а потомъ при погребеніи одного шляхтича (Мельхіора Демута), который умеръ отъ раны, полученной въ ночномъ осмотрѣ замка, еще занятаго Мышецкимъ [122]).

Не забыто было и остальное виленское населеніе, пострадавшее гораздо болѣе іезуитовъ. Вопервыхъ, объявлена была амнистія жителямъ, которые присягали Московскому государю и теперь, вслѣдствіе понятнаго опасенія, медлили воротиться подъ власть Польскаго короля; а вовторыхъ, во вниманіе къ тяжелымъ потерямъ, понесеннымъ впродолженіе военнаго времени, изъ уваженія къ большимъ пожертвованіямъ деньгами и припасами въ пользу военныхъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ подъ Вильною, наконецъ изъ уваженія къ дорогимъ и опаснымъ услугамъ шпіонства во время осады и прямого содѣйствія при взятіи замка, — всѣ виленскіе жители были освобождены отъ военныхъ повинностей, а конституціей сейма, бывшаго въ томъ же 1661-мъ году, эта либертація была подтверждена и расширена.

Такія облегченія, безъ сомнѣнія, могли бы скоро поднять и поправить положеніе города, еслибы польскія конституціи исполнялись. Но, намъ извѣстно, они соблюдались вообще рѣдко, а теперь—какъ это было возможно, когда вблизи столицы еще стояли отряды „священной" конфедераціи, называвшейся такъ потому, что она не признавала ничего священнаго, кромѣ своей воли? Изъ счетныхъ книгъ Виленскаго магистрата мы видимъ, что Вильна продолжала платить тяжелые поборы и послѣ конституціи по требованію войска, остающагося въ „спискѣ", и даже по требованію правильныхъ военныхъ властей и отрядовъ [123]). „Связковые" или „списковые", представлявшіе настоящій бичъ Польши и Литвы, не хотѣли расходиться, пока имъ не будетъ уплачено жалованье, и висѣли надъ литовскою столицей страшною угрозой. Коммиссія, собравшаяся въ Вильнѣ въ іюлѣ 1662 года подъ предсѣдательствомъ Сапѣги и Гонсѣвскаго, для изысканія средствъ уплаты, встрѣтилась съ совершенно невозможными притязаніями конфедератскаго обоза, стоявшаго подъ Вильной — съ Жеронскимъ и Котовскимъ во главѣ. Разгулявшееся самоуправство и буйство не желало пойти на сдѣлку и воротиться къ порядку. Каково было жить за это время въ Вильнѣ, можно судить по тѣмъ сценамъ, которыхъ свидѣтелемъ былъ извѣстный баронъ Мейербергъ, возвращавшійся тогда изъ Московскаго посольства и описавшій свое пребываніе, между прочимъ, и въ Литовской столицѣ.

Императорскій посолъ въѣхалъ въ Виль-

[122]) Обо всемъ этомъ говоритъ Ростовскій.

[123]) См. Kraszewski, Wilno II, 138 и 139.

ну[124]) въ каретѣ, высланной на встрѣчу Гонсѣвскимъ, но рядомъ съ нимъ усѣлся депутатъ конфедераціи, явившійся отъ ея имени въ сопровожденіи блистательной свиты. Печально стоящія, обгорѣлыя стѣны каменныхъ зданій внутри города, груды пепла въ другихъ частяхъ,—такое зрѣлище прежде всего поразило путешественниковъ. Мейербергъ всю вину разоренія слагаетъ на московскія войска, что̀, какъ мы знаемъ, едва-ли справедливо. Католическіе храмы и монастыри, равно какъ и Троицкій монастырь, находившійся въ рукахъ базиліановъ, по его словамъ, разрушены или сожжены, или же обезображены ударами топоровъ и молотовъ,— и все это сдѣлано озлобленною ненавистью къ католической вѣрѣ московскихъ схизматиковъ: нагляднымъ доказательствомъ тому служитъ русская (Свято-Духовская) церковь, которая осталась нетронутою, и монастырь кармелитскій св. Терезы, находящійся въ сосѣдствѣ съ нею и потому переданный царемъ Алексѣемъ русской схизмѣ. Мейербергъ хотѣлъ дождаться въ Вильнѣ возвращенія гонца, отправленнаго въ Вѣну, но впродолженіе мѣсяца онъ насмотрѣлся и наслышался такихъ ужасовъ, что счелъ опаснымъ дальнѣйшее пребываніе среди народа, который, поправъ ногами всѣ права и законы, находился подъ властью самыхъ буйныхъ инстинктовъ [125]). Пьяные конфедераты приходили на дворъ посольства; одинъ шляхтичъ, изъ среды ихъ, непремѣнно хотѣлъ добраться до самого посла, а когда его не пускали, осыпалъ бранью всѣхъ и все и, обнажая свою татарскую саблю (scythico gladio), грозилъ убить перваго изъ свиты посольства, кого онъ встрѣтитъ на улицѣ. Въ другой разъ какой-то слуга знатнаго пана Глѣбовича уже не ограничился однѣми угрозами, но въ самомъ домѣ, гдѣ стояло посольство, убилъ привратницу и нанесъ четырнадцать ранъ ея мужу. Почти на глазахъ барона Мейерберга разыгралась кровавая драма, жертвою которой были Гонсѣвскій, предсѣдатель коммиссіи для уплаты жалованья войскамъ, и Жеронскій, маршалокъ конфедераціи, заподозрѣнный въ измѣнѣ „священному связку", въ готовности удовлетвориться тѣмъ возможнымъ, что̀ могло дать разоренное отечество, и чего не хотѣли конфедераты и во главѣ ихъ Котовскій. 16 ноября рано утромъ явились въ Вильну войсковые товарищи Хлѣвинскій и Новошинскій съ толпою ратныхъ людей, отправленныхъ Котовскимъ; они развѣдывали, гдѣ находятся Гонсѣвскій и Жеронскій. Отъ Невяровскаго, который былъ войсковымъ депутатомъ въ Виленской коммиссіи и самымъ злымъ виновникомъ всей смуты, они узнали, что Жеронскій находится въ монастырѣ босыхъ кармелитовъ, а Гонсѣвскій лежитъ у себя дома больной. Новошинскій отправился въ церковь, гдѣ былъ маршалокъ, и потребовалъ, чтобы тотъ ѣхалъ съ нимъ къ войску для отчета въ своемъ поведеніи среди коммиссіи. „Дайте мнѣ отслушать обѣдню" отвѣчалъ молившійся Жеронскій. Тутъ солдаты схватили его и силою повели изъ церкви. Напрасно служившій обѣдню священникъ говорилъ имъ, что этимъ они оскорбляютъ домъ Божій: солдаты обругали ксендза измѣнникомъ, вывели Жеронскаго и повезли его за городъ. У Рудницкихъ воротъ нагналъ ихъ сынъ Жеронскаго, узнавшій о судьбѣ своего отца, хотѣлъ отбить его и стрѣлялъ въ „связковыхъ"; старикъ, увидѣвъ сына, сталъ рваться и грозить, но, пораженный тяжелымъ обухомъ въ голову, упалъ, а потомъ насильно посаженный на коня, полуживой довезенъ до мѣстечка Дубны (по Гродненской дорогѣ, близъ Волпы), гдѣ съ нимъ и покончили, изрубивъ въ куски. Между тѣмъ по той же дорогѣ Хлѣвинскій везъ въ каретѣ Гонсѣвскаго, съ которымъ сидѣлъ рядомъ его духовникъ, іезуитъ Кудровскій. Предсѣдатель коммиссіи уже получилъ ранѣе предостереженіе объ участи, которая его ожидала; его прислуга оставалась на ногахъ всю ночь, шляхта, составлявшая его дворъ, не расходилась, но утромъ, когда опасность, повидимому, уменьшилась, Гонсѣвскій остался одинъ, и тогда-то, какъ старый знакомый, безпрепятственно вошелъ къ нему Хлѣвинскій и заставилъ выйти изъ дому; больной и полуодѣтый, подскарбій Литовскій окруженъ былъ на рынкѣ солдатами съ обнаженными саблями, которые повезли его черезъ городъ. Въ десяти миляхъ отъ Вильны, около мѣстечка

[124]) 13 октября 1662 года.

[125]) Periculosum nimis putavimus diutius morari inter gentes, quae tunc, omnibus conculcatis juribus, solo inconsultae ferociae suae impetu ferebantur.

Острины, встрѣтился новый отрядъ, отправленный Котовскимъ. Солдаты поровнявшись съ каретою, закричали, чтобъ Гонсѣвскій выходилъ. „Для чего выходить? спросилъ подскарбій". — Выходи, кричали солдаты ругательствами, пришелъ часъ твой!!! Гонсѣвскій вышелъ и сталъ говорить: „везите меня въ войско, потомучто по правамъ нашимъ и челядника безъ суда не караютъ, нетолько-что пана и королевскаго сенатора".—Не указывай!—закричали солдаты и хотѣли его немедленно разстрѣлять; несчастный могъ вымолить только сроку, чтобы исповѣдаться у ксендза Кудровскаго. Новошинскій, явившійся и здѣсь, да какой-то Наркевичъ нанесли первые удары. Тѣло его чрезъ нѣсколько времени привезено въ Вильну и положено въ костелѣ св. Казиміра, съ надгробною надписью [126]).

„Въ Вильнѣ теперь вездѣ страхъ и ужасъ", читаемъ мы въ современной перепискѣ. „Послѣ 16 ноября въ городъ снова въѣхало нѣсколько сотъ кавалеріи, но они не нашли, кого имъ было нужно, и воротились назадъ, потому что тѣ бѣжали. Носились слухи о казни обоихъ канцлеровъ и о другихъ случаяхъ военной расправы. При арестѣ Гонсѣвскаго присутствовали два товарища „связковыхъ" изъ короннаго войска, для наблюденія, такъ ли подвизается литовское войско, какъ они у себя; потому что и тамъ (въ Коронѣ) уже не одного пана отправили на тотъ свѣтъ" [127]). Городу, по словамъ барона Мейерберга, грозила опасность разграбленія. Австрійское посольство узнало, что его гонецъ, отправленный въ Вѣну, задержанъ конфедератами, — лошади, имущество и самыя письма отняты. Опасаясь всего худшаго, оно поспѣшило разстаться съ Литовскою столицей при помощи татарскихъ фурманщиковъ. На пути въ Пруссію, оно подверглось нападенію „связковыхъ"; одинъ изъ спутниковъ посла, сидѣвшій рядомъ съ нимъ, былъ раненъ, къ груди самого посла былъ приставленъ пистолетъ (ferrea fistula); посольство принуждено было защищаться оружіемъ [128]).

Таково было начало возстановленной польской власти. Въ 1664 году Вильна была взволнована слухами о приближеніи московскаго войска, подъ предводительствомъ князя Хованскаго, который хотѣлъ отмстить за свое прежнее пораженіе и захватить снова Литовскую столицу. Смятеніе было сильное. Въ Вильнѣ почти ежедневно производились военныя упражненія; свѣтскія и духовныя власти переселились въ замокъ; мѣщане дали клятву защищаться и никого не пускали изъ города, кромѣ женщинъ; товары также вывозили. Получены были королевскія грамоты, призывающія всѣхъ къ поголовному вооруженію и воспрещающія всякія выселенія и отлучки изъ города теперь, когда нужно было готовиться сообща къ оборонѣ его [129]). Страхъ и переполохъ оказались, однако, напрасными. На несчастье и на бѣду себѣ, Вильна осталась подъ Польскою властью.

[126]) Самый подробный и точный разсказъ представленъ въ приложеніи къ сочиненію Венславскаго: «Судебный процессъ противъ убійцъ: processus judiciarius in causa caedis Vin. Corv. Gosiewski.» — Разсказъ Мейерберга (Iter in Moskoviam p. 107 — 109) и разсказъ Дичкова, русскаго гонца (Соловьевъ XI, 169), равно какъ и другіе источники—принадлежатъ современникамъ и почти очевидцамъ.

[127]) «Археографическій Сборникъ» VIII, 395 и д

[128]) Iter in Moscowiam въ самомъ концѣ сочиненія.

[129]) «Археографическій Сборникъ» VIII, 409.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Исторія Вильны отъ 1604 до 1795 года. — Окончательное вытѣсненіе православныхъ изъ магистрата при Янѣ-Казимірѣ.—Мощи Кунцевича въ Вильнѣ. — Тяжба уніатскаго митрополита съ магистратомъ.—Упадокъ академическаго образованія и старый духъ фанатизма и насилія. — Новые подвиги іезуитскихъ питомцевъ въ этомъ смыслѣ. — Дѣло о завѣщаніи княгини Радивиловой въ пользу Свято-Духовскаго монастыря. - Жалобы уніатскихъ властей на преобладаніе православныхъ въ цехахъ.—Борьба Бржостовскаго и Сапѣги. — Вильна во время Шведской войны. — Петръ Великій въ Вильнѣ. — Рядъ бѣдствій въ началѣ XVIII столѣтія. — Братья Піары и борьба ихъ съ іезуитами. — Русскіе въ Вильнѣ (1734 г.). — Пожары 1748 и 1749 гг. — Крайній упадокъ города. — Базиліане и православная старина въ Вильнѣ. — Виленскія событія 1792—1793 годовъ. — Возстаніе. — Взятіе Вильны русскими войсками и окончательное присоединеніе къ Россіи.

Не одни только военныя бѣдствія, но и болѣе общія и глубокія причины, заключавшіяся въ органическомъ разстройствѣ Польскаго государства, объясняютъ полный упадокъ города Вильны второй половины XVII вѣка. Послѣ 1661 года, она уже не могла подняться до прежняго историческаго значенія и блеска; она почти забыта самими государями Литвы, которые прежде такъ любили жить въ старомъ Виленскомъ замкѣ. Только однажды (въ 1688 году) король Янъ почтилъ прежнюю столицу нѣсколько продлѣннымъ пребываніемъ; но онъ остановился во дворцѣ Пацовъ, потомучто старый замокъ превратился въ развалину. Не всегда благотворенъ, а для Русскаго народа почти постоянно зловреденъ и убійственъ былъ тотъ блескъ, который прославилъ въ XVI вѣкѣ берега Виліи; но, во всякомъ случаѣ, здѣсь была жизнь и движеніе, быстро усвоены были идеи протестантской реформы и еще быстрѣе отозвалась католическая реакція, не менѣе дѣятельная и предпріимчивая, чѣмъ въ остальной Европѣ; самый православный Востокъ въ столкновеніи съ этими общеевропейскими теченіями на почвѣ почти западной обнаружилъ не одну только крѣпость устоя и слабость движущей энергіи, необходимой для успѣха борьбы, а также немалую нравственную и умственную бодрость и смѣлость. Но силы истощились, вопросы не были окончательно рѣшены; нужно было вмѣшательство новаго могущества, выросшаго на сѣверѣ, чтобы такъ или иначе разрѣшить непорѣшенный вопросъ. При отсутствіи всякой новой идеи въ ея стѣнахъ, Вильна продолжаетъ жить до того срока старымъ духомъ, становится столицею католической святыни и нетерпимости, гнѣздомъ панскаго своеволія. Отголоски прежней сильной и одушевленной борьбы еще время отъ времени повторяются, и почти только это даетъ намъ право продолжать исторію города въ XVII столѣтіи и въ первой половинѣ XVIII-го; иначе Вильна не имѣетъ никакой особой исторіи, заслуживающей изложенія. Сообразно съ достоинствомъ и характеромъ предмета, мы будемъ кратки и ограничимся быстрымъ обзоромъ этого послѣдняго періода.

Не кончилась еще война съ Россіей, не освободилась еще Вильна отъ всѣхъ тревогъ и опасностей, какъ король, слѣдуя внушеніямъ іезуитовъ, обратилъ свое вниманіе и занялся очищеніемъ Виленскаго магистрата отъ некатолическихъ, прежде все-

то, православныхъ, членовъ, которые снова пробрались туда, благодаря Московскому времени. Поводъ къ тому былъ слѣдующій. Въ 1663 году магистратъ, на своемъ засѣданіи для избранія лавниковъ, вольными и согласными голосами выбралъ въ русскую лавицу пана Стефана Шитика, вполнѣ заслуженнаго человѣка, одного изъ членовъ прежде многочисленной русской городовой аристократіи: отецъ и дѣдъ его были бурмистрами [1]). Но когда Шитикъ долженъ былъ вмѣстѣ съ другими давать присягу, отъ него потребовали, чтобы прежде всего онъ отрекся отъ вѣры своихъ предковъ. Намѣстникъ Свято-Духова монастыря, игуменъ Евейскій Пахомій Савичъ протестовалъ противъ такого нарушенія старыхъ правъ Русскаго народа,—онъ ссылался на уставъ, данный Сигизмундомъ I-мъ (въ 1538 году) [2]). Хотя послѣ Кунцевича это могло уже считаться древностью, которую слѣдовало забыть, но, повидимому, Шитикъ вступилъ въ исправленіе своей должности, потомучто со стороны католиковъ (во главѣ ихъ былъ епископъ) пошли жалобы выше и далѣе, къ самому королю. Янъ Казиміръ прислалъ два рескрипта, одинъ за другимъ, Виленскому войту съ выговоромъ за пренебреженіе свободы и вольностей, данныхъ городу его предшественниками, королями Польскими. „Это насъ опечаливаетъ, и мы васъ предостерегаемъ и обязываемъ, дабы вы отселѣ не смѣли пускать въ магистратъ какихъ бы то ни было диссидентовъ". Подъ диссидентами разумѣлись протестанты и православные. Не смотря на такое странное толкованіе древнихъ привилегій, въ 1665 году состоялся новый выборъ православнаго на еще болѣе важную должность бурмистра. Избранный былъ человѣкъ почтенный и всѣми уважаемый, онъ уже 16 лѣтъ засѣдалъ въ русской лавицѣ; хотя большая часть этихъ годовъ падаетъ на время Московскаго занятія, но именно за большія услуги тогда оказанныя городу, Прокопій Дороѳеевичъ, уже извѣстный намъ своимъ посольствомъ къ царю Алексѣю Михайловичу, и былъ почтенъ новымъ, высшимъ званіемъ. Для іезуитской партіи новый бурмистръ былъ тѣмъ болѣе ненавистенъ, что его братъ или родственникъ Даніилъ Дороѳеевичъ былъ въ настоящее время настоятелемъ Виленскаго Святодуховскаго монастыря (послѣ Савича [3]); всего болѣе раздраженъ былъ Троицкій архимандритъ Маркіанъ Бѣлозоръ, всячески противодѣйствовавшій избранію въ бурмистры Дороѳеевича. Митрополитъ Гавріилъ Коленда обращался съ новыми жалобами къ королю, который отвѣчалъ угрожающимъ рескриптомъ Виленскому войту и магистрату [4]); наконецъ, уніаты и союзникъ ихъ Виленскій кустосъ Котовичъ, возмущенный въ тоже время послѣдовавшимъ выборомъ въ магистратъ одного протестанта, выхлопотали назначеніе особой королевской коммиссіи для изслѣдованія незаконныхъ поступковъ городскаго общества и добивались, чтобы Виленскій магистратъ не смѣлъ избирать и принимать православныхъ на какія бы то ни было городскія должности. Коммиссія имѣла претензію рѣшить споръ юридическимъ порядкомъ и очутилась въ большомъ затрудненіи. Документы, на которые ссылались православные, были вполнѣ ясны и несомнѣнны; а уніатамъ не могла даже помочь ихъ обычная продѣлка толковать древнія грамоты, данныя послѣдователямъ греческой вѣры, какъ относящіяся именно къ нимъ, потомучто въ одной изъ королевскихъ привилегій, данныхъ Вильнѣ, употреблено было выраженіе „схизматики", котораго отнести къ себѣ уніаты не рѣшились. Забавнымъ образомъ они утверждали, что такое выраженіе проскользнуло въ грамоту нечаянно и ко-

[1]) Сверхъ того, намъ извѣстенъ Самуилъ *Шитикъ* Залѣсскій, митрополичій намѣстникъ и старшій Свято-Духовскаго монастыря, принесшій въ 1637 г. жалобу на уніатскихъ Троицкихъ монаховъ и Дубовича. См. выше.

[2]) Акты Виленскаго Гродскаго Суда въ Виленскомъ Центральномъ Архивѣ, связка 15.

[3]) «Археографическій Сборникъ», VI, 184.

[4]) Акты Виленскаго Гродскаго Суда, связка № 38. Король пишетъ (въ 1668 году), что онъ «болѣе желаетъ искорененія схизмы, чѣмъ уменьшенія религіи греческой, состоящей въ соединеніи со Святымъ костеломъ» и, стараясь объ умноженіи и расширеніи хвалы Божіей, даетъ этотъ упоминальный листъ, чтобы магистратъ ни въ чемъ не осмѣливался нарушать или отмѣнять правъ Греческаго обряда, а держался въ своихъ засѣданіяхъ стараго порядка и не выключалъ изъ своихъ ежегодныхъ сессій *радиевъ уніатовъ*. Иначе—ему грозятъ наказанія, опредѣленныя противъ нарушителей законовъ (convulsores jurium).

варно. Чтобы загладить моральное пораженіе, которое все-таки чувствовалось, базиліанскій архимандритъ сталъ ссылаться на архивъ Троицкаго монастыря; въ немъ были документы, которые вполнѣ опровергали притязанія схизматиковъ. Но, на бѣду, этихъ документовъ нельзя было представить, ибо архивъ, ради небезопаснаго времени (въ 1664 году), былъ вывезенъ изъ монастыря, а еще больше потому, что такихъ документовъ вовсе не существовало на свѣтѣ. Коммиссія, желая доказать свое безпристрастіе и любовь къ справедливости, положила отложить рѣшеніе вопроса до своего возобновленія, которому срока не было назначено: обѣ стороны должны были *тогда* явиться сами безъ всякаго особаго приглашенія. Иначе, т. е. вполнѣ отрицательно, былъ рѣшенъ вопросъ объ избраніи протестантовъ, которые, дѣйствительно, не имѣли юридическаго права на участіе въ городскихъ должностяхъ, но могли ссылаться только на естественную справедливость, на логику и на водворившійся обычай [5]). Когда устроивалось Виленское самоуправленіе, протестантовъ не существовало, также какъ не существовало и уніатовъ, а теперь протестанты составляли значительный элементъ населенія и притомъ искали участія въ общихъ дѣлахъ, не отрицая чьихъ-либо правъ и не на счетъ другихъ.

Впродолженіе четырехъ лѣтъ уніаты отыскивали свои документы, и только въ 1670 году окончательно восторжествовали надъ православными. Въ дѣлѣ принялъ ревностное участіе митрополитъ Гавріилъ Коленда; изъ его донесенія, отправленнаго въ Римъ, всего лучше можно познакомиться съ тѣми доводами и аргументами, при помощи которыхъ іезуитско-базиліанскому союзу удалось вытѣснить православныхъ изъ ратуши. Очень любопытный отрывокъ мы приводимъ теперь вполнѣ, хотя уже ранѣе воспользовались нѣкоторыми чертами,—изъ него заимствованными. „Въ этомъ (1670) году мы покончили великую тяжбу противъ схизматиковъ и Виленскаго братства ихъ. Съ 1660 (?) года это братство предъявляло притязанія на мѣсто въ сенатѣ города Вильны. Для знакомства съ дѣломъ нужно знать, что Виленскій магистратъ состоитъ изъ 24-хъ лицъ въ званіи бурмистровъ и радцевъ, одна половина латинскаго обряда, а другая—греческаго уніатскаго: это сдѣлалось трудомъ и стараніями блаженнаго Іосафата мученика, когда онъ еще былъ Виленскимъ игуменомъ, и не смотря на ропотъ и ярость схизматиковъ, такое положеніе оставалось до послѣдняго времени. Именно ко времени Виленской коммиссіи возобновлена была схизматиками просьба, чтобы русскіе виленскіе схизматики имѣли мѣсто въ ратушѣ, но въ этомъ имъ отказано на основаніи нѣкоторыхъ привилегій св. Казиміра короля (sic). Къ чему другому клонится это притязаніе, если не къ тому, чтобы, въ званіи бурмистровъ и радцевъ виленскихъ сдѣлавшись распорядителями воротъ и ключей городскихъ, они могли отворить ворота и ввести козаковъ съ Тукальскимъ, либо Московита, какъ это удалось на самомъ дѣлѣ при разореніи города въ 1655 году? Ибо Виленскіе схизматики вмѣстѣ со своимъ духовенствомъ встрѣтили тогда вступающаго въ городъ врага московскаго духовными пѣснями, крестами и хлѣбомъ, какъ защитника православной вѣры. Чего они не сдѣлаютъ, когда совершенно спокойно будутъ избираться въ бурмистры? Есть обычай у Виленской общины посылать въ Варшаву на сеймы двухъ лицъ изъ среды магистрата, одного латынянина и другого—уніата, съ тайною инструкціей; посланные обыкновенно участвуютъ во всѣхъ совѣтахъ республики, имѣя голосъ пассивный, а не активный. Какъ же можно будетъ довѣрить это схизматицкому бурмистру? Навѣрно, съ самаго сейма онъ напишетъ о рѣшеніяхъ республики къ козакамъ на Украйну. При томъ, когда дѣлается свободною должность бурмистра или радцы между уніатами, тогда наиболѣе богатые изъ схизматиковъ, желая этой чести, обращаются къ уніи, жены и дѣти ихъ, отрекшись онъ схизмы, являются на исповѣдь и принимаютъ святое причастіе у отцовъ Базиліановъ, сами они представляютъ письменное удостовѣреніе въ своемъ обращеніи магистрату, который тогда и допускаетъ ихъ тотчасъ къ замѣщенію вакантной должности. Иногда такіе обращенные бываютъ ревностнѣе природныхъ уніатовъ. Не далѣе какъ въ прошедшемъ году обратились къ уніи трое схизматиковъ, изъ

[5]) «Археографическій Сборникъ», VI, 184. Ср. Encyklopedia Powszechna, XXVII, 86.

коихъ первый сдѣланъ бурмистромъ, второй — радцею и третій — писаремъ Виленской общины (notarius). Сверхъ того, уніатскія власти имѣютъ юрисдикцію надъ всѣми гражданами религіи греческой схизматицкой, что очень ихъ возмущаетъ" [6]). Итакъ, не древними документами и старыми правами, въ концѣ концовъ, оправдывали уніаты свои притязанія, а совершенно откровенными, даже нѣсколько безстыдными соображеніями о томъ, въ какой степени посредствомъ мірскихъ выгодъ можно оказывать давленіе на слабую человѣческую природу, и ссылались при этомъ на авторитетъ своего святаго—Іосафата Кунцевича.

Это страшное и роковое имя начинало пріобрѣтать смыслъ знамени, особенную незавидную способность вызывать фанатизмъ уніатскій и постоянно готовый рядъ мнимыхъ чудесъ. Когда Русскіе, въ началѣ Малороссійской войны, стали грозить Полоцку, мощи Іосафата Кунцевича, вмѣстѣ съ драгоцѣнною ракою (приношеніемъ Льва Сапѣги) были увезены Гавріиломъ Колендою, тогда еще коадъюторомъ митрополита Антонія Селявы. Тому же Колендѣ поручены были остатки Виленскаго католическаго патрона королевича Казиміра: соединенныя такъ знаменательно, обѣ святыни нетерпимости и изувѣрства долго странствовали рядомъ и едва не попали въ руки Шведамъ; находчивость и ловкость хранителя, успѣвшаго ихъ спасти, превратились, конечно, въ сверхъестественныя дѣйствія высшей силы. Вслѣдъ за королевичемъ Казиміромъ, но послѣ его, только въ 1667 году, и блаженный Іосафатъ посѣтилъ Вильну, возвращаясь въ свой Полоцкъ. Нужно читать, что писалъ митрополитъ Гавріилъ римской коллегіи de propaganda fide послѣ этого торжества: чудеса начались тѣмъ, что шестёрка митрополичьихъ лошадей отказалась вести святую раку, считая необходимымъ предоставить такую обязанность людскимъ силамъ, и завершились воскресеніемъ изъ мертвыхъ одного отрока! Торжество, продолжавшееся цѣлыхъ восемь дней, должно было заградить уста схизматиковъ, которые говорили, что въ серебряной ракѣ нѣтъ ничего, кромѣ камней (sic) и пепла. Какъ бы въ наказаніе за свое невѣріе, православные, живущіе противъ Троицкаго монастыря, гдѣ остановились мощи, обязаны были принять участіе въ торжественной встрѣчѣ; въ Свято-Духовскомъ монастырѣ, по предписанію властей, звонили въ колокола и палили изъ пушекъ и пищалей [7]). Іосифъ Тукальскій, православный Кіевскій митрополитъ, о которомъ говорилось выше въ донесеніи Коленды, находился въ это время въ Вильнѣ, только-что освобожденный изъ трехлѣтней тюрьмы Маріенбургской: намъ разсказываютъ, что онъ было-запретилъ звонить въ колокола въ Виленскомъ православномъ монастырѣ, но зато подвергся новому преслѣдованію со стороны уніатовъ и католиковъ и едва успѣлъ спастись тайнымъ бѣгствомъ отъ враговъ, которые его „ловили" [8]).

Въ неоднократномъ избраніи православныхъ въ городскія должности до 1670 года—нельзя не видѣть нѣкоторыхъ слѣдовъ оппозиціи противъ духовныхъ католико-уніатскихъ властей со стороны всего Виленскаго гражданства, потому что, безъ помощи католиковъ или уніатовъ, одни православные не могли бы теперь провести своихъ единовѣрцевъ въ ратушу. Въ 1668 году митрополитъ Гавріилъ принесъ въ Виленскій судъ жалобу, что магистратъ сильно обижаетъ и отягощаетъ всякими незаконными налогами и поборами Виленскихъ мѣщанъ, находящихся подъ юрисдикціею уніатскаго митрополита [9]). Въ слѣдующемъ году Коленда уже обращался съ просьбою о заступничествѣ къ верховному покровителю уніи, къ папѣ Клименту IX. „Пусть папа внушитъ своими грамотами королю и панамъ, да возстанутъ они противъ дерзновенія гражданъ Виленскихъ, которые хотятъ ограбить меня и лишить права суда надъ *мѣщанами, живущими на земляхъ русскихъ Виленскихъ церквей*. Въ прочихъ городахъ я пользуюсь правомъ меча, и они подчиняются моей юрисдикціи; одни мѣщане

[6]) Theiner, Vetera Monum. Polon. III, 600.

[7]) Theiner, Vetera Monum. Polon. III, 594: Schismatici Vilnenses— —iussi ad gloriam Iosaphat sonare campanas, uti sonarunt coacti quidem.

[8]) Записки игумена Ореста: «Археографическій Сборникъ» II, 20.

[9]) Акты Виленскаго Гродскаго Суда (выписки, сообщенныя И. Я. Спрогисомъ).

Виленскіе по внушенію нѣкоторыхъ извращенныхъ головъ пытаются нарушить права Кіевской митрополіи.— —*Тща отыдетъ* (in cassum abiret) митрополія Кіевская, если будетъ уничтожена эта юрисдикція" [10]). Папскій престолъ исполнилъ просьбу уніатскаго митрополита и прислалъ двѣ грамоты (breve)— одну королю Михаилу Вишневецкому, а другую— Николаю, архіепископу Гнѣзненскому, со внушеніемъ защитить Гавріила Коленду отъ притѣсненій Виленской общины [11]). Король, по обычаю, назначилъ коммиссію, которая на этотъ разъ состояла изъ самыхъ знатныхъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ княжества; во главѣ ея стояли А. Сапѣга, бискупъ Виленскій, и Криштофъ Пацъ, канцлеръ Литовскій. Постановленіе этой коммиссіи представляетъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ документовъ для исторіи города Вильны и въ частности— православныхъ Виленскихъ храмовъ [12]). Отсюда мы видимъ, что споръ между магистратомъ и митрополіей касался не столько сущности права, сколько его внѣшняго пространства. Разоренная и съ трудомъ оправляющаяся городская Виленская община болѣе чѣмъ когда нибудь тяготилась теперь привилегіями духовной юрисдикціи, вслѣдствіе которой значительная часть населенія, живущая на церковныхъ земляхъ, освобождалась не только отъ подсудности магистрату, но и отъ всякихъ городскихъ повинностей. Унія, разрушавшая православные храмы и созидавшая на мѣстѣ ихъ пустыри, увеличивала замѣтнымъ образомъ количество такого населенія, потому что на этихъ пустыряхъ селились люди и строились дóмы, естественно вступавшіе подъ покровъ митрополичьей юрисдикціи. Такимъ образомъ унія приносила прямой ущербъ интересамъ городскаго общества и самоуправленія: зато, наоборотъ, для уніатской іерархіи была почти желательна или, по крайней мѣрѣ, матеріально выгодна та мерзость запустѣнія. которая водворялась на мѣстѣ древней исторической русской святыни. Уже въ 1610 году Веляминъ Рутскій позволяетъ строить дóмы на землѣ Покровской церкви, а въ 1612 году Ипатій Потѣй позволилъ Виленскимъ мѣщанамъ возобновить и взять въ арендное содержаніе постройки на землѣ, которая прежде принадлежала деревянной церкви св. Николая и церкви Спасской [13]). Въ 1619 году начались столкновенія городской и митрополичьей юрисдикціи по вопросу о взаимномъ разграниченіи, и по этому поводу были наряженною коммиссіей осмотрѣны и описаны погосты запустѣлыхъ церквей Спасской, Екатерининской, Покровской, Ивановской, Михайловской, Никольской, Ильинской, Рождества Христова, Пятницкой, Никольской-Перенесенской и Воскресенской. Всѣ эти погосты были застроены домами, составлявшими церковную собственность и населены людьми, которые безспорно подлежали юрисдикціи уніатскаго митрополита; но, сверхъ того, были еще другіе мѣщане, которые жили хотя на церковной землѣ, но не на погостахъ собственно: вопроса о нихъ коммиссія 1619 года не нашла возможности разрѣшить и предоставила митрополиту обратиться къ королевскому (задворному) суду [14]). Съ большою ревностью соблюдала уніатская іерархія свои матеріальныя выгоды и тѣмъ, по крайней мѣрѣ, принесла пользу мѣстной археологіи. Стоило какому нибудь нѣмцу или же русскому маляру вырыть гробъ или нѣсколько человѣческихъ костей на мѣстѣ, гдѣ преданіе указывало существованіе древней русской церкви,—сейчасъ по требованію митрополита отправлялись туда приставы и понятые, чтобы засвидѣтельствовать вновь отысканное кладбище, слѣдовательно, церковную землю, слѣдовательно, расширеніе митрополичьей юрисдикціи [15]). Такимъ путемъ досталось намъ болѣе точное опредѣленіе мѣстности церквей пророка Иліи и Св. Михаила. Какъ велики были доходы, получаемые митрополитомъ уніатскимъ отъ запустѣнія древнихъ православныхъ храмовъ— объ этомъ можно отчасти судить на основа-

[10]) Theiner, Vetera Monum. Polon. III, 579.

[11]) Ibid. p. 588

[12]) Обнародованіе этого документа составляетъ одну изъ важнѣйшихъ заслугъ прежнихъ издателей «Археографическаго Сборника», и на сей разъ г. Елеонскаго. См. томъ II, стр. 188 — 238 и въ концѣ тома извлеченіе въ русскомъ переводѣ.

[13]) «Археографическій Сборникъ» VI, 196, 278 и 279 (№№ 85, 118 и 119).

[14]) Тамъ же, стран. 296—301.

[15]) «Археографическій Сборникъ» VI. №№ 86 и 120 (стр. 197 и 281).

ніи списка плацовъ и домовъ, принадлежащихъ Пречистенскому собору (1643 года). Одинъ маляръ по контракту, заключенному съ митрополитомъ Рутскимъ, платитъ за Никольскій плацъ 10 злотыхъ; за другой каменный Никольскій домъ вносится чиншъ въ 20 золотыхъ [16]) и т. д. Замѣтно, что ремесленники особенно любили селиться на земляхъ митрополичьей юрисдикціи, а это наносило самый существенный ущербъ городскимъ цехамъ и корпораціямъ. Между тѣмъ, уніатская митрополія постоянно расширяла свои владѣнія и еще болѣе—свои притязанія. Предѣлы городской юрисдикціи сокращались вслѣдствіе пожертвованій домовъ, которые дѣлались частными людьми въ пользу церквей. Неумѣренность притязаній Гавріила Коленды наглядно доказывается тѣмъ, что онъ домогался распространенія своей юрисдикціи даже надъ церковью и монастыремъ Свято-Духовскимъ и желалъ захватить домы Нарушевича и Кондратовича, пожертвованные православному братству, тѣмъ болѣе, что они были каменные. Виленское городское общество дѣлало только слабыя попытки привлечь мѣщанъ и ремесленниковъ, укрывающихся подъ высокою рукою митрополита, къ равномѣрному участію въ общественныхъ городскихъ тягостяхъ и повинностяхъ: митрополитъ начиналъ жаловаться на незаконные и несносные поборы. Городское общество, не оспаривая неприкосновенности правъ митрополита надъ собственно-церковными землями и погостами, хотѣло удержать свой судъ, по крайней мѣрѣ, надъ тѣми мѣщанами, которые жили на искони-городской землѣ, но только въ домахъ, пожертвованныхъ церкви или митрополиту: Гавріилъ Коленда вопіялъ, что магистратъ дерзновенно посягаетъ на его право меча. Онъ вовсе не желалъ, чтобы дѣлалось какое-нибудь различіе между застроенными церковными погостами и населенными мѣстами городской юрисдикціи, доставшимися ему по завѣщанію или дару, не хотѣлъ довольствоваться неполною поземельною податью съ этихъ послѣднихъ земель, но отнималъ у города самую существенную часть его доходовъ и, въ тоже время, увеличивалъ тягость его государственныхъ повинностей. Для митрополита все, что попало въ его „мертвую руку", все было—неприкосновенная церковная земля. Отсюда понятно, что для городскаго общества въ высшей степени важно было добиться, по крайней мѣрѣ, точнаго топографическаго опредѣленія границъ и пространства уніатской юрисдикціи. Изъ-за этого и шла борьба, рѣшить которую должна была коммиссія 1671 года. Та и другая тяжущаяся стороны напрягали всѣ усилія, чтобы склонить рѣшеніе въ свою пользу, и оспоривали шагъ за шагомъ. Митрополитъ старался вооружить себя всѣми нужными документами и чрезъ посредство короля вытребовалъ у православнаго братства и у настоятеля Свято-Духовскаго монастыря, Даніила Дороѳеевича, фундушовыя записи и другія справы, будто бы захваченныя православными во время войны и незаконно удержанныя [17]). Въ числѣ документовъ, на которые особенно опирался повѣренный Гавріила Коленды, находился и актъ разграниченія, составленный въ 1619 году. Но представитель магистрата оспаривалъ его подлинность на очень замѣчательномъ основаніи: подпись Виленскаго райцы Копьца была сдѣлана по-польски, и повѣренный магистрата утверждалъ, что Копецъ не могъ подписываться по-польски; какъ русскій райца, онъ умѣлъ подписываться только по-русски, а не по-польски [18]). Далѣе представлена была карта, составленная согласно съ разграниченіемъ 1619 года и сохранившаяся до нашего времени [19]). Коммиссары лично обозрѣли еще разъ всѣ погосты прежнихъ русскихъ церквей и на каждомъ обязаны были долго останавливаться, потомучто повѣренные, какъ сказано, спорили за каждый домъ: одинъ твердилъ, что онъ стоитъ все еще на церковной землѣ, другой доказывалъ, что здѣсь уже городской плацъ. Благодаря такому изслѣдованію, до насъ дошло точное

[16]) Тамъ же, № 138 (стр. 337). Ср. № 91 (стр. 307): реестръ прихода и расхода денегъ чиншевыхъ, братскихъ и другихъ Пречистенскаго собора въ Вильнѣ.

[17]) «Археографическій Сборникъ» VI, № 136 (стр. 331 и сл.)

[18]) «Археографическій Сборникъ», II, 192. Co do podpisu Kopcia raycy Wilenskiego, ten po polsku, iako Ruski rayca, nie umiał pisac, ale tylo po Rusku.

[19]) Въ «Актахъ гг. Вильны и Трокъ», изд. Семенова.

*

опредѣленіе мѣстоположенія 16-ти древнихъ Виленскихъ православныхъ церквей [20]).

Коммиссія, на основаніи древнихъ королевскихъ грамотъ, данныхъ Кіевскимъ митрополитамъ, признала юрисдикцію уніатскаго іерарха надъ людьми, живущими въ домахъ, построенныхъ на землѣ, на которой прежде были церкви или церковные погосты, и освободила эти до́мы, какъ церковную собственность, отъ всякихъ городскихъ повинностей и подсудности магистрату; эти люди должны каждогодно вносить митрополиту, и только ему одному, личную и поземельную подать и быть ему подсудными. Мѣщане же, живущіе въ домахъ, находящихся на городской землѣ, но пожертвованныхъ митрополитамъ, должны быть подсудны магистрату и исполнять всѣ городскія повинности; митрополиту принадлежитъ поземельный доходъ съ нихъ, только наравнѣ съ городскимъ обществомъ, и право наслѣдованія выморочныхъ имѣній. Въ этомъ отношеніи рѣшеніе коммиссіи не было вполнѣ и безусловно выгоднымъ для Гавріила Коленды. Но зато разграниченіе городскихъ и церковныхъ земель было произведено вполнѣ по указаніямъ его повѣренныхъ. Коммиссары нашли, что магистратъ не представилъ никакихъ подлинныхъ документовъ въ доказательство своихъ показаній и отвергли всѣ возраженія его уполномоченныхъ. Виленское городское общество было недовольно рѣшеніемъ Сапѣги и Паца и просило позволенія аппелировать къ королю. Но дальнѣйшій ходъ дѣла намъ неизвѣстенъ. Мы знаемъ только, что посольство, отправленное Виленскимъ городскимъ обществомъ въ Краковъ на коронацію короля Яна Собѣсскаго (въ 1676 году) и снабженное значительными подарками для вліятельныхъ вельможъ, въ числѣ другихъ городскихъ нуждъ, исчисленныхъ въ данной инструкціи, должно было хлопотать объ уравненіи городской юрисдикціи съ *митрополичьею* и съ Жидами относительно постойной военной повинности и подымнаго, о пониженіи добровольной складчины, несовсѣмъ добровольно вносимой Виленскимъ купечествомъ, посредствомъ распространенія ея на всѣ юрисдики и т. п. Не одна только митрополичья юрисдикція наносила ущербъ городу. Не говоря уже о католической епископской, о которой умалчиваетъ и самая инструкція, іезуиты, кармелиты и францискане точно также старались высвободить свои домы на городской землѣ отъ всякихъ платежей и повинностей. Все это подрывало благосостояніе городскаго общества: развивалось и усиливалось только жидовство. Мы уже указывали на то, какимъ образомъ унія содѣйствовала успѣхамъ и расширенію этого элемента въ Вильнѣ. Угнетеніе и разореніе многочисленнаго прежде православнаго купечества и мѣщанства продолжалось, и Жиды продолжали этимъ пользоваться, занимая ихъ мѣсто. Инструкція 1676 года содержитъ въ себѣ такія жалобы: „Жиды засѣли въ столицѣ (Литовской), въ самой срединѣ города, къ великому для него вреду и немалой опасности; они заняли самый рынокъ и каждый день все большими и большими толпами стекаются съ польской украйны, Волыни, Покутья, Руси. Они отнимаютъ у всѣхъ купцовъ, ремесленниковъ, у разоряющагося мѣщанства, у вдовъ всякую торговлю, забрали за себя всѣ шинки, торгуютъ солью, сельдями, воскомъ, мѣхами и другими запретными для нихъ товарами, занявши наилучшія улицы безъ всякаго законнаго на то разрѣшенія; они основались, наконецъ, не только въ самомъ городѣ, но и на предмѣстьѣ, за каменнымъ мостомъ; они держатъ христіанскую прислугу (челядь), работаютъ по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, и христіане отъ того нищаютъ" [21]). Уже при Янѣ-Казимірѣ христіанское населеніе Вильны возмутилось противъ еврейскаго наплыва и преобладанія. По словамъ одной королевской грамоты, жидамъ наносились тогда всякія обиды: „ихъ били, убивали, преслѣдовали, отнимали у нихъ все". Вслѣдствіе того король взялъ подъ свое покровительство какъ Виленскую синагогу, такъ и каждаго жида въ отдѣльности, а для вящшаго обезпеченія ихъ правъ наложилъ на магистратъ страшную заруку въ 100,000

[20]) Данныя, заключающіяся здѣсь, исчерпаны въ статьѣ г. Елеонскаго «О православныхъ Виленскихъ церквахъ» въ пятомъ выпускѣ «Памятниковъ Русской Старины въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ Имперіи». Въ нашемъ трудѣ мы нѣсколько разъ ими пользовались.

[21]) Акты бурмистро-радецкіе: Крашевскій, Wilno II, 62.

копъ грошей Литовскихъ [22]). Преемникъ Яна Казиміра, Михаилъ Вишневецкій въ началѣ своего царствованія подтвердилъ привилегіи, данныя Евреямъ [23]). Не видно, чтобы Янъ Собѣсскій дѣйствовалъ иначе; жалобы и желанія инструкціи 1676 года не принесли въ этомъ отношеніи никакой пользы.

Все приходило въ упадокъ въ древней столицѣ Литвы. Со времени Яна Казиміра падало самое просвѣщеніе и ослабѣвала умственная дѣятельность, которыми сначала все-таки отличалась Виленская іезуитская академія. Съ половины XVII вѣка іезуиты перестали заботиться о наукѣ, и уже не были такъ ревностны въ борьбѣ съ иновѣрцами, какъ были прежде. Сломивши своихъ противниковъ въ Литвѣ, которые побуждали ихъ къ дѣятельности, они совсѣмъ почти перестали писать и заохочивать къ наукамъ; а держась только старинной рутины, не хотѣли допускать въ академіи никакого новаго пріема въ ученьѣ, никакой новой науки. Среди профессоровъ не было ни одного выдающагося дѣятеля, съ тѣхъ поръ какъ сошли со сцены послѣднія ея свѣтила—два брата Кояловича (Вьюкъ и Альбертъ) [24]). Преподаваніе греческаго языка, введенное сначала, теперь было совершенно забыто; каѳедра права, учрежденная Сапѣгой, держалась только, пока былъ живъ основатель; лекціи политики, для которыхъ сдѣлано пожертвованіе Виленскимъ каноникомъ Войнаровичемъ, долгое время совсѣмъ не начинались [25]): академія пользовалась богатыми приношеніями жертвователей, не исполняя соединенныхъ съ ними обязательствъ. Свѣтская молодежь училась въ академіи собственно одной латыни въ разныхъ ея видахъ, но только не классической латыни, — она была забыта, а тому искаженному языку, который выработался въ сочиненіяхъ іезуитскихъ писателей XVII вѣка; она училась отупѣвшей философіи схоластической, убивающей молодую мысль, и такого же рода логикѣ, извращающей пустыми изворотами здравыя понятія учениковъ. Это составляло всю науку такъ-называемыхъ академиковъ; ибо исторія, которую преподавали, вовсе не была наукою, а лживою выдумкой, составленною для іезуитскихъ цѣлей и видовъ; изъ географіи и математики преподавались только скудные начатки, и притомъ — все это полатыни. Родной языкъ былъ изгнанъ со всѣхъ академическихъ лекцій; а если когда писали на языкѣ польскомъ, то хорошій вкусъ и настоящее краснорѣчіе выражались въ примѣси, по крайней мѣрѣ, на половину латинскихъ фразъ и реченій. Панегирики, щедро раздаваемые академіей и ея учениками, да еще діалоги были любимымъ и единственнымъ упражненіемъ для молодыхъ талантовъ. Въ нихъ они пріучались чудовищною, безобразною лестью снискивать панскую „ласку" и благодѣяніе людей сильныхъ—сначала для своихъ наставниковъ, а потомъ и для себя самихъ. Такіе плоды выносила многочисленная шляхта изъ іезуитской школы; а немногіе сынки всемогущихъ магнатовъ надмевались безмѣрною гордыней и самолюбіемъ, пріучаясь думать, что недосягаемая честь, воздаваемая ихъ роду и богатству, есть непремѣнная обязанность всякаго, что помимо ихъ нѣтъ никакихъ полноправныхъ существъ въ мірѣ и что въ нихъ воплощается все отечество. Цѣлая громадная библіотека можетъ быть составлена изъ этой литературы панегириковъ на въѣзды ясновельможныхъ пановъ въ Вильну, на свадьбы, родины, именины ихъ [26]).

Не ослабѣвалъ и не умиралъ въ академіи только старый духъ фанатизма, буйства и своеволія. Два событія, жертвою которыхъ поочередно сдѣлались евангелическій сборъ и православный Свято-Духовскій монастырь, доказываютъ какъ нельзя нагляднѣе эту вѣрность старымъ преданіямъ въ молодомъ поколѣніи временъ Яна Собѣсскаго. 2 апрѣля 1682 года рано утромъ толпа академической молодежи въ сопровожденіи Виленской католической черни, вооруженныя топорами, молотками и бревнами въ видѣ стѣнобитныхъ орудій, отправились за Троицкія Ворота и, безъ всякаго повода и вызова, начали осаду, а потомъ штурмъ кальвинскаго сбора. Послѣ взятія мирной крѣпости, на-

[22]) Акты Виленскаго Гродскаго Суда. (Выписки И. Я. Спрогиса).

[23]) Тамъ же.

[24]) Balinski, Dawna akademia p. 160.

[25]) Ibid p. 159.

[26]) Очень богата ими нынѣшняя Виленская публичная библіотека. Образчики см. у Балинскаго: Dawna akademia стр. 166 и слѣд., откуда мы заимствовали и характеристику іезуитскаго обученія.

чалось разрушеніе всѣхъ построекъ внутри стѣны, окружающей владѣнія реформатовъ; оно продолжалось два дня, пока почти все было сравнено съ землею Разрушенъ былъ не только самый сборъ и часовня на погостѣ, но и всѣ зданія, какъ деревянныя, такъ и каменныя (между прочимъ гошпиталь) обращены въ развалины; разбросаны были изъ склеповъ гробы умершихъ, разграблены архивы и драгоцѣнности. Это было не только святотатство, но и совершенный разбой. Что же дѣлали власти впродолженіе цѣлыхъ двухъ сутокъ всякаго неистовства? Когда нѣкоторые изъ диссидентовъ обратились къ ректору академіи и, въ то же время, къ магистрату съ просьбой остановить насиліе, то ректоръ и префектъ отдѣлались однимъ смѣхомъ, а магистратъ, вмѣсто того чтобы чему-либо воспрепятствовать, еще поощрялъ къ дальнѣйшимъ подвигамъ расходившійся фанатизмъ. Какъ послѣ обнаружилось, главнѣйшими зачинщиками и героями во всемъ дѣлѣ были 13 іезуитскихъ академическихъ питомцевъ, а участниками—самъ Виленскій войтъ, два бурмистра, цехи, Жиды и также августинскіе и францисканскіе монахи. Только на третій годъ собралась судебная коммиссія, назначенная королемъ, и еще черезъ три года вышелъ королевскій декретъ, утверждающій ея рѣшеніе и приговоръ. Большая часть виновныхъ, разумѣется, уклонились отъ суда на основаніи своихъ духовныхъ привилегій, и даже тѣ два ученика академіи (Рыкачевскій и Зибла), которые были присуждены къ казни, какъ завѣдомо главные виновники всѣхъ злодѣйствъ, успѣли спастись бѣгствомъ, благодаря покровительству и пособничеству іезуитовъ заодно съ магистратомъ и благодаря длинному промежутку времени между приговоромъ и его утвержденіемъ [27].

Менѣе извѣстны намъ подробности другого нападенія, которымъ ознаменовался слѣдующій же годъ (1683) и жертвою котораго былъ Свято-Духовскій монастырь. Героями новаго погрома были опять іезуитскіе студенты; среди ихъ оказались послѣ пострадавшіе при нападеніи и раненые. Въ жалобѣ, представленной въ магистратъ монахами Іоною Дубинскимъ, Іосифомъ Минкевичемъ и другими, говорилось о кощунствѣ надъ образомъ Богоматери, о битьѣ въ колокола и другихъ безобразіяхъ. Но, повидимому, академическіе герои встрѣтились на этотъ разъ съ несовсѣмъ страдательнымъ сопротивленіемъ. Не имѣемъ мы точныхъ и подробныхъ свѣдѣній объ этой исторіи, потомучто возникшій процессъ скоро былъ заглушенъ. Между іезуитами и Виленскою академіею—съ одной стороны, между духовенствомъ Духова монастыря и православнымъ братствомъ—съ другой стороны была заключена мировая сдѣлка при посредствѣ медіаторовъ, назначенныхъ королемъ. Условія ея были таковы, что пришлось бы считать виновниками и зачинщиками смятенія православныхъ монаховъ или братчиковъ, если бы мы не знали ни духа академической молодежи, ни особенностей польскаго правосудія. Православная сторона въ лицѣ четверыхъ своихъ представителей—двухъ отъ братства и двухъ отъ Свято-Духовскаго монашества—должна была просить прощенія „у пострадавшихъ и пораненныхъ“ (injuriatis et vulneratis) академиковъ и для этого депутаты должны были явиться въ академическую залу (aula). Сверхъ того, академики получали вознагражденіе за убытки и увѣчья, имъ нанесенныя. Наконецъ — все, что произошло по этому дѣлу съ той и другой стороны, особенно всѣ протесты, судебныя жалобы, оскорбляющія честь академіи, подлежали уничтоженію, изглаженію изъ книгъ (eleminovano) и полному забвенію съ той и другой стороны. До насъ только и дошла эта мировая сдѣлка, представленная въ гродскій судъ однимъ изъ лицъ заинтересованныхъ, академикомъ Фелиціаномъ Шенявскимъ [28].

Православное Виленское братство занято было въ это время другимъ процессомъ, можетъ быть, гораздо болѣе важнымъ для не-

[27]) У Балинскаго (Dawna Akademia p. 163) сдѣлано подробное извлеченіе изъ архивныхъ документовъ, относящихся къ этому дѣлу.

[28]) О нападеніи на Духовскій монастырь есть краткая замѣтка у Крашевскаго (Wilno II, 63), который помѣстилъ его подъ 1680 годомъ (а вслѣдъ за нимъ и Балинскій). Крашевскій глухо ссылается на документъ изъ архива Виленской думы (Рады), неимѣющій даты. Вѣроятно, онъ имѣлъ не болѣе какъ одно оглавленіе документа. Самая мировая сдѣлка (уголдливый записъ) отыскана И. Я. Спрогисомъ и, при его обязательномъ содѣйствіи, получена нами въ копіи. Здѣсь точно опредѣленъ годъ и мѣсяцъ 8—18 декабря) событія.

го, но точно также безплоднымъ и безнадежнымъ. Дѣло шло о завѣщаніи одной изъ княгинь Радивиловыхъ въ пользу монастыря и братства на громадную сумму въ нѣсколько сотъ тысячъ злотыхъ. Извѣстный намъ князь Янушъ Радивилъ, такъ неудачно оберегавшій Вильну въ 1655 году и перешедшій потомъ на сторону Шведовъ, былъ женатъ на дочери Валашскаго господаря Василія, по имени Маріи (другая сестра ея, Роксана, была выдана за несчастнаго Тимоѳея Хмѣльницкаго, сына Богданова). Единственною наслѣдницей Януша и Маріи Валашской была дочь ихъ Анна-Марія, на которой въ 1655 году женился ея опекунъ и двоюродный дядя Богуславъ Радивилъ, получивъ на то разрѣшеніе отъ папы. Вскорѣ затѣмъ оба супруга умерли (Анна-Марія въ 1667, Богуславъ Радивилъ въ 1669). Послѣ нихъ снова единственною наслѣдницей громаднаго состоянія была малолѣтняя дочь *Людовика-Каролина*. Князь Богуславъ, отецъ Каролины, по своей матери принадлежалъ къ Бранденбургскому курфирстскому дому, ибо *его* отецъ былъ женатъ вторымъ бракомъ бракомъ на дочери курфирста Яна Георга [29]). Людовика-Каролина поэтому осталась на попеченіи прусскаго двора, при которомъ обыкновенно жилъ Богуславъ; покровителемъ и опекуномъ ея въ завѣщаніи отца былъ назначенъ самъ курфирстъ, а экономами и распорядителями имѣній Ферь и Винклеръ, прусскіе совѣтники, вмѣстѣ съ Незабитовскимъ и Бончею-Синицкимъ, слугами Радивиловъ [30]). Съ этими послѣдними лицами и пришлось православному духовенству, а въ частности Виленскому братству, вести переговоры о завѣщаніи, которое осталось послѣ Маріи Валашской. Въ 1682 году ѣздила въ Кенигсбергъ депутація отъ Свято-Духовскаго монастыря и была весьма благосклонно принята Феромъ [31]). Но, помимо пустыхъ обѣщаній, до реализаціи завѣщаннаго капитала было весьма далеко. Сдѣлана была даже попытка склонить православное духовенство, заинтересованное въ завѣщаніи, къ признанію его недѣйствительности; составленъ былъ проектъ отреченія, который должны были подписать представители этого духовенства. Слуцкаго архимандрита предполагалось убѣдить къ тому подаркомъ пяти или шести тысячъ злотыхъ, или же обѣщаніемъ доставить послѣ его смерти одному изъ его родственниковъ ту же самую архимандрію [32]): Виленское Свято-Духовское братство отыскивало завѣщанную ему сумму, обезпеченную имѣніями Заблудовымъ и Бѣлицей, правильнымъ судебнымъ порядкомъ; но, послѣ долгихъ проволочекъ и споровъ, Незабитовскій, одинъ изъ управителей Радивиловскихъ имѣній, предложилъ (въ 1687 г.) сдѣлку, на которую братство согласилось. Послѣ господарыни Валашской, а по мужу княгини Радивиловой, набожной хранительницы православія, осталось не мало церковныхъ драгоцѣнностей—образовъ и серебра на сумму въ 300,000 золотыхъ. Всѣ эти сокровища Незабитовскій обѣщалъ передать братству взамѣнъ завѣщанной денежной суммы, вовсе, однако, не имѣя намѣренія исполнить вновь принятаго обязательства, что̀ вскорѣ и обнаружилось. Братство просто-на-просто было обмануто. Мы узнаёмъ о такомъ печальномъ для него исходѣ изъ письма къ Людовикѣ-Каролинѣ, уже сдѣлавшейся курфюрстиной Бранденбургской, которое отправлено было къ ней отъ имени всего братства Петромъ Пашкевичемъ Толоконскимъ, старшимъ Виленскаго братства, администраторомъ Бѣлорусской епархіи, и Романомъ Шишкою, Полоцкимъ скарбникомъ [33]).

[29]) Zywot Bogusława Radziwiłła pp. 99, 155, 169 и 170.

[30]) Завѣщаніе напечатано въ VIII томѣ «Археографическаго Сборника» № 113 (стр. 410 и слѣд.).

[31]) «Археографическій Сборникъ» VII, № 120 (стр. 152).

[32]) «Археографическій Сборникъ» VII, № 119 (стр. 150 и слѣд.). Содержаніе документа въ заголовкѣ здѣсь обозначено несовсѣмъ точно.

[33]) «Археографическій Сборникъ» VII, № 123 (стр. 155). О документѣ, который стоитъ рядомъ подъ № 124, замѣтимъ здѣсь кстати, что его дата, безъ всякаго сомнѣнія, поставлена ошибочно. Въ 1688 году не могло быть рѣчи о какомъ либо мандатѣ, изданномъ *недавно* по внушенію и совѣту *Рутскаго*. Документъ писанъ, ка̀къ показываетъ его содержаніе, вскорѣ послѣ 1609 года. Упомянемъ здѣсь же о нѣкоторыхъ другихъ дарственныхъ записяхъ или же имущественныхъ сдѣлкахъ Свято-Духовскаго братства, указанія на которыя мы имѣемъ въ выпискахъ изъ актовъ гродскаго суда, сдѣланныхъ И. Я. Спрогисомъ. Къ 1668 году относится консенсъ членовъ братства при Виленскомъ Свято-Духовскомъ монастырѣ относительно продажи фольварка Судерковъ въ Виленскомъ во-

Несмотря на всѣ невзгоды, русскій православный элементъ въ Вильнѣ обнаруживалъ необыкновенную и удивительную живучесть. Изгнанный изъ магистрата еще въ началѣ столѣтія, онъ снова проникаетъ сюда и, только черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ Кунцевича, окончательно вытѣсняется изъ среды городской аристократіи. Еще долѣе держится онъ въ городскихъ цехахъ, хотя со времени Кунцевича и здѣсь тѣснили его всевозможными средствами. Къ великому удивленію, въ самомъ концѣ XVII столѣтія мы встрѣчаемся съ жалобами уніатской іерархіи не только на присутствіе ненавистныхъ схизматиковъ въ ремесленныхъ Виленскихъ цехахъ, но даже на преобладаніе, достигнутое ими въ нѣкоторыхъ изъ этихъ корпорацій. Въ 1698 году, Янъ Ольшевскій, базиліанскій монахъ и прокураторъ Троицкаго монастыря, отъ имени митрополита Леона Заленскаго обвинялъ Виленскій магистратъ въ совершенномъ нерадѣніи къ интересамъ святой уніи, въ самомъ преступномъ потворствѣ ея врагамъ. Это было тѣмъ болѣе непонятно, что городское управленіе состояло теперь изъ однихъ только католиковъ и уніатовъ: въ немъ уже не было еретиковъ-протестантовъ и православныхъ-схизматиковъ, какъ это постоянно случалось прежде. Магистратъ, по словамъ прокуратора, сильнаго усердіемъ къ вѣрѣ, но слабаго знаніемъ исторіи, былъ основанъ на правахъ, вольностяхъ и привилегіяхъ не иныхъ какихъ, а только католическихъ, данныхъ королями святой религіи римской и греко-уніатской; пользуясь своею властью и прерогативами и не *терпя среди себя въ лавицѣ ни одного дизунита или диссидента*, магистратъ обязанъ былъ заботиться со всякою ревностью о томъ, чтобы и низшій *станъ*, держащійся той же религіи, находилъ въ своихъ правахъ и вольностяхъ защиту и охрану противъ дизунитовъ и диссидентовъ и такимъ образомъ умножалъ святую унію. Цехи, по мнѣнію прокуратора и его митрополита, также учрежденіе вполнѣ католическое; посему первую обязанность магистрата составляло наблюдать за тѣмъ, чтобы въ нихъ послѣдователи уніи не были унижаемы дизунитами, чтобы никто не „втирался“ на старшинство ко вреду и угнетенію святой уніи, чтобы избирались надлежащія лица и надлежащимъ образомъ. Съ нѣкотораго времени это дѣлается не такъ. Уніаты, состоящіе въ цехахъ, жаловались на своеволіе дизунитовъ; митрополиты, во имя своего духовнаго авторитета, напо-

еводствѣ, записаннаго въ видѣ фундуша монастырю въ 1593 году Александромъ Полубенскимъ, Новгородскимъ каштеляномъ, и его женою Софіею Юрьевною Гольшанскою. Братство рѣшилось на продажу въ виду крайне-настоятельныхъ нуждъ монастыря. Къ тому же 1668 году относится дарственная запись братству Регины Буховецкой, а по мужу Швейковской въ 1,500 злотыхъ. Эта сумма жертвуется на томъ условіи, чтобы монастырь позволилъ ей проживать до конца жизни въ монастырскомъ каменномъ домѣ, что̀ на Субочей улицѣ, называемомъ Криштофовскимъ, а по смерти— быть похороненною въ монастырской церкви, въ собственномъ склепѣ, гдѣ почиваютъ и ея родители. Въ другомъ дополнительномъ документѣ объясняется, что изъ записанной суммы, уплачиваемой посрочно, 500 злотыхъ назначается на «студентскую конгрегацію святыхъ Константина и Елены при церкви Свято-Духовской». Къ 1673 году относится духовное завѣщаніе купца Виленскаго *Соколовскаго*, въ которомъ онъ поручаетъ своей женѣ Маринѣ *Сенчиловнѣ* и сыну Якову, Виленскому лавнику, похоронить себя при братской Свято-Духовской церкви. Въ пользу духовенства этой церкви «отцовъ Базиліановъ монастыря Виленскаго при церкви Св. Духа», какъ выражается завѣщатель, отказывается значительная сумма,— 5,000 злотыхъ на ветхій алтарь церковный и точно также въ пользу церкви записывается часть купеческой лавки на амбарахъ (теперь Инбары на Большой улицѣ). Наконецъ, Соколовскій передаетъ 1,000 злотыхъ отъ своего пріятеля пана Закапича на *госпиталь при церкви Св. Духа.* Въ 1698 году Петръ Пашкевичъ Толоконскій (упомянутый въ текстѣ) настоятель Свято-Духова монастыря принесъ въ гродскій судъ жалобу на Выровскаго и Корабановскаго съ ихъ женами за то, что они сдѣлали наѣздъ и возмутили крестьянъ въ двухъ имѣніяхъ монастырскихъ, Войдатишкахъ и Ракишкахъ, лежащихъ въ Виленскомъ воеводствѣ и «заставленныхъ» ихъ предками монастырю въ суммѣ 15,500 злотыхъ — вмѣсто того, чтобы выкупить ихъ въ наступившій уже законный срокъ. Наконецъ, изъ одной пустой жалобы, принесенной противъ Климента Тризны, настоятеля Свято-Духова монастыря, въ 1684 году, мы узнаёмъ о существованіи фольварка и кирпичнаго завода, принадлежащихъ монастырю и находившихся въ Зарѣчьи. Здѣсь монастырскій слуга Ѳедотъ отнялъ какія-то вещи у слуги маршалка трибунальскаго и обругалъ того непристойными словами; обиженный пришелъ жаловаться на Ѳедота настоятелю, а тотъ заперся у себя на ключъ и не хотѣлъ пускать къ себѣ челобитчика.

минали о необходимости обуздать начинающіеся въ цехахъ бунты; по ихъ настоянію, сами короли внушали магистрату принять мѣры противъ угнетенія святой уніи; но Виленскій магистратъ на все это не обращалъ вниманія и, закрывая глаза на видимое притѣсненіе цеховыхъ уніатовъ, допускалъ дальнѣйшее своеволіе дизунитовъ. Дошло, наконецъ, до прямаго униженія и преслѣдованія. Въ двухъ цехахъ, кравецкомъ и шевскомъ, въ которыхъ своеволіе достигло высшей степени, послѣдователи уніи *были* лишены своихъ правъ; ихъ ни подъ *какимъ видомъ не допускаютъ* до *избранія въ старшины*, и все это дѣлается изъ врожденной злой воли и ненависти къ святой католической религіи, съ намѣреніемъ унизить унію и возвысить на счетъ ея свою дизунію. Въ двухъ упомянутыхъ цехахъ, а отчасти и въ другихъ, злоумышленники *взаимно обязались присягою*, чтобы ни одинъ уніатъ не имѣлъ мѣста въ цехѣ, чтобы челядь этого исповѣданія не была допускаема до занятія ремеслами и принимаема въ цехи иначе, какъ подъ условіемъ отступничества и обращенія въ ихъ дизунитскую религію. Изъ мальчиковъ (хлопцевъ), обучающихся ремесламъ, многіе были обращены насиліемъ и побоями, что и до сихъ поръ продолжается; имъ запрещаютъ посѣщать обычное богослуженіе и отмѣчаютъ ихъ въ цеховыхъ реестрахъ дизунитами. Слѣдствіемъ такого гоненія было то, что одни сдѣлались апостатами и дизунитами, другіе принуждены были покинуть свой родной городъ, остальные, сохраняя вѣрность *старой* вѣрѣ (!) — едва имя ихъ остается въ Вильнѣ—будучи унижены въ своихъ правахъ, стонутъ и вопіютъ какъ подъ ярмомъ неволи, потому что они не только не могутъ достигнуть какого либо старшинства въ цехахъ, но подвергаются постоянному поруганію, насмѣшкамъ и побоямъ изъ-за своей вѣры. Чтобы утвердить свое вліяніе и закрѣпить униженіе о позорѣ уніи, враги ея подкупаютъ цеховыхъ римской вѣры (римско-католиковъ) и, при содѣйствіи ихъ, устроиваютъ тайные выборы старшинъ—въ какомъ нибудь углу, а не въ церкви, какъ бы слѣдовало; съ шумомъ и крикомъ приходятъ въ цехъ пьяные и насиліемъ, безъ всякой подачи голосовъ, сажаютъ уже готовыхъ старшинъ и шафаровъ. На это пьянство, предшествующее незаконнымъ выборамъ, и на подкупы католиковъ растрачиваются иногда общественныя цеховыя деньги; иногда уходятъ цѣлыя частныя состоянія, закладываются домы. О такихъ преступныхъ безпорядкахъ магистратъ давно былъ свѣдомъ по донесеніямъ уніатовъ и самого митрополита; ему напоминали много разъ о томъ, что, на основаніи правъ, дизуниты не могутъ быть старшинами въ цехахъ. Но все это не приносило никакого плода. Магистратъ не показалъ католической ревности къ умноженію святой уніи, но еще самъ съ своей стороны помогалъ ея униженію. Когда ксендзъ прокураторъ являлся въ ратушу, вооруженный привилегіями и рескриптами, и требовалъ, чтобы дизуниты не были допускаемы до присяги и старшинства, то магистратъ двоекратно—при двухъ новыхъ выборахъ—ему отказывалъ, осмѣливаясь пускаться въ толкованіе данныхъ королями правъ, издавая свои декреты, которыми эти права уничтожались, утверждая на старшинствѣ дизунитовъ, разрушая святую унію. *Дизунитское безбожіе* (sic), замѣтивъ, что магистратъ ослабѣлъ въ покровительствѣ уніи, рѣшилось на явную дерзость. Въ прошедшемъ 1697 году въ шевскомъ цехѣ былъ выбранъ и посаженъ на старшинство уніатъ (Яковъ Ермашевичъ); но враги уніи, подкупивъ шевцовъ римской вѣры, все-таки его свергли и посадили своего схизматика (Илью Волика), употребивъ при этомъ насиліе и наругавшись, именно— посрывавъ шапки съ нѣкоторыхъ уніатовъ, защищавшихъ своего единовѣрца. Когда на это принесена была жалоба магистрату, то, вмѣсто всякаго удовлетворенія, онъ только велѣлъ записать ее въ протоколъ и не давалъ ей никакого дальнѣйшаго хода. Напротивъ, въ 1698 году магистратъ прямо призналъ своимъ открытымъ заявленіемъ мнимое право дизунитовъ на старшинство въ цехахъ. Наконецъ, когда прокураторъ митрополита, жалуясь на явное ниспроверженіе старыхъ правъ, вольностей и привилегій, данныхъ *святой едности ante et post unionem* (sic), законнымъ порядкомъ пригласилъ магистратъ передать дѣло на рѣшеніе сейма и, въ ожиданіи онаго, не допускать дизунитовъ до присяги,—то упомянутый магистратъ, презирая права народныя и верховную власть королевскаго вели-

чества, отложилъ въ сторону законный вызовъ къ сейму, допустилъ Волика до старшинства, а Ермакевича не только устранилъ, но и мучилъ всякими проволочкамм, слѣдствіемъ и допросами [34]).

Таковы были жалобы, представленныя въ Виленскій гродскій судъ, повѣреннымъ уніатскаго митрополита. Трудно сказать, какая доля преувеличенія можетъ быть здѣсь предполагаема. Мы видѣли, что въ избыткѣ адвокатской ревности, прокураторъ не смущается разглагольствовать о привилегіяхъ, данныхъ уніи даже ранѣе ея появленія. Намъ нѣтъ нужды разбирать, въ какой степени магистратъ могъ быть обвиняемъ въ недостаткѣ католическаго усердія. Унія, какъ извѣстно, не пользовалась большимъ уваженіемъ въ глазахъ искреннихъ католиковъ, непосвященныхъ въ высшія соображенія римской куріи. Желаніе досадить притязательной и сварливой сестрѣ католицизма, вѣроятно, было не чуждо иногда католическимъ членамъ Виленскаго магистрата и довольно естественнымъ путемъ приводило ихъ къ нѣкоторому послабленію относительно православныхъ. Въ низшихъ сферахъ простонародной массы союзъ православныхъ и католиковъ противъ уніи, которая заявляла притязаніе сохранить за собою старыя права православія и, въ тоже время, получить всѣ привилегіи настоящаго католицизма, былъ возможенъ и безъ подкуповъ, и безъ взаимныхъ угощеній на счетъ цеховой казны. Католикъ всегда былъ склоненъ смотрѣть на унію, какъ на выскочку, предъявляющую дерзкія притязанія равняться съ его старою вѣрой. Католическое духовенство никогда не старалось ослабить такого чувства, а напротивъ — проповѣдывало и внушало прямое презрѣніе противъ неполнаго латинства. Уже близко было время составленія проектовъ уничтоженія уніи, вполнѣ сослужившей свою незавидную службу. Неожиданно для насъ, во всѣхъ сѣтованіяхъ уніатскаго митрополита подтверждается существованіе значительнаго количества православныхъ въ Виленскомъ ремесленномъ населеніи и въ Виленскихъ цехахъ. Кажется, однако, что это послѣдній случай, въ которомъ нѣкогда могущественная масса православныхъ заявляетъ свое существованіе и участіе въ дѣлахъ города.

Вообще, съ концомъ XVII вѣка внутреннюю исторію Вильны, какъ самостоятельнаго политическаго и общественнаго организма, какъ городской общины—можно считать поконченною. Единство этой исторіи покоится все-таки на Виленскомъ гражданствѣ или, выражаясь мѣстнымъ языкомъ, городскомъ *мѣщанствѣ*. Очень рано раздѣленное вѣрою, оно нашло примиреніе посредствомъ равноправнаго участія въ городскомъ и цеховомъ самоуправленіи, долго сохраняя притомъ единство языка въ домашнемъ и общественномъ быту. Такъ, или иначе—оно должно было отразить въ себѣ и пережить религіозные вопросы XVI вѣка. Въ волненіи, отсюда возникшемъ, мѣстные элементы не остаются при одной страдательной роли; напротивъ, именно въ своей самобытности и своей привычкѣ къ самоопредѣленію почерпаютъ силу для энергической внутренней борьбы и для воздѣйствія на внѣшнюю очень широкую окружность. Религіозныя столкновенія постоянно сохраняютъ отношеніе къ городской общественной жизни и организаціи. Борцы православнаго Виленскаго братства выходили изъ рядовъ мѣщанства и защищали противъ уніи не только свою религіозную совѣсть, но и право участія въ городскихъ дѣлахъ. Унія стремится захватить мѣста въ магистратѣ для того, чтобы сильнѣе укрѣпиться въ Троицкомъ монастырѣ. Чуждая, пришлая сила всемірнаго братства Іисусова совершаетъ свои фанатическіе подвиги при помощи не однихъ только шляхтичей, воспитывающихся подъ ферулой академическихъ профессоровъ, но также при содѣйствіи городской католической черни и цеховъ. Въ концѣ концовъ—эта внутренняя борьба, какъ мы уже указывали, сокрушила живыя силы общественнаго городскаго организма. Еврейство занимаетъ мѣсто православнаго купечества; Виленское мѣщанство сокращается численно и теряетъ всякое значеніе. Городъ дѣлается исключительно ареною папскаго своеволія. Въ немъ разыгрываются удивительныя сцены польской анархіи, великолѣпные примѣры необузданнаго произвола магнатовъ, захватившихъ въ свои руки судьбы Польши

[34]) Акты Виленскаго Гродскаго Суда, связка подъ № 110.

и уничтожившихъ всякую государственную власть. Но если эти подвиги и событія совершаются въ Вильнѣ, они все-таки не суть въ сущности „виленскія“ событія и характеризуютъ не жизнь города, а жизнь и обычаи польской аристократіи вообще.

При королѣ Янѣ Собѣсскомъ двѣ фамиліи, уже и прежде занимавшія высокое мѣсто въ рядахъ аристократіи и неоднократно встрѣчавшіяся намъ въ исторіи Вильны, держали въ своихъ рукахъ попеременно всю Литву. Сначала это были Пацы, а потомъ Сапѣги. Когда слишкомъ могущественные Пацы стали дѣйствовать противъ короля, то Янъ III „выставилъ алтарь противъ алтаря“, т. е. противопоставилъ имъ Сапѣговъ, давъ одному великую булаву, а другого сдѣлавъ подскарбіемъ въ Литвѣ. Вліяніе Пацовъ было ослаблено. Но „кто чѣмъ грѣшитъ, тѣмъ и наказывается“: честолюбіе Сапѣговъ теперь не знало предѣла, и одинъ изъ нихъ, именно—великій гетманъ Литовскій сталъ, въ свою очередь, противиться королю; поставивъ себѣ тронъ на западѣ и возносясь выше мѣры надъ равенствомъ шляхетскихъ правъ, онъ началъ тѣснить всю Литву и разорять ее своимъ войскомъ. Онъ отнималъ староства и другія королевскія пожалованія у лицъ, избранныхъ королемъ, и отдавалъ своимъ приверженцамъ; онъ наѣзжалъ на сеймики и разгонялъ ихъ; если кто осмѣливался сказать противъ него слово о правахъ своихъ, то неизбѣжно подвергался побоямъ или конечному разоренію. Однимъ словомъ, Казиміръ Сапѣга не смотрѣлъ ни на право, ни на короля, ни на Господа Бога, все дѣлалъ по своему произволу—хуже, чѣмъ абсолютный властитель [35]). Вильна была театромъ достопамятнаго столкновенія этого гордаго магната съ неменѣе неуступчивымъ и нетерпимымъ характеромъ Виленскаго католическаго епископа, Константина Бржостовскаго [36]). Поводомъ къ столкновенію былъ вопросъ объ участіи духовенства въ военныхъ тягостяхъ, въ частности—вопросъ о военномъ постоѣ въ духовныхъ имѣніяхъ. Эта повинность никогда не была легкою, а въ Польшѣ сдѣлалась настоящимъ бичемъ и разореніемъ сельскаго люда; а такъ какъ распредѣленіе войска по квартирамъ вполнѣ зависѣло отъ гетмана, то она давала въ его руки сильное оружіе противъ всѣхъ его недруговъ. Чѣмъ могли быть для страны хоругви рыцарскаго войска—объ этомъ можно судить по слѣдующему показанію современника Сапѣги и Бржостовскаго: „Было такое злоупотребленіе въ Польскомъ войскѣ, что иной товарищъ гусарскій, либо панцырный, водилъ съ собою десятки праздной челяди, при чемъ не паны ей, а она панамъ платила деньги; каждый челядинецъ давалъ отъ себя господину по битому талеру, а иногда и болѣе въ недѣлю, и содержалъ такимъ образомъ не только себя, но и пана: зато вольно было такимъ грабить сколько угодно. Отсюда легко себѣ представить, какое опустошеніе края дѣлалось при переходахъ войска“ [37]).

Несмотря на множество привилегій и конституцій, изданныхъ по этому предмету, вопросъ о томъ, въ какой степени духовныя имѣнія подлежали военнымъ повинностямъ, оставался все-таки довольно запутаннымъ. Въ сущности, духовныя имѣнія, происходящія отъ пожертвованія королей и вели-

[35]) Otwinowski, Dzieje Polski pod panowaniem Augusta II, pag. 20.

[36]) Бржостовскій уже ранѣе (1680) прославился своимъ средневѣковымъ фанатизмомъ: онъ былъ главнымъ виновникомъ печальной исторіи Лыщинскаго, опозорившей Польшу, нѣкогда хвалившуюся своею вѣротерпимостью. Этотъ несчастный Брестскій судья, бывшій воспитанникъ іезуитской школы, любилъ заниматься философскими предметами, размышлять и читать о высшихъ вопросахъ знанія и вѣры: встрѣтивъ въ одной книгѣ доказательства бытія Божія, показавшіяся ему неудовлетворительными, онъ написалъ на полѣ читаемой книги: «если такъ, то нѣтъ Бога». Замѣтка и другія подобныя обнаруженія независимаго образа мыслей въ Лыщинскомъ сдѣлались извѣстны Виленскому епископу и навлекли на бѣднаго мыслителя обвиненіе въ атеизмѣ. По требованію духовной власти, Сапѣга, тогда еще только воевода Виленскій, велѣлъ схватить Лыщинскаго и отдать его въ руки епископу, который заключилъ его въ своей тюрьмѣ. Дѣло потомъ было передано на разсмотрѣніе Виленской академіи и, только послѣ девятилѣтнихъ страданій Лыщинскаго въ тяжеломъ заключеніи, рѣшено сеймомъ. Обвиненный въ безбожіи, Лыщинскій былъ сожженъ на кострѣ въ Варшавѣ. Подробнѣе объ этой исторіи, только частью относящейся къ Виленскимъ событіямъ, см. у Крашевскаго, Wilno II, 64.

[37]) Otwinowski p. 21: a takim wolno było rabować, co chcieli, na czaty wychodząc.

*

кихъ князей Литовскихъ, за это время еще не были свободны отъ консистенціи (постоя) и соединенныхъ съ нею тягостей; только духовныя имѣнія фундаціи земской или шляхетской пользовались такою свободою, подлежа за то обязанностямъ посполитаго рушенья. Впрочемъ, на основаніи сеймовыхъ уставовъ, духовенство могло исполнять свою повинность, насколько она существовала, посредствомъ особаго денежнаго взноса, такъ называемой „гиберніи“ или „генерики“ (contributio generica), въ количествѣ опредѣленномъ общимъ согласіемъ всѣхъ епископовъ и подъ именемъ добровольнаго приношенія, взыскиваемаго, однако, каждый годъ [38]). Казиміръ Сапѣга, не имѣя привычки стѣсняться какими либо законами и, вѣроятно, нерасположенный по той или другой причинѣ къ епископу, при назначеніи войску литовскому мѣстъ для консистенціи, занималъ безъ всякаго различія имѣнія епископскія, капитульныя, церковныя и вообще духовныя. Акты Виленскаго капитула свидѣтельствуютъ, что, несмотря на уплату „гиберніи“, еще удвоенной по случаю войны съ Турками, духовныя имѣнія отягощались и разорялись непрерывными постоями, переходами, вымогательствомъ всякаго рода чрезвычайныхъ взносовъ и поставокъ; между тѣмъ, какъ „генерика“ уже освобождала отъ консистенціи, ночлеговъ, кормовъ и вообще всѣхъ повинностей [39]). Солдаты вели себя на церковной землѣ, какъ и на всякой другой: грабёжъ, хищничество, настоящій разбой, о которыхъ говорится въ актахъ капитула, были обычными спутниками польскихъ хоругвей не только въ чужой землѣ, но и въ своей. Крестьяне бѣжали, когда къ нимъ приходили защитники отечества; болѣе благоразумные спасались при самомъ приближеніи войска, какъ отъ нашествія Татаръ [40]). Въ концѣ 1693 года, капитулъ получилъ отъ всѣхъ своихъ поссесоровъ и подстаростъ непріятное извѣстіе, что нельзя разсчитывать ни даже на одинъ грошъ дохода; ибо не только въ этомъ истекающемъ году пришлось вынести жолнерскія консистенціи и переходы хоругвей, но тоже самое неизбѣжно предстоитъ и на слѣдующій годъ, такъ какъ отъ гетмана уже вышло росписаніе постоекъ („ассигнаціи“) и уже явились жолнеры отмѣчать квартиры для „товарищества“: когда крестьяне узнали объ этомъ, началось новое бѣгство, снова опустѣли многіе домы. Собственно епископскія имѣнія подверглись еще большему разоренію; даже внутри города, въ чертѣ епископской юрисдики, гетманъ расположилъ насильно хоругвь рейтаровъ, что уже противорѣчило всякимъ старымъ обычаямъ и общимъ городскимъ привилегіямъ [41]). Бржостовскій, раздраженный противъ гетмана, вопіялъ о святотатствѣ. о разореніи святаго костела и, для нагляднаго доказательства своихъ обвиненій, велѣлъ закрыть нѣсколько храмовъ, прекратить въ нихъ богослуженіе: всего сильнѣе должно было подѣйствовать закрытіе каплицы св. Казиміра, главной Виленской католической святыни, и потомъ всѣхъ придѣловъ каѳедральнаго собора. Это сдѣлалось подъ тѣмъ предлогомъ, что, вслѣдствіе разоренія церковныхъ имуществъ, не на что было далѣе отправлять „хвалу Божію“. Правда, капитулъ принужденъ былъ заложить для уплаты „генерики“ золотыя и серебряныя вещи изъ своей ризницы (сакристіи); правда, самъ епископъ заложилъ золотую монстранцію, украшенную каменьями (пожертвованіе фамиліи Тишкевичей) [42]); но съ нѣкотораго времени закладываніе церковныхъ драгоцѣнностей сдѣлалось довольно обычною операціею и до сихъ поръ не сопровождалось прекращеніемъ богослуженія. Необходимость этой мѣры въ настоящее время была весьма спорною. Каплица св. Казиміра, во всякомъ случаѣ, имѣла такіе доходы, которыхъ не могла досягнуть рука гетмана; мы разумѣемъ такъ называемую „капщизну“, т. е. питейный сборъ въ $2^1/_2$ злотыхъ со всѣхъ шинковъ въ городѣ Вильнѣ, идущій спеціально на содержаніе алтаря св. Казиміра. Положимъ, что этотъ сборъ, въ самомъ дѣлѣ, *не* былъ такъ значителенъ, какъ говорили враги епископа; положимъ, что онъ *не* простирался до 8,000 злотыхъ, что предполагало бы 3,200 шинковъ въ городѣ [43]); все-таки была воз-

[38]) Wizerunki, XXIV, 253.

[39]) Акты капитула: Wizer. XXII, 107, 109. Ср. мандатъ короля Сапѣгѣ: Kraszewski, Wilno II, 213–214.

[40]) Wizer. XXII, 109.

[41]) Ibid.

[42]) Wizerunki XXII, 105—117.

[43]) Ibid. XXII, 105—117.

можность совершать „хвалу Божію". Средство, избранное Константиномъ Бржостовскимъ, огорчило, безъ сомнѣнія, мирныхъ жителей города Вильны, но не достигло своей цѣли, не испугало Сапѣги, ни даже набожной католической шляхты, его окружавшей. Раболѣпное прислужничество предъ богатыми магнатами, на счетъ которыхъ кормились и пили цѣлыя толпы благороднаго сословія, и слѣпая преданность внушеніямъ фанатическаго духовенства — были двумя одинаково общими качествами въ Польскомъ обществѣ, и трудно сказать, которое изъ нихъ въ цѣломъ было сильнѣе.

Виленскій каѳедральный соборъ былъ запертъ впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но Сапѣга не склонялся на уступки и не принималъ предложеній Бржостовскаго относительно вознагражденія за убытки, причиненные св. церкви. Епископъ сталъ грозить церковнымъ проклятіемъ. Напрасно старались охладить его запальчивость папскій нунцій и примасъ, напрасны были увѣщательныя письма епископа Залусскаго и другихъ. 18-го апрѣля 1694 года Константинъ Бржостовскій лично предалъ перваго сановника Литовскаго анаѳемѣ. Церемонія совершилась въ Виленскомъ каѳедральномъ костелѣ съ обычною средневѣковою обстановкой— съ колокольнымъ звономъ, съ бросаніемъ на землю зажженныхъ свѣчей. Проклятіе воспрещало всѣмъ католикамъ имѣть какія-либо сношенія съ отлученнымъ — ѣсть, пить, путешествовать съ нимъ, давать ему огня и т. д. Самые близкіе родные и друзья должны были бѣжать отъ него. Но все это не помѣшало гетману въ тотъ же самый день, когда была произнесена страшная клятва, устроить въ своемъ дворцѣ на Антоколѣ роскошное торжество и собрать множество гостей. При громѣ музыки, при пальбѣ изъ орудій, пирующіе пили здоровье Сапѣги, и шумъ ихъ привѣтствій былъ такъ силенъ, что достигъ ушей самаго епископа; въ испугѣ онъ хотѣлъ спасаться отъ ожидаемаго нападенія и сбирался удалиться въ іезуитскую коллегію. Бржостовскій ждалъ утра и слѣдствій своего проклятія, но Сапѣга, тотчасъ обратившійся съ апелляціей къ папѣ, остался неподвиженъ. На слѣдующій день (19 апрѣля) епископъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы обрядъ, имъ совершенный въ каѳедральномъ соборѣ, былъ повторенъ во всѣхъ монастыряхъ костелахъ Виленскихъ, со всѣхъ амвоновъ. Не мало совѣщалось между собою духовенство, много книгъ было перебрано и пересмотрѣно, чтобы придти къ основательному рѣшенію—слѣдуетъ ли слушаться епископа, или нѣтъ. Остановились на томъ, что такъ какъ епископъ не спрашивалъ совѣта, прежде исполненія принятаго имъ рѣшенія, то онъ не долженъ обращаться къ нимъ и призывать къ участію въ дѣлѣ, уже исполненномъ, и что не слѣдуетъ объявлять проклятія, пока не послѣдуетъ отвѣта на апелляцію отъ папы. Такой отвѣтъ принесенъ былъ Бржостовскому теологами монашескихъ орденовъ и духовенства. 20-го числа епископъ созвалъ въ свой дворецъ теологовъ и всѣхъ начальствующихъ въ монастыряхъ Виленскихъ и сталъ ихъ уговаривать, потомъ настойчиво требовать, чтобы они провозгласили у себя анаѳему. Когда тѣ рѣшительно отказались, онъ желалъ, чтобы гетманъ, по крайней мѣрѣ, не былъ допускаемъ до участія въ таинствахъ и богослуженіи, но и на это послѣдовалъ отказъ и ссылка на апелляцію; выйдя совсѣмъ изъ себя, Константинъ Бржостовскій велѣлъ запереть выходы изъ своего епископскаго дворца и обратился къ угрозамъ, но все-таки ничего не достигъ. Какъ могли проклинать Сапѣгу Іезуиты или Бернардины, такъ много обязанные этой фамиліи! Видя непобѣдимое упорство орденскаго духовенства, епископъ наложилъ интердиктъ на его костелы, запретивъ въ нихъ отправленіе богослуженія и какихъ либо процессій; прежде всего, это было объявлено іезуитамъ, которые рѣшительно отказали въ повиновеніи, ссылаясь на то, что у нихъ есть свой генералъ въ Римѣ; а потомъ—Францисканамъ, Бернардинамъ, Кармелитамъ, которые не мѣшали Сапѣгѣ присутствовать при своемъ богослуженіи. На основаніи этого интердикта, богослуженіе могло быть отправляемо только въ приходскихъ (парафіальныхъ) костелахъ, и то только въ большіе праздники. Но, какъ этого и слѣдовало ожидать, интердиктъ епископа не былъ принятъ къ исполненію ни іезуитами, ни другими орденами. Борьба разгоралась сильнѣе и сильнѣе. Вслѣдствіе одной скандалёзной сцены при торжествѣ „Божьего Тѣла", когда епископъ пошелъ въ одну сторону, а мона-

хи въ другую и увлекли за собою магистратъ, Бржостовскій приступилъ къ цѣлому ряду проклятій—сначала одного ордена за другимъ, а потомъ отдѣльныхъ членовъ каждаго ордена лично,—это совершалось постепенно въ каждый праздничный день. Наконецъ, произнесенъ былъ интердиктъ на всю епархію съ запрещеніемъ исповѣди и проповѣди. Несмотря на сопротивленіе духовенства, положеніе Вильны среди этого смятенія было тяжело и печально. Запертые костелы, запечатанные конфессіоналы, пустые амвоны, соблазнительные раздоры во время самыхъ церковныхъ процессій — все это наводило на совѣсть и сердце искреннихъ католиковъ тревогу и скорбь, тѣмъ болѣе, что и конца не предвидѣлось раздору епископа съ духовенствомъ. Когда въ Римѣ сдѣлалось извѣстнымъ такое положеніе дѣлъ, римская курія, спасая принципъ, стала на сторону епископской власти. Напрасно монашескіе ордены оправдывались іезуитскимъ толкованіемъ каноническаго права и говорили, что на основаніи его, въ случаѣ проклятія, не покидаетъ ни жена своего проклятаго мужа, ни слуга своего господина, ни воинъ своего предводителя, а они находятся въ отношеніи къ Сапѣгѣ въ такомъ же точно положеніи, въ какомъ слуга къ господину. Такія объясненія, совершенно понятныя въ Польскомъ государствѣ, во всякомъ другомъ мѣстѣ должны были казаться дикими и также не были приняты въ Римѣ, какъ и ссылка на апелляцію Сапѣги къ папѣ, совершенно некасавшейся отношеній мѣстнаго духовенства къ епископу. Изъ Рима пришло приказаніе, немедленно учинить актъ покорности епископу, что̀ начальники орденскіе и принуждены были исполнить предъ оффиціаломъ епархіальнымъ. Но этого было недостаточно. Константинъ Бржостовскій требовалъ присяги на послушаніе и обѣщалъ сложить проклятіе не иначе какъ публично. Когда на этомъ дѣло затянулось, пришелъ декретъ Римской куріи, по которому настоятели монастырей лишались своихъ мѣстъ и объявлялись и впредь неспособными къ занятію духовныхъ высшихъ должностей. Это былъ ударъ, окончательно сломившій сопротивленіе непокорныхъ. Но пока исторія тянулась между Римомъ и Вильною (1695 годъ), костелы въ городѣ были уже дѣйствительно и вполнѣ запечатаны, такъ что ихъ не отпирали даже и для благочестивыхъ пилигримовъ, пришедшихъ издалека; тяжелое уныніе лежало надъ безвинно страдающимъ городомъ. Разгнѣванная шляхта, стоявшая на сторонѣ Сапѣги, мстила тѣмъ, что стала отбирать отъ церквей имѣнія, пожертвованныя нѣкогда предками. Но послѣ того какъ было сломлено противодѣйствіе епископу внутри самой церкви, стала остывать и его борьба съ Сапѣгой: послѣдній уступилъ хотя не прямо своему епископу, а папскому нунцію [44]).

Но Польское государство и общество уже носило въ себѣ неизсякаемый источникъ анархіи и безправія. Въ томъ же самомъ году (въ 1696-мъ), какъ кончилось столкновеніе гетмана и Сапѣги, образовалась конфедерація войска, домогающагося уплаты слѣдующаго ему жалованья. Опасность, которая грозила Литовской столицѣ, была отстранена только тѣмъ, что на Виленскомъ съѣздѣ (1698 года) войско было отослано отсюда, съ позволеніемъ собраться въ назначенное время около Гродны. Затѣмъ разгорѣлась вражда между Сапѣгами и большинствомъ

[44]) Исторія эта подробно разсказана у Крашевскаго Wilno II, 66—77. Противникомъ епископа и защитникомъ Сапѣги въ числѣ прочихъ былъ гвардіанъ Виленскаго францисканскаго монастыря, Станиславъ Хохловскій, который и написалъ книгу: Epistolæ—de episcopo litigioso. Въ сочиненіи Крашевскаго сдѣланы большія извлеченія изъ этого главнаго для всей исторіи источника (pag. 145 — 156), равно какъ изъ другихъ источниковъ. Нужно, однако, помнить, что Хохловскій, потерявшій вслѣдствіе столкновенія мѣсто и потомъ обратившійся въ протестантизмъ, не можетъ считаться безпристрастнымъ свидѣтелемъ. Въ старомъ періодическомъ Виленскомъ изданіи (Wizerunki) сдѣланы полезныя поправки на основаніи актовъ капитула Виленскаго. Сюда же относятся два документа, напечатанные въ «Археографическомъ Сборникѣ» (III, №№ 78 и 79), и еще неизданный универсалъ Сапѣги (въ Актахъ Гродскаго Суда), въ которомъ предписывается, чтобы вся капщизна съ воеводства (?) Виленскаго была уплачиваема на каплицу св. Казиміра, наипринципальнѣйшаго патрона Литовскаго. Характеристично, чѣмъ гарантируется исполненіе этого распоряженія, вызваннаго примиреніемъ гетмана съ церковью: кто не послушается этого универсала, того Сапѣга позволяетъ *грабить* сборщикамъ капщизны, и награбленное не возвращать до тѣхъ поръ, пока каждый не уплатитъ того, что̀ съ него слѣдуетъ.

Литовской шляхты, подущаемой, разумѣется, врагами Сапѣгинской фамиліи, хотя необузданная гордость и неограниченное самоуправство ея представителей не подлежали сомнѣнію и способны были приготовить взрывъ. По смерти Яна Собѣсскаго, на избирательномъ сеймѣ, призвавшемъ на Польскій престолъ Августа II Саксонскаго, противная Сапѣгамъ партія провела нѣкоторыя постановленія, ограничивающія власть гетмана и подскарбія (обѣ должности, какъ сказано выше, были въ рукахъ Сапѣговъ) и подчиняющія ихъ болѣе прямымъ образомъ суду трибуналовъ. Но Сапѣги этимъ были приведены только въ большее раздраженіе, попрежнему притѣсняли шляхту и знать не хотѣли какихъ бы то ни было судовъ. Когда подъ Гродной Августу II удалось разрушить конфедерацію, Сапѣги снова собрали около себя распущенное войско, заплативъ ему половину неуплаченнаго жалованья изъ своей собственной казны и расположивъ полки неподалеку отъ Вильны, въѣхали сами въ Литовскую столицу съ большимъ количествомъ пѣхоты и рейтаровъ. Въ Вильнѣ въ это время (сентябрь 1700 г.) открывались засѣданія главнаго трибунала, и такъ какъ при выборѣ маршалка трибунала восторжествовала противная Сапѣгамъ партія, предводимая теперь князьями Вишневецкими, то оба брата—гетманъ и подскарбій—ждали себѣ всяческихъ судебныхъ преслѣдованій, тѣмъ болѣе, что новоизбранный маршалокъ былъ также сильный магнатъ изъ фамиліи Радивиловъ. Они знали, что въ Вильнѣ уже съѣхались Огинскій, Коцелъ, Заранекъ и множество единомысленной съ ними шляхты—не съ какою другою цѣлью, какъ открыть войну противъ Сапѣговъ въ трибуналѣ. Все это распалило гордыя магнатскія головы. При помощи своего войска, Сапѣги навели сначала такой страхъ въ Вильнѣ на своихъ противниковъ, что тѣ принуждены были держаться оборонительнаго положенія. Самъ епископъ Бржостовскій, старый врагъ Сапѣгинскаго дома, старался погасить пожаръ и уже написаны были пункты мироваго соглашенія. Но въ это время случилось вотъ что. Князья Вишневецкіе отправились въ одинъ вечеръ сдѣлать визитъ Сапѣгамъ; но когда они въѣзжали въ ворота Сапѣгинскаго дворца, гетманъ, вспомнивъ обиду, нанесенную ему выборомъ Радивила въ маршалки трибунала, велѣлъ въ нихъ стрѣлять, и оба брата, сидѣвшіе въ каретѣ, были страшно испуганы и даже ранены [45]). Отсюда закипѣла настоящая междоусобная война, охватившая всю Литву. Сапѣги засѣли въ Вильнѣ, не давали судить себя трибуналу, а Литва составила противъ нихъ конфедерацію, во главѣ которой стояли Огинскій и Вишневецкій. Въ сраженіи подъ Олькениками (недалеко отъ Вильны) былъ взятъ въ плѣнъ сынъ Казиміра Сапѣги, гетмана и воеводы Виленскаго, по имени Михаилъ, Литовскій конюшій, и приговоренъ былъ конфедератами къ смертной казни. Несмотря на вмѣшательство Бржостовскаго, къ которому обратился молодой Сапѣга, приговоръ былъ исполненъ, и плѣнникъ былъ разсѣченъ на части пьяною шляхтой. Эти едва вѣроятные ужасы—еще страшнѣе въ своихъ подробностяхъ, опускаемыхъ нами потому, что онѣ не относятся прямо къ исторіи Вильны. Но вотъ одинъ примѣръ. Виленскій ксендзъ Бѣлозоръ первый проникъ черезъ окно въ домъ, въ которомъ искалъ убѣжища конюшій Сапѣги. Видя смерть предъ глазами, несчастный юноша просилъ исповѣди, а Бѣлозоръ, ударивъ его по лицу, сказалъ: „вотъ тебѣ абсолюція“ [46]). Послѣ одержанной побѣды, конфедераты бросились грабить имѣнія Сапѣговъ и подходили къ Вильнѣ, грозя городу грабежемъ и разореніемъ: Вильна откупилась, заплативъ 4,000 талеровъ [47])

Въ апрѣлѣ 1702 года вошли въ Вильну войска Карла XII подъ начальствомъ генералъ-кригсъ-коммиссара Іогана Адлерштеека. Въ предмѣстьи на Снипишкахъ была ихъ главная квартира; авангардъ арміи занялъ равнину за Виліей, отдѣльные отряды оставались въ городѣ и предмѣстьяхъ. Шведы стояли здѣсь цѣлый мѣсяцъ и, не считая того, что̀ было взято натурой: порохомъ, оловомъ и живностью, взыскали съ города денежную контрибуцію въ огромной для того времени суммѣ—22,115 талеровъ. Городская юрисдика заплатила 15,000, іезуиты, 2,700;

[45]) Otwinowski, pag. 25—26.

[46]) Otwinowski, p. 29.

[47]) Iacobi Franci — historische Beschreibung der denkwürdigsten Geschichten и т. д. Выписка у Крашевскаго, Wilno II, 170.

Свято-Духовскій монастырь (или, какъ сказано въ подлинной раскладкѣ Шведскаго генерала „Старые Руссы илиСвятойДухъ")—250 т., уніаты столько же [48]), митрополія 195.

Въ 1705 году посѣтилъ Вильну Петръ Великій. Русскій царь вступилъ въ городъ 15-го іюня чрезъ Полоцкую заставу съ Преображенскимъ полкомъ, прошелъ весь городъ и остановился лагеремъ на равнинѣ за Снипишками. За Преображенскимъ полкомъ слѣдовали драгуны въ синихъ мундирахъ, за ними прочіе полки, кавалерія и артиллерія. Лагерь войска простирался отъ Снипишекъ до самыхъ Верокъ. Возвратясь въ городъ, Петръ Великій остановился возлѣ ратуши въ казенномъ домѣ и здѣсь принималъ депутацію, которую составляли Жмудскій староста Огинскій, кастелянъ Коцелъ, Мозырскій писарь Ленкевичъ и какой-то Халецкій. Кромѣ того, онъ принималъ Виленскаго епископа Бржостовкаго, сопровождаемаго всѣмъ капитуломъ. Отъ имени Литовскаго трибунала привѣтствовалъ монарха референдарій Степанъ Слизень. Послѣ Петръ Великій переѣхалъ на жительство во дворецъ Слушковъ, на Антоколѣ. Онъ посѣтилъ іезуитскую академію, слушалъ диспутъ, нарочно для него устроенный и принялъ угощеніе отъ іезуитовъ. Былъ также въ трибуналѣ, который тогда отправлялъ свои засѣданія въ такъ называемомъ палацѣ Дунина, на углу Субочъ-улицы, въ самомъ узкомъ ея мѣстѣ предъ Большою. Есть преданье, что въ Пятницкой церкви Петръ крестилъ африканца Ганибала, дѣда знаменитаго поэта А. С. Пушкина. Въ этой же церкви онъ отслужилъ благодарственный молебенъ за одержанную побѣду и подарилъ церкви знамя, отнятое у Шведовъ. Уѣзжая изъ Вильны, Петръ учредилъ здѣсь провіантскій магазинъ и назначилъ къ нему коммиссаровъ изъ мѣстной шляхты [49]).

Въ 1706 году, въ мартѣ, при отступленіи Русскаго войска изъ Литвы, послѣдовало новое, еще болѣе тяжелое, чѣмъ прежде, посѣщеніе Шведовъ. Предводимые полковникомъ Дикеромъ и сопровождаемые польскимъ отрядомъ партіи Лещинскаго, Шведы снова наложили большую контрибуцію на городъ, капитулъ и іезуитскую коллегію. Двое ксендзовъ, оставшіеся по просьбѣ капитула для охраненія каѳедральнаго костела, были схвачены солдатами, отведены къ коммиссару, собиравшему контрибуцію, и, угрозами насилія и разграбленія храма, принуждены были уплатить 2,000 таллеровъ, кромѣ консоляціи и взятокъ сборщикамъ. Акты капитула говорятъ о грабежѣ и разореніи костеловъ и города [50]). Іезуиты на сей разъ не отдѣлались такъ легко, какъ въ первый разъ. На нихъ наложена была сумма въ 4,161 талеровъ, и когда они не успѣли уплатить ее въ назначенный четырехдневный срокъ, то Шведы насильно забрали въ іезуитскихъ костелахъ церковныя серебряныя вещи и, чтобы не возвращать излишка обратно, употребили фальшивые вѣсы. Два іезуита, отправленные къ самому Карлу XII съ просьбою о смягченіи взысканія, были взяты по приказанію короля, который весьма не жаловалъ ордена, и потомъ не мало времени были волочимы при войскѣ связанные [51]).

Въ томъ же 1706 году страшное бѣдствіе иного рода обрушилось надъ Вильною. Пожаръ, вспыхнувшій 18-го (7-го) мая, истребилъ значительную часть города, отъ костела св. Николая до Острой Брамы, лавки и ратушу; при этомъ сгорѣли древнѣйшіе документы, относящіеся къ исторіи города [52]). Едва жители успѣли нѣсколько осмотрѣться и оправиться, какъ въ ноябрѣ—новое, уже третье, посѣщеніе Шведовъ подъ предводительствомъ извѣстнаго генерала Левенгаупта и новыя контрибуціи [53]). Въ 1707 г. Вильна увидѣла въ своихъ стѣнахъ въ другой

[48]) Раскладка (на нѣмецкомъ языкѣ) приведена у Крашевскаго II, 172. Die alten Rütheni oder heiliger Geist... Die neue Uniaten oder Closter von heilig Dreifaltigkeit. Монахини св. Троицы 30 талеровъ. Баснословные разсказы о чудесахъ при Остробрамской иконѣ см. у Крашевскаго Wilno II, 404.

[49]) Domowe wiadomości o W. księztwie litewskiem. Wilno r. 1771, str. 41. Голиковъ, Дѣянія Петра В. II, 124 и III, 20. Киркоръ (Историко-Статистич. Очерки г. Вильны стр. 41) указываетъ одну рукописную статью о пребываніи Петра В. въ Вильнѣ (въ сборникѣ, который находится въ Виленскомъ музеѣ).

[50]) Wizerunki XXII, 121 и сл.

[51]) Рукописная исторія Виленской іезуитской коллегіи: Wizer. l. c. Balinski, Dawna akad. p. 179.

[52]) Kraszewski, Wilno II, 84.

[53]) Wizerunki, XXII, 124.

разъ великаго Русскаго монарха, который положилъ начало русскому преобладанію въ Польшѣ и уже распоряжался въ Литвѣ совершенно какъ въ странѣ, ему принадлежащей. Мы не знаемъ—въ это ли время, или послѣ взяты были русскою арміей тѣ пушки изъ Виленскаго замка, возвращеніе которыхъ Поляки требовали въ 1710 году[54]). Затруднительное положеніе, въ которомъ Петръ находился въ 1708 году, продолжалось короткое время, только для того, чтобы завершиться славною Полтавскою баталіей. Но въ этотъ промежутокъ времени, именно въ 1708 году, Шведы съ своимъ королемъ успѣли въ послѣдній разъ побывать въ Литовской столицѣ. Въ запискахъ игумена Ореста мы читаемъ: „Въ началѣ 1708 года Карлъ XII съ войскомъ, состоящимъ изъ ста тысячъ (?), пѣхотнымъ и конницею, вторгнулся въ Литву, взялъ городъ Вильну, ограбилъ и приказалъ дать великіе провіанты на Шведское войско, а, выходя изъ Вильны, Виленскихъ магистратскихъ чиновниковъ взялъ въ неволю въ обозъ Шведскій. Въ оной неволѣ Виленскій войтъ Морозъ умеръ, а другіе чины Виленскаго магистрата отпущены“ [55]). Пострадали также и православные жители Вильны. По обычаю, который ведетъ свое начало именно со времени Петра Великаго, они обратились къ милостивому призрѣнію Русскаго православнаго монарха. Еще въ 1703 году Свято-Духовскій архимандритъ Исаакъ получилъ отъ Петра Великаго грамоту, въ которой братіи, сообразно съ ихъ просьбою, позволялось пріѣзжать въ Москву для милостыни, которой они просятъ отъ благочестивыхъ. Теперь, въ 1708 году, архимандритъ Ѳеофанъ обратился къ Петру съ просьбою, чтобы государь повелѣлъ, ради разоренія отъ Шведовъ, построить въ церковь Божію монастыря братскаго святыя иконы и церковную всякую утварь. Петръ повелѣлъ дать своего государскаго жалованья на церковное и монастырское строеніе денегъ триста рублей, да на милостыню братіи за текущій 1708-й годъ, пятьдесятъ рублей. Сверхъ того, въ соборную церковь пожаловано „къ служенію книгъ печатныхъ разныхъ три круга церковныхъ“ [56]). Съ тѣхъ поръ шла ежегодная милостыня изъ Россіи въ Вильну и была увеличена при Аннѣ Ивановнѣ (1733 г.). Готовность Петра помогать единовѣрнымъ православнымъ доказывается и вниманіемъ, оказаннымъ Пятницкой церкви (въ 1705 году), если справедливы относящіяся сюда извѣстія. Мы не знаемъ, съ какого времени эта церковь, подобно другимъ перешедшая въ руки уніатовъ и запустѣвшая, досталась опять православнымъ. Константина Бржостовскаго укоряли друзья Сапѣги, что онъ позволялъ Русскимъ возобновлять за извѣстную плату (въ 1,000 таллеровъ) старыя церкви[57]). Очень возможно, что Пятницкая церковь была возстановлена на этомъ условіи. Уваженіемъ, которое внушалъ къ себѣ Русскій монархъ, объясняется, конечно, и грозный приказъ Литовскаго гетмана, повелѣвающій полковнику Путкамеру немедленно освободить Свято-Духовскій монастырь отъ военнаго постоя и относящійся къ нѣсколько позднѣйшему времени (къ 1713 г.) [58]).

Горько подумать, до какого, однако, положенія доведена была православная Виленская община, когда она даже нуждалась въ богослужебныхъ книгахъ, тогда какъ и русское книгопечатаніе началось именно въ Вильнѣ. Немногочисленное братство при Свято-Духовскомъ монастырѣ, носившее теперь названіе братства и конфратерніи Пресвятой Богородицы Сокальской или также Св. Іоанна Евангелиста, составляло всю количественную силу этой нѣкогда многолюдной и богатой общины[59]). И все-таки да-

[54]) Otwinowski, p. 176.

[55]) «Археографическій Сборникъ» II т. Записки игумена Ореста, LI. Ср. Balinski, Dawna Akademia, pag. 180.

[56]) Акты города Вильны и Трокъ, изд. Семеновымъ.

[57]) Крашевскій, Wilno, pp. 146 и 163.

[58]) Акты Виленскаго Гродского Суда за 1713 годъ, листъ 116.

[59]) Новое названіе братства (вмѣсто прежняго наименованія Троицкимъ?) извѣстно намъ изъ одного любопытнаго документа, относящагося къ 1718 году, о покражѣ изъ Свято-Духовскаго монастыря, сдѣланной какимъ-то Петромъ Гуревичемъ. Украденныя вещи подробно перечислены; онѣ состоятъ изъ шнурковъ, разнаго рода бисера (pereł), съ кораллами и безъ нихъ, перстней и перстенковъ, изъ золотыхъ обручковъ. Мы затруднились бы вывести отсюда какое либо заключеніе о богатствѣ или даже состоятельности монастыря. Подобная же кража въ 1634 году была оцѣнена въ 600 грошей («Археографическій Сборникъ», VI, № 122.

Bayerische Staatsbibliothek München

леко было до конца бѣдствій какъ православнымъ, такъ и всѣмъ вообще жителямъ Вильны. Переходы Русскихъ и Шведскихъ войскъ, поборы, взысканія и прямой грабёжъ и, въ тоже время, непрекращающееся домашнее междоусобіе внутреннихъ партій—шляхетской и Сапѣгинской—сопровождаемое взаимными наѣздами на имѣнія и земли, наконецъ—это безобразное и дикое хозяйниченье польскихъ жолнеровъ, на которое современные писатели жалуются почти на каждой страницѣ, прямо сознаваясь, что ихъ отечество страдало отъ своихъ защитниковъ никакъ не менѣе, какъ и отъ враговъ [60]),—все это было страшнымъ зломъ не только само по себѣ, но еще вело къ большему злу. Вслѣдствіе опустошенія страны, съ 1708 года по 1710 во всемъ краѣ свирѣпствовалъ голодъ, посѣтившій и Вильну и дошедшій до неслыханныхъ размѣровъ, особенно въ 1709 году. Крестьяне, лишенные всякихъ запасовъ и доведенные до крайности, бросали свои деревни и стекались въ Вильну съ женами и дѣтьми, разсчитывая найти здѣсь состраданіе и хлѣбъ насущный. Толпы этихъ несчастныхъ наполняли улицы и рынки, осаждая своими стонами проходящихъ. Но прокормить такое множество не въ состояніи былъ не только одинъ городъ, но и вся Виленская провинція: отправлены были обозы на Волынь для закупки хлѣба. Запоздалая мѣра! Въ ожиданіи ея исполненія, голодная смерть могла сильно сократить число нуждающихся. Іезуитскій орденъ, со своею обычною и похвальною готовностью, открылъ свои запасы; у воротъ трехъ іезуитскихъ домовъ, около 400 человѣкъ получали каждый день подаяніе, спасающее отъ окончательнаго истощенія. Но что̀ это значило въ сравненіи съ тысячами, громко требовавшими пропитанія? Въ Вильнѣ стали ѣсть издохшихъ лошадей, убивать собакъ и кошекъ, наконецъ—дошло до того, что, среди мученій голода, были забыты всѣ другіе инстинкты человѣчества и внушенія совѣсти и сердца. Искали пищи въ томъ, надъ чѣмъ останавливаетъ сама природа. Родители убивали дѣтей; чтобы продлить агонію голодной смерти, пожирались человѣческіе трупы, гнившіе на улицахъ. Въ городѣ настала страшная смертность; груды умершихъ валялись по улицамъ и заграждали домовые входы; возами вывозили ихъ за городскія ворота и въ одну яму бросали по 60 и 70 труповъ. Трудно было доставлять какіе либо продукты на городской рынокъ; если ктолибо изъ далекихъ окрестностей и былъ въ состояніи рѣшиться на это, то свои или чужіе солдаты заберутъ на дорогѣ лошадей или воловъ. Случалось не разъ, что въѣзжали въ Вильну возы съ припасами, влекомые вмѣсто животныхъ людьми, въ нихъ запрягшимися. Въ эту страшную пору, отъ іюня 1709 до Пасхи 1710 года, умерло въ Вильнѣ 22,862 человѣка. Память о ней такъ глубоко напечатлѣлась въ умахъ, что уже въ 1761 году сдѣлано было ея наглядное представленіе на внѣшней стѣнѣ Антокольскаго костела Св. Петра—живопись, сохраняющаяся и до сихъ поръ. За голодомъ, какъ его естественное послѣдствіе, наступила ужасная зараза, отъ которой ввпродолженіе 1710 года снова умерло до 20,000 христіанъ и 4.000 евреевъ. Одинъ писатель, который могъ говорить объ этомъ времени на основаніи личныхъ воспоминаній, выражается такъ: „въ одной Вильнѣ вымерла, можно сказать, цѣлая Жмудь и отчасти Литва“.

Приводимъ еще одно мѣсто, которое относится уже къ 1715 году. „Утвержденіе у насъ Сасовъ (саксонской династіи) было очевидною карою Божіею на королевство Польское, потомучто за ними пошли различныя несчастія, и не такъ тяжки были вторженія Шведскія, Московскія, Козацкія, Калмыцкія и содержаніе своихъ длиннорукихъ войскъ, какъ эти бѣдственные годы хлѣбнаго неурожая и скотскаго падежа. Однако, эти бѣдствія не пробудили никакого состраданія въ сердцѣ панскомъ, ибо они продолжали держать безъ всякой нужды въ большемъ числѣ саксонское войско въ Польшѣ и отягощать ее контрибуціями. Сасы уничтожали еще внови все до остатка, а бѣдный людъ умиралъ съ голода. Въ городахъ, мѣстечкахъ и сёлахъ можно было видѣть по рынкамъ и улицамъ цѣлые груды лежащихъ людей и умирающихъ отъ голоду; ма-

стр. 284). Впрочемъ, воръ былъ пойманъ въ Юрборгѣ, и большая часть похищеннаго у него отобрана. Документъ находится въ Актахъ Виленскаго Гродскаго Суда.

[60]) См. Otwinowski, passim.

тери бросали дѣтей на дроги и уходили своею дорогой, не имѣя чѣмъ ихъ кормить и не желая смотрѣть на голодную смерть, приближающуюся къ нимъ. Въ Русскихъ краяхъ, въ этомъ золотомъ мѣстѣ, въ землѣ, текущей молокомъ и медомъ, также водворился голодъ среди людей, а панамъ нечѣмъ было платить за подданныхъ; вслѣдствіе того много тысячъ хлоповъ ушли въ Волошскую страну, гдѣ Турки обѣщали поселить ихъ около Хотина и дать безопасность вѣры и всякія привилегіи на 10 лѣтъ, но не сдержали обѣщанія и, уведя дальше, обратили въ бусурманство. Литовскіе татары, поселившіеся еще при Витовтѣ около Вильны и Трокъ, не могли вынести притѣсненій Саскихъ войскъ и, собравши все свое хозяйство, ушли также въ Волохи, гдѣ Турки отвели имъ значительную часть земли, гдѣ они и поселились" [61]).

По истинѣ, не было предѣла ни бѣдствіямъ народа, ни безумію магнатовъ и шляхты. Въ 1715 году сильный пожаръ 26 (15) мая, начавшійся у Острой Брамы, дополнилъ чашу бѣдствій для несчастной столицы княжества Литовскаго. А между тѣмъ здѣсь совершались слѣдующія событія и сцены. Преемникъ Сапѣги, гетманъ Литовскій Потѣй, по разнымъ личнымъ и своекорыстнымъ побужденіямъ, отворотился отъ королевской саксонской партіи и заявилъ объ этомъ шляхтѣ на Виленскомъ съѣздѣ для трибунальныхъ выборовъ. Шляхта пришла въ восторгъ, обложила себя поборами и даже не мало собрала ихъ; Виленское духовенство благословляло Потѣя на войну съ королемъ и говорило проповѣди на текстъ: „accinge femur tuum gladio" (опояши мечъ при бедрѣ твоемъ). Но Потѣй скоро охладѣлъ къ своему предпріятію: его напугали тѣмъ, что король отниметъ у него булаву, а шляхетскія деньги онъ оставилъ у себя. Говорятъ, что епископъ, убѣждавшій его къ примиренію съ королемъ, на этотъ счетъ замѣтилъ: et ego et tu capias, caeteri contribuant (мое и твое дѣло брать, другіе пусть платятъ) [62]). Въ слѣдующемъ (1716) году на сеймикѣ въ Вильнѣ Потѣй явился какъ ни въ чемъ неповинный: только Ошмянская шляхта была очень сердита и едва не разсѣкла своего гетмана на части; онъ былъ спасенъ заступничествомъ и мольбами епископа Константина Бржостовскаго [63]). Въ мартѣ того же года послѣдовалъ новый съѣздъ въ Вильнѣ и образованіе конфедераціи противъ короля, въ которой приняли участіе гетманъ и войско [64]). Только властнымъ посредничествомъ Петра была на нѣкоторое время прекращена усобица и анархія Польская (1718); Станиславъ Лещинскій, орудіе Шведской политики и поводъ къ междоусобію, былъ окончательно и навсегда устраненъ отъ притязаній на престолъ Польскій.

Но, по смерти Августа II (1733 г.), Польша и Литва снова раздѣлились: одна сторона хотѣла оставаться при Саксонскомъ домѣ другая вздумала посадить Лещинскаго. Партія, стоявшая за Августа III, обратилась къ Россіи, которая въ нѣкоторомъ смыслѣ гарантировала прежде устраненіе Станислава Лещинскаго и не могла допустить его и теперь. Вниманіемъ, обращеннымъ въ Россіи на событія въ Литвѣ, объясняется то, что въ 1733 году императрица Анна Ивановна вспомнила о Свято-Духовскомъ монастырѣ и повелѣла выдать его архимандриту Амвросію Юшкевичу (впослѣдствіи Полотскій архіепископъ, извѣстный своими проповѣдями) экстраординарной суммы триста рублей и, въ тоже время, увеличила ежегодное денежное жалованье на цѣлую половину, т. е. на 50 рублей [65]). Въ слѣдующемъ (1734) году въ октябрѣ войско, отправляемое Анною Ивановной въ Литву, дѣйствуя противъ конфедератовъ, приблизилось къ Вильнѣ. Послѣ легкой стычки, въ которой ранено было нѣсколько „станиславщиковъ", оно вошло въ городъ—и при этомъ тѣмъ менѣе могло обойтись безъ нѣкотораго насилія и грабежа, что въ немъ находилось значительное количество кочевниковъ изъ степей при-Каспійскихъ — Башкиръ или Калмыковъ—даже ночевавшихъ будто бы въ магометанской Виленской мечети. Между тѣмъ католическое духовенство, державшее сторону Лещинскаго, разбѣжалось и оставило свои костёлы беззащитными. Польскіе источники той и дру-

[61]) Otwinowski, Dzieje Polski, pag. 224–225.
[62]) Ibid. p. 221–223.
[63]) Ibid p. 259.
[64]) Ibid p. 271.
[65]) Акты Вильны и Трокъ, изд. Семеновымъ.

*

гой партіи говорятъ о грабительствѣ и святотатствѣ. Одна толпа причинила большой ущербъ юрисдикѣ и домамъ капитульнымъ; вломившись въ каѳедральный соборъ, забрала здѣсь сумму въ 3,000 злотыхъ, положенную на текущія потребности въ каплицѣ Св. Яна-Непомуцена, и святотатственно наругалась надъ мощами св. Казиміра. Въ костёлѣ св. Юрія тоже самое сдѣлала она надъ Святыми Тайнами. Но, какъ всегда, Вильна пострадала въ это смутное время столько же отъ своихъ, сколько отъ чужихъ. Конфедерація и ея войско дѣлали поборы, хватали Виленскихъ канониковъ и грабительствовали. Педантически ученые Поляки примѣняли къ себѣ слова римскаго писателя: „отъ врага Аннибала мы страдаемъ только однажды въ годъ, а наше собственное буйное войско разоряетъ и грабитъ насъ ежедневно“ [66]).

Кромѣ страданій и бѣдствій, немного найдется событій въ исторіи Вильны XVIII вѣка. Отмѣтимъ, обращаясь нѣсколько назадъ, Виленскій католическій Соборъ 1717 года, собранный уже извѣстнымъ намъ епископомъ Константиномъ Бржостовскимъ, тѣмъ болѣе, что въ постановленіяхъ этого собора есть статьи, касающіяся исторіи города. Константина Бржостовскаго упрекали прежде въ томъ, что онъ за деньги продаетъ схизматикамъ позволеніе возобновлять ихъ старые храмы. Теперь на синодѣ онъ со своимъ духовенствомъ жалуется, что диссиденты и невѣрные съ нѣкотораго времени взяли такую большую дерзость въ его епархіи, что *свободно* подновляютъ и починиваютъ свои ветхія или разваливающіяся капища (fana), синагоги и мечети: постановляется, что этого впредь не можетъ дѣлаться безъ разрѣшенія мѣстной католической духовной власти. Обращено было вниманіе и на то, что Евреи, вопреки старому запрещенію, стали возить по городу трупы умершихъ, сопровождая ихъ своимъ воемъ; что лютеране и кальвинисты совершаютъ свои погребальныя процессіи съ пѣніемъ и зажженными свѣчами въ самомъ городѣ, и притомъ мимо католическихъ храмовъ, тогда какъ это имъ позволено только за Виленскими воротами. То и другое воспрещается подъ страхомъ суровыхъ наказаній [67]).

Католической ревности Константина Бржостовскаго и благотворительности Антона Сапѣги, каштеляна Трокскаго, обязана была Вильна вызовомъ братій ордена піаровъ, что̀ имѣло важное и благодѣтельное вліяніе на образованіе и воспитаніе юношества, до сихъ поръ находившееся исключительно въ рукахъ іезуитовъ Виленской академіи. Утвержденіе въ Вильнѣ піаровъ, получившихъ отъ Сапѣги его собственный дворецъ (прежде бывшій Полубенскихъ) на Доминиканской улицѣ и, по смерти епископа, вскорѣ послѣдовавшей (1722 г.), снабженныхъ отъ капитула скромнымъ фундушемъ, содѣйствовало нѣкоторому освѣженію и оживленію іезуитской школы и преподаванія. Обязанные сначала, на основаніи соглашенія съ Сапѣгою, воспитывать и обучать до риторики небольшое число — именно шесть — шляхетскихъ дѣтей, піары, осмотрѣвшись въ Вильнѣ и усиливъ свои средства частными пожертвованіями, стали думать объ основаніи новиціата и также высшей школы. Августъ II, грамотою 1726 года, позволилъ открыть эту школу, а Виленскій епископъ, Михаилъ Зенковичъ утвердилъ уставъ шляхетскаго конвикта (закрытаго заведенія), основателемъ котораго былъ извѣстный ученый Матвѣй Догелъ (Dogiel). Іезуиты были встревожены успѣхами піаровъ и ни за что̀ не хотѣли допустить конкурренціи, которая стала бы отбивать у нихъ и учениковъ, и вліяніе. Они пустили въ ходъ всѣ средства, которыми нѣкогда боролись съ протестантами и православными. Они начали съ того, что скупили всѣ домы, сосѣдніе съ палацомъ Полубенскихъ, назначеннымъ для коллегіи, чтобы не допустить расширеніе новой школы. Когда это оказалось недостаточнымъ, они выхлопотали у своего большаго покровителя, гетмана и воеводы Виленскаго, Людовика

[66]) Ab hoste Hannibale utique semel in anno caperemur, a nostro autem tumultuario exercitu quotidie capimur et diripimur: Confederacyia aliàs Spisek Wilenski w Roku 1734. Изъ этой современной брошюры, написанной приверженцемъ Августа III и Россіи, мы заимствуемъ скудныя извѣстія о пребываніи Русскихъ войскъ въ Вильнѣ. Листъ F. 2, Ср. Wizer. XXII, 125—126 — указанія, извлеченныя изъ капитульныхъ актовъ.

[67]) Decreta synodi Dioecesanae anno 1717. Vilnae, typis academicis societatis Iesu, pag. 76 и 77.

Потѣя, оффиціальное запрещеніе піарамъ открывать въ Вильнѣ какія-либо школы, такъ какъ это нарушаетъ привилегіи іезуитской академіи, данныя папою Григоріемъ XIII. Въ томъ же смыслѣ іезуты настроивали сеймовыхъ пословъ воеводства Виленскаго (1725 г.); но шляхта воеводства Виленскаго протестовала противъ такихъ происковъ и сдѣлала ихъ напрасными. Тогда начался формальный процессъ, въ которомъ іезуиты доказывали, на основаніи своихъ привилегій, что въ Вильнѣ никто, кромѣ ихъ ордена, не имѣетъ права обучать юношество. Эта горячая борьба, въ которой іезуиты прибѣгали даже къ поддѣлкѣ документовъ, прошла всѣ судебныя инстанціи и нѣсколько разъ восходила до папы. Папской куріи они представили одинъ разъ два документа, отъ имени Виленскаго епископа и отъ имени Виленскаго магистрата, оба направленные противъ піаровъ, а послѣ оказалось, что документы были фальшивые: на самомъ дѣлѣ магистратъ просилъ не о запрещеніи піарскихъ школъ, а объ открытіи оныхъ. Подобное же превращеніе совершилось и съ епископскою грамотой [68]). Само собою разумѣется, что ученики враждебныхъ училищъ, подражая наставникамъ, тоже вели войну, употребляя въ дѣло кулаки и палки. Мошенничество іезуитовъ, обличенное въ Римѣ, повело къ признанію папскою куріей піарскихъ школъ; но необдуманная снисходительность піаровъ къ буянамъ, исключеннымъ изъ іезуитской коллегіи и, уже послѣ этого, съ обнаженнымъ оружіемъ вторгнувшимся въ зданіе академіи (гдѣ они своими саблями изрубили вывѣшенныя на стѣнахъ объявленія объ исключеніи), снова повредила имъ. Всѣ мѣстныя власти издали декреты о закрытіи піарскихъ школъ: ихъ спасло только то, что въ Польшѣ всегда можно было неисполнять законныя требованія властей. Только въ 1753 году долгій споръ между іезуитами и піарами кончился соглашеніемъ: піары отказались отъ содержанія высшихъ школъ, но оставили за собою шляхетскій конвиктъ, въ которомъ, по условію, нужно было держать не болѣе 30 воспитанниковъ. Фактически восторжествовалъ духъ мрака; піары послѣ этого не могли подняться и не поднялись.

[68]) Balinski, Dawna Akademia, p. 188 и сл.

Но бѣльмо на глазу, въ видѣ конвикта ихъ въ Вильнѣ, тревожило іезуитовъ; чтобы совсѣмъ уничтожить его дѣйствіе, они сами основали при академіи подобное же учрежденіе на средства, пожертвованныя (въ 1747) *Даніиломъ Шишкою* (24,000 злотыхъ, collegium nobilium, конвиктъ Шишки), но безъ всякаго ограниченія числа воспитанниковъ, кромѣ того, которое заключалось въ значительной платѣ за содержаніе (55 червонныхъ злотыхъ). Сверхъ того, соревнованіе съ піарами должно было подѣйствовать и на самое умственное направленіе іезуитской школы. До половины XVIII вѣка піарскія школы почти ни чѣмъ не отличались отъ іезуитскихъ, развѣ только отсутствіемъ грубаго фанатизма и большею строгостью къ проступкамъ питомцевъ. Но реформа въ воспитаніи и обученіи, произведенная ксендзомъ Станиславомъ Конарскимъ, измѣнила такое взаимное отношеніе и поставила піарскій конвиктъ Догела на неизмѣримую высоту предъ школою іезуитскою. Здѣсь перестали учить безмысленной макаронической латыни при помощи грамматики Альвара, а стали читать настоящихъ классиковъ, Цицерона и другихъ; здѣсь обратили должное вниманіе на физику, исторію, географію, а также на новые языки. Реформа отразилась и на іезуитской академіи; въ ней стали преподавать математическія науки, читать лекціи экспериментальной физики и сферической тригонометріи, учить французскому языку. Помимо стараго профессора, ксендза Ростовскаго, извѣстнаго своею исторіею Литовскихъ іезуитовъ (напечатанною въ 1768 году), начинаютъ пріобрѣтать славу молодые ученые. Мартинъ Почобутъ, впослѣдствіи знаменитый астрономъ, и Адамъ Нарушевичъ, авторъ „Исторіи Польскаго народа“, пока оба занятые преподаваніемъ латинскаго языка. Въ 1753 году положено основаніе астрономической обсерваторіи въ самомъ зданіи академіи; въ 1760 году возстановлено преподаваніе права, забытое впродолженіе ста лѣтъ. Около того же времени основано іезуитами первое періодическое изданіе („Курьеръ Виленскій“). Все это было признакомъ значительнаго успѣха, плодотворнаго движенія впередъ; но, къ сожалѣнію, духъ и нравы Польскаго общества, въ частности—буйныя привычки академическаго юношества ни-

сколько не измѣнялись къ лучшему; напротивъ, по свидѣтельству современниковъ, своеволіе студентовъ дошло до такой степени, что уже никакая власть не могла его обуздать. Безправіе оставалось основною стихіей Польской жизни. Ударъ, разразившійся надъ іезуитскимъ орденомъ изъ Ватикана въ 1773 году, прервалъ на нѣкоторое время дальнѣйшій прогрессъ іезуитскаго сближенія съ наукой и требованіями вѣка и положилъ конецъ самому существованію академіи. Навсегда движеніе не могло остановиться именно потому, что оно вызывалось требованіями XVIII вѣка, и самая академія возродилась подъ видомъ главной школы Великаго Княжества Литовскаго. Но переходное время ея существованія до 1780 года было печально. Эдукаціонная коммиссія, принявшая на себя организацію общественнаго воспитанія, дополнила, правда, составъ главной школы присоединеніемъ медицинскаго отдѣла, учредила каѳедру анатоміи и хирургіи; но вновь введенныя науки—физика, живые языки—преподавались сначала эксъ-іезуитами въ очень скудномъ размѣрѣ, и главная школа едва имѣла видъ нѣкотораго рода гимназіи. Притомъ на ней тяготѣла рука ея канцлера, епископа Масальскаго, которая была тѣмъ болѣе сильна на захватъ государственнаго достоянія, чѣмъ она была слабѣе за игорнымъ картежнымъ столомъ. Въ 1777 году открылось, что епископъ Масальскій взялъ изъ эдукаціонной кассы 300,000 злотыхъ польскихъ и, разумѣется, ихъ не возвратилъ, и, разумѣется, остался безнаказаннымъ, потому что относительно магнатовъ это всегда такъ водилось въ Польшѣ. Въ 1780 году ректоромъ школы сдѣлался Почобутъ, и съ этого времени начинается ея возрожденіе, выразившееся первоначально исключительнымъ процвѣтаніемъ естественныхъ наукъ и астрономіи и воплощающееся въ именахъ: нѣмца Шпицнагеля, піара Юндзила—ботаниковъ, самого Почобута, потомъ Яна Снядецкаго—астрономовъ. Въ 1780 году открыта при школѣ семинарія для приготовленія учителей, а въ 1785 году положено основаніе медицинской клиникѣ (при госпиталѣ Св. Роха) [69]). Дальнѣйшая исторія главной школы, а потомъ Виленскаго университета относится къ періоду Русской власти.

Если мы обратимся къ собственной исторіи города Вильны, то опять должны будемъ говорить о бѣдствіяхъ и крайнемъ упадкѣ. Цѣлый рядъ пожаровъ окончательно сокрушилъ благосостояніе города и уничтожилъ почти всѣ памятники уже исчезающей славы періода Ягеллоновъ. Пожаръ 1737 г. истребилъ цѣлую середину города, обративъ въ пепелъ шесть костеловъ (францисканскій св. Маріи на Пескахъ, свято-Янскій, іезуитскій костелъ св. Игнатія, монастырь Бонифратровъ, деревянный костелъ св. Магдалины, костелъ св. Казиміра) и ратушу. Пожаръ 1741 г. уничтожилъ до основанія каѳедральный католическій соборъ и нѣсколько домовъ въ окрестности. Бѣдствія естественныя были тѣмъ болѣе чувствительны и трудно поправимы, что рядомъ съ ними никогда не прекращалось людское зло. Виленскіе горожане постоянно жаловались на невыносимыя притѣсненія, которыми сопровождались съѣзды депутатовъ главнаго Литовскаго трибунала [70]). Учрежденія, которыя въ другихъ странахъ служили къ охранѣ и защитѣ мирныхъ гражданъ, въ Польской Речи Посполитой давали лишній поводъ къ проявленію самоуправства и презрѣнія ко всякому праву. Городъ отправлялъ депутаціи къ королю, прося освободить его отъ папскаго насилія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ іудейскаго разоренія. Въ 1742 году Еврейская торговля, разоряющая христіанъ, подверглась ограниченіямъ, которымъ суждено было оставаться также напрасными, какъ и попыткамъ уничтожить безнаказанность магнатовъ. Жиды обязаны были ни подъ какимъ видимъ не ходить съ своими товарами по городу, не имѣть открытыхъ лавокъ (склеповъ) по улицамъ, не отговаривать покупщиковъ отъ купцовъ христіанскихъ. Сверхъ того, они должны были называть себя сами „невѣрными". Это, разумѣется, не могло остановить полнаго упадка Виленской торговли, начавшагося со времени разоренія при Янѣ Казимірѣ и довершеннаго расширеніемъ Россіи до морей Балтійскаго и Чернаго, что открыло новыя и болѣе удобныя пути для привоза и отпуска. Только однажды, уже въ наше время, именно въ

[69]) Обо всемъ этомъ подробно у Балинскаго.

[70]) Крашевскій, Wilno, II, 89.

эпоху Крымской войны, когда оба моря были закрыты, Вильна снова увидѣла тѣ тысячи возовъ съ товарами, которыя нѣкогда ей были знакомы [71]). Что касается пожаровъ, то противъ нихъ приняты слѣдующія средства: запрещено было строить деревянные домы около рынка, а на главныхъ улицахъ хотя это и оставалось дозволеннымъ, но зато въ деревянныхъ домахъ, терпимыхъ здѣсь, нельзя было держать легко воспламеняемыхъ матеріаловъ: масла, водки и т. д. [72]).

Неукротимая стихія какъ будто хотѣла посмѣяться надъ такими предосторожностями. Вскорѣ случились два самыхъ страшныхъ пожара, когда-либо посѣщавшихъ Вильну. Пожаръ 11 (1) іюня 1748 года, едва оставилъ въ цѣлости одну треть города. Сумма погорѣвшихъ зданій, по совершенно точному статистическому исчисленію современника, простирается до 469 каменныхъ домовъ и дворовъ, до 15 палацовъ, до 12 храмовъ; лавокъ и аптекъ сгорѣло 149, народу погибло въ огнѣ 29 человѣкъ. Въ числѣ храмовъ истреблены были въ этомъ страшномъ разгулѣ огненной стихіи Пречистенскій соборъ вмѣстѣ со Спасскою церковью и госпиталемъ при ней, церковь Св. Николая на Большой улицѣ, находившаяся тогда посреди каменнаго дома, храмъ Св. Параскевіи или церковь Пятницкая—три древнѣйшіе памятника православія и вообще христіанства въ Литовской столицѣ; сгорѣла іезуитская академія вмѣстѣ со всѣмъ монастыремъ и костёломъ Св. Яна и т. д., и т. д. Не прошло полнаго года послѣ такого тяжкаго удара, какъ въ самомъ концѣ мая (8 іюня по новому стилю) 1749 г. на Вильну обрушился новый въ томъ же самомъ видѣ. На этотъ разъ обращена была въ пепелъ остальная часть города, пощаженная въ предъидущемъ году; но число уничтоженныхъ каменныхъ домовъ простиралось уже только до 292, кромѣ церквей и лавокъ на сей разъ сгорѣлъ до тла Духовскій монастырь съ церковью, остались лишь однѣ стѣны; Вильна обращена была въ груду развалинъ; немалое число жителей разошлись по деревнямъ и сосѣднимъ мѣстечкамъ, отыскивая средства къ жизни; оправиться послѣ такого ряда бѣдствій городъ уже никакъ не могъ. Виленскій магистратъ, потерявшій ратушу и часть архива, поручилъ извѣстному тогда въ Вильнѣ стихотворцу, мѣстному жителю Василью Бонифацію Яхимовичу, составить на память потомства описаніе обоихъ пожаровъ. Отсюда мы видимъ, что ко времени перваго изъ оплакиваемыхъ имъ бѣдствій городъ не успѣлъ еще изгладить слѣды старыхъ опустошеній. Яхимовичъ, идя по порядку улицъ и домовъ въ своемъ перечисленіи сгорѣвшихъ зданій, насчитываетъ до ста разрушенныхъ каменицъ и пустыхъ незастроенныхъ плацовъ, оставшихся въ такомъ видѣ послѣ огненнаго посѣщенія прошедшихъ лѣтъ: сколько же ихъ было послѣ 1748 и 1749 роковыхъ годовъ. Пречистенскій соборъ былъ возобновленъ уніатскимъ митрополитомъ, далеко не въ прежнемъ видѣ, только въ 1785 году; цѣлыхъ 37 лѣтъ Русская святыня находилась въ запустѣніи. Въ меморіалѣ, представленномъ отъ Виленскаго гражданства на конвокаціонный сеймъ 1764 года, содержалась просьба о пособіи денежномъ изъ казны государственной, для возстановленія изъ развалинъ обвалившихся улицъ. Въ томъ же документѣ, кромѣ обычныхъ и тщетныхъ жалобъ на трибунальныхъ депутатовъ, на торговлю Жидовскую, мы встрѣчаемъ сѣтованія на злоупотребленія разныхъ католическихъ орденовъ, присвоющихъ себѣ торговлю и ремесла, лишающихъ городское общество, чрезъ умноженіе особыхъ юрисдикъ, всякой власти и доходовъ [73]). Рапортъ, представленный постоянному совѣту (rada nieustająca) въ 1784 году, считаетъ въ *городѣ:* 19 монастырей, 26 палацовъ, 154 каменицы, 69 дворковъ, 16 домовъ обыкновенныхъ, 15 пустырей; въ *предмѣстьяхъ:* 8 монастырей, 5 палацовъ, 40 каменицъ. 419 дворковъ, 206 хижинъ (chałup). Итакъ, всего было тогда едва 935 домовъ, а въ томъ числѣ едва не половина такихъ, въ которыхъ могло жить по одному и развѣ по два — по три семейства. Въ 1786 году бурмистръ Дубинскій, извѣстный изданіемъ документовъ, относящихся къ исторіи Вильны, писалъ одному изъ Виленскихъ гражданъ, находящемуся въ Варшавѣ, что недостатокъ въ городской кассѣ

[71]) Encyclopedia Powsz. XXVII, 86.

[72]) Kraszewski Wilno, II, 90.

[73]) См. у Крашевскаго, Wilno. II, 96.

денегъ дѣлаетъ препятствіе къ посылкѣ на сеймъ депутатовъ отъ магистрата въ Варшаву" [74]).

Зато здѣсь были магнаты, получавшіе по милліону рублей ежегоднаго дохода, въ лицѣ которыхъ свободная человѣческая личность достигала до крайней высоты возможнаго развитія, до послѣдней степени сумасбродства, тщеславія, самоуправства, презрѣнія къ закону и чужимъ правамъ. Образцомъ ихъ былъ знаменитый князь Карлъ Радивилъ, Panie Kochanku, давшій знать себя и городу Вильнѣ. Въ 1763 году, по смерти Августа III, Карлъ Радивилъ, носившій тогда званіе Виленскаго воеводы, собралъ въ Вильнѣ свой собственный сеймъ, окружилъ его собственнымъ войскомъ и орудіями. Полковникъ графъ Станиславъ Понятовскій, стольникъ Великаго Княжества Литовскаго и будущій король, стоялъ во главѣ другой партіи и протестовалъ противъ дѣйствій Радивила, занявши съ своими приверженцами каѳедральный соборъ. Партія Радивила страшно буйствовала по городу; пьяная шляхта, дошла до какого-то изступленія и нетолько нападала на своихъ противниковъ, но стрѣляла для забавы въ кого попало; нѣсколько человѣкъ мирныхъ гражданъ пали жертвою панской потѣхи. Изгнанный за противодѣйствіе Русской политикѣ, Карлъ Радивилъ воротился только послѣ того, какъ согласился служить ея видамъ и сдѣлаться защитникомъ вѣротерпимости (Слуцкая конфедирація). 3 іюня 1767 года онъ вступилъ въ Вильну. Духовенство, городской магистратъ, нѣсколько тысячъ прибывшей нарочно шляхты встрѣчали его съ радостными восклицаніями. Гулъ Виленскихъ колоколовъ заодно съ выстрѣлами Русскихъ пушекъ раздавались во славу его возвращенія. „Да будетъ благословенъ возвратъ твой, кричала шляхта, ты приносишь намъ свободу и миръ" [75]). Что разумѣла католическая шляхта подъ миромъ и свободой — это намъ извѣстно. Дальнѣйшія событія въ Варшавѣ и Барская конфедерація доказали, что не только свобода, но и миръ невозможны въ Польшѣ, оставленной себѣ самой. Мы не будемъ здѣсь говорить о взрывѣ фанатической злобы, съ которою конфедераты набросились на православныхъ, мстя имъ за вмѣшательство и заступничество Русской императрицы, потому что мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ это настроеніе отразилось на немногочисленной группѣ *Виленскаго* православнаго населенія. Мы можемъ отмѣтить только то, что договоромъ 1768 года, по которому православнымъ возвращалась полная свобода вѣроисповѣданія, обезпечено было также въ прямыхъ выраженіяхъ и гарантировано Русскимъ покровительствомъ вѣчное существованіе православной Виленской архимандріи при Св. Духовомъ монастырѣ, и что въ числѣ извѣстныхъ Бердичевскихъ уніатскихъ узниковъ находились питомцы Виленской папской колоніи [76]). Но мы должны остановиться нѣсколько на одномъ любопытномъ документѣ, прямо касающемся Вильны. Въ 1775 году, отъ имени уніатскаго митрополита и всего духовенства, представленъ былъ формальный обвинительный актъ противъ всей дѣятельности базиліанскаго ордена въ Литвѣ и въ особенности противъ поведенія монашеской общины Троицкаго Виленскаго монастыря [77]). Базиліане обвинялись въ томъ, что они всегда стремились угнетать клиръ и свѣтское духовенство, вмѣсто того чтобы служить ему поддержкою и пособіемъ, для чего собственно и учреждены всѣ монашескіе ордены. Базиліане заняли всѣ мѣста и должности, захватили всѣ фундуши, присвоили себѣ деспотическую власть надъ уніатскимъ клиромъ, насиліемъ и хитростью совершенно уничтожили капитулы при каѳедральныхъ церквахъ и разрушили соборные клиросы въ главнѣйшихъ городахъ, наконецъ—довели этимъ до крайняго упадка

[74]) Encyclop. Powsz. XXVII, 89.

[75]) Костомаровъ, «Послѣдніе годы Речи Посполитой», стр. 89.

[76]) О Бердичевскихъ узникахъ: Кояловичъ, «Исторія возсоединенія Западно-Русскихъ уніатовъ», стр. 143. Ср. Harasew. Annales p. 502. Какъ видно изъ документовъ, напечатанныхъ у Гарасевича, они освобождены были по ходатайству Маріи Терезіи.

[77]) Этотъ крайне любопытный и важный документъ напечатанъ, по обыкновенію очень неисправно, Гарасевичемъ въ «Анналахъ Русской церкви» (Annales eclesiae ruthenae, p. 529—536).

самыя церкви. Виленская соборная церковь славилась нѣкогда и внѣшнею красотой зданія, и богатствомъ внутренняго убранства, а теперь своими развалинами и запустѣніемъ она свидѣтельствуетъ о крайнемъ позорѣ и униженіи греческаго обряда и вызываетъ недоумѣніе въ жителяхъ этого главнаго города въ Литовскомъ княжествѣ. Ея достояніе расхищено было базиліанами, такъ-что остался едва одинъ потиръ (calix) и два старыхъ облаченія изъ самой дешевой матеріи. Чудотворная икона Пресвятой Дѣвы съ драгоцѣнными украшеніями и вся церковная утварь перенесены базиліанами изъ соборной церкви въ ихъ (Троицкій) монастырь, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ преданіе и надпись на самой иконѣ. Приходскія Виленскія церкви: Покрова Богородицы, Евангелиста Іоанна, Св. Михаила, Пророка Иліи, Св. Екатерины, Св. Николая, Св. Козьмы и Даміана, Апостоловъ Петра и Павла, Великомученика Георгія и Рождества Христова—при управленіи базиліановъ равнымъ образомъ подверглись конечному запустѣнію, такъ-что на ихъ земляхъ, плацахъ и погостахъ находятся домы шляхты и мѣщанъ Виленскихъ, даже кожевни (coriolae), принадлежащія Жидамъ; ради ничтожнаго прибытка, къ крайнему униженію церкви и къ явной профанаціи святыхъ нѣкогда мѣстъ, церковное достояніе предано чуждому народу. Изъ всѣхъ исчисленныхъ сейчасъ храмовъ, равно какъ изъ церкви Воскресенія Христова, также доведенной до крайняго упадка, унесена вся церковная утварь и серебро. Церковь Св. Параскевіи (Пятницкую) съ ея погостомъ, каменными домами и съ послѣ выстроеннымъ домомъ приходскаго священника базиліане присвоили себѣ. Церковь перенесенія мощей Св. Николая—они оставили въ сиротствѣ и значительномъ разореніи, лишивъ ее всего внутренняго украшенія: только въ послѣднее время она получила внѣшній приличный видъ и внутреннее убранство, благодаря о. Франциску Морзелевскому, недавно къ ней назначенному. Это—послѣдній и единственный представитель Виленскаго клира, состоявшаго нѣкогда изъ шести пресвитеровъ и двухъ діаконовъ при каѳедральномъ соборѣ, да изъ 13 приходскихъ священниковъ. Захвативъ такимъ образомъ въ свои руки всѣ приходскія церкви, базиліане измѣнили волю фундаторовъ и нарушили ихъ завѣщанія, отмѣнили обязательства, наложенныя жертвователями на прежнее духовенство, хотя и взяли на себя духовное попеченіе о прихожанахъ упомянутыхъ церквей, остававшееся за ними до 1762 года. Перенеся на себя всѣ права и привилегіи прежняго соборнаго клира (капитула), базиліане злоупотребляли ими для различныхъ сдѣлокъ, противныхъ какъ первоначальной цѣли, для которой они дарованы, такъ и пользамъ клира. Они присвоили своему монастырю имѣніе Свираны, записанное въ 1522 году княземъ Константиномъ Острожскимъ на содержаніе четырехъ пресвитеровъ и двухъ діаконовъ при Соборной Виленской церкви. Имѣніе Крошты и придаточныя части (attinentias) имѣнія Шешолы, назначенныя тѣмъ же щедрымъ жертвователемъ для вышеупомянутыхъ священниковъ и діаконовъ, базиліане распродали и, вмѣсто ихъ, не пріобрѣли для церкви никакихъ другихъ имѣній, хотя они только подъ этимъ условіемъ получили отъ короля Владислава IV согласіе на продажу, и хотя продаваемыя имѣнія стоили не менѣе 100,000 злотыхъ, а они обязаны были взамѣнъ ихъ купить не болѣе какъ на 50,000. Этого не было сдѣлано, а вырученныя суммы растрачены неизвѣстно на какое употребленіе. Имѣніе Вуки (Wuka), пожертвованное въ 1506 году Ѳеодоромъ Янушкевичемъ и умноженное Павломъ Сапѣгой, каштеляномъ Трокскимъ—они точно также отвратили отъ первоначальнаго назначенія въ пользу свѣтскаго духовенства. Разныя денежныя пожертвованія въ пользу церквей Виленскихъ—500 злотыхъ на церковь Козьмы и Даміана, и сумма, записанная на каменицѣ Солтановской въ пользу храма Евангелиста Іоанна, присвоены двумя базиліанами Котлубаемъ и Бѣнецкимъ и растрачены ими на свои собственныя нужды. Послѣдній, будучи оффиціаломъ митрополичьимъ, приказалъ даже вырвать изъ стѣнъ и оконъ соборной церкви старинное желѣзо, скрѣплявшее ихъ, и велѣлъ себѣ приготовить изъ этого желѣза повозку. Наконецъ, тотъ же самый о. Бѣнецкій во время моровой язвы, свирѣпствовавшей послѣ 1700 г., нашелъ въ Никольской церкви олова (stannum) на сумму въ 24,000 злотыхъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ преданіе и свидѣтели-очевидцы

это олово принадлежало одному мѣднику (stanni fabro), жившему на землѣ церковной (inquilino ecclesiae) и положено было на сохраненіе, а Бѣнецкій велѣлъ изъ него приготовить 18-ть небольшихъ канделябръ, а остальное обратилъ въ свою пользу. Подобнымъ же образомъ другой оффиціалъ и настоятель Виленскаго монастыря Жиравскій продалъ монахамъ Августинскаго ордена каменный домъ, принадлежавшій госпиталю (xenodochium) соборной церкви и употребилъ деньги неизвѣстно на что̀, только не въ пользу госпиталя". То̀, что̀ дѣлалось въ Вильнѣ, можетъ служить обращикомъ того, какъ вообще хозяйничали базиліанскіе монахи, т. е. большею частью Поляки, а нерѣдко и іезуиты, поступавшіе въ унію ради занятія высшихъ духовныхъ мѣстъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ 1792 году — въ виду грозы, долженствовавшей обратить въ прахъ мнимое возрожденіе, Польша повсемѣстно пировала, и городъ Вильна не отсталъ отъ другихъ. 17-го января, въ день рожденія короля Станислава Августа, послѣ торжественнаго богослуженія въ костелѣ Св. Яна, епископъ Масальскій, извѣстный своимъ предсѣдательствомъ въ эдукаціонной коммиссіи, давалъ обѣдъ на сто слишкомъ особъ, а въ три часа было публичное засѣданіе главной школы Великаго Княжества Литовскаго, замѣнявшей іезуитскую академію; профессоръ церковной исторіи, Богуславскій говорилъ рѣчь въ прославленіе новой конституціи. Вечеромъ давалъ великолѣпный балъ маршалъ трибунала—съ ужиномъ и пушечными выстрѣлами, раздававшимися во время питья за здоровье короля [1]). Но Полякамъ нужно было бы не только поменьше пировать и веселиться, но и поменьше тратить пороха. 14-го мая, когда уже надобно было дѣйствовать противъ Русскихъ, генералъ артиллеріи Казимиръ-Несторъ Сапѣга, доносилъ правительству, что Виленскій арсеналъ совсѣмъ развалился; нѣтъ мѣста для ученія и самое ученіе не производится; нѣтъ также мѣста для склада пороха и дровъ [2]).

Русское войско, призванное противниками Майскаго переворота, подъ главнымъ начальствомъ генерала Кречетникова, вошло въ Литву. Изъ четырехъ отдѣловъ, на которое оно было раздѣлено, два находились подъ начальствомъ князя Долгорукаго (9,000) и Симона Коссаковскаго (8,300) и должны были слѣдовать прямо на Вильну. 31-го мая (11-го іюня по н. с.) генералы Долгорукій, Коссаковскій и Денисовъ достигли Вильны, не встрѣчая отпора. Въ городѣ былъ отрядъ охотниковъ, недавно поступившихъ; они не защищали города. Приверженцы конституціи 3-го мая бѣжали или въ Варшаву, или въ Пруссію. Было заранѣе объявлено позволеніе тѣмъ, кто не хотѣлъ отрекаться отъ конституціи 3-го мая, оставить городъ. Коссаковскій началъ составлять конфедерацію, въ которую записались до тысячи собравшихся изъ повѣтовъ дворянъ; маршаломъ конфедераціи былъ назначенъ старый князь Александръ Сапѣга, канцлеръ Великаго Княжества Литовскаго. По прибытіи Кречетникова, 14 (25) іюня, отправлено было торжественное объявленіе новой конфедераціи, направленной противъ Майской конституціи.

Епископъ Коссаковскій, братъ Симона, который былъ теперь нареченъ „польнымъ“ Литовскимъ гетманомъ, служилъ обѣдню у св. Яна; народъ сошелся туда большою толпою; кто и не хотѣлъ— все-таки долженъ былъ идти: боялись русскихъ солдатъ и козаковъ. Впрочемъ, большинству, составленному изъ людей убогихъ и незнатныхъ, было

[1]) Костомаровъ, «Послѣдніе годы Речи Посполитой», стр. 405.

[2]) Тамъ же, стр. 460.

все равно, что̀ бы ни происходило въ ихъ отечествѣ, а были люди, которые даже радовались происходящему. Городскіе цехи съ хоругвями и бубнами шли въ торжественной процессіи; монахи всѣхъ орденовъ, академики въ своихъ тогахъ собрались въ костелъ такимъ же порядкомъ, какъ и прежде сбирались на торжества въ память 3-го мая. Послѣ обѣдни епископъ прочиталъ актъ конфедераціи. Богослуженіе окончилось торжественнымъ „Te Deum", при громѣ русскихъ орудій. Народу устроили обѣдъ, гдѣ было изобиліе жареной говядины и пива. На третій день послѣ этого, назначенный маршаломъ провинціальной Виленской конфедераціи, Игнатій Швейковскій издалъ замѣчательный манифестъ, въ которомъ рѣзко порицались дѣйствія сторонниковъ Майской конституціи, указывалось на то, что въ школахъ велѣно было внушать юношеству мнѣнія и убѣжденія, противныя закону, съ церковныхъ каѳедръ проповѣдывались убійства и жестокости, искоренялось уваженіе къ религіи и пастырямъ церкви. За примѣрами не далеко было ходить. Католическій пастырь, епископъ Масальскій, испыталъ въ самой своей резиденціи оскорбленія и угрозы, а разъѣзжая по своей епархіи, въ мѣстечкѣ Кальваріи подвергся задержанію и неприличному обращенію. У старосты Опецкаго, графа Мануцци, въ Вильнѣ ограбили лошадей, бумаги, серебро, отобрали прислугу безъ всякаго суда [3]). Послѣ этого Литовскіе дворяне со всѣхъ сторонъ спѣшили въ Вильну заявлять покорность русской государынѣ, ради спасенія своихъ имѣній. Торжествующая при помощи Русскаго оружія, Польская партія ознаменовала себя такими же насиліями и своеволіемъ, въ которыхъ обвиняла противниковъ. Такъ, графъ Мануцци, надъ которымъ за недоброжелательство къ конституціи издѣвались Виленскіе мѣщане, выпекалъ теперь глаза мѣщанамъ принадлежавшаго ему мѣстечка за то, что тѣ, опираясь на права, предоставленныя мѣщанству 3-го мая, подали на него жалобу за причиняемыя имъ утѣсненія. Какой-то Якутовичъ жаловался на разореніе его имѣнія и на то, что въ Вильнѣ, куда онъ былъ привезенъ козаками связанный, его розгами принудили подписывать реконфедерацію и отреченіе отъ конституціи 3-го мая. Слагая вину своихъ бѣдствій на Польскихъ магнатовъ, онъ пророчески говорилъ: „что Польша нѣкогда войдетъ въ вѣчное соединеніе съ Россіею, выгодное обоимъ народамъ, и тогда виновники смутъ будутъ презираемы, а тѣмъ, кто искренно хотѣлъ спасти Польшу, воздана будетъ честь за ихъ доблесть" [4]). Вѣрно то, что такіе люди, какъ епископъ Коссаковскій, получавшій отъ русскаго посла Сиверса деньги во все время Гродненскаго сейма для себя и для пословъ, выбранныхъ на сеймъ, оказались двуличными интриганами даже по отношенію къ Россіи. На этомъ сеймѣ многіе изъ членовъ (Нарбутъ, Шишко и другіе) говорили въ пользу соединенія съ Россіей, и самъ епископъ увѣрялъ посла русскаго, что Литва и часть Короны готовы соединиться съ Россіей и совершенно отдаться въ подданство Русской императрицѣ. Но проектъ инструкціи для депутаціи, которая должна была вести переговоры съ Россіей, написанный въ домѣ Коссаковскаго и подъ его вліяніемъ, говорилъ, вмѣсто совершеннаго соединенія съ Россіей, только о союзѣ ихъ какъ отдѣльнаго государства съ другимъ [5]).

За Гродненскимъ сеймомъ, который оставилъ Вильну еще Польскимъ городомъ, послѣдовало извѣстное возстаніе Костюшки, вѣроломное избіеніе Русскаго союзнаго войска въ Варшавѣ и послѣдній раздѣлъ Польши. Вслѣдъ за Варшавою возстаніе разразилось въ Вильнѣ, гдѣ также оставались еще Русскія войска, и гдѣ уже дѣйствовалъ эмиссаръ Варшавскихъ заговорщиковъ, полковникъ Ясинскій; его соучастники Несѣловскій, князь Антонъ Гедройцъ, Прозоръ и Петръ Завиша склонили на свою сторону стоявшаго тамъ съ бригадою Сулистровскаго и нѣкоторыхъ обывателей. Всѣ поклялись не покидать оружія, пока не очистятъ Литвы отъ Москалей. Въ городѣ начальствовалъ русскимъ отрядомъ генералъ Арсеньевъ, человѣкъ безпечный и подпавшій вліянію одной польки, пани Володковичъ. Отрядъ состоялъ изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ, одного батальона егерей, Донскаго полка и четырехъ

[3]) Костомаровъ, тамъ же, стр. 486—489.

[4]) Костомаровъ, стр. 491.

[5]) Тамъ же, стр. 598.

ротъ артиллеріи, въ которой считалось 19 орудій. Артиллерійскій паркъ былъ расположенъ въ полѣ, на Погулянкѣ, и находился подъ командой маіора Тучкова. Замокъ, арсеналъ, коммиссаріатъ оставались въ рукахъ Поляковъ, какъ союзниковъ, и были заняты ихъ полками, состоявшими подъ верховною командой гетмана Коссаковскаго, какъ главнаго начальника Литовскихъ войскъ. Коссаковскій искренне боялся всякаго возстанія противъ Русскихъ, потому что онъ былъ чрезвычайно ненавидимъ и палъ бы первою жертвою патріотовъ: онъ арестовалъ нѣсколько офицеровъ и старался объ уменьшеніи своего войска; по его же стараніямъ были удалены патріоты Бржостовскій, Грабовскій и ксендзъ Богушъ. Но три полковника—вышеназванные Гедройцъ, Несѣловскій и Мей, а также бригадиръ Хлѣвинскій были участниками заговора.

Гетманъ Коссаковскій первый подмѣтилъ, что Ясинскій затѣваетъ возстаніе, и арестовалъ его. Но Ясинскій убѣжалъ и, скрываясь въ Вильнѣ у друзей, положилъ вмѣстѣ съ ними въ назначенную ночь напасть на сонныхъ Русскихъ, перебить ихъ, или взять въ плѣнъ. Польскіе жолнеры были подговорены снабдить обывателей оружіемъ. Подъ предлогомъ полученія жалованья, они приходили на Польскую гауптвахту и выносили оттуда подъ шинелями оружіе и раздавали обывателямъ. Въ ночь, когда надобно было начать рѣзню, заговорщики положили собраться въ замкѣ; жолнеры должны были зарядить ружья и, сверхъ того, взять съ собою по заряженному пистолету. Оттуда они должны были идти кучками, по количеству Русскихъ постовъ, и дожидаться сигнала. Пушечный выстрѣлъ на башнѣ замка долженъ былъ служить сигналомъ: всѣ, услыхавши его, должны были броситься на Русскихъ и бить ихъ, гдѣ и какъ попало. Главными соумышленниками заговорщиковъ изъ среды Виленскихъ жителей были нѣкто Хацкевичъ, извѣстный шулеръ, поручикъ Колонтай, Потѣй и Бржостовскій. Предъ взрывомъ возстанія, носились слухи, что въ Вильнѣ готовится рѣзня. Факторъ — Еврей, по прозвищу Гордонъ, указалъ Тучкову, что на домахъ, гдѣ квартируютъ Русскіе, были буквы RZ, а надъ воротами Тучкова: № 13. Тучковъ донесъ объ этомъ Арсеньеву, но тотъ сказалъ: „это шалость какихъ нибудь повѣсъ“ и приказалъ стереть надписи. Тучковъ, однако, принялъ предосторожности, поставилъ караулъ у парка и велѣлъ держать фитили при орудіяхъ. Арсеньевъ, обманываемый Поляками, даже разсердился на Тучкова за такія излишнія мѣры и говорилъ: „не стыдно ли вамъ бояться Поляковъ“. Но Тучковъ не послушался начальника и все-таки держалъ фитили горящими въ латунныхъ фонаряхъ, чтобы скрыть ихъ отъ глазъ власти.

Наступила Пасха, случившаяся въ этотъ годъ въ одинъ день у православныхъ и католиковъ 10 (21) апрѣля. Между Русскими и Поляками начались недоразумѣнія и драки. Поздно вечеромъ пріѣхалъ гетманъ Коссаковскій, едва успѣвшій спастись изъ рукъ заговорщиковъ, которые хотѣли схватить его въ имѣніи его брата, неподалеку отъ Вильны. Въ понедѣльникъ онъ отправился къ Арсеньеву, жившему въ палацѣ Паца, на Замковой улицѣ. „Надобно скорѣе Русскимъ войскамъ выходить изъ Вильны, сказалъ онъ. Поляки взбунтовались. Вамъ самому грозитъ опасность“. Но Арсеньевъ отвѣчалъ, что правила не дозволяютъ выводить войска въ лагерь раньше 15-го мая. „Я не вижу никакой опасности“, прибавилъ онъ.

Вечеромъ Ясинскій назначилъ заговорщикамъ сборище въ Зарѣчьѣ, въ саду, гдѣ часто собиралась молодежь пить пиво. Туда привезли и артиллерію. Тамъ условились, какъ овладѣть гауптвахтою и арестовать генераловъ и офицеровъ. Въ половинѣ перваго ночью раздался пушечный выстрѣлъ, вслѣдъ затѣмъ ударили по костеламъ въ набатъ, забили въ барабаны. Выстрѣлы пошли одни за другими чаще и чаще. Заговорщики, одни съ ружьями, другіе съ кольями, саблями, ножами, бѣжали по разнымъ улицамъ, и толпы ихъ постоянно увеличивались. Маіоръ Собецкій съ жолнерами 7-го полка напалъ на гауптвахту (близъ ратуши), перебилъ часть Русскихъ (другіе отдались въ плѣнъ) и захватилъ здѣсь 8 орудій. Русскій генералъ былъ схваченъ, какъ говорятъ, на Антоколѣ въ домѣ госпожи, съ которою любезничалъ и отведенъ въ арсеналъ подъ стражу. Ясинскій сказалъ ему: „господинъ генералъ, вы арестованы: таковъ жребій войны (??). Но за вашу доброту и благород-

ство вы будете въ сердцахъ нашихъ уважаемы и любимы“ [6]). Сюда же въ арсеналъ скоро привели на веревкѣ при неистовыхъ крикахъ толпы гетмана Коссаковскаго, найденнаго на чердакѣ за трубой, куда онъ спрятался отъ вломившихся къ нему въ домъ заговорщиковъ.

Страхъ неожиданности поразилъ Русскихъ до того, что они потеряли присутствіе духа. Иные прятались въ печи, другіе надѣвали женское платье. Такимъ образомъ, безъ особаго труда Поляки схватили полковника Языкова, коменданта Ребока, и сверхъ того, пять маіоровъ, четырехъ капитановъ, 11 поручиковъ, 8 подпоручиковъ, 12 прапорщиковъ и 964 нижнихъ чиновъ. Всѣхъ ихъ заперли въ костелъ св. Казиміра, откуда, по приказанію Ясинскаго, были вынесены св. дары.

Тучковъ успѣлъ, однако, пробиться и спастись чрезъ глухой переулокъ, черезъ плетень, огораживавшій дворы, въ сопровожденіи одного гусара—къ своему парку на Погулянкѣ. Къ нему стали сходиться русскія роты, которыя также, какъ Тучковъ, за невозможностью проѣхать чрезъ рогатку, пробивались сквозь заборы домовъ. Одна изъ этихъ ротъ дралась съ поляками въ городѣ на штыкахъ и положила много Поляковъ, но отъ нея самой осталось всего сорокъ человѣкъ. Тучковъ началъ бомбардировать городъ. Въ Вилбнѣ сдѣлался пожаръ. Поляки, увидавъ откуда имъ угрожаетъ опасность, отправили противъ Тучкова одну за другою команды, но козаки заманили ихъ подъ орудія, которыя угощали ихъ картечью. Между тѣмъ въ монастырѣ, находившемся въ предмѣстьѣ, канониры подмѣтили складъ пороха и, по приказанію Тучкова, зажгли его. Остатки Русскихъ убѣжали изъ города къ Тучкову и привели съ собою даже того офицера польской службы, который имѣлъ приказаніе арестовать Тучкова; другіе успѣли захватить съ собою припасовъ и въ томъ числѣ „свячёнаго“ (пасхальныхъ снѣдей), котораго по обычаю много приготовили въ своихъ домахъ Поляки. Около полудня 12 (23) апрѣля собралось на Погулянкѣ ускользнувшихъ отъ избіенія и плѣна около 1,200 человѣкъ, въ томъ числѣ деньщики, слуги и проч. Арсеньевъ, находясь въ плѣну, прислалъ къ Тучкову русскаго плѣннаго офицера съ запиской, въ которой требовалъ, чтобы, изъ уваженія къ опасности, въ которой находится его жизнь, Тучковъ не начиналъ съ Поляками враждебныхъ дѣйствій. На это храбрый маіоръ и всѣ офицеры отвѣчали, что они будутъ защищать честь и жизнь свою до послѣдней капли крови. Наперекоръ просьбѣ Арсеньева, Тучковъ усилилъ бомбардированіе Вильны. Противъ него выходили Поляки изъ города, но убѣгали назадъ, поражаемые изъ орудій. Между тѣмъ, впродолженіе всего дня Тучковъ дѣлалъ приготовленія къ отступленію. Не зная того, жители Вильны пришли вслѣдствіе бомбардированія въ такое смятеніе, что близки были къ потерѣ духа и къ сдачѣ. Тутъ Ясинскій далъ приказаніе всѣмъ, подъ страхомъ смерти, зажечь въ каждомъ окнѣ по двѣ свѣчи и всѣмъ собираться на рынокъ съ оружіемъ, съ какимъ кто можетъ, подѣлилъ собравшихся на отряды и высылалъ партіями за разныя городскія ворота, готовясь къ битвѣ. Но страхъ и заботы его были напрасны. Тучковъ оставилъ горящіе костры на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ, а между тѣмъ отступилъ на Понарскія высоты, а потомъ ушелъ къ Гроднѣ.

Какъ скоро сдѣлалось извѣстнымъ отступленіе Тучкова, въ Вильнѣ созвано было народное собраніе на рынкѣ и оглашено революціонное устройство. Нѣкто Бялопётровичъ, одаренный крѣпкимъ горломъ, по приказанію Ясинскаго, прочиталъ всенародно актъ Литовскаго повстанья, девизомъ котораго признавались слова Костюшки „кто не съ нами, тотъ противъ насъ“. Составился Литовскій высочайшій совѣтъ, и Ясинскій наименованъ начальникомъ вооруженной народной силы въ Литвѣ. На слѣдующій день жители Вильны увидали близь ратуши новомодную висѣлицу, примкнутую къ фонарю (à la lanterne). Въ четвергъ при большомъ стеченіи народа, съ барабаннымъ боемъ привезенъ былъ сюда послѣдній Литовскій гетманъ. Къ нему на встрѣчу выѣхалъ Ясинскій съ Нѣсоловскимъ и Тизенгаузомъ и, обратившись къ народу, сказалъ, что тутъ будетъ происходить событіе, о которомъ запрещается разсуждать, и что если кто подниметъ голосъ, то будетъ повѣшенъ на

[6]) Костомаровъ, стр. 746.

этой висѣлицѣ. Вслѣдъ за тѣмъ прочитанъ былъ обвинительный приговоръ Коссаковскому. Бернардинскій монахъ вошелъ въ карету осужденнаго для исповѣди, и когда онъ вышелъ, „гицели" вывели подъ руки Литовскаго гетмана. Онъ хотѣлъ сказать народу прощальное слово, но барабанный бой прервалъ его рѣчь. Приговоренный къ висѣлицѣ, Коссаковскій кончилъ свою жизнь самымъ мучительнымъ образомъ вслѣдствіе неискусства палача [7]). Его братъ, епископъ Коссаковскій испыталъ ту же самую участь въ Варшавѣ, а Виленскій епископъ Масальскій подвергся еще большему поруганію отъ Варшавской черни; до обморока избитый, онъ тоже былъ повѣшенъ. Тѣло его, однако, было привезено въ Вильну и погребено въ каѳедральномъ соборѣ. Революціонный терроръ въ Вильнѣ не остановился на казни Коссаковскаго. Въ половинѣ мая казненъ былъ бывшій маршалъ Виленской конфедераціи Швейковскій и осуждены на смерть другіе, успѣвшіе скрыться. Вильна устроила у себя муниципальную гвардію, которая простиралась до 3,000 человѣкъ. 11 мая былъ первый смотръ новосформированной силы. Ее привѣтствовалъ и воспламенялъ къ защитѣ отечества Михаилъ Огинскій, недавно служившій Россіи на Гродненскомъ сеймѣ. „Да здравствуетъ отечество, да погибнутъ измѣнники", кричалъ вооруженный народъ. Туземный механикъ Заливскій устроилъ въ Вильнѣ литейный заводъ, на которомъ успѣли приготовить 11 пушекъ, пока не разорвало формы. Но между польскими генералами скоро начались несогласія и соперничество. Ясинскій, признанный начальникомъ возстанія, былъ слишкомъ молодъ, старшіе генералы находили для себя унизительнымъ повиноваться ему. Тогда Костюшко прислалъ Вьельгорскаго; но этотъ генералъ не имѣлъ ни дарованій, ни умѣнья вести войну и скоро покинулъ Вильну, оставивъ въ ней комендантами Павла Грабовскаго, Мейена и Гурскаго. Гроза между тѣмъ приближалась.

8 іюля (1794) подступилъ къ Вильнѣ съ войскомъ русскій генералъ Кноррингъ. Городъ былъ обведенъ ретраншаментами со многими батареями, отъ оврага, который находится выше Острой Брамы, до рѣки Виліи. Русскіе, послѣ кровопролитнаго штурма, ворвались за эти ретраншаменты и расположились на высотахъ, окружающихъ городъ. Входъ въ предмѣстье былъ открытъ. Кноррингъ послалъ трубачей требовать сдачи, но Поляки не допустили ихъ до города, стрѣляли по нимъ и одного ранили. Тогда русскіе отряды, подъ начальствомъ Тучкова и полковника Діева, направились одинъ къ Острой брамѣ, другой къ Зарѣчной. Проходъ по предмѣстьямъ былъ чрезвычайно затруднителенъ; изъ домовъ, съ крышъ, съ чердаковъ стрѣляли изъ ружей и бросали каменьями. Русскіе подъ градомъ пуль двигались впередъ и пошли на обѣ стороны, но скоро должны были податься назадъ. Кноррингъ послалъ къ нимъ на помощь Нарвскій полкъ, подъ начальствомъ полковника Миллера. Тогда Русскіе опять пошли впередъ, но увидѣли, что ворота, которыхъ они достигли, окружены наскоро сдѣланнымъ каменнымъ больверкомъ. Чрезъ небольшое отверстіе, оставленное въ немъ, прошли Русскія войска, разметали больверкъ и потомъ ударили изъ пушекъ по затвореннымъ воротамъ: затворы раздробились и обрушились. Поляки сосредоточили всѣ свои силы у Острой Брамы, и Русскіе, съ потерею, еще разъ попятились назадъ. Храбрый полковникъ Діевъ былъ убитъ какимъ-то монахомъ съ башни у Острой брамы, гдѣ противъ него дѣйствовалъ Гурскій. Короваевъ, другой полковникъ, ворвался въ Зарѣчье, гдѣ Поляки стояли подъ начальствомъ Мейена, но также былъ убитъ. Поляки хвастались своимъ мужествомъ въ отраженіи приступа, но, по ихъ собственному сознанію, онъ обошелся имъ недешево. Бомбы повредили много домовъ; нѣкоторые были разрушены до основанія; особенно пострадалъ монастырь Бернардинскій; Зарѣчье было сожжено.

Послѣ неудачнаго приступа, Русскіе отступили и стали въ 15 верстахъ отъ города. Здѣсь они усилены были отрядомъ генералъ-маіора Германа, а на помощь повстанцамъ между тѣмъ прибылъ польскій генералъ Хлѣвинскій съ подкрѣпленіями. Надъ артиллеріей принялъ начальство Казиміръ Сапѣга, одинъ изъ главныхъ дѣятелей Майскаго переворота.

11-го августа, въ 7 часовъ утра Русскіе начали аттаку и снова овладѣли высотами

[7]) Костомаровъ, стр. 751.

за Острой брамой чрезъ Богухвальскую (Богуфалову) гору до входа на равнину у Погулянки. На Богухвальской горѣ устроены были баттареи и начали палить въ городъ, а генералъ-маіоръ Бенигсенъ натискомъ кавалеріи истребилъ собравшуюся на Погулянкѣ непріятельскую пѣхоту. Это произвело такой страхъ въ Вильнѣ, что Польскія войска стали выступать изъ города черезъ Зеленый мостъ за Вилію. Уже въ самомъ городѣ люди падали отъ картечи. Собравшись на совѣтъ, жители рѣшились отдать городъ побѣдителю. Генералъ Еленскій, сидѣвшій подъ арестомъ за неповиновеніе приказаніямъ Костюшки, посланъ былъ съ трубачемъ просить милости у Русскихъ отъ имени городскаго магистрата. Кноррингъ обѣщалъ городу совершенную амнистію.

Городъ сдался, и Русскіе входили въ него. „Я увидалъ, пишетъ Тучковъ, по обѣ стороны дороги къ предмѣстью, двѣ толпы народа. Одна состояла изъ людей обыкновеннаго роста, другая началась толпою карловъ. Первая находилась на правой сторонѣ и тамъ были: греко-россійскіе обыватели, исповѣдующіе нашу религію и вообще неучаствовавшіе въ мятежѣ; другая состояла изъ Поляковъ: они стояли на колѣняхъ". Послѣдніе потому-то и показались Тучкову карлами. Русскій генералъ соскочилъ съ лошади, поцѣловалъ крестъ, поднесенный ему игуменомъ Свято-Духовскаго монастыря, потомъ опять сѣлъ на лошадь и, обратившись къ лѣвой сторонѣ, сказалъ: „Императрица Екатерина объявляетъ вамъ прощеніе. Вставайте!" Всѣ закричали: „виватъ". Поляки бросились за русскими генералами и офицерами и униженно цѣловали у нихъ стремена [8]).

Въ монастырѣ Св. Духа отправлено благодарственное молебствіе, и троекратный залпъ изъ пушекъ возвѣстилъ, что Литовская столица слилась съ Россійскою имперіей. Въ октябрѣ того же 1794 года Вильна съ остальною Литвою, оставшеюся послѣ втораго раздѣла, отдана въ управленіе князю Рѣпнину, первому генералъ-губернатору Литовскому. Манифестомъ отъ 14 декабря 1795 г. объявлено о присоединеніи къ Россіи всей этой части Литовскаго княжества, и тогда же образована Виленская губернія, которой первымъ правителемъ былъ генералъ-маіоръ Тормасовъ.

[8]) Тучкова—«Вильна въ 1794 году» («Библіотека для чтенія» томъ XIII). Костомаровъ, стр. 806.

ОБЪЯСНЕНІЯ

КЪ

РИСУНКАМЪ.

Видъ (планъ) города Вильны до 1523 года.

(РИСУНОКЪ 1-й)

Фотографическій снимокъ. Исполнено въ Петербургѣ, въ хромолитографіи и типографіи Траншеля.

Видъ этотъ заимствованъ изъ сочиненія [1]), вышедшаго въ Кёльнѣ, въ 1523 году, и, для удобствъ изданія, нѣсколько уменьшенъ въ размѣрѣ способомъ фотографическимъ. Тщательно набросанный съ высоты птичьяго полета, видъ города Вильны представляетъ цѣлый рядъ тогдашнихъ улицъ, почти сохранившійся и доселѣ, рѣки, церкви, костёлы и множество другихъ зданій. Какъ показываетъ изслѣдованіе профессора Васильевскаго (см. выше, стр. 1—2) населеніе тогдашней Вильны доходило до 100,000 душъ, а потому мы можемъ отсюда заключить, что вся эта масса домиковъ, стоящая на планѣ Брауна, нарисована не для „украшенія", а представляетъ, по всей вѣроятности, копію съ дѣйствительности. Впрочемъ, копія эта—несовсѣмъ полная: нѣкоторыя зданія, тогда несомнѣнно существовавшія, напримѣръ, православныя церкви, не всѣ нанесены на планѣ Брауна. Внизу плана нарисовано нѣсколько людей въ тогдашнихъ костюмахъ и помѣщены поясненія, соотвѣтствующія цифрамъ, выставленнымъ на планѣ. Для удобства, на бокахъ плана приведены русскія названія, которыя мы здѣсь повторимъ, вмѣстѣ съ подлинными нѣмецкими и нѣкоторыми поясненіями: 1) Das hoche Slochs (Верхній замокъ), 2) Das Slochs (замокъ, именно—Нижній), 3) Die jonge Königinne haus (дворецъ молодой королевы), 4) Die Slochskirche (замковая церковь), 5) S. Barbara Kirch (церковь Св. Варвары) [2]), 6) Der Schatzmeister haus (домъ подскарбія), 7) Der könig Stall (королевскія конюшни), 8) Der Lucerne (люцерна) [3]), 9) Das Deutsch haus (нѣмецкій домъ), 10) Das Trabanten haus (домъ тѣлохранителей), 11) Die Wersope (Вершупа), 12) Die Bernardiner Clost. (Бернардинскій монастырь), 13) Die Cancelrie (канцелярія), 14) S. Iohan Kirche (костёлъ св. Яна), 15) Das Wyeweten haus (воеводскій домъ), 16) Der Griechen Kirche (Греческая церковь)[4]), 17) Das Rathaus (ратуша), 18) Moscoviten hoff (московитскій дворъ), 19) Die Schwartze münche (черные монахи) [5]), 21) Das hospital (госпиталь), 21) Die Keur Kaste (монетный дворъ), 22) Die Slotgosse (Замковая улица), 23) S. Iohan gosse (свято-Янская улица), 24) Der Kletken (клѣтки) [6]), 25) Kletkens dor (ворота, ведущія къ клѣткамъ), 26) Die dir garde (садъ), 27) Über Wasser (Зарѣчье). Къ плану Браунъ присоединилъ слѣдующее описаніе [7]), изобилующее довольно любопытными и нерѣдко курьёзными свѣдѣніями:

„Вильна (Wilna) епископальный городъ великаго княжества Литовскаго, очень многолюдный и обширный. У мѣстныхъ жителей носитъ названіе Виленшки (Wilenszki) [8]) отъ

[1]) Сочиненіе это называется «Civitates orbis terrarum» и принадлежитъ Георгію Брауну и Франциску Гогенбергію; первый—написалъ текстъ, второй—изготовилъ планы, виды и карты. Видъ города Вильны помѣщенъ въ самомъ концѣ III тома (карта 59-я).

[2]) На планѣ цифры 5 нѣтъ.

[3]) Большая, двухэтажная башня на западной сторонѣ Нижняго замка.

[4]) По всей вѣроятности, Воскресенская.

[5]) На планѣ цифры 20 нѣтъ.

[6]) Небольшія купеческія лавки.

[7]) «Виленскій Сборникъ» В. П. Кулина, вып. 1-й, стр. 253 и слѣд.

[8]) Какъ можно догадываться, Браунъ принялъ прилагательное wileński за имя существительное.

*

рѣки того же имени, у Нѣмцевъ по-просту называется die Wilde (Дикая). Означенная рѣка, получивши начало въ Литвѣ и соединившись съ Нѣманомъ, течетъ въ Прусское (Балтійское) море. Вильна огорожена стѣною и воротами, которыя никогда не запираются. Домы въ Вильнѣ вообще деревянные, тѣсные, отдѣльныхъ комнатъ, кухни, двора для скота при нихъ нѣтъ, хотя рабочаго скота и другихъ животныхъ есть много. Домы разбросаны и построены безъ порядка, исключая нѣкоторыхъ извѣстныхъ въ городѣ улицъ, на которыхъ иностранцами, часто пріѣзжающими въ Вильну для торговли, построены отличныя, каменныя зданія. Зданіями этими украшаются улицы: Нѣмецкая и Дворцовая. Изъ княжескихъ дворцовъ въ Вильнѣ одинъ очень обширный, замѣчательный чистою отдѣлкою комнатъ; другой на горѣ замѣчателенъ башнями. При подошвѣ горы находится арсеналъ, въ которомъ можно видѣть не мало всякаго рода боевыхъ снарядовъ, хотя по всей Литвѣ нѣтъ ни одного рудника и не добывается никакихъ металловъ.

„Въ Вильнѣ много храмовъ каменныхъ, а нѣкоторые деревянные. Послѣдователямъ различныхъ исповѣданій позволяется держаться каждому своего вѣроисповѣданія. Весьма хорошъ Бернардинскій монастырь изъ тесанаго камня, отличающійся изящною архитектурой. Также весьма хорошъ Дворъ Русскихъ, на которомъ они складываютъ свои товары, привезенные изъ Московіи, именно: мѣха волчьи, лисьи, по преимуществу бѣлыхъ лисицъ, куницъ, соболей, горностаевъ, леопардовъ и другіе благородные мѣха того же рода. На городскихъ улицахъ въ разныхъ мѣстахъ есть водные источники для общественнаго употребленія горожанъ, всѣ они вытекаютъ изъ одного главнаго источника, подлѣ Нѣмецкихъ Воротъ.

„Отдѣльныхъ городскихъ предмѣстій, съ особыми названіями, какія бываютъ при городахъ хорошо устроенныхъ, Вильна не имѣетъ; она окружена однимъ сплошнымъ предмѣстьемъ, которое состоитъ изъ множества маленькихъ хижинъ, некрасиво выстроенныхъ; улицы идутъ безъ порядка, какъ попало, какъ бы по грубой прихоти варваровъ. Съ разныхъ мѣстъ переносятъ сюда хижины и ставятъ въ безпорядкѣ, какъ попало; хижины эти отдѣлки грубой, срублены изъ сосноваго дерева. За воротами, которыя принадлежатъ королевскому замку, въ разстояніи полумили отъ Вильны, король Сигизмундъ, для прогулокъ и отдыха отъ городскихъ занятій, устроилъ королевскій домъ, впрочемъ, весь деревянный съ рощицею и звѣринцемъ. Въ этомъ звѣринцѣ содержатся всякаго рода звѣри, содержаніе ихъ стòитъ большихъ расходовъ. Мѣсто это въ просторѣчіи называется Вершупа (Wersupa), т. е. „близь водъ“, съ которыми оно смежно.

„Виленскій народъ и тѣ, которые живутъ въ избёнкахъ на предмѣстьи, грубы, необразованы, ни свободными науками, ни искусствами не занимаются и понятія объ этомъ не имѣютъ, занимаются убійствами, глупы, праздны и вялы, свободою не пользуются никакой, но совершенные рабы; дворяне считаютъ ихъ за невольниковъ и, дивное дѣло, живя такимъ образомъ, повидимому, еще наслаждаются жизнью. Господъ своихъ очень любятъ, бываютъ имъ болѣе вѣрны и послушны въ такомъ случаѣ, когда господа хорошенько выругаютъ ихъ и крѣпко прибьютъ; а отъ тѣхъ господъ, которые ихъ небольно бьютъ, они убѣгаютъ, какъ отъ такихъ, которые не производятъ на нихъ вліянія добрыми обычаями, или какъ отъ такихъ, которые не благосклонны къ нимъ. Винà хотя не имѣютъ, а стаканами забавляются, медъ и пиво овладѣли ими. Отъ частаго употребленія вина-горѣлки, луку и чесноку, въ курныхъ, постоянно наполненныхъ дымомъ, домахъ своихъ (потому что домы ихъ совершенно безъ трубъ) они теряютъ зрѣніе, такъ-что нигдѣ нѣтъ столько слѣпыхъ, какъ въ этомъ городѣ. Ни одного украшенія, ни одной дорогой вещицы въ домахъ у нихъ нѣтъ. Родители съ дѣтьми, съ рабочимъ скотомъ и другими животными располагаются вмѣстѣ въ одной теплой, грязной избѣ, при очагѣ; въ избѣ ужасная вонь и смрадъ; тутъ же жена родильница лежитъ на жосткой скамьѣ, а на третій или на четвертый день послѣ родовъ она уже должна отправлять весьма тяжелыя работы дòма и внѣ дòма. Никто въ цѣломъ городѣ не имѣетъ мягкой кровати, да и за порокъ считается мягко лежать. Много, много если богатые имѣютъ скамью, покрытую медвѣжьею шкурой. У самыхъ аристократовъ обстанов-

ка [9]) не лучше этой; тѣмъ только даютъ знать о своемъ благородномъ происхожденіи, что выходятъ въ болѣе дорогой одеждѣ, увѣшанные и разукрашенные серебромъ и золотомъ. Горожане любятъ одѣвать своихъ женъ въ одежды яркихъ цвѣтовъ. У всѣхъ деревенскихъ жителей такой же самый дешевый вкусъ къ такимъ же цвѣтамъ. Въ этомъ обширномъ городѣ нѣтъ ни одной гостинницы, нѣтъ никакого пріюта для бѣдныхъ, гдѣ бы они могли воспользоваться милосердіемъ ближнихъ.

„Мёдомъ и виномъ-горѣлкою, или грубымъ пивомъ опьяненные, жители ссорятся, бранятся, жестоко дерутся между собою; если убьютъ чужестранца, то это не считается уголовнымъ преступленіемъ, платятъ за это только 16 талеровъ пени; а если убьютъ литовца и убійцѣ удастся убѣжать, то родственники и знакомые намащаютъ благовоніями трупъ убитаго, чтобы онъ могъ сохраниться и оставляютъ непогребеннымъ, на тотъ конецъ, чтобы, если убѣжавшаго убійцу удастся схватить, представить бездушное тѣло убитаго; въ противномъ случаѣ, убійца не подвергается смертной казни за свое злодѣяніе. Если случится похоронить убитаго прежде поимки убійцы, въ такомъ случаѣ убійство не считается уголовнымъ преступленіемъ, и даже большаго денежнаго штрафа за него не налагается, а преступникъ наказывается только розгами. На предмѣстьи живутъ по большей части Татары, земледѣльцы, извощики, переносчики тяжестей; услугами ихъ зимою пользуются купцы, которыхъ они только зимою перевозятъ въ повозкахъ въ сосѣднія мѣста. Въѣздъ и выѣздъ изъ этого города (Вильны) возможенъ не иначе, какъ зимою, оттого, что вся Литва затоплена болотами и озерами и заросла боромъ; зимою же, когда болота и озера покроются толстымъ льдомъ и когда нападётъ снѣгъ, она становится проходимою, впрочемъ, не по торнымъ и пробитымъ дорогамъ (ихъ нѣтъ), а кто сколько можетъ различить путь по звѣздамъ. Рабочій скотъ, трудами котораго пользуются жители, отличаются такою же жестокостью, какъ и извощики. Жители питаются хлѣбомъ чернымъ, невкуснымъ и чеснокомъ, вообще пищею самою дешевою; для сидѣнья выбираютъ скамью или камень и садятся на пыльномъ мѣстѣ. Животныхъ покрывалами не накрываютъ; утомленныя и покрытыя снѣгомъ, они прогоняются въ лѣсъ и тамъ копытами отрываютъ себѣ пищу, скрытую подъ снѣгомъ, прокладываютъ себѣ дорогу и выходъ. Извощики-татары отличаются вѣрностью вообще въ отношеніи къ купцамъ и даже къ иностранцамъ. Если не представятъ господамъ своимъ, у которыхъ они состоятъ въ услуженіи (quorum servi sunt), свидѣтельства о своей вѣрности и честности за подписью тѣхъ, которыхъ повезли, то ихъ всенепремѣнно ожидаетъ висѣлица.

„Религію въ этомъ городѣ исповѣдуютъ особенную, удивительную. Литургію въ храмахъ слушаютъ съ большимъ благоговѣніемъ: священникъ, совершающій святыя тайны, находится за распростертою завѣсою, котолая его закрываетъ, и когда эта завѣса отодвигается, удивительно сказать, съ какимъ благоговѣніемъ предстоящіе не только въ грудь, но и въ лицо сокрушенно ударяютъ себя. Тѣ, которые въ предшествующую ночь воспользовались брачными удовольствіями, законно или вопреки закону, на слѣдующій день по религіозному чувству не

[9]) Мы уже выше предупреждали, что въ описаніи Брауна можно натолкнуться на курьезы. Въ такихъ случаяхъ, для критики могутъ весьма пригодиться, между прочимъ, запродажныя записи того времени. Такъ, Браунъ говоритъ, что домы даже магнатовъ были бѣдны и лишены отдѣлки. Въ помянутыхъ записяхъ мы находимъ опроверженіе такого извѣстія. Напримѣръ, въ одной изъ нихъ говорится, что Ясенскій продалъ за 4,000 копъ грошей бискупу Валеріану «каменицу... домъ мурованый... въ мѣстѣ Виленскомъ, на улицы и противко двора его милости бискупьего, на кгрунтѣ и подъ присудомъ его жъ милости бискупьимъ, зъ одное стороны межи домомъ Войтеха Стралковскаго, а зъ другое стороны Станислава Бориховского кравца.... со всякимъ будованьемъ, мурованымъ и деревенымъ, надольнымъ, земленымъ, середнимъ и верхнимъ и со всими склепы, окны, кгратами, вороты и дверми желѣзными и нежелѣзными, оболонами скleнными, замками нутреными, альмариями и иными всякими речми, тому дому належачыми и въ немъ по стѣнамъ вмуроваными» («Рукописное Отдѣленіе Виленской Публичной Библіотеки» П. Гильтебрандта, стр. 97). Изъ тѣхъ же источниковъ, а также и изъ «вѣновыхъ» записей мы знаемъ, что у именитыхъ Виленскихъ домовладѣльцовъ было не мало «перелъ, каменья дорогого, золота и серебра, грошей широкихъ и шатъ коштовныхъ»; все это стояло на виду, по стѣнамъ, въ стеклянныхъ «альмаріяхъ».

вступаютъ въ храмъ, но, предстоя внѣ, на паперти, созерцаютъ жертвоприносящаго въ отверстіе, сдѣланное въ стѣнѣ. И этотъ обычай исполняютъ съ такою строгостью, что въ религіи ихъ можно узнать нескромныхъ юношей и лишенныхъ невинности дѣвицъ. Въ другое время, часто совершаютъ молитвенныя стоянія и крестные ходы съ иконами святыхъ; преимущественно носятъ иконы св. Павла и Николая, которыхъ они особенно почитаютъ и поклоняются имъ, а собирающійся во множествѣ народъ въ этихъ процессіяхъ несетъ на головѣ обувь свою или пару башмаковъ; этимъ онъ хочетъ показать самую глубокую свою рабскую подчиненность господамъ своимъ. Простой народъ имѣетъ обувь дешевую, а тѣ, которые побогаче, украшенную золотомъ и шелкомъ. Когда отъ жестокаго рабства, въ которомъ они (простой народъ), впрочемъ, не считаютъ себя бѣдствующими, избавляетъ ихъ смерть, то хорошо одѣтые и снабженные деньгами, какъ бы въ путь-дорогу, предаются погребенію съ письмами отъ знакомыхъ и отъ тѣхъ, съ которыми хорошо жили, писанными къ Петру Апостолу. Въ письмахъ этихъ ихъ рекомендуютъ Петру, какъ небесному привратнику, чтобы удобнѣе открыть умершимъ своимъ близкимъ доступъ къ небеснымъ радостямъ. Хотя они просвѣщены христіанскою религіею, но еще держатся этихъ и многихъ другихъ предразсудковъ; поэтому неудивительно, если они въ прежнія времена поклонялись и почитали за пенатовъ-боговъ: змѣй, солнце, молотки и огонь".

Видъ города Вильны Брауна невольно заставляетъ вспомнить и о другихъ Западно-Русскихъ старинныхъ картахъ и атласахъ, свѣдѣнія о которыхъ тщательно собралъ баронъ Эдуардъ Раставецкій [10]). Еще въ началѣ XVI вѣка, извѣстный Краковскій каноникъ Бернардъ Ваповскій издалъ три отдѣльныхъ карты Речи Посполитой, у Краковскаго печатника Флоріана Унглера. Но, къ сожалѣнію, до нашего времени онѣ не дошли, и о нихъ мы имѣемъ только слѣдующія свѣдѣнія. Первыя двѣ отпечатаны около 1526 года: на одной, кромѣ нѣкоторыхъ частей тогдашняго Польскаго государства, помѣщены Венгрія, Италія, Турція, Татарія и Мазовія; на другой—княжество Прусское, Поморье, Жмудь и Литовское Великое Княжество. Третья карта, вышедшая въ 1528 году, содержитъ въ себѣ всю Речь Посполитую, Мазовію и другія земли. Предпріятіе это особенно поддерживалъ Сигизмундъ-Августъ, говаривавшій, что онъ желаетъ видѣть „каково положеніе нашего государства, на которое Господь Богъ насъ поставилъ"; съ этою цѣлью, помимо картографическихъ издѣлій, производились ревизіи [11]), инвентари и описанія воеводствъ, повѣтовъ, городовъ, мѣстечекъ, селеній, пущъ и переходовъ звѣриныхъ, изъ которыхъ многія уже обнародованы въ „Археографическомъ Сборникѣ" и другихъ изданіяхъ; изъ нихъ особенно важенъ „Пописъ границъ и шкодъ межи великого князства Литовского и Коруны Польское" [12]), ожидающій этнографико-филологическаго разсмотрѣнія, потому что язычно-племенная граница со стороны Западно-Русской переступаетъ государственную, проникая въ предѣлы „Коруны Польской", что вполнѣ подтверждается лексическимъ составомъ этого „Пописа". Впрочемъ, первая карта печатная, въ которую вошла и Западная Русь, относится къ 1508 году [13]); даже и Полѣсскія болота, тя-

[10]) «Mappografija dawnej Polski», Варшава, 1846.

[11]) Въ 1552 году было издано постановленіе о производствѣ «люстраціи» всѣхъ Литовскихъ старостствъ и экономій. Это было поручено Николаю Радивилу Черному и его помощникамъ Евстафію Воловичу, Адаму Пильховскому и Петру Фальчевскому, управляющему имѣніями королевы Боны. Для «мѣрниковъ» или землемѣровъ издана была бая «Geometryja, to iest miernicka nauka po polsku krótko napisana, z greckich i łacińskich ksiąg» (Краковъ, первое изданіе въ 1565 году, 8°, а второе—въ слѣдующемъ). Составилъ ее Stanisław Grzepski и снабдилъ обстоятельною статьею о мѣрахъ, употреблявшихся въ то время въ различныхъ областяхъ Польско-Литовскаго государства. Во вниманіе къ библіографической рѣдкости, книга эта съ замѣчательною точностью воспроизведена Юліаномъ Байеромъ и С. Олещинскимъ въ Варшавѣ, въ 1861 году. Кстати замѣтимъ, что Сигизмундова «Устава на волоки» 1557 года напечатана въ III томѣ «Актовъ Западной Россіи» (№ 19, стр. 72—95).

[12]) «Археографическій Сборникъ», I, стр. 46—126.

[13]) Она напечатана въ Римѣ, въ Птоломеевой Географіи: «Sarmatiae Europeae tabula». Составилъ ее Маркъ Беневентано; ему же принадлежитъ карта Инфлянтъ, помѣщенная тамъ же.

нущіяся вдоль Припети, имѣли своего картографа уже въ половинѣ XVI вѣка [14]).

Теперь остается замѣтить о „Планѣ города Вильны первой половины XIV столѣтія“, помѣщенномъ на 1-мъ же рисункѣ настоящаго выпуска. Планъ этотъ, доставленный издателю, составленъ, повидимому, на основаніи нѣкоторыхъ историческихъ соображеній и съ нанесеніемъ линій теперешняго расположенія улицъ и площадей. Во всякомъ случаѣ, представляя довольно любопытный матеріалъ, планъ этотъ, вѣроятно, потребуетъ нѣкоторыхъ исправленій и дополненій, съ открытіемъ новыхъ данныхъ для внутренняго расположенія города Вильны въ XIV столѣтіи.

[14]) Докторъ Цвикеръ напечаталъ въ Гданскѣ (Данцигѣ) въ 1560 году «Tabula paludum Polesiae».

Развалины дворца и замка великихъ князей Литовскихъ и Замковая Гора въ Вильнѣ.

(РИСУНОКЪ 2-й и 3-й).

Рисовали: Трутневъ (р. 2) и Грязновъ (р. 3). Исполнено въ Берлинѣ, въ хромолитографіи Винкельмана (р. 2) и Лойлота (р. 3)

Виленскіе замки, Верхній и Нижній, становятся исторически-извѣстными [1]) около 1323 года, когда Гедиминъ, видя себя мало обезпеченнымъ отъ нашествій крестоносцевъ въ Старыхъ Трокахъ, принужденъ былъ покинуть свою прежнюю резиденцію и отыскать иное, болѣе неприступное мѣсто. Гористое положеніе мѣстности, находившейся верстахъ въ двадцати отъ Трокъ и, по весьма вѣроятной догадкѣ [2]), уже имѣвшей нѣкоторыя поселенія, представляло несравненно болѣе удобствъ для защиты и обороны. Наконецъ, эта мѣстность хорошо была изслѣдована самимъ Гедиминомъ, во время его охотъ за турами, державшимися въ то время въ этихъ краяхъ. Такимъ путемъ, возникъ на Турьей горѣ Верхній Замокъ, отъ котораго и гора прозвалась впослѣдствіи Замковою. Доступъ къ ней былъ обнесенъ деревянною стѣною, шедшею кривыми линіями (Кривой Городъ): начинаясь отъ устья Вилейки, стѣна шла почти посрединѣ нынѣшней каѳедральной площади, затѣмъ по Замковой улицѣ, мимо теперешней гимназической общей квартиры, и оканчивалась около Бакшты и Михайловскаго костёла, доходя опять до Вилейки. Въ этомъ Кривомъ Городѣ помѣщался Нижній Замокъ [3]) и великокняжескій дворецъ. Всѣ эти зданія были выстроены русскими руками, руками тѣхъ нашихъ предковъ, которыхъ пригласилъ Гедиминъ въ качествѣ учителей для Литовцевъ.

[1]) Стрыйковскій—первый пустилъ въ ходъ слѣдующее преданіе о построеніи Вильны. Разсказывается, что Гедиминъ былъ на охотѣ въ Лысыхъ Горахъ, окаймляющихъ правый берегъ Вилейки, при ея впаденіи въ Вилію. Послѣ охоты онъ легъ спать и во снѣ увидѣлъ волка, окрытаго желѣзомъ, который такъ сильно вылъ, какъ будто бы въ немъ одномъ сидѣло сто волковъ (się zdawało, że sto wilków w sobie zawierał). Случившійся при князѣ верховный жрецъ Лиздейко призналъ этотъ сонъ пророческимъ, именно, что на этомъ мѣстѣ возникнетъ большой городъ и слава о немъ пройдетъ далеко. Довольный такимъ объясненіемъ, Гедиминъ назвалъ ту гору, на которой отдыхалъ, Турьею и построилъ на ней башню, а толкователю, т. е. жрецу Лиздейкѣ, далъ наименованіе «радивила» за то, что въ его толкованіи заключался такой прекрасный совѣтъ («рада»). Не безъ нѣкоторой вѣроятности можно допустить, что все это преданіе сочинено Стрыйковскимъ или кѣмъ либо другимъ, ради приличнѣйшаго этимологическаго производства фамиліи Радивиловъ.

[2]) «Очеркъ исторіи города Вильны» («Памятники Русской Старины», вып. V-й, стр. 9 и слѣд.).

[3]) Тамъ же, стр. 18.

Мѣстность для города и положенiе для замка, дѣйствительно, было выбрано Гедиминомъ весьма удачно: востокъ, югъ и западъ этой мѣстности, какъ тогда такъ и теперь, окружены цѣпью горъ и живописныхъ холмовъ; только на сѣверѣ, за рѣкою Вилiею, раскидывается равнина, обрамлённая пригорками и лѣсами. Изъ горъ, окружающихъ Вильну, самая высокая, называемая Лысою, достигаетъ 200 футовъ [4]). Въ Нижнемъ Замкѣ сосредоточивалась вся языческая святыня древнихъ Литовцевъ; здѣсь же, съ самаго древняго времени, помѣщался великокняжескій дворецъ, окруженный домами приближенныхъ бояръ Литовскихъ [5]).

Не повторяя здѣсь перечня внѣшнихъ событій, такъ или иначе касавшихся Виленскаго дворца и замка и съ достаточною подробностью изложенныхъ въ „Очеркѣ исторіи города Вильны", мы приведемъ нѣкоторыя черты изъ его внутренняго быта. Такъ, извѣстный путешественникъ Gilbert de Lannoy, посѣтившій въ началѣ XV вѣка Вильну, отзывается о ней такъ: „На высокой песчаной горѣ расположенъ замокъ, обнесенный землянымъ валомъ и каменною стѣной; внутри же онъ сдѣланъ изъ дерева; самая же гора посрединѣ опоясана еще разъ каменнымъ укрѣпленіемъ" [6]). Крашевскій, извѣстный историкъ Вильны, такъ описываетъ [7]) замокъ въ 1599 году: „На правой сторонѣ шумѣли и стучали королевскія мельницы, на лѣвой же сидѣли торговцы, продававшіе съѣстные припасы подъ самыми Замковыми Воротами, вопреки запрещенію. Пройдя ихъ, можно было видѣть обширныя стѣны Нижняго Замка. Это было большое зданіе, но рѣшительно безобразное; замѣтно было, что оно построено не однѣми руками и не въ одинъ годъ, изъ камней временъ Сигизмунда-Августа и Шведскихъ мраморныхъ плитъ Сигизмунда III. Замокъ былъ раздѣленъ на три обширные двора, окруженные со всѣхъ сторонъ каменными строеніями, къ которымъ съ лѣвой стороны прилегалъ каѳедральный замковый костелъ св. Станислава, съ огромною высокою крышею и башнями. Съ ними смеженъ былъ литейный дворъ и маленькіе домики литейщиковъ (пушкарей). Здѣсь находились тюрьмы, здѣсь было присутствіе подвоеводы" [8]).

Показанный на рисункѣ планъ Верхняго и Нижняго Замка, а также дворца снятъ въ 1779 году королевскимъ архитекторомъ Россе.

Рисунокъ 3-й представляетъ Замковую Гору въ ея теперешнемъ видѣ.

[4]) «Памятн. кн. Вилен. г. 1851 года», стр. 4—5.

[5]) «Очеркъ исторіи города Вильны» («Памятники», V, стр. 9).

[6]) Извлеченія изъ этого путешествія, касающіяся Польско-Литовскихъ краевъ изданы А. Пржездзецкимъ въ «Bibliot. Warszawsk.» (1844, томъ IV); полное же путешествіе издано Лелевелемъ («Gilbert de Lannoy i iego podroże», Познань, 1845).

[7]) Ostatnia z książąt Słuckich».

[8]) Весьма любопытныя подробности о Виленскомъ замкѣ и дворцѣ находятся въ дневникѣ Кибурга, приводимомъ профессоромъ Новороссійскаго университета, М. П. Смирновымъ («Ягело-Яковъ Владиславъ и первое соединеніе Литвы съ Польшею» Одесса 1868). Но дневникъ этотъ заподозрѣнъ профессоромъ Петербургскаго университета г. Васильевскимъ (см. «Виленскій Вѣстникъ» 1869 года), и подозрѣніе это до сихъ поръ не снято г. Смирновымъ, а потому мы и не можемъ привести эти подробности.

Развалины Трокскаго замка.

(РИСУНОКЪ 4-й).

Рисовалъ Грязновъ. Исполнено въ Берлинѣ, въ хромолитографіи Винкельмана.

Основаніе города Трокъ [1]), какъ и большинства прочихъ поселеній, теряется „во мракѣ вѣковъ". Не касаясь различныхъ догадокъ [2]), построенныхъ на смутномъ преданіи, чѣмъ на сколько нибудь вѣроятномъ фактѣ, скажемъ, что Троки дѣлаются исторически извѣстными съ 1320 года, когда Гедиминъ построилъ здѣсь замокъ на островѣ, среди большаго озера, и перенесъ сюда свою столицу изъ Кернова. Другой замокъ былъ построенъ внутри города. Подобно другимъ резиденціямъ Гедимина, Троки отличаются, помимо стратегическихъ условій, живописностью мѣстоположенія, и въ этомъ они едва ли уступаютъ Вильнѣ. Городъ лежитъ на полуостровѣ обширнаго озера, воды котораго обмываютъ его съ трехъ сторонъ, и только съ одной, южной, тянется узкій перешеекъ, но и тотъ, какъ говоритъ преданіе, есть дѣло рукъ человѣческихъ, а не природы. Это озеро, соединяющееся съ Виліею при посредствѣ маленькой рѣчки Бражолки, усѣяно небольшими островками, которыхъ насчитываютъ до двѣнадцати. О Трокахъ упоминаетъ и извѣстный путешественникъ Gilbert de Lannoy, ѣздившій туда въ зиму 1414 года, а также и русская Воскресенская лѣтопись [3]). Процвѣтая во времена Кейстута и Витовта, городъ Троки былъ окончательно разоренъ въ войну 1655 года; пожаръ истребилъ оба Трокскіе замка, и отъ нихъ остались развалины, на которыя съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе вліяетъ и самое время. Видъ Трокскаго замка на островѣ, называвшагося Большимъ въ отличіе отъ находившагося на берегу и соединеннаго съ нимъ подъёмнымъ мостомъ, сохранился на одной старинной картѣ начала XVII вѣка [4]). Даже и теперь, хотя не безъ труда, можно отличить на оставшихся стѣнахъ слѣды фресковой живописи, церковной и свѣтской. Въ 1822 году, когда остатки эти были еще свѣжѣе противъ тепере-

[1]) Знакомые съ Литовскимъ языкомъ объясняютъ, что имя города *Трокъ* происходитъ отъ Литовскаго слова *trakas*, что означаетъ—расчищенное, выкорчеванное мѣсто въ лѣсу, а не *тороки* (*troki*—охотничьи ремни у сѣдла), какъ толкуетъ Стрыйковскій. Довольно любопытное преданіе можно прочесть въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» 1866 г., №86.

[2]) Нарбутъ, «Dz. nar. lit.», III, 227.

[3]) Gilbert de Lannoy пишетъ, что Трокскій замокъ «весьма старъ, сдѣланъ весь изъ дерева и обведенъ земляными укрѣпленіями, покрытыми дерномъ». Русская лѣтопись, перечисляя Литовскіе города, говоритъ: «Трокы Старые камены, а Новые Трокы на озерѣ, двѣ стѣны камены, а вышній древянъ, а во островѣ каменъ» («Полное Собраніе Лѣтописей», VII, 240). Такъ какъ оба эти свидѣтельства, нѣсколько разнствующія между собою, относятся къ одному и тому же времени, то Польскіе историки отдаютъ преимущество Русскому источнику.

[4]) Эту карту издалъ въ 1613 году, въ Амстердамѣ, на иждивеніе Николая Радивила Сиротки, Вильгельмъ Янсонъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Magni Ducatus Lithuaniae, caeterarumque regionem illi adiacentium, exacta descripto» (на двойномъ листѣ). Замѣтимъ, что оба брата Янсоны, Иванъ и Вильгельмъ, достаточно потрудились на пользу картографіи вообще и, между прочимъ, Польши и Литвы. О развалинахъ Трокскаго замка см. у Коревы («Матер. для геогр. и стат. Россіи. Виленская губернія», стр. 791—797). Въ этой же книгѣ можно найти свѣдѣнія о развалинахъ замка въ Крево и близъ м. Ржечки.

Библиотека Института Нар. Хоз-ва имени К. Маркса
Инв.
Отд
№

шняго, ихъ срисовалъ одинъ мѣстный любитель и, вмѣстѣ съ описаніемъ, напечаталъ [5]).

Православіе въ Трокахъ не менѣе процвѣтало, чѣмъ и въ Вильнѣ. Издатели „Археографическаго Сборника“ во многомъ дополнили матеріалы для исторіи православія въ Трокахъ, изданные Семеновымъ; особенно богаты этими документами томы второй и пятый „Археографическаго Сборника“, свидѣтельствующіе о существованіи въ Трокахъ *семи* церквей: Рождества Христова, Никольской, Георгіевской, Рождества Богородицы, Троицкой, Воскресенской и Вознесенской. Церкви эти были богато надѣлены отъ мѣстнаго православнаго дворянства, но впослѣдствіи, мало-по-малу, церковное достояніе стало расхищаться и отторгаться, т. е. раздѣлило общую участь, постигшую Западно-Русскихъ православныхъ въ XVI—XVIII столѣтіяхъ. Всѣ эти документы, вмѣстѣ взятые, дали возможность издателямъ „Археографическаго Сборника“ составить очеркъ исторіи Трокской архимандріи, основанной въ концѣ XIV вѣка (въ 1384 году) великимъ княземъ Витовтомъ. Этотъ князь построилъ въ Трокахъ двѣ церкви: Рождества Христова и Рождества Богородицы, съ монастыремъ, и снабдилъ ихъ весьма солиднымъ фундушемъ. Но какъ это, такъ и дальнѣйшія пожалованія, записи и вклады стали оспариваться и отниматься то бернардинскимъ Трокскимъ монастыремъ [6]), то мѣстными панами и учрежденіями. Начались процессы и тяжбы, которыя еще не окончены даже и теперь. Такъ, изъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Виленскаго Троицкаго монастыря, видно, что Трокскій архимандритъ архимандритъ Сингаевскій въ 1817 году началъ также процессъ съ староствомъ Бражольскимъ, прежніе владѣльцы котораго незаконно отняли въ разныя времена мельницу, лѣса, луга и островъ, принадлежавшіе Трокской архимандріи. Такъ какъ староство Бражольское перешло въ казну, а по Высочайше утвержденному положенію нельзя было производить размежеванія казенныхъ имѣній съ частными владѣльцами, безъ вѣдома и участія казенной палаты, то Сингаевскій препроводилъ свою жалобу съ документами въ казенную палату, извѣстивъ ее въ тоже время, что имъ подано уже прошеніе въ Трокскій межевой судъ о размежеваніи съ сосѣдними владѣльцами. Казенная палата, чрезъ Трокскій земскій судъ, объявила архимандриту Сингаевскому, что „граничное дѣло съ державою Бражоле можетъ онъ производить узаконеннымъ порядкомъ, о чемъ дать знать граничному суду“ и пр. Въ этотъ же судъ были препровождены и всѣ документы, представленные въ палату Сингаевскимъ. Долго пришлось ходить этому дѣлу, подобно другимъ исковымъ дѣламъ архимандріи, по разнымъ межевымъ и граничнымъ судамъ, въ губернское правленіе, оттуда въ казенную палату и обратно, и такимъ образомъ проходило оно цѣлые десятки лѣтъ. Между тѣмъ, помѣщикъ Васильевскій успѣлъ нѣкоторые участки спорной земли заселить своими крестьянами. Процессъ сталъ болѣе сложнымъ. Въ такомъ положеніи находилось дѣло до 1847 года. Въ этомъ году настоятель Виленскаго св. Троицкаго монастыря архимандритъ Евсевій, видя еще новыя покушенія сосѣднихъ владѣльцевъ къ нарушенію границъ Трокской архимандріи и желая возвратить прежде отнятыя владѣнія, просилъ епархіальное начальство „содѣйствовать къ уничтоженію напередъ тѣхъ покушеній, дать ходъ дѣлу въ Трокскомъ меже-

[5]) Этотъ любитель—извѣстный историческій живописецъ и граверъ (на деревѣ) Викентій Смоковскій, потрудившійся много для различныхъ ученыхъ польскихъ изданій. Ему же принадлежитъ не мало статей, помѣщавшихся въ виленскихъ «Wizerunkach naukowych» и пр., а также біографіи нѣкоторыхъ мѣстныхъ художниковъ. Статья о Трокскихъ фрескахъ, вмѣстѣ съ изображеніемъ ихъ, помѣщена въ Athenaeum'ѣ, 1841 года, V, 166.

[6]) Кстати припомнимъ, что, по свидѣтельству Нарбута («Pomniejsze pisma historyczne», стр. 98—100), въ рукописи Трокскаго бернардинскаго монастыря есть извѣстіе о древнемъ колоколѣ, принадлежавшемъ этому монастырю и имѣвшемъ слѣдующую надпись: «Се азъ рабъ Божій Яковъ Ондреевичъ (т. е. Ягайла, по принятіи православія) съ матерею своею Ульяною Александровною..... В. К. Л. дали есмо сей колоколъ улить въ церковь Св.... еве.... Параск... въ Вильни, во вико 6887» (1379 г.). Тотъ же Нарбутъ (тамъ же, стр. 83) видѣлъ евангеліе XV вѣка, принадлежавшее Виленской Пречистенской церкви, а въ немъ слѣдующую надпись: «великій князь Андрей (въ крещеніи Ольгердъ былъ названъ Андреемъ) Гедиминичъ, во святой схимѣ Алексѣй, усопше на память св. мучениковъ Платона и Романа».

вомъ судѣ производившемуся объ отнятіи у разныхъ лицъ, незаконно владѣвшихъ собственностью Трокской архимандріи". Литовская духовная консисторія въ 1853 году снеслась по этому дѣлу съ разными присутственными мѣстами. По распоряженію гражданскаго начальства Трокскій уѣздный землемѣръ Струсевичъ, въ присутствіи уѣзднаго стряпчаго, становаго пристава, лѣсничаго, тяжущихся сторонъ, депутатовъ и понятыхъ, въ 1855 году составилъ съ натуры планъ владѣній Трокской архимандріи, на которомъ показано безспорной земли, оставшейся во владѣніи архимандріи, только 49 десятинъ и 1,623 сажени, и спорной—150 десятинъ и 1,421 сажень. Планъ этотъ, по повѣркѣ въ губернской чертежной, препровожденъ при дѣлѣ въ губернское правленіе, а губернское правленіе, считая съ своей стороны невозможнымъ удовлетворить претензію Троицкаго монастыря, препроводило все дѣло въ Литовскую консисторію. Консисторія же, сообразивъ безнадежность дальнѣйшаго по этому дѣлу производства, при тогдашнемъ составѣ чиновниковъ и при ихъ неблагопріязненныхъ отношеніяхъ къ интересамъ православныхъ учрежденій въ Западно-Русскомъ краѣ, препроводило всю переписку и документы по этому дѣлу (5 апрѣля 1856 года) въ Виленскій св. Троицкій монастырь [7]. На этомъ дѣло и остановилось.

[7]) «Археографическій Сборникъ», V, стр. IX—X.

Лидскій замокъ и Виленская церковь временъ Ольгерда.

(РИСУНОКЪ 3-й).

Рисовалъ Грязновъ. Исполнено въ Берлинѣ, въ хромолитографіи Лойлота.

Распространяя свои завоеванія на востокъ и югъ, Гедиминъ, по необходимости, долженъ былъ, для удержанія за собою вновь пріобрѣтаемыхъ краёвъ, укрѣплять ихъ и возводить съ этою цѣлью сооруженія. Такимъ путемъ возникло на Литвѣ значительное количество замковъ, изъ которыхъ бо́льшая часть связана съ именемъ Гедимина. По его мысли и волѣ, возникъ и Лидскій замокъ, находящійся въ 89-ти верстахъ къ югу отъ Вильны, въ уѣздномъ городѣ Лидѣ. Благодаря тому, что этотъ замокъ поддерживался вплоть до 1794 года, наружныя стѣны его сохранились и до сихъ поръ, въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ представляетъ рисунокъ. Въ этомъ замкѣ, съ самаго его основанія [1]) (1323 г.) находилась въ одной изъ башень домовая церковь [2]), перенесенная въ 1533 году во вновь построенную Георгіевскую, среди города. Замокъ былъ строенъ плѣнными Волынянами, подъ руководствомъ мастеровъ изъ Кіева. Въ настоящее время замокъ окруженъ съ трехъ сторонъ водою, а отъ города отдѣленъ глубокимъ рвомъ. Каждая изъ четырехъ его стѣнъ имѣетъ длины 32 сажени, толщины 2 саж. и высоты 5 саж. и 2 аршина; на противоположныхъ углахъ находятся развалины двухъ высокихъ башенъ; около сѣверо-восточной башни—ворота. Въ 1380 году Ягайло подарилъ Лиду своему любимцу Войдылѣ, женатому на его сестрѣ Маріи, но въ слѣдующемъ году Лида была взята Кейстутомъ,

[1]) Объ основаніи города Нарбутъ говоритъ, что земля, на которой стоитъ теперь Лида, принадлежала княжеству Дейновскому, лишившемуся своего политическаго существованія въ 1180-мъ году, послѣ чего Литовцы основали здѣсь деревянное укрѣпленіе, какъ на мѣстѣ, пограничномъ между собственно-Литвою и Литовскою Русью. См. также у Коревы («Мат. для геогр. и стат. Вил. губ.», стр. 735—737).

[2]) Памятн. кн. Вилен. губ. 1852, II, стр. 21.

*

а Войдыла повѣшенъ [3]). Черезъ три года, крестоносцы напали на замокъ и разграбили его, а съ 1396 и по 1399 годъ здѣсь жилъ съ многочисленною свитою ханъ Кипчакской орды Тохтамышъ, бѣжавшій изъ своей родины. Не менѣе замѣчательно, что, одно время, Лидскимъ старостою былъ ханъ изъ той же орды, Хаджи-Гирей, жившій въ замкѣ вплоть до 1443 года, когда, по просьбѣ Крымскихъ Татаръ, ему было возвращено королемъ ханство. Годы 1655-й, 1659-й и начало XVIII столѣтія были особенно плачевны для Лиды и ея замка, благодаря посѣщеніямъ Московскихъ и Шведскихъ войскъ, причемъ первыми былъ взятъ [4]) архивъ изъ замка и перевезенъ въ Смоленскъ, гдѣ и сгорѣлъ въ 1812 году.

Въ заключеніе приводимъ разсказъ Лидскаго помѣщика XVIII вѣка, Льва Ильцевича, о пребываніи Петра Великаго у него въ домѣ, въ концѣ августа 1704 года [5]), предупреждая, что кое-гдѣ этотъ разсказъ не лишенъ тенденціозности:

„Полки русскіе шли по Виленскому тракту чрезъ Рудники, къ Ейшишкамъ и Радуню. Хлѣбъ былъ уже убранъ съ поля, а посѣвъ жита на половину оконченъ. Проходившее войско остановилось для отдыха, недалеко отъ окрестностей Трабушекъ, и расположилось частью въ сосѣднихъ деревняхъ, частью подъ открытымъ небомъ. Однажды, передъ полуднемъ, кавалерія, пѣхота и артиллерія нагрянули какъ громъ на Трабушки, расположились вокругъ лагеремъ, соблюдая, однако, при этомъ необыкновенную тишину и порядокъ. Офицеры осмотрѣли и перетрясли все въ домѣ Ильцевича и, велѣвъ ему перейти съ семействомъ и пожитками въ стодолу (сарай) начали устроивать помѣщеніе для какой-то значительной особы. Въ свѣтлицѣ стѣны покрыли парчею, полъ устлали коврами. Вскорѣ подошли возы съ кухнею. Въ это же время прибылъ съ козаками какой-то господинъ въ блестящемъ мундирѣ; осмотрѣвъ все и отдавъ приказанія придворнымъ офицерамъ, онъ поѣхалъ далѣе. Завѣдывающій кухнею началъ хлопотать около съѣстныхъ припасовъ: корову, куръ, гусей, масло, овощи, словомъ все, что только было нужно, взяли у хозяина за весьма щедрую плату; въ сосѣднихъ деревняхъ ни одного цыпленка не было взято безъ денегъ. Къ вечеру подъѣхали новые козаки, драгуны, а съ ними карета, запряженная шестью лошадьми; за каретою слѣдовала крытая бричка и нѣсколько экипажей. Только одна карета въѣхала на дворъ Ильцевича, а остальные расположились въ сосѣднихъ домахъ. Изъ кареты вышло двое мужчинъ: одинъ изъ нихъ высокаго роста, съ усами, съ мужественнымъ лицемъ; другой же, средняго роста, полный и безъ усовъ, казался старше лѣтами перваго.

„Едва они вошли въ избу, какъ велѣли позвать хозяина. Я вошелъ, говаривалъ покойникъ Ильцевичъ, именно въ ту минуту, когда одинъ изъ старшихъ дворецкихъ давалъ отчетъ о купленномъ для кухни. Высокій мужчина былъ, повидимому, старшимъ, и самъ отдавалъ приказанія на счетъ обѣда. Ильцевичъ поклонился обоимъ низко. Толстый господинъ обратился къ нему съ вопросомъ: „вы хозяинъ?“—„Я, господинъ генералъ!“ Высокій мужчина спросилъ громко: „какъ тебя зовутъ“?—„Бѣдный дворянинъ, Левъ Ильцевичъ, къ вашимъ услугамъ“.—„Есть ли въ твоемъ домѣ тараканы?“ Такой вопросъ слышалъ я уже нѣсколько разъ и, не зная за чѣмъ имъ нужно этихъ противныхъ животныхъ, отвѣтилъ: „къ несчастью, ни у насъ, ни въ цѣлой Литвѣ не водятся эти звѣри, развѣ только въ тѣхъ парафіяхъ (приходахъ), гдѣ поселились Русины“. Засмѣявшись на это, онъ сказалъ: „но вѣдь это,

[3]) Память о Войдылѣ и до сихъ поръ сохраняется. Въ имѣніи Домбровкѣ, въ 5-ти верстахъ на востокъ отъ Лиды, указываютъ мѣсто и каменный фундаментъ «Войдыловскаго дворца». Замѣтимъ также, что на западъ отъ Лиды въ 10-ти верстахъ, вблизи рѣки Дзитвы, въ фольваркѣ Дейновѣ замѣтны и понынѣ слѣды замка и бывшаго когда-то столичнаго города удѣльнаго Дейновскаго княжества. Слѣды эти замѣтны по углубленіямъ изъ-подъ бывшихъ прудовъ, отросткамъ граба, нигдѣ вблизи нерастущаго, и по камню огромной величины, на которомъ, по преданію, казнили преступниковъ; камень этотъ, слывущій въ народѣ подъ именемъ «Кобылы», находился, какъ говоритъ преданіе, на площади противъ дворца.

[4]) Объ этомъ упоминается въ «Пам. кн. Вил. Губ.» (1851, стр. 107).

[5]) Первоначально было напечатано въ «Матеріалахъ для географіи и статистики Россіи. Виленская губернія», стр. 751. Приводя этотъ отрывокъ, мы не сочли нужнымъ держаться безграмотнаго перевода, который и исправили, гдѣ было нужно.

другъ мой, не звѣри, а отвратительныя и вредныя насѣкомыя". — „Быть можетъ, замѣтилъ я, но мы ихъ не знаемъ". — „Къ чему ты отдалъ Москалямъ корову? можетъ быть, она была тебѣ нужна", спросилъ опять высокій мужчина. „Нисколько; я ее откармливалъ для убоя и очень доволенъ, что пригодилось на вашу кухню, тѣмъ болѣе, что за все, забранное у меня, заплачено выше стоимости. Я несказанно радъ имѣть счастье и честь видѣть въ своемъ домикѣ столь высокихъ гостей".—„А кого, знаешь ли?" спросили оба. „Я не имѣю чести знать вашихъ фамилій, сказалъ я, но по всему, что̀ вижу, долженъ судить, что вы занимаете весьма высокіе посты. Извиняюсь, если не умѣю титуловать по достоинствамъ, но прошу вѣрить, что душевно радъ видѣть такія высокія особы". Толстый господинъ заливался смѣхомъ, а высокій взялъ меня за руку, пожалъ ее крѣпко и сказалъ: „я вижу, господинъ Ильцевичъ, что ты не только по названію благородный, но имѣешь и благородное сердце". Затѣмъ онъ началъ разспрашивать о разныхъ мѣстныхъ предметахъ.

„Въ это короткое время мои гости опорожнили два стакана съ какимъ-то напиткомъ. Въ это же время раздался на дворѣ барабанъ, возвѣстившій приходъ караула; и когда двери отворились и вошло нѣсколько мужчинъ, одѣтыхъ по-военному, изъ которыхъ одинъ былъ въ звѣздахъ и въ мундирѣ, шитомъ золотомъ, я былъ убѣжденъ, что прибылъ самъ царь, а потому тотчасъ же вышелъ за двери. Въ сѣняхъ я столкнулся съ нѣсколькими придворными и офицерами. Такъ какъ они смотрѣли на меня довольно ласково, то я рѣшился спросить: „Государь ли прибылъ теперь?" Нѣтъ отвѣта. „Кто эти господа, расположившіеся у меня? генералы-ли, князья-ли, или можетъ быть еще повыше?" И этотъ вопросъ остался безъ отвѣта. Люди начали вносить доски и устроивать сидѣнье въ сѣняхъ; я принялъ участіе въ этой работѣ. Спустя нѣсколько минутъ, всѣ эти господа вышли толпою изъ избы, а я, замѣтивъ одного между ними въ польскомъ нарядѣ и со звѣздою на кунтушѣ, приблизился къ нему, поклонился до земли и привѣтствовалъ его по народному обычаю, причемъ отрекомендовалъ себя какъ хозяина этого дома. „Кто вы такой?"—„Хозяинъ", сказалъ я назвавъ свою фамилію. Онъ вступилъ со мной въ разговоръ почти о тѣхъ самыхъ предметахъ, что̀ и высокій господинъ. Наконецъ я осмѣлился спросить: „кого Богъ прислалъ ко мнѣ въ домъ?"—„Развѣ вы до сихъ поръ не знаете?"—„Откуда же я могу знать, когда всѣ мои распросы остаются безъ отвѣта".—„Онъ самъ не желаетъ, чтобъ о немъ знали. Я, однако, скажу вамъ,—и наклонившись къ моему уху, произнесъ шопотомъ: „царь Петръ". Но молчи притворись, что не знаешь, а главное, что отъ меня узналъ". Въ это время подошелъ какой-то генералъ и, отведя въ сторону магната, заговорилъ съ нимъ такъ, чтобы никто не разслышалъ.

„За тѣмъ всѣ, вновь прибывшіе, вышли поспѣшно за ворота, сѣли на коней и поѣхали. Этого Поляка видѣлъ я, по крайней мѣрѣ, три раза, приходящаго къ Государю, и какъ я узналъ впослѣдствіи,—это былъ Григорій Огинскій, а генералъ, грудь котораго усѣяна была звѣздами,—Меньшиковъ; толстый же господинъ, постоянно сопутствовавшій Петру, былъ Шафировъ. Гости эти провели у насъ три дня: прибыли въ среду послѣ Рождества Богородицы, а уѣхали всѣ безъ исключенія въ субботу утромъ" Петръ, передъ самымъ отъѣздомъ, велѣлъ меня позвать и, поблагодаривъ вѣжливо за гостепріимство, спросилъ, не имѣю ли я къ нему какой нибудь просьбы? „Ничего болѣе не желаю, какъ воспоминанія на бумагѣ о посѣтившемъ меня счастьи, воспоминанія, которое могло бы обезпечить спокойствіе и безопасность моего дома въ настоящее военное время".—„Хорошо", отвѣтилъ Петръ. Садясь же въ экипажъ, онъ велѣлъ мнѣ приблизиться, пожалъ мою руку и, вручая мнѣ бумагу съ печатью, произнесъ при этомъ принятыя на русскомъ языкѣ прощальныя слова. Вотъ рескриптъ данный Петромъ Ильцевичу: „Божіею милостію мы, пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій Государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, самодержецъ Всероссійскій. Повелѣваемъ всѣхъ войскъ нашихъ генераламъ, нашимъ фельдмаршаламъ, генераламъ и малороссійскихъ нашихъ войскъ гетманамъ, такожъ и залежнымъ (зависящимъ) отъ нихъ региментаржамъ и прочимъ высокимъ и низкимъ офицерамъ и рядовымъ, дабы властности (собственности) Трабушекъ

пана Леона Ильцевича въ Лидскомъ уѣздѣ, безъ нашего великаго Государева указа, отнюдь никакихъ чрезвычайныхъ запросовъ и иныхъ никакихъ налоговъ и обидъ не чинили, и поборовъ и ни какихъ вещей, такожъ и лошадей, своевольно и безъ повелѣнія не брали, кромѣ самыхъ нужныхъ посылокъ, и то съ подорожными отъ вышеписанныхъ нашихъ генераловъ, подъ опасеніемъ себя за то отъ насъ, великаго Государя, нашего царскаго величества жестокаго наказанія по воинскимъ правамъ. Въ свидѣтельство того данъ есть сей нашъ царскаго величества охранительный листъ за нашею царскаго величества печатью. По указу его царскаго величества (L. S.) секретарь Шафировъ". Этотъ рескриптъ занесенъ по оригиналу въ земскіе акты Лидскаго уѣзда, подъ числомъ 23 мая 1823 года. Оттуда-то снята копія настоящаго рескрипта. Число стерлось на оригиналѣ, такъ что едва можно вычитать ...уста (т. е. августа) и цифру 30 по церковному. По нѣкоторымъ соображеніямъ, слѣдуетъ полагать, что годъ долженъ быть 1705, когда Петръ съ войсками двинулся отъ Вильны къ Гроднѣ, когда князь Меньшиковъ предводительствовалъ войсками, а Григорій Огинскій, сторонникъ короля Августа, находился при Петрѣ. Изъ разсказовъ и мѣстныхъ преданій нужно заключить, что Петръ прибылъ въ Трабушки въ середу, на другой день послѣ Рождества Богородицы, а выѣхалъ въ субботу. Эта середа, по Русскому календарю, приходилась въ 1705 году 28 августа, слѣдовательно, рескриптъ былъ подписанъ въ пятницу, т. е. 30 августа, а, по Польскому, на третій день послѣ Рождества Богородицы, т. е. 9 сентября.

Церковь [6]), относимая преданіемъ ко временамъ Ольгерда, точнѣе — слѣды ея находятся на теперешней Полицейской улицѣ. Если идти по ней, по направленію къ Конной, то, минуя Милліонную (когда-то бывшій Зеленый рынокъ), на лѣво будутъ вторыя ворота. Войдя чрезъ нихъ во дворъ, увидишь на задней сторонѣ дома то, что изображено на рисункѣ. Когда-то здѣсь помѣщался Гостиный Дворъ московскихъ купцовъ, и если только это зданіе было церковью, то, вѣроятно, она принадлежала къ Гостиному Двору и была выстроена, какъ можно догадываться, на приношенія и сборы московскихъ гостей. Зданіе, представленное на рисункѣ, непосредственно прилегаетъ къ Гостинодворскому переулку, который нѣкогда соединялъ Большую улицу (параллельно Милліонной) съ Полицейскою; теперь онъ застроенъ, и только часть его, отъ Полицейской улицы, сохраняется еще открытою [7]).

[6]) Этими свѣдѣніями мы обязаны о. І. А. Котовичу, редактору «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей».

[7]) Сообщая намъ эти свѣдѣнія, о. Іоаннъ Котовичъ прибавляетъ: «не могу не сказать о другомъ подобномъ же зданіи во дворѣ дома, занимаемаго лавкою Сеневальда. Тутъ есть и ниши, въ родѣ выемокъ для иконъ, и мѣста какъ бы для орнаментовъ. Заинтересованный, я хотѣлъ взглянуть на это зданіе съ фронта; для этого пришлось войти въ сосѣдній, тѣсный и грязный дворъ, и тутъ оказалось, что западная сторона этого дѣйствительно древняго зданія имѣетъ остроконечную изъ стариннаго краснаго кирпича форму. Было ли это жилье въ древнемъ стилѣ, или церковь—Богъ вѣсть».

Маломожейковская церковь начала XV вѣка въ Лидскомъ уѣздѣ, Виленской губерніи.

(РИСУНОКЪ 6-й).

Рисовалъ Грязновъ. Исполнено въ Берлинѣ, въ хромолитографіи Лойдота.

Маломожейковская церковь [1]) находится въ 30-ти верстахъ отъ почтовой дороги, ведущей изъ Лиды въ Гродну. Мѣстность, на которой расположена церковь, построенная изъ камня еще въ 1407 году [2]),—довольно возвышенная, опускающаяся скатомъ къ небольшому ручейку, живописные берега котораго окаймленъ густымъ кустарникомъ и высокими деревьями, образующими съ западной стороны церкви цѣлую рощу. Исторія Маломожейковской церкви и ея настоятелей [3]) до Брестскаго собора мало извѣстна. Древніе до-

[1]) Данныя для описанія Маломожейковской церкви мы заимствуемъ изъ обширной статьи о. Льва Савицкаго, помѣщенной въ «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» 1873 года, №№ 33, 34, 36 и 42.

[2]) Время постройки церкви видно изъ позднѣйшаго документа отъ 1524 года, именно: что отецъ Ѳеодосій Воротынскій, Лидскій протопопъ, внесъ «до книгъ метрополитальныхъ, въ дворы нашомъ, въ Новогородку будучи», «листъ ограничный церкви Маломожейковской мурованой», составленный на основаніи фундуша, даннаго покойнымъ паномъ Шимкомъ Мацкевичемъ Шкленскимъ, подконюшимъ Виленскимъ, державцею Упипольскимъ, Пенянскимъ и Радунскимъ, на церковь Маломожейковскую, «имъ побудованую року 1407, мая 10-го дня». На надгробной мраморной плитѣ, едѣланной въ южную церковную стѣну Казиміромъ Костровицкимъ уже въ прошломъ вѣкѣ, имя основателя обозначено такъ: «Szymko Macko Iundzilovicz». Подлиннаго документа время и тревожныя случайности не пощадили, и потому о. Л. Савицкій ссылается на документы 1542 и 1554 годовъ и выписи изъ «книгъ духовныхъ справъ вѣчистыхъ» Кіевской митрополіи. Но для соображенія о. Льва Савицкаго и другихъ, мы считаемъ не лишнимъ припомнить слѣдующія данныя. Въ «Археографическомъ Сборникѣ» (I, 13), подъ 1529 годомъ встрѣчается «панъ Шимко Мацковичъ, тивунъ Виленскій, конюшій Троцкій, державца Радунскій» (съ «дьякомъ Богданомъ Мацковичемъ»). затѣмъ подъ 1530-мъ годомъ (тамъ же, 18—19) «Шимко Мацковичъ, тивунъ и подконюшій Виленскій, державца Радуньскій, конюшій Троцкій» (съ «дьякомъ господарскимъ Богданомъ Мацковичемъ Шаулою») Данныя эти мы приводимъ, съ цѣлью вызвать генеалогическія и другія разъясненія о родахъ Мацковичей, Шкленскихъ, Юндиловъ, Шауловъ, причемъ, вѣроятно, станутъ болѣе ясными отношенія Маломожейковскаго храмоздателя къ лицу, упоминаемому въ «Археографическомъ Сборникѣ» и носящему то же имя, то же отчество и тѣ же титулы. Если признать ихъ за одно и тоже лицо, то выйдетъ, что Шимко Мацковичъ, построившій въ 1407 году Маломожейковскую церковь, имѣлъ въ 1536 году, по крайней мѣрѣ, полтораста лѣтъ; между тѣмъ, не смотря на столь преклонные годы, ему дѣлались весьма важныя государственныя порученія. Наконецъ, допустивъ это, придется подвергнуть сомнѣнію единственный документъ, указывающій на годъ основанія Маломожейковской церкви (см. выше); въ этомъ документѣ (отъ 1524 года, но сохранившемся въ выписи) говорится о Шимкѣ Мацковичѣ, но уже какъ объ умершемъ.

[3]) При расчисткѣ мѣста внутри церкви, было откапываемо множество большихъ камней, съ человѣческими костями подъ ними; на нѣкоторыхъ камняхъ были обозначены, едва замѣтно славянскими буквами, годы отъ созданія міра; такъ, на одномъ о. Савицкому удалось разобрать годъ отъ Рождества Христова 1469-й и надпись: «Христовъ рабъ Іерей Авраамъ». Этотъ камень былъ оставленъ на мѣстѣ. Кромѣ того, существуетъ древнее преданіе у прихожанъ Маломожейковской церкви, переходящее изъ рода въ родъ, что, во время надѣла церкви землею, собранъ былъ весь приходъ, не исключая и малолѣтнихъ дѣтей, которыхъ, по приказа-

кументы, уяснявшіе прошедшую судьбу церкви, погибли въ огнѣ камина Маломожейковской мызы пана Костровицкаго въ концѣ XVIII вѣка, при настоятелѣ Андреѣ Мицкевичѣ. Со временъ уніи, церковь подпала ея вліянію, исказилась латинскими новшествами, лишилась множества своихъ членовъ, перешедшихъ въ римскій обрядъ, пришла къ совершенному разоренію и была, можно сказать, ограблена въ способахъ своего содержанія. Позднѣйшіе документы съ 1647 года [4]) указываютъ, что церковь неоднократно подвергалась разореніямъ отъ козаковъ, предавшихъ огню строенія причта въ 1656 году. Но особенно тяжелъ и несчастенъ былъ для Можейковской церкви періодъ времени съ 1660 по 1789 годъ: благодаря базиліанамъ и „панамъ-патронамъ“ послѣдовалъ окончательный захватъ церковнаго имущества, движимаго и недвижимаго, сопровождаемый неслыханными насиліями, истязаніями и ужасами. Старожилы, въ числѣ которыхъ одинъ 96-ти-лѣтній старецъ, заслуживающій болѣе другихъ довѣрія, умершій пять лѣтъ назадъ, жившій подъ старость при церкви, а прежде бывшій управляющимъ помѣщика Костровицкаго, лично разсказывалъ о. Льву Савицкому, что этотъ помѣщикъ положительно отнялъ всѣ церковныя угодія, и найти на него судъ и расправу нельзя было, особенно въ ту пору, когда, благодаря тогдашнимъ порядкамъ, анархія и произволъ замѣняли законъ и собственность. Но особенно памятнымъ и до сего дня осталось у мѣстныхъ старожиловъ время патронатства Казиміра Костровицкаго, который сперва былъ въ хорошихъ, по-тогдашнему, отношеніяхъ съ настоятелемъ Петромъ Аѳанасевичемъ, какъ съ своимъ коллегою по воспитанію. Но страсть къ легкой наживѣ побудила Казиміра Костровицкаго къ возмутительному насилію надъ этимъ священникомъ. Вотъ ка̀къ передаютъ эту исторію мѣстные старожилы:

Въ 1793 году разнесся слухъ, будто священникъ, разломавъ гробъ основателя церкви Шимки Мацковича, нашелъ въ немъ много золота, золотой съ драгоцѣнными камнями поясъ и двѣ записки, указывающія на мѣсто, гдѣ будто бы были спрятаны суммы для „вѣчнаго“ поддержанія церкви. Услыхалъ объ этомъ Костровицкій. Прежде всего, онъ излилъ свою ярость на младшемъ братѣ о. Петра, Андреѣ, лишивъ его экономскаго мѣста при своемъ дворѣ въ Можейковѣ. Начались затѣмъ допросы и розыски въ квартирѣ о. Петра, гдѣ, какъ говорятъ, найдена была золотая пуговица. Достаточно было и этого для уликъ противъ несчастнаго отвѣтчика. Первою жертвою пытокъ сдѣлалась жена о. Петра; она умерла отъ истязаній, а по словамъ другихъ, удушена нѣкіимъ Помарнацкимъ, вѣрнымъ слугою пана. Желая умолить помѣщика помиловать его и дѣтей, священникъ отправился къ нему на домъ, гдѣ, принятый на крыльцѣ дома, онъ, повидимому, былъ обласканъ паномъ и даже приглашенъ на закуску. Двоедушный Костровицкій, напоивъ священника до-пьяна и не узнавъ при этомъ ничего новаго, велѣлъ своему конюху взять священника на цѣпь, поставить въ одно стойло съ козломъ на конюшнѣ и приказалъ о. Петру учить козла пѣть та̀къ, ка̀къ онъ самъ поетъ въ церкви. Эта сцена продолжалась цѣлую ночь. На другой день дворовые люди забрали весь скотъ и почти все имущество священника на мызу, запретивъ ему выѣздъ дальше границъ своего прихода. Такія непріятности окончательно измучили нравственно и физически бѣднаго священника, который, наконецъ, сильно заболѣлъ предъ праздникомъ Рождества Христова и, покинутый на произволъ судьбы, оставленный всѣми, просилъ своего тестя, священника Минской губерніи, села Сенной, Іоанна Савича, взять его къ себѣ. Но Костровицкій не дозволилъ этого, допустивъ Савича только къ требоисправленію на нѣкоторое время, съ декабря по февраль 1794 года. Томимый голодомъ и холодомъ, о. Петръ Аѳанасевичъ скончался въ 1794 году, 19 апрѣля. Похоронить его при Маломожейковской церкви не было дозволено, и потому онъ погребенъ въ Лебедской церкви, около клироса, по правой сторонѣ. Исторія о найденныхъ будто бы деньгахъ продолжалась еще

нію владѣльца-ктитора, сѣкли розгами на мѣстахъ межевыхъ знаковъ; при этомъ имъ было заповѣдано: помнить границы церковной земли и указывать ихъ своимъ дѣтямъ, внукамъ, правнукамъ и т. д.

[4]) Перечень документовъ и разныхъ бумагъ, относящихся къ исторіи Маломожейковской церкви, о. Левъ Савицкій помѣстилъ въ № 42 «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» 1873 года.

долго по смерти священника Аѳанасевича. Особенно въ большомъ подозрѣніи былъ братъ покойнаго, о. Іоаннъ, настоятель Голдовской церкви, недопустившій Костровицкаго для обысковъ въ своемъ домѣ, слѣдствіемъ чего былъ поджогъ священническаго дома, причемъ сгорѣло множество документовъ и метрическихъ книгъ.

При преемникѣ Аѳанасевича, Андреѣ Мицкевичѣ, Костровицкій сдѣлался еще смѣлѣе и дерзче: завелъ въ церкви органъ, пригласилъ монаховъ-кармелитовъ, для проповѣдыванія, что вѣры православной нѣтъ уже во всемъ мірѣ, а унія окончательно поглощена латинствомъ, что одно только латинство, съ его папою, ведетъ въ царство небесное. Вскорѣ, съ этою цѣлью, напротивъ убогой церкви, на видномъ мѣстѣ, при почтовой дорогѣ, возникъ новый красивый костёлъ. Но, къ удивленію „фундаторовъ“ костёла, результаты получились нѣсколько иные: крестьяне продолжали держаться славянскаго обряда и молиться въ своей древней святынѣ, хотя ветхой и убогой, а, въ проѣздъ Императора Александра I изъ Вильны въ Гродну, Государь, замѣтивъ въ сторонѣ церковь, пожелалъ войти въ нее: печальный и убогій видъ, въ сравненіи съ костёломъ, глубоко поразилъ Александра I, и онъ тутъ же приказалъ немедленно исправить церковь. поручивъ надзоръ за этимъ дѣломъ Слонимскому помѣщику Юндзилу. Но, какъ видно изъ „визиты“ 1805 года, починка церкви еще не начиналась и, по просьбѣ настоятеля, отложена была на осень, а къ этому времени помѣщикъ долженъ былъ приготовить матеріалъ. Въ этомъ же году, какъ разсказываютъ старожилы, церковная крыша обрушилась отъ удара молніи въ алтарную часть. Въ 1810 году, 30 января какъ сказано въ „визитѣ“, сдѣлана была кое-какая починка крыши; внутри же все оставалось по-прежнему, въ полномъ запустѣніи и безъ оконъ.

Ко времени своего послѣдняго возобновленія церковь сохранилась только въ однѣхъ стѣнахъ съ совершенно испортившеюся крышею; есть, впрочемъ, слѣды, указывающіе, что она подвергалась разнымъ превратностямъ судьбы, т. е. испытывала разоренія и неоднократныя передѣлки. Она—вся каменная изъ крѣпкаго, какъ желѣзо, кирпича, образовавшаго отъ времени одну сплошную массу, обросшую мхомъ, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ въ стѣнныхъ углубленіяхъ, которыя были оштукатурены впослѣдствіи. Вѣроятно, въ этихъ углубленіяхъ первоначально были иконы, или, быть можетъ, они были окрашены, потомучто слѣды краски были ясно замѣтны при разбивкѣ штукатурки. Такихъ углубленій ниже крыши, въ видѣ дугообразныхъ продолговатыхъ рамъ, оканчивающихся мысомъ въ верхней части—шесть, мѣстъ же—двѣнадцать; между ними идутъ стѣнки въ родѣ пилястра. Повыше ихъ, подъ самою крышею, находится пять небольшихъ оконъ съ отвѣсными отверстіями, идущими подъ крышу внутрь. Оконъ въ церкви девять: три окна въ стѣнахъ длиною въ сажень, шириною въ аршинъ, съ желѣзными рѣшетками; между ними идутъ пилястры, съ перемежающимися длинными углубленіями, предназначенными во время оно, вѣроятно, тоже для какихъ либо изображеній; остальныя три окна освѣщаютъ собственно алтарь,—размѣромъ они меньше первыхъ и дугообразны. Всѣ четыре церковныя башни одинаковаго устройства, на одну сажень выше стѣнъ церкви; въ верхней части ихъ устроены три окна длиною въ аршинъ и шириною въ 12 вершковъ; въ западной части церкви эти окна больше, чѣмъ въ восточной, такъ какъ и самыя башни здѣсь имѣютъ большій размѣръ въ діаметрѣ. Въ уровень со стѣною, въ башняхъ устроены такія же отверстія, какія подъ крышею церкви, только въ двойномъ размѣрѣ. Въ средней части башень также есть отверстія, которыя съуживаются наружу и расширяются во-внутрь и, по мѣрѣ разстоянія отъ земли, длиннѣе и шире. Кругомъ всей церкви и башень, однимъ аршиномъ выше цоколя, огибающаго всю церковь кругомъ, идетъ рядъ зубцовъ въ родѣ пилы. Кресты изъ кирпича въ западныхъ башняхъ остались цѣлы и по настоящее время. Старожилы разсказываютъ. что на башняхъ, съ западной стороны, были поставлены два ангела большого размѣра, одинъ съ трубою, другой съ мечемъ, измѣнявшихъ свое положеніе по направленію вѣтра. Дверь у входа въ церковь одна; съ внутренней стороны она защищалась другою тяжеловѣсною желѣзною дверью, опускавшеюся на цѣпяхъ изъ ниши, сдѣланной въ стѣнѣ. Нѣкоторые изъ старожиловъ видѣли еще эту дверь; но въ 1817 г. ее самовольно

взялъ помѣщикъ Костровицкій. Отдѣлка входной двери изящна: двѣ колонны украшаютъ дугообразный входъ въ церковь, оканчивающійся вверху въ видѣ короны. Внутри церкви олтарь отдѣляется отъ храма сплошною каменною стѣною съ тремя пролётами для царскихъ, сѣверныхъ и южныхъ вратъ; послѣднія два отверстія имѣютъ форму неправильнаго трехугольника; надъ сѣверными дверями пролётъ меньше южнаго. Алтарная часть имѣетъ пространство въ длину 2 сажени $1^1/_2$ арш., ширину 4 сажени и 9 вершковъ. Престолъ былъ квадратный, каменный; въ сѣверной и южной стѣнахъ алтаря находятся два малыя и два большія дугообразныя углубленія, предназначенныя для храненія церковной утвари. Жертвенникъ прежде былъ устроенъ въ углубленіи (въ родѣ небольшой пещеры), которое сохранено и въ настоящее время, только закрыто иконою. Самый храмъ имѣетъ внутри 6 саженъ длины и 5 саж. 12 верш. ширины. Окна отъ полу на двѣ сажени. Своды круглые, коробовые, опирающіеся на четыре массивныя колоны, къ которымъ сходятся въ видѣ множества нитей. Изъ церкви устроены ходы во всѣ башни, куда прежде вели кирпичныя лѣстницы въ видѣ спирали, уничтоженныя въ восточныхъ башняхъ въ 1817 году. Посрединѣ церкви — небольшой склепъ, гдѣ находилось нѣсколько, на подобіе корыта, дубовыхъ гробовъ съ такою же крышкою, на верхней части коихъ въ головахъ сдѣлано круглое отверстіе, закрытое стекломъ. Внутри, въ части, примыкающей къ притвору, устроены хоры, на которые ведетъ лѣстница, проходящая и въ башню съ югозападной стороны. Высота церкви съ фронта 15 саж., а стѣнъ 7 саж. Алтаремъ она обращена на востокъ, и общій видъ ея имѣетъ совершенное сходство съ возобновленнымъ древнимъ Пречистенскимъ митрополичьимъ соборомъ въ Вильнѣ, который, видно по всему, служилъ для строителя Маломожейковской церкви образцомъ. Храмоздатель даже посвятилъ его имени Пречистой Богородицы. Нѣсколько загадочная архитектура Маломожейковской церкви невольно заставляетъ думать, что она была не только убѣжищемъ для молитвы, но и хранилищемъ людскаго имущества во время опустошительныхъ войнъ и сопряженныхъ съ ними грабежей во времена Речи-Посполитой, — а отчасти и нѣкоторою защитою отъ нападенія непріятелей. Какъ убѣжище и хранилище во время войнъ, она снабжена была, до 1817 года, потайнымъ ходомъ и такими же отверстіями въ стѣнахъ, кругомъ всей церкви, имѣла особый большой склепъ, подъ церковью, отдѣленный отъ другаго, маленькаго, находящагося въ самой церкви, каменною стѣною. Къ этому большому склепу, надо предполагать, есть еще гдѣ нибудь другой ходъ. Кромѣ этого, церковь была снабжена четырьмя однообразными стрѣльчатыми башнями съ окнами, въ три яруса, съуживающимися наружу и такими же окнами въ стѣнахъ, подъ самою крышею. Наконецъ, стѣны зданія — толщиною въ сажень и тяжеловѣсная желѣзная дверь, опускавшаяся на цѣпяхъ, отворявшаяся только подърукою опытнаго служителя — вмѣстѣ съ упомянутымъ выше — невольно приводятъ къ заключенію, что церковь эта могла быть употреблена и на дѣло защиты отъ непріятелей. Есть преданіе, оправдывающееся, впрочемъ, видимымъ признакомъ въ сѣверной стѣнѣ, что Шведы бомбардировали эту церковь, во время стоянки лагеремъ Карла XII въ м. Желудкѣ.

Маломожейковская церковь возобновлена въ прежнемъ видѣ, исключая двухъ башенъ съ съ западной стороны, поднятыхъ выше на 6 аршинъ; въ одной изъ нихъ устроена колокольня. Испорченныя части стѣнъ и карнизы оштукатурены гидравлическою известью, а прочія неоштукатуренныя части выкрашены подъ кирпичъ. Башни покрыты жестью. Крыша на церкви оставлена прежняя изъ плоской черепицы. Кресты (числомъ 8) сдѣланы по заказу въ Ригѣ, желѣзно-золоченые; вѣнчая собою куполъ церкви, они видны на далекомъ растояніи и придаютъ зданію величественный и красивый видъ. Притворъ сдѣланъ новый по плану, съ башнями. Внутри храма стѣны оштукатурены, выравнены; въ башняхъ исправлены каменныя лѣстницы; оконныя рамы — изъ дуба съ желѣзными рѣшетками; полъ деревянный, вмѣсто кирпичнаго; алтарная часть и солея, о четырехъ ступенькахъ, подняты на одинъ аршинъ выше церковнаго пола, съ выпускомъ въ $2^1/_2$ арш. отъ иконостаса, предъ которымъ устроена баллюстрада токарной работы; въ башняхъ алтарной части устроена ризница. Иконостасъ хотя небогатый, но по

красотѣ превосходитъ всѣ сельскія церкви въ Лидскомъ уѣздѣ. Отдѣлка иконостаса и установка его на мѣстѣ обошлась комитету весьма дорого по той причинѣ, что иконостасъ былъ присланъ за четыре года до начала работъ и, по недосмотру, подвергся порчѣ, а съ другой стороны—сдѣланъ не по плану, такъ что, поставленный на мѣсто, онъ не совсѣмъ гармонируетъ съ прочими частями храма. Деревянныя части иконостаса окрашены въ три цвѣта: бѣлый, свѣтло и темно-голубой. Образа, помѣщенные надъ сѣверными и южными дверями, увѣнчаны крестами, равно какъ и иконостасъ вѣнчается деревяннымъ вызолоченнымъ крестомъ, съ сіяніемъ. Иконы—живописи академика Васильева. По возобновленіи, Маломожейковская церковь была освящена 21 января 1873 года.

Этотъ отчотъ о работахъ по возобновленію почти пятивѣковой православной святыни, достопочтенный о. Левъ Савицкій [5]) заключаетъ слѣдующими строками, вызывающими особое вниманіе: „Остается только желать, дабы впредь это прекрасное зданіе не было оставлено безъ поддержки въ настоящемъ ея видѣ и благолѣпіи, на что, конечно, потребуются современемъ немалые расходы, которые, при малочисленности и бѣдности прихожанъ, едва ли могутъ быть исполнены ими... По нашему мнѣнію, на основаніи документовъ, *слѣдовало бы изъ возвращенныхъ отъ помѣщиковъ угодій церковной земли, образовать казенную ферму*, съ тѣмъ, чтобы выручаемыя деньги поступали въ церковь для будущаго ея обезпеченія. Конечно, Костровицкіе были истые сыны своего вѣка, весьма неразборчиваго въ средствахъ и безнаказанно посягавшаго на чужую собственность; но *мнѣ, какъ настоятелю* сего обиженнаго прихода, во имя святой правды и ревности къ святынѣ Божіей, *настоитъ необходимость заявить* всю *эту правду во всеуслышаніе*“ [6]).

Говоря о Маломожейковской церкви, нельзя оставить безъ вниманія приписной къ ней, въ селѣ Волчинкахъ. Въ тѣхъ же Маломожейковскихъ документахъ, между прочимъ, говорится, что часовня, принадлежащая къ церкви въ Волчинкахъ, въ имѣніи Поплавскаго, каноника Лидскаго, нѣкогда, какъ говоритъ преданіе, была приходскою церковью которой принадлежало земли три уволоки [7]). Куда дѣвались строенія— неизвѣстно, земля же забрана мѣстнымъ помѣщикомъ. Самая церковь была деревянная, внутри оштукатурена, крыта гонтою, съ однимъ куполомъ. Изъ утвари церковной отмѣчены въ „визитахъ“ — чаша со всѣмъ приборомъ, образъ Божіей Матери въ серебрянной ризѣ. О. Льву Савицкому довелось видѣть эту церковь, но уже совершенно ветхою, запустѣлою, съ соломенною крышею; при ней были хозяйственныя строенія, тоже ветхія, въ которыхъ помѣщается арендаторъ. Упомянутая икона Божіей Матери, въ серебряной ризѣ, съ изображеніемъ луннаго полукруга у подножія Ея лика, находилась, по показанію одной женщины, у мѣстнаго помѣщика, „въ темномъ и смрадномъ мѣстѣ“. „Слова женщины — говоритъ о. Левъ Савицкій — заставили меня отправиться къ помѣщику съ просьбою о выдачѣ иконы, взятой изъ Волчинковской часовни, причемъ я указалъ мѣсто, гдѣ она должна бы находиться. Помѣщикъ отвѣчалъ, что у него ни какой иконы нѣтъ и, для удостовѣренія, самъ отправился въ указываемое мною мѣсто, гдѣ, какъ и слѣдовало ожидать, ничего не было найдено. Испытавъ еще нѣсколько разъ неудачу въ розысканіи иконы, я, послѣ того,

[5]) Не менѣе любопытно и знаменательно слѣдующее сообщеніе о. Льва Савицкаго: «Прихожане окрестныхъ костеловъ, часто посѣщающіе эту церковь въ большіе праздники, ставятъ свѣчи, заказываютъ молебны, просятъ освящать кресты; бываютъ даже примѣры и того, что просятъ освящать вновь построенные домы ихъ и посѣщать ихъ, при обходѣ домовъ православныхъ прихожанъ, во время постовъ Рождественскаго и Великаго; они же покупаютъ въ церкви крестики и иконы».

[6]) Въ упомянутой выше своей статьѣ, о. Левъ Савицкій, между прочимъ, говоритъ, что въ Маломожейковской церкви есть «евангеліе очень древнее, рукописное, въ богатомъ переплетѣ, съ пятью серебряными иконами по краямъ», и затѣмъ прибавляетъ: «это евангеліе взято въ 1864 году, 23 октября, въ Вильну, гдѣ и въ настоящее время находится». Не оно ли обозначено въ «Описаніи Рукописнаго Отдѣленія Виленск. Публичной Библіотеки» подъ № 15, или подъ № 26 (см. вып. І-й, стр. 20, 37)?

[7]) Этими волоками владѣетъ теперь мѣстный арендаторъ.

*

два года не обращался къ помѣщику по этому дѣлу, выжидая болѣе благопріятнаго случая, который и не замедлилъ скоро представиться. По домашнимъ обстоятельствамъ, помѣщикъ долженъ былъ переѣхать въ другое имѣніе, а это отдать въ аренду одному шляхтичу, у котораго факторомъ былъ еврей. По частнымъ слухамъ, оказалось, что икона должна быть въ амбарѣ. Послѣ того, призвавши къ себѣ двухъ самыхъ ревностныхъ прихожанъ, изъ коихъ одинъ былъ членомъ церковнаго совѣта, и давши имъ нужныя наставленія для успѣшнаго открытія иконы, я отправилъ ихъ въ это имѣніе, подъ предлогомъ осмотра амбара, будто бы предназначеннаго помѣщикомъ къ продажѣ. Еврей, неподозрѣвавшій допущенной нами хитрости, отворилъ амбаръ, гдѣ и найдена была икона Божьей Матери совершенно въ такомъ видѣ, какъ описана она въ документѣ. Конечно, послѣ этого, икона съ подобающею честью взята была изъ амбара (это совершилось въ 1868 году), перенесена въ храмъ и поставлена въ приличномъ мѣстѣ, по лѣвой сторонѣ, въ углу иконостаса. Года на иконѣ не выставлено, находится только надпись: „*Іосифъ и Екатерина Овсяны*“. По виду — икона весьма древняя. Остается еще возвратить чашу съ приборомъ и колоколъ, но, безъ содѣйствія, невозможно сдѣлать это въ настоящую пору“.

Самая же церковь въ селѣ Волчинкахъ, года четыре назадъ, неизвѣстно по какой причинѣ и по чьему дозволенію, продана за самую ничтожную цѣну Евреямъ на баню(!!) и перевезена въ м. Василишки. Погостъ церковный обращенъ въ кладбище для деревень, принадлежавшихъ нѣкогда къ этой часовнѣ: Волчинокъ, Зеневичъ, Глиничъ, Губичъ и Лазовцевъ и въ настоящее время причисленныхъ къ Василишскому римско-католическому костёлу. Sic transit....

Церковная утварь [1]),

ХРАНЯЩАЯСЯ ВЪ ВИЛЕНСКОМЪ НИКОЛЬСКОМЪ СОБОРѢ И СВЯТО-ДУХОВСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

(РИСУНКИ 7-й, 8-й, 9-й, 10-й и 11-й).

Рисовали: Трутневъ (р. 8), Чемодановъ (рр. 7, 9, 11), Кудрявцевъ (р. 10). Исполнены: въ Берлинѣ, въ хромолитографіи Винкельмана (рр 7, 8, 9 и 10) и въ Петербургѣ, въ хромолитографіи и типографіи Траншеля (р. 10).

Рисунокъ 7-й.

Плащаница изъ матеріи лазуреваго цвѣта. На ней изображено положеніе Іисуса Христа во гробъ. Лица, окружающія Спасителя, шиты шелкомъ, серебромъ и золотомъ; греческія слова между этими лицами, поверхъ и внизу ихъ, вышиты серебромъ, а греческій тропарь, расположенный вокругъ всей плащаницы, — золотомъ; четвероконечный крестикъ, съ четырьмя серебряными лучами, обозначающій начало тропаря, вышитъ также золотомъ [2]). Вся плащаница 9 вершковъ длины и 15 ширины; обложена нынѣ малиновымъ бархатомъ кругомъ и по краямъ узкимъ половинчатымъ золотымъ гасомъ, съ золотою бахрамою и четырьмя такими же кисточками; по угламъ вышиты золотомъ ангелы; подкладка изъ бѣлой тафты. Плащаница эта хранится въ Виленскомъ Никольскомъ соборѣ. Кругомъ плащеницы помѣщенъ слѣдующій воскресный тропарь, поемый послѣ „непорочныхъ": Των αγγελων [3]) ο δημος κατεπλαγη ορων σε εν νεκροις λογισθεντα τȣ θανατȣ δε Σωτηρ τυν ιχυν καθελοντα και συν εαυτω τον Αδαμ εγειραντα και εξ Αδȣ παντας ελεθερωσαντα (т. е. „Ангельскій соборъ удивися, зря тебе въ мертвыхъ вмѣнившася, смертную же, Спасе, крѣпость разоривша и съ собою Адама воздвигша и отъ ада вся свободша"). Въ срединѣ плащаницы, между лицами встрѣчаются слѣдующія надписи: *ο επιταφιος θρινος* (надгробный плачъ, надгробное рыданіе) μνησθητι Κυριε της ψυχις τȣ δȣλȣ σου Μανȣ ιερεȣ αμαρτοπȣλȣ (αμαρτολȣ? помяни, Господи, душу раба твоего Ману(ила?), іерея грѣшнаго).

Рисунокъ 8-й.

Старинный, изъ дерева, шестиконечный крестъ, обложенный позолоченнымъ серебромъ 12-й пробы, а мѣстами листовою мѣдью. Въ срединѣ его, въ кругу, Распятіе, а въ прочихъ мѣстахъ усажены натуральные и искусственные камни; изъ нихъ—большихъ, среднихъ и малыхъ — 43 и нѣсколько пу-

[1]) Нижепомѣщаемыми о церковной утвари свѣдѣніями, за исключеніемъ рисунка 11-го, мы обязаны о. І. Котовичу, редактору «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей».

[2]) Года на плащаницѣ нѣтъ. Срисовывавшій эту плащаницу ошибочно отнесъ ее къ XI-му вѣку.

[3]) Сличая этотъ тропарь съ греческими буквами, вышитыми на плащаницѣ, читатель увидитъ во многомъ несходство, которое можно объяснить или временемъ (т. е. тѣмъ, что сребропозлащенная бить кое-гдѣ отъ времени пообвалилась), или неумѣлостью лица (вѣроятно, женщины), вышивавшаго эти буквы. Здѣсь намъ оказалъ свое просвѣщенное содѣйствіе достопочтенный Павелъ Ивановичъ Савваитовъ.

стыхъ мѣстъ, безъ камней. Подъ хрустальнымъ камнемъ вложена частица животворящаго древа Креста Господня [4]) и частицы мощей прочихъ святыхъ, перечисленныхъ въ надписи на противоположной сторонѣ креста[5]). Для исторіи креста можетъ служить слѣдующая надпись: „Въ лѣто 7003(1495), индикта 3, милостью Божою и Пречистое Его Матере, силою Честнаго и Животворящаго Креста, повелѣніемъ раба Божія князя Александра Васильевича [6]), окольничого Смоленьского, скованъ бысть сій крестъ и исполненъ мощій святыхъ и положенъ въ церкви святого великомученика Георгія у Лазковичохъ, для своего душевнаго спасенія и на паметь родителемъ его“. Крестъ этотъ хранился сперва въ Жировицахъ, а затѣмъ перенесенъ въ Вильну, въ Никольскій соборъ, вмѣстѣ съ переводомъ архіерейской каѳедры.

Рисунокъ 9-й.

Древній саккосъ, шитый по малиновому бархату сребро-позлащенною битью, которою изображены разнаго рода цвѣты и фигуры, а также двѣнадцать Господскихъ и Богородичныхъ праздниковъ въ лицахъ, и съ надписями. При саккосѣ восемь серебряныхъ позолоченыхъ пуговицъ. Хранится въ Виленскомъ Никольскомъ соборѣ.

Рисунокъ 10-й.

Старинный [7]), изъ чернаго дерева, осьмиконечный крестъ, съ вырѣзанными изображеніями Распятія, праздниковъ и нѣкоторыхъ святыхъ. По краямъ обложенъ позолоченнымъ серебромъ съ слѣдующею надписью: „сей честный крестъ сотвори и окова Іоаронъ [8]), воевода Божею милостью господарь земли Молдавской. Сіе серебро, еже плѣниша нѣкіа разбойника отъ Кипріанскаго монастырю. Пакы мы дадохомъ я тамо въ тоя жъ обитель быти господарству ми память. Въ лѣто 7102 мѣсяцъ (1594) мартъ въ 28 день“.

Рисунокъ 11-й.

Чаша, хранящаяся въ ризницѣ Свято-Духовскаго монастыря, съ слѣдующею надписью внизу: „Лѣта 7102 (1594) повелѣніемъ государя царя и великого князя Ѳеодора Ивановича и его царицы и великіе княгини, Ирины ихъ Богомъ дарованные дщери царевны Ѳеодосьи здѣланъ сей потыръ къ зачатію святыя Анны, егда зачала Святую Богородицю, въ городъ въ Китай [9])“.

Хрянящееся тамъ же письмо св. Димитрія Ростовскаго къ Грохольскому: „Его милости пану Михаилу Григорьевичу Божіе благословеніе! Во знаменіе моего благодарствія за книжицу, отъ милости твоей дарствованную мнѣ, послахъ труда нашего худоумнаго часть первую, яже противу расколыщиковъ. Благоволи милость твоя малое сіе отъ насъ приняти и, егда случится лишнее время, читать вмѣсто рекреаціи. Милости твоей всего добра желающій смиренный архіерей Димитрий“. Помѣта „8-bris 20. Anno 1709“.

Тамъ же хранящійся крестъ съ надписью: „Лѣта 7198 (1690) сентября 2 день сійкрестъ приложилъ къ церкви Сошествія Святаго Духа, что за Пречистенскими вороты, на рву, Иванъ Ладыгинъ по обѣщанію своему и въ поминовеніе сродниковъ своихъ“.

[4]) Pod kryształem drzewo Krzyża sw. włożone od x. Benedykta Trulewicza Z(akonu) S(więtego) B(azilego) W(ielkiego) k(la)stor(u) Żyrow(ieckiego) d(nia) 9 Marca, 1732, z Rzymu wyie(chawszy) 1726». Этотъ Трулевичъ былъ «старшимъ» въ Жировицкомъ монастырѣ и, въ качествѣ прокуратора, былъ въ Римѣ.

[5]) «Марка Евангелиста, Луки Евангелиста, Апостола Андрея, Св. Климента папы Римскаго, Св. Игнатія Богоносца, Св. Іакова брата Господня, Св. Селивестра папы Римскаго, главы Св. Іоанна Предтечи, Св. Екатерины, Св. Маріи Магдалины, Св. Лаврентія, Св. Козмы и Даміана, Св. Апостола Ѳомы, м. Ѳеодора Тирона, м. Мардарія, м. Ареста, Андрея Критскаго, Ѳеодора Начертанна, Марка Ѳраческаго, Евдокима Праведнаго, Ѳеодосіи, Святого Панкратія,..... Іордана отъ горы Елеонскія».

[6]) А. Н. Муравьевъ («Русская Вильна», стр. 40 — 41) относитъ крестъ этотъ къ 1495 году и говоритъ, что онъ былъ похищенъ во время войны изъ родовой вотчины князя.

[7]) Крестъ этотъ уже довольно ветхъ: одинъ конецъ его отваливается.

[8]) У Муравьева («Русская Вильна», стр. 40) «Іоаннъ».

[9]) Въ Москвѣ.

Рукописные памятники и надгробныя плиты.

(РИСУНКИ 12-й, 13-й, 14-й и 15-й).

Рисовалъ Чемодановъ. Исполнено въ Петербургѣ, въ хромолитографіи и типографіи Траншеля.

Рукописныхъ памятниковъ на Западно-Русскомъ языкѣ осталось особенно много отъ XVI вѣка; но всѣ мѣстные Русскіе памятники эпохи древнѣйшей, до Литовскаго владычества, истреблены почти до корня, благодаря іезуитскому ордену, особенно о томъ старавшемуся [1]). Такимъ образомъ, погибла цѣлая масса Западно-Русскихъ лѣтописей, о которыхъ упоминаетъ и которыя еще видѣлъ Стрыйковскій. Что онѣ существовали когда-то, доказываютъ: изданіе Даниловича (въ латинской транскрипціи) „Latopisiec Litwy i Rusi“; лѣтопись Авраамика и вообще весь XVI томъ „Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей“; найденное свидѣтельство о существованіи Слуцкой лѣтописи [2]) и политико-литературная лѣтопись, бывшая въ рукахъ Нѣмцевича [3]). Затѣмъ, въ дѣлѣ истребленія Западно-Русскихъ рукописей приняли немалое участіе ученые Поляки конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, собиравшіе памятники Польскаго владычества; „съ этихъ поръ началось самое усиленное истребленіе въ Западномъ краѣ Русскихъ книгъ и памятниковъ“ [4]). Имена этихъ собирателей слѣдующія: Кіевскій бискупъ Іосифъ Залускій, іезуитъ Адамъ Нарушевичъ, Ѳаддей Чацкій, Иванъ Тарновскій, Самуилъ Линде, Осипъ Осолинскій, К. Свидзинскій, Нѣмцевичъ и многіе другіе. Королю Августу III пожелалось собрать изо всей бывшей Польши въ Варшаву все печатное и письменное. Дѣло это было поручено Залускому, который навёзъ неимовѣрно большое число книгъ и *рукописей, особенно писанныхъ на Русскомъ языкѣ*. Іезуитъ Нарушевичъ, писавшій по порученію Станислава Августа исторію Польши, собралъ все рѣдкое, преимущественно—Русскія книги и памятники. Осипъ Осолинскій успѣлъ объѣздить весь край и забралъ множество рукописей и книгъ изъ монастырскихъ и церковныхъ библіотекъ. При Русскомъ правительствѣ и на Русскія деньги, дѣйствовали Ѳаддей Чацкій и Самуилъ Линде. По свидѣтельству самихъ Поляковъ: въ Западномъ краѣ нѣтъ ни города, ни библіотеки, ни костёла, ни церкви, гдѣ бы не былъ Ѳаддей Чацкій, съ цѣлью собрать Польскія, а еще болѣе Русскія книги и рукописи. Всѣ эти лица старались пріобрѣтать (нерѣдко и крали) книги и рукописи, „вредныя польщизнѣ“, какими по преимуществу считались книги и рукописи, писанныя по-Русски. Какая же участь постигла эти Русскіе памятники? Польскій писатель Михаилъ Вишневскій отвѣчаетъ: печатныя Русскія книги и Славянскія рукописи были раздарены Русскимъ попамъ! (Hist. lit. polskiej, т. VIII, стр. 478). „Странное дѣло, раздаривается съ такою легкостью то, что̀ такъ усердно и съ такимъ трудомъ

[1]) П. О. Бобровскій, «Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Гродненская губернія». I, 89—90, въ примѣчаніи.

[2]) «Археографическій Сборникъ», I, въ предисловіи, стр. VII.

[3]) «Zbior pamiętnikow historycznych o dawnej Polszcze», I, стр. 392—394. «Повѣсть о витезяхъ зъ книгъ Исерпскихъ, а звлаща о славномъ рыцери Тригачанѣ, о Янчалоцѣ, о Бовѣ и о иныхъ». Далѣе слѣдуетъ Литовская и Жмудская лѣтопись съ 5526 года отъ С. М.

[4]) «Русскій Вѣстникъ», 1868 («Судьбы Русскаго языка въ костелахъ Сѣверо-Западнаго края».

собиралось, что нерѣдко приходилось красть, лишь бы пріобрѣсти; и раздаривается къ тому же Русскимъ попамъ" [5])!

Въ виду этого и для сосредоченія письменныхъ памятниковъ въ Виленской Публичной Библіотекѣ, б. попечитель округа И. П. Корниловъ обратился съ просьбами о доставленіи рукописей къ духовенству, учителямъ, мировымъ посредникамъ, изъ которыхъ многіе откликнулись. Независимо отъ этихъ просьбъ, начальство учебнаго округа стало посылать отъ себя довѣренныхъ лицъ въ археографическія поѣздки по краю. Особенно успѣшны были поѣздки Н. И. Соколова въ 1865 году и А. В. Рачинскаго въ 1866 и 1867 годахъ. Съ неменьшею энергіею продолжалъ это дѣло б. попечитель Округа П. Н. Батюшковъ. Такимъ путемъ составилось Рукописное Отдѣленіе [6]) Виленской Публичной Библіотеки, крайне разнообразное, начиная съ письменныхъ актовъ и кончая рукописными картами [7]). Изъ этого хранилища и приводятся нижеслѣдующіе рисунки, съ ихъ описаніемъ:

Рисунокъ 12-й.

На этомъ рисункѣ, вопервыхъ, изображена страница изъ Туровскаго [8]) Евангелія XI [9]) вѣка, которую и приводимъ [10]) вмѣстѣ съ современнымъ текстомъ (по Московскому 21-му изданію 1863 года):

[5]) Тамъ-же. Припомнимъ, что такимъ же, вѣроятно, путемъ канули въ вѣчность документы о великой княгинѣ Еленѣ Ивановнѣ, для исторіи ея пребыванія въ Вильнѣ (см. «Виленскій Вѣстникъ» 1868 года, № 142).

[6]) Въ началѣ 1871 года составъ Рукописнаго Отдѣленія и его отдѣловъ былъ слѣдующій: I) Рукописи на церковно-славянскомъ языкѣ (евангелія, апостолы, минеи, тріоди и пр.). II) Русскіе пергамены (королевскія и великокняжескія грамоты, частныя грамоты, пергаменныя выписи — на языкѣ Русскомъ). Эти первые два отдѣла уже описаны, и описаніе ихъ («Рукописное Отдѣленіе Виленской Публичной Библіотеки, выпускъ первый, трудъ Петра Гильтебрандта») вышло еще въ 1871 году, въ Вильнѣ (б. 8°, XXXVI, 230 и 2 нен. стран.). III) Русскіе Сборники (инвентари, ограниченія, выписи и все прочее, что на языкѣ Русскомъ). IV) Польскіе Сборники (историко-политическіе, литературные, юридическіе, выписи и цѣлыя разнаго рода дѣла—на языкѣ Польскомъ). V) Польско-Латинскіе пергамены (грамоты королевскія, частныя, буллы и пр. — на языкѣ Польскомъ и Латинскомъ). VI) Экономія (инвентари, ограниченія, люстраціи, подымныя книги, тарифы и пр.—на языкѣ Польскомъ). VII) Литература и Библіографія (литературныя сочиненія, старинные перечни и каталоги древнихъ библіотекъ и архивовъ). VIII) Письма (частная переписка коронованныхъ, государственныхъ и должностныхъ особъ). IX) Латинство (регулы орденовъ, курсоріи, дневники, vita domestica, полемика, рѣчи, чудеса и пр. — для исторіи латинства въ Западной Руси). Несмотря на всю тщательность, *нельзя было* избѣжать соприкосновенія между рубриками, нельзя было положить точныхъ и опредѣленныхъ границъ. Наприм., есть много діаріушей и курсорій монастырскихъ, въ которыхъ читатель найдетъ и экономическую, и бытовую, и политическую, и литературную стороны; въ распредѣленіи этихъ и подобныхъ имъ рукописей по рубрикамъ, отдавалось преимущество той сторонѣ, о которой болѣе всего говорилось. Письма достались Рукописному Отдѣленію частью въ «пликахъ», частью въ томахъ, переплетенныхъ по годамъ, къ извѣстному лицу; указаніе тома, года и лица, къ которому писано, сохранилось только на нѣкоторыхъ переплетахъ; безымянные переплеты, помощью розысканій, опредѣлены. При разборѣ писемъ принято правило, весьма практическое, заимствованное изъ опыта Несвижскаго архива, именно: всѣ письма раскладывать *по-фамильно*, въ порядкѣ азбучномъ. Изслѣдователь какого либо эпизода изъ исторіи Речи Посполитой въ XVIII вѣкѣ, разумѣется, знаетъ имена главнѣйшихъ дѣятелей въ занимающемъ его эпизодѣ; въ указателѣ къ описанію онъ найдетъ эти имена, подъ именами переписку этихъ лицъ съ другими, другихъ съ третьими и т. д. Впрочемъ, въ уваженіе къ труду лица, собиравшаго письма въ переплеты, на многихъ письмахъ выставлены №№ томовъ, изъ которыхъ они вынуты.

[7]) На мѣстную картографію давно уже обращено вниманіе ученыхъ (Гадебушъ, Хроминскій, Бентковскій, Залускій, Эд. Раставецкій). Раставецкимъ издана, какъ мы уже замѣтили выше (въ одномъ изъ примѣчаній) довольно обстоятельная «Mappografia dawnej Polski». Судя по ней, всѣхъ извѣстнѣйшихъ картъ Литвы до 1779 г. насчитывается 33; кромѣ того, съ 1528 г. до конца прошлаго столѣтія было еще 176 картъ Литвы въ общихъ атласахъ Польши и на однихъ съ нею листахъ. П. О. Бобровскій упоминаетъ о картѣ Полѣсья 1650 г. и о планѣ Берестейскихъ укрѣпленій начала XVIII вѣка (II, 809 и 839). Виленская публичная библіотека обладаетъ весьма богатымъ собраніемъ географическихъ атласовъ, картъ и плановъ.

[8]) *Туровскимъ* названо по мѣсту открытія въ Туровѣ (Минской г., Мозырскаго у.) и еще потому, что въ началѣ XVI вѣка принадлежало Туровской Преображенской церкви, какъ это видно изъ двухъ записей князя Константина Ивановича Острожскаго, помѣщенныхъ на поляхъ евангелія.

[9]) Доказано академикомъ И. И. Срезневскимъ.

[10]) См. «Туровское Евангеліе одиннадцатаго вѣка. Редакція текста и объясненія П. Гильтебрандта.

Туровское Евангеліе.

(Отъ Іоанна, гл. 89).

шѧ ихъ овьцѧ · азъ ѥсмь двьрь · мъ
ноѭ аще къто въндеть спсетьсѧ
и вънидеть · и изидеть · и пажить
обрѧщеть·

ВЪ ПѦТЪКЪ Є · НЄД · ЄВГ

ѿ иоанна · глава (92)

Рє гь къ пришьдъшиимъ [а]) къ нѥ
моу июдеомъ [б]) · сего ради мѧ оць люб
ть · ꙗко азъ полагаѭ дшѫ моѭ да па
кы примоу [в]) ѭ · ни къто же възьмєть
ть ѥѭ ѿ [г]) мене · нъ азъ полагаѭ [д]) о себѣ
область бо [е]) имамъ · положити ѭ · и о
бласть имамъ пакы приѩти ѭ · сиѭ
ѭ заповѣдь приѩтъ оца [ж]) моѥго
распьрѧ же пакы бысть въ июдеи
хъ [з]) · за словеса си · глааху же мно
зи ѿ [и]) нихъ · бѣсъ имать · и неисто

Современный текстъ.

(Отъ Іоанна, гл. 10, зач. 35).

ша, и҆́хъ ѻ҆́вцы. А҆́зъ є҆́смь две́рь:
мно́ю а҆́ще кто̀ вни́детъ, спасе́тсѧ:
и҆ вни́детъ, и҆ и҆зы́детъ, и҆ па́жить
ѡ҆брѧ́щетъ.

(Отъ Іоанна, гл. 10, зач. 37).

Речѐ гдь ко прише́дшымъ къ не-
мꙋ̀ і҆ꙋде́ѡмъ: Сегѡ̀ ра́ди мѧ ѻ҆ц҃ъ лю́битъ,
ꙗ҆́кѡ а҆́зъ дш҃ꙋ мою̀ полага́ю, да па́-
ки прїимꙋ̀ ю҆̀. Никто́же во́зметъ
ю҆̀ ѿ менѐ, но а҆́зъ полага́ю ю҆̀ ѿ себѐ
ѡ҆́бласть и҆́мамъ положи́ти ю҆̀, и
ѡ҆́бласть и҆́мамъ па́ки прїѧ́ти ю҆̀.
сїю̀ за́повѣдь прїѧ́хъ ѿ ѻ҆ц҃а̀ моегѡ̀.
Ра́спрѧ же па́ки бы́сть во і҆ꙋде́ехъ
за словеса̀ сїѧ̀. Глаго́лахꙋ же мно́зи
ѿ ни́хъ: бѣ́са и҆́мать и҆ неи́сто-

Отмѣны по Остромирову Евангелію: [а]) пришъдъшиимъ [б]) иоудеомъ [в]) примѫ [г]) отъ [д]) полагаѭ ѭ [е]) бо опущено [ж]) приѩхъ отъ оца [з]) въ иоудеихъ [и]) отъ.

Туровское Евангеліе имѣетъ форматъ малой четвертки (4 вершка въ ширину, менѣе 5 въ длину), состоитъ изъ 10 листовъ или 20 страницъ. Писано въ страницу, по 18 строкъ, безъ кустодій и переносныхъ знаковъ. Пергаминъ плотный, лощенный, съ линейками, штифтомъ проведенными; поля отграничены такими же линейками. Цвѣтъ чернилъ каштановый; киноварь употреблена въ заголовкахъ евангелій и въ прописныхъ начальныхъ буквахъ, съ синею и темнозелёною раскраскою, мѣстами перешедшею въ голубую и зеленоватую. Заглавныя буквы встрѣчаются В (6 разъ) Р (4 раза) и О (разъ).

Евангеліе это—недѣльное [11]), апракосъ.

Изданіе А. Сыркина», стр. 2. Изданіе это уже все разошлось. Нѣкоторыя свѣдѣнія о томъ же предметѣ можно найти въ запискѣ Н. И. Соколова, помѣщенной въ первомъ томѣ «Трудовъ перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ», стр. 111—113.

[11]) «Такъ расположены всѣ древнѣйшіе списки евангелій. Полныя же, по евангелистамъ расположенныя евангелія или *четвероевангелія*, большею частью сохранились только въ спискахъ XV-го и позднѣйшихъ вѣковъ. Мало ихъ встрѣчается, при-

Какъ выше видно, оно неполное, сохранилось въ маломъ отрывкѣ, начинающемся 89-ю главою (безъ начала) отъ Іоанна (стр. 1; Остром. Ев. по изд. Востокова, л. 35); далѣе слѣдують: отъ Іоанна, гл. 92 (безъ конца, стр. 2, О. Е. л. 36), отъ Іоанна, гл. 102 (безъ начала и конца, стр. 3, О. Е. л. 42 об.), отъ Матѳея, гл. 259 (безъ начала, стр. 5, О. Е. л. 83 об.), отъ Матѳея, гл. 269 (стр. 5, О. Е. л. 84), отъ Матѳея, гл. 268 (стр. 8, О. Е. л. 85 об.), отъ Матѳея, гл. 157 (стр. 10, О. Е. л. 86 об.), отъ Луки, гл. 23 (стр. 12, О. Е. л. 89), отъ Луки, гл. 29 (стр. 14, О. Е. л. 89 об.), отъ Луки, гл. 36 (стр. 16, О. Е. л. 90 об.), отъ Луки, гл. 54 (стр. 18, О. Е. л. 91 об.) отъ Луки, гл. 38 (стр. 19, О. Е. л. 92), отъ Луки, гл. 67 (стр. 20, О. Е. л. 92 об.)[12]. Кромѣ того, вся 4-я страница занята записью $\left(\frac{7021}{1513}\right)$ князя Константина Ивановича Острожскаго, а также поля стр. 12-й—записью $\left(\frac{7016}{1508}\right)$ того же князя[13].

Изъ внѣшнихъ отличій Туровскаго Евангелія обращаютъ на себя вниманіе: 1) надстрочныя точки, стоящія надъ іотированными и неіотированными гласными, а также надъ начальными гласными, замѣняющими греческій spiritus lenis и asper; 2) строчныя точки, поставленныя не по нижнему, а по верхнему уровню строчки; 3) числительный знакъ (см. въ рисункѣ), соотвѣтствующій 92. При сравненіи Туровскаго Евангелія съ Остромировымъ, замѣчается наклонность къ сокращенію, къ титламъ, преобладающая въ первомъ; особенно это отразилось на предлогѣ *отъ*: въ Т. Е. ѿ, въ О. Е. отъ. Слово *Іисусъ* въ Т. Е. і҃съ, въ О. Е. и҃іс҃ъ.

Не касаясь отмѣнъ и различій во флексіяхъ, указываемъ на разницу въ составѣ лексическомъ: дврьникъ (Т. Е.)—вратарь (О. Е.) клеплⷽ—знаменаⷽ, въ кⷪіⷪ стражⷪ—въ кⷪіⷪ нощь, подърыти — подъкопати, рѣшⷽ—рекошⷽ, въ съньмищи—въ съборищи, възⷽти—отъступити, въметемъ—въврьжемъ, исплънишⷽ—наплънишⷽ, сквозѣ скудълы—сквозѣ покровъ, дивьна—прѣславьна, милосрьди — милостиви, мытарⷽ—мьздоимьца, великⷦ—велико. Любопытны два сокращенія: бⷪ—бⷪдⷪ, слыть—слышить.

На томъ же 12-мъ рисункѣ изображена страница и семь рисуночныхъ буквъ изъ Мстижскаго Евангелія XIV вѣка, пожертвованнаго въ публичную библіотеку П. Н. Батюшковымъ[14]. Оно въ листъ на пергаминѣ (лощеномъ и линеваномъ), 179 листовъ или 358 страницъ, въ два столбца, по 24 строки въ столбцѣ. На рисункѣ помѣщена 1-я страница.

Рисунокъ 13-й.

На немъ помѣщена страница изъ пергаменнаго евангельскаго отрывка XIV вѣка[15], съ четырьмя заглавными буквами оттуда же и 1-я страница изъ Николаевскаго Евангелія XVI вѣка. Это послѣднее помѣщается на 422 бумажныхъ листахъ или на 844 страницахъ, въ бархатномъ (малиновый, слинявшій) переплетѣ[16]). Писано въ страницу, по 18 строкъ. Найдено А. В. Рачинскимъ въ селѣ Николаевѣ, въ 5 верстахъ отъ города Дисны.

Начиная съ 1-го листа, внизу, по страницамъ, читается слѣдующая замѣтка на русскомъ языкѣ, но въ латинской транскрипціи: „Сію книгу, названую Евангеліе, купивъ инокъ отецъ Гурій въ городѣ Невлю, и далъ за него русской монеты рубли четыри, и даровалъ его велебному отцу Кузмѣ Никифоровичу року 1746 мѣсеца марта дня 30, на преподобнаго Ивана Спи-

надлежащихъ XIV вѣку». (Востоковъ, «Остромирово Евангеліе», предисловіе, стр. VI.

[12]) Срав. съ новѣйшимъ, теперь употребляемымъ текстомъ (Москва, 1863, мал. 4°, двадцать первое тисненіе): отъ Іоанна, гл. 9, зач. 35; гл. 10, зач. 36; гл. 12, зач. 42, ст. 27; отъ Матѳея, гл. 24, зач. 102, ст. 40; гл. 25, зач. 105; гл. 25, зач. 104; гл. 15, зач. 62; отъ Луки, гл. 4, зач. 15; гл. 5, зач. 17; гл. 5, зач. 19; гл. 6, зач. 20; гл. 7, зач. 30.

[13]) Напечатаны въ IV томѣ «Археографическаго Сборника», подъ №№ 1 и 2.

[14]) Первое извѣстіе о Мстижскомъ Евангеліи, привезенномъ Помпеемъ Николаевичемъ изъ Минска въ концѣ марта 1869 года, было напечатано въ апрѣльскихъ №№ «Виленскаго Вѣстника» того же года; болѣе же подробныя свѣдѣнія см. въ «Рук. Отд. Вил. П. Б.», стр. 5—7.

[15]) Объ этомъ отрывкѣ см. извѣстіе въ «Рук. Отд. Вил. П. Б.», стр. 7—8, подъ № 4.

[16]) Лицевая доска переплета украшена, на манеръ Мстижскаго, изображеніями евангелистовъ (по угламъ) и Распятія (по серединѣ).

сателя лѣствицы. Для лѣпшей вяры подписуесе Козма Никифоровичъ, презбитеръ церкви Пухновской, отецъ Гурій, обыватель усмынскій (ошмянскій?) Григорій Никифоровичъ".

Со 2-го листа начинаются чтенія „отъ Ивана" (sic), съ 53-го отъ Матѳея, съ 108-го отъ Марка, съ 141-го отъ Луки. Изъ изображеній евангелистовъ сохранились только два: Іоанна и Марка. Въ началѣ каждаго евангелиста помѣщено по одной большой заставкѣ, весьма искусно сдѣланной изъ золота и различныхъ красокъ. Послѣ каждой заставки слѣдуетъ киноварная вязь, а въ первой—киноварь покрыта золотомъ. Что касается прописныхъ буквъ въ началѣ евангелій, онѣ любопытны по рисункамъ и краскамъ, а въ началѣ евангелистовъ—контуры ихъ обведены золотомъ.

Рисунокъ 14-й.

1.—Вязь и начальная буква изъ Супрасльскаго Субботника. Пергаминный помянникъ цѣлъ и хранится при Супрасльскомъ монастырѣ. Снятая же съ него въ 1631 г. копія, принадлежащая нынѣ Виленской Публичной Библіотекѣ, доведена продолжателями почти до половины нынѣшняго столѣтія [17]).

2.—Заставка и вязь изъ Сангушковскаго Помянника, помѣщающагося на пергаменномъ, оборванномъ внизу, листѣ (дл. 10¾ вершк., шир. 4½ в.). Послѣ заставки и киноварной вязи (см. рисунокъ) слѣдуетъ длинный рядъ именъ [18]), а въ самомъ концѣ киноварью: А се Упоминаніє єже по плоти г҃да нашего ІС Хрт҃а а҃ ф и҃ Родъ Кн҃зѧ Андреѧ Санкгꙋшковичъ. Помени гн҃. ивана. аникитꙋ. стеѳана анастасію, до́мноу. Въ началѣ каждаго имени заглавная буква обведена киноварью. Листокъ имѣетъ ¼ вершка поля, которое обведено красными и синими кружками и линіями на золотомъ фонѣ.

3.—Начальныя буквы и заставка изъ Волковыйскаго евангелія въ спискѣ XV вѣка; но судя по начертанію буквы м, ч, по языку и формамъ грамматическимъ, евангеліе это должно быть отнесено къ болѣе раннему времени. Писано на бомбицинѣ [19]).

4.—Двѣ заставки изъ Втораго Туровскаго Евангелія, въ спискѣ начала XV вѣка [20]).

5, 6, 7 и 8.—Автографы: Воловича, Масальской, Полубенской и Льва Сопѣги. Всѣ эти подписи взяты изъ частной переписки, которая, въ большинствѣ, вошла въ „Археографическій Сборникъ". Особенно интересны два письма [21]), принадлежащія перу Василисы Ивановны Волосецкой Масальской (урожденной княжны Друцкой-Горской); замѣчательна ея приписка къ послѣднему письму: „*о то тежъ проше, рачь ваша милость ку мнѣ писать по Руски, боть я писаного письма не прочитамъ добре*" [22]). Очевидно, что подъ *писанымъ письмомъ* Волосецкая разумѣетъ письмо Польское: кто знакомъ съ характеромъ Западно-Русскаго и Польскаго письма конца XVI вѣка, тотъ припомнитъ, что Западно-Русское письмо еще напоминало въ это время полууставъ (болѣе удобный для чтенія, болѣе подходящій къ печати), а Польское письмо давно уже утратило чёткій, готическій характеръ и перешло въ скоропись или, по выраженію Волосецкой, въ *письмо писаное*. Кстати вспомнимъ о письмѣ, тоже исхода XVI вѣка, Витебской воеводины Христины Ходкевичовны [23]); по языку, это письмо—Польское, а по буквамъ — Русское; такимъ образомъ, служа историческимъ примѣромъ, оно еще разъ доказываетъ употребленіе Русской азбуки въ Польскомъ языкѣ [24]).

[17]) Объ этомъ Помянникѣ см. «Рукоп. Отд. Вил. П. Б.», стр. 15—20, а также въ «указателѣ лицъ», приложенномъ къ этому труду. Помянникомъ, а также и другими весьма важными документами для исторіи Супрасльской Лавры пользовался А. П. Демьяновичъ. Эти документы, вмѣстѣ съ Коложскими, составляютъ все содержаніе девятаго тома «Археографическаго Сборника».

[18]) «Рукоп. Отд. Вил. П. Б.», стр. 11—12.

[19]) Тамъ же, стр. 13—14.

[20]) Тамъ же, стр. 33—35.

[21]) «Археографическій Сборникъ», IV, подъ №№ 38 и 39, стр. 55—57.

[22]) Тамъ же, стр. 56.

[23]) Тамъ же, № 33, стр. 43—44.

[24]) Твердое *г* или польское g выражено чрезъ *кг*: «фортуннекго», «закграничать» и пр.; польскіе юсы (носовые звуки) или прямо написаны, или раскрыты: «терпіąнцъ», «вшехмокгонцекго», и т. д. По

*

Рисунокъ 15-й.

На этомъ рисункѣ изображены: заставка и ликъ евангелиста Іоанна изъ Николаевскаго Евангелія (см. выше) и заглавная буква и орнаментъ изъ Волковыйскаго Евангелія (см. выше). За этимъ слѣдуетъ надгробная плита съ могилы одного изъ Тишковичей въ Логойскѣ (Минской губерніи), вдѣланная на видномъ мѣстѣ въ одну изъ внутреннихъ стѣнъ Виленской Публичной Библіотеки. Надпись на ней слѣдующая: „Въ лѣто Бож(его) нар(оженія) 1558, м(ѣсеца) Августа 5 дня, въ пятницу, преставися Остафей Василевичъ Тишковичъ". Другая плита, находящаяся въ Виленскомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ, съ слѣдующею надписью: „Ту лежитъ рабъ Божій Ѳеанасей Ѳедоровичъ Брага, бурмистръ мѣста [25]) Виленского. Преставися въ лѣто отъ воплощенія Спаса нашего 15... мѣсеца октября въ 5 день, а жилъ на свѣтѣ лѣтъ 57. Тутъ лежитъ і сынъ его Антоній, оже преставися въ лѣто 1580 мѣсеца октебра 3 дня" [26]).

вопросу о кириллицѣ въ Польскомъ языкѣ см. любопытную статью въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» 1866 года, № 184. Припомнимъ также брошюру нѣкоего Котковскаго, вышедшую въ Кіевѣ въ 1862 году («Постенп и встечность въ дзіедзиніе кшталценія сіен іензыкув словіанских»); бѣдный авторъ, не подозрѣвая въ своей транскрипціи безграмотности, смѣется надъ «безобразіемъ кириллицы». Въ томъ же году, въ Петербургѣ вышли: «Predlogenie» всѣмъ «грамотнымъ Русскимъ» отказаться отъ кириллицы и «Obrazetz» новаго русскаго правописанія. Но чрезъ три года вышелъ извѣстный «Элементаръ дзеци вейскихъ» и наконецъ, въ 1871 году, «Общеславянская Азбука» Гильфердинга.

[25]) т. е. города.

[26]) Надпись эта по рисунку разбирается съ большимъ трудомъ.

Матеріалы для Западно-Русской старопечати.

(РИСУНКИ 16-й, 17-й и 18-й).

Калькировалъ Алмазовъ. Исполнено въ Петербургѣ, въ хромолитографіи и типографіи Траншеля.

Нѣсколькими десятилѣтіями [1]) ранѣе, нежели въ Москвѣ, началось книгопечатаніе церковно-славянское въ Западной Россіи. Первая, вышедшая въ Вильнѣ, Русская книга носитъ на себѣ 1525-й годъ, и только чрезъ полвѣка (1586) появилась тамъ Латинская книга, и наконецъ, въ 1593 году, первая Польская. Со времени Берестейскаго собора, книгопечатная дѣятельность въ Западной

[1]) «На три четверти вѣка» — было бы можно сказать, присоединивъ сюда Краковъ, которому довелось прожить вмѣстѣ съ Западною Россіей одною политическою жизнью въ теченіи цѣлыхъ столѣтій. Въ Краковѣ, еще въ 1491 году, вышло нѣсколько церковно-славянскихъ книгъ, въ истинномъ смыслѣ — «славяно-русскихъ инкунабулъ». Къ этимъ знаменательнымъ въ исторіи города Кракова чертамъ присоединилось недавно, въ 1868 году, слѣдующее немаловажное открытіе. Въ мѣстной латинской каѳедрѣ, въ каплицѣ св. Креста, на стѣнѣ уцѣлѣла слѣдующая надпись кирилловская (въ 4 строкахъ): «Благоизволеніемъ, мудростью Бога Отца всемогущаго пописана быть сія каплица емъ великодержавнаго короля пресвѣтлого..... азимира, за божьей милости короля Польского и великого князя Литовского и Руського..... го и княжати Пруского, пана и дѣдича, и инныхъ многихъ земль осподаря, и еи королевое милости пренаяснѣйшей панеи Елизабеты изъ поколѣ...... ьского вноука преназвитяжнѣйшого цесаря Жикгимонта пана земли Ракуськое и Чеськое и Огорьское, подъ лѣты Нароженья Божьего...... доконьчали сію каплицю...... мѣсеца октебря въ 5 день». Мѣста, означенныя точками, невозможно было прочесть, ибо въ новѣйшее время по написи былъ нарисованъ какой-то латинскій святой, но краска слѣзла, а напись замаскирована монументомъ Ягайлы, стоящимъ почти у стѣны.

Россіи, можно сказать, роскошно развилась и, въ общемъ, составила крайне-разнообразную и богатую литературу, весьма важную для изученія не только богословскаго, но и литературнаго, историческаго и филологическаго. Эти многочисленные старопечатные памятники представляютъ образцы книжной Западно-Русской рѣчи и грамматики и могутъ служить богатымъ матеріаломъ для словаря и вообще для изученія лексическаго состава, сравнительно съ рѣчью Польскою. На богословско-историческое изученіе этихъ памятниковъ наши ученые [2]) уже обратили вниманіе; академія же, въ числѣ своихъ задачъ на соисканіе Уваровскихъ премій, также не прошла мимо памятниковъ Западно-Русской старопечати [3]).

Первыя [4]) славяно-русскія инкунабулы, въ количествѣ пяти, напечатаны въ 1491 году въ Краковѣ [5]). Отпечатавшій ихъ, Швайпольтъ Фѣоль, этотъ приснопамятный Нѣмецъ, первый Славяно-Русскій печатникъ, былъ, разумѣется, обличенъ въ ереси и бѣжалъ отсюда въ Венгрію. Но починъ, симъ Нѣмцемъ сдѣланный, вызвалъ подражаніе и въ другихъ Славянскихъ городахъ. Такъ, уроженецъ города Полотска, докторъ Францискъ Скорина [6]) отпечаталъ по частямъ, въ 1517—19 годахъ, переводъ Библіи подъ знаменательнымъ названіемъ „Библія *Руска*". Затѣмъ книгопечатаніе перешло въ Вильну и другіе Западно-Русскіе города. Черезъ тридцать девять лѣтъ послѣ Вильны, открылось книгопечатаніе и въ Москвѣ. Посланный отъ Датскаго короля къ Іоанну Грозному мастеръ „Гансъ" (Іоаннъ Миссингеймъ Бокбиндеръ) устроилъ въ Москвѣ первую

[2]) Напримѣръ, первые два тома «Литовской Церковной Уніи» М. О. Кояловича.

[3]) Задача эта озаглавлена: «Историко-литературное обозрѣніе печатныхъ полемическихъ сочиненій, статей и брошюръ, изданныхъ въ свѣтъ Русскими въ Сѣверо-и Юго-Западныхъ краяхъ Россіи съ конца XVI до начала XVII столѣтій». А вотъ и поясненіе этой задачи: «Сочиненія эти хотя и касаются, по большей части, богословскихъ предметовъ, однако, въ тоже время заключаютъ въ себѣ не мало характеристическихъ чертъ и указаній для исторіи политическихъ отношеній, нравовъ и просвѣщенія помянутой эпохи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тамъ сохранены свѣдѣнія о писателяхъ и дѣятеляхъ, въ настоящее время или забытыхъ, или очень мало извѣстныхъ. Все это имѣетъ значеніе не только по отношенію къ исторіи Русской литературы, но и для уразумѣнія духа и направленія умовъ въ тѣхъ краяхъ. Само собою разумѣется, что въ подобномъ изслѣдованіи нельзя пройти безъ вниманія Польско-Латинскія книги и брошюры, которыя или вызывали, или преслѣдовали полемическія сочиненія Бѣлорусскія и Малорусскія; но такъ какъ о первыхъ есть уже обстоятельныя описанія въ Польской литературѣ (въ трудахъ Іохера, Вишневскаго, Мацѣевскаго и друг.), то о нихъ въ обозрѣніи можно уже говорить настолько, насколько эти книги и брошюры послужатъ матеріаломъ для разъясненія бѣлорусскихъ и малорусскихъ произведеній». Какъ слышно, за выполненіе этой задачи взялся Андр. Н. Поповъ.

[4]) *Первая Славянская печатная книга*, но не кирилловскими буквами, а готическимъ шрифтомъ, есть *Чешскій* «Новый «Завѣтъ», вышедшій въ Пильзнѣ въ 1475 году и повторенный тамъ же, черезъ пять лѣтъ. Слѣдующія изданія Чешскаго «Новаго Завѣта» были въ Прагѣ (1498 и 1513), въ Молодомъ-Болеславлѣ (Jung-Bunzlau) ва 1525 году. Первый Чешскій «Псалтырь» вышелъ въ Прагѣ (1487), затѣмъ въ Пильзнѣ (1499 и 1508). Первая полная Чешская «Библія» вышла въ Прагѣ (1488), затѣмъ въ Кутенбергѣ (1489) и Венеціи (1506). Такъ-называемая «Кралицкая» Библія «Чешскихъ братьевъ» вышла въ 1579 - 1593 годахъ и выдержала нѣсколько изданій. Болѣе подробныя свѣдѣнія о Чешскихъ библіяхъ можно найти у Юнгмана, въ его «Исторіи Чешской литературы». Библіи на Польскомъ языкѣ раздѣляются по вѣроисповѣданіямъ. Первая католическая принадлежитъ переводу Яна Леополиты (Краковъ, 1561 и 1574; есть будто бы и третье (1577), но въ немъ перепечатанъ только выходной листъ, съ посвященіемъ, вмѣсто Генриха, Баторію); вторая католическая въ переводѣ Вуйка (первое изданіе въ Краковѣ, 1593, послѣдующія же были даже въ Петербургѣ, 1815, и въ Москвѣ, 1819); третья католическая въ дословномъ переводѣ съ Вульгаты (первое изданіе въ Краковѣ, 1599). Польская евангелическая принадлежитъ Яну Секлюціану, проповѣднику реформаціи въ Велико-Польшѣ (Кролевецъ, 1551). Социніанская или «Радивиловская» или «Брестская» напечатана въ 1563 году, въ Брестѣ-Литовскомъ. По отдѣленіи социніанъ отъ реформатовъ, Симонъ Будный издалъ въ 1572 году, въ Несвижѣ, такъ называемую «унитарскую» Библію. О переводахъ Священнаго Писанія на языки Славянскіе помѣщена Андреемъ Кухарскимъ весьма обстоятельная статья въ «Pamietniku religijnym i moralnym» (1853, томъ XXV).

[5]) Послѣ первыхъ пяти книгъ, отпечатанныхъ въ Краковской Славяно-Русской печатнѣ въ 1491 г., вышли еще только двѣ: въ 1629 и въ 1693 годахъ.

[6]) Въ сборникѣ документовъ, изданномъ М. Круповичемъ, помѣщены подъ 1532 годомъ два документа (№№ XXIX и XXX), касающіеся Франциска Скорины. Біографическія свѣдѣнія о Скоринѣ см. у Евгенія, въ «Слов. Свѣт. Пис.», ч. II, стр. 169.

типографію, при чемъ его главными способниками были діаконъ Иванъ Өедоровъ и Петръ Тимоөеевъ Мстиславецъ [7]). Отпечатавъ въ 1564 году „Апостолъ", они, обвиненные въ ереси, бѣжали въ Западную Русь, служившую гостепріимнымъ пріютомъ для всѣхъ выходцевъ — Великоруссовъ. Сперва, для Московскихъ печатниковъ открылъ двери своего дома Литовскій гетманъ Григорій Александровичъ Ходкевичъ и въ своемъ имѣніи Заблудовѣ устроилъ типографію, въ которой Московскіе бѣглецы отпечатали въ 1569 году „Евангеліе Учительное." Въ этомъ году скончался ихъ покровитель. Тогда Мстиславецъ отправился въ Вильну, завелъ, по порученію братьевъ Кузьмы и Луки Мамоничей, новую типографію, въ которой и отпечаталъ, ровно черезъ полвѣка послѣ Франциска Скорины, „Евангеліе Напрестольное." Годомъ же ранѣе, т. е. въ 1574 году, Иванъ Өедоровъ, покинувшій данное ему Ходкевичемъ имѣніе, отправился во Львовъ, завелъ тамъ типографію и напечаталъ въ ней „Апостолъ". Передъ „выходомъ" Львовскаго апостола помѣщена Иваномъ Өедоровымъ „повѣсть откуду начася и како совершися друкарня сія", т. е. Львовская. Повѣсть эта, крайне любопытная и во многихъ отношеніяхъ важная, начинается издалека, съ Москвы, съ основанія въ ней типографіи. Отступленіе это Иванъ Өедоровъ объясняетъ такъ:

„Сія же убо не туне начахъ повѣдати вамъ. Но презѣлнаго ради озлобленія, часто случающагося намъ, не отъ самого государя, но отъ многихъ начальникъ и священноначалникъ и учитель, которые на насъ, зависти ради, многія ереси умышляли, хотячи благое въ зло превратити и Божіе дѣло въ конецъ погубити, якожъ обычаи есть злонравныхъ и ненаученыхъ и неискусныхъ въ разумѣ человѣкъ, ниже грамотическія хитрости навыкше, ниже духовнаго разума исполнени бывше, но туне и всуе слово зло пронесоша. Такова бо есть зависть и ненависть, сама себѣ навѣтующи не разумѣетъ, како ходитъ и о чемъ утверждается. Сія убо насъ отъ земля и отечества и отъ рода нашего изгна и въ ины страны незнаемы пресели. Егда же оттуду сѣмо преидохомъ и, по благодати богоначалнаго Іисуса Христа Господа нашего, хотящаго судити вселеннѣи въ правду, въспріяша насъ любезно благочестивыи государь Жикгимонтъ Августъ, кроль Польскіи и великіи князь Литовъскіи, Рускіи, Прускіи, Жемоитскіи, Мазовецкіи и иныхъ, съ всѣми паны рады своея. Въ тоже время съ тщаніемъ умоли государя волеможный панъ Григорей Александровичь Ходкевича, панъ Виленьскіи, гетманъ наивышшіи великого князьства Литовъскаго, староста Городеньскіи и Могилевскіи, прія насъ любезно къ своеи благоутѣшньи любви, и упокоеваше насъ не мало время, и всякими потребами телесными удовляше насъ. Еще же и сіе не довольно ему бѣ, еже тако устроити насъ: но и весь немалу дарова ми на упокоеніе мое. Намъ же работающимъ, по воли Господа нашего Іисуса Христа и слово Его по вселенньи разсѣвающе, егда же пріити ему въ глубоку старость, и начастѣ главѣ его болѣзнію одержимѣ бывати, повелѣ намъ работанія сего престати, и художьство рукъ нашихъ ни во чтоже положити, и въ веси земледѣланіемъ житіе мира сего препровождати. Еже неудобно ми бѣ раломъ, ниже сѣменъ сѣяніемъ время живота своего съкращати, но имамъ убо вмѣсто рала художьство наручныхъ дѣлъ съсуды, вмѣсто же житныхъ сѣменъ духовная сѣмена по вселенньи разсѣвати и всѣмъ почину раздавати духовную сію пищу. (Далѣе слѣдуютъ разсужденія о сокрытыхъ талантахъ). И сего ради понудихся ити оттуду. И въ путь шествующу ми, многи скорби и бѣды обрѣтоша мя, не точію долготы ради путнаго шествія, но и презѣлному повѣтрею дышущу и путь шествія моего стѣсняющу, и просто рещи—вся злая и злыхъ злѣе! И тако, промысломъ Божія человѣколюбія, до богоспасаемаго града, нарицаемаго Лвова, пріидохъ, и вся, яже на пути случающая ми ся ни во чтоже вмѣняхъ, да Христа моего приобрящу: вся, яже здѣ сну подобна и сѣни, преходятъ бо, якоже бо дымъ на воздусѣ, благая и злая расходятся; яко апостолъ хвалится въ скорбехъ, занеже скорбь терпѣніе съдѣваетъ, терпѣніе же упованіе, упованіе жъ не посрамитъ. Почто, занеже любовь Божія възгорѣся въ сердцы моемъ Духомъ святымъ, даннымъ ми, и разсудившу ми се, и когда вселшу ми ся въ преименитомъ градѣ Лвовѣ, яко по стопамъ ходяще топтанымъ нѣ-

[7]) Объ этихъ двухъ лицахъ см. у Евгенія въ «Слов. Дух. Пис.», ч. I, стр. 273 и слѣд.

коего богоизбранна мужа, начахъ глаголати въ себѣ молитву сію (слѣдуетъ молитва). И помоливщу ми ся, начахъ богоизбранное сіе дѣло къ устроенію навершати, якобы богодохновенныя догматы распространевати, и обтицахъ многащи богатыхъ и благородныхъ въ мирѣ, помощи прося отъ нихъ, и метаніе сътворяя, колѣномъ касаяся и припадая на лицы земномъ, сердечнокаплющими слезами моими ноги ихъ омывахъ, и сіе не единою, ни дващи, но и многащи сътворяхъ, и въ церкви священнику всѣмъ въ слухъ повѣдати повелѣхъ. Не испросихъ умиленными глаголы, ни умолихъ многослезнымъ рыданіемъ, не исходатаиствовахъ никоея же милости іереискими чинми, и плакахся пре-горкими слезами, еже не обрѣтохъ милующаго, ниже помогающаго, не точію же въ Рускомъ народѣ, но ниже въ Грекахъ милости обрѣтохъ. Но мали нѣцыи въ іереискомъ чину, иніи же неславніи въ мирѣ обрѣтошася, помощь подающе. Не мню бо отъ избытка имъ сія творити, но якоже оная убогая вдовица отъ лишенія своего двѣ лѣптѣ въвергъшія, вѣмъ убо яко въ нынѣшнемъ мирѣ должная ихъ къ нимъ възвратится, въ будущемъ же вѣцѣ отъ богатодавца Бога сто кратицею въздастся. Молю убо васъ, не прогнѣваитеся на мя грѣшнаго, пишущу ми сія, не мните убо яко отъ чрева глаголати ми или писати. Вѣсть бо всякъ отъ начала прочитаяи, въкратцѣ списаную сію историю, како отъ его милости пана Григорія Ходъковича всякими потребами телесными, пищею и одеждею удоволенъ бѣхъ, но вся сія ни во чтоже вмѣняхъ, не уповахъ на неправду и на восхищеніе не желахъ; богатьства аще и много стѣкалося, не прилагахъ тамо сердца, но паче изволихъ всякія предреченныя скорби и бѣды претерпѣвати, да множае умножу слово Божіе и свидѣтельство Іисуса Христово. (Заключеніе общее, молитвенное). Вскорѣ послѣ этого труда, Иванъ Өедоровъ, вызванный изъ Львова княземъ Острожскимъ, устроилъ въ Острогѣ типографію и принялся за трудъ великой важности, за наборъ и печатаніе „Библіи“, которая и вышла въ 1580 году, вмѣстѣ съ другою книгою, „Новымъ Завѣтомъ и Псалтырью.“ Въ слѣдующемъ году Иванъ Өедоровъ, по неизвѣстнымъ доселѣ обстоятельствамъ, перемѣнилъ заглавный листъ и „выходъ“ въ „Библіи“ и отпечаталъ новую, третью книгу „Хронологію Андрея Рымши“ и вернулся къ себѣ во Львовъ. Но смерть разрушила дальнѣйшіе планы этого энергическаго и предпріимчиваго Великорусса: Иванъ Өедоровъ скончался 5 декабря 1583 года.

Изъ имѣющихся у насъ подъ рукою данныхъ и матеріаловъ [8]) по Западно-Русской старопечати, мы, въ настоящее время, должны ограничиться [9]) лишь описаніемъ и объясненіемъ того, что̀ предлагаютъ нижеслѣдующіе рисунки:

[8]) Во время бытности П. Н. Батюшкова и моей въ Вильнѣ было рѣшено, еще въ 1869 году, приступить къ подробному библіографическому труду, въ которомъ были бы обстоятельно разсмотрѣны и описаны и сопровождены снимками всѣ памятники Западно-Русской старопечати, съ прибавленіемъ къ нимъ старинныхъ изданій Польскихъ и Латинскихъ, вышедшихъ изъ печатень Западнаго края и имѣющихъ то или другое отношеніе къ основной цѣли труда, по преимуществу, полемическое, а также историческое и этнографическое.

[9]) Для наглядности, ниже, въ «Приложеніи», помѣщенъ перечень памятниковъ Западно-Русской старопечати по типографіямъ и годамъ. Замѣтимъ здѣсь, что извѣстное цѣлой Россіи собраніе Славянскихъ старопечатныхъ книгъ оставшихся послѣ покойнаго И. П. Лукашевича пріобрѣтено, вмѣстѣ съ другими коллекціями Лукашевича, на средства В. А. Куманина для Московской Публичной Библіотеки. Богатство и значеніе этого, пользующагося столь заслуженною извѣстностью, собранія, въ кругу другихъ однородныхъ съ нимъ собраній, видны уже изъ тѣхъ цифръ, которыми обозначается его составъ. Всѣхъ церковно-печатныхъ книгъ въ собраніи, не считая дублетовъ (которыхъ до 160), около 800. Изъ нихъ изданій до 1701 года 380, именно 56—XV и XVI вѣка и 324—XVII вѣка—цифры, которыя собранію Лукашевича даютъ преимущество передъ всѣми нашими извѣстнѣйшими частными собраніями, за исключеніемъ одного лишь Кастеринскаго. Столь же замѣчательно въ кругу послѣднихъ собраніе Лукашевича и по внутреннему своему составу. Въ этомъ отношеніи особенно важное значеніе разсматриваемому собранію даетъ необыкновенное разнообразіе находящихся въ немъ памятниковъ Славянскаго книгопечатанія, по мѣсту ихъ происхожденія, преимущественно же богатство изданій типографій Южной и Западной Россіи, равно какъ и типографій мелкихъ и кочевыхъ. Для нагляднаго представленія этой особенности Лукашевичева собранія можетъ служить слѣдующій списокъ находящихся въ немъ изданій до 1701 года по типографіямъ. Изъ 380 книгъ, относящихся къ упомянутой эпохѣ, въ собраніи: Московскихъ изданій 120; Кіевскихъ—80 (изъ извѣстныхъ по каталогамъ—194-хъ); Львовскихъ 47 (изъ

Рисунокъ 16-й.

Выходной листъ Виленскаго Апостола 1525 года изображенъ, вмѣстѣ со страницею изъ посланія къ Коринѳянамъ, на рисункѣ. Заглавный же листъ состоитъ изъ слѣдующихъ семи киноварныхъ строкъ, вверху и внизу которыхъ положены двѣ продольныя, печатанныя черною краскою, заставки [10]):

ПОЧИНАЄТЬСѦ КНИГА
ДЕЯНИЯ И ПОСЪЛА
НИЯ АПОСТОЛЬСКАЯ ЗО
ВЕМАЯ АПОСТОЛЪ, З БО
ЖИЮ ПОМОЧЬЮ СПРАВЪ
ЛЕНА ДОКТОРОМЪ ФРАНЪ
ЦИСКОМЪ СКОРИНОЮ С ПОЛОЦЬКА:

Въ книгѣ нѣсколько [11]) пагинацій: третья имѣетъ особую заглавную страницу въ шесть строкъ, печатанныхъ черною краскою:

ПОЧИНАЮТЬСѦ
ЕПИТОЛЫ СВЕ
ТОГО СЛАВНОГО И ВЕ
РХОВНАГО В НЕБЕ НА
ВЧЕНАГО АПОТОЛА
ХРТВА ПАВЛА:

Помѣщаемая ниже „предмова" передъ соборникомъ отпечатана вся киноварью [12]): „[Имашъ пакъ въ сей книзе, мой любимы приятелю, хтожъ будеши ея чести] зачала каждого послания чоръным въізнаменованы, початки и концы всякому апостолу, яко во церкви божіи чтется, къ тому и дни месецей, въ нихъ же прочитаются на празники божие и светыхъ его, знайдешъ положено червенымъ; главы же, яко и во всехъ книгахъ бивліи ветхаго и новаго закона, мною на Русъски языкъ выложеныхъ, што которая въ собѣ кратъце замыкаеть ко знаиденію скоро всякое потребное во божественыхъ писаниехъ, къ тому и светки по староницахъ, яко одно писмо на другое сведѣтелствуеть и во едино ся згожають, чо[рнымъ] исправлены розделне узриши. [Соверш]ися въ дому почтивого мужа Якуба Бабича, наистаршего бурмистра славного [и велико]го мѣста Виленскаго".

—

Содержаніе (или, по выраженію Скорины, „писаны речи") „Подорожной Книжицы"[13]) 1525 года слѣдующее:

„Въ сеи малои подорожнои книжце порядку кратце положены суть:

„Наиперьеи псалтырь зуполная, на стихи статиями разделена, въ неи же знаидеши стиховъ или припеловъ две тысещи и шестъ сотъ. За каждою каѳісмою заставица болъшая, а по каждои славе застави-

104); Виленскихъ 26 (изъ 85); Кутеинскихъ—12 (изъ 16); Острожскихъ — 11 (изъ 22); Черниговскихъ—8 (изъ 35); Уневскихъ—5 (изъ 28); Могилевскихъ — 5 (изъ 18); Краковскихъ — 3 (изъ 7); Угровлахійскихъ—4 (изъ 12). Сверхъ того, изъ той же эпохи, въ собраніи, по одному или по два образца, имѣются изданія слѣдующихъ 23-хъ типографій: Амстердамской, Брашевской, Бѣлградской, Гораждьской, Дельской, Дерманской, Долгопольской, Заблудовской, Иверской, Крылосской, Луцкой, Мркшинской, Новгородсѣверской, Почаевской, Пражской, Рохмановской, Скарадской, Слободской, Стрятинской, Угорецкой, Цѣтинской, Шебежской и Ясской.

[10]) О Виленскомъ Апостолѣ 1525 года не мало писано, хотя и весьма отрывочно. Сопиковъ (ч. I, стр. 10—18, 275—276). П. Алексѣевъ помѣстилъ свое «разсмотрѣніе» въ «Опытѣ трудовъ вольн. Россійск. собр. при Импер. Моск. Университетѣ» (ч. VI, М. 1783, стр. 195—204), но дѣльнаго ничего въ немъ нѣтъ. Бакмейстеръ («Опытъ о библ. акад.», стр. 67 и 73) перепуталъ всѣ годы: Виленскій Апостолъ отнесъ къ 1517 году, начало печатанія во Львовѣ къ 1586, а въ Острогѣ—къ 1549-му и прочее, тому подобное! Іохеръ помѣстилъ заглавный и выходной листы (№ 2350, II, стр. 19, и въ «нотахъ», стр. 136). Добровскій (Слав. Грам., предисл. стр. L). Строевъ помѣстилъ снимокъ и описаніе (Кат. гр. Толстова, № 12, стр. 19—21). Нѣкоторыя свѣдѣнія и выписки можно встрѣтить у Сахарова (стр. 6, № 13). Кеппенъ въ «Библ. Лист.» (№ 6, кол. 83). Горскій и Невоструевъ (II, 177, 179, 181).

[11]) Пагинація положена вверху, въ правомъ углу: въ Дѣян. Ап. 80, въ Соборн. Послан. 36, въ Посл. Ап. Павла 187, въ Соборникѣ 48, а всего — 351 листъ или 702 страницы.

[12]) Въ экземплярѣ Императорской Публичной Библіотеки это предисловіе не совсѣмъ сохранилось; потому мы возстановили его и означили это скобками, по чтенію П. Алексѣева, который, въ выпискахъ, не выдерживалъ правописанія подлинника.

[13]) О «Подорожной Книжицѣ» см. у Сопикова (I, стр. 119 и 183), у Черткова (стр. 433, № 1 и 2), у Сахарова (№ 14, стр. 7—8), у Строева (Кат. гр. Толст. стр. 21—23), у Кеппена (Библ. Лист. № 87), у Іохера (№ 2351, II, стр. 19, № 7103, III, стр. 151), у Крашевскаго (Wilno, IV, 116).

ца меншая—для лепшего разделения чтущимъ положены суть.

„За псалтырею пѣсней десеть, съ ветхаго и съ новаго закону божия изъбраные.

„Потомъ часословецъ, имея нощную и дневную службу: напреды полунощница, глаголемая по вся дни, кромѣ соботъ и недель.

„Другая полунощница, пѣваема въ суботы.

„Третяя полунощница по вся воскрусения съ канономъ троичнымъ гласа а҃, творения преподобнаго отца Іоанна Дамаскина и съ молитвою светей и живоначалней троици, писано на конци шестоденца.

„Затѣмъ утреня обычная по вся дни: Тропари по вся дни писаны на заутрени. Свѣтилны по вся дни писаны на заутрени. Кондаки по вся дни писаны на д҃ часе.

„Часы все зуполъна и зъ междочасиемъ. Обедница, еже есть глаголемая на часехъ. Вечерня обычная, певаемая по вся. Стихеры на господи возъвахъ покаялные гласъ д҃ и на стиховни писаны сутъ на вечерни.

„Павечерница великая, певаемая въ посте. Павечерница малая, съ канономъ богородици.

„Акаѳістъ живоносному гробу господьню и воскресению, глаголемыи по вся недели.

„Канонъ гробу господьню гласа а҃, певаемы со акаѳістомъ и въ неделю на заутрени.

„Молитва къ господу богу, глаголемая въ неделю.

„Акафістъ святому архангелу Михаилу и всемъ небеснымъ чиномъ, въ понеделокъ.

„Канонъ архангеломъ гласа а҃, твореніе Іоанна Дамаскина, певаемы въ понеделокъ со акаѳістомъ, такожъ и на заутрени.

„Молитва къ светымъ архангеломъ господьнимъ. Молитва къ своему ангелу хранителю.

„Акаѳістъ светому Іоанну предътечи и крестителю господьню, глаголемыи во второкъ.

„Канонъ предътечи гласъ в҃, творение Іосифа, певаемыи со акѳістомъ (sic) и на утрени. Молитва къ светому Іоанну предтечи.

„Акаѳістъ пречистои богородици, приснодевици Марии, глаголѣмыи во среду.

„Канонъ благодарственъ пренасвятеишеи богородици гласъ д҃, творение Іосифово, во среду. Молитва велъми набожная къ пречистои.

„Акаѳістъ святымъ верховнымъ апостоломъ Петру и Павлу и прочимъ в҃і, въ четвертокъ.

„Канонъ святымъ апостломъ гласъ д҃, творение Іоанна Дамаскина, въ четверътокъ.

„Молитва ко всемъ святымъ апостоломъ.

„Акаѳістъ святому веилкому (sic) чудотворцу Николе, архиепископу Миръликииску.

„Канонъ святому Николе, гласъ в҃, творение Ѳеоктиста, інока Студииское обители. Молитва чудная святому отцу Николе.

„Акафістъ честному и животворящему кресту господьню, глаголѣмыи въ пятокъ.

„Канонъ кресту господьню, гласъ г҃, творение киръ Іосифово, певаемъ въ пятокъ.

„Молитва о вмученіи господа нашего Іисуса Христа, страсти или мучение господа Іисуса, еже пописалъ самовидець святыи Іоаннъ еѵангелистъ и наперсникъ христовъ. зачало н҃и, а тамо имаши еѵвангелия святыхъ страстей христовыхъ и честному кресту господьню.

„Акаѳістъ прѣсладкому именю господа нашего Іисуса, глаголемы въ суботу и по вся дни.

„Стихеры господу Іисусу, певаемы на заутрени на всякъ день гласъ ѕ҃, творение Ѳеоктиста. Канонъ господу Іисусу, певаемыи на заутрени по вся дни, гласъ в҃, творение Ѳеоктиста. Молитва къ господу нашему Іисусу Христу.

„Шестоденець краткии на всу неделю, поченши отъ вечера суботы, наипервеи стихеры воскресные, гласъ а҃, и на стиховни, потомъ заутреня неделная, гласа перваго седалня, степенна, антиѳонъ, еѵвангелие воскресное, канонъ воскресныи и богородици, творение святого отца Іоанна Дамаскина. Тажъ светилъна, на хвалите стихеры. На обедни блаженна воскресная, апостолъ неделныи, другыи Богородици. Еѵвангелие воскресное, другое прѣчистои. Въ неделю вечеръ стихеры ангеломъ.

„Въ понѣделокъ по томуже служба преславному во пророцехъ Іоанну предтечи господьню.

„Во среду потому жъ служба пренасвятеишеи Богородици и животворящему кресту господню.

„Въ четвертокъ служба святымъ апостоломъ и великому чудотворцу святому Николе.

„Въ пятокъ служа (sic) честному и животворящему кресту и вмучению господьню.

„Въ суботу служба всемъ светымъ и за душе родителей нашихъ преставльшихся.

„Затымъ канонъ покаялный по вся дни.

„Другы канонъ, глаголемы по вся суботы.

„Светъци краткие, имеющи въ собѣ разделены времена на нашу землю, колико которые дни въ году, или нощи держать часовъ и дробныхъ, и яко година прибудеть которому дню или нощи, все написано естъ.

„На конци положена естъ поскалия на многа лѣта, замыкаючи справу празниковъ. Къ тому есть либы которого году была гибель месецева, или затемнение солнъцево, то при поскали знаидешъ, тогожъ гогоду, месецъ, день и годину неомылно написану тое гибели месецевы, или затмения солнцева".

Первая часть „Подорожной Книжицы"— *Псалтырь*—имѣетъ слѣдующій киноварный заглавный листъ:

**ПОЧИНАЄТЬСЯ ѰА
ЛЪТЫРЬ ИЛИ ПЕ
СНИ СТГО ПРОРОКА ВО
ЖИЯ ДАВЫДА ЦАРѦ
ЄРУСАЛИМЪСКА:
Ѡ ХРИСТЄ:**

Въ Псалтыри 140 листовъ или 280 страницъ; пагинація Славянская, вверху, въ правомъ углу; безъ кустодій и переносныхъ чертъ. Полная страница въ 20 строкъ. Шрифтъ Пражскій. На оборотѣ заглавнаго листа начинается „предъсловие во псалътырь" на Бѣлорусскомъ нарѣчіи. Послѣ довольно подробной оцѣнки достоинствъ псалтыри, издатель заключаетъ: „и видечи таковые пожитки въ такъ малои книзе, я, Францишекъ Скорининъ сынъ съ Полоцка града, въ лекарскихъ наукахъ докторъ, повелелъ есми псалтырю тиснути Рускими словами а Словенскимъ языкомъ....". Съ 4-го листа начинается текстъ Псалтыри. Приводимъ нѣсколько выдержекъ:

Блаженъ мѹжъ иже нейде на советъ нечестивыхъ, и на пѹти грешныхъ неста, и на седалищи губитель не седе· но в законе господни волѧ его. (л. 4).

Гди да не въ ꙗрости твоей ѡбличиши мене, ниже в гневѣ твоемъ показниши мене (пс. 6, л. 7).

Гди не въ ꙗрости твоей ѡбличи мене, ниже во гневе твоемъ показни мене (пс. 36, л. 34).

Съ 129-го листа и до конца идутъ „песьни ізъбраныи".

Поемъ гдеви славне бо прослависѧ конѣ и всадники воверже в море· помощник мой и покровитель мой гдь, и быть мне во спасение. сей есть богъ мой и прославлю и, бог ѿца моего и вознесѹ и (л. 129).

Въ концѣ 140-го листа читаемъ: „Доконана естъ псалтырь сия, зъ божиею помощию, повелениемъ, працею и вѣликою пилъностью, къ лекарстве доктора Франъциска Скорины, изъ славнаго града Полоцька." Помимо большихъ и малыхъ заставицъ, любопытны рѣзныя, съ украшеніями, буквы, а также примѣчательно и то, что, вслѣдъ за рѣзною буквой, въ текстѣ слѣдуетъ прописная и потомъ уже строчная. Ошибки и типографскіе недосмотры встрѣчаются нерѣдко.

Вторая часть „Подорожной Книжицы" — *Часословецъ* [14])—имѣетъ двѣ пагинаціи, каждая въ 28 двойныхъ страницъ. Эти двѣ пагинаціи раздѣляются четырьмя ненумерованными листами, на которыхъ помѣщенъ „канонъ молебенъ пресвятеи богородици, певаемы на павечерници." Въ концѣ Часословца помѣщенъ выходъ, общій для всѣхъ Скорининыхъ изданій.

Третья часть „Подорожной Книжицы" — *Акаѳисты*—имѣетъ слѣдующій киноварный заглавный листъ:

**ПОЧІНАЮТСЯ
АКАѲІСТЫ НА
ВСЮ НЕДЕЛЮ
ПЕРВЫ ЖИВО
НОСНОМУ ГРО
БУ ГОСПОДНЮ
ВЪ НЕДЕЛЮ:**

[14]) Въ экземплярѣ Императорской Публичной Библіотеки нѣтъ въ Часословцѣ заглавнаго листа.

1. „Акаѳістъ воскресъный живоносному гробу господьню“ или „Похвала гробу господню.“ 12 листовъ, пагинація внизу, справа; въ концѣ выходъ.

2. „Канонъ гробу господню (въ неделю).“ 8 листовъ, пагинація вверху справа киноварью, въ концѣ выходъ.

Благоѻбразный іѡсифъ съ крѣста снємъ прєчтоє тѣло твоє, плащѣницєю чтою ѻбвивъ й благоухайми во гробѣ новѣ закривъ положи (л. 7).

3. На первой страницѣ. въ видѣ заглавія: „Акаѳістъ светому архангелу Михаилу і всѣмъ небеснымъ чиномъ со умилениемъ починаемъ пети“ или „Радости Архіангеломъ.“ 12 листовъ, пагинація внизу, справа; въ концѣ выходъ.

4. „Канонъ архангеломъ (въ понеделокъ).“ 8 листовъ, пагинація вверху справа (7-й и 8-й л. безъ киновари), въ концѣ выходъ.

5. На первой страницѣ, послѣ заставки, въ видѣ заглавія: „Акаѳістъ чесному и всехвалному пророку, предтечи и крестителю господьню Иоанъну поемъ“ или „Радости Іоану предтечи.“ 12 листовъ. пагинація внизу, справа; въ концѣ выходъ.

6. „Канонъ [15]) Іоанну Предтечи.“ 8 листовъ, пагинація киноварью вверху, справа; въ концѣ выходъ.

7. „Акаѳістъ пренасветеишеи богородици всегдадевици Марии“ или „Радости пречистое.“ 12 листовъ, пагинація внизу, справа; на послѣдней страницѣ выходъ. На 1-й страницѣ помѣщено изображеніе благовѣстія, а подъ нимъ подпись: „благовестуеть Гавриілъ прѣчистои девици богородицы Марии.“

Совѣтъ прѣвѣчный ѿкривая тобѣ дєво гавриілъ прєдста тєбє ѻбвєсєлмія і глм, радуйся зємлє нєсєанная, радуйся купино нєѻпалимая, радуйся глубино нєоудобъ видимая, радуйся мостѣ къ нєбєсєм прєводяй, и лєствицє высокая южє іаковъ видє, радуйся бжтвєныя майны руко, радуйся разрєшєниє клятвы, радуйся адамово возваниє гдь с тобою (об. 1-го л.).

[15]) Въ экземплярѣ Императорской Публичной Библіотеки этотъ канонъ неполный, начала нѣтъ.

8. „Канонъ благодарственъ пресвятѣи богородици.“ 8 листовъ, пагинація киноварью, наверху, справа. Въ концѣ выходъ: „доконанъ естъ канонъ пречистои богородици, выложенныи изъ грѣческого на руски языкъ докторомъ Франъцискомъ съ Полоцька“.

9. На первой страницѣ, вмѣсто заглавія: „Акаѳістъ светому верховному апостолу Петру и Павлу и вьсемъ апостоломъ ві“ или „Радости Апостоломъ“. 16 листовъ. пагинація внизу, справа. Въ выходѣ прибавка „ученаго мужа“.

10. „Канонъ Апостоломъ.“ 8 листовъ, пагинація вверху, справа; выходъ.

11. На первой страницѣ вмѣсто заглавія: „Акаѳістъ великому чудотворцу Николе, архиерею Миръликиіску, набожне починаемъ пети“ или „Радости светому Николе“. 12 листовъ, пагинація внизу, справа; выходъ.

Правило вєрє ѻбразъ кротости воздєржанию учитєля іави тєбє гдь стаду своєму єжє вєщаєши истинная сєго ради стєзавын смирєниємъ высокая нищєтою богатая, ѿчє нашъ николає моли хрта бога да спасєть тєбє для душа наша:

12. „Канонъ светому Николе.“ 7 листовъ пагинація киноварью, на верху, справа; выходъ.

13. На первой страницѣ вмѣсто заглавія: „Акаѳістъ чесному и животворящему кресту господню починаемъ во пятокъ набожъне пети“ или „Похвала чесному кресту“. 16 листовъ, пагинація внизу, справа; выходъ.

14. „Канонъ чесному и животворящему кресту.“ 8 листовъ, пагинація киноварью на верху, справа.

15. На первой страницѣ рисунокъ, а подъ нимъ заглавіе: „Починаеться акаѳістъ пресладкому імени господа нашего Іисуса Христа, глаголемы по вся дни“ или „Похвала имєню Ісусову.“ 12 листовъ, пагинація внизу, справа.

Четвертая часть „Подорожной Книжицы“ — *Шестодневъ* — имѣетъ слѣдующее киноварное заглавіе:

Шестодневецъ
кратъкіи нав
су неделю почен

ши ѿ суботы, по ѡбычаю всехъ во сточнихъ цер квий:

Въ Шестодневѣ 36 листовъ, пагинація киноварью, наверху, справа. Къ Шестодневцу приложенъ „покаялъный канонъ“ (8 листовъ) и „канонъ глаголемыи въ суботу на утрени“ (4 ненум. листа).

Пятая часть „Подорожной Книжицы“ — *Соборникъ* (пасхалія, святцы)—имѣетъ слѣдующее заглавіе:

Последованиє це рковнаго собъра ниꙗ въселетъного ѿ месеца сепътевриꙗ до месеца ӑвгуста по въставу єрусали мъское церкви:

Листовъ въ Соборникѣ мы не можемъ обозначить, такъ какъ экземпляръ Императорской Публичной Библіотеки плохо сохранился. Пагинація киноварью, вверху, справа. Святцы кончаются на 13-мъ листѣ („конецъ сократъце свѣтъцемъ“), на оборотѣ начинается „о паскалі или о пасце“; въ экземплярѣ Императорской Публичной Библіотеки сохранилась одна только страница; вотъ она: „Потреба тому наиперъвеи ведати, къто хощеть паскалю водить и о празъницехъ разуметь. Празъники суть двоякие: одны, што неимають своего отделеного дня во святъцехъ, но рушаются водле бегу полъноты маръта месеца небеснаго. Яко великъдень или пасха,воступлениe на небеса господьне, сошествие светого духа, и подлугъ того менится мясопустъ и петровъ постъ, и зачинание дву треодеи. А для тыхъ празниковъ сложена естъ пасъкалия, абы есмо вѣдали, въ которые дни книжныхъ месецеи ихъ празновати имамы. Благовещение же, и Георгие, и м҃ мученикъ, и Алексие имають свои особливые дни непременъны во святъцехъ месецеи книжныхъ, и для тыхъ не естъ сложена паскалия“. Въ святцахъ обращаютъ на себя вниманіе Славянскія наименованія мѣсяцевъ: „мѣсець септеврі зовемы вресень, октоврі рекомы листопадъ, ноемврі иже естъ груденъ, декаврі еже естъ прасинець, генуарь зовемы стычень, февраль рекомы люты, мартъ рекомы марець, апрель зовемы кветенъ, маі по томуже маі, іюнь рекомы чирвець, іюль рекомы липець, августъ рекомы серпень“.

Итакъ, Виленская „Подорожная Книжица“ 1525 года состоитъ, какъ мы видѣли, изъ пяти главныхъ частей, распадающихся, въ свою очередь, на болѣе мелкія подраздѣленія. До послѣдняго времени, эти пять составныхъ частей одной книги неправильно считались пятью отдѣльными книгами, и даже болѣе, особенно—акаѳисты; но изъ содержанія („писаныхъ речей“), составленнаго самимъ издателемъ, мы видимъ, что эти отдѣлы должны быть слиты въ одно цѣлое и составлять одну нераздѣльную „Подорожную Книжицу“.

—

Далѣе, на томъ же рисункѣ, помѣщено изображеніе Евангелиста Іоанна, первыя строки и выходъ изъ Виленскаго «Напрестольнаго Евангелія» 1575 года. Это—*первая* книга, отпечатанная въ типографіи Мамоничей Петромъ Тимоѳеевымъ Мстиславцемъ. Книга эта печаталась безъ малаго цѣлый годъ (съ 14 мая 1574 года по 30 марта 1575 года). Въ ней 9 и и 395 листовъ. Пагинація листовая, внизу, въ правомъ углу. На 2-мъ листѣ перечень главъ отъ Матѳея, далѣе предисловіе Ѳеофилакта. При каждомъ евангелистѣ находится его изображеніе. Съ 361-го листа идетъ „соборникъ.“ Въ самомъ же концѣ (л. 393-й) помѣщено послѣсловіе „Петра Тимоѳеева сына Мстиславца“, весьма важное для біографіи его и другихъ лицъ. Вотъ оно: «Похвално желаніе подвигнули есте, о благочестивіи въ человѣцехъ, якоже познаваеми отъ прежебывшаго бесѣдованія усты къ устомъ: и о семъ велми благодаримъ Бога, яко и еще обрѣтаются избранніи Божіи, пачеже въ нынѣшнее время лукавое, посредѣ рода строптива и развращенна. Но понеже понудили есте насъ недостойныхъ выше нашея мѣры на сіе дѣло, азъ же есмь

[16]) О Виленскомъ «Напрестольномъ Евангеліи» 1575 года, см. у Сахарова (№ 56, стр. 18), у Кеппена (Библ. Лист., № 243), у Сопикова выписки (Ѵ, стр. 148), у Кастерина передано содержаніе (каталогъ, № 19), у Ширяева (№ 8). Строевъ перепечаталъ все послѣсловіе (кат. Толст. № 19, стр. 41—43). Калайдовичъ въ «Сѣверн. Арх.» 1828 года (ч. II). Іохеръ, III, стр. 151, № 7104.

человѣкъ грѣшенъ и немощенъ, бояхся начати таковая; къ томуже смотряя свое неприлежаніе, и лѣность и неразуміе, на мнозѣ отлагахъ, тѣмъ же, съуза ради духовныя любве, и мы устремляемся неразсуднымъ послушаніемъ ваше заповѣданіе сътворити, поспѣшествующимъ вамъ молитвами, и вѣровавше, яко всяко, по вѣрѣ вашей къ Богу, буди вамъ. Убѣдихомжеся на се, недоволни есмы о себѣ помыслити, что яко отъ себе, но довольство наше отъ Бога. Сего ради аще и единъ талантъ ввѣренъ будетъ кто, не лѣнитися подобаетъ, но прилежно дѣлати, боюся приказни съкрывшаго. И начахъ сію святую книгу, 4 благовѣстіе, Матѳеа, Марка, Луку, Іоана, печатати въ лѣто 7082, въ преславущемъ градѣ Вилнѣ, мѣсяца маія въ 14, на память святаго мученика Исидора, при державѣ господаря нашего милостиваго, Гендрика, Божіею милостію короля Польскаго и великаго князя Литовскаго, и при пресвященномъ архіепископѣ нашемъ Іонѣ, митрополитѣ Кіевскомъ и Галицкомъ и всеа Русіи; умышленіемъ и промышленіемъ его милости пана скарбнаго, старосты Упицкаго, Ивана Семеновича Зарецкаго, и брата его пана Зенова. бурмистра мѣста Виленскаго. Молю же вы, любовію духа Господа нашего Іисуса Христа, давшаго себе о грѣсѣхъ нашихъ, вси раби благословенаго Бога нашего, аще когда прилучится въ сію святую книгу евангельскую вникнути, тъй прежде всѣхъ виновнику всѣмъ благымъ и сдѣтелю жизни нашея Богу благодать да въздаваетъ; потомъ же ихъ милости, пану Іоану и пану Зеновію, также и Козмѣ и Лукашу Мамоничамъ, съ благоволеніемъ насъ пріемлющимъ (и почихомъ въ дому ихъ, сіе дѣло строихъ, и въ всемъ насъ упокоеваху) многолѣтнаго здравіа да проситъ отъ того же богатодавца Бога. Но молимъ вы, и насъ не забывайте трудившихся, многогрѣшнаго Петра Тимоѳеева сына Мстиславца; но и тому мещите уломки дарованій вашихъ духовныхъ, издалеча стоящу и алчущу ангельскаго хлѣба и жаждущу духовнаго сего пива: да негли и азъ вашими молитвами получу отъ великодародателя Бога милости и прощенія безчисленныхъ своихъ грѣховъ, о самомъ Христѣ, Бозѣ нашемъ, и вкупь сраслено́мъ и животворящемъ Дусѣ, яко тому самому Богу нашему, сущему въ Троици, слава, честь, дръжава, въ бесконечныя и неуставныя вѣки, аминь. Съвершена бысть книга сія, Евангеліе, въ лѣто отъ рожества Господа нашего Іисуса Христа 1575-го, марта въ 30."

—

О Литовскомъ Статутѣ столько было писано [17]) на языкахъ Русскомъ и Польскомъ и онъ столько разъ былъ изданъ во всѣхъ своихъ трехъ редакціяхъ, что это обстоятельство снимаетъ съ насъ обязанность говорить о немъ подробно. Тѣмъ не менѣе, замѣтить слѣдуетъ, что, при выборѣ мѣстъ для снимковъ изъ него, мы нечаянно встрѣтились съ неизвѣстнымъ доселѣ новымъ его изданіемъ, именно—1586 года, вышедшимъ также въ Вильнѣ, изъ типографіи Мамо-

[17]) Литовскій Статутъ вполнѣ переизданъ во «Временникѣ», причомъ вновь изданы и прежнія его двѣ редакціи. О немъ писали Даниловичъ, Линде, Чацкій, Повстанскій, Чарнецкій, Мацѣевскій. Приводимъ письмо митрополита Іосифа, писанное къ гр. Е. П. Тышкевичу, президенту б. польскаго музея, по поводу посланнаго въ даръ старопечатнаго, на Русскомъ языкѣ, Литовскаго Статута (1588 г.): «Узнавъ, что въ новоотрытомъ музеумѣ Литовскихъ древностей нѣтъ Литовскаго статута на Русскомъ языкѣ, пріятнымъ долгомъ считаю препроводить при семъ для библіотеки музеума древній печатный экземпляръ сего статута, оказавшійся ненужнымъ въ библіотекѣ Березвецкаго монастыря, въ такомъ видѣ, какъ мною полученъ, то есть безъ заглавнаго листа и оканчивающійся на 439-ой страницѣ. Ученымъ сотрудникамъ вашего сіятельства извѣстно, что Литовскій статутъ составленъ первоначально и былъ въ употребленіи на языкѣ Русскомъ, пока въ послѣдствіи не сдѣлано перевода на Польскій языкъ,— и препровождаемое мною изданіе есть драгоцѣнный памятникъ во многихъ отношеніяхъ. Оно *напомнитъ дѣлателямъ музеума*, что государство Литовское, въ періодъ самаго сильнаго своего могущества, состояло изъ девяти десятыхъ частей Русскаго народа и по числу, и по пространству населенія; что Русскій языкъ былъ въ семъ государствѣ языкомъ правительственнымъ до новѣйшихъ временъ, и что образованность Русскихъ и исповѣдуемая ими Вѣра Христіанская—первая подѣйствовала на просвѣщеніе и смягченіе нравовъ Литовскаго народа. *Послѣ сего дѣлатели музеума не удивятся*, если въ собраніи драгоцѣнныхъ памятниковъ онаго найдутъ столько соприкосновенности съ Русскими памятниками, если памятники сіи будутъ для нихъ отражаться и въ нынѣшнемъ бытѣ здѣшняго народа, и если увидятъ, что народъ этотъ чувствуетъ еще и теперь въ жилахъ своихъ Русскую кровь и помнитъ завѣтъ отцовъ своихъ. Съ совершеннымъ уваженіемъ къ вашему сіятельству и съ душевнымъ *участіемъ къ добрымъ успѣхамъ*

ничей, какъ и изданіе 1588 года [18]). Какъ оказывается изъ сличенія, эти два изданія весьма несходны между собою, въ каждой страницѣ, но не столько относительно редакціи, сколько въ наборѣ, переносахъ, буквахъ, знакахъ препинанія, абзацахъ и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ. Изъ Статута нами приведены два мѣста, особенно важныя по своему содержанію: „А писаръ земьскій маетъ *по-руску литерами и словы рускими* вси листы, выписы и позвы писати, *а не иншимъ языкомъ и словы*“. „Уставуемъ, ижъ воеводове и старостове судовые маютъ зособна кождый зъ нихъ на вряде своемъ выбрати и на судъ засадити наместника, албо подъстаростего, судью замъкового и писара, *людей* добрихъ, цнотливыхъ, годныхъ, въ праве и *писма руского умиетныхъ шляхтичовъ*.“ Шрифтъ Статута вполнѣ напоминаетъ характеръ Западно-Русскаго письма въ XVI вѣкѣ.

Заглавный листъ Виленской „Грамматики Словенской“ [19]) 1596 года, составленной Лаврентіемъ Зизаніемъ, слѣдующій:

ГРАММАТІКА
СЛОВЕНСКА
Съвершеннаѧ искꙋства
осмі частій слова, и
иныѧ нꙋжныѧ.

В ВИЛНИ
В дрꙋкарни Братской.
Ро҃ бг҃о. а҃ ф҃ ч҃ ѕ҃. А҃ ѿ
Създаніѧ Міра, ꙁ҃ р҃ г҃.
Мц҃а Феврала ві҃.

На оборотѣ заглавнаго листа изображеніе „грамматики“, въ видѣ женщины съ ключемъ, а надъ нею надпись:

Прожнѡ ты сѧ кꙋсишъ писмо оумѣти.
которій нехочъ мене розꙋмѣти.

Далѣе эпиграмма на грамматику, посланіе къ спудеямъ о метрѣ и риѳмѣ (для желающихъ „складывать вѣрши“) отъ типографа „къ младенцамъ“. Все это помѣщено на четырехъ ненумерованныхъ листахъ. Форматъ 12°; есть кустодіи; строкъ въ полной страницѣ 19; шрифтъ разный; киновари нѣтъ. Пагинація по листамъ вверху, справа, и внизу по листамъ. Вся грамматика помѣщается на 89 листахъ и 3-хъ ненумерованныхъ. Къ концу приложено толкованіе Л. З. молитвы Господней.

Къ экземпляру Императорской Публичной Библіотеки, которымъ мы пользовались, приплетенъ „Лексисъ“ и другія приложенія изъ „Азбуки“ Виленской 1596 года. Хотя этой Азбуки и нѣтъ на нашемъ рисункѣ, но, ради интереса—по какой книгѣ обучались православныя русскія дѣти въ Вильнѣ въ исходѣ XVI вѣка—мы рѣшаемся познакомить читателей съ этою книжкою, на которой стоитъ слѣдующее заглавіе: „Наука ку читаню и розумѣню писма словенского, тутыжъ о святой троици и о въчловеченіи господни“. Послѣ этого заглавія слѣдуютъ склады, молитва съ объясненіемъ, молитвы, „Отче нашъ“, „Вѣрую“. Все это помѣщено на первыхъ четырехъ ненумерованныхъ листахъ. Далѣе идетъ пагинація внизу по тетрадямъ (5 тетрадей въ 8 лист. каждая). Съ перваго листа начинается „Лексисъ [20]) сирѣчъ реченія, въкратъцѣ събранъны и изъ словенскаго языка на простый Рускій діялектъ истолъкованы. Л. Z“. Для примѣра приводимъ нѣсколько выдержекъ: абіе—зàразъ, аггл҃ъ — вѣстникъ албо повѣдàчъ, азъ—я, арѡмàты—зàпахи и дорогіи мàсти и тыжъ корѣнье албо зѣлье пахнучее, акаѳистъ—несѣдално, афедрѡ—выходъ, закрѣтъ; багрѧница—шарлатъ албо едвабъ багрòвой фàрбы, банѧ—лазня, бл҃гть—ласка, бразда—борозна, бремѧ—беремя, блѧденіе—плюгà-

председательствуемаго вами общества, имѣю честь и пр. (слѣдуетъ собственноручная подпись митрополита). 19 апрѣля 1856 г. Вильна».

[18]) Ундольскій, въ своемъ «Очеркѣ» (столб. 16) свидѣтельствуетъ, что «изслѣдователи открыли, что Статута было три изданія съ 1588-мъ годомъ и такъ точно, что съ трудомъ можно замѣтить разность изданій».

[19]) Выходной листъ грамматики см. у Сахарова (№ 100, стр. 33); Кастеринъ (№ 44) передалъ содержаніе; у Евгенія (Слов. д. пис., II, стр. 1) перепечатана эпиграмма. О составѣ грамматики писалъ Каченовскій (Вѣст. Евр. 1817, № 11, стр. 186). Бандтке, Hist. druk. II, 160.

[20]) Этотъ «Лексисъ» перепечатанъ Сахаровымъ въ «Сказаніяхъ Русскаго народа», томъ II, кн. 5.

мовлéне, блѧдословїє—шкарàдая мòва, блѧ̑дь—чловѣкъ шкарàдой мòвы, бра́къ — женитва, весéле, багрѧница—бѣль, вѣтвъ—гэль, вѣтїѧ—риторъ, ораторъ, красномовца; ведро́—погода, велерѣчїє—безмѣрное блекотанье, вынꙋ—завжды; є҆гда̀—кгды, є҆ла̀—ци, є҆два̀—заледвѣ, є҆ли́кѡ — колко, є҆ли́ко — колкое, го́ртанобѣсїє — горла взбѣшенье, жи́тница—стодола, клуня, жа̑тва—жниво, мра̑—морокъ, мра̑нїй—морочный, темный, ѡ҆баваю—заклинаю ужа или гадину; че́тъ, полкъ—войско ушикованое". Послѣ словаря слѣдуетъ: „Стефана Зизанія изложеніе (истязаніе) о православной вѣрѣ". Изложеніе это написано въ формѣ діалога: спрашиваетъ „странный" (зловѣрный), отвѣчаетъ „православный (благовѣрный). Далѣе: „О въчловеченіи госъподъни (разговоръ между тѣми же) и въ заключеніе „о знаменіи крестномъ".

—

Остальные снимки помѣщенные на рисункѣ 16-мъ—изображеніе школы и школьнаго сѣченія въ Вильнѣ, ликъ евангелиста Марка, Св. Троицы и апостоловъ Петра и Павла—представляютъ намъ степень искусства рѣзьбы по дереву тогдашнихъ Виленскихъ художниковъ. Что же касается Виленскаго „молитвенника" половины XVII вѣка, то онъ, по формату, напоминаетъ „кіевскіе ефимеріосы" и даетъ изображеніе герба православной фамиліи Тризновъ.

Рисунокъ 17-й.

На немъ, между прочимъ, изображена первая страница „Собора въ богоспасаемомъ градѣ Вільни бывшаго" въ 1509 году [21]). Эта драгоцѣнная старопечатная брошюра воспроизводится [22]) ниже, въ приложеніи, съ буквальною точностью: церковно-славянскимъ шрифтомъ, съ тѣми же титлами, съ тогдашними прописными и строчными буквами и съ тѣми же знаками препинанія. Такой точности и такого подражанія мы держимся не безъ цѣли. Брошюру эту, неимѣющую ни года, ни мѣста печати, обыкновенно относятъ къ 1614 году и къ Львовской типографіи на томъ основаніи, что «Соборъ», имѣющій свою пагинацію, найденъ приплетеннымъ (тогда же) къ одноформатной и одношрифтной книгѣ, вышедшей въ 1614 году, во Львовѣ [23]). Но этихъ данныхъ еще недостаточно, чтобы приписать „Соборъ" Львову и 1614 году, особенно если принять во вниманіе *особую* его пагинацію и то, что книга „О священствѣ" имѣетъ *свой* выходъ, и только *послѣ этого «выхода»* мы видимъ „Соборъ" приплетеннымъ къ нѣсколькимъ экземплярамъ книги „О священствѣ". Это обстоятельство едвали можетъ смущать, если припомнимъ, что въ старину, какъ и теперь, любители книгъ соединяли болѣе или менѣе однородныя небольшія изданія и брошюры вмѣстѣ, подъ одинъ переплетъ. Такимъ образомъ, вопросъ о годѣ и мѣстѣ изданія „Собора" остается открытымъ. Данными для рѣшенія могутъ служить также тогдашнее правописаніе, тогдашняя корректура, тогдашняя грамматика, которыхъ „справщики" того времени держались строже, чѣмъ теперь, и которыя различались какъ по типографіямъ, такъ и по времени. Съ этою цѣлью „Соборъ" и перепечатывается ниже, въ приложеніи, съ буквальною точностью.

—

Далѣе слѣдуетъ заглавный листъ, съ выходомъ, Виленскаго „Служебника" [24]) 1617 года. На оборотѣ напечатанъ гербъ Сапѣговъ, а вокругъ него шесть буквъ: Л. С. К. В. К. Л. (т. е. Левъ Сапѣга, канцлеръ великаго княжества Литовскаго); подъ гербомъ слѣдующая „епикграмма:"

[21]) Объ этой книжкѣ см. у Сопикова, № 1394, ч. I, стр. 234; у Сахарова, стр. 51—52, № 153; у Царскаго (№ 52); у Кастерина (№ 80); у Іохера, III, стр. 335, № 7987; у Горскаго и Невоструева, III, 616; въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1838, IX, стр. 568.

[22]) Напечатано Евгеніемъ, какъ бы съ рукописи, въ «Опис. Кіево-Софійскаго собора», а затѣмъ въ «Историческихъ Актахъ» (I, № 289, стр. 524—529).

[23]) «О священствѣ Іоанна Златоустаго», въ 4-ку, 60 нен. и 448 страницъ. Пагинація положена наверху, а внизу идетъ потетрадная помѣта. На ненумерованныхъ страницахъ помѣщено «Житіе Іоанна Златоуста»; затѣмъ, шесть его словъ «О священствѣ»; съ 211-й «Еклоги о приличныхъ священству», съ 405-й «О хиротоніи, на produces мздѣ бываемѣй» и въ самомъ концѣ—выходной листъ. *Послѣ уже «выхода»* помѣщенъ «Соборъ».

[24]) Объ этой книгѣ см. у Сахарова, № 165, у Іохера III, стр. 152, № 7106, с; у Крашевскаго, Wilno, IV.

мотры якъ крыны, ездецъ, и стрела зъ рукою,
Звезалися, стрела съ крестомъ, крестъ тежъ зъ луною.
Тыи суть зобранья цнотъ, Великій Леоне,
Которыми продковъ ушляхътили Кролеве.
Умыслъ маешъ въспанялы, громить еретики,
Которымъ тежъ плѣнишъ всѣ церкви противники.
Вѣра, мечъ креста державы, цвите тобою.
Бо естесь зъ супостатами, готовъ до бою.
Жій во всѣ лѣта, по смерти што естъ дознаешъ,
Же милуешъ Бога, и вѣру помнажаешъ.

—

Далѣе слѣдуетъ выходной листъ „Евангелія Учительнаго", отпечатаннаго въ Евью [26]), коштомъ вельможного пана, его милости князя Богдана Окгинского, подкоморого Троцкого, державы Дорсуниского и Кормяловского, и малжонки его милости, еи милости панеи Раины Воловичовны; а працею и стараньемъ иноковъ общого житіа, монастыря братского Виленского Съшествіа св. Духа, выдрукованы въ Евю, року 1616." На оборотѣ заглавнаго листа гербы (въ одномъ щитѣ) Князей Огинскихъ и пановъ Воловичей, съ стихами (числомъ 14). Изображеніе св. Каллиста рѣзное на деревѣ. Въ „предмовѣ" (посвятительной) сказано о переводѣ этой книги: „знаменитого кошту и накладу на то сте не жаловали, а бы щонедѣлный, а немаль щоденный, съборной, то есть повшехной, церкви казнодѣя и учитель, который, предъ двѣма сты лѣтъ, вселенского Константинополского пастырства и патріаршества престолъ съдержалъ и, струями злототочныхъ словъ своихъ, не толко за живота своего, поле церковное поливалъ, але и по смерти; никгды не умираючи, презъ зоставенье на писмѣ науки казаній своихъ, первѣи Греческимъ языкомъ Греческій народъ свой училъ; а потомъ за преложеньемъ тыхъ его шкриптовъ на языкъ Словенскій, праве, якобы повторе народови нашему Словенскому оживши и до тыхъ нашихъ краевъ (подъ ученшій продковъ нашихъ вѣкъ) завитавши, велми потребенъ и пожиточенъ былъ. Теперъ засъ, пре незнаемость и неумѣетность языка Словенского многихъ, многимъ мало потребенъ и непожиточенъ ставшися, знову, переложеньемъ его на языкъ нашъ простый Рускій, якобы зъ мертвыхъ вскрешонъ, а выданьемъ зъ друку на всѣ широкіи славного и старожитного народу Російского крайны розосланъ будучи, всѣми потомными вѣки, всѣхъ, а иле простѣйшихъ а языка Словенского неумѣючихъ, и для того подчасъ до заразливыхъ еретической словы поданой и шкриптомъ выданой, науки, паствискъ удавашися звыклыхъ, училъ. А затымъ тотъ, который тыхъ часовъ хоть въ зацнѣйшомъ, пенкнѣйшомъ, звязнѣйшомъ, суптелнѣйшомъ и достаточнѣйшомъ языку Словенскомъ, пре неспособность слухачовъ, немногимъ пожиточенъ былъ, теперъ, хоть въ подлѣйшомъ и простѣйшомъ языку многимъ албо рачей и всѣмъ Руского языка, яко колвекъ умѣетнымъ, потребенъ и пожиточенъ быти моглъ."

—

Остальные три снимка на 17-мъ рисункѣ приведены какъ образцы шрифтовъ и рѣзьбы на деревѣ въ 1617, 1620 и 1808 годахъ.

Рисунокъ 18-й.

Послѣдній 18-й рисунокъ открывается заглавнымъ листомъ и страницею Несвижскаго „Катихизиса." Изъ Русскихъ изданій Несвижской печатни, до сихъ поръ библіографамъ извѣстны только двѣ книжки: „Катихизисъ" и „О оправданіи грѣшнаго человѣка предъ Богомъ". Обѣ они относятся къ 1562 году. Это—только тѣ, которыя пока открыты. Но есть основаніе, и достаточно компетентное, предполагать, что Несвижская Русская печатня выпустила еще и другія книги, доселѣ еще не отысканныя. Въ предисловіи къ „Катихизису," издатели обѣщаютъ новое, болѣе подробное и обстоятельное изданіе „Катихизиса", а также, кромѣ того, „книжку опричную" (О святомъ крещеніи и о вечери Сына Божія). Изъ упомянутыхъ двухъ книжекъ, намъ удалось видѣть только „Катихизисъ." Издателями этого катихизиса были: Матвѣй Кавечинскій, Несвижскій намѣстникъ, Симонъ Будный [27]) и Лаврентій Кришковскій [28]). Катихизисъ этотъ—кальвинскій или, вѣрнѣе, унитарскій. Изданъ онъ по-Русски, „къ наказанью и доброму наученью посполитымъ людемъ языка Рус-

[26]) На рисункѣ ошибочно проставлено: «въ Вильнѣ»; слѣдуетъ «въ Евьѣ».

[27]) Enc. Powsz., IV, 547—550.

[28]) Ibid., XVI, 254--255.

кого“, „для дѣтокъ христіанскихъ языка Руского.“ Это обстоятельство издателями, въ концѣ ихъ посвященія Катихизиса Радивиламъ. мотивировано такъ: „для того, абы ся ваши княжацскіе милости не только въ чужоземскихъ языцѣхъ кохали, але бы ся тежъ ваши княжацскіе милости и того здавна славного языка Словенского розмиловати и онымъ ся бавати рачили: слушная бо речъ естъ, абы ваши княжацскіе милости того народу языкъ миловати рачили, въ которомъ давные предки и ихъ княжацскіе милости панове отци вашихъ княжецскихъ милости славне преднѣйшіе преложенства несуть“. Переходимъ теперь къ описанію „Катихизиса“ [29]). Книга эта въ 8°. Число листовъ: 6 (пагинація внизу справа), 3 (также) и 251 (также). Шрифтъ Пражскій разныхъ сортовъ [30]). Въ главномъ текстѣ 17 строкъ; въ посвященіи (тотъ же шрифтъ) 18; въ предисловіи (текстъ мельче) 25 и 26. Кустодій и переносныхъ знаковъ нѣтъ. На первомъ заглавномъ листѣ, послѣ черной заставки, значится слѣдующее:

КАТИХИСІСЪ

То єстъ, наѹка стародавнаꙗ хрістіаньскаꙗ ѿ светого писма, длꙗ простыхъ людей ꙗзыка рѹского, въ пытаніахъ и ѿказѣхъ събрана. Ѿ першаго светого апостола Петра посланіа Зачало ꙁ. Готови прно къ ѿвѣтѹ всѧкомѹ въпрошающемѹ вы, слово ѡ вашемъ ѹпованіи съ кротостію и страхо, совѣсть имѫще блгу и прочаѧ [31]).

На послѣдней страницѣ выходъ: Доконана є сіа книга зовемаꙗ Греческимъ ꙗзыко Катихисіс, а пословеньски оглашеніє, Богу ко чти и посполитым людемъ ꙗзыка Роуского к наказанью и доброму наѹченью, накладо боголюбивы мужей, Пана Матѳіа Кавєчинского Намѣстъника Несвижкого, Сімѡна Бѹдного, Лавърейтіа Крышковъского. На городѣ Несвижкимъ. Подъ лѣты ѿ воплощеніа спасова, тисеча, пѧтисотъ, шестьдесѧтъ второго, Месеца Іюніа десѧтого днѧ.

Въ посвященіи читаемъ слѣдующее [32]): „Освецоныхъ княжатъ и пановъ Миколаевъ Радивиловъ, Княжати на Олыце и Несвижу, Воеводы Виленьского, навышъшего Маршалъка и канъцлера великого Князьтва Литовъского и далей: А Княжати на Дубинкахъ и Бержахъ, Воеводы Троцъкого, Великого Гетъмана князьтва Литовъского, и далей. Сыномъ перъворожонымъ ихъ милостямъ, Княжатомъ молодымъ, паномъ Миколаемъ Миколаевичомъ Радивиломъ, отъ бога отца черезъ Христа единого сына его въ духу святомъ утешителю, Ласки, покою, и вечного благославенья веръного Христового збору братья, а слуги ихъ Княжацъкихъ милости веръне жедають

„Богъ всемогучый, освѣцоные а милостивые Княжата, потому ся всегды напротивъ грѣшному человѣку заховалъ, ижь хотяжь самъ отъ него отходилъ предся его дивънымъ обычаемъ отъ блуда и отъ грѣховъ вырывалъ. Тако ся наперъвей ко онымъ перъшимъ родителемъ нашимъ показалъ. Сихъ бо по о (sic) ономъ ихъ тяжкомъ упадку, а по утраченью оного образа и подобеньства божіего, на который были сътворени къ оной перъвой невинъности, святости, справедливости, и у правде: Зъ особливого милосеръдья своего, въ гнѣве своимъ не рачилъ зоставити, але ужаливъшися надъ ихъ упадкомъ рачилъ имъ заразомъ и всему потомству ихъ, предивъный ратунокъ урадить, а таковое племя обецать черезъ которое мѣла быть стерта голова проклятому противнику

[29]) О Катихизисѣ имѣются отрывочныя, а иногда и несовсѣмъ точныя слѣдующія свѣдѣнія: 1) Каратаевъ, стран. 9, № 44. 2) Строевъ, Опис. собр. гр. Толстаго, стр. 24—25, № 15. 3) Кеппенъ, стр. 226, № 195. 4) Строевъ, Дополн. № 5. 5) Сопиковъ, ч. I, стран. LI и стр. 123, № 552. 6) Митр. Евгеній, Слов. истор. о писат. дух. чина, изд. 2-е. ч. I, стран. 262. 7) Добровскій, Institutiones ling. slav., 1822, въ пред. стран. XCVII. 8) Bergius, De statu eccles. et relig. Moscov. стран. 32. 9) Статья Б. Линде, въ Pamiętn. Warszaw., 1816, т. IV. 10) Бандтке, Hist. druk. w krol. Polsk. i wielk. x. Lit., II, 8—20.

[30]) Образецъ шрифта см. у Строева въ Палеогр. Снимк., табл. V, № 9, а также и въ нашемъ рисункѣ.

[31]) На этомъ первомъ листѣ строки 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9 отпечатаны киноварью (см. нашъ рисунокъ).

[32]) Для удобства, титла раскрыты; остальное же, правописаніе и знаки препинанія—точно соблюдены.

сатанѣ, и оный упадокъ зънову мѣлъ быть направълеп (sic), и оная первая невинъность и справедливость приверънена. Которое то обетъници о сосланю того светого насенья, ухвативъшися вѣрою перъвые родители наши, оною ся ажь до смерьти тѣшили, и оною жь приверъненого благословеного живота доступили. Такъ же сыновъ и потомства ихъ, колько кроть коли хвала панская нарушена бывала, николи пропоминать не рачилъ. А потомужь по ономъ грозномъ всее плоти черезъ потопъ зъглаженю Ноя, а потомъ Авраама, Исаака, Якова, Патриарховъ святыхъ и всихъ дванадцати поколени Изъраильскихъ, которые вывелъ зъ Египту тотъ же отъ вековъ милосеръдный Богъ занехати не рачилъ, але имъ опять оную свою обѣтъницу о насенью благославеномъ, якобы зъднову отновилъ, въ которомъ мѣли быти благославены вси народы людьские, А тое насенье, водлугъ выкладу Апостолского называется Христосъ. А такъ явне ся и зъ старого и зъ нового закону оказуеть ижь панъ богъ всякого чловѣка упалого опущати не рачилъ, а опять ни черезъ жадного инъшого збавити не хочеть, одно черезъ Христа пана, оное вечьное а благословеное сѣмя с початъку в раю обецаное, а водлугъ выполъненя часовъ, с пречистое дѣвицы нароженое. Такъжеть и теперь освѣцоные а милостивые Княжата намъ остатнему потомству отцовъ нашихъ, и предъ остатнымъ днемъ содравшы слепоту отъ сердцъ и очью нашыхъ, черезъ духа святого и светлость Евангелия сына своего, отецъ оный всего милоседья (sic) учинити рачилъ, же намъ оную выполъненую вечьную обетъницу Христа пана, которую намъ былъ сатанъ въ пропасти Римъского и Греческого Вавилона затъмилъ слово его святое нарушилъ, и таины поскерънилъ (sic), зънову праве объясните, а яко пальцомъ оказати, а насъ с тое Содомы АнтиХристовой вырървавъшы, опять зънову ку истинъному збавителю притегнути, рачилъ, Которого тутъ въ тыхъ малыхъ новое кузни книгахъ, онымъ славнымъ здавъна далеко росъширенымъ словеньскимъ языкомъ суть накоротъце пописаны права А вашимъ Кнежацскимъ милостям, яко тыхъ двухъ въ той речи посполитой славъныхъ одного коренья филяровъ, сыномъ, Не инъшимъ жаднымъ умысломъ, одно яко и оного часу, (абы нихто иначей не судилъ) и святый Лука Еванъгелистъ побожьному а зацъному Ѳеофилу двое книгъ своихъ приписалъ для много слушъныхъ причинъ поданы и приписаны, а звлаща для, заразъ зъ млодости въ сердцахъ ихъ зачатья и занятья милости ку слову Божіему. Къ тому тѣжь и для того, абы ся ваши княжацъские милости не только въ чужоземскихъ языцѣхъ кохали, але бы ся тежь ваши Княжацъские милости и того здавъна славъного языка словенъского розмиловати и онымъ ся бавати рачили. Слушъная бо речь естъ, абы ваши Княжацъские милости того народу языкъ миловати рачили, въ которомъ давъные предъки и ихъ Княжацъские милости пановѣ отци вашихъ Княжецъскихъ милости славъне преднейшие преложеньства несуть.

„А такъ онъ, который самъ всего початъкомъ, и единымъ отъ вековъ збавенья поводомъ естъ панъ богъ всемогучый, и ваши Княжацъские милости, еще в молоденъстве и знайти рачилъ: Рачьтежь прото его доброти святое вдячными быти, а такого гостя з отвороными сердцы приняти, якобы есте были с такого навеженья вдячьными сыны узнаны, Ботьсе вашимъ Княжацъскимъ милостямъ, яко се вышей доложило, тотъ перъворродный в томъ языку :плодъ: [33]) только для самого того офяровалъ, абысте ваши Княжецъские милости зацъного стану Княжата, а передънейшыхъ вожовъ сынове, всимъ инъшимъ съ себе добрый взоръ а прикладъ давать рачили, ижь бы ся много инъшихъ прикладами вашихъ Княжацскихъ милости будовати могли, А тая отъчизна и речъ посполитая, зъ вашихъ Княжацъскихъ милости, благославеное надеи ожидать могла. Яко есте тогды ваши Княжацъские милости с одного коренья летоdoes, рачтежь ся зачать и въ томъ одномъ правъдивомъ верънomъ сполъку множить и рость, абы есте ваши Княжецъские милости были не только с повинъности одное крови, але и зъ единости одного гасла единого Гетъмана Хри-

[33]) :овоцъ: Это—сноска. Въ подлинникѣ она стоитъ на полѣ страницы и обозначена, равно какъ и объясняемое слово, двоеточіями по обѣ стороны. Въ «Апокризисѣ» же и «Виленскомъ Соборѣ»— сноски стоятъ также на поляхъ, но обозначаются не двоеточіями, а знаками краткости, поставляемыми надъ каждою буквою объясняемаго слова и сноски.

ста рыцерями и братьею а сынъми единого навышъшего бога. Въ чомъ ваши Княжецские милости рачъ помножить и ублагословить Богъ отецъ черезъ Христа единого сына своего, въ духу святомъ утешителю нашимъ: Того мы вашымъ Княжацъскимъ милостямъ отъ нѣгожь самого серъдечне жичимо. А то што ся на тотъ часъ хотя не с таковое годъности, яковое бы святые таблици Божие достоины были, але зъ якогожь колвекъ даного таланъту, вѣръне, отъ вѣръного Христового зъбору, братьи, а слугъ вашихъ Княжацскихъ милости, на томъ новомъ початъку, накоротъце выдать могло, просимо рачъте ваши Княжацские милости дотуль з ласкою за вдячне прiймовати покуль Панъ Богъ до чого большого допомочи будеть рачилъ.

„Данъ зъ Города Несвижьского, отъ въплощенья Христова, Въ року тисячъномъ пятьсотномъ шестдесятомъ и второмъ. Мѣсяца Iюня дванацадтого дня. Вашихъ Княжацскихъ милости повольные слуги Матѳей Кавечиньскiй. Симонъ Будный. Лаврентей Кришковскiй“.

Послѣ посвященiя слѣдуетъ: „Къ всѣмъ благовѣрнымъ христiаномъ языка руского предъсловiе къ Катихисiю“, гдѣ объясняется слово катихизисъ, его значенiе въ дѣлѣ вѣры и т. п. Предисловiе писано въ Клецкѣ, 10 Iюня, 1562 года. Писалъ неизвѣстный: „азъ недостоинъ, отъ святыя церъкви служителей наменъшiй“. Въ концѣ предисловiя есть обѣщанiе издать другое, болѣе полное изданiе, и кромѣ того „опричную книжку“ („о святомь крещенiи и о вечери сына божiего“).

Далѣе слѣдуетъ текстъ. Вначалѣ киноварное заглавiе: „Катихисiсъ для детокъ христианьскихъ языка Руского, коротъко выложена“. Затѣмъ начинаются „пытанья“ и „отказы“. Первое „пытанье: што есь ты; отказъ: человѣкъ есмь сътворенье божие розумное, богомъ по образу его сътворенъное“.

Въ дальнѣйшемъ изложенiи останавливаемся на слѣдующихъ мѣстахъ: „Которое вѣры еси ты? Хрiстианьское вѣры. Што виненъ умѣти Хрiстiанинъ? Чотыри речи умѣти, и водле того жити маеть. Первая законъ або заповѣди. Другая. вызнанье вѣры. Третая. молитва господня, Четвертая Тайны Хрiстовы“. Приводимъ заповѣди: „Я есмъ господь богъ твой, который тебе вывелъ изъ земли Египетъские изъ дому неволи. Не будешь мѣти боговъ чужiихъ передо мъною.—Не учинишь собѣ образа, ни всякого уподобiа которое на небесѣхъ высоко, ани которое на земли низъко, ани которое въ водахъ подъ землею. Не поклонишься имъ, ани имъ послужишь. Я бо есмь господь богъ твой, силенъ, ревнивъ, который отдаю грѣхы отець на дети до третѣго и четвертого роду, которыи ненавидятъ мѣне, а чиню милость надъ тисечми, которыи мѣне любять и заповеди моихъ стерегуть.—Не возмешь имѣни господа бога твоего вътъще. Бо не пустить господь оного безъ караньа который бы взялъ имя его напрасъно.— Помъни день суботный святити, шесть дни дѣлати будешь, и всякие дѣла твоя учинишь, а седъмого дня субота естъ господа бога твоего. Не учинишь ни какова дѣла, ни ты, ни сынъ твой, ни дочька твоя, ни паробокъ твой, ни неволница твоя, ни скотъ твой, ни пришлецъ который межи воротъ твоихъ. Бо въ шести дний сътворилъ богъ небо и землю, морѣ, и вся што въ нихъ, и отъпочинулъ Богъ въ седмый день. Сѣго дѣля господь день суботный благословилъ и посвятилъ его.—Чти отца твоего и матку твою, абы есь долго жилъ на земли, которую господь богъ твой дасть тебѣ.—Не убий.—Не чужоложи.—Не кради.—Не посведъчишь на ближного твоего, свѣдества лживого.—Не похочешь дому ближного твоего, Не похочешь жены ближного твоего, ни паробка его, ни осла его, ани чого колвѣ што естъ ближного твоего“. Послѣ этого слѣдуетъ подробный разборъ каждой заповѣди особо.

На 106 л. послѣ заставки: „починается вторая часть катихисi о вѣре. Говори сложенiе вѣры Апостольское: Вѣрую въ бога отца вседеръжителя, творца небу и земли. И во Iисуса Христа сына его единого господа нашего. Котoрий ся почалъ духомъ святымъ, Народилъся отъ дѣвы Марiи, Пострадалъ придъ (sic) Понътѣистемъ Пилате, Роспятъ, умерь и погребенъ, Зышолъ въ адъ, Третиего дня повъсталъ изъ мертвыхъ, Взишолъ на небеса, седить по правици бога отца всѣдержителя. Оттуль прiидеть судити живыхъ и мертвыхъ. Вѣрую и въ духа святого, святую церъковь съборъную, святыхъ общованье, грѣхомъ оставленiе, тѣлу изъ мертвыхъ повъстанiе и животъ вѣчный,

*

аминь. Говори вызнанье вѣры събора Никейскаго: Вѣрую въ единого бога отца вседержителя, творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ. И въ единаго господа Іисуса Христа, сына божіа единороднаго, иже отъ отца роженаго преже всѣхъ вѣкъ. свѣтъ отъ свѣта бога истинъна отъ бога истинъна, роженъна а не сътворенъна, единосущна отцю, имъже вся бышя, Насъ ради человѣкъ, и спасеніа нашего ради съшедшаго съ небесъ, и въплотивъшагося отъ духа свята и Марія дѣвы вѵчеловѣчьшася, распята же за ны при Понътеистемъ Пилате, и страдавше, и погребена и въскресша въ третій день по писаніихъ, и въшедша на небеса, и седяща одесную отца, и пакы грядущаго съ славою судити живымъ и мертвымъ его же царствію нѣсть конъца. И въ духа святого истинънаго и животворящаго, иже отъ отца исходящаго, иже съ отцемь и сыномъ спокланяема и славима, глаголавшаго пророкы. И едину, святую, съборъную и апостольскую церъковъ, Исповѣдую едино крещеніе въ оставленіе грѣхомъ, Чаю въскресеніа мертвымъ, и жизнь будущаго вѣка, аминь."

Послѣ подробнаго разбора членовъ символа вѣры, съ обор. 165 л. начинается третья часть, о молитвѣ господней. „Отче нашь, иже еси па небесѣхъ. Да святится имя твое. Да пріидеть царствіе твое. Да будеть, воля твоя, яко на небеси и на земли. Хлѣбъ нашь насущъный даждь намъ днесь. И остави намъ долъгы наша якожь и мы оставляемъ долъжникомъ нашимъ. И не въведи насъ въ :напасть: [34]) но избави насъ отъ лукаваго. Яко твое естъ царъствіе и сила и слава въ вѣкы, аминь." Съ обор. ненумерованнаго листа, находящагося между 209 и 210 л., начинается четвертая часть „о тайнѣхъ. Колько естъ таинъ у христіанъ? Двѣ только, святое крещеніе и вечера господня." Въ заключеніе слѣдуетъ прибавить слѣдующее. Сопиковъ утверждаетъ, что древнѣйшее произведеніе Несвижскаго печатнаго станка есть „Оправданіе Вѣры", на томъ основаніи, что оно, въ предисловіи, именуется *Початками*. Но, въ данномъ случаѣ, *Початками* не опредѣляется старшинства[35]); слово это относится къ содержанію книги, какъ къ *Главнымъ Основаніямъ* кальвинскаго вѣроученія, что согласно и съ словарнымъ опредѣленіемъ *Початковъ* (во множ. числѣ). Напротивъ, мы полагаемъ, что старшинство—на сторонѣ „Катихизиса." Въ посвященіи, издатели весьма опредѣленно называютъ свои первыя работы и свою печатню—„новою кузнею", прибавляютъ, что, на первый разъ („на новомъ початку") и спѣша („накоротце"), они издали краткій катихизисъ и надѣются издать подробный, „покуль Панъ Богъ до чого большого допомочи будеть рачилъ." [36])

—

„Первый овощъ" (какъ выражается Иванъ Ѳедоровъ въ предисловіи) Острожской печатни была „Книга [37]) Новаго Завѣта, въ ней же на преди псалмы," вышедшая въ 1580-мъ году. Изъ этой книги на 18-мъ рисункѣ помѣщены: лицевая и оборотная стороны заглавнаго листа. заставка и начало евангелія отъ Луки. Особенно любопытно предисловіе, приложенное къ этой книгѣ и принадлежащее перу Ивана Ѳедорова. Послѣ благочестиваго вступленія, съ цитатами изъ Евангелія отъ Матѳея и Луки, Иванъ Ѳедоровъ обращается къ князю: „сіяюще яко цвѣторасльная вѣтвь благочестія, источникъ милости и рачитель богодухновенныхъ догматъ святыя соборныя апостольскія церкви, распаляемъ многою любовію, достохвально желаніе подвигнулъ еси, о благочестивый княже, паче же въ нынѣшнее время, посредѣ рода строптива и развращенна, еже толицѣмъ нерадѣніемъ къ заповѣдемъ господа нашего Іисуса Христа супротивленіе пріемлюще, растерзаютъ немилостивне церковь Божію и възмущаютъ нещадно стадо его." (Опять слѣдуетъ благочестивое разсужденіе). „Твое же благочестивое величество, по благодати человѣколюбца Бога, въ сихъ дерзостне и не-

[34]) :искушеніе: См. предыдущую сноску.

[35]) «Катихизисъ» и «Оправданіе» вышли въ одномъ году, въ 1562-мъ.

[36]) Текстъ этихъ извлеченій изъ «Несвижскаго Катихизиса», но шрифтомъ Кирилловскимъ, приведенъ нами въ VII-мъ томѣ «Археографическаго Сборника».

[37]) Объ этой книгѣ см. у Сопикова (I, стр. LXV и № 703; ч. V, № 12,984), у Кеппена (№ 21, кол. 297), у Евгенія (Слов. дух. пис. I, стр. 267), у Максимовича (Кн. стар. стр. 5 — 6). Въ этой книгѣ, въ 8-ку, листовъ: 4, 490 и 53.

поколебимо на недвижимомъ камени утверженъ отъ благочестно жившихъ и свято почившихъ нарочитыхъ и великоименитыхъ родителей и прародителей своихъ, есть яко свѣтило, сіяющее въ наслѣдіи благословеніемъ, чадомъ же и наслѣдникомъ своимъ отъ рода въ родъ благимъ взоромъ податель и безсмертная слава; сокровища же своя богато дарованная на небесѣхъ съкрыти не пощадѣ, по реченному: идѣже будутъ сокровища ваша, ту будутъ и сердца ваша (Матѳ. гл. 6, зач. 17). Но подавая доволно на дѣланіе богодухновеннаго писанія, желающе бога благаго благодатію всѣмъ человѣкомъ спастися и въ познаніе истины пріити, благочестивую славу о Отцы и Сынѣ и святомъ Дусѣ приложити, понудилъ еси насъ недостойныхъ, выше нашея мѣры, на сіе дѣло. Азъ же есмъ человѣкъ грѣшенъ и немощенъ, бояхся начати таковая, занеже убо тѣсное разума и недоумѣтелное языка моего свѣдый, яже выше силы моея начати и немощная дерзнути, яко нѣкій бестуденъ и дерзостивъ, уготованныя иже сице дерзающимъ смотряя бѣды. Но съуза ради духовныя любве, наипаче же убояхся реченнаго съкрывшему талантъ (Матѳ. гл. 25, зач. 110), устремихся неразсуднымъ помышленіемъ вашего благочестія повелѣніе сътворити. Богу пособствующу, убѣдихомся на сіе: недоволни бо есмы о себѣ помыслити что, яко отъ себе, но доволство наше отъ Бога. Сего ради начахъ сію святую книгу Новаго Завѣта, въ нейже напреди начало Псалмы Давида пророка, въ нихъ же бесѣдуетъ: о высокомъ божествѣ вседержителя Бога, и о въчеловѣченіи единороднаго сына его, Господа нашего Іисуса Христа, и о его страданіи, въскресеніи, вьзнесеніи на небеса и второмъ пришествіи на судъ, и о възданіи благаго и злаго, и о благодѣяніи Божіи, и его прехвалномъ пѣніи, яже ему Давидъ въспѣтъ. По семъ же четыри благовѣстія, еже бесѣдуютъ: о божествѣ Христовѣ, и о его въчеловѣченіи, и рождествѣ, и страданіи, и въстаніи отъ мертвыхъ, и възнесеніи на небеса, о второмъ пришествіи его на судъ, и о житіи его, и чудесѣхъ, и учителствѣ, яже онъ на земли сътвори. Таже Дѣянія апостольская, и Посланія соборная, и посланія святого апостола Павла, въ нихъ же насъ учитъ и даетъ образъ житія и хранитися въ вѣрѣ по образу Христову. На концы же всѣхъ сихъ Апокалипсисъ блаженнаго Іоанна Ѳеолога, въ немъ же есть сокровенныхъ таинъ откровеніе, яже ему ангеломъ Божіимъ откровенно бѣ: о скорбѣхъ и многоразличныхъ уничиженіихъ, еже прежде церкви пострада и нынѣ еще страждетъ; яко и въ придущее постраждетъ въ семъ мірѣ, наипаче же въ время Антихристово; и о възданіи, яже она паки отъ Бога въсприяти имать съ славою. И прочая симъ послѣдованна съчитаются, елика ко взысканію иже по Бозѣ жизни, повелѣніемъ вашего благочестія, совокупихъ въ едину сію вещъ, яко да исполнится въ васъ, еже отъ Апостола реченное: сія предаждь вѣрнымъ человѣкомъ, иже доволни будутъ и иныхъ научити (2 Тим. гл. 2, зач. 292). Тѣмже молимъ вы, съ всякимъ смиреніемъ, о благочестивый Княже, да воспріимеши сіе рукодѣліе наше отъ насъ боголюбезно, яко прьвый овощь отъ дому печатнаго своего, Острозскаго, въздающи хвалу всѣмъ благимъ сдѣтелю Богу, яко да сподобитъ, благодатію своею, и сіе желаемое бытійское дѣло, еже начахомъ, съвершити, въ честь и хвалу имени своего святого, въ утверженіе церкви Христовы и въ насажденіе всему народу Рускому, вашему же княжацкому благочестію, съ благодарными ти чады, въ вѣчное благословеніе“.

—

Хотя „первый овощъ“, по времени выхода (разница — въ двухъ-трехъ мѣсяцахъ) изъ-подъ Острожскаго печатнаго станка, есть „Новый Завѣтъ съ Псалтирью“, но „первѣе“ этого овоща Иванъ Ѳедоровъ приступилъ къ набору знаменитой „Острожской Библіи“, вышедшей въ томъ же 1580-мъ году [38]). Основаніемъ для нея послужила

[38]) На рисункѣ помѣщенъ заглавный листъ съ 1581-мъ годомъ, такъ какъ извѣстные доселѣ экземпляры, даже съ выходомъ 1580-года, имѣютъ на заглавномъ листѣ 1581-й годъ. Но считать простую перемѣну года (вм. 1580-го—1581-й) на заглавномъ листѣ и перепечатку одного *только выхода* (двѣ послѣднихъ страницы) за два разныя изданія, причемъ весь громаднѣйшій томъ въ 1254 страницы (отсюда исключены помянутыя выше двѣ) остался нетронутымъ,—мы не имѣемъ ни права, ни основанія. Поэтому годъ *истиннаго* выхода «Острожской Библіи»—1580-й—долженъ быть сохраненъ.

Славянская рукопись, переведенная съ Греческаго. «еще за великаго Владиміра, крестившаго землю Рускую". Рукопись эта, выпрошенная Михаиломъ Гарабурдою у Іоанна Грознаго, была привезена изъ Москвы въ Острогъ около 1570 года [39]). Сейчасъ же было приступлено къ сличенію и «правленію" этой рукописи съ другими списками на языкахъ Греческомъ, Латинскомъ, Церковно-Славянскомъ, Чешскомъ и Польскомъ. Когда редакція текста Острожской Библіи стала подходить къ концу, былъ вызванъ [40]) изъ Львова, около конца 1574 г., Иванъ Өедоровъ, для устроенія въ Острогѣ типографіи. Такимъ образомъ, можно предположить, что Острожская Библія набиралась и печаталась около пяти лѣтъ (1575—1580). Куда дѣвалась рукопись „временъ Владиміра", привезенная изъ Москвы и положенная въ основу текста „Острожской Библіи", неизвѣстно; вѣроятно, она погибла въ одинъ изъ пожаровъ, не разъ посѣщавшихъ цѣлый Острогъ. Во всякомъ случаѣ, текстъ знаменитой „Острожской Библіи" достоинъ серьезнаго изслѣдованія, въ сравненіи со вторымъ ея изданіемъ [42]) и дальнѣйшими двумя [43]) исправленіями, причемъ должны быть взяты во вниманіе печатныя Чешскія и Польскія („лятскія", какъ ихъ называетъ князь Острожскій) Библіи, вышедшія до 1580 года [43]).

[39]) Максимовичъ, «Книжн. Старина», стр. 5—6.

[40]) См. выше, стр. 143.

[41]) Въ Москвѣ, 1663 года, при Алексѣѣ Михайловичѣ. Библія эта, слывущая подъ именемъ *Московской первопечатной*, представляетъ дословную перепечатку Острожской Библіи, съ исправленіемъ орѳографіи нѣкоторыхъ именъ и реченій, а также погрѣшностей, которыми Острожская Библія не бѣдна.

[42]) Первое полное изданіе Великорусской Библіи (см. выше, въ предъидущемъ примѣчаніи) было *повторено* съ исправленіями при Елизаветѣ (такъ называемая «Елизаветинская Библія») въ Петербургѣ, въ 1751-мъ году, и издано «*третьимъ* тисненіемъ» въ Москвѣ (1753 года).

[43]) Конечно, для полноты, слѣдуетъ взять Греческую и Латинскую библіи, бывшія подъ руками Острожскихъ ученыхъ. Не мало сравнительнаго матеріала для такого труда можно найти въ Московской Синодальной Библіотекѣ (см. «Описаніе» Горскаго и Невоструева, 5 книгъ).

На оборотѣ заглавнаго листа „Острожской Библіи" 1580 года напечатаны петитомъ стихи, въ одинъ и въ два столбца окружающіе гербъ князей Острожскихъ, сходный съ такимъ же въ „Псалтири и Новомъ Завѣтѣ". Въ самомъ верху помѣщенъ слѣдующій столбецъ стиховъ:

Зри сія знаменія княжате славнаго,
 ихже съдръжитъ домъ его отъ вѣка давнаго.
И разумѣй яко не туне, и не безъ причины,
 о чомъ властнѣй и ширѣи повѣсть ти кто иныи.
Δ Но яко достоинъ дѣлатель своея заплаты,
 нещадяще здравія никоея утраты.
Крѣпко побѣждалъ различныхъ съпостатъ полки,
 и разгонялъ скор оны [44]) драпѣжныя волки.
 И еще можетъ,
 аще богъ поможетъ.

Затѣмъ стихи идутъ въ два столбца. Столбецъ первый:

Въоруженъ воинъ змія поправъ мужественно,
 копіемъ сего посредѣ проньзе явественно.
Яко древняго враждебника человѣческаго рода,
 понеже злому зъ добрымъ не бываетъ згода.
Δ Боди съ княземъ избранныи мысльнаго сопостата,
 сего бо побѣждающимъ вѣчная заплата.
І инымъ подаваи сіе непобѣдимо оружіе,
 острѣишее меча обоюдуостра слово божіе.
 Во время рати,
 потреба дбати.

Второй столбецъ:

Вторыи воинъ храбростію пръвому подобныи,
 токмо оружіемъ отмѣненъ и то поселъ гробныи.
Мечь бо обнаженъ въ десницы имѣа острыи обоюду
 имже крѣпціи на враги пріемлютъ побѣду.
Δ Отсѣкаи константине мракъ идолскія лести,
 хощетъ бо богъ всѣмъ человѣкомъ ся спасти.
И отгоняи еретиковъ полки умовредныя,
 пріидоша бо въ миръ волки нещадныя.
 Иже несвыше щепится,
 сіе скоренится.

Послѣ этого въ срединѣ помѣщенъ гербъ, а подъ нимъ опять два столбца. Столбецъ первый:

Въсіяла звѣзда ясно отъ востока,
 послѣдуя пръвои възвѣщенои отъ пророка.
И приводитъ отъ пръсиды трехъ цареи съ дары,
 поклонитися съ вѣрою цареви надъ цары.
Δ Твоя звѣзда нынѣ томуже послѣдуе цареви,
 хотя всѣхъ сътворити жителя раеви.
И убываетъ луна ветхаго завѣта,
 сіяетъ бо солнце неприступнаго свѣта.
 Въ немже ходя не поткнется,
 но паче спасется.

[44]) sic; с Короны?

Столбецъ второй:

Спасеніе христосъ богъ съдѣя посредѣ земля,
на крестѣ руцѣ простръ всѣхъ къ себѣ пріемля.
На немже рукописаніе грѣхъ нашихъ растерзавъ,
изъ ветхаго человѣка нетлѣнно новаго создавъ.
Δ И ты крестное знаменіе не туне носиши,
великому константину имъ ся подобиши.
Онъ бо на небеси сіе видѣвъ побѣдилъ съпостаты,
ты же побѣждаи еретикъ и бѣсовъ тристаты.
Крестъ бо похвала царемъ,
бѣсомъ же незносныи яремъ.

Наконецъ въ заключеніе стихи идутъ въ одинъ столбецъ:

Великоя глубины богослова княже съименныи,
да сподобитъ тя господь богъ вѣнецъ пріяти нетленныи.
Въ здравіи же телеснѣмъ благообразно долгодньствовати,
и въ царствіи небесномъ съ избранными радостно ликоствовати.
Δ Яко всѣмъ почину представилъ еси божественное писаніе,
истиннаго бога и правды его, въ похвалу и познаніе.
Да всякъ читаяй боголѣпно благодаритъ създателя,
и да забываетъ достоина мзды своея дѣлателя.
Иже благую часть избираетъ,
отъ него ся не отъимаетъ.

—

Кромѣ заглавнаго листа и заставки изъ „Острожской Библіи“ 1580-го года, Иванъ Ѳедоровъ издалъ въ 1581 году „Хронологію Андрея Рымши“ и затѣмъ удалился опять во Львовъ [45]). Уже безъ него и послѣ его кончины, вышла въ Острогѣ, около 1584 года, книжка „О крестномъ знаменіи“ Максима Грека, „за выдаткомъ або накладомъ на то велебного его милости епископа Луцъкого и Острозского отца Кирила Терълецкого“. Эти строки, помѣщенныя на 18-мъ рисункѣ, напоминаютъ Виленскій шрифтъ Литовскаго Статута [46]).

—

Наконецъ, послѣдній снимокъ на 18-мъ рисункѣ, о которомъ мы должны теперь говорить, есть заглавный листъ „Апокрисиса“, знаменитаго полемическаго [47]) православнаго сочиненія, напечатаннаго въ Вильнѣ [48]), въ 1598—1599 [49]) годахъ. Объ „Апокрисисѣ“ хотя писали и много, но крайне отрывочно [50]). Только въ послѣднее время, это важное сочиненіе, стоящее во главѣ полемической Западно-Русской литературы, обратило на себя достодолжное вниманіе. Ко дню юбилея Кіевской Духовной Академіи мѣстные ученые издали „Апокрисисъ“ въ переводѣ на современный Русскій языкъ, съ предисловіемъ, приложеніями и примѣчаніями. Объ этомъ трудѣ мы дали въ свое время отзывъ [51]). Наконецъ, въ прошломъ году появилось изслѣдованіе г. Скабалановича [52]). Прибавленіе къ его труду, заключающее въ себѣ вставки, пропуски и дру-

[45]) См. выше, стр. 143.

[46]) См. выше, стр. 149—150.

[47]) «Апокрисисъ» писанъ противъ извѣстнаго сочиненія Петра Скарги „Synod Brzeski i jego obrona“ (Краковъ, 1597, 4°). Второе изданіе, дополненное kazaniami, распалось на двѣ половины и вышло: *Synod*—въ 1610 году, и *Obrona*—въ 1738 году. Въ новѣйшее время, именно въ 1870 году, „Synod Brzeski“ перепечатанъ въ Кіевѣ съ изданія 1738, причемъ издатели упоминаютъ еще объ изданіи 1787 года (стр. X). По свидѣтельству Антиррисиса, это сочиненіе Петра Скарги издано въ томъ же (1597) году и на Русскомъ языкѣ. Вишневскій, въ видѣ догадки (Hist. lit. polsk., VIII стр. 293), указываетъ на „Оборону Берестейского собора“, упоминаемую русскими библіографами (Сопиковъ, I, № 736. Сахаровъ, стр. 29 — 30, № 95, Кеппенъ, № 284, Бантышъ-Каменскій, Истор. изв. объ уніи, стр. 52, Стебельскій, Dwa wielkie swiatła). По мѣсту изданія, „Оборона“ приписывается Вильнѣ.

[48]) Доказательства приведены въ нашей статьѣ („Виленскій Вѣстникъ“ 1871 года, № 1). Оспорить ихъ пытались покойный Максимовичъ и г. Скабалановичъ.

[49]) На рисункѣ, отпечатанномъ до появленія въ свѣтъ изслѣдованія г. Скабалановича, проставленъ 1597 годъ, который и значится въ самой книгѣ, переведенной на Западно-Русское нарѣчіе съ Польскаго оригинала „Апокрисиса“, отпечатаннаго въ Вильнѣ, дѣйствительно, въ 1597 году. Но г. Скабалановичемъ (стр. 21—24) доказано, и не безосновательно, что Западно-Русскій переводъ „Апокрисиса“ могъ выйти не ранѣе іюня 1598 года и не позже апрѣля 1599 года.

[50]) Коротенькій перечень см. въ „Очеркѣ“ Ундольскаго, столб. 21, № 132. Дополнимъ указаніемъ на Сахарова (№ 105 стр. 35 и 36) и Іохера (III, 355, № 7990; 553, № 9451; срав. съ № 9450).

[51]) „Виленскій Вѣстникъ“ 1871 года, № 1.

[52]) Не касаясь богословской стороны этого изслѣдованія, мы должны замѣтить, что г. Скабалановичъ представилъ весьма обстоятельное библіографическое обслѣдованіе и сравненіе Польскаго оригинала, Западно-Русскаго перевода и современнаго намъ, Кіевскаго.

другія измѣненія оригинальнаго текста въ Западно-Русскомъ и новѣйшемъ Кіевскомъ переводахъ „Апокрисиса", окончательно убѣждаетъ и обращаетъ вниманіе археографовъ на необходимость вообще переизданія Западно-Русской полемической литературы, и особенно — „Апокрисиса", его польскаго оригинала, съ древнимъ Западно-Русскимъ переводомъ насупротивъ и съ словаремъ. Всѣ же эти современно-русскіе переводы и изданія, въ родѣ Кіевскаго, не достигаютъ цѣли и потому едва ли особенно полезны.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

*) СОБОРЪ,

в Бгоспсаемомъ граде Віл҄ьни, бывшій.

Іѡсифъ, мл҃тію Бж҃іею и Пр҃чтое его Мт҃ре, Архіеп҃пъ Митрополітъ ѿ Ст҃ѣйшое Митрополіи Кіевъское, и всеѧ Роуси.

Всѧко дааніе бл҃го, и въсѧкъ даръ **) съвръшенъ свыше исходѧ ѿ Оц҃а свѣтомъ. Пребл҃гый Бъ҃ нашъ иже всѧ творитъ промышлениемъ нашомꙋ сп҃нію. И по невѣдѡмымъ сꙋдбамъ его и по всемоу оустроенію, и оухищренію Престго его и Пр҃чтаго Дх҃а. Все въ оустроеннꙋю вещъ оуводѧ, достѡйнымъ и дарѡваннымъ его силы Ст҃льскиѧ. Ꙗкоже надежꙋ имамы еже къ намъ реченное ѿ Ст҃лѧ нашего Ба҃: Дръзайте азъ победихъ міръ. Бг҃ꙋ тако изволившꙋ, достиже до мене нн҃ѣ тотъ Пр҃тлъ, имоуща Пастырѧ и оучителѧ, Бг҃оспсаемое Митрополіи Кіевъское и всеѧ Роуси. Вънь же днь҃ Ꙗ недостойный въспріахъ Пасти Цр҃ковь Бж҃ію. Пррѡческимъ послѣдоующе гл҃ѡмъ, Ап҃лкимъ же повиноующеся оученіемъ, и Ст҃ыхъ Оц҃ъ зръженіемъ. Повиновеніе имамы, всѧкѡ преслꙋшаніе и престѫпленіе Закона нашое Православное Вѣры Хр҃тіанское ѿтсѣкати. оутвержати же, и исправлѧти по древнемоу ѡбычаю Бж҃твенныѧ Цр҃кви Оуставы. Нн҃ѣ оубо мнѡга видѣхъ виденіемъ, и слышахъ слышаніемъ, не исправленіе и безъчиніе свѧщенническое: Ово вѣданіемъ, ово же невѣданіемъ: Тѣмъ же иже невѣданіемъ, прѡчее Бг҃ъ да съхранитъ, а грѣхъ да проститъ. А еже вѣданіемъ, и до насъ достиже, и преже насъ, и при насъ бѣ. Подобаетъ намъ тое исправлѧти и ѡчищати по Правиломъ Ст҃ыхъ. Ꙗкоже Вселеньскій Оучитель Павелъ гл҃етъ: Истиннꙋ гл҃ю ѡ Хр҃тѣ не лжоу, спослꙋшествоующи ми съвѣсти моей Дх҃омъ Ст҃ымъ. Ꙗко скръбь ми естъ велика, и не престающаѧ болѣзнь ср҃цꙋ моемꙋ. И намъ Дх҃ѡвнымъ ревноующи Ап҃лꙋ Павлꙋ, годно всегды

*) Эта рѣдчайшая и важная по содержанію своему старопечатная брошюра печатается дословно, буква въ букву. См. выше, стр. 151.

**) Всѣ слова, начинающіяся съ звука *с* и *о*, изображены буквою, по величинѣ среднею (см. рисунокъ 17-й) между прописною и строчною. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ справщикъ ставилъ прописное *С* и *О*, и у насъ стоитъ также. Равнымъ образомъ встрѣчаются и два различныхъ строчныхъ ъ (см. рисунокъ 16-й). *Т*, съ одною и тремя палочками, и у насъ выдержано, а также и *г*, стоящая, вѣроятно, по ошибкѣ вмѣсто *у*. Омега (ѡ и ѿ) также различаются.

скръбѣти и болѣти ѡ справахъ Цркѡвныхъ, абыхмѡ держали по правилѡмъ стыхъ. Ꙗкоже тᲂйже Апⷧ҇ъ пишетъ: Бѡдръствоуйте, стѡйте въ Вѣрѣ, мѫжайтеса, оутвръждайтеса, вса вамъ съ любовію да бываѫтъ. Хс Бгъ да просвѣтитъ и вразоумитъ насъ, никакоже Ѡтеческыа запѡвѣди престѫпати намъ: Ѡставльше Бжіа Правила, самовольномоу оученію послѣдовати, ꙗкоже сице оумнѡжиса нинѣ в насъ. Кый оубо прибытокъ собѣ наслѣдовахѡмъ за преоумноженіе грѣхъ нашихъ; не разсѣа ли насъ Бгъ по лицоу всеа землѧ; плѣненіемъ пѡганыхъ разведени сѫтъ сынѡве и дъщери наши, въ мнѡгыа страны помѡрьскыа. не взѧты ли быша грады наши; не падѡша ли силніи Кнѧзи наши Ѡстріемъ меча; не запоустѣша ли стыа Бжіа Цркви; нетѡмими ли есмѡ на всѧкъ день ѿ безбѡжныхъ пѡганыхъ Агарѧнъ; сиа вса бываютъ намъ, понеже не по Правилѡмъ Стыхъ Апⷧ҇ъ, и не по запѡвѣдемъ Стыхъ и Прпбыхъ Ѡцъ нашихъ хѡдимъ.

Сего ради МЫ Млтію Бжіею Іѡсифъ Архіепкпъ Митрополітъ Кіевъскій, и всеа Роуси. И съ прпбными Епкпы Бгоспасаемыхъ градѡвъ:

Волѡдімерьскій и Берестейскій, Васіанъ*).

Смѡленьскій, Варсонѡфей.

Лоуцкій и Острѡзъскій, Кvріллъ.

Полѡцкій и Вітебъскій, Еvѳvмей.

Тоурѡвъскій и Піньскій, Арсеній.

Перемышльскій, Антѡней.

Хѡлмъскій, Ѳіларетъ.

И Прчтныхъ Ѡбителей Архімандріти:

Печерское Кіевское Великое Лавры, Іѡна.

Прчтое Бгомтри Блговещеніа, Патріаршеское Обители Игоуменъ, Паѳнотей.

Трѡецкій, Изосима.

Лаврашевъскій, Арсеней.

Трѡецкій, исъ Слоуцка, Іѡсифъ.

з Мѣньска, Възнесеньскій, Сергей.

Стго Міхаила, Горѡдецкій с Полѡцка, Антѡней.

И чтніи Игоумени:

Трѡцкій, Прчтое Бгмтри, Сімѡнъ.

исъ Смоленьска, Стго Дха, Аѳанасей.

с Полѡцка, Стго Іѡанна, на Острове, Еvѳvмей. а Стго Петра Алексей.

з Гольшанъ, Стго Нікoлы, Іѡна.

з Лоска, Стго Нікoлы, Геронтей.

И Бгобоазниви Сщенници:

Протопѡпъ Віленьскій, Матѳей.

Протопѡпъ Нѡвгородьскій, Іаковъ.

Протопѡпъ Гѡроденьскій, Антvпа.

Протопѡпъ Слоуцкій, Ѳеодѡръ.

Протопѡпъ Маркѡвьскій, Лоукіанъ.

Протопѡпъ Слѡнимьскій, Козма.

Протопѡпъ Волкѡвыйскій, Ѳеодѡръ.

И съ инѣми тоу бѫдоущими чтными Сщенники Съборъ вчинихѡмъ оу Бгоспасаемомъ Градѣ Вильни. При държавѣ Господарѧ Великого Королѧ Жикгимонта. Въ Лѣто ҂з҃, з҃і. Мѣсѧца Декемвріа, Два-десѧть пѧтого *). ѿ Ржтвѣ Хвѣ. Індікта, Три-на-десѧтого. ѡ Цркѡвныхъ вещехъ, и ѡ исправленіи дѣлъ дхѡвныхъ.

Ѡ СТАДѢ ПАСТЫРЬСТВА ХВЫХЪ СЛѠВЕСНЫХЪ ѠВЕЦЪ.

НАпрьвѣй обысканіе вчинихомъ, ѡ стадѣ Пастырьства нашого, еже не по закоnоу нашомоу Греческомоу хѡдѧщихъ, и Отеческаго преданіа презираюшихъ, и

*) Для именъ собственныхъ мы сдѣлали отступленіе и набрали ихъ съ разрядкою, чего въ подлинникѣ нѣтъ.

*) На полѣ проставлено кє.

за́повѣди престꙋпа́ющихъ: Ꙗ҆́коже нѣцыи въ на́шомъ зако́нѣ сла́вы ра́ди мі́рскыꙗ и҆ власте́льства, є҆ще жи́вꙋ соу́щꙋ є҆п҃кпоу и҆ здра́воу. пре́жде преставле́нїа є҆го̀ на то́е є҆п҃кпство подкꙋпа́ютсѧ и҆ бероу́тъ безъ свѣта и҆ во́ли Митропо́лїи и҆ є҆п҃кпѡвъ. И҆ бе҆з ѡ҆смотре́нїа и҆ събра́нїа Кнѧзей и҆ Панѡ́въ на́шого Зако́нꙋ Гре́ческого. такѡ́вымъ по̀ Пра́вилꙿному преда́нїю завѣща́емъ и҆ възбранѧ́емъ по́дъ живы́ми є҆п҃ко-пы, и҆ А҆рхїманьдрі́ты, и҆ с҃ще́нникы, не подкоупа́тисѧ никѡ́мꙋ на Бж҃тве́ныѧ Пр҃тлы, безъ свѣта во́ли Митропо́лїего. Ꙗ҆́коже и҆з̾ нача́ла на́ша съборнаѧ Вели́каѧ Црк҃овъ, Прмдрость Бж҃їа, Ст҃аѧ Софі́а, предръжитъ. А҆́ще ли хто само-во́лїемъ свои́мъ на тако́вое дѣ́ло дрꙿзнетъ: А҆рхїманьдрі́тъ, и҆ли И҆гоу́менъ, и҆ли̇̀ Свѧ-ще́нникъ, и҆ли̇̀ Мі́рскїй человѣкъ: Такѡ́вїи да̀ въсприймꙋтъ на̀ сѧ неблагослове́нїе, и҆ Црко́вное ѿлꙋче́нїе, доне́лѣже пока́жꙋтсѧ и҆ преста́нꙋтъ. А҆́ще ли ни, тогда̀ понесоу́тъ клѧ́твꙋ. К си́мъ же є҆ще такѡ́выхъ на̀ є҆пі́скопство, и҆ на всѧ́кїй с҃ще́ннический са́нъ, никако́же непоставлѧ́ти на́мъ. А҆́ще ли хтѡ з̾ на́съ є҆пі́скоповъ въсхо́щетъ дрꙿзноу́ти тако́вого безꙿчи́нника съврꙿша́ти оу̾ с҃ще́нство, то́тъ са́мъ своего са́на лише́нъ бꙋдетъ:-

ѡ҆ ставле́нїи попѡвъ.

А҆́ ѿ ста́вленики оу̾ с҃ще́нство, ѡ҆ то́мъ за́повѣдь пѡкладаемъ. А҆рхїе҆п҃кпоу и҆ є҆п҃кпомъ с̾ чюжихъ є҆п҃кпей Дьѧкѡвъ безъ повеле́ное Гра́моты є҆го̀ є҆п҃па, на с҃щенство и҆хъ никако́же не ста́вити: и҆ ѿпоуст'ныхъ ли́стѡвъ оу̾ ста́вленыѧ ли́сты не пи-са́ти на́мъ. ѿпоу́стныѧ ли́сты не писа́ти ѡ҆со́бно, достѡйнымъ Ї҆ере́йства, по̀ дре́внемꙋ ѡ҆бы́чаю:-

ѡ҆ поставле́нїи достѡйныхъ оу̾ с҃щенꙿство.

ѡ҆ Поставле́нїи є҆п҃кпѡвъ, и҆ с҃ще́нникѡвъ, достѡ́йныхъ въ с҃ще́нꙿствоу. съ ѡ҆быска́нїемъ ви́нъ по̀ свѣдительствоу и҆ по̀ поржче́нїю ѿца̀ дꙋхо́вного, а҆́ще бꙋдетъ чи́стъ ѿ всѣхъ ви́нъ недостѡ́йныхъ. тако́го на́мъ, и҆ по на́съ бꙋдꙋчимъ є҆п҃кпомъ, ста́вити оу̾ є҆п҃кпы, и҆ въ всѧ́кїй сте́пень с҃ще́нꙿства. а҆ не достѡ́йныхъ никако́же не ста́вити: а҆́ще и҆ Господа́ръ присыла́ти бꙋдетъ за̀ недостѡ́йнымъ, на́мъ всѣмъ з̾ Митрополі́томъ до̀ Господаръ пойти̇̀, и҆ не достоинство того̀ ѡ҆бꙗви́ти, и҆ *) никако́же дрꙿзноу́ти и҆ма́мы є҆го̀ поста́вити:-

ѡ҆ оутае́ннѣй съвѣсти.

А҆́ще ли кото́рый є҆пі́скопъ и҆ли Свѧще́нникъ, оутаивъ свою̀ съвѣсть ви́нноую ѿ ѿца̀ своего дꙋхо́вного. въспрі́иметъ ст҃льство, и҆ли̇̀ с҃ще́нꙿство, напото́мъ тако́вого ѡ҆бличи́вши ѿлꙋчи́ти ѿ Бж҃ествѐнное слоу́жбы.

ѡ҆ непослоу́шникѡхъ.

Та́коже и҆ ѡ҆ непослоу́шникѡхъ. нѣкото-рыи непослоу́шници оу̾ста́вы зако́на, свѧще́нници и҆ мі́рскїи лю́дие, въпа́дши въ нѣкоторыи дꙋхо́вныи ве́щи. ѿ своего А҆рхїе҆п҃кпа и҆ли̇̀ є҆п҃кпа. въ неблагослове́нїи Црко́вномъ бꙋда̀. ѿхѡдѧтъ въ и҆́ныи є҆п҃кпїи и҆ та́мо с҃щенꙿствоу́ютъ, и҆ блве́нїе

*) На полѣ *рукописная* киноварью замѣтка: и҆́но, Но҃ка: л҃: 54. Замѣчательно, что какъ эта, такъ и нижеслѣдующая, болѣе длинная, *рукописныя* замѣтки принадлежатъ, по почерку, *къ концу XVI-го* или *къ самымъ первымъ годамъ XVII-го* столѣтія. Вопросъ этотъ для опредѣленія года старопечатной брошюры, немаловаженъ.

прие́млютъ. Инѐ ѡ такѡвыхъ за́повѣдь на́шꙋ покладаѐмъ по Правиломъ, въ Митропо́лїи и по всѣмъ Єпкѡпїамъ. такѡвыхъ възыскива́ти и ѡсмотрѧ́ти. и без єго̀ Єпкпа вѣда́нїа никакоже дръзноути єго̀ благослови́ти и до Црквей Бжїихъ пꙋсти́ти. А Свѧще́нника безъ ѿпоустное Грамоты єго̀ Єпкпа ни ѡдномꙋ з' на́съ оу свой предѣлъ нѐпрїйма́ти. а Гра́мота ѿпоу́стнаа ма́єтъ быти изъꙗвлена ѿ писа́нїа да́ты Листа, и прехоже́нїи єго̀ Мѣсѧць, чѡтыри Недѣли. А тоую ѿпоу́стнꙋю Гра́мотоу ма́єтъ Єпкпъ в' се́бе захова́ти. А єсли томоу̀ свѧще́никꙋ не сподоба́єтъсѧ оу єго̀ предѣле жи́ти. тогды̀ вжѐ то́тъ Єпкпъ, ма́єтъ свю̀ Гра́мотꙋ ѿпоу́стнꙋю ємоу̀ да́ти въ иный предѣлъ.

ѡ Пѡпехъ неимоущи́ жёнъ *).

Та́кожде съвъкоу́пльшесѧ єдиноо́умно и єдинодоу́шно, ѡ се́мъ смотрѣхѡмъ. ѡ Їере́ѡхъ мі́рьскихъ слꙋжи́телехъ Црквѡвныхъ, што не имѫ́щїе зако́нна бра́ка свѧщенъствоу́ѫтъ, а нѣкотѡ́рїи и налѡ́жници ма́ѫт. Инѐ по Пра́вилномꙋ завѣща́нїю Вселе́ньского Ше́стого Сѡбѡ́ра, повелѣва́єтъ Дїа́кѡнов и Сщ҃е́нникꙋ цѣлꙋ быти съжи́тїю зако́нномꙋ бра́кꙋ. Аще ли же ни, такѡ́вїи да̀ не Свѧщенъствоу́ѫтъ. Всѧкїй жѐ Свѧще́нникъ прилѣплѧ́ѧсѧ дроу́гой женѣ, или нало́жници, да̀ оу́жѐ не свѧщенъствоу́єтъ. и Стый Васі́лей Кесарі́йскїй ѡ то́мъже свѣдительствоу́єтъ: Съвъкꙋплѧ́асѧ не съ зако́нною жено́ю, да̀ не Сщ҃енъствоу́єтъ. и ина мнѡ́га Пра́вила ѡ то́мъ възбрани́шѧ. А и Црьскїи за́пѡвѣди повелѣва́ѫтъ: Аще Свѧще́нникъ не имаєтъ жены̀ своєє зако́нного бра́ка, Стлю подоба́єтъ тако́вого ѿ са́на ѿлѫчити. и въ мі́рьскїа лю́ди оу́вестѝ. Ꙗкоже и нн҃ѣ Вселе́ньскаа Великаа Кѡнстантїнопо́лскаа Црквъ держи́тъ. Всѝ та́мо сѫщїи Сщ҃е́нници неимоу́щє же́нъ не Сщ҃енъствоу́ѫтъ. Или въ Мни́шескїи чи́нъ да̀ идоу́т, и тогда̀ Сщ҃енъствоу́ѫтъ. Аще ли ни, тогда̀ къ про́стой ча́ди причита́ѫтъсѧ. Сице жѐ и по̀ иным странамъ на́шого Правосла́вного Хртїанъства съдръжатъ, Мы жѐ невѣмы ѿкѫ́дꙋ сі́а гнилость и смра́дъ въ на́съ ѡбрѣте́сѧ. За̀ таково́є жѐ велико́є прегрѣше́нїє, Хс Бгъ на́шъ ка́зни попꙋща́єтъ на на́съ, нака́зꙋючи на́съ да̀ бы́хѡмъ богомръ́зъское слоуже́нїє ѿ Цркви ѿриноу́ли. Просте́цъ съгрѣши́въ, за̀ свою̀ доу́шꙋ то́кмо ѿвѣтъ да́сть Бгоу: а По́пъ съгрѣши́въ, мнѡ́ги съблазни́тъ чловѣ́ки. Мы жѐ послѣдоу́юще Аплъскомꙋ оу́че́нїю, и за́пѡвѣдем Стыхъ Ѡцъ, Попѡ́мъ и Дїа́кѡнѡмъ не имоу́щимъ же́нъ своихъ, не пѡвелѣва́ємъ Свѧщенъствова́ти. въ все́мъ предѣлѣ Митрополїи Кі́євъское, и Га́лицкое, и все́ѧ Роу́си. Лоу́че *) бо єди́нъ слоужа̀ Бжестве́ннꙋю Слоу́жбꙋ, не́же ли ти́сѧща безакѡ́нникъ. Аще ли Митрополі́тъ, или кото́рїй Єпі́скопъ з на́съ, и по на́съ бѫдꙋчїй, хотѣли бы сі́є на́ше

*) На полѣ 11-й и 12-й страницы оригинала, принадлежащаго Императорской Публичной Библіотекѣ, помѣщена слѣдующая *рукописная* (о почеркѣ см. выше, въ примѣчаніи) замѣтка: с Нико в словѣ лв послані свой. є ѿ сщенничества въ иноческое житїє прїти кому̀, Ктому̀ не даєсѧ єму̀ сщенство. ниже та же. Иноческаа бо ѡбѣщанїа повинованїа чин има, и оученичества, а не ꙋчительства и преседанїа ни паствити инѣхъ: но̀ пасѡми быти ѡбѣтоваюсѧ. ꙗкъ нижей таже с Нико и все сщенничества касати изꙗвлено бы: да и до самѣх Дїаконъ. и паки: ꙗ чин иноскї ѿлагає сщенство съвръшенѣ, єгда̀ є сщени и въ время стрижнїа съвлача є съвлачаща с прѡчїимъ ѡдѣанїє и сщенство и ꙗко нѣкоє осужденика влачіма и в мѣсто покаанїа входи. ѡбличає посредѣ въ грѣсѣх истѧза бы. Ка паки нѣсть съвръшенѣ непрїатно безгрѣшїа странꙋ, ꙗ никакож ѿню съгрѣши на сщенничество наскакати.

*) На полѣ рукописная замѣтка киноварью: Номокано, лист зг.

събωрное оустаεвланіε зроушити, и Свѧщенникωмъ не имоущимъ женъ дозволити свѧщенъствовати, таковый самъ своεго сана лишенъ бѫдетъ: а Гдиъ нашъ и Владыка Митрополітъ Кієвъскій, и всеѧ Роуси, Кvръ Іωсифъ, и по немъ бѫдꙋчіи, таковогo Епіскопа моцне маεтъ ѿ Пртла извреши. Аще ли Митрополітъ сіε оуставленіε наше престꙋпитъ, мы всѝ Епкпи съборнѣ съвъкоупльшесѧ, того маεмъ ѿ сана ѿлѫчити. Аще ли хто ѿ міръ̑нъ ѩвитъсѧ противѧсѧ и непокарѧѧсѧ семоу Правилꙋ, тіи събωрнѣ ѿ всѣхъ насъ ѿлꙋчени бѫдꙋтъ: Аще ли по пръвомъ и втωромъ наказаніи не покаѫтсѧ, тогда проклѧтію предани да бѫдꙋтъ.

Ѡ ѿнимании Црквей.

А ѿ Игоуменωвъ, и Сщенникωвъ, Црквей намъ не ѿнимати безъ винъ престѫпленіа запωвѣдныхъ, еже къ Херотоніи *) ωбъѩвленни сѫтъ. Аще ли свѧщенникъ начнетъ дωмъ свой держати в небреженіи безъчинно: или Црковное хвалы, Бжественное Слоужбы, не бѫдетъ полнити по Уставꙋ, или оупиватисѧ начнетъ. по Правилномꙋ завѣщанію в таковогo безъчинника маεмъ Црковъ ѿнѧти, и ѿлѫчити εго на времѧ: аще ли не престанетъ таковаго безъчиніа творѧ, тогды намъ събωрнѣ з нашимъ Крылосомъ **), съ Сщеннойнωки, и с Пωпы, таковомꙋ безъчинникоу не велѣти Сщенъствовати.

Ѡ Сщенникωхъ Кнѧзскихъ, и Паньскихъ.

А По которымъ мѣстωмъ Црквй нашого Православіа Паствы и Бвеніа. Кнѧзи и Панωве Сиωве нашого смѣреніа, подаѫтъ оу своихъ имѣньεхъ. Ино которого коли мы Сщенника къ которомꙋ Пртлꙋ съвръшимъ, або съвершеного бвимъ пѣти, и потвердимъ Листомъ нашимъ: оу того вже Сщенника Кнѧзѣ и Панωве, никако Црькви не маютъ ѿнѧти до εго живота безъ нашего вѣдома Стльского. А εсли которій свѧщенникъ вчомъ провинитъ, ино имъ тоую виноу оузънавити намъ своимъ писаніεмъ. а намъ съборнѣ того ωбыскати: и аще достоинъ бѫдетъ ѿлѫченіа, тогды мы маεмъ εго ѿ Цркви ѿдалити, и иномꙋ Црковъ подати нашимъ бвеніε: а Кнѧзεмъ, и Панωмъ самѣмъ оу Попωвъ Црквей не ѿнимати. Аще ли Кнѧзь, или Боѧринъ оу Сщенника Црковъ ωтоиметъ безъ εго вины, и безъ вѣданѧ Стльского. намъ к той церкви Сщенника дрꙋгого не давати, покисѧ томоу справедливость станетъ.

Ѡ Цръквахъ котωріи бѫдоутъ стоѧти безъ Сщенникωвъ, и безъ пѣтьѧ.

А Котωрый Кнѧзь или Боѧринъ оу своихъ имѣньεхъ Црковъ бѫдетъ держати, в небреженіи безъ Сщенника три Мѣсѧцѣ, Дванадцать Недѣль, ино намъ ѿ себе Попа к той Цркви послати длѧ хвалы Бжеи, и исправленіа вѣры Православныхъ Хртіанъ, живыхъ, и мртвыхъ:·

Аще Кнѧзь или Боѧринъ ѿ Церкви что ωтоиметъ.

Аще Кнѧзь или Боѧринъ ωтоиметъ Церковное имѣніε, или иное што Церковное Правомъ не зыскавши, или што бѫдетъ с Права к Цркви присѫжено, оу чіεмъ ли предѣле бѫди. намъ того Ли-

*) На полѣ и, т. е. *хи*ротоніи.

**) На полѣ клир, т. е. *клир*осомъ.

стомъ наши съ бл҃венїемъ оѡбосла́ти што-бы Црковное Црквї Бж҃їей ѿда́лъ и ѡ҆чистилъ. А҆ кото́рое дѣло бѫдетъ мѣти до̀ Церко́вного И҆мѣнья, и ѻ҆нъ неха́й Пра́вомъ поискива́е пере́дъ Митрополі́томъ. А҆ще ли Листа на́шого и҆ бл҃гвенїа не бѫдетъ послоу́шонъ, на́мъ на таково́го ѿлѫче́нїе Црковное посла́ти: А҆ще ли ко-то́рїи сынове на́шого смире́нїа, в҆ чїемъ ли предѣле бѫди, семоу̀ на́шомꙋ законо-положе́номꙋ оу҆ставꙋ противи́тисѧ оу҆ч-ноутъ, тїи ѿ всѣхъ на́съ сѫборне ѿлꙋ-чени да бѫдꙋтъ:·

Ѡ ѠЛѪЧЕНЇИ СА́НА.

А҆ Котѡ́рый Свѧще́нникъ по̀ повелѣнїю Кнѧзѧ, или Болѧрина, оу҆чне́тъ въ Црквї Свѧщенъствова́ти, безъ на́шого бл҃ве́нїа, тако́вый По́пъ по̀ Пра́виломъ, да̀ бѫдетъ чю́жь своего са́на.

Ѡ ѠХѠДѦЩИХЪ ЧЕРНЬЦѠХЪ.

Та́къже и҆ ѡ҆ Свѧщеннои́нѡцехъ, и҆ ѡ҆ Мни́хѡхъ, ре́кше, ѡ҆ Черньцѡ́хъ, котѡ́-рыи ѕ҆ Манастырей и҆схѡ́дѧтъ безъ во́ли и҆ ѿпоу́стное гра́мѡты И҆гоу́менъское, и҆но̀ и҆ ѡ҆ то́мъ за́повѣдь положи́хѡмъ. Свѧщѐн-нои́нѡци, и҆ Калоу́гери, Мни́си, ѕ҆ Ма-настырей свои́хъ безъ во́ли И҆гоу́менъ-ское никако́же да̀ не и҆схѡ́дѧтъ, и҆ безъ ѿпоу́стное Гра́моты е҆го̀ нигдѣ̀ и҆́хъ да̀ не прїима́ютъ, и҆ не свѧщенъствоу́ютъ безъ бл҃ве́нїа Ст҃льского:·

Ѡ БЖТВЕ́ННЫИ ПРА́ВИЛА.

Пра́вилъ Бж҃тве́нныхъ Мїрьскимъ лю-демъ не подоба́етъ в҆ се́бе держа́ти. зане́ же держа́ще и҆́хъ мїрьскїи лю́ди, нѣвкотѡ́рыхъ дѣлехъ зако́нъ презира́ютъ, и҆ Па́стырей своихъ преслꙋша́ютъсѧ: и҆но такѡвыи по Стомоу А҆плоу гл҃ющꙋ: Са́ми собѣ̀ зако́нъ быва́ютъ. Сице же мы̀ не повелѣва́емъ ѿ Мїрьскихъ людей Правилъ Бж҃твенныхъ никомꙋ в҆ се́бе мѣти: А҆ще ли хто̀ бѫдетъ и҆́хъ держа́ти. такѡвыи да̀ бѫдꙋтъ въ ѿлѫченїи Црквномъ, доне́лѣже и҆́хъ оста-вѧтъ:·

Ѡ НЕПОСЛꙊШЕ́НСТВѢ Е҆ПП-СКОМЪ.

Нѣкото́рыи Е҆пи́скопи не хотѧ́ще Вели-кой Бж҃ей Црквї повинова́тисѧ, и҆ послꙋ-ша́нїа къ не́й и҆мѣти, и҆ оу҆ оу҆твръжде́нїи Правосла́вныѧ Вѣри зако́на на́шего, с҆ на́ми въ е҆ди́но съвѣща́нїе на съвѡ́ръ зби-ра́тисѧ, и҆ ѡ҆ Па́ствинѣ своей Хв҃ыхъ слѡ-ве́сныхъ Ѡ҆вець попече́нїе и҆мѣти, и҆ мїрь-ски дѣи и҆ спра́вы на се́бе берꙋтъ, и҆ тыми дѣлы ѿмѡвлѧ́ютъсѧ. сице́вымъ же кро́мѣ нѣкото́рїа ве́ликїа ноу́жда, по̀ Пра-ви́льномоу завѣща́нїю и҆ преда́нїю заве-ща́емъ, безъ всѧ́кого прекослѡ́вїа на съвѡ́ръ въсѣмъ збира́тисѧ, по̀ Стмꙋ А҆плꙋ Па́влоу гл҃ющемꙋ: На што̀ е҆смы зва́ни, в҆ то́мъ да̀ пребыва́емъ. А҆ по̀ Прркꙋ гл҃ющемꙋ: Кръвь пѡги́бшихъ ѿ рꙋкъ Па́стырей взыщꙋ. А҆ще хтѡ мїрьскихъ ра́ди дѣлъ и҆ справъ ѿ свщ҃е́нныхъ съвѡ́ръ оу҆далѧ́тисѧ бѫдꙋтъ, и҆ Па́ствинꙋ свою̀ презира́ти, и҆ ѡ҆ не́й попече́нїа не и҆мѣти. мы̀ же ѡ҆ сице́выхъ да̀ бѫдемъ безъѿвѣт-ни пре́дъ Бг҃омъ. И҆ те́жъ на кото́рїи и҆ и҆́ныи дѣла ѡ҆ зако́нѣ на́шемъ разъсѫжда-лие́смо съ въсѣмъ на́шимъ Ѡ҆свщ҃е́нымъ Съвѡ́ромъ, кото́рїнжъ подъ ноу́ждею въ нн҃ѣшнѧѧ вре́мена на на́съ прихѡ́дѧтъ нѣ-котѡ́рїи развраще́нїа, и҆ ѿ зако́на на́шого престѫпле́нїа: И҆но̀ такѡвыи дѣла по̀ разъ-сѫжде́нїю да̀ справоу́ютъ Е҆пкпи, и҆ Вели-кала Бж҃їи Црквї по Ст҃ыхъ А҆плъ и҆ Бж҃тве́нныхъ Ѻ҆ць преда́нїю, съ всѧкимъ дръзнове́нїемъ непосты́днымъ:·

Ѿ ТВЕРДОСТИ ОУСТАВЛЕНІѦ.

Аще ли ѿ Господарѧ, или ѿ котѡрихъ Велмѡжъ, и Властелей, оу сихъ предъреченныхъ дѣлехъ, нами съборнѣ полѡженыхъ и записаныхъ, хотѧ въ единой изъ нихъ, до Митрополіта, или до Еп҃кпа присыланіе бѫдетъ, сію заповѣдь по Правилѡмъ ст҃ымъ нами оутвръженꙋю, хотѧ зроушити, и ихъ волю вчинити, намъ ни единомꙋ на то не дръзноути никакоже. Всѣмъ намъ зъѣхатисѧ до Митрополіта, безъ всѧкого вымовеньѧ и замешканьѧ, кажный подъ своимъ накладомъ и шкодою *). и ѡ томъ Господарю чоломъ бити, и непоколѣблемо стоѧти. абы Бг҃омъ и Ст҃ыми его Ап҃лы и Прп҃бными ѿц҃и, Правилы Ст҃ыми положеный и оутвръженый, Законъ нашое Православное Вѣры Хр҃тіанъское не былъ пороушонъ. Сиѧ же вся по Правилномꙋ завѣщанію. събѡрнѣ вси единооумно и единодоушно положихѡмъ, и записахомъ, и Печатьми нашими оутвръдихомъ. Ꙗко да сиѧ вся дѣла намъ и по насъ бѫдꙋчимъ Митрополітѡмъ, и Еп҃кпѡмъ, брещи, и дръжати намъ то непороушно. Аще ли хто з насъ или по насъ бѫдꙋчіи Пастыри Црк҃ѡвныи сію заповѣдь положонꙋю и оутвръженꙋю своимъ нерадѣніемъ, или скоупостію оусхѡтѧтъ престѫпити. и ѡ томъ непострадати, тіи да бѫдꙋтъ сана своего лишени:·

—

Писаны же бышѧ, сиѧ Правила Ос҃щенного Събѡра. оу Бг҃оспасаемомъ преславоущомъ Граде Вільни:· Лѣта текоущого, Седмое тысѧщи, седмѡенадесѧть. М҃ца Генвара, ı҃і, днѧ. Індиктіѡна, г҃і:·

—

Сѣй Събѡръ на Паргамінѣ Писмомъ стародавнымъ, ꙗкоже зде слово в слово имаши, естъ писанъ: оу него же Печатій завѣшеныхъ Осмъ, Митрополітова, и Епіскопъскые:~

—

СТ҃ГО СЪБѠРА ПОМѢСТНАГО ИЖЕ В САРДАКІИ, СИРѢЧЪ, В СРЕДЦИ.

Правило, в҃.

Аще кто таковъ ѡбрѧщетъсѧ неистовъ, или дръзъ, ꙗко ѿ таковѣ мнѣти *) комꙋ приноситъ **) ѿреченіе извѣстоующа ѿ мнѡжества себе приносити писаннѧ. Ꙗвѣ естъ малымъ нѣкимъ възмощи, мздою ***) и цѣною наѧты и растлѣннымъ бывши (иже чистыѧ съвѣсти неимоущимъ) на Црк҃овъ въстаати. аки бы просѧщи ѿ него, имѣти и за Еп҃па. Ѿню оубо лꙋкѡдѣйства ****), и кѡзни такѡвыѧ, казнити мнѧ *****) требѣ быти, да ни единомꙋ же таковомꙋ ниже на кончинѣ съ прѡстыми ѡбщеніа сподобитисѧ.

Тлъкованіе.

Аще который Епіскопъ в толико шатаніе и неистовъство пришедъ: и дръзнетъ просити, прейти ѿ града въ градъ. глаголѧ ꙗко хѡтѧтъ мене людіе града того. и ѿтоудꙋ веземъ грамотꙋ, показꙋетъ написанное к немꙋ, ѿ всѣхъ граждан моленіе, ꙗкоже да бы имъ былъ Епіскопъ. еже ꙗвѣ естъ ꙗко смышленіемъ, и хитростію, таковое быть. мало

*) Въ оригиналѣ очевидная опечатка: щкодою; мы исправили.

*) На полѣ: въ знепщевá, т. е. вмѣсто *мнѣти—възнепщевати.*

**) На полѣ: и, т. е. приносити.

***) На полѣ рукописная киноварью замѣтка: сщ: ли ks.

****) На полѣ авѡ, т. е. лукаводѣйства.

*****) На полѣ: непщꙋю.

Библиотека Института ... Отд ... № ... имени К. Маркса

нѣкихъ мздою и честїю възмогъ привлещи к себѣ. да въ цръкви ставше мольбꙋ сътворѧтъ, глаголюще велегласно, просѧще и: имѣти того Епископа. Такого оубо ꙗко ѕѣлѡ смѣвша *), и таковое съвórша. и познана бывша в томъ, вельми сей Стый Съборъ осѫди. ѿрече бѡ томоу. ни въ исходѣ ѿ житїа достойноу быти причащенїа, и назнаменай, странно бѡ се и страшно есть: еже ни въ исходѣ житїа не сподобитисѧ причащенїа. его же не обрѧщеши въ всѣхъ Правилѣхъ написана, ѡ инѣхъ ни ѡ кыихъ же грѣсѣхъ такѡва запрещеннѧ:~

*) На полѣ *рукописная* киноварью замѣтка: сщ҃; л҃ 88.

ПЕРЕЧЕНЬ

ПО ТИПОГРАФІЯМЪ И ГОДАМЪ

ЗАПАДНО-РУССКОЙ СТАРОПЕЧАТИ

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАГО ШРИФТА *).

На бывшей территоріи Литовско-Польскаго государства, въ которой громадную часть занимала Русь Западная, вышло церковно-славянскихъ книгъ съ XV и до XIX вѣка—1295, въ нынѣшнемъ столѣтіи 310, всего же 1,605 книгъ. Только самая незначительная часть изъ всего этого старопечатнаго сокровища могла быть помѣщена въ рисункахъ и текстѣ шестаго выпуска „Памятниковъ Русской Старины", по причинамъ, изложеннымъ въ предисловіи, изъ коихъ главная есть та, что шестому выпуску суждено быть *послѣднимъ*, т. е. заключающимъ собою изданіе. Почему вошли въ „Перечень" такіе города, какъ Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскъ, будетъ указано ниже, въ своемъ мѣстѣ. „Перечню" этому слѣдовало бы открыться съ Кракова **) и Праги ***), но мы прямо начинаемъ съ Вильны.

ВИЛЬНА.

1525

1. Апостолъ, изд. Франц. Скориною, въ 12 долю, 351 л.
2. Подорожная книжица, изд. Франц. Скориною, въ 12 долю.

1575

3. Евангеліе напрестольное, изд. П. Тимоѳеевымъ въ тип. Мамоничей, въ листъ, 9 и 395 л.

1576

4. Псалтирь, напеч. Петр. Тим. Мстиславцемъ, у Л. Мамонича, въ листъ, 249.
5. Апостолъ, безъ выхода, имѣющій въ концѣ королевскую привилегію.

1581

6. Псалтирь, въ 8-ку.

*) Этотъ «Перечень» составленъ по «Очерку Славяно-Русской библіографіи» Ундольскаго, съ дополненіями А. Ѳ. Бычкова и А. Викторова, причемъ мѣстонахожденія открытыхъ экземпляровъ и примѣчанія опущены. Въ этомъ дѣлѣ, т. е. въ составленіи «Перечня» *по типографіямъ и годамъ*, мы имѣемъ весьма именитаго предшественника, Михаила Петровича Погодина (см. «Виленскій Вѣстникъ» 1866 года, №№ 25 и 76). Помимо этого, не мало разсѣяно статей и замѣтокъ М. П. Погодина въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» 1866 года, за первые десять мѣсяцевъ (время редакторства А. И. Забѣлина). За этотъ періодъ встрѣчаются статьи *Колосьина* (псевдонимъ покойнаго Ильи Васильевича Бѣляева), и между ними одна весьма примѣчательна по остроумной мысли относительно обрусѣнія края путемъ «городовъ-кладенцовъ». Благодаря этимъ Московскимъ ученымъ, а также и многимъ другимъ лицамъ, «Виленскій Вѣстникъ» того времени отличается живымъ изложеніемъ тогдашнихъ вопросовъ дня и богатымъ историческимъ и этнографическимъ содержаніемъ.

**) Въ Краковѣ вышло *семь* книгъ: пять въ 1491 году трудами Швайнольта Фѣоля, и еще двѣ въ 1629 году—«Паренезисъ Мелетія Смотрицкаго», 4°, и въ 1693—«Акаѳисты и каноны», 8°.

***) Въ Прагѣ, въ 1517—1519 годахъ Францискъ Скорина издалъ «Библію *Руску*» («Очеркъ Ундольскаго» №№ 13 и 14).

*

1582

7. Октоихъ, напеч. Вас. Гарабурдою, въ листъ, 108 и 65 л.

1585

8. Катихизисъ, перев. съ латинск., въ 8-ку.

9. Сборникъ Виленскій, содержащій въ себѣ Діалогъ, или само друга розмова патр. Геннадія и проч.; напеч. курс. и обыкн. буквами, съ герб. Евст. Воловича, въ 12 долю, 59 (по Кар. 63) л.

1586

10. Псалтирь слѣдов., напеч. у Мамоничей, въ 4-ку, 12, 284 и 75 л.

11. Трибуналъ обователемъ В. К—ва Литовск. на соймѣ Варшавскомъ даный року 1581; напеч. у Мамоничей курсивными буквами, въ листъ, 1 и 15 л.

12. Статутъ В. К. Литовскаго *).

1588

13. Статутъ В. К—ва Литовскаго, напеч. курсив. буквами, въ тип. Мамоничей, въ листъ, 12 (Кар. 14), 63 и 554 л.

1589

14. Грамота Сигизмунда Іереміи патріарху, напеч. у Мамоничей курс. букв. на 1 листѣ.

1591

15. Апостолъ, напеч. у Мамоничей, въ листъ, 3, 14, 259, 1 и 22 л.

1592

16. Псалтирь, напеч. у Мамоничей, въ 4-ку, 1 и 180 л.

1593

17. Псалтирь съ возслѣдованіемъ, напеч. у Мамоничей, въ 4-ку, 3, 12, 222 и 138 л.

1895

18. Унія, албо выкладъ переднѣйшихъ артыкуловъ ку зъедноченью Грековъ съ Костеломъ Рымскимъ належащыхъ, напеч. курс. буквами у Мамоничей, въ 4-ку, 49 л.

19. Евангеліе учительное, напеч. у Мамоничей въ листъ, 8 и 399 л.

20. Псалтирь (псаломница), въ 12-ю д. л., 231 (?) л.

1596

21. Псаломница, въ 8-ку.

22. Азбука — „Наука ку читаню и розумѣню писма Словенскаго“; въ 12 долю, 4 и 40 л.

23. Грамматика Словенска, изд. Лавр. Зизаніемъ, въ тип. Братской, въ 12 долю, 3, 93 (Тол. 95, Кар. 4, 89 и 3) л.

24. Кирилла, архіеп. Іерусалимскаго, объ Антихристѣ, въ 8-ку, 224 л. Это казанье изд. на Западно-Русскомъ и Польскомъ яз.

25. Молитвы повседневныя, напеч. въ Братской тип., въ 12 долю, 4, 100, 49, 1, 72 и 4 л.

26. Псалтирь (псаломница), въ 8-ку, 231 л.

27. Часовникъ, въ 12 долю, 104 л.

1598—9 **)

28. Апокрисисъ, албо отповѣдь на книжкы о съборѣ Берестейскомъ, на Бѣлорус. яз., безъ выхода, въ 4-ку, 222 л., 56 тетр.

1600

29. Евангеліе напрестольное, печ. у Мамоничей, въ листъ, 9 и 393 л. *).

30. Евангеліе, въ л.; отлич. отъ пред. заставками и имѣетъ счетъ тетрадей.

31. Псалтирь и Новый Завѣтъ безъ выхода, въ 8-ку, 1, 96 и 377 л.

1601

32. Часословецъ, напеч. у Мамоничей, въ 4-ку.

1602

33. Молитвы повседневныя, въ 8-ку, 20 л., 72, 144 и 168 стр. и 25 л.

34. О образѣхъ, о крестѣ, о хвалѣ Божіей и о хвалѣ и молитвѣ Святыхъ, и о иныхъ артикулахъ вѣры единое правдивое церкве Христовы; въ 12 долю, ок. 100 л.

16'4

35. Апологія Флорентійскаго собора, въ 4-ку.

1607

36. Служебникъ, напеч. у Л. Мамонича. въ 4-ку, 112 и 464

1608

37. „Гаръмонія, альбо согласіе вѣры сокраменътовъ и церемонеи святое Восточъное церкъви съ костеломъ Рымскимъ“, напеч. на Западно-Русск. нарѣчіи и Польск. яз., въ 4-ку, 58 л.

1609

38. Тріодь цвѣтная, напеч. у Льва Мамонича, въ л., 3 и 563 л.

39. Тріодь постная, безъ выхода, въ л. 440.

1610

40. „Ѳринонъ, т. е. плачъ Восточныя церкви на отступленіе нѣкоторыхъ отъ древняго греческаго исповѣданія и отъ повиновенія патр. Константинопольскому, соч. іеромон. Мелетія Смотрицкаго“; въ 4-ку.

1615

41. Молитвословъ, напеч. въ типограф. Вил. братства Святаго Духа; содержитъ въ себѣ между прочимъ Молитвы Кир. Туровскаго и Канонъ иноческій; въ 12-ю д., болѣе 8, 401 и болѣе 26 л

1617

42. Служебникъ напеч. у Л. Мамонича въ 4-ку, по Сахар. 3, 26, 110 и 473 л.; по Стр. 110 и 473 стр.; по Кар. 3, 26 и 26 л. и 473 стр.

43. Служебникъ, напеч. въ тип. Сошеств., въ 4-ку 28 л. и 471 стр.

44. Часословецъ, напеч. у Л. Мамонича, въ 4-ку, 169 и 1 л.

1618

45. Требникъ, въ 4-ку, 178 и 324 л.

1619

46. Грамматика М. Смотрицкаго, въ 8-ку.

*) См. о немъ выше, стр. 149.

**) См. выше, стр. 159.

*) Въ Виленской Публичной Библіотекѣ есть *два* экземпляра съ выходомъ: *іюля 17*, и *три*: *іюля 19*.

1620

47. Вертоградъ душевный, соч. Святогорца Өикары, напеч. въ Сошеств. тип. въ 4-ку, 2 и 140 л.

48. І. Златоустаго Выкладъ на мол. Отче нашъ, пер. Леонтія Карповича, въ 4-ку.

49. Казанье на честный погребъ отца Леонтія Карповича, еп Володимерскаго и Берестейскаго соч. Мелетія Смотрицкаго, въ 4-ку.

50. Ляментъ у свѣта убогихъ на жалостное преставленіе.... отца Леонтія Карповича, въ 4-ку, 27 стр.

1621

51. Грамматика (Букварь), въ 8-ю долю, 63 л. и 6 карт.

52. Псалтирь въ 8-ку.

1622

53. Полъуставъ, напеч. въ Сошеств. тип. въ 8-ку, 5 и 414 л.

54. Уставъ церковный, въ л. (не одно ли съ пред.?).

1623

55. Новый Завѣтъ съ Псалтирью, напеч. въ Сошеств. тип., въ 8-ку, 12, 112, 4, 451 и 32 л.

56. Псалтирь, 4 и 194 л.

1624

57. Служебникъ, въ 8-ку, 4 и 156 л.

58. Требникъ, въ 8-ку.

1627

59. Бесѣды Макарія Египетскаго, напеч въ Сошеств. тип., въ 4-ку, 48, 386 и 22 стр. Въ однихъ экз. бываетъ посвящ. Коментарію, игум. Кіево-Межигорскому; въ другихъ пану Николаю Максимовичу-Ломскому.

60. Псалтирь, напеч. въ Сошеств. тип. въ л. 224 л.

1628

61. Акаөисты всеседмичные, въ 4-ку, 283 л.

62. Требникъ, напеч. въ Сошеств. тип. въ 12 долю, 6, 168 (264 ?) и 12 л.

63. Катихизисъ, напеч. въ тип. Виленск. Троиц. мон., въ 12 долю, 24 л.

1629

64. Грамматика, въ 8-ку.

1630

65. Молитвословъ, напеч. въ тип. Мамоничей, въ 12 долю, ок. 600 л.

1631

66. Часословъ со Псалтирью, въ 12 долю л.

67. Псалтирь, въ 16 долю, 321 (?).

1634

68. Служебникъ, въ 4-ку.

1635

69. Молитвы повседневныя, напеч. въ тип. Сош. Св Духа, въ 8-ку, 8, 232 и 28 л.

1637

70. Часословъ, въ 8-ку, 2 и 572 л.

1638

71. Служебникъ, въ 8-ку (у Сахар. въ 4-ку), 4 и 166 (?) л.

1640

72. Служебникъ, въ 8-ку.

1641

73. Служебникъ, въ 8-ку.

74. Новый Завѣтъ со Псалтирью впереди, въ тип. Сош. Св. Духа, въ 8-ку, 4, 104, 4, 450 и 28 л.

1642

75. Діоптра, въ 4-ку, 8 и 342 стр. и 64 л.

1644

76. Требникъ, въ 4-ку.

77. Евангеліе напрестольное, въ листъ, 8 и 300 л.

1646

78. Полууставъ великій, въ листъ, 5 и 222 л.

1651

79. Евангеліе учительное, въ листъ.

1652

80. Ефимеріосъ (Молитвословъ), си есть, Дневникъ всегдашнихъ молитвъ, въ 32-ю д., 7, 326 и 25 л.

81. Букварь яз. Славянска, въ 8-ку, болѣе 24 л. (36?) л.

1692

82 Служебникъ, въ листъ, 16, 259 л. и 64 стр.

1693

83 Молитвословъ трехъ-акаөистный, въ 8-ку, 90 л.

1695

84. Полууставъ въ 16-ю д., 6, 458 и ? л.

1697

85. Требникъ, въ 8-ку, 6, 218 и 13 л.

1705

86. Доношеніе о бою въ Курляндіи при мызѣ Муромѣ, Іюля въ 15 д., на откр. л.

87. Реляція объ отбитіи отъ Петербурга Мейделя и оборонѣ Котлина, на 1 л.

1745

88. Требникъ, въ 8-ку.

1764

89. Ефрема Сирина поучительныя слова, числ. 11-, въ 4-ку.

1767

90. Дороөея Аввы поученія, въ 4-ку, 3 и 229 л.

1768

91. Чинъ мvроваренія, въ 4-ку.

92. Ефремъ Сиринъ въ 8-ку, 1 и 585 л.

1772

93. Часословъ, въ л., 339 и 1 л.

1773

94. Молитвословъ, въ 24-ю д., 4 и 870 стр.

1776

95. Часословъ, въ 8-ку.

1778

96. Псалтирь, въ 4-ку, 64, 2 и 294 л.

97. Синодикъ, въ 8-ку.

98. Величанія по вся дни и въ праздники пѣваемая, въ 8-ку.

1779

99. Псалтирь, напеч. въ тип. Акад. Вилен., въ 4-ку, 70 и 348 л.

1780

100. Ефрема Сирина поучит. слова, числ. 112, и Аввы Дороөея, въ 4-ку, 237, 1,101 и 1 л.

101. Псалтирь, въ 4-ку, 301 и 1 л.

102. Ефремъ Сиринъ и Авва Дороөей, въ л., 5, 305, 2, 129 и 1 л.

1782

103. Евангеліе учит. воскр. Калистово, въ листъ 4 и 412 л.

1784

104. Псалтирь, въ 4-ку, 19 и 347 л.

1785

105. Служба и повѣсть о иконѣ Тихвинскія Богор., напеч. въ 4-ку.

1786

106. Псалтирь въ 4-ку.

107. Альфа и Омега, въ 4-ку, 302 л.

1788

108. Часовникъ, въ 4-ку, 340 и 52 л.

1790

109. Евангеліе, въ 4-ку, 272 и 142 л.

1792

110. Шестодневъ, въ л., 173 л.

1794

111. Канонникъ, въ 4-ку.

112. Уставъ о христіанскомъ житіи, въ 8-ку, 120 л.

113. Уставъ о христіанскомъ житіи, о постахъ, поклонахъ и пр. (мелк. шр.), въ 8-ку, 54 л.

114. Евангеліе учительное въ л., 411 л.

1795

115. Псалтирь, въ 4-ку, 263 л.

1796

116. Псалтирь, въ 4-ку, 340 и 52 л.

1798

117. Златоустъ, сборникъ 112 поуч. словъ, въ л., 8 и 334 л. (въ этомъ году, въ Вильнѣ было нѣсколько изданій Златоуста, отличныхъ другъ отъ друга разными мелкими типогр. особенностями).

118. Прологъ, въ 4-хъ кн., въ листъ.

119. Канонникъ, въ 4-ку, 4 и 497 л.

120 Букварь, въ 8-ку, 32 л.

1800

121. Николая чуд. житіе, въ 4-ку, 4 и 208 л.

1801

122. Минея общая, въ 4-ку, 604 и 1 л.

123. Скитское покаяніе, въ 8-ку, 42 л.

1802

124. Часословъ, въ 4-ку, 168 и 22 л.

125. Шестодневъ, въ листъ, 82 и 173 л.

1806

126. Букварь языка Славенскаго *).

1807

127. Евхологіонъ въ 12-ю д.

1808

128. Молитвословъ, въ тип. обит. монаховъ чина св. Василія Великаго, Уніятскаго исповѣданія, въ 8-ку.

1809

129. Послѣдованіе Молитвослова **).

Въ заключеніе этой рубрики нельзя не вспомнить крайне-интересной замѣтки ***) А. В. Рачинскаго, изъ которой приводимъ слѣдующую выдержку. Въ нижеуказанный періодъ времени, въ двѣнадцати Виленскихъ городскихъ типографіяхъ, изъ коихъ въ 1866 году четыре были закрыты, напечатано книгъ:

НА ЯЗЫКАХЪ:

Годы.	Русскомъ	Польскомъ	Жмудскомъ	Латинскомъ	Иностранных.	Еврейскомъ
1854	6	35	10	12	„	30
1855	9	75	15	19	3	47
1856	11	96	15	16	3	47
1857	8	105	13	20	1	55
1858	18	109	17	23	4	65
1859	17	101	20	14	8	64
1860	14	96	21	12	1	64
1861	15	93	16	20	3	57
1862	19	76	21	15	1	48
1863	12	62	9	12	3	90
1864	24	17	14	17	3	139
Итого	152	865	171	180	30	706

1216

Цифры произведеній Польскихъ, Латинскихъ и Жмудскихъ—думаетъ А. В. Рачинскій—отнести можно къ одной категоріи, Польско-Латинской, Жмудско-Латинской, или чисто Латинской,—все-таки къ Латинской; итакъ, Славяно-Русское къ Латинскому въ Виленской литературѣ выражается отношеніемъ 152: 1216.

—

Кстати упомянемъ о брошюрѣ, хотя и вышедшей въ Петербургѣ (1751, 4°), но имѣющей отношеніе къ Вильнѣ, именно—о „Словѣ проп. Сильвестромъ *Добрынею*, игуменомъ *Виленскаго* монастыря“.

ЕВЬЕ.

Это мѣстечко отстоитъ отъ Вильны въ 35 верстахъ, а отъ своего уѣзднаго города, Трокъ, въ 15-ти. Древній владѣлецъ этого мѣстечка, Трокскій подкоморій Богданъ Огинскій основалъ здѣсь типографію, изъ которой первая доселѣ извѣстная книга вышла въ 1611 году *). Въ этой типографіи книгопечатаніемъ занимались иноки Виленскаго Свято-Духовскаго монастыря.

*) Въ Вил. П. Библ. есть *два* экземпляра.

**) Одинъ только экземпляръ находится въ Виленской Публичной Библіотекѣ.

***) „Типографская дѣятельность Вильны въ періодъ 1854 — 1865 года“ въ 35 № „Виленскаго Вѣстника“ за 1866 годъ.

*) Въ «Геогр.-Стат. Слов. П. Семенова» (II, 157) ошибочно указанъ 1619 годъ. Матеріалы для исторіи мѣстечка перечислены тамъ же. Въ томъ же «Словарѣ» упоминается, что Евьевская типографія (разумѣется, уже Польская; послѣдняя доселѣ извѣстная Славянская книга носитъ 1646-й годъ) дѣйствовала до 1812 года.

1611

1. Новый Завѣтъ съ Псалтирью впереди, въ 4-ку, 11, 138, 203, 63, 185 и 28 л.

1612

2. Часословъ, въ 4-ку, 3, 240 и 2 л.

3. Діоптра, въ 4-ку, 8 и 182 л.

1613

4. Молитвословъ — „Анѳологіонъ, албо цвѣты молитвъ избранныхъ", въ 16 дол., 4, 208 и 27 л.

1615

5. Казанье на Преображеніе и Успеніе, соч. Леонт. Карповича, въ 4-ку, 50 л.

6. Евангеліе учительное, въ листъ, 4, 173 и 351 л.

1618

7. Киновіонъ, въ 8-ку, 65 л., 5 тетр.

8. Грамматика Славянская Мелетія Смотрицкаго, въ тип. Виленскаго Братства,въ 8-ку, 1 и 247 л.

1619

9. Грамматика Славянская Мелетія Смотрицкаго, въ 8-ку, 4 и 248 л.

1635

10. Новый Завѣтъ съ Псалтирью, въ 4-ку.

1637

11. Полууставъ, въ 12 долю, 8 и 553 л.

1638

12. Псалтирь съ возслѣдованіемъ, въ 8-ку. У Кастер. мѣсто изд. по ошибкѣ означено въ Вильнѣ.

13. Служебникъ, въ 8-ку, 2,; 116, 296 и 12 (?) л.

14. Псалтирь на Польскомъ языкѣ съ начальными стихами каждаго псалма на слав. яз. и Слав. буквами, въ 16-ю д., 11 и 256 л.

1641

15. Новый Завѣтъ со Псалтирью впереди, въ 8-ку. 4, 104, 4, 450 и 28 л. (по Кар. 8, 450 и 28) л.

1642

16. Діоптра, въ 12 д. л., 8 и 342 стр.

17. Ирмологъ, въ 12 д., 1 и 166 л.

18. Псалтирь, въ 12 долю, 246 л.

1644

19. Евангеліе, въ листъ, 8 и 300 л.

1645

20. Часословъ, въ 8-ку.

1646

21. Полууставъ, напеч. иноками братства Св. Духа, въ листъ, 5 и 222 л.

МОГИЛЕВЪ.

1616

1. Служебникъ, въ 4-ку.

1619

2. Евангеліе учительное, въ листъ.

1636

3. Букварь языка Славеньска, въ 8-ку, болѣе 31 л.

1637

4. Псалтирь, напеч. у Спир. Соболя, въ 4-ку, 2, 166 и 37 л.

1646

5. Требникъ, въ листъ.

1661

6. Катихизисъ, въ 8-ку. Заглавіе: „Катехизисъ или краткое изученіе христіанское въ пользу и спасеніе инокамъ, равно же и старымъ ненаученымъ, въ трехъ бесѣдахъ написанный и въ богосп. г. Могилевѣ Бѣлорусск. второе напечатанъ".

1688

7. Псалтирь, въ 4-ку, 239 и 8 л.

1693

8. Псалтирь, въ 4-ку, 239 и 10 л.

9. Акаѳисты. напеч. Макс. Вощанкою, въ 8-ку, 2, 226 и 22 л.

1695

10. Молитвословецъ, напеч. у Максима Вощанки, въ 24 долю, 3, 228 и 45 л.

11. Молитвословъ, въ 24-ю д., 3, 517 и болѣе 42 л.

12. Молитвословъ, напеч. у Максима Вощанки. въ 4-ку (?), 3, 408 и 45 л.

1697

13. Часословъ, въ 8-ку.

1698

14. Акаѳисты повседневные, въ 4-ку, 2,293 и 14 л.

15. Діоптра, у Максима Вощанки, въ 4-ку, 6, 195 и 29 л.

1699

16. Небо новое, напеч. у Максима Вощанки, въ 4-ку, 2, 216 и 9 л.

17. Перло многоцѣнное, соч. Кир. Транквиллiона, у Максима Вощанки, въ 4-ку, 4, 234 и 4 л.

1700

18. Ирмологъ. напеч. у Максима Вощанки, въ 8-ку, 1, 223 и 2 л.

1701

19. Часовникъ, въ 8-ку, 2, 231 и 6 л.

1702

20. Миней Четіихъ мѣс. Сентябрь, Октябрь и Ноябрь, въ листъ, 2 и 657 л.

1703

21. Часословъ, напеч. Макс. Вощанкою, въ 8-ку, 128 л., 16 тетр.

1704

22. Псалтирь, въ 4-ку, 2. 193 и 1 л.

1705

23. Псалтирь съ возслѣдованіемъ, въ 8-ку, 10, 238, 8, 146 и 18 л.

1710

24. Псалтирь, въ 4-ку.

1713

25. Часовникъ, въ листъ, 307 л.

1716

26. Апологія въ утоленіе печали, соч. св. Димитрія митр. Ростовск. въ 4-ку, 20 л.

1728

27. Акаѳисты, въ 8-ку, 2, 226 и 23 л.

1730

28. Октоихъ, въ 4-ку, 2 и 328 л.

1736

29. Правило ко св. причащенію, въ 4-ку.

1738

30. Псалтирь, въ 4-ку, 2 и 192 л.

1743

31. Молитвословъ, въ 24-ю д., 2 и 270 л.

1754

32. Октоихъ, въ 4-ку, 2 и 328 л.

1757

33. Катихизисъ, въ 8-ку, 1 и 128 л.

1761

34. Катихизисъ. въ 8-ку.

35. Георгія Конисскаго поуч. слова, въ 4-ку

1797

36. Часословъ, напеч. въ тип. протоіер. Мих. Стрѣльбецкаго, въ 8-ку.

1798

37. Акаѳисты, въ 4-ку.

КУТЕЙНО.

Мѣстечко это находится близъ Орши, Могилевской губерніи, съ двумя первоклассными монастырями *), мужскимъ и женскимъ, основанными Богданомъ Стеткевичемъ. Заведенная имъ типографія переведена въ 1655 году Никономъ въ Новгородскій Иверскій монастырь.

1630

1. Брашно духовное, въ 4-ку.

1631

2. Молитвословъ, напеч. у Спир. Соболя въ 12 долю, 304 и 40 (?)

1632

3. Часовникъ, напеч. у Спирид. Соболя, въ 4-ку 132 л., 33 тетр

4. Новый Завѣтъ со Псалтирью и краткое толкован. на поляхъ, въ 4-ку.

1637

5. Варлаама и Іоасафа житіе, на Западно-Русскомъ нарѣчіи, въ 4-ку, 11, 9 ? и 363 л.

6. Дидаскалія, напеч. въ тип. Кутеинскаго монастыря, въ 4-ку, 4 и 34 стр.

1639

7. Брашно духовное (Псалтирь съ возслѣд.), напеч. въ Кутеинскомъ мон., въ 4-ку, 4, 126, 103, 383 и 56 л.

1642

8. Псалтирь напеч. въ Кутеинскомъ мон., въ 4-ку, 6 и 238 л.

1646

9. Шестодневъ (Октоихъ), въ 4-ку, 2 и 290 л,

1647

10. Трефологіонъ, въ 4-ку, 4 и 390 л.

1650

11. Псалтирь, въ 4-ку, 2 и 262 л.

1651

12. Діоптра. въ 12 долю, 8, 342 и 64 (?) л.

1652

13. Новый Завѣтъ съ Псалтирью впереди, въ 4-ку, 6, 126 и 500 л.

*) Документовъ, относящихся къ исторіи Могилева и Кутейны, не мало издано и, между прочимъ, въ «Археографическомъ Сборникѣ.»

1653

14. Дидаскалія о 7 сакраментахъ, въ 4-ку, 4 и 31 стр.

15. Лексиконъ Словено-Россійскій, соч. Памвою Берындою, въ 4-ку, 4 и 324 стр.

1654

16. Діоптра въ 4-ку, 6 и 196 л.

БУЙНИЧИ.

Это мѣстечко находится въ семи верстахъ отъ Могилева, на правомъ берегу Днѣпра. Само по себѣ ничтожное, заселенное на половину Евреями, мѣстечко Буйничи славно по своему прошедшему, по находящемуся здѣсь монастырю, основанному въ исходѣ XVI вѣка княземъ Богданомъ Соломерецкимъ *). Въ 1708 году монастырь былъ до корня разоренъ Шведами. Въ 1635 году къ этому монастырю былъ присоединенъ сосѣдній Борколабовскій. Изъ книгъ, вышедшихъ изъ Буйничской типографіи намъ извѣстна одна:

1635

1. Псалтирь, напеч. Спир. Соболемъ, въ 8-ку, 198 л.

ПОЛОТСКЪ.

1697

1. О сакраментахъ — выдалъ Леонъ Кишка въ 12 долю, 204 л.

СУПРАСЛЬ **).

1689

1. Страсти Христовы, въ 4-ку.

1695

2. Минея общая, въ листъ.

3. Служебникъ. въ листъ.

1697

4. Послѣдованіе постригу въ малый иноч. образъ, въ л., 1 и 14 л.

1722

5. Собраніе припадковъ, духовнымъ особамъ потребное, въ 4-ку, 6, 152 и 1 л

*) О монастырѣ и его основателѣ не мало обродовано историческихъ документовъ.

**) Множество данныхъ для исторіи Лавры, а также для типографіи см. въ девятомъ томѣ «Археографическаго Сборника.»

6. Лексиконъ сирѣчь словесникъ Славенскій, въ 4-ку, 32 и 1 л.

1727

7. Служебникъ, въ л.

1736

8. Требникъ въ 3-хъ ч., въ 8-ку.

1757

9. Полууставъ, въ 8-ку, 16, 864, 48 и 64 стр.

1758

10. Служебникъ, въ листъ.

1759

11. Сословіе (краткое) науки христіянскія, въ 12-ю д., 98 стр.

1761

12. Букварь языка Славенскаго, въ 8-ку, 40 л.

1766

13. Евхологіонъ, сирѣчь молитвенникъ, въ 8-ку.

1772

14. Часословъ, въ листъ, 1 и 359 л. (съ Моск. изд. 1651 г.).

177

15. Часовникъ, въ 8-ку, 164 л.

1780

16. Псалтирь, въ 4-ку, 95 и 276 л.

1781

17. Азбука, въ 8-ку, 60 л.

1786

18. Часословъ, въ листъ, 325 и 1 л.
19. Ефрема Сирина и Аввы Доровея поученія, въ 4-ку, 4, 348, 2, 168 и 1 л.
20. Святцы съ кратк. житіями, въ 8-ку, 239 л.
21. Россійскимъ чудотв. Служба и похвала, въ 4-ку, 81 и 1 л.

1787

22. Житіе Николая Чудотворца, въ 4-ку, 3, 248 и 1 л.

1788

23. Святцы, въ 8-ку.
24. О артикулахъ вѣры наука, въ 8-ку, 128 л.
25. Страсти Христовы, въ 4-ку.
26. Христіанское благочестіе, въ 8-ку.
27. Альва и Омега, въ листъ, 685 л.
28. Скитское покаяніе, въ 8-ку, 90 л.
29. Соловецкая исторія, въ 8-ку.
30. Покаяніе (скитское) съ Челобитною, въ 8-ку.
31. Ефрема Сирина и Аввы Доровея поученія, въ л., 314, 1 и 128 л.

1789

32. О житіи христіанскомъ, въ 8-ку, 78 л.
33. Страсти Христовы, въ 4-ку.
34. Книга, содерж. въ себѣ, како подобаетъ инокомъ и христіаномъ жити, и обхожденія вселѣтнаго круга, въ 8-ку.
35. Псалтирь, въ 4-ку, 357 л.
36. Исторія о отцѣхъ Соловецкихъ, въ 8-ку, 173 л.
37. Минея общая, въ л., 755 и 1 л.

1790

38. Евангеліе учительное, въ л., 411 и 1 л.
39. Часовникъ, въ 4-ку, 185 и 48 л.
40. Завѣщаній (отъ) Апостолъ, како подобаетъ инокомъ и Христіаномъ жити, въ 8-ку, 78 л.

1791

41. Соборникъ, въ л. 168 и 1 л.
42. Патерикъ азбучный, въ 4-ку, 10 и 563 л.
43. Прологъ съ Сент. по Февр., въ л., 906 л.
44. Канонникъ, въ 4-ку, 352 л.

1792

45. Златоустъ, въ л., 8 и 358 л.

1793

46. Тріодь цвѣтная, въ л., 587 л.
47. Часословъ налойный, въ листъ.
48. Архіератиконъ, въ л., 31 л.

1794

49. Страсти Христовы, въ 4-ку, 3 и 186 л.

1795

50. Страсти Христовы, въ 4-ку, 4 и 186 л.

1796

51. Псалтирь, въ 4-ку, 33 и 362 л.
52. Святцы, въ 16-ю д., 231 и 1 л.

1797

53. Златоустъ, въ л., 8 и 358 л.

ЛЬВОВЪ *).

1574

1. Апостолъ, напечат. І. Өедоровымъ, въ листъ, 14 и 264 л.

1591

2. Грамота окружная патр. Іереміи, на слав. и греч. яз., въ л.
3. Грамматика Еллино Словенская на слав. и греч. язз., въ 8-ку, 182 л., $45^1/_2$ тетр.
4. Просөонима, привѣтъ киръ Михаилу, митр. Кіевскому и Галицкому, стихами и прозою, на слав. и греч. язз., въ 4-ку, 6 л.

1593

5. Мелетія патр. о христіанскомъ благочестіи отвѣтъ къ Іудеямъ; пер. Ман. Маценета, напеч. (на слав. и греч. яз.), въ Братской тип., въ 8-ку, 57 л.

1601

6. Октоихъ, въ 4-ку, напеч. въ тип. Братской.

1608

7. Часословъ, напеч. въ Братской тип. при мон. св. Онуфрія, въ 4-ку.
8. Псалтирь, напеч. въ Братской тип. св. Онуфрія, въ 4-ку.

1609

9. Часословъ въ Братской тип. св. Онуфрія, вь 12 долю.

1614

10. О Священствѣ І. Злат. перев. съ греч. іером. Пафнутіемъ, въ 4-ку, 60 и 448 стр.

1651

11. „Плачь, альбо ляментъ по зестю зъ свѣта сего вѣчной памяти годнаго, Григорія Желиборскаго", напеч. въ тип. ставропигіальнаго братства св. Онуфрія, въ 4-ку, 8 л.

*) О *семи* Львовскихъ типографіяхъ см. у Максимовича въ «Книжной Старинѣ.»

12. Псалтирь, въ 4-ку, 500 (?) стр.

1616

13. Вѣрше Памвы Берынды (стихи) на Рожд. Хр., въ тип. Братской, въ 4-ку, 18 л.

1622

14. Псалтирь, въ 4-ку.

Сахаровъ (198) замѣчаетъ, что это изданіе 1722 года.

1630

15. Октоихъ, въ листъ, 4 и 348 л.

16. Верше съ трагедіи, въ 4-ку.

1631

17. Іоанникія Волковича размышленіе о муцѣ Христовой и стихи на воскресеніе Христово, въ 4-ку.

1632

18. Анѳологіонъ, въ листъ, 3 и 521 л.

1634

19. Псалтирь, въ 4-ку.

1636

20. Евангеліе напрестольное, напеч. Мих. Слёзкою, въ листъ, 12 и 414 л.

1637

21. Служебникъ, въ 4-ку, 8 и 241.

22. Псалтирь, напеч. въ типогр. Ставропиг. Братства при храмѣ Успенія, въ 4-ку, 4 и 243 л.

23. Требникъ, въ 4-ку.

1638

24. Анѳологіонъ, въ листъ, 7 и 637 л.

1639

25. Псалтирь, въ л.

26. Апостолъ напеч. у Мих. Слёзки, въ листъ, 25 и 214 (у Кар. 27 и 246) л.

27. Октоихъ, въ листъ, 5 и 352 л.

1640

28. Часословъ, Шестодневъ и Осмогласникъ, напеч. у Мих. Слёзки, въ 4-ку, 5 и 298 л.

29. О тайнахъ церковныхъ, въ 4-ку.

1641

30. Октоихъ, напеч. въ тип. Ставропиг. Братства, въ листъ, 4 и 351 л.

31. Трефологіонъ, напеч. Андр. Скольскимъ въ тип. Ставропиг. Братства, въ листъ, 518 л.

1642

32. Молитвословъ, въ 16 долю, 4, 292 и 29 л.

33. Поученіе спасительское къ новопоставл. іерею съ Наукою о Сакраментахъ или о Мистеріяхъ, въ 4-ку.

34. Тріодь цвѣтная, напеч. у Мих. Слёзки, въ листъ, 6, 433 и 1 л.

1643

35. Анѳологіонъ, изд. 3-е, въ л., 8 и 713.

1644

36. Евангеліе напрестольное, напеч. Мих. Слёзкою, въ л., 12 и 412 л.

37. Октоихъ, въ л., 350 (351) л. Это изданіе Октоиха встрѣчается съ двумя разными заглавными листами и предисловіями.

38. Требникъ или Молитвенникъ, напеч. Мих. Слёзкою, въ 8-ку, 12 и 248 л.

1645

39. Требникъ, напеч. Андреемъ Скольскимъ, въ тип. Арсенія Желиборскаго, въ 4-ку, 6, 3. 336 и 10 л.

1646

40. Служебникъ, напеч. въ тип. Арсенія Желиборскаго, въ 4-ку, 6 и 310 л.

41. Катихизисъ, напеч. Мих. Слёзкою, въ 8-ку.

42. Собраніе науки объ артикулахъ вѣры, напеч. въ тип. Арс. Желиборскаго А. Скольскимъ, въ 4-ку, 4 и 89 л.

43. Номоканонъ, 4 изд., у Мих. Слёзки, въ 4-ку, 6, 84 и 8 л.

1651

44. Анѳологіонъ, въ листъ, 8 и 671 (672 ?) л.

1654

45. Апостолъ, въ листъ, 16 и 245 л.

1662

46. Небо новое, въ 4-ку, 5 и 140 л.

1663

47. Ключъ разумѣнія, въ листъ.... и 136 л.

48. Тріодь постная, въ листъ, 6 и 432 л.

49. Тріодь цвѣтная, въ листъ, 8 и 432 л.

1664

50. Тріодь постная въ листъ, 4 и 438 л.

51. Тріодь цвѣтная, въ листъ, 435 л.

1665

52. Ключъ разумѣнія,—пропов. І. Галятовскаго, напеч. у Мих. Слёзки, въ л., 6, 532 и 16 л.

53. Небо новое, въ 4-ку, 8 и 140 л.

54. Псалтирь, въ 4-ку, 5 и 254 л.

55. Евангеліе напрестольное, въ тип. Мих. Слёзки, въ л., 7 и 214 л.

1666

56. Апостолъ, въ листъ, 14 и 242 л.

57. Служебникъ, въ 4-ку.

1667

58. Псалтирь, въ 16-ю д., 3, 358 и 49 л.

59. Тріодь цвѣтная, въ листъ

1668

60. Требникъ, въ 4-ку, 16, 96, 6 и 97 - 441 л.

61. Часословъ, въ 4-ку, 8, 276 и 279 л.

1669

62. Часословецъ, въ 8-ку.

1670

63. Евангеліе напрест., въ листъ, 12 и 412 л.

64. Уставъ молитвъ, въ 12 долю, 11, 696 и 12 л.

65. Ирмологъ и Шестодневникъ, въ 4-ку.

1671

66. Букварь, въ 8-ку, 32 л

67. Октоихъ, въ 4-ку, 4 и 293 л.

1678

68. Псалтирь, въ 4-ку

1680

69. Служебникъ, въ л., 228 и 42 л.

1681

70. Служебникъ (Литургіаріонъ), въ 4-ку, 4, 350, 60 и 3 л.

1682

71. Требникъ, въ 4-ку.

1683 (?)

72. Евангеліе, въ листъ, 12 и 412 л (съ картинками).

1686

73. Октоихъ, въ листъ, 4 и 350 л.

74. Тріодь цвѣтная, въ листъ.

1687

75. Метрика, албо реестръ для порядку церкви святой, въ тип. Шумлянскаго, въ 4-ку.
76. Псалтирь слѣд., въ 8-ку.
77. Псалтирь, въ 12 долю, 204 и 49 л.

1688

78. Часословецъ, въ 8-ку.
79. Шестодневникъ, въ 4-ку.
80. Требникъ, въ 4-ку.
81. Тріодь постная, въ листъ.
82. Тріодь цвѣтная, въ листъ, 6 и 440 л.
83. Псалтирь, въ 4-ку, 10 и 248 л.

1689

84 Шестодневъ, въ 4-ку.
85. Часословъ, въ 4-ку.
86. Октоихъ, въ 4-ку, 4 и 298 л.
87. Требникъ, въ 4-ку.

1690

88. Евангеліе напрест. въ лл., 12 и 412.
89. Букварь, въ 8-ку.

1691

90. Служебникъ (литургіаріонъ), въ л., 4, 228 и 43л.

1692

91. Псалтирь, въ 4-ку.
92. Часословъ (Орологіонъ), въ 4-ку, 8, 276 и 278л.
93. Букварь, въ 8-ку, 32 л.

1693

94. Псалтирь, въ 4-ку.

1694

95. Анѳологіонъ, въ листъ, 8, 671 и 1 л.

1695.

96. Требникъ, въ 4-ку, 16, 429 и 13 л.

1696

97. Апостолъ, въ листъ, 13 и болѣе 246 л.

1699

98. Тріодь постная, въ листъ.
99. Псалтирь, въ 4-ку.
100. Акаѳисты со стихиры и каноны, въ 4-ку, 2 и 244 (по Сах. 247) л.

1700

101. Октоихъ, въ листъ, 4 и 351 л.
102. Ирмологій нотный, напеч. инок. Іос. Городецкимъ, въ листъ, 2 л., 446 стр. и 13 л.

1701

103. Тріодь цвѣтная, въ л., 7 и 439 л.
104. Молитвословъ повседневный, въ 16-ю долю, 328 и 25 л.

1702

105. Служебникъ (Литургіоріонъ), въ 4-ку, 2, 350, 60 и 3 л.

1703

106. Псалтирь, въ 4-ку.

1704

107. Псалтирь, въ 8-ку, 1, 16 и 565 л.
108. Псалтирь, въ 8-ку (по Сахар. въ 12-ю д.), 204 и 61 л.
109. Молитвословъ, въ 16-ю д.

1705

110. Псалтирь, въ 12-ю долю.

1706

111. Апостолы и Евангеліе недѣлямъ всего лѣта и на праздники, въ 8-ку, 1, 125 и 11 л.

1707

112. Ирмологій, въ 4-ку.

1708

113. Псалтирь, въ 4-ку, 1, 251 и 1 л.

1709

114. Ирмологъ, въ 4-ку.

1710

115. Букварь Славянскій, въ 8-ку, 32 л.

1712

116. Служебникъ (литургіаріонъ), въ листъ, 4, 288, 43 и 1 л.

1715 (?)

117. Октоихъ, въ 4-ку, 4 и 294 л.

1717

118. Тріодь постная, въ л.

1719

119. Требникъ (Евхологіонъ), въ 4-ку, 16, 429 и 13 л.

1720

120. Требникъ (Евхологіонъ), въ 12-ю долю, 3, 286, 15 и 44 л.
121. Служебникъ (Леітургіаріонъ), въ 4-ку.

1722

122. Псалтирь, въ 4-ку, 9, 236 и 2 л.
123. Евангеліе напрестольное, въ л., 24 и 412 л.

1723

124. Ирмологъ, въ 12-ю долю, 1, 150 и 3 л.

1726

125. Часословъ, въ 4-ку.

1730

126. Октоихъ, въ л., 2 и 328 л.
127. Тріодь цвѣтная, въ л.

1739

128. Октоихъ, въ листъ, 2 и 349. л.

1741

129. Псалтирь, въ 4-ку.

1745

130. Философія Аристотелева, изд. Мих. Козачинскимъ, въ листъ, 59 л.
131. Благоутробіе Марка Аврелія, діалогъ съ прологомъ и эпилогомъ во время прибытія въ Кіевъ Имп. Елисаветы Петр., чрезъ учащихся въ Кіевской Академіи юношъ дѣйствительно состоявшійся 1744 г., въ листъ.

1752

132. Богословіе, соч. Леонт., Шептицкаго, въ 8-ку.

1757

133. Служебникъ Папскаго исповѣданія (безъ загл. л.), въ л., 2, 238 и 39 л.

1759

134. Служебникъ, въ листъ, 6, 238 и 44 л.
135. Полууставъ, въ 8-ку, 4, 544 и 36 л.

1760

136. Иѳика, іерополитика, въ 8-ку, 6 и 167 л.
137. Богословіе нравоучительное, въ 8-ку, 8, 412 и 68 л.

1762

138. Прибыль духовная, новымъ правленіемъ моленій, еже о Страстехъ Христовыхъ, о преславномъ имени Іисусовѣ, о покаяніи и проч., въ 12-ю д.
139. Послѣдованіе въ нед. православія, въ 8-ку.

*

1784

140. Соборника (отъ), изданнаго въ Москвѣ 1647 г. избранная книга, въ 4-ку.

1790

141. Любомудрія наставленія, соч. Хр. Баумейстера, пер. съ Лат. П. Лодія, въ 4-ку, 7 л., 438 стр. и 7 л.

142. Наставленія исторіи церковныя Новаго Завѣта, двѣ части, въ 8-ку, 10, 676, 5, 532 и 2 стр.

1791

143. Житіе Николая Чудотвор., въ 4-ку, 251 и 1 л.

144. Псалтирь, въ 4-ку, 363 л.

1793

145. Соборникъ, въ листъ, 6 и 871 л.

146. Мартирологіонъ, въ 4-ку, 2 и 164 л.

Изъ десятка книгъ, вышедшихъ въ нынѣшнемъ столѣтіи, слѣдуетъ упомянуть: Букварь языка Славянскаго, въ 8-ку (1819), Словарь (приручн.) Славено-Польск., въ 8-ку (1830) и Меруновича—Покореніе Новгорода (изъ Карамзина), въ 12-ю д. (1852).

СТРЯТИНЪ.

Въ Галичской Руси, въ Бережанскомъ округѣ. Владѣлецъ этого мѣстечка Ѳедоръ Юрьевичъ Болобанъ и дядя его, епископъ Гедеонъ, учредили типографію, изъ которой вышли *только* двѣ книги, а типографія въ 1615 году переведена въ Кіевъ, въ Лавру.

1604

1. Служебникъ, 4°.

1606

2. Требникъ, 4°.

КРИЛОСЪ.

Тамъ же, подъ Галичемъ.

1606

1. Евангеліе учительное, въ листъ 4 и 416 л.

УГОРЦЫ.

Деревня въ Самборскомъ округѣ.

1618

1. Събраніе вькратцѣ словесъ отъ Бож. писаніа и зъ объяснеіемъ изложеніа св. Апостолъ двунадесяти артыкуловъ православной вѣры"; напеч. ижд. Алекс. Шептицкаго, іером. Павломъ Домживъ-Лютковичемъ и іерод. Сильвестромъ, въ 4-ку 48 л. *).

1620

2. Новый Завѣтъ, напеч. Павломъ Домживо-Лютковичемъ, въ 8-ку, 2 и 134 л.

*) У Максимовича, въ «Книжной Старинѣ», эта книга раздѣлена на двѣ.

ДОЛГОЕ ПОЛЕ.

Въ Буковинѣ.

1635

1. Требникъ, сирѣчь молитвенникъ, напеч. Тим. Александр. Вер., въ 4-ку, ок. 226 л.

1643

2. Анѳологіонъ или Трифологъ, въ л., 10 и 494 л.

1650

3. Псалтирь, въ 4-ку.

УНЕВЪ.

Въ Золочевскомъ округѣ. Типографія устроена игуменомъ Варлаамомъ Шептицкимъ.

1660

1. Акаѳисты, въ 4-ку.

1670

2. Выкладъ о церкви и церковныхъ речахъ, въ 4-ку, 25 и 13 л.

1674

3. Выкладъ о церкви, въ 4-ку.

1676

4. Часословъ, въ 8-ку.

1678

5. Псалтирь, въ 4-ку, 4 и 230 л.

1679

6. Зерцало Богословія соч. Кирилла Транквиліона, въ 4-ку.

1680

7. Зерцало до предзренія и латвѣйшаго зрозумѣнія вѣры святой, въ 4-ку, 2 и 63 л.

16 81

8. Часословъ съ акаѳистами, въ 12 д.

1683

9. Акаѳисты, напеч. 2 изд., въ 12 долю, 260 и 20 л.

1685

10. Катихизисъ, въ 8-ку, 102 л.

1686

11. Евангеліе учит., въ листъ.

1689

12. Часословъ, въ 16-ю д.

13. Псалтирь, въ 4-ку, 213 и 12.

1692

14. Псалтирь, въ 4-ку.

15. Зерцало Богословія, соч. Кир. Транквиліона въ 4-ку, 5 и 99 л.

1693

16. Псалтирь, въ 4-ку.

17. Сборникъ дванадесяте мѣсяцемъ, въ 16 д., 1 и 262 л.

1694

18. Молитвословецъ повседневный, въ 8-ку, 1, 368 и 26 л.

19. Собраніе изъ книгъ Божеств., въ 12 долю, 110 л.

1695

20. Часословъ, въ 16 д. (помѣта по тетр.), 153 л.

21. Зерцало Богословія соч. Кирилла Транквиллiона, въ 4-ку, 5 и 99 л.

1696

22. Зерцало Богословія, въ 4-ку.

23. Евангеліе учительное Кир. Транквилліона, въ л., 4, 363 и 184 л.

24. Молитвословъ повседневный, въ 12-ю д.

1697

25. Евангеліе учител. Кир. Транкв., въ листъ.

1698

26. Букварь Славянскій, въ 8-ку, 39 л.

27. Молитвенникъ въ 32-ю долю, 288 ненум. л., 24 тетр.

1699

28. Псалтирь слѣдованная, въ 4-ку, 2, 220 и 8 л.

1704

29. Псалтирь, напеч. М. Вощанкою, въ 4-ку.

1732

30. Припадковъ собраніе, духовнымъ особамъ потребное, въ 8-ку.

1733

31. Служебникъ папскаго исповѣданія, безъ загл. л., 2, 328 и 39 л. Изданіе небрежное, помѣта то по листамъ, то по страницамъ.

1740

32. Служебникъ папскаго исповѣданія, въ листъ, 12 и 473 стр.

1743

33. Служебникъ изд. 2-е въ л., 473 стр.

1747

34. Литургіаріонъ, въ листъ.

ОСТРОГЪ *).

1580

1. Новый Завѣтъ съ Псалтирью, напеч. І. Өедоровымъ, въ 8-ку, 4,490 и 53 л.

2. Библія, напеч. І. Өедоровымъ, въ листъ.

1581

3. Хронологія Андрея Рымши, на двухъ стр., въ листъ.

1584

4. Посланія Константин. патр. Іереміи, въ 4-ку, 12 л. Зубрицкій полагаетъ, что это изд. Львовской Братской тип.

1587

5. Календарь Римскы новы, изд. Герас. Смотрицкимъ, въ 4-ку.

1588

6. Исповѣданіе о исхожденіи Св. Духа, въ 8-ку.

7. Сборникъ Острожскій (о вѣрѣ единой), въ 6-ти отдѣлахъ, въ 8-ку, 6, 240, 70, 24 и 3 л.

1594

8. Василія Великаго книга о постничествѣ, въ листъ, 8, 160, 292 и 143 л.

*) Уѣздный городъ Волынской губерніи.

1588—1595

9. Грамота (ставленическая, іерейская), данная Кирилломъ (Терлецкимъ), еписк. Луцкимъ и Острожскимъ, въ л. Вѣроятно въ Острогѣ.

1596

10. Маргаритъ, книга І. Златоустаго, въ 4-ку, 8, 331 и 204 л.

1598

11. Псалтирь со возслѣдованіемъ, въ 8-ку, 44, 3, 7 и 439. Часть этой книги принимали за отдѣльный Часословъ (Сахар. 109, Толст. 40), и даже статью: Дневникъ солнечнаго шествія (Сопик. 12,883).

1598

12. «Отписъ на листъ въ Бозѣ велебнаго отца Ипатія, Володимерского и Берестейского епископа, до ясноосвѣцоного княжати Констентина Острозского, воеводы Кіевского, о залецанью и прехвалянью Восточной церкви съ Заходнымъ Костеломъ, Унѣи або згоды, въ року 1598 писанный, черезъ одного наименшого клирика церкви Остразской въ томъ же году отписанный», въ 4-ку, 57 л. Въ концѣ (л. 33 — 57): „Исторія о Листрикійскомъ, т. е. разбойническомъ, Ферарскомъ, або Флоренскомъ Синодѣ, вкоротцѣ правдиве списаная“. По Опис. рук. Рум. Муз. (стр. 554 и 641) Отписъ сочиненъ Кирилломъ Лукаремъ, рект. Острожской школы и съ 1621 Конст. патр. Въ ней (л. 20) авторъ упоминаетъ и „Исторійку вкратцѣ, але правдиве о съборѣ Флоренскомъ, давно списаную, при концѣ того писанья в. м. ку прочитанью маеть, прочитавши правду узнаешь“. Курбскій сочинителя оной считаетъ Виленскимъ субъдіакономъ. Подробнѣе объ этомъ Шевырев. Ж. М. Нар. Пр. 1841, ч. 49; Москвит. 1841 стр. 498—509; Сѣв. Пч. 1846, № 86 и 93, Слов. свѣтск. пис. І. 303. По Стебельскому, Ип. Потѣй и Кревза писали опроверженіе Отписа.

1598

13. Мелетія патр. Александрійскаго посланія (числ. 10) къ неунитамъ, въ 8-ку, 146 л., 18 тетр.

1599

14. Возраженія на Апокрисисъ и Отписъ, курсивными буквами, въ 4-ку, 547 стр.

15. Посланіе Мелетія патр. Александрійскаго къ Ипатію Потѣю, въ 4-ку.

1602

16. Часословъ, въ 4-ку, 176 л.

1606

17. Требникъ, въ 4-ку.

1607

18. Лѣкарство на оспалый умыслъ человѣчій въ 4-ку, 183 л.

1612

19. Часословъ, напеч. повел. кн. Яна Острожскаго, каштеляна Краковскаго, въ 12 долю, 8 и 496 л.; въ другихъ экземплярахъ: 2, 626 и 15 л.

1640

20. Никонъ Черногорецъ, напеч. въ листъ, 96 л. Вѣроятно въ Острогѣ.

1686

21. Тестаментъ, въ 4-ку.

ДЕРМАНЬ.

Село въ Дубенскомъ уѣздѣ Волынской губерніи, въ 40 верстахъ отъ Дубны *).

1604

1. Октоихъ, напеч. свящ. Даміаномъ, 13, 160, 146 и 7 л., въ листъ.

1605

2. Листъ Мелетія патр. къ Ипатію Потѣю, перев. съ Греч. Іовомъ Борецкимъ, въ 4-ку, 40 или болѣе л. **).

РОХМАНОВЪ.

Мѣстечко въ Кременецкомъ уѣздѣ Волынской губерніи.

1619

1. Евангеліе учительное Кир. Транквиліона, въ листъ, 8 (въ др. экз. 6), 363 и 180 л.

Это евангеліе содержитъ въ себѣ не мало проповѣдей извѣстнаго Южно-Русскаго богослова Кирилла - Транквиліона Ставровецкаго. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, грамотами своими ***), повелѣлъ это евангеліе и другія сочиненія Ставровецкаго повсюду отбирать и жечь. Замѣчателенъ этотъ единственный трудъ, вышедшій изъ Рохмановской типографіи, еще и потому, что въ предисловіи къ нему содержится драгоцѣнное извѣстіе ****) объ одной Западно-Русской писательницѣ XVI вѣка, которая евангельскія бесѣды а отчасти и апостольскія „преложила зъ Грецкого языка на Словенскій, старанямъ, промысломъ и коштомъ своимъ, святой памяти *****) еи милость княжна Чарторискаа, Софіа, сестра В. К. М., пани Боговитиноваа, хоружинаа Вълынскаа".

ЧЕТВЕРТНЯ.

Село надъ Стыремъ, Волынской губерніи, родина Четвертинскихъ. Тутъ собственно постоянной типографіи не было. Два инока, Павелъ Домживъ-Лютковичъ и Сильвестръ снарядили перевозную *), кочующую типографію, сперва побывали съ ней въ Угорцахъ (см. выше), а затѣмъ переѣхали въ Четвертню, къ князю Григорію, гдѣ и отпечатали:

1625

1. Псалтирь, въ тип. Павла Домжива-Лютковича, въ 8-ку, 12 и 232 стр.

2. Часословъ, въ 8-ку, 194 и 107 стр **).

ЧОРНАЯ.

О кочевой типографіи Чорненскаго монастыря см. въ „Памятникахъ" Кіевской Коммиссіи, I, 1845, стр. 139.

1629

1. Діалогъ, албо розмова человѣка хорого, албо умираючого: о добромъ зъистю зъ того свѣта, людемъ свѣтскимъ а посполите тымъ, которые мало што доброго за живота робили, а съ памятью умираютъ. Выдана въ друкарни Павла іером. на Чорной, року 1629". Въ 4-ку, листовъ 36.

ЛУЦКЪ.

1628

1. Ламентъ по святобливозошломъ велебномъ господину отцу Іоаннѣ Васильевичу пресвитеру, написанный презъ многогрѣшнаго іерод. Давыда Андреевича, инока чину св. Василія Великаго, въ 4-ку.

2. Епикидіонъ албо вѣрше жалобныя на погребеніе Василисы Яцковны, соч. Стефана Полумерковича, въ 4-ку.

1640

3. Апостолы и Евангеліа чрезъ всѣ недѣли и праздники и избраннымъ Свв. на весь годъ. Первое изобразися въ монастыру Луцкомъ, въ 12 долю, 8 и 282 л. ***).

КРЕМЕНЕЦЪ.

1638

1. О Мистеріяхъ или тайнахъ посполитости, безъ выхода, въ 4-ку.

2. Синодъ въ Луцкой каѳедральной церкви въ 1638 г., въ 4-ку, 4 л.

3. Грамматика или Письменица языка Словенскаго тщателемъ вкратцѣ издавна, на 104 л., въ 8-ку.

*) «Геогр.-стат. слов. П. Семенова,» II, стр. 39—40.

**) У Максимовича, въ «Кн. Стар.» насчитано *три* книги: но третья, «Діалогъ Мелетія», пока еще никому неизвѣстно, гдѣ напечатана (Очеркъ Ундольскаго, № 166).

***) «Собр. госуд. грам.» III, № 77.

****) Оно же передается у Сярчинскаго и Свентскаго.

*****) Боговитинова скончалась въ 1616— 1619 годахъ.

*) Максимовичъ, «Книжн. Старина».

**) Объ этой книгѣ Максимовичъ не упоминаетъ.

***) Максимовичъ предполагаетъ, что эта книга была перепечатана въ Кутейнѣ, подъ названіемъ «Дидаскаліи», снимокъ съ заглавнаго листа которой помѣщенъ въ «Временникѣ».

ПОЧАЕВЪ.

1618

1. Зерцало Богословія Кир. Транквиліона, въ 4-ку, 29 и 86 л.

2. Максима Грека слова на латиновъ, безъ вых., въ 4-ку, 110 стр.

1742

3. Гора Почаевская, въ 4-ку, 47 л.

1748

4. Молитвословъ, въ 8-ку.

1750

5. Псалтирь, въ 4-ку, 7 и 236 л.

1755

6. Служебникъ, въ л., 3, 354 и 10 стр.

7. Молитвословъ, въ 8-ку, 6 и 1088 стр.

1756

8. Образъ примиренія, въ 4-ку, 2 и 111 л.

9. Богословія нравоучительная, содерж. въ себѣ поученіе о св. тайнахъ, о добродѣтеляхъ и проч., съ прилож. Славяно-Польскаго лексикона, въ 4-ку, 1, 169 44 л.

10. Катихизисъ, въ 4-ку, 102 л.

11. Акаѳисты различные (16-ть Акаѳ.), изд. 1-е, въ 8-ку, 4 и 1067 стр.

1757

12. Празднѣя дневнаго ради инощнаго церковнаго пѣнія, отъ свв. отецъ составленная, въ л.,

13 Гора Почаевская, въ 4-ку, 35 л.

1760

14. Такса книгъ, въ типогр. св. обители Почаевскія обрѣтающихся, въ л.

1761

15. Миней Четіихъ Сентябрь и Октябрь, въ листъ, 4. 182, 1, 164 и 10 л.

16. Миней Четіихъ Ноябрь и Декабрь, въ л., 1, 186, 1, 210 и 10 л.

17. Миней Четіихъ Январь и Февраль, въ л. 1, 224, 1, 122 и 10 л.

18. Миней Четіихъ, Мартъ и Апрѣль, въ л., 1, 114, 1, 94 и 10 л.

19. Миней Четіихъ Май и Іюнь, въ л. 1, 118, 1, 119 и 10 л.

20. Миней Четіихъ Іюль и Августъ, въ л., 1, 158, 1, 161 и 10 л.

1764

21. О подражаніи І. Христу, соч. Ѳ. Кемпійскаго, пер. Игн. Бѣленевскаго, въ 8-ку.

1765

22. Служебникъ (литургіаріонъ). въ л., 3 и 296 л.

1767

23. Тріодь цвѣтная, въ л., 1, 457 и 16 л.

1768

24. Народовѣщаніе, въ 4-ку, 9 и 305 л.

1769

25. Слово о соединеніи между восточною и западною церковію, еписк. Мих. Олшавскаго, на латинскомъ яз., съ перевод., въ 4-ку.

1771

26. Евангеліе, изд. 2-е, въ л., 7, 272 и 44 л.

27. Писмена, си есть начатки догмато-нравоучительныя богословіи, въ 4-ку, 50 и 915 (?) стр.

1772

28. Гора Почаевская, въ 4-ку, 1, 116 и 4 л.

1774

29. Канонъ Богородицѣ, въ 4-ку, 1 и 234 л.

30. Октоихъ, въ л., 1 и 500 л.

1775

31. Егхиридіонъ, въ 8-ку, 3 и 153 л.

32. Ирмологіонъ, въ л., 7, 215 и 8 л.

1776

33. Чинъ іерейскаго наставленія въ пути вѣчныя жизни болѣзнующихъ, въ 8-ку, 2 и 95 л.

34. Богословіе нравоучительное отца Павла Гавріила Антоніе, въ 4-ку, 24 и 236 стр.

35. Акаѳисты различные (числомъ 17), изд. 2-е, въ 4-ку, 1, 163 и 52 л.

1777

36. Трефологіонъ, въ листъ, 3, 493, 2 л. и 34 стр.

37. Сборникъ, или нѣкоторыхъ на всякъ день потребныхъ моленій собраніе, въ 24-юд., 1, 188 и 1 л.,

38. Псалтирь, въ 4-ку, 50, 24 и 368 л.

1778

39. Дороѳея Аввы поученія, въ 8-ку.

40. Часовникъ, въ 8-ку, 2 и 276 л.

41. Служебникъ, въ л., 4, 307 и 4 л.

42. Народовѣщаніе, или слово къ народу каѳолическому, въ 4-ку, 8, 300 и 1 л.

1779

43. Давида прор. Псалмы, въ 8-ку.

44. Богословіе нравоучительное, въ 4-ку, 2 и 227 л.

1780

45. Евангеліе, въ листъ.

46. Послѣдованіе погребенія иноческаго, въ 4-ку, 60 стр.

1781

47. Сѣмя слова Божія, въ л., 3, 242, 1 и 233 л.

1782

48. Сборникъ, въ листъ.

49. Покаяніе скитское, въ 8-ку, 53 л.

50. Собраніе краткія науки объ артикулахъ вѣры, въ 8-ку, 78 л.

1783

51. Псалтирь въ 4-ку, 50, 22, 3, 1 и 368 л.

52. Канонникъ, въ 4-ку, 332 л.

53. О артикулахъ вѣры наука, въ 8-ку, 78 л.

54. О христіанскомъ житіи, въ 4-ку, 20 л.

1784

55. Апостолъ толковый, въ листъ, 1041 л.

56. Тріодь постная, въ листъ, 3, 239 и 10 л.

57. Цвѣтникъ, безъ означ. года, въ 4-ку, 76 л.

1785

58. О Артикулахъ вѣры наука, въ 8-ку, 120 и 22 л.

1786

59. Тріодь цвѣтная, въ листъ, 2, 275 и 32 л.

60. Тріодь цвѣтная, въ 4-ку, 1 и 538 л.

61. Требникъ, въ 4-ку, 14, 486 и 16 л.

62. Канонникъ, съ Скитскимъ покаяніемъ въ началѣ, въ 8-ку, 96 л.

1787

63. Богословіо нравоучит., въ 4-ку, 3, 214 и 14 л.

64. Молитвословъ, въ 16-ю д.. 4 и 480 л.

65. Соборникъ, въ листъ, 6 и 881 л.

1788

66. Служебникъ, или Лейтургіаріонъ, въ листъ, 114, 14 и 2 л.

1789

67. Псалтирь съ толкованіемъ, въ л., 3, 34, 252 и 1 л.
68. Бесѣды парохіальныя, въ 8-ку, 16 и 589 стр.

1790

69. Зерцало богословія, въ 8-ку, 12 и 355 стр.

1791

70. Житіе блаж. отца нашего Іова Жельца, въ 8-ку, 16 л.
71. Служебникъ (Литургіаріонъ) особаго состава, въ л., 3 и 347 л.

1792

72. Канонникъ, въ 8-ку, 34 л.
73. Требникъ малый, въ 8-ку, 1, 240 и 50 л.
74. Исповѣданіе мирянамъ, безъ озн. г., въ 8-ку, 18 л.

1793

75. Гора Почаевская, въ 4-ку.
76. Молитвословъ, въ 8-ку, 6, 400 и 32 л.
77. Акаѳисты седмичные, въ 8-ку.
78. Канонникъ, въ 8-ку.
79. Часословъ, въ 8-ку, 2 и 160 л.
80. Богословіе нравоучит., въ 4-ку, 2 и 234 л.

1794

81. Уставъ о христіанскомъ житіи, о постахъ, поклонахъ и проч., въ 8-ку, 120 (129?) л.
82. Ирмологіонъ, 3-е изданіе, въ л., 7, 216 и 8 л.
83. Наука парохіальная, въ 4-ку, 8 и 284 стр.
84. Псалтирь, въ 4-ку, 33 и 363 л.
85. Часословъ, въ 4-ку. 206, 56 и 2 л.
86. Цвѣтникъ, въ 4-ку, 60 и 91 л.
87. Басни Талмудовы, въ 8-ку, 18 л.
88. Василія Новаго житіе, въ 4-ку, 164 л.
89. Уставецъ, въ 8-ку.

1795

90. Канонникъ, въ 4-ку.
91. I. Златоустаго и другихъ поученія, въ л.
92. Василія Новаго Житіе, въ 4-ку, 164 л.
93. Никона Черногорца Пандекты и Тактиконъ, въ листъ, 16, 576, 11 и 212 л.
94. Уставъ о христіанскомъ житіи, въ 8-ку, 120 л.

1797

95. Кирилла, архіеп. Александр., слово о исходѣ души отъ тѣла, въ 4-ку.

1798

96. Библія, въ 5 том., въ л., 3, 157, 151, 126, 204 и 188 л.
97. Псалтирь на Славянскомъ и Польскомъ яз., въ 8-ку.
98. Часословъ, въ листъ.
99. Акаѳисты, въ 4-ку, 3, 287 и 9 л.
100. Златоустъ, въ л., 8 и 334 л.

1800

101. Минея общая, въ 4-ку, 1 и 206 л.

Въ XIX столѣтіи въ Почаевѣ вышло *девять* книгъ (См. „Очеркъ Ундольского“), изъ коихъ слѣдуетъ назвать Лексиконъ сирѣчь словесникъ Славянскій (1804).

КІЕВЪ.

1614

1. Канонникъ, въ 8-ку.

1617

2. Часословъ, въ 8-ку, 22 и 192.

1618

3. „Везерункъ цнотъ превелебного въ Бозѣ его милости, господина отца Елисея Плетенецкаго, архим. Кіевскаго мон. Печерскаго“, въ 4-ку, 6 л.

1619

4. Анѳологіонъ (Минея праздн.), въ листъ, 16 и 1048 стр.
5. „Книга о вѣрѣ истиной св. церкве“, такъ называемая Азаріева вѣра, въ 4-ку, 4, 317 и 308 стр.*).

1620

6. Номоканонъ, въ 4-ку, 4 и 140 стр.
7. Служебникъ, въ 4-ку, 16, 56 и 521 стр.

1622

8. Верше Касс. Саковича на погребеніе Петра Конаш. Сагайдачнаго, въ 4-ку, 24 л.

1623

9. Бесѣды Іоанна Златоустаго на 14 посланій апост. Павла, напечат. въ листъ, 1, 5, 16 л. и 3202 столбц.
10. Тріодь постная, въ листъ.

1624

11. Номоканонъ, въ 4-ку, 8 и 175 стр.
12. Бесѣды Іоанна Златоустаго на Дѣянія св. Апост., въ листъ, 24 (въ нѣкот. экз. 36) и 534 стр.
13. Псалтирь, напеч. мон. Іос. Кирилловичемъ, въ 4-ку, 24 и 456 стр.

1625

14. Апокалипсисъ съ толк. Андрея архіеп. Кессар., въ листъ, 16, 158 стр.
15. Акаѳисты, въ 4-ку, 15 и 205 стр.
16. Часословъ, въ тип. Тим. Ал. Вера, въ 4-ку 288 л.
17. Акаѳистъ Успенію Пресв. Богородицы, въ 4-ку, 10 и 205 стр.
18. „Казанье на честномъ погребѣ“ Елисея Плетенецкаго, соч. Захаріи Копистенскаго, въ 4-ку, 1 л. и 46 стр.
19. Омилія Зах. Копистенскаго на годовую память Елисея Плетенецкаго, въ 4-ку, 60 стр.

1626

20. Часословъ, въ тип. Тим. Ал. Вера, въ 4-ку, 4 и 294 стр.
21. Отечника (отъ) Скитскаго повѣсть удивительна о діаволѣ, въ 4-ку.
22. Житія пр. Памвы и св. мученицы Акилины, въ 4-ку.

1627

23. Тріодь постная, въ листъ, 4 и 802 стр.
24. Повѣсть о Діаволѣ, отъ Отечника Скитскаго, въ 4-ку, 8 стр.
25. Лексиконъ Славяно-Россійскій, сост. Памвою Берындою, въ 4-ку, 4 стр., 475 столбц. и 476—477 стр.

*) Эту книгу, неимѣющую году, самъ авторъ, Захарія Копыстенскій, относитъ къ 1619 г. («Обзоръ» Филарета, I, 250).

1628

26. Агапита діак. Главизны поучит., въ 4-ку, 6 и 22 стр.

27. Акаѳистъ Богоматери, въ листъ.

28. Аполлія Апологіи, на 3 и 9 л., въ 4-ку.

29. Дороѳея аввы поученія, въ 4-ку, 4 л. и 452 стр.

30. Лимонарь, напечат. Спир. Соболемъ, въ 4-ку, 8 и 183 стр.

31. Минея общая, напеч. у Спир. Соболя въ листъ, 2, 260, 17, 12 и 4 л.

1629

32. Акаѳисты въ 4-ку, 296 стр.

33. Граммата окружная митр. Кіевскаго Іова Борецкаго, въ 4-ку

34. Намоканонъ 3-е изд., въ 4-ку, 16 и 175 стр.

35. Октоихъ (собств. Шестодневъ), у Спир. Соболя, въ 4-ку, 2 и 297 л.

36. Октоихъ, другое изданіе, дополненное, въ 4-ку, 2 и 286 л.

37. Псалтирь, въ 16 долю, 614 стр.

38. Литургіаріонъ, си есть служебникъ, въ листъ, 14 л., 144 и 304 стр.

39 Служебникъ, напеч. въ Кіевѣ при Іовѣ Борецкомъ, въ л., 227 и 42 л.

1630

40. Апостолъ (тетръ), напеч. у Спир. Соболя, въ листъ, 242 л.

41. Имнологія, си есть пѣснопѣніе на день Воскресенія Господня, поднесен. Петру Могилѣ, въ 4-ку, 6 л.

1631

42. Тріодь цвѣтная, въ листъ, 12 л. и 828 стр.

1632

43. Ευχαριστήριον, албо вдячность Петру Могилѣ отъ спудеовъ, въ 4-ку, 36 стр.

44. Крестъ Христа Спасителя, слово Петра Могилы, въ 4-ку, 4 л. 56 стр.

1633

45. Евфонія веселобрмячаа на высоце славный ѳронъ митрополіи Кіевской щастливе вступуючему..... Киръ Петру Могилѣ..... отъ Кіевскихъ типографовъ при унижономъ поклонѣ прудко дедикованная, въ 4-ку, 10 стр,

1634

46. Макарія Египетскаго бесѣды, въ 4-ку.

47. Парамиѳіа, сирѣчь утѣшительныя мольбы, въ 4-ку, 10 и 144 стр.

1636

48. Анѳологіонъ, въ 16 долю, 13 (12?) и 418 л.

1637

49. Евангеліе учительное, въ листъ, 18 и 1031 стр.

1638

50. Николаю чуд. Мирликійскому служба съ житіемъ, въ 4-ку.

51. Тестаментъ царя Василія Греч. изд. Спир. Соболемъ, въ 12 долю, 92 л.

52. Служебникъ, въ 8-ку.

1639

53. Служебникъ, въ 4-ку, 16, 720, 8 и 128 стр.

1640

54. Псалтирь, въ 4-ку.

55. Тріодь постная, въ листъ, 7 л. и 884 стр.

1641

56. Казанье погребовое надъ тѣломъ кн. Иліи Иліи Святоп. Четвертенского, соч. Игн. Оксеновича-Старушича, въ 4-ку, 26 л.

1642

57. Псалтирь, въ 12 долю, болѣе 328 л.

58. Тріодь цвѣтная, въ листъ.

1643

59. Полууставъ, въ 8-ку, 24, 890, 334 (по Кар. +64) стр.

60. Псалтирь слѣдов., въ 8-ку, 4 и 230 л.

1644

61. Псалтирь слѣдованная, въ 12-ю д., 4, 284 и 136 л.

1645

62. Собраніе науки объ артикулахъ вѣры, въ 8-ку, 4 и 102.

63. Библія лицевая, въ 4-ку.

1646

64. Тестаментъ царя Василія Греч., въ 12 долю.

65. Требникъ (Евхологіонъ) изд. Петромъ Могилою, въ листъ, 20, 946 (994 ?), 4, 263, 2 и 430 стр.

66. Тріодь постная, въ листъ, 12 и 880 стр.

1648

67. Тріодь постная, въ листъ, 12 и 880 стр.

1649

68. Собраніе науки объ артикулахъ вѣры, въ 8-ку.

1650

69. Псалтирь, въ 4-ку.

1652

70. Постановленіе о войскѣ Запорожскомъ, въ листъ.

71. Псалтирь, въ 8-ку, 2 и 160 л.

72. Требникъ, въ 8-ку, 7, 346 и 17.

1653

73. Служебникъ, въ 4-ку, 4, 360 и 65 л.

1654

74. Акаѳисты Іисусу, Богоматери и Николаю Чуд., въ 4-ку, 4 и 234 л.

1656

75. Патерикъ Печерскій, въ лицахъ (отд. отт изъ Патер.), въ 4-ку, 40 стр.

1657

76. Ирмологъ, въ 4-ку.

77. О Сакраментахъ или тайнахъ въ посполитости, въ 4-ку, 18 л.

78. Часословъ и молитвы повседневныя, въ 8-ку, 6, 428 и 29 л.

1658

79. „Столпъ цнотъ знаменитыхъ въ Богу зешлого Сильвестра Коссова, въ Коллегіумѣ Кіево-Могилевскомъ выставленый“.—Это Панегерикъ Кіевскому митроп. Сильв. Коссову, въ листъ, 50 л.

80. Новый Завѣтъ съ Псалтирью, въ 8-ку, 4, 144, 6, 550 и 20 л.

81. Псалтирь слѣдов., въ 8-ку.

1659

82. Новый Завѣтъ, изд. 1-е, въ 8-ку.

83. Требникъ, въ листъ.

84. Ключъ разумѣнія І. Галятовскаго, въ л., 2 и 253 л.

85. Постановленіе съ Запорожцами, въ листъ, 1 и 26 л.

1660

86. Часословъ и молитвы повседн., въ 32 долю.

87. Ключъ разумѣнія, въ листъ.
88. Къ ключу разумѣнія казаня приданыи, въ листъ, 1 и 149 л.

1661

89. Часословъ, въ 12 долю.
90. Патерикъ-Печерскій, въ листъ, 20, 289 и 15 л.
91. О успеніи Богородицы повѣствованіе, въ 4-ку, 30 л.

1663

92. Часословецъ, въ 16 долю.
93. Акаѳисты, въ 4-ку, 2 и 244 л.

1664

94. Букварь, въ 8-ку, 40 л.

1666

95. Мечъ духовный, соч. Лаз. Барановича, въ листъ, 15 и 465 л.

1667

96. Часословъ, въ 12 (?) долю, 8, 447 и 21. л.
97. Псалтирь, въ 4-ку, 5 и 238 л.
98. Акаѳисты и каноны, въ 4-ку.

1668

99. Часословъ, въ 8-ку, 1 и болѣе 132 л.
100. Выкладъ о церкви, въ 4-ку, 95 л.
101. О Тайнахъ (наука), въ 4-ку, 1 и 16 л.

1669

102. Мессія правдивый соч. І. Галятовскаго, въ 4-ку, 18, 249 и 5. л.
103. Миръ съ Богомъ человѣку, въ 4-ку, 30, 666 и 8 стр.

1670

104. Букварь, въ 8-ку, 34 л.
105. Канонникъ, въ 8-ку.
106. Октоихъ, въ 4-ку, 3 и 298 л.
107. Акаѳисты и каноны, въ 16 д., 1, 412 и 38 л.

1671

108. Наука о тайнѣ св. покаянія, въ 16 долю, 1, 118 и 3 л.
109. Служба и Житіе Іоанна Рыльскаго, въ 4-ку, 4 и 40 л.
110. Псалтирь съ возслѣдованіемъ, въ 8-ку.

1672

111. Молитвословъ, въ 12 долю.
112. Полууставъ, напечат. 2-мъ издан., въ 8-ку, 2, 8 и 663 л.
113. Часословъ, въ 12 долю, 8, 455 и 40 л. (36 ?).

1674

114. Акаѳисты, въ 4-ку, 2 и 246 л.
115. Ирмологъ, въ 8-ку, 2, 240 и 311 л.
116. Трубы словесъ проповѣдныхъ, Лазаря Барановича, въ листъ, 10, 403 и 4 л.
117. Синопсисъ, въ 4-ку, 2 и 22 л.

1675

118. Номоканонъ, въ 4-ку.

1676

119. Часословъ, въ 16 долю, 8, 480 и 40 л.
120. Требникъ (Правила нужныя іереямъ), въ 8-ку, 100 и 25 л.
121. Огородокъ Маріи Богородицы, соч. Антон. Радивиловскаго, въ л., 28, 1128 и 3 стр.
122. Плачъ о преставленіи царя Алексѣя Михайловича, соч. Лазаря Барановича, въ 4-ку.

1677

123. Требникъ, въ 4-ку, 4, 431 и 16 л.
124. Акаѳисты, въ 4-ку, 4, 324 и 22 л.

1678

125. Псалтирь, въ 4-ку, 2, 8, 224 и 26.
126. Патерикъ Печерскій, напеч. 2 издан., въ листъ, 13, 275 и 14 л.
127. Синопсисъ, въ 4-ку, 2 и 132 стр.

1679

128. Часословъ, въ 8-ку, 6, 492 и 60 л.
129. Молитвословъ, въ 24-ю долю, 5 (?), 492 и ок. 60 л.
130. Требникъ, въ 4-ку.
131. Казанской Богородицы служба, въ 4-ку, 20 л.
132. Трубы словесъ проповѣдныхъ, соч. Лазаря Барановича, въ листъ.

1680

133. Тестаментъ, въ 8-ку, 3 и 56.
134. Синопсисъ, въ 4-ку, 4 и 224 стр.
135. Синопсисъ, въ 4-ку, 2 и 129 л.
136. Минея общая съ праздниками, въ листъ, 10, 508 и 1 л.
137. Нерукотворенному образу служба, въ 4-ку, 20 л.
138. Николаю чуд. Мирликійскому служба съ житіемъ, въ 4-ку, 114 и 2 л.
139. Святцы (съ Іосиф. изд.), въ 16 долю, 271 л.

1681

140. Требникъ, въ 4-ку, 1, 3, 431 и 7 1 л.
141. Молебенъ ко пресв. Богородицѣ въ нашествіи варваровъ, въ 4-ку, 16 л.
142. Молебное пѣніе къ пресв. Богородицѣ, его же отъ оклеветанія въ печалѣхъ и напастехъ сущіи да поютъ. Въ 4-ку, 1 и 11 л.

1682

143. Полууставъ, въ листъ, 4 и 335 л.
144. Часословъ съ изобр., въ листъ, 4 и 344 л.

1685

145. Часословецъ, въ 12 долю, 10 и 304.
146. Молитвословецъ, въ 12 д., 4, 528 и 37 л.

1686

147. Житіе Іоанна Кущника, въ 4-ку, 21 л.

1688

148. Вѣнецъ Христовъ, проповѣди Антонія Радивиловскаго, въ листъ, 20 и 543 л.
149. Три вѣнца молитвенные, въ листъ, 8 л.

1689

150. Миней-Четьихъ мѣс. Сентябрь, Октябрь и Ноябрь, въ листъ, 10 и 657 л.
151. Требникъ, въ листъ.

1690

152. Псалтирь слѣдов., въ 8-ку, 3, 258 и 3 л.
153. Полууставъ, въ 8-ку.

1691

154. Полууставъ, въ 8-ку, 18, 144, 516 и 8 л.
155. Молитвословъ, въ 32 д., 528 и болѣе 40 л.
156. Молитвословъ, въ 8-ку.

1692

157. Служебникъ, въ 8-ку, 4 (по Кар. 12) и 120 л.
158. Новый Завѣтъ со Псалтирью впереди, въ 4-ку, 8, 118 и 439.

1693

159. Псалтирь, въ 4-ку, 10 и 250 л.

160. Молитвы съ тропарями по всякой каѳісмѣ, въ 4-ку, 24 л.

161. Акаѳисты І. Христу и Богоматери, въ 4-ку.

162. Акаѳисты съ прочими спасительными мольбами, въ 4-ку, 2, 272 и 1 л.

163. Псалтирь, въ 12 д., 258 л.

1694

164. Апостолъ, въ листъ.

165. Молитвы и акаѳисты, въ 4-ку.

166. Вѣнецъ молитвъ седмичныхъ, дванадесятозвѣздный, въ 4-ку, 1 и 18 л.

167. Николаю чудот. Мирликійскому служба съ житіемъ, въ 4-ку, 152 л.

1695

168. Апостолъ, въ листъ, 16 и 295.

169. Псалтирь, съ краткимъ толкованіемъ, въ листъ.

170. Акаѳисты и каноны и прочія спасительныя мольбы, въ 16 д., 1 и 238 (по Стр. 2 и 282) л.

171. Миней Четіихъ мѣс. Декабрь, Генварь и Февраль, въ листъ, 6 и 764 л.

1697

172. Каноны Богородицѣ осмогласные на павечерняхъ, твор. І. Дамаскина, въ 4-ку, 30 и 214 л.

173. Акаѳисты седмичные, въ 4-ку.

174. Псалтирь съ кратк. толков., въ листъ, 7, 32, 260 и 84 л.

175. Евангеліе напрестольное, въ л., 10 и 438 л.

176. Требникъ, въ 8-ку.

1698

177. Виноградъ Христовъ, соч. Стефана Яворскаго, въ 4-ку, 4 и 19 л.

178. Молитвословъ повседневный, въ 8-ку.

179. Ирмолой, въ 24-ю долю, 216 и 2 л.

180. Служба съ акаѳистомъ и житіемъ Николаю чуд. Мирлик., въ 4-ку.

181. Варвары великомученицы житіе съ акаѳистомъ, въ 4-ку, 46 и 3 (ненум.) л.

182. Соборъ Флорентійскій, въ 4-ку.

1699

183. Октоихъ, въ листъ, 3, 367 и 3 л.

1700

184. Молитвословъ, въ 8-ку.

185. Миней Четіихъ мѣс. Мартъ, Апрѣль и Май, въ листъ, 1 и 676 л.

186. Николая чудотв. Мирликійскаго житіе со службою, въ 4-ку, 100 л.

187. Молитвословецъ повседневный, въ 24 долю, 4, 485 и 39 л.

188. Житіе великаго князя Владиміра Кіевскаго, въ 4-ку, 12 л. Вѣроятно, въ Кіевѣ.

189. Житіе св. Іоанникія великаго, въ 4-ку.

1701

190. Сказаніе о церкви Печерской Кіевской, въ 4-ку, 38 л.

191. Сказаніе Іеронима объ Іудѣ предателѣ, безъ обозначенія мѣста и года изд., въ 4-ку. По Строеву, около 1692 года.

192. Сказаніе о св. Іуліаніи Муромской, безъ выхода, въ 4-ку, 10 стр.

1702

193. Тріодь цвѣтная, въ листъ.

194. Акаѳисты и каноны, въ 16 долю, 2 и 282 л.

195. Вѣнецъ молитвъ седмичныхъ, въ 16 д., 37 л.

196. Патерикъ Печерскій, въ листъ, 13, 273 и 15 л.

197. Патерикъ Печерскій, въ л., 26, 273 и 15 л.

1703

198. Требникъ (Правила нужныя іереямъ), въ 12-ю долю, 198 и 18 л.

299. Требникъ, въ 8-ку, на 125 л.

200. Новый Завѣтъ, въ 8-ку, 18 и 438 л.

201. Псалтирь, въ 16 долю, 6 и 324 л.

1704

202. Октоихъ, въ 4-ку, 4 и 320 л.

203. Евангеліе св. страстей, въ листъ, 36 л.

1705

204. Миней Четіихъ мѣс. Іюнь, Іюль и Августъ въ листъ, 1 и 790 л.

205. Сказаніе о обрѣтеніи мощей св. дѣвицы Іуліаніи, въ 4-ку, 8 л.

206. Псалма 50-го толков., въ 8-ку.

207. Псалтирь, въ 4-ку, 10 и 280 л.

1706

208. Акаѳисты всеседмичн., въ 4-ку, 4, 304 и 14 л.

209. Молитвословъ, въ 32-ю долю, 4 и 480 л.

1707

210. Молитвы Господней истолкованіе, въ 16-ю долю, 83 л.

211. Толкованіе на 50-й псаломъ, въ 8-ю д., 117 л.

212. Молитвословъ, въ 16-ю долю, 7, 514 и 4 л. (послѣ 198 листа, л. 1—23, затѣмъ 200, 201-й и т. д.).

213. Молитвословъ, въ 16-ю долю.

214. Акаѳисты всеседмичные, въ 4-ку, 2, 264 и 33 л.

215. Евангеліе напрестольное, въ листъ, 3 и 315 л. (изданіе роскошное).

1708

216. Псалтирь, въ 12-ю долю, 1, 6, 8 и 237 (по Пекар. 8, 235 и 8) л.

217. Служебникъ (литургіаріонъ), въ л., 8 и 353 л.

1709

218. Православное исповѣданіе, въ 4-ку.

219. Акаѳистъ, въ 4-ку, 4, 280 и 1 л.

220. Панегирикосъ, или слово похв. Петру I о побѣдѣ подъ Полтавою, соч. Ѳ. Прокоповича, въ листъ, 10 ненум. л.

Тоже, другое изд. въ томъ же году, въ л., 2 и 9 л.

221. Слово похв. кн. А. Д. Менщикову, соч. Ѳ. Прокоповича, напеч. въ листъ, 8 л.

1710

222. Алфавитъ духовный, въ 8-ку, 4 и 192 л.

1711

223. Миней Четіихъ Сентябрь, Октябрь и Ноябрь, въ листъ.

1712

224. Евангеліе напрестольное, въ л., 10 и 438 л.

225. Православное исповѣданіе вѣры (катихизисъ), въ 4-ку, 12 и 111 л.

226. Иѳика, іерополитика, въ 12-ю долю, 10, 174 и 2 л., 67 грав.

1713

227. Часословъ (Орологіонъ) изд. 2, въ листъ, 4, 355 и 2 л.

228. Календарь на 1714 годъ, въ 4-ку, 16 л.

229. Молитвословъ, въ 8-ку.

*

230. Алфавитъ духовн., изд. 2-е, въ 8-ку 4 и 197 л.
231. Молитвословецъ повседневный, въ 24-ю д., 3, 572 и 37 л.
232. Полууставъ, въ листъ.

1714

233. Діалогизмъ духовный, соч. Варл. Голенковскаго, въ 8-ку, 9 и 257 л.
234. Миней Четіихъ Декабрь, Генварь и Февраль, въ листъ, 5, 763 и 3 л.

1715

235. Псалтирь, въ 4-ку, 13 и 280 л.
236. Тріодь постная, въ листъ, 3, 424 и 10 л.

1716

237. Календарь на 1717 г., въ 4-ку, 18 л.
238. Канонникъ, въ 4-ку, 10 и 236 л.
239. Миней Четіихъ Мартъ, Апрѣль и Май, въ листъ.
240. Варвары великомуч. житіе съ акаѳистомъ, въ 4-ку, 5 и 48 л.

1717

241. Молитвословъ, въ 8-ку.
242. Акаѳисты, въ 4-ку, 2, 275 и 33 л.
243. Аѳанасія Александрійскаго символъ вѣры, въ 8-ку.

1718

244. Миней Четіихъ Іюнь, Іюль и Августъ, въ листъ.
245. Мѣсяцесловъ (минологіонъ) общаго послѣдованія, въ л., 4 и 534 л.

1720

246. Псалтирь, въ 8-ку, 12, 244, 2 и 16 л.
247. Календарь и мѣсяцесловъ христіанскій на 1721 г., въ 4-ку, 19 л.

1721

248. Молитвословъ, въ 24-ю д., 1, 634 и 14 л.
249. Календарь на лѣто 1722, въ 4-ку, 38 стр.
250. Молитвословъ, въ 32-ю д., 634 л. и Пасхалія безъ пагинаціи.

1723

251. Часословъ съ возслѣдованіемъ, напечатан. еванг. буквами, въ л., болѣе 384 л.

1724

252. Тріодь цвѣтная, въ листъ, 1 и 510 л.
253. Регламентъ о содержаніи овецъ въ Малой Россіи, въ листъ.

1725

254. Псалтирь, въ 16-ю долю, 16 и 335 л.
255. Тріодь цвѣтная, въ л., 1 и 510 л.

1727

256. Новый Завѣтъ, въ 4-ку, 1, 4 и 511 л.
257. Псалтирь, въ 8-ку, 11 и 281 л.
258. Календарь на 1728-й г., въ 4-ку, 12 л.
259. Акаѳисты, въ 4-ку.

1728

260. Акаѳистъ великом. Варварѣ, въ 4-ку, 4 и 52 л.
261. Псалтирь съ толкованіемъ, въ л., 9, 37 и 337 л.
262. Канонникъ, въ 8-ку.
263. Молитвословъ, въ 12-ю д., 10 и 586 л.
264. Псалтирь слѣдов., въ листъ.
265. Календарь на 1729 г., въ 4-ку.

1729

266. Часословъ, въ листъ, 3 и 385 л.
267. Молитвословъ, въ 24-ю д., 2 и 189 (?) л.
268. Календарь на лѣто 1730, въ 4-ку, 22 стр.

1730

269. Камень вѣры, въ л., 18, 6 л. и 1056 стр.

1731

270. Акаѳисты, въ 4-ку, другое изданіе, съ бордюромъ по листамъ.
271. Календарь на 1732 годъ, въ 4-ку, 10 л.
272. Канонникъ, въ 4-ку, 2 и болѣе 219 л.
273. Акаѳисты, въ 4-ку, 2 и 339 л.

1732

274. Псалтирь, въ 4-ку.
275. Евангеліе, въ 4-ку.
276. Новый Завѣтъ, въ 4-ку, 492 л.
277. Акаѳисты, въ 4-ку.
278. Календарь на 1733 г., въ 4-ку, 22 л.

1733

279. Псалтирь, въ 8-ку, 10 и 254 л.
280. Евангеліе съ изображен., въ л., 13 и 434 л.
281. Извѣстіе о бѣдств. случаяхъ, въ 8-ку, 64 л.
282. Календарь на 1734 г., въ 4-ку.

1734

283. Анѳологіонъ, въ листъ
284. Молитвословъ, въ 16-ю долю, 10 и 586 л.
285. Календарь на лѣто 1735, въ 4-ку, 16 л.

1735

286. Календарь, въ 4-ку.
287. Служебникъ, евангельской азбуки, съ гравюрами А Козачковскаго, въ л., 2, 6, 8 и 282 л.

1736

288. Псалтирь, въ 8-ку.
289. Служебникъ, въ 8-ку, 3, 12 и 315 л.
290. Требникъ, въ 4-ку.

1737

291. Псалтирь, въ 16-ю долю, 10 и 146 л.
292. Акаѳистъ св. великомуч. Варварѣ, въ 4-ку, 4 и 52 л.
293. Евангеліе, въ 16-ю долю, 1, 12 и 244 л.
294. Апостолъ, въ 16-ю долю, 1 и 330 л.
295. Канонникъ, въ 8-ку.
296. Молитвословъ, въ 16-ю долю, 10 и 582 л.
297. Молитвословъ краткій, въ 24 д., 2 и 189 л
298. Служебникъ, въ 4-ку, съ гравюрами Козачковскаго и іеромон. Макарія, 3, 10 и 302 л.

1738

299. Молитвословъ, въ 16-ю (24-ю?) д., 2 и 212 л.
300. Апостолъ, въ листъ.
301. Часословъ, въ листъ.
302. Требникъ, въ 12-ю долю.
303. Николаю чуд. Мирлик. служба съ житіемъ, въ 4-ку.

1739

304. Октоихъ, въ 2 столбца, въ л., 9 (?) и 412 л.
305. Псалтирь, въ 8-ку, 10 и 240 л.
306. Правило ко св. причащенію, въ 8-ку.
307. Варвары великомуч. житіе съ акаѳистомъ, въ 4-ку.

1740

308. Служебникъ, въ листъ, 2 и 288 л.
309. Часословъ (при Іоаннѣ Антоновичѣ), въ 8-ку

1741

310. Акаѳисты, въ 4-ку, 2 и 339 л.

311. Псалтирь, въ листъ.
312. Новый Завѣтъ, въ 4-ку, 1, 9, 530 и 19 л.
313. Акаѳистъ великомуч. Варварѣ и житіе ея, въ 4-ку.
314. Алфавитъ дух., въ 8-ку.

1742

315. Псалтирь, съ толков., въ листъ.
316. Псалтирь, въ 8-ку.
317. Часословъ съ возслѣд., евангел. азбуки, въ л.
318. Молитвословъ со Псалтирью, въ 8-ку, 1, 6, 154, 2 и 478 л.
319. Молитвословъ, въ 12-ю д., 10 и 586 л.

1744

320. Шестодневъ, въ 4-ку, 1 и 324 л.
321. Привѣтствіе на Русскомъ, Латинскомъ и Польскомъ яз. импер. Елисаветѣ отъ академіи Кіевской, соч. Мих. Козачинскаго, въ листъ (?).

1745

322. Трефолой, въ листъ.

1746

323. Евангеліе напрест., въ листъ.
324. Служебникъ, въ листъ, 2 и 288 л.
325. Молитвословъ, въ 12-ю д., 9 и 587 л.
326. Канонникъ, въ 8-ку.
327. Каноны Богор. покаянные, въ 4-ку.
328. Молитвословъ краткій, въ 24-ю д., 2 и 610 л.

1747

329. Псалтирь, въ 8-ку.
330. Тріодь цвѣтная, въ листъ, 1 и 496 л.
331. Акаѳистъ св. великом. Варварѣ, въ 4-ку, 5 и 52 л.
332. Акаѳисты съ каноны, въ 4-ку, 2 и 339 л.
333. Алфавитъ духовный, въ 8-ку, 4 и 220 л.

1748

334. Новый Завѣтъ, въ 4-ку.
335. Молитвословъ, въ 8-ку.
336 Розыскъ о раскольнической Брынской вѣрѣ, въ 8-ку, 1 и 553 л.
337. Акаѳистъ вмч. Варварѣ и житіе ея, въ 4-ку.
338. Алфавитъ духовный, въ 8-ку, 4 и 220 л.

1749

339. Канонникъ, въ 12-ю долю.

1750

340. Миней служеб. полный годъ, въ 6 кн., въ л.
341. Псалтирь, въ 8-ку (въ 32-ю д.?). 15 и 338 л.
342. Псалтирь съ толков., въ листъ.
343. Требникъ, въ 4-ку, 4, 358 и 14 л.
344. Православное исповѣданіе вѣры, въ 8-ку, 1, 18 и 395 л.

1751

345. Апостолъ, въ 8-ку.
346. Часословъ, въ листъ.
347. Канонникъ, въ 8-ку.
348. Николаю чудотв. Мирлик. служба и житіе, въ 4-ку, 2 и 126 л.

1752

349. Евангеліе съ зачалами, въ 8-ку, 1, 9 и 281 л.
350. Апостолъ, въ листъ, 1, 12 и 360 л.
351. Псалтирь, въ 8-ку, 10 и 354 л.
352. Правило ко св. причащенію, въ 4-ку.

1753

353. Новый Завѣтъ, въ 4-ку, 1, 9 и 544 л.
354. Апостолъ, въ 4-ку.
355. Ирмологъ, въ 4 ку.
356. Правило ко св. причащенію, въ 4-ку.
357. Акаѳистъ вмч. Варварѣ, въ 4-ку, 5 и 52 л.
358. Первое ученіе отрокамъ, въ 8-ку, 8 и 72 л.

1754

359. Псалтирь, въ 16-ю долю.
360. Канонникъ, въ 12-ю долю.
361. Требникъ, въ 8-ку.
362. Николаю чуд. Мирлик. служба и житіе, въ 4-ку.
363. Молебныя пѣнія, въ 4-ку, 16, 10, 10, 24 и 37 л.
364. Молебное пѣніе въ нач. новаго лѣта, въ 4-ку.
365. Шестодневъ, въ 4-ку, 324 л.
366. Служба благод. о побѣдѣ подъ Полтавою, въ 4-ку.

1755

367. Псалтирь съ толков., въ листъ.
368. Молитвословъ, въ 8-ку.
369. Оглавленіе книгъ Св. П., также синопсисъ, сирѣчь краткое сказаніе книгъ В. и Н. Завѣта, соч. Аѳанасія архіеп. Алекс., въ 8-ку, 1 и 202 л.
370. Алфавитъ духовный, въ 8-ку.
371. Православное исповѣданіе вѣры, въ 8-ку.

1756

372. Псалтирь съ возслѣд., въ листъ, съ изобр., 2, 10, и 569 л.
373. Каноны съ малымъ повечеріемъ, въ 4-ку, 3 и 228 л.
374. Канонникъ, въ 8-ку.
375. Канонъ Пасхи, въ 8-ку.
376. Варварѣ вмч. акаѳистъ, въ 4-ку.

1757

377. Апостолъ, въ листъ.
378. Служба съ акаѳ. и житіе св. Николая Чудотворца, въ 4-ку, 2 и 124 л.
379. Минея общая, въ листъ, 2 и 171 л.
380. Молитвословъ, въ 8-ку.
381. Канонникъ, въ 12-ю долю.
382. Служба съ акаѳистомъ успенію пр. Богородицы, въ 4-ку.

1758

383. Библія съ изображ., въ л., 49, 574, 157 и 45 л.
384. Сборникъ моленій, въ 8-ку, 1 и 89 л.
385. Послѣдованіе въ недѣлю Пасхи, въ 12-ю долю, 1 и 141 л.
386. Акаѳисты съ каноны, въ 4-ку, 2 и 332 л.

1759

387. Новый Завѣтъ со Псалт., въ 8-ку.
388. Евангеліе, въ 8-ку, 1, 9 и 281 л.
389. Апостолъ, въ 8-ку (съ изд. 1752 г. строка въ строку). 1, 12 и 360 л.
390. Сборникъ моленій, въ 8-ку.
391. Канонникъ, въ 12-ю долю.
392. Чинопослѣдованіе присоед. къ православн. церкви, въ листъ, 4 и 102 л.
393. Служба св. Димитрію, митр. Ростовскому, въ 4-ку, 26 л.

1760

394. Псалтирь съ кратк. толкованіемъ, въ листъ.

395. Канонникъ, въ 12-ю долю.
396. Догматы правосл. вѣры, соч. Самуила Миславскаго, въ листъ.
397. Алфавитъ духовный, въ 8-ку, 4 и 219 л.
398. Патерикъ печерскій, 1-е исправл. изд., въ листъ, 2, 10, 11, 209 и 15 л.

1761

399. Псалтирь, въ 12-ю долю, 10 и 280 л.
400. Тріодь постная, въ листъ, 1 и 445 л.
401. Сборникъ молитвъ, въ 16-ю долю.
402. Параклисисъ пресв. Богородицѣ, въ 8-ку.
403. Служба съ акаѳистомъ успенію пр. Богор. въ 4-ку.
404. Николаю чуд. Мирлик. служба и житіе, въ 4-ку.
405. Служба преп. Антонію и Ѳеодосію Печерскимъ, въ 4-ку.
406. Алфавитъ дух., въ 8-ку.

1762

407. Патерикъ, въ листъ, съ гравюрами и 2-мя план. пещеръ, Л. Тарасевича, 2, 10, 11, 209 и 15 л.
408. Служебникъ, въ 8-ку.

1763

409. Служба преподобнымъ отцамъ Печерскимъ, въ л. 2 и 126 л.
410. Послѣдованіе въ недѣлю Пасхи, въ 8-ку, 1 и 141 л.
411. Молитвословъ, въ 8-ку.
412. Псалтирь, въ 4-ку.
413. Букварь, въ 8-ку.

1764

414. Минеи Четіи 1-е исправл. изд., въ листъ, Сент. четверть, 1, 4, 6, 1, 498 и 6 л.; Декабр. 1, 4, 567 и 4; Март. 1, 519, 5 и 12; Іюн. 1, 438 л.
415. Стихи, избранные изъ Свящ. Писанія, соч. Бестужева-Рюмина, въ 8-ку, 2 и 51 л.
416. Служба преподобнымъ Антонію и Ѳеодосію Печерскимъ съ житіями, въ 4-ку, 1 и 86 л.
417. Сборникъ молитвъ, въ 12-ю долю.
418. Каноны Богородицы, въ 4-ку.
419. Акаѳистникъ, въ 4-ку.
420. Правило ко св. Причащенію, въ 4-ку.
421. Часословъ, въ листъ.
422. Псалтирь, въ 8-ку.

1765

423. Тріодь цвѣтная, въ листъ.
424. Молитвословъ, въ 12-ю долю, 1, 9 и 587 л.
425. Акаѳистникъ, въ 4-ку.

1766

426. Анѳологіонъ, въ листъ.
427. Псалтирь, въ листъ, 9, 37 и 337 л.
428. Часословъ, въ 8-ку.
429. Акаѳистникъ, въ 4-ку.
430. Алфавитъ духовный, въ 8-ку.
431. Букварь, въ 8-ку.
432. Акаѳистъ св. вм-цѣ Варварѣ, въ 4-ку, 1 и 52 л.
433. Сборникъ, то есть, нѣкоторыхъ моленій на всякъ день потребныхъ собраніе, въ 12 д., 1 и 85 л.
434. Служба на св. Пасху, въ 8-ку, 1 и 150 л.

1767

435. Поученіе святительское новопоставл. іерею въ 8-ку.
436. Служба на св. Пасху, въ 8-ку, 1 и 141 л.
437. Служебникъ, въ 12-ю д., 1 и 141 л.

1768

438. Апостолъ, въ листъ.
439. Октоихъ, въ листъ.
440. Требникъ, въ листъ.
441. Служебникъ, въ 8-ку.
442. Требникъ, въ 4-ку.
443. Канонникъ, въ 12 долю.
444. Патерикъ Печерскій, въ листъ.
445. Псалтирь, въ 8-ку, 1, 18 и 162 л.
446. Первое ученіе отрокомъ, въ 8-ку, 1 и 71 л.

1769

447. Шестодневъ, въ 4-ку.
448. Псалтирь, въ 4-ку.
449. Часословъ, въ 8-ку.
450. Ирмологъ, въ 4-ку.
451. Требникъ, въ 4-ку.
452. Православное исповѣданіе вѣры, въ 8-ку.

1770

453. Служба св. Пасхѣ, въ 8-ку, 116 л.
454. Розыскъ, въ 8-ку.
455. Сборникъ моленій, въ 8-ку.
456. Букварь, въ 8-ку.

1771

457. Іоанна Рыльскаго житіе со службою, въ 4-ку.

1773

458. Евангеліе напрест., въ листъ.
459. І. Златоустаго бесѣды на книгу Бытія, въ листъ, 1, 4, 210 и 1, 219 л.
460. Служба въ недѣлю св. Пасхи, въ 8-ку, 116 л.

1774

461. Минея общая, въ листъ.
462. Шестодневъ, въ 4-ку.
463. І Златоустаго бесѣды на 10 псалмовъ Давидовыхъ, въ листъ.
464. І. Златоустаго бесѣды о покаяніи, въ листъ 2 и 142 л.

1775

465. Служебникъ, въ листъ.
466. Псалтирь слѣдов., въ листъ.

1776

467. Розыскъ, въ 8-ку, 1, 463 и 100 л.
468. Сборникъ молитвъ, въ 16-ю долю.
469. Поученія, изд. отъ св. Сѵнода, въ листъ.

1777

470. Патерикъ Печерскій, въ листъ.
471. Молитвословъ, въ 12-ю долю.
472. Варварѣ великом. служба съ акаѳ. и житіемъ, въ 4-ку, 5 и 52 л.

1778

473. Ирмологъ, въ 4-ку.
474. Молитвословъ, въ 12-ю долю.
475. Поученія на всѣ воскресные и праздничные дни, въ листъ, 1, 4, 145, 136 и 150 л.
476. О должностяхъ пресвитеровъ, въ 4-ку.

1779

477. Библія съ изображ., изд. 2-е, въ листъ (кромѣ святцевъ и каталога, во всемъ сходно съ изд. 1758 г.), 49, 574, 158 и 45 л.
478. О должностяхъ пресвитеровъ, въ 4-ку.

1780

479. Канонникъ, въ 12-ю долю.

480. Псалтирь, въ 24-ю д., 2, 14 и 338 л.

481. Алфавитъ духовный, въ 8-ку.

482. Новый Завѣтъ, съ церк. зачалами и парал. мѣстами на поляхъ, въ 8-ку, 1, 9, 232 и 316 л.

1781

483. Псалтирь, съ толков., въ л., 9, 37 и 337 л.

484. Каноны Богородицѣ, въ 4-ку, 1 и 228 л.

485. Азбука, въ 12-ю долю.

486. Руководство къ чтенію Св. Писанія, соч. митр. Амвросія Подобѣдова, въ 4-ку.

1782

487. Поученія кратк. на каждый день года, въ л.

488. Акаѳистъ св. великомученницѣ Варварѣ, въ 4-ку, 5 и 52 л.

1783

489. Акаѳисты, въ 4-ку.

490. Патерикъ Печерскій, въ л., 1, 7, 167 и 18 л.

1784

491. Новый Завѣтъ, въ 8-ку.

1785

492. Служебникъ, въ листъ.

493. Варварѣ вмч. акаѳистъ, въ 4-ку.

494. Службы преподобнымъ отцамъ Печерскимъ, въ листъ, 2 и 151 л.

1786

495. Акаѳисты съ каноны, въ 4-ку.

496. Молебныя пѣнія, въ 4-ку.

1787

497. Минея служ. (?), въ листъ.

498. Рѣчь имп. Екатеринѣ II митр. Самуила Миславскаго, въ листъ.

1788

499. Библія (3-е изд.), въ 5 кн., въ 8-ку, 2, 324, 1, 288, 1, 242, 1, 386, 1 и 336 л.

500. Требникъ, въ 8-ку, 4 и 296 л.

1791

501. Анѳологіонъ, си есть цвѣтословіе, или Треѳологіонъ, си есть словописаніе, въ листъ.

502. Тріодь постная, въ листъ, 1 и 601 л.

503. Патерикъ Печерскій, въ л., 2, 7, 167 и 18 л.

1792

504. Тріодь цвѣтная, въ листъ, 1 и 339 л.

505. Алфавитъ духовн., въ 8-ку.

1793

506. Служба Николаю Чудотворцу съ житіемъ, 3 и 155 л.

1794

507. Часословъ, въ листъ.

508. Грамматика Славено-Россійскаго яз., соч. Аполлоса Байбакова, въ 4-ку.

1796

509. Патерикъ Печерскій, въ листъ.

1797

510. Октоихъ, въ листъ, 1, 8 и 396 л.

511. Сборникъ моленій, въ 16-ю долю.

1798

512. Псалтирь, въ 16-ю долю.

1799

513. Патерикъ Печерскій, въ листъ.

514. Сборникъ молитвъ, въ 8-ку.

1800

515. Канонникъ, въ 12-ю долю.

516. Поученія изд. св. Сvнод., въ листъ, ч. 1 я, 1, 146; ч. 2-я 1 и 136; 3-я 1 и 142 л.

517. Акаѳистъ св. вм-цѣ Варварѣ, въ 4-ку, 5 и 52 л.

Въ XIX вѣкѣ въ Кіевѣ вышло 282 книги (См. „Очеркъ Ундольскаго“).

Существуетъ мнѣніе, что въ Гроднѣ и Варшавѣ типографій съ церковно-славянскимъ шрифтомъ не было, что книги, на титулѣ которыхъ стоитъ Варшава и Гродна, суть произведенія Клинцовской раскольничьей книгопечатни, а ссылка на помянутые два города сдѣлана „для отвода глазъ“. Если это—такъ, то, во всякомъ случаѣ, примѣчательно стремленіе выставлять на титулахъ Варшаву и Гродну, эти новыя въ церковно-славянскомъ печатномъ дѣлѣ имена, а не какіе-либо другіе города, съ старинною типографскою славою.

ГРОДНА.

1768

1. Дороѳея аввы поученія, въ 8-ку.

1781

2. Псалтирь слѣд., въ л., 44 и 342 л.

1783

3. Катихизисъ Лавр. Зизанія, съ моск. изд. 1627 г., въ листъ, 4 и 347 (4, 386 и 12) л.

1785

4. Псалтирь, въ 4-ку, 6, 9, 225, 158 и 2 л.

5. О вѣрѣ правосл. Восточн. церкви, въ л., 289 л.

1786

6. Кириллова (такъ называемая) книга, сборникъ изъ 57 словъ, въ листъ, 15, 8 и 562 л.

7. Россійскимъ всѣмъ святымъ служба, въ 8-ку, 152 л.

8. Служба въ великую субботу и въ свѣтлую седмицу, въ 12-ю долю, 132 л.

1787

9. Катихизисъ Лавр. Зизанія, въ 4-ку, 4 и 395 л.

10. Часовникъ, въ 8-ку, 250 л.

11. Часовникъ, въ 8-ку, 287 и 4 л.

1788

12. Псалтирь, въ 4-ку, 400 л.

13. Псалтирь, въ 4-ку, 367 л.

1789

14. Служба Тихвинской Богородицѣ съ чудесами, въ 4-ку, 166 л.

15. Служба и похвала всѣмъ чудотв. Россійскимъ, въ 8-ку.

16. О житіи христіанскомъ, книга отъ завѣщанія св. Апостолъ и отъ жительства свв. отецъ, въ 4-ку.

17. Псалтирь, въ 4-ку, 33, 363 и 1 л.

1790

18. Канонникъ, въ 8-ку, 107 и 1 л.

19. Дороѳея священноинока цвѣтникъ, въ 4-ку, 483 л.

1791

20. Книга Кириллова, въ 48 гл., въ л., 15, 8 и 562 л.

1792

21. Дороѳея священноинока цвѣтникъ, въ 4-ку, 482 и 1 л.

1794

22. Дороѳея священноинока цвѣтникъ, въ 4-ку, 483 л.

1795

23. Дороѳея священноинока цвѣтникъ (63 гл.), въ 4-ку, 482 и 1 л.

1796

24. Цвѣтникъ Дороѳея священноинока, въ 4-ку, 481 л.

ВАРШАВА.

1767

1. Ефрема Сирина поученія, въ 4-ку.

1772

2. Чинъ 12-ти псалмовъ, исповѣдь и о житіи христіанскомъ. „Типомъ издася въ тип. Аршавской (sic)", въ 8-ку, 112 л.

1785

3. Лѣствица, въ л., 32, 311 и 1 л.
4. Кормчая, въ л., 38, 60, 679, 15 (послѣ 641) и 1 л.
5. Дороѳея аввы поуч., въ 4-ку, 421 л.

1786

6. Часовникъ, въ 4-ку, 177 л.
7. Святцы съ троп. и кондак., въ 4-ку, 158 л.

1788

8. Маргаритъ І. Златоустаго, въ листъ.

1798

9. Псалтирь, въ 4-ку, 316 л.

ПОЗНАНЬ.

1746

1. Грамматика Славено-Богемская, соч. Г. Долешаля, въ 8-ку.

1098

2. Грамматика Словацкая г. Берналака, на Латинск. яз., въ 8-ку.

НОВГОРОДЪ-СѢВЕРСКЪ *).

Именемъ этого города когда-то титуловались великіе князья Литовскіе („княжа Сѣверское"), это древнее княжество когда-то жило одною жизнью политическою съ Кіевомъ, Острогомъ, Вильною и пр., и потому, думается, мы имѣемъ нѣкоторое право, говоря о Западно-Русскихъ книгопечатняхъ, припомнить, что въ этомъ городѣ, съ 1663 по 1678 годъ, вышло десять книгъ, изъ которыхъ къ интересующему насъ дѣлу имѣетъ отношеніе только одна, именно — вышедшая въ 1676 году „Скарбница потребная Іоанникія Галятовскаго" (4°, 8 и 32 л.); пожалуй, сюда могутъ быть отнесены и нѣкоторыя произведенія Лазаря Барановича, въ языкѣ котораго встрѣчается достаточно Западно-Русской примѣси.

*) «Геогр.-стат. слов. П. Семенова», III, стр. 510—511.

ЧЕРНИГОВЪ.

Черниговъ гораздо долѣе, чѣмъ Сѣверскъ, принадлежалъ къ составу Литовско-Польскаго государства, и только въ 1667 году, по Андрусовскому договору, возвращенъ Россіи. Изъ Черниговской книгопечатни, съ 1646 года и до XIX столѣтія вышло 130 книгъ, а въ нынѣшнемъ одна только. Ниже мы приводимъ перечень 35 книгъ, вышедшихъ въ XVII столѣтіи *).

1646

1. Перло многоцѣнное Кирилла Транквиліона Ставровецкаго, въ 4-ку, 8 и 172 л.

1675

2. Часословъ, въ 8-ку.
3. Псалтирь, въ 4-ку.

1676

4. Скарбница (Чудеса отъ иконы Богородицы Елецкой), соч. І. Галятовскаго, въ 4-ку, 8 и болѣе 31 л.

1677

5. Небо новое — чудеса Пресв. Богородицы, соч. І. Галятовскаго, въ 4-ку, 4 (?) и 145 л.
6. Служба Казанской Богородицы, въ 4-ку, 17 л.
7. Чудеса Пресв. Дѣвы Маріи (въ Нов. Сѣв.— по Карат.), въ 4-ку, 3 и 48.

1678

8. Анѳологіонъ, въ листъ.

1680

9. Руно орошенное — чудеса иконы Пресв. Богородицы мон. Ильинскаго Черниговскаго, соч. св. Димитрія, митр. Ростовскаго, въ 4-ку.
10. Благодать и истина І. Христомъ бысть, соч. Лаз. Барановича, въ листъ.
11. Размышленія благочестивыя, въ 4-ку.
12. Лазаря Барановича о пяти ранахъ Іисуса Христа, въ 4-ку, 41 и 355 л.
13. Букварь, въ 8-ку, 36 л.
14. Псалтирь, въ 4-ку, 4 и 249 л.

1682

15. Октоихъ, въ 4-ку, 2 и 326 л.

*) Изъ остальныхъ заслуживаетъ вниманія: «Соборъ на Мартина еретика» (около 1720, 4°, 39 л.).

1683

16. Благодать и истина I. Христомъ бысть, соч. Лаз. Барановвча, въ листъ, 19 л.

17. Царица небу и земли, преч. Дѣва Марія, стихи Л. Барановича на Польск. и Русск. языкѣ, въ листъ, 22 и 1 л.

18. Руно орошенное, въ 4-ку, 7 и 107 л.

1685

19. Тріодь цвѣтная, въ листъ, 7 и 434 л.

20. Грѣхи собранные, или наставленіе духовникамъ и приходящимъ къ исповѣди, въ 4-ку, 29 л.

1686

21. Боги поганскіи, въ болванѣхъ мѣшкаючіи, духове злые, соч. I. Галятовскаго, въ 4-ку, 12 и 36 л.

22. Тріодь цвѣтная, въ листъ.

1687

23. Молитвословъ, въ 12 долю, 3, 362 и 189 л.

24. Души людей умерлыхъ, соч. I. Галятовскаго, въ 4-ку, 5 и 56 л.

1688

25. Дары духа святаго, соч. Даніила и Якова Ивановичовъ-Перекрестововъ, въ листъ, 16 л.

1689

26. Руно орошенное, чудеса Богор. Ильинскія, опис. св. Дим. Ростовскимъ, въ 4-ку, 3 и 91 л.

1691

27. Молитвословъ, трехакаѳистный, изд. тщаніемъ игум. Лавр. Крщоновича, въ 12 долю, 91 л.

28. Руно орошенное, въ 4-ку, 4 и 102 л.

1692

29. Молитвословъ, въ 12 долю, 6, 514 и 12 л.

1695

30. Молитвословъ, въ 16 долю.

1696

31. Руно орошенное, въ 4-ку, 10 и 110 л.

1697

32. Служебникъ, въ 8-ку, 2, 137 и 35 л.

33. Треакаѳистный молитвословъ, въ 8-ку, 14 и 104 л. и 4 изображенія.

34. Руно орошенное, въ 4-ку, 11 и 107 л.

1700

35. Апологія, соч. Димитрія митрополита Ростовскаго, въ 4-ку, 20 л.

Указываемъ на нѣкоторыя книги, неимѣющія или мѣста и года выхода, или одного только года, или мѣста:

БЕЗЪ МѢСТА И ГОДА.

1. Діалогъ, албо розмова о православной и правдивой вѣрѣ, безъ означ. мѣста и года изд. въ 4-ку.

2. Соборъ во градѣ Вилни бывшій, 4°, 24 стр. Обыкновенно приписываютъ Львову и 1614 году. См. выше стр. 151, 163—170.

3. Псалтырь, вѣроятно, Виленская, крупной красивой печати, съ красными точками, въ 4-ку. Около 1600. Въ Москвѣ, у Ундольскаго.

4. Цвѣтникъ, напеч. съ Почаевскаго изд. 1794 г. безъ означ. мѣста и года, въ 4-ку, 92 л.

5. Молитвословъ, безъ выхода, Кіевское изданіе въ царствованіе Импер. Елизаветы, въ 16-ю д., 587 л.

6. Сказаніе о церкви Печерской, безъ загл. л. въ 4-ку, 38 л., на картинкахъ 1655 г.

7. Стихословіе, безъ выхода., Кіевской печати, въ 8-ку, 24 л.

БЕЗЪ ГОДА ИЛИ БЕЗЪ МѢСТА.

Около 1580

1. Евангеліе на Слав. и Малороссійск. языкахъ, въ два столбца; напеч. въ тип. В. Тяпинскаго, безъ означенія мѣста и времени печатанія, но, вѣроятно ок. 1580 г., со ссылками на поляхъ на Евангеліе Московское, недавно друкованное, въ л. 63 (?) л.

1627

2. Часовникъ, на 192 л. въ 12 долю. Мѣсто изд. не означено; но шрифтъ Кіевскій Спир. Соболя, одинаковый съ Тріодью и Акаѳистникомъ. Сахаровъ (230) считаетъ это изданіе Виленскимъ.

1629

3. Антидотъ, соч. Андр. Мужиловскаго.

1779

4. Поученіе о обрядахъ христіанскихъ; напеч. (гдѣ не показано, — по Сопикову, въ Кіевѣ), въ 4-ку, 1 и 60 л.

1794

5. Грамота окружная Виктора архіеп. Минскаго къ своей паствѣ, на листѣ.

1795

6. Грамота (окружная) Аѳанасія, еписк. Могилевскаго и Полотскаго, на листѣ.

Въ заключеніе, для полноты, укажемъ еще на Кишиневъ, лежащій съ Западной половинѣ Россіи. Изъ его церковнославянской книгопечатни вышло въ нынѣшнемъ столѣтіи три изданія.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О ПАМЯТНИКАХЪ ПРАВОСЛАВНОЙ СТАРИНЫ И НАРОДНОСТИ

ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ,

ПОДЛЕЖАЩИХЪ ИЗДАНІЮ.

Заботы нашего Августѣйшаго Монарха о возобновленіи и поддержаніи историческихъ памятниковъ православія и Русской народности въ Западной Россіи, помимо полумилліонныхъ ежегодныхъ [1]) смѣтъ, увѣнчались, согласно съ Высочайшею волею, изданіемъ „Вѣроисповѣднаго Атласа“ и „Памятниковъ“, служащихъ давно-желанною, для Русскаго общества и науки, иллюстраціею къ этимъ Монаршимъ заботамъ. Изданіе „Памятниковъ“, закрѣпляющее, путемъ нагляднымъ, въ Русскомъ общественномъ сознаніи наши историческія православныя святыни въ Западной Россіи, доставляетъ немаловажный матеріалъ для изслѣдованій и открытій въ этой области. Нѣкоторыя соображенія объ этомъ мы представили въ предисловіи; нѣсколько выше, въ „Перечнѣ старопечатныхъ книгъ“ мы показали, какой громадный матеріалъ и неисчерпаемый источникъ для продолженія изданія представляетъ одна только Западно-Русская старопечать. Что же касается памятниковъ монументальныхъ, т. е. возобновленныхъ и возобновляемыхъ православныхъ храмовъ (съ ихъ, во многихъ случаяхъ, историческою церковною утварью), храмовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою вѣковую исторію, то пришлось бы представить огромный, длинный перечень въ 10,000 нумеровъ [2]). Но мы ограничимся нѣсколькими болѣе или менѣе убѣдительными доводами. Во первыхъ, остановимъ вниманіе нашихъ читателей на знаменитой Коложской церкви, на мѣстѣ ко-

[1]) Такъ, на 1875 годъ для постройки, возобновленія и перестройки православныхъ церквей въ Западномъ Краѣ ассигнованы слѣдующія суммы:

На губерніи Сѣверо-Западнаго Края:

Виленскую	66,641	руб.
Ковенскую	5,069	—
Гродненскую	26,629	—
Витебскую	110,882	—
Минскую.	31,989	—
Могилевскую	35,776	—

На губерніи Юго-Западнаго края:

Кіевскую.	117,312	руб.
Подольскую.	81,490	—
Волынскую	153,852	—

[2]) Изъ цифръ, почерпнутыхъ «Кіевляниномъ» (за 1872 годъ) изъ оффиціальныхъ источниковъ, *относительно сельскихъ церквей въ Юго-Западномъ Краѣ*, оказывается, что количество послѣднихъ простирается въ трехъ губерніяхъ до 4,340,—суммы, составляемой изъ 3,670 приходскихъ церквей и 670 безприходныхъ. Распредѣляя валовое число первыхъ по отношенію къ населенію трехъ губерній, принявъ послѣднее приблизительно въ 4,380,000 душъ обоего пола, получаемъ цифру прихожанъ въ среднемъ приходѣ. Цифра эта для всего края равняется 1,193, а на губерніи приходится въ слѣдующихъ размѣрахъ: въ Кіевской—1,383 души въ ср. приходѣ, въ Подольской — 1,148,2, и въ Волынской—1,051,2. Изъ 3,670 приходскихъ церквей, 1,629 находятся въ такомъ состояніи, что не требуютъ ни построекъ, ни починокъ; изъ остальныхъ же — 1,054 требуютъ капитальнаго исправленія, а 309 — ремонта; что же касается постройки совершенно новыхъ церквей, то администрація полагаетъ, что число должно простираться до 678.

торой устроена и 27 іюля 1872 года освящена великолѣпная часовня.

Въ верстѣ отъ Гродны существовала древняя церковь, называемая „Коложанскою“, издавна обращавшая на себя благочестивое вниманіе православнаго населенія. Церковь эта съ бывшимъ при ней монастыремъ во имя св. Бориса и Глѣба — древнѣйшій памятникъ православія въ здѣшнемъ краѣ. Она основана въ сороковыхъ годахъ XII столѣтія внуками Владиміра Мономаха, князьями Городненскими Борисомъ и Глѣбомъ. Названіе церкви „Коложею“ получило начало въ 1406 году, по слѣдующему поводу. Когда Витольдъ, князь Литовскій, напалъ на Псковское предмѣстье Коложу и, захвативъ въ плѣнъ одиннадцать тысячъ человѣкъ, привелъ ихъ въ Гродну и поселилъ около Борисоглѣбскаго монастыря, то плѣнники, въ воспоминаніе о своемъ родномъ городѣ, назвали мѣстность ихъ поселенія „Коложею“. Коложанская церковь съ монастыремъ стояла на правомъ, высокомъ берегу Нѣмана и рѣчки Городничанки. Она имѣла видъ продолговатаго четыреугольника. Кругомъ ея, съ наружной стороны, внизу стѣнъ, вдѣланы были большіе камни различнаго вида и цвѣта, а выше, по всѣмъ стѣнамъ, выложены были кресты изъ желтыхъ и зеленыхъ изразцовъ. На одномъ изъ камней въ стѣнѣ видна надгробная надпись, весьма искусно высѣченная славянскими буквами. Песчаная гора, на которой церковь построена, съ давнихъ временъ начала осыпаться, такъ-что уже въ 1783 году зданію церкви грозила опасность, и были приняты мѣры къ поддержанію его. Кромѣ сего, церковь и монастырь много пострадали отъ бывшихъ войнъ. Такъ, по словамъ лѣтописей, во время войны царя Іоанна III съ Литвою, Москвитяне сбили почти третью часть церкви и, засыпавъ ее, сдѣлали на ней батарею и стрѣляли по старому замку, находившемуся на другой сторонѣ рѣчки Городничанки. И теперь еще видно, что верхняя часть стѣнъ совершенно иной постройки и изъ иного кирпича, такъ какъ въ старыхъ стѣнахъ всей церкви есть пустоты, въ которыя вдѣланы глиняные кувшины для лучшаго, какъ полагаютъ, отраженія звука; въ новой же, верхней части стѣнъ, ничего этого нѣтъ. Во время нашествія на Гродну войскъ Карла XII, потолокъ церкви, каменный со сводами, былъ окончательно разрушенъ и впродолженіе нѣкотораго времени богослуженіе въ ней не совершалось. Затѣмъ, въ этотъ монастырь были переведены монахи св. Василія, учреждена архимандрія и церковь была капитально исправлена. Послѣ этого богослуженіе въ ней продолжалось до 1845 года, когда, отъ сильнаго напора необыкновенно возвысившейся воды въ Нѣманѣ, край горы со стороны церкви значительно обрушился, въ стѣнахъ образовались трещины и, въ виду грозящей зданію опасности, богослуженіе вновь было прекращено и совершалось во временной церкви, устроенной въ монастырѣ. Съ тѣхъ поръ Нѣманъ, постоянно срывая правый берегъ, подмылъ южную стѣну церкви, и, весною 1853 года, часть ея рушилась. Въ 1854 году церковь Борисоглѣбскаго монастыря переведена была въ упраздненныя въ Гроднѣ заштатный монастырь монахинь бернардинокъ, и, въ октябрѣ того же года, вновь устроенная церковь освящена была во имя св. Бориса и Глѣба. Древній же храмъ на Коложѣ остался разрушеннымъ и въ такомъ видѣ находился до послѣдняго времени. Для сохраненія памятника, имѣющаго столь важное значеніе въ исторіи православной церкви въ Сѣверо-Западномъ краѣ, предположено было возстановить Коложанскую церковь въ первоначальномъ ея видѣ. Но этотъ проектъ, послѣ спеціальнаго изслѣдованія мѣстности, признанъ былъ невыполнимымъ, такъ какъ нѣтъ никакой возможности укрѣпить песчаный грунтъ горы, постоянно подмываемый сильнымъ напоромъ быстраго теченія Нѣмана. Поэтому, вмѣсто возстановленія полнаго храма, положено было устроить въ развалинахъ древней святыни часовню, съ помѣщеніемъ въ ней образа святыхъ, памяти которыхъ была посвящена первоначальная церковь. Для устройства часовни оказалось возможнымъ воспользоваться оставшимися стѣнами и сводами алтаря, сохранивъ такимъ образомъ ту часть, которую наиболѣе желательно было оставить неприкосновенною, какъ наглядное доказательство древности сей святыни. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ большинствѣ подобныхъ ему, готовность нѣкоторыхъ извѣстныхъ ревнителей дала средства на устройство часовни, и по подпискѣ, открытой въ Гроднѣ, а также по-

*

жертвованіями фрейлинъ Ея Императорскаго Величества С. и В. Ланскихъ, сенатора В. Н. Карамзина и потомственнаго почетнаго гражданина Е. С. Егорова, собрано было 1,995 рублей, которые и употреблены на постройку часовни и пріобрѣтеніе утвари для нея. Вновь сооруженная Коложанская часовня стоитъ, согласно съ проэктомъ, на мѣстѣ бывшаго алтаря церкви и представляетъ нѣсколько удлиненное полукружіе, замкнутое съ внѣшней стороны церкви, а съ внутренней отдѣленное стѣною, поставленною въ аркѣ, гдѣ прежде находился иконостасъ. Стѣна эта или перегородка, сдѣланная въ Русскомъ стилѣ XVI вѣка, составляетъ главный фасадъ часовни, выходящій внутрь церкви, и состоитъ изъ массивнаго полупортика надъ входною дверью и четырехъ полуколоннъ, поставленныхъ на антаблементѣ портика и поддерживающихъ три полуциркульныя арки, коронующія фасадъ. Въ промежуткахъ между колоннами находятся три продолговатыхъ окна съ фигурными переплетами, въ которыя вставлены цвѣтныя стёкла, пропускающія въ часовню мягкій полусвѣтъ. Надъ аркою фасада выведенъ высокій фронтонъ, и въ тимпанѣ его помѣщенъ круглый образъ благословляющаго Спасителя, а самый фронтонъ увѣнчанъ вызолоченнымъ крестомъ. Внутри часовни, неприкосновенно сохранившей всѣ формы бывшаго алтаря церкви, на такъ-называемомъ горнемъ мѣстѣ изъ мраморныхъ плитъ, помѣщенъ кіотъ изъ дубоваго дерева, въ натуральномъ его видѣ, съ позолотою лишь рѣзьбы, окружающей иконы св. Бориса и Глѣба, во имя которыхъ освящена часовня [3]).

Во-вторыхъ, укажемъ на Слонимскія церкви, которыхъ, по историческимъ документамъ, считается *шесть*, а преданіе насчитываетъ до *девяти*. И теперь еще встрѣчаются старожилы, указывающіе на мѣста всѣхъ девяти Слонимскихъ церквей [4]).

Далѣе слѣдуютъ церкви въ Диснѣ [5]); но особенно любопытно извѣстіе, относящееся къ 1866 году [6]), о Мирской и Чересской церквахъ въ Дисненскомъ уѣздѣ. Корреспонденту посчастливилось встрѣтить 80-лѣтняго старичка крестьянина-собственника — православнаго, Василія Рачицкаго, изъ деревни Игнатики, который, вспоминая разсказы своего отца о существованіи здѣсь православія, а съ онымъ и церкви, объяснилъ, что таковая находилась по ту сторону озера, и когда была уничтожаема, то снятые съ нея два колокола предназначены были на костелъ, но одинъ утонулъ въ озерѣ во время перевозки, а другой пошелъ въ дѣло. Послѣ этого разсказа корреспондентъ отправился на колокольню, выстроенную, какъ свидѣтельствуетъ надпись, въ 1828-мъ году. Посреди трехъ колоколовъ виситъ одинъ небольшой, но и не малый, весь почернѣвшій отъ времени, съ слѣдующими славянскими надписями: *на верху колокола вокругъ*: «духа твоего свіатого не отыми от нас помолимтисіа челокѣколюбче аллилуіа»; *сбоку колокола*: «року АХМД мчіа ноіабріа В дніа, тот звон ест наданы от мене себестіана мирского суди земского брацлавского до черкви пресвіатои троичи въ маетности моеи намиріах стоіачои с костелом римским не вунии будуои».

Или возьмемъ, напримѣръ, церкви Пинскія [7]). Одна изъ нихъ, Лещанская, находящаяся въ предмѣстьи, весьма ветхая и древняя. Говорятъ, она была построена при внукахъ равноапостольнаго князя Владиміра. Преданіе о ней въ народѣ сохранилось такое: что будто два Кіевскихъ монаха при-

[3]) «Виленскій Вѣстникъ», 1866, № 9; 1872, № 179. Припомнимъ, что въ октябрѣ 1872 года освящена православная церковь въ Ченстоховѣ, въ которомъ православіе имѣетъ свою вѣковую исторію, равно какъ и въ Хомской Руси. При этомъ приходитъ на память древній Яблочненскій монастырь, пребывшій въ православіи въ теченіи вѣковъ. Равнымъ образомъ, въ изданіе не вошли монастыри Литовской епархіи (Пожайскій, Сурдекскій, Березвецкій, Борунскій, Супрасльскій, Жировицкій, Тороканскій, два Гродненскихъ), не говоря уже о монастыряхъ губерній: Минской («Виленскій Вѣстникъ» 1870 года, № 12), Витебской, Могилевской и всего Юго-Западнаго Края.

[4]) О Слонимскихъ церквахъ см. въ «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (1871, №№ 8 и 9) весьма любопытную статью о. Климента Смольскаго, снабженную цѣлыми Русскими документами XVI и XVII вѣка.

[5]) «Виленскій Вѣстникъ» 1870 года, №№ 12 и 14, статья «Изъ событій минувшаго времени».

[6]) «Виленскій Вѣстникъ» 1866 года, № 123.

[7]) Историческія свѣдѣнія о Пинскихъ церквахъ см. въ трудѣ архимандрита Николая, а также въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» 1870 года, №№ 15 и 16.

плыли по Днѣпру и Припети въ рѣку Пину. Выйдя на берегъ, рѣшились въ Пинскѣ основать киновію; но, затрудняясь, какое дать названіе этой киновіи, они порѣшили ловить рыбу въ Пинѣ, и какая изъ рыбъ первая попадется, тàкъ и назвать киновію. Попался лещъ, и киновію назвали Лещанскою. На этомъ мѣстѣ былъ когда-то православный монастырь, но уничтоженъ католиками, и самая церковь ими была отдана Евреямъ въ аренду. Постройка церкви—древняя, а въ самомъ храмѣ еще и до сихъ поръ остались слѣды уніатства. Въ стѣнѣ предъ алтаремъ поставлена деревянная фигура Спасителя во весь ростъ въ разноцвѣтной одеждѣ. Во время служенія, предъ ней горятъ свѣчи и лампада, но, по окончаніи обѣдни, задергивается одна завѣса, потомъ другая и, наконецъ, третья, на которой изображенъ масляными красками Спаситель. На правой сторонѣ церкви поставленъ образъ Спасителя и Его учениковъ. Пересчитывая лица, изображенныя на этомъ образѣ, корреспондентъ нашелъ тринадцать лицъ апостоловъ и четырнадцатое лицо Спасителя. Не вѣря самому себѣ, корреспондентъ началъ читать подписи, сдѣланныя надъ головами апостоловъ, и въ числѣ послѣднихъ оказался тринадцатый апостолъ съ мудренымъ названіемъ — кажется, Барофій; а между тѣмъ корреспонденту сказали, что этотъ образъ будто бы выписанъ изъ Москвы [8]).

Но, помимо церквей и монастырей [9]), есть много другихъ монументальныхъ памятниковъ, настоятельно требующихъ обнародованія, т. е. снимковъ съ нихъ и описаній. Изъ области этого рода возьмемъ, для примѣра, одну народную легенду, разсказываемую въ Виленской губерніи [10]). Въ Трокскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Верхней, стоитъ село Высокій Дворъ, съ Русскою церковью, при которой живетъ 600 душъ прихожанъ, издревле-православныхъ. Противъ Высокаго Двора, на самомъ берегу рѣки Верхней, возвышается, отъ уровня воды около 20-ти отвѣсныхъ саженъ, насыпной курганъ, въ видѣ усѣченнаго конуса, верхняя площадь котораго составляетъ около 250 кв. саженъ. На площадь эту ведетъ отъ рѣки винтообразная дорога, по которой можетъ свободно проѣхать телѣга; на ней видны ямы, какъ бы подвальныя, изъ которыхъ окрестные жители добываютъ прочный и крупный кирпичъ. По другую сторону кургана находится небольшое глубокое озеро. По сказанію мѣстнаго населенія, на этомъ курганѣ жила какая-то панья Лядская, женщина злобная, владѣвшая огромными богатствами. Однажды собрала она всѣ свои сокровища, сѣла въ колесницу и поѣхала подъ гору; лошади понесли ее, земля разступилась и поглотила панью. На мѣстѣ этого происшествія, закончиваютъ народные разсказчики, выступило озеро.

Итакъ, вотъ что настоятельно предстоитъ издать и обнародовать. Обративъ на это вниманіе, мы исполнили нашъ долгъ.

[8]) «Виленскій Вѣстникъ» 1866 года, № 121.

[9]) Всей громадной массы источниковъ мы не будемъ пока приводить, а представимъ изъ нашего собранія нѣсколько выдержекъ. «Виленскій Вѣстникъ» *1866* года: № 108 (о фотографическихъ снимкахъ съ Могилевскаго каѳедральнаго собора), № 126 (о Смиловичской церкви), № 180 (о церквахъ въ Суражѣ), № 166 (о Котчинской, близъ Деречина, церкви), № 141 (о Полотской церкви и сборѣ на нее пожертвованій П. Н. Батюшкова), № 184 (о древней иконѣ св. Николая въ Волковыйской церкви), № 196 (о Кревской церкви; прекрасный историко-этнографическій очеркъ мѣстечка Крева помѣщенъ въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» за 1871 годъ, №№ 115, 116 и 117), № 210 (о Логойской церкви). Статья И. А. Котовича (№ 222) «Поѣздка по-надъ Бугомъ» содержитъ въ себѣ массу свѣдѣній о церквахъ. Въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» *1870* года, помимо выше указаннаго, находимъ: №№ 33 и 36 (о приходскихъ церквахъ въ Мозырѣ), № 34 (о Княгининской церкви въ Вилейскомъ уѣздѣ). Многія изъ упоминающихся здѣсь церквей должны быть отнесены къ самой древней, сѣдой старинѣ. О Виленской Воскресенской церкви см. статью Я. Л. Зосимовича въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» 1867 года, № 71. Отдѣльною брошюрою, съ рисунками, вышло въ 1873 году описаніе Сурдекскаго монастыря, составленное свящ. Софр. Л. Зосимовичемъ.

[10]) «Виленскій Вѣстникъ», 1866 г., № 86. Тамъ же № 181) о Лепельскихъ древностяхъ, а о древностяхъ Витебскихъ вообще— см. многочисленные труды и изданія почтеннаго А. М. Курилы-Сементовскаго, а также и „Витебскія Губернскія Вѣдомости“ и изданія мѣстнаго статистическаго комитета. О памятникѣ полковнику Дѣеву см. въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ 1866 года, № 183.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ:

				Напечатано:	*Слѣдуетъ:*
Стран.	4	строк.	1 св.	Львова [16]) Давыдъ;	Львова [18]), Давыдъ
„	11	„	5 сн.	Kraszewsni,	Kraszewski,
„	37	„	11 сн.	Іерасулимскимъ	Іерусалимскимъ
„	46	„	20 св.	Хельхонскаго	Хельховскаго
„	48	„	11 сн.	Кущевича	Кунцевича
„	53	„	5 сн.	дя	да
„	68	„	7 сн.	ксендъ	ксендзъ
„	75	„	12 сн.	Жеронскимъ	Жеромскимъ
„	78	„	2 св.	1604	1664
„	122	„	3 св.	Грязновъ.	Трутневъ.
„	144	„	14 сн.	яо	во
„	171	„	6 сн.	Швайнольта	Швайпольта

УКАЗАТЕЛЬ

къ

ШЕСТОМУ ВЫПУСКУ

„ПАМЯТНИКОВЪ РУССКОЙ СТАРИНЫ ВЪ ЗАПАДНЫХЪ ГУБЕРНІЯХЪ ИМПЕРІИ".

Абрамовичъ, Смоленскій воевода, 8.
Автографы Воловича, Масальской, Полубенской и Льва Сопѣги, 139.
Адлерштеекъ, Іоганъ, генералъ-кригсъ-коммиссаръ Шведскихъ войскъ, 95—96.
Александръ I, Императоръ, обратившій вниманіе на убогій видъ Маломожейковской церкви и лично ее посѣтившій, 129.
Алексій, игуменъ Полотскаго Петровскаго монастыря, 164.
Алексѣй Михайловичъ, царь Московскій, 48—77.
Алмазъ Ивановъ, думный дьякъ, 65.
Англеръ, Юрій, Русскій полковникъ, 66.
Андрей Лавреновичъ, Виленскій мѣщанинъ, 4.
Андрей Станиславовичъ, Виленскій мѣщанинъ, 4.
„Antelenchus", полемическое сочиненіе, 31.
Антипа, Городенскій протопопъ, 164.
Антоній, епископъ Перемышльскій, 164.
Антоній, архимандритъ Полотскаго Михайловскаго монастыря, 164.
Арсеній, епископъ Туровскій и Пинскій, 164.
Арсеній, архимандритъ Лаврашевскій, 164.
Арсеньевъ, генералъ, начальникъ Русскаго гарнизона въ Вильнѣ, 108—110.
Артемъ Нестеровичъ, Виленскій мѣщанинъ, 4.
„Археографическій Сборникъ", предпринятый И. П. Корниловымъ и продолженный П. Н. Батюшковымъ, девять томовъ, passim.
Архивъ Троицкаго монастыря въ Вильнѣ, 53, 80.
Аѳанасевичъ, Андрей, экономъ Костровицкаго, 128.
Аѳанасевичъ, Іоаннъ, настоятель Голдовской церкви, 129.
Аѳанасевичъ, Петръ, настоятель Маломожейковской церкви, катастрофа съ нимъ и кончина его, 128.
Аѳанасій, игуменъ Смоленскаго Свято-Духовскаго монастыря, 164.

Бабичъ, Якубъ, „наистаршій" бурмистръ Вильны, 144.
Бандини, кардиналъ, 38.
Барятинскій, князь, отказъ его помочь Долгорукому противъ Поляковъ, 68.
Батюшковъ, Помпей Николаевичъ, его письмо къ князю Бисмарку съ препровожденіемъ V-го выпуска „Памятниковъ", IV—V. Рескриптъ на его имя отъ Его Величества Императора Германскаго и письмо къ нему же отъ князя Бисмарка, IV. 136, 138, 143, 197.
Беневентано, Маркъ, картографъ, 118.
Бенигсенъ, Русскій генералъ-маіоръ, 112.
„Берестейская мытная книга" 1583 года, напечатанная съ III и IV т. т. „Археографическаго Сборника", 4—5.
Библіи—книги. Такихъ книгъ, въ количествѣ 38-ми, привезъ Иванъ Мамоничъ изъ Люблина въ Вильну въ 1583 году, 4.
Бисмаркъ, князь, Германскій имперскій канцлеръ, его письмо къ П. Н. Батюшкову, IV.
Бобриковичъ, Іосифъ, „старшій" и ректоръ Св.-Духовскаго монастыря, 39.
Бобровскій, Павелъ Осиповичъ, 135, 136.
Боговитинова, Софья, урожденная княжна Чарторійская, Западно-Русская писательница и издательница въ XVI вѣкѣ, 182.
Богушъ, Кипріанъ, Виленскій іезуитскій капелланъ, 54.
Болобанъ, Гедеонъ, епископъ, 180.
Болобанъ, Ѳедоръ Юрьевичъ, 180.
Бонча-Синицкій, слуга Радивиловъ, 87.
Борецкій, Іовъ, Кіевскій митрополитъ, 21, 26, 28, 30, 31.
Борисовъ, городъ, 57, 61.
Бородавка, Запорожскій гетманъ, 30.

Брага, Аѳанасій Ѳеодоровичъ, Виленскій бурмистръ, 140.
Брага, Антоній Аѳанасьевичъ, 140.
Браунъ, Георгій, картографъ, 3, 115.
Брахфельтъ, Нѣмецъ, наслѣдственный арендаторъ пороховаго завода на Зарѣчьи, 50.
Брестъ-Литовскій, 4.
Бржостовскій, Константинъ, Виленскій бискупъ, 91—95.
Брукъ фанъ-Дипенъ, Бернатъ, Виленскій мѣщанинъ, 1.
Будный, Симонъ, издатель Несвижскаго Катихизиса, 152.
Бурбишки, 61.
Буховецкая, Регина, по мужу Швейковская, 88.
Бычковъ, Аѳанасій Ѳеодоровичъ, VI, 171.
Бѣлица, мѣстность, 87.
Бѣляевъ, Илья Васильевичъ, 171.
Бѣлозоръ, Юрій, ксендзъ-кустосъ, 53.
Бѣлозоръ, Виленскій ксендзъ, 95.
Бѣль, Томасъ, Русскій полковникъ, 58.
Бѣльскій, Мартынъ, Польскій хронистъ, отзывъ его о Славянскомъ языкѣ въ католическомъ богослуженіи, V—VI.
Бѣнецкій, базиліанинъ, 105.

Ваповскій, Бернардъ, хронистъ и картографъ, 118.
Варлаамъ, Виленскій православный священникъ, 39.
Варсоноѳей, епископъ Смоленскій, 164.
Василій Андреевичъ, мѣщанинъ Виленскій, 4.
Василій Ивановичъ, Виленскій мѣщанинъ, 4.
Васильевскій, Польскій помѣщикъ, захватившій у Трокскаго монастыря участки спорной земли, 122.
Васильевскій, Василій Григорьевичъ, VI, 115, 121.
Васильевъ, Василій Васильевичъ, академикъ, писавшій иконы для возобновленной Маломожейковской церкви, 131. Во время послѣдняго Польскаго мятежа имъ была заведена въ Вильнѣ иконописная мастерская, переданная потомъ академику Трутневу.
Вассіанъ, епископъ Володимерскій и Берестейскій, 164.
Вендландъ, Іоахимъ, евангелическій пасторъ въ Вильнѣ, 11.
„Werificatia niewinności“, полемическое сочиненіе, 25, 27, 31, 32.
Верки, мѣстечко подъ Вильною, 17.
Вершупская пуща, 64.
Виленскіе мѣщане, ихъ Русскія прозвища и занятія, 4.
Вильгельмъ, Германскій Императоръ, рескриптъ его на имя П. Н. Батюшкова, IV.
Вильна, passim.
вильневецъ — мѣщанинъ Виленскій, житель Вильны, 4.
Винкельманъ, Берлинскій хромолитографъ, III, 119, 121, 133.
Висконти, нунцій, 34, 42.
Витебскъ, 26, 35, 38.
Вишневецкіе, князья, 95—96.
Войдатишки въ Виленскомъ воеводствѣ, 87.
Войдыло, его замокъ, 123—124.
Война, Авраамъ, Виленскій бискупъ, 45.
Война, Бенедиктъ, ксендзъ, кустошъ Виленскій, 5, 10.
Войнаровичъ, Виленскій канонйкъ, 85.
Воликъ, Илья, православный, сдѣлавшійся старшиною въ шевскомъ цехѣ, 89.
Волковичъ, Исаакъ, 29. См. V-й в. „Памятниковъ“.
Волконскій, князь Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, 65.
Воловичовна, Раина, по мужу Огинская, 152.
Воловичъ, Евстафій, люстраторъ, 118.
Воловичъ, Евстафій, Виленскій бискупъ, 33.
Володковичова, пани, вліявшая на Русскаго генерала Арсеньева, 108.
Волпа, мѣстечко близъ Дубна, по Гродненской дорогѣ, 76.
Волчинки, село въ Лидскомъ уѣздѣ. Участь, постигшая здѣшнюю православную церковь, 131—132.
Воротынскій, Ѳеодосій, Лидскій протопопъ, 127.
Вуки, мѣстность, 105.
выламываться—выходить, 7.
Выровскій нападаетъ на монастырское имѣніе, 88.
Высокій Дворъ, 61.
Вьельгорскій, Польскій неспособный генералъ, 111.

Гайдукъ, Омельянъ Романовичъ, Берестейскій мѣщанинъ, 4.
Ганибалъ, африканецъ, дѣдъ поэта Пушкина, преданіе о его крестинахъ въ Пятницкой церкви въ Вильнѣ, 96.
Гартлибъ, Нѣмецъ, ректоръ Виленской кальвинской школы, 44.
Гедройць, князь Антонъ, 108.
Герасимъ Матвѣичь, Виленскій мѣщанинъ, 4.
Гербуртъ, Добромильскій староста, 18.
Гердарло, Виленскій кальвинскій пасторъ, 46.
Германъ, Русскій генералъ-маіоръ, 111.
Геронтій, игуменъ Лоскаго Никольскаго монастыря, 164.
Гильтебрандтъ, Петръ Андреевичъ, VI, 4, 21, 117, 136.
Гильфердингъ, Александръ Ѳеодоровичъ, 140.
Глубокое, мѣстечко въ Виленскомъ воеводствѣ, 49.
Гогенбергій, Францискъ, картографъ, 115.
Гозѣвскій, Казиміръ, іезуитъ, 52.
Голицынъ, князь. Его смерть и отпѣваніе въ Вильнѣ; рѣчь, сказанная Леонтіемъ Карповичемъ, 21.
Гольшанская, княжна Софья Юрьевна, вышла замужъ за Александра Полубенскаго, 88.
Гонсѣвскій-Корвинъ, 56, 67, 68, 76, 77.
Господнѣчичъ, Маркъ-Антоній, бывшій католическій бискупъ города Сплѣта въ Далмаціи, издавшій въ 1617 году книгу, въ которой высказываетъ страстное желаніе о соединеніи церквей, 21.
Гохвартъ, Адамъ, Русскій полковникъ, 58.
Грабовскій, Павелъ, комендантъ Польскихъ войскъ въ Вильнѣ, 111.
Гржепскій, Станиславъ, авторъ древне-Польской геометріи, 118.
Грохольскій, Михаилъ Григорьевичъ, 134.
Грязновъ, художникъ, VI, 119, 127.
Гуревичъ, Петръ, обокравшій Св.-Духовскій монастырь, 97.

Гурскій, Томашъ, Виленскій каноникъ, 69.
Гурскій, комендантъ Польскихъ войскъ въ Вильнѣ, 111.

Дезо, Французъ, Виленскій купецъ, 44.
Демутъ, Мельхіоръ, Виленскій шляхтичъ, 75.
Демьяновичъ, Андрей Петровичъ, 139.
Денисовъ, Русскій генералъ, 107.
Дерналовичъ, Самойло, 69.
Дефръ, Юрій, Русскій подполковникъ, 67.
Дикеръ, Шведскій полковникъ, 96.
Димитрій Ростовской. Письмо его къ Грохольскому, 134.
Дитриховичъ, Игнатій, настоятель уніатскій Виленскаго Троицкаго монастыря, 39.
Діевъ, полковникъ, 111.
Догелъ, Матвѣй, Польскій археографъ, 100.
Долгорукій, князь Юрій, 66, 67, 68.
Долгорукій, князь, Русскій генералъ, 107.
Дороѳеевичъ, Даніилъ, Виленскій Св.-Духовскій намѣстникъ, 59; затѣмъ (послѣ Савича) настоятель, 79.
Дороѳеевичъ, Прокофій, Виленскій райца, 60,64, 79.
Древинскій, Лаврентій, знаменитый Волынскій шляхтичъ, дѣйствовавшій въ Вильнѣ, 22, 24, 27, 35, 40, 41, 42.
Дубинскій, Іона, монахъ Виленскаго Св.-Духовскаго монастыря, 86.
Дубинскій, Виленскій бурмистръ, извѣстный изданіемъ документовъ, относящихся къ исторіи Вильны, 103.
Дубна, мѣстечко по Гродненской дорогѣ, близъ Волпы, 76.
Дубовичъ, Михайло Кузьмичъ, Виленскій мѣщанинъ, 4.
Дубовичъ, Игнатій, Виленскій мѣщанинъ, одинъ изъ первыхъ богачей въ Вильнѣ, радца Виленскій, а впослѣдствіи архимандритъ Троицкаго монастыря, 14.
Дубовичъ, Алексѣй, Виленскій базиліанскій настоятель, 43.
Дудко, Гавріилъ, намѣстникъ Виленскаго Св.-Духовскаго монастыря, 39.

Евье, мѣстность, 17.
Евѳимій, епископъ Полотскій и Витебскій, 164.
Евѳимій, игуменъ Полотскаго Ивановскаго монастыря, 164.
„Examen Obrony“, полемическое уніатское сочиненіе, вышедшее изъ типографіи Мамонича, 17, 19, 21, 31.
Еленскій, Польскій генералъ, 112.
„Elenchus“, полемическое сочиненіе, 26, 28, 31.
Елеонскій, Ѳеодоръ Герасимовичъ, профессоръ Петербургской духовной академіи, 82, 84.
Ермашевичъ, Яковъ, уніатъ, „старшій“ въ цехѣ шевскомъ, 89, 60.

Жеромскій, Хвалибогъ, 51.
Жеромскій, 72, 75—77.
Жиды, угнетенія отъ нихъ, 84—85.
Жиловскій, Евстратій, православный Виленскій купецъ, 26.
Жиравскій, настоятель Троицкаго уніатскаго монастыря въ Вильнѣ, 106.

Заблудовъ, мѣстность, 87.
Забѣлинъ, Алексѣй Ивановичъ, 171.
Завилейскіе грунты, 61.
Завиша, Янъ, Виленскій бискупъ, 67.
Завиша, Петръ, 108.
Заленскій, Леонъ, митрополитъ, 88.
Заливскій, Криштофъ, мѣщанинъ Виленскій, 4.
Заливскій, Виленскій механикъ, устроившій въ Вильнѣ пушечный литейный заводъ, 111.
Заранекъ, 95.
Зенковичъ, Михаилъ, Виленскій бискупъ, 100.
Зибла, ученикъ Виленской іезуитской академіи, присужденный къ казни, 86.
Зизаній, Лаврентій, 16, 150.
Зизаній, Стефанъ, извѣстный дидаскалъ, 16.
Золотаренко, Запорожскій гетманъ, 23, 51.

Иванъ Ѳедоровъ, діаконъ, печатникъ, 142, 157.
Игнатій, низложенный Московскій патріархъ, скончавшійся въ Вильнѣ. Пропажа его тѣла, 53.
Изосима, архимандритъ Троицкій, 164.
Икона Остробрамской Богородицы, 53, 60.
Ильцевичъ, Левъ помѣщикъ Лидскаго уѣзда, принимавшій у себя въ домѣ Петра Великаго, 124—126.

Прим. Сличи разсказъ Ильцевича со статьею о пребываніи Петра Великаго въ Литвѣ („Виленскій Вѣстникъ“ 1872 года).

Исаакъ, архимандритъ Св.-Духовскаго монастыря въ Вильнѣ, 97.

Іона, архимандритъ Кіево-Печерской лавры, 164.
Іона, игуменъ Гольшанскаго Никольскаго монастыря, 164.
Іаковъ, Новгородскій протопопъ, 164.

Кавечинскій, Матвѣй, 152.
„Казанье на честный погребъ отца Леонтія Карповича, епископа Володимерского и Берестейского, архимандрита Виленского, чрезъ Мелетія Смотрицкого“ (Вильна. 1620), 22.
„Kazanie na pogrzebie kniazia W. W. Galicyna w cerkwi brackiey Wilenskiey S. Ducha 1619, które miał Leonty Karpowicz“, 21.
Каниковскій, Николай, Виленскій мѣщанинъ, 4.
Кантакузинъ, Ѳома, грекъ, 28.
Кашкинъ, Вилимъ, Русскій подполковникъ, 67.
Каштеля, Мартынъ, мѣщанинъ Виленскій, 4.
Карповичъ, Леонтій, архимандритъ, настоятель Св.-Духовскаго монастыря, 15, 16, 17, 21, 22, 26.
Кибургъ, его дневникъ, 121.
Кириллъ, Константинопольскій патріархъ, 28.
Кириллъ, епископъ Луцкій и Острожскій, 164.
Кисаревскій, 69.
Китъ, Юрій, Русскій полковникъ, 58.
Кнорингъ, Русскій генералъ, 111.
Ковна, 67.
Козма, Слонимскій протопопъ, 164.

Коленда, Гавріилъ, Полотскій епископъ. 59.
Колонтай, поручикъ Польскій, 109.
Конарскій, Станиславъ, его реформа въ Польскомъ воспитаніи и обученіи, 101.
Кондратовичъ, православный домовладѣлецъ въ Вильнѣ, 83.
Конетьерръ, генералъ, начальникъ Польскихъ войскъ, 72.
Константиновъ, Русскій прапорщикъ, 58.
Копецъ, Виленскій райца, 83.
Корабановскій нападаетъ на монастырское имѣніе, 88.
Корейлевичъ, Іосифъ Петровичъ, Виленскій войтъ и бурмистръ, 57, 60.
Корниловъ, Иванъ Петровичъ, 136.
Короваевъ, полковникъ, 111.
Королькевичъ, православный Виленскій мѣщанинъ, 12.
Корсакъ, Рафаилъ, Виленскій уніатскій архимандритъ и Галицкій епископъ-поминатъ, 39.
Коссаковскій, Виленскій бискупъ, 107, 108.
Коссаковскій, Симонъ, Польскій гетманъ, 107, 109, 110, 111.
Костомаровъ, Николай Ивановичъ, 104—112.
Костровицкій, Николай, Виленскій городской писарь, 60.
Костровицкій, Казиміръ, помѣщикъ-самодуръ, 128—130.
Костюшко, его возстаніе, 108.
Котовичъ, Виленскій кустосъ, союзникъ уніатовъ, 79.
Котовичъ, священникъ, Іоаннъ Антоновичъ, 126, 133.
Котовскій, 75.
Котлубай, Сильвестръ, уніатскій пресвитеръ, 43.
Котлубаи, базиліанинъ, 105.
Коцелъ, кастелянъ, 95; встрѣчаетъ Петра Великаго въ Вильнѣ, 96.
Кояловичъ, Альбертъ, профессоръ Виленской іезуитской академіи, 85.
Кояловичъ, Выюкъ, братъ Альберта, профессоръ Виленской іезуитской академіи, 85.
Кояловичъ, Михаилъ Осиповичъ, профессоръ Петербургской духовной академіи, 22—42, 104, 141.
Красовскій, православный Виленскій мѣщанинъ, 12.
Красовскій, Семенъ, 29. См. V-й в. „Памятниковъ“.
Крафертъ, Данило, Русскій полковникъ, 58.
Крафертъ, Гуго, Русскій капитанъ, 66.
Кревскія=Русскія (рукописи) 36.
Креуза, Левъ, Виленскій уніатскій архимандритъ, 29.
Кречетниковъ, Русскій генералъ, 107.
Кролевецъ=Кенигсбергъ, 53.
Кросневицкій, Балтазаръ, евангелическій пасторъ въ Вильнѣ, 11.
Крошты, мѣстность 105.
Крышковскій, Лаврентій, 152.
Кудровскій, іезуитъ, 76.
Кудрявцевъ, художникъ, VI, 133.
Кулинъ, Василій Петровичъ, его сборникъ, 115.
Кунингамъ, Василій, Русскій полковникъ, 66, 67.
Кунцевичъ, Іосафатъ, 13, 26, 35, 37, 38.
Купріанишки, мѣстность, 61.
„Курьеръ Виленскій“, Польская газета, 101.

Лаваришская пуща, 64.
Лагодный, Гавріилъ, Полотскій житель, 35.
Ланноа (-де), Жильбертъ, путешественникъ, 121.
Ланчелотти, нунцій, 33, 34.
Лапа, Станиславъ, 68.
Левенгауптъ, Шведскій генералъ, 96.
Левонишки, мѣстность, 61.
Левоновичъ, Іосифъ, ректоръ Виленской православной школы и проповѣдникъ, 39.
Ленкевичъ, Мозырскій писарь, встрѣчаетъ Петра Великаго въ Вильнѣ, 96.
„List do zakonnikow monastera cerkwie S. Ducha Wilenskiego“—сочиненіе уніатское, 31.
Лобановъ-Ростовскій, князь, 56.
Лойлотъ, Берлинскій хромолитографъ, III, 119, 127.
Лоскъ, мѣстность, 164.
Лукарисъ, Кириллъ, Константинопольскій патріархъ, 32.
Лукашевичъ, Иванъ Прокофьевичъ, 143.
Лукишки, предмѣстье около Вильны, 61, 69.
Лукіанъ, Марковскій протопопъ, 164.
Лыщинскій, Брестскій судья, сожженный въ Варшавѣ на кострѣ, 91.
Люблинъ. Отсюда въ 1583 году Иванъ Мамоничъ привезъ „книгъ быблей 38“, 4.
Людовизіо, кардиналъ, 24.
Ляховичи, мѣстность, 70.

Мамоничи, Кузьма и Лука, 142.
Мамоничъ, Иванъ, Виленскій мѣщанинъ, везетъ изъ Люблина въ 1583 году „книгъ быблей 38“, 4.
Малевичъ („Русинъ старый“), адвокатъ Виленскихъ кальвинистовъ, 45.
Мануцци, графъ, Опецкій староста, 108.
Масальскій, бискупъ, 108, 111.
Матѳей, Виленскій протопопъ, 164.
Мацковичъ, Шимко, 127. См. Шкленскій.
Мей, Польскій заговорщикъ, 109.
Мейенъ, комендантъ Польскихъ войскъ въ Вильнѣ, 111.
Мейербергъ, баронъ, извѣстный путешественникъ, 75—77.
Миллеръ, Русскій полковникъ, 111.
Минкевичъ, Іосифъ, монахъ Виленскаго Свято-Духовскаго монастыря, 86.
Миротворцевъ, Аѳанасій Львовичъ, 4, 21.
Мисаилъ, Западно-Русскій митрополитъ, 13.
Мицкевичъ, Андрей, преемникъ Петра Аѳанасевича по Маломожейковской церкви, 129.
Могилевъ, 22.
Монастыревъ, Илья Григорьевичъ, помощникъ кн. Шаховскаго по должности Виленскаго воеводы, царскій капитанъ и судья города Вильны, 64.
Монастыри въ Вильнѣ:
Троицкій, 13, 39, 76, 105.
Св.-Духовскій, 15, 17, 26, 29, 35, 39, 76, 83, 86, 87, 96, 97, 103, 112.
Морзелевскій, о. Францискъ, настоятель Николо-Перенесенской церкви въ Вильнѣ, 105.
Морозъ, Григорій, Виленскій купецъ, 64.
Морозъ, Виленскій войтъ, 97.
Московскій купеческій дворъ въ Вильнѣ, 4.

Мощи Виленскихъ Святыхъ Антонія, Іоанна и Евстафія зарыты въ монастырскомъ саду, 53.
Мстиславецъ, Петръ Тимоѳеевъ, печатникъ, 142.
Мстиславль, 26.
Мужиловскій, Андрей, Слуцкій протопопъ, 39.
Мышецкая, княгиня Анна Кирилловна, жена князя Данилы, 74.
Мышецкій, князь Данило Евѳимьевичъ, 50, 70, 71, 72.
Мышецкій, князь Иванъ Даниловичъ, 74.
мѣрникъ—землемѣръ, 118.
Мядель, мѣстечко въ Вилейскомъ уѣздѣ, 68.

Наборовскій, Виленскій домовладѣлецъ на Покровской улицѣ, 45.
Нарбутъ, членъ Гродненскаго сейма, 108.
Нарушевичъ, православный домовладѣлецъ въ Вильнѣ, 83.
Нарушевичъ, Адамъ, авторъ „Исторіи Польскаго народа“, 101.
Невяровскій, войсковой депутатъ, 76.
Незабитовскій, слуга Радивиловъ, 87.
Неселовскій, 108, 109, 110.
Никель, Давидъ, Виленскій мѣщанинъ, 4.
Никифоръ Михайловичъ, Виленскій мѣщанинъ, 4.
Никонъ, патріархъ, 54, 176.
Новошинскій, войсковый товарищъ, 76.
Нѣмецкій купеческій дворъ въ Вильнѣ, 4.
Obrona Weryfikatii“, полемическое сочиненіе 28.

Овсяные, Іосифъ и Екатерина, 132.
Огинская, княгиня Раина, урожденная Воловичовна, жена князя Богдана, 152.
Огинскій, князь Богданъ, 39, 152.
Огинскій, князь, ученикъ православной школы при Свято-Духовскомъ монастырѣ, 15.
Огинскій, князь Иванъ, староста Виленскаго Свято-Духовскаго братства, 22, 41.
Огинскій, Жмудскій староста, 95; встрѣчаетъ Петра Великаго въ Вильнѣ, 96.
Огинскій, Михаилъ, членъ Гродненскаго сейма, 111.
Одоевскій, князь Никита Ивановичъ, 56, 65, 67, 68.
Олельковна, Софья Юрьевна, княжна Слуцкая, 7.
Ольконики, битва подъ ними, 95.
Ольшевскій, Янъ, базиліанскій монахъ и прокураторъ Виленскаго Троицкаго монастыря, 88.
Опецкъ, мѣстность 108.
Орестъ, игуменъ, его записки, 22, 97.
Орша, 49.
Османъ, султанъ, 28.
Остафьевичъ, православный Виленскій мѣщанинъ, 12.
Острожскій, князь Константинъ Ивановичъ, 138.
Острожскій, князь Константинъ Константиновичъ, 5.

Павелъ Николаевичъ, Виленскій мѣщанинъ, 4.
Пацъ, Казиміръ, Виленскій подканоникъ, 68.
Пацъ, Іеронимъ, 68.
Пацъ, Криштофъ, Литовскій канцлеръ, 82.
Паѳнотій, архимандритъ, игуменъ патріаршей обители, 164.
Пекарскій, шляхтичъ, 45, 46.
Петкевичъ, адвокатъ Виленскихъ кальвинистовъ, 45.
Петръ Великій, посѣщеніе имъ Вильны въ 1705 году, 95; въ гостяхъ у Ильцевича, 124—126.
Пильховскій, Адамъ, люстраторъ, 118.
Піары, 100—102.
Погодинъ, Михаилъ Петровичъ, 171.
Полотскъ, 26.
Полубенская, Софья Юрьевна, урожденная Гольшанская, жена Александра, 88.
Полубенскій, Александръ, Новгородскій каштелянъ, 88.
Помарнацкій, задушившій жену священника Аѳанасевича, 128.
попелъ—поташъ, 5.
Поповъ, Андрей Николаевичъ, 141.
Потѣй, Ипатій, 12, 13. Умеръ въ 1613 году.
Почобутъ, Мартинъ, знаменитый астрономъ, 101.
Прешеръ, Русскій поручикъ, 58.
Прозоръ, 108.
Пршипковскій, Виленскій кальвинистъ, 46.
Пузина, Юрій, 16.
Пузина, князь, 40.
Путкамеръ, Польскій полковникъ, 97.

Радивилъ, Николай Сиротка, путешествовавшій во Святую Землю, издалъ, между прочимъ, планъ Трокскаго замка, 121.
Радивилъ, Николай Черный, люстраторъ, 118.
Радивилъ, Янушъ, сынъ Христофора, 7.
Радивилъ, Христофоръ, Виленскій воевода, 7.
Радивилъ, Христофоръ, глава протестантовъ, 41, 42.
Радивилъ, Янушъ, 87.
Радивилъ, Богуславъ, 87.
Радивилъ, Карлъ, Panie Kochanku, 104.
Раецкій, Гедеонъ, Минскій каштелянъ, 45.
Ракишки, въ Виленскомъ воеводствѣ, 88.
Раковскій, слуга шляхтича Пекарскаго, 45, 46.
Раставецкій, баронъ Эдуардъ, его сочиненіе о картографіи, 118, 136.
Рачинскій, Александръ Викторовичъ, 136, 138, 174
Ребокъ, комендантъ Русскій въ Вильнѣ, 110.
Роканцишская пуща, 64.
Рокитскій, Владиславъ, 68.
Россе, королевскій архитекторъ, 120.
Ростовскій, ксендзъ, авторъ исторіи Литовскихъ іезуитовъ, 101.
Руини, папскій нунцій, 18.
Рутскій-Велляминъ, Іосифъ, 12-43; пропажа его тѣла, 53.
Рыбинскій, Николай, уніатскій пресвитеръ, 43.
Рыбишки, мѣстность, 61.
Рыкачевскій, ученикъ Виленской іезуитской академіи, присужденный къ казни, 86.
Рымша, Андрей. Его „Хронологія“, 143.
рѣзъ—счотъ бумаги, въ родѣ стопы, 4.
Рѣпнинъ, князь Николай Васильевичъ, первый Литовскій генералъ-губернаторъ, 112.

Савваитовъ, Павелъ Ивановичъ, 133.
Савицкій, Левъ, священникъ. Его мнѣніе о будущемъ обезпеченіи Маломожейковской церкви, 131; любопытное свидѣтельство объ отношеніи сосѣднихъ католиковъ къ православнымъ обрядамъ, 131; разсказъ объ отысканіи древней

иконы, 131; о продажѣ зданія Волчинской церкви евреямъ на баню, 132.
Савичъ, Пахомій, игуменъ Евейскій, намѣстникъ Св.-Духовскаго монастыря, 79.
Савичъ, Іоаннъ, священникъ села С.нной, Минской губерніи, 128.
Сагайдачный, гетманъ, 28, 30, 31.
Сангушко, князь Андрей, 139.
Сапѣга, Казиміръ, 45.
Сапѣга, Казиміръ, 91—95, 111.
Сапѣга, Казиміръ-Несторъ, генералъ Польской артиллеріи, 107.
Сапѣга, Александръ, Литовскій канцлеръ, маршалъ конфедераціи, 107.
Сапѣга, Павелъ, 65.
Сапѣга, Павелъ, Трокскій кастелянъ, 105.
Сапѣга, А., Виленскій бискупъ, 82.
Сапѣга, Левъ, Литовскій канцлеръ, 28, 29, 38, 151.
Сасиновна, Евфимія, настоятельница базиліанскаго женскаго монастыря, 54.
Свираны, мѣстность, 105.
Селедчикъ, Юрій, Виленскій мѣщанинъ, 60.
Селистровская, панья, 68.
Селява, Антоній, уніатскій митрополитъ, 53.
Сенчило, Виленскій архимандритъ, 12.
Сенчиловна, Марина, по мужу Соколовская, 88.
де-Сенъ-Жанъ, французъ, управляетъ осадными работами подъ Вильною, 72.
Сергій, архимандритъ Минскаго Вознесенскаго монастыря, 164.
Сиверсъ, Русскій посолъ, 108.
Сидоровичъ, Василій, Виленскій купецъ, 64.
Сикстъ IV, папа, 36.
Сильвестръ, Виленскій православный монахъ, 35.
Симашко, Іосифъ, Литовскій митрополитъ. Его письмо къ гр. Тишкевичу, 149.
Симонетто, папскій нунцій въ Вильнѣ, 10.
Симоновичъ, Богданъ, 29. См. V-й в. „Памятниковъ“.
Симонъ, игуменъ Трокскаго Богородицкаго монастыря, 164.
Сингаевскій, Трокскій архимандритъ, 122.
Синодъ реформатскій въ Вильнѣ лѣтомъ 1654 года, 49.
„Синопсисъ“ или „Краткое списанье правъ, привилегій, свободъ и вольностей, данныхъ королями Польскими народу Русскому,“ 41.
Скабалановичъ, Николай Аѳанасьевичъ. Его сочиненіе объ Апокрисисѣ, 159.
Скорина, Францискъ, 141.
Скуминовичъ, Иванъ Мартыновичъ, Виленскій мѣщанинъ, 4.
Слизень, Степанъ, референдарій, привѣтствуетъ Петра Великаго въ Вильнѣ отъ имени Литовскаго трибунала, 96.
Смирновъ, Михаилъ Павловичъ, профессоръ Новороссійскаго университета, 120.
Смоленскъ, 4, 28, 49.
Смотрицкій, Мелетій, 12. Написалъ свой „Плачъ“, 16. Составилъ „Славянскую грамматику и Словарь“, занимался приготовленіемъ новаго перевода „Псалтири и Новаго Завѣта“, 17, 22, 26—40.
Снядецкій, Янъ, астрономъ, 202.
Собецкій, Польскій маіоръ, 109.
„Sowita Wina“, уніатское полемич. соч., 19 26—31.
Соколовская, Марина, урожденная Сенчиловна, жена Виленскаго купца, 88.
Соколовскій, Виленскій купецъ, 88.
Соколовскій, Яковъ, сынъ Виленскаго купца, 88.
Соколовъ, Николай Ивановичъ, 136, 137.
де-Сонсо, Бенедиктъ, ректоръ Виленской іезуитской академіи, 54.
Соловьевъ, Сергій Михайловичъ, 5—74.
Соломерецкій, князь Богданъ, 176.
Солтанъ, Іосифъ, митрополитъ Кіевскій, созвавшій въ 1509 году соборъ въ Вильнѣ, 163—170.
Спрогисъ, Иванъ Яковлевичъ, VI, 17, 43, 44, 81, 85—88.
Срезневскій, Измаилъ Ивановичъ, 136.
Ставровецкій, Кириллъ, Транквиліонъ, извѣстный Западно-Русскій богословъ, 182.
Старинные карты и атласы, 118—119, 121, 136.
Стеткевичъ, Богданъ, основатель Кутеинской типографіи, 176.
Судерки, фольваркъ въ Виленскомъ воеводствѣ, 87.
Сулистровскій, Польскій бригадиръ, 108.
Суша, Яковъ, Холмскій епископъ, 43, 59.

Терлецкій, Кириллъ, епископъ Луцкій и Острожскій издалъ въ 1584 году въ Острогѣ книжку Максима Грека „О крестномъ знаменіи“, 159.
Тертулліанъ, Мартинъ, евангелическій пасторъ въ Вильнѣ, 11.
Тизенгаузъ, заговорщикъ, 110.
Толоконскій, Пашкевичъ, Петръ, „старшій“ Виленскаго Св.-Духовскаго братства, администраторъ Бѣлорусской епархіи, 87.
Тормасовъ, генералъ-маіоръ, первый Виленскій губернаторъ, 112.
де-Торресъ, папскій нунцій, 18, 2?.
Траншель, Андрей Ивановичъ, Петербургскій хромолитографъ и типографъ. — Въ его типографіи отпечатанъ текстъ V-го и VI-го выпусковъ „Памятниковъ“ и девять рисунковъ для альбома VI-го выпуска, II, III, 115, 133, 135, 140.
Тризна, Климентъ, настоятель Виленскаго Св.-Духовскаго монастыря, 88.
Тризна, Марціанъ, коадъюторъ Виленсскаго бискупа, 34, 45.
Трулевичъ, Бенедиктъ, базиліанинъ, 134.
Трутневъ, Иванъ Петровичъ, академикъ, VI, 119, 121, 133.
Тукальскій, Іосафъ, игуменъ „греческаго“ монастыря Св. Духа въ Вильнѣ, 54; затѣмъ православный Кіевскій митрополитъ, 81.
Тучковъ, начальникъ артиллерійскаго парка, 109, 110, 111, 112.
Тышкевичъ-Скуминъ, Ѳедоръ, обращеніе его въ уніатство, 3.
Тышкевичъ, Остафей Васильевичъ, надгробная плита съ его могилы, 140.
Тышкевичъ, Рейнольдъ, Виленскій пріоръ, 68.

Улицы въ Вильнѣ:
Бискупья—теперь Дворцовая, 9.
Покровская, 10, 44.

Субочъ улица, 88.
Нѣмецкая, 44.
Унглеръ, Флоріанъ, Краковскій печатникъ, 118.
Урбанъ, **VIII**, папа, 33, 34, 42.
ушикованое — поставленное въ строй; отряженное, 151.

Фальчевскій, Петръ, люстраторъ, 118.
Фелдеръ, Ѳедоръ, Русскій полковникъ, 66.
Филаретъ, епископъ Холмскій, 164.
Филаретъ (Никитичъ) Московскій патріархъ, 17, 28.
Филиппъ, Виленскій возсоединенный іеродіаконъ, 30.
Франдзекенъ, Балцеръ, Виленскій мѣщанинъ, 4.
Франки, Лоренцо, 10—11.
Фѣоль, Швайпольтъ (Святополкъ) первый Славяно-Русскій печатникъ, 141.

Халецкій встрѣчаетъ Петра Великаго въ Вильнѣ, 96.
Харитоновичъ, Самуилъ, богатый Виленскій купецъ, 54.
Хацкевичъ, Виленскій обыватель, извѣстный шулеръ, 109.
Хельховскій, Виленскій кальвинскій пасторъ, 46.
Хлѣвинскій, войсковый товарищъ, 76.
Хлѣвинскій, Польскій бригадиръ, 109, 111.
Хованскій, князь Иванъ Андреевичъ, 68, 70.
Ходкевичъ, Григорій Александровичъ, 142.
Ходкевичъ, Іеронимъ, 7.
Ходкивичъ, Янъ-Карлъ, 8.
Ходыка, Иванъ, Полотскій житель, 35.
Хотинъ, битва подъ нимъ, 31.
Хржанстовскій, Андрей, пасторъ Виленскаго евангелическаго сбора, 10.

Цвикеръ, докторъ, напечатавшій въ Гданскѣ въ 1560 году карту Полѣсскихъ болотъ, 119.
Церкви въ Вильнѣ:
Никольская (деревянная) 12, 82, 83, 105.
Спасская, 12, 82, 103.
Покровская, 12, 82, 105.
Свято-Духовская, 13.
Ивановская, 42, 43, 82, 105.
Воскресенская, 42, 82, 105, 115.
Юрьевская на Росѣ, 42, 53, 105.
Пятницкая, 43, 82, 96, 97, 103, 105.
Пречистенская, 71, 83, 103.
Екатерининская, 82, 105.
Михайловская, 82, 105.
Ильинская, 82, 105.
Рождества Христова, 82, 105.
Николо-Перенесенская, 82, 103, 105.
Св. Козьмы и Даміана, 105.
Петропавловская, 105.

Чарнецкій, Стефанъ, гетманъ, разбилъ князя Хованскаго подъ Ляховичами, 70, 71, 72.
Чемодановъ, художникъ, VI, 133, 135.
Черкасскій, князь Яковъ Кудетеновичъ, 51.
Чилли написалъ сочиненіе, касающееся Польши и Западной Россіи, изданное въ 1627 году, 10.
Чудновъ. Подъ этимъ мѣстечкомъ потерпѣлъ погромъ бояринъ Шереметевъ, 70.

Шаула, Богданъ Мацковичъ, 127. См. Шкленскій.
Шаховской, князь Михайло Семеновичъ, Виленскій воевода, 57—60, 63, 64, 66.
Швейковская, Регина, урожденная Буховецкая 88.
Швейковскій, Игнатій, маршалъ Виленской провинціальной конфедераціи, 108.
Шелешпальскій, князь Степанъ, 74.
Шенявскій, Фелиціанъ, членъ Виленской іезуитской академіи, 86.
Шептицкій, Варлаамъ, игуменъ, 180.
Шереметевъ, бояринъ, 49.
Шереметевъ, Петръ Васильевичъ, 65.
Шитикъ Стефанъ, лавникъ Виленскій, 79.
Шитикъ-Залѣсскій, Самуилъ, „старшій" Виленскаго Св.-Духовскаго монастыря, 43, 79.
Шишка, Романъ, Полотскій скарбникъ, 87.
Шишка, членъ Гродненскаго сейма, 108.
Шишка, Даніилъ, основатель Виленскаго іезуитскаго конвикта, 101.
шкарадая— мерзкая, гнусная, 151.
Шкленскій, Шимко Мацковичъ, 127. См. Юндилъ, Мацковичъ.
Шостакъ, Свиридъ Семеновичъ, Виленскій мѣщанинъ, 4.
Шпицнагель, Нѣмецъ, піаръ, ботаникъ, 102.

Юдицкій, Михаилъ, Новогрудскій кастелянъ, 53.
Юдицкій, Николай, Мальтійскій рыцарь, 68.
Юндзилъ, піаръ, ботаникъ, 102.
Юндзилъ, Слонимскій помѣщикъ, 129.
Юндиловичъ, Шимко Мацко, 127. См. Шкленскій.

Языковъ, Русскій полковникъ, 110.
Якутовичъ, 108.
Яндеръ, Каспаръ, Русскій полковникъ, 58.
Янсонъ, Вильгельмъ, картографъ, 121.
Янушкевичъ, Ѳеодоръ, 105.
Ясинскій, полковникъ, Виленскій эмиссаръ Варшавскихъ заговорщиковъ, 106, 109, 110.
Яхимовичъ, Василій-Бонифацій, Виленскій стихотворецъ, описавшій пожары 1748 и 1749 годовъ, 103.

Ѳедотъ, монастырскій Св.-Духовскій слуга, 88.
Ѳеодоръ, Слуцкій протопопъ, 164.
Ѳеодоръ, Волковыйскій протопопъ, 164.
Ѳеофанъ, патріархъ, 24, 25, 36.

Bayerische Staatsbibliothek München

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТЕКСТА ШЕСТАГО ВЫПУСКА

„ПАМЯТНИКОВЪ РУССКОЙ СТАРИНЫ ВЪ ЗАПАДНЫХЪ ГУБЕРНІЯХЪ ИМПЕРІИ".

Стран.

Предисловіе . III—VI

Очеркъ исторіи города Вильны — В. Г. Васильевскаго.

Глава шестая. — Вильна отъ 1610 до 1655 года 1
Глава седьмая.— Вильна подъ Русскою властью (1655—1661) 48
Глава восьмая.— Исторія Вильны отъ 1664 до 1795 года 78

Объясненія къ рисункамъ, приложенія и указатель—П. А. Гильтебрандта.

Видъ (планъ) города Вильны до 1525 года . 115
Развалины дворца и замка великихъ князей Литовскихъ и Замковая Гора въ Вильнѣ . . . 119
Развалины Трокскаго замка . 121
Лидскій замокъ и Виленская церковь временъ Ольгерда 123
Маломожейковская церковь начала XV вѣка въ Лидскомъ уѣздѣ, Виленской губерн . . . 127
Рукописные памятники и надгробныя плиты . 135
Церковная утварь. 133
Матеріалы для Западно-Русской старопечати 140

Приложенія:

а) Виленскій Соборъ 1509 года. 163
б) Перечень Западно-Русской старопечати 171
в) Нѣсколько словъ—въ заключеніе. 194

Указатель. 199

Метранпажемъ былъ Д. Д. Плагуновъ. Набирали, кромѣ метранпажа: П. Н. Александровъ, Н. А. Богомоловъ, а Славянскій текстъ—Я. И. Семеновъ.

5 р.

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Batjuškov, Pompej N. / Vasil evskij, Vasilij G. / Batjuškov, Pompej N.,

Pamjatniki Russkoj stariny v Zapadnych gubernijach Izdavaemye P. N. Batjuš
kovym. [Denkmäler der alten russischen Zeit.]

Bd.: 6

S.-Peterburg 1874

4 Russ. 67 z-6
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11173491-6